

ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

На правах рукописи
УДК 81'373.7(043.3)

НИЧИПОРЧИК
Елена Владимировна

**ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПАРЕМИЯХ:
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ, СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Минск, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	7
ГЛАВА 1. ПАРЕМИИ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И КУЛЬТУРЕ ЭТНОСОВ.....	16
1.1 Результаты предшествующих паремиологических изысканий как основа формирования концепции и определения методов исследования.....	16
1.2 Континуумность паремиопространств в человеческой культуре.....	26
1.3 Системность паремиологических единиц.....	38
Выводы по первой главе.....	47
ГЛАВА 2. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СМЫСЛЫ ПАРЕМИЙ	50
2.1 Определение понятий «оценка», «ценность», «ценностные ориентации» в гуманитарных науках.....	50
2.2 Функциональная семантика провербиальных оценок в отношении к структуре ценностных ориентаций продуцентов и пользователей паремий	59
2.3 Инвентаризация ценностных ориентаций продуцентов паремий в словарях с тематическим принципом организации.....	68
Выводы по второй главе.....	91
ГЛАВА 3 ОТРАЖЕНИЕ НАПРАВЛЯЮЩЕЙ КОМПОНЕНТЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПАРЕМИЯХ.....	95
3.1 Лингвокультурные концепты как аттракторы смыслов в паремиопространствах и инструменты анализа направленностей человеческого интереса в когнитивном аспекте.....	95
3.2 Степень паремиологической концептуализации направленностей человеческого интереса как критерий доминантности ценностей в паремиологических картинах мира	113
3.3 Концептуализация доминантных ценностей в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира	127
Выводы по третьей главе.....	194
ГЛАВА 4 ОТРАЖЕНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ И РЕГУЛЯТИВНОЙ КОМПОНЕНТ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПАРЕМИЯХ	199
4.1 Континуумность сферы значения и механизмы смыслопорождения....	199
4.2 Паремии с некомпаративными терминами общей оценки.....	205
4.2.1 Паремии с термином общей положительной оценки.....	205
4.2.2 Паремии с термином общей отрицательной оценки.....	220
4.2.3 Паремии с терминами общей положительной и отрицательной оценки.	228
4.3 Паремии с компаративными терминами общей оценки.....	242
4.3.1 Паремии с восходящим общеоценочным термином.....	242

4.3.2 Паремии с нисходящим общеоценочным термином.....	251
4.4 Логика декодирования деонтического смысла паремиологических единиц.....	255
Выводы по четвертой главе.....	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	268
Основные научные результаты диссертации.....	268
Рекомендации по практическому использованию результатов.....	274
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	275
Список использованных источников.....	275
Список публикаций соискателя ученой степени.....	307
ПРИЛОЖЕНИЕ А Переводы итальянских и немецких паремий.....	315
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Программное обеспечение количественного анализа ...	359
ПРИЛОЖЕНИЕ В Объемы и ранги тематических объединений паремий в тематически организованных паремиологических словарях	372

ВВЕДЕНИЕ

Ценностные ориентации как регулятивные образования в сознании человека, основанные на относительно устойчивом и в то же время динамическом ранжировании ценностей, сегодня активно изучаются в социальной философии (О. Н. Терентьева [312], И. В. Федосова [322], Н. Е. Хабибова [331] и др.), социальной психологии (Н. А. Журавлева [106], Н. Л. Москвичева [228], Н. Б. Лисовская [188], М. С. Яницкий [352], В. А. Ядов [349] и др.), социологии и педагогике (М. Я. Курганская [172], З. З. Мамышева [203], Д. И. Юров [348] и др.). Причина повышенного научного интереса к ценностным ориентациям личностей, объединяемых по возрастному, гендерному, профессиональному, этническому и другим признакам, кроется в необходимости определения подлинных человеческих ценностей, ориентация на которые может быть положена в основу нахождения оптимальных способов предотвращения разного рода социальных конфликтов, гармонизации межличностных и межэтнических отношений.

Структура человеческого сознания специфическим образом отражается в языке, и язык выступает тем средством, которое делает возможным решение многих социальных проблем. Отражение ценностных ориентаций в языке ранее не было предметом специального лингвистического исследования, хотя для проведения такого рода изысканий уже создана необходимая теоретическая база в русле направлений когнитивной лингвистики, социопсихолингвистики, семиосоциопсихологии, когнитивной психологии, закрепляющих в своем развитии тенденцию к интеграции наук в изучении феноменов сознания человека.

Паремии – устойчивые выражения, объективирующие ценностное отношение к сущему с позиций обыденного сознания, – представляют благодатный материал для исследования отражения ценностных ориентаций в языке.

Предпосылочная и установочная часть исследования отражения ценностных ориентаций в паремиях обусловлена наличием следующей проблемы: выявление и описание тождественного и этнически маркированного в паремиологической концептуализации мира, составляющее суть современных сопоставительных паремиологических исследований, не дает ответа на вопрос, почему объективация когнитивных структур, в которых фиксируется опыт постижения мира носителями обыденного сознания, детерминирует определенные наборы смыслов. Обращение с целью объяснения содержательных и функциональных характеристик паремий к регулятивным феноменам сознания человека, которые по своему определению обуславливают и накопление социально релевантных знаний в коллективной памяти, и фиксацию этих знаний в фактах лингвокультуры, и объективацию этих знаний в речевой деятельности, создает теоретическую базу для формирования новой концепции в паремиологии. В соответствии с этой концепцией

объективация ментальных репрезентаций накопленной в памяти человека информации в семиотических феноменах, характеризующихся совмещенностью признаков языковых и речевых единиц, должна изучаться в связи с регулятивными образованиями в психике человека. Рефлексивная природа паремий при таком подходе трактуется как итог взаимодействия когнитивного, аффективного и поведенческого в структуре сознания человека.

Исследование паремиологических единиц на теоретической платформе, сформированной в результате «экспансии» в лингвистику положений социальной философии и социальной психологии, определяет то, что одним из центральных понятий в диссертационной работе является понятие «отражение». Отражение ценностных ориентаций в паремиях трактуется как проявление в семантике, синтактике и прагматике паремиологических единиц содержания и функций регулятивных феноменов сознания человека.

Постулируемые в предшествующих научных исследованиях положения о том, что структуры паремиофондов обуславливаются системой этнических ценностей [1, с. 5; 273, с. 17] и любые этнические паремиофонды характеризуются содержательными сходствами паремиологических единиц [248, с. 27], выступают основой для выдвижения гипотезы о совпадении наиболее важных для носителей обыденного сознания ценностей, лежащих в основе формирования паремиологических картин мира в разных лингвокультурах. Выражается также предположение, что универсальность проявления в рефлексиях на сущее убеждений человека и готовностей действовать обуславливает тождество форматов знания, в которых закрепляются механизмы отражения ценностных ориентаций в разноязычных паремиях.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения с экспланаторных позиций проявления в паремиологической концептуализации мира закономерностей, интегрирующих участников семиотического процесса в пространстве культуры. Становится очевидным, что для объяснения этих закономерностей требуется «выход» за пределы самого языка, учет того, что и в продуцировании паремий, и в использовании их как мотивационно-целевых структур проявляется общая для носителей разных этнических культур причинность.

Важность исследования определяется также рядом частных задач, которые ждут своего решения. В науке отсутствуют комплексные описания системообразующих связей паремиологических единиц, хотя тезис о системности паремий не является новым. Не изучены в сопоставительном плане разноязычные тематически организованные паремиологические словари при общем признании того, что структуры этнических паремиофондов отражают ценностно-нормативные системы этносов. Является насущной задача сопоставления ценностных доминант в паремиологических картинах мира для определения того, насколько человек

«един» в повседневной жизни. Дискуссионность концепций по проблеме соотношения языкового значения и речевого смысла в условиях приоритетности функционального подхода к исследованию языка обуславливает важность установления языковых и неязыковых факторов, определяющих прагматические потенции паремий, множественность и вариативность их смыслов.

Решение актуальных для паремиологии задач в данном диссертационном исследовании с ориентацией на основные тенденции в развитии современной лингвистики, подчиненные, по определению Е. С. Кубряковой, исследовательским установкам на экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и эспланаторность [169, с. 207], делает его теоретически значимым, определение ценностей, ориентация на которые обуславливает временную и пространственную континуумность культуры в человеческом сообществе, – социально значимым, выявление и описание параллелей в паремиофондах четырех языков – значимым для паремиографической практики.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами, темами. Диссертация выполнена в рамках научно-исследовательских тем кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины: «Аксиологически значимая лексика в языковой картине мира русских и белорусов» (2006–2010 гг., шифр ГБЦМ 06-41, номер госрегистрации 20061045), «Лексико-фразеологический фонд русского языка в синхронии и диахронии» (2011–2015 гг., шифр ГБ 11-30, приказ № 08 от 25.01.2011).

Цель и задачи исследования

Цель исследования – определить механизмы отражения ценностных ориентаций в поговорках и верифицировать проявление в поговорковедческой концептуализации мира ценностно-ориентационного единства продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких поговорок.

Для достижения цели исследования необходимо решение следующих задач:

1) уточнить причины континуумности поговоркопространств в человеческой культуре и установить факторы, обуславливающие системность поговорок;

2) определить функциональную семантику поговорочных оценок в отношении к структуре ценностных ориентаций продуцентов и пользователей поговорок;

3) сопоставить организацию тематических словарей русских, белорусских, итальянских, немецких поговорок и определить способы инвентаризации ценностных ориентаций продуцентов поговорок в названиях тем;

4) выявить ценности, представляющие доминантные направленности человеческого интереса в русской, белорусской, итальянской, немецкой поговорковедческих картинах мира, и провести сопоставительный анализ их концептуализации;

5) установить закономерности объективации доминантных ценностных концептов в русской, белорусской, итальянской и немецкой поговорковедческих картинах мира;

6) вскрыть механизмы отражения мотивационной и регулятивной компонент ценностных ориентаций в поговорках с общеоценочными терминами;

7) определить факторы, детерминирующие прагматический потенциал поговорок с общеоценочными терминами.

Материал исследования представлен двумя картотеками русских, белорусских, итальянских и немецких поговорковедческих единиц¹. Первая картотека составлена на основе словарей, организованных тематически или по стержневому

---

¹ Избранные для анализа поговорковедческие единицы в основной своей массе представляют отсылающие к коллективному мнению выражения-рефлексии на референтную ситуацию с подведением ее под класс типовых, имеющие в словарном варианте структуру предложения.

слову, и включает два пересекающихся множества паремиологических единиц: паремии, представляющие наиболее объемные тематические объединения в словарях, и паремий с именами доминантных концептов. Общее число паремиологических единиц в первой картотеке составляет более 100000. Вторая картотека включает около 7500 паремий, содержащих в своем составе слова с общеоценочным значением. В качестве источников материала было использовано 38 паремиологических словарей.

Научная новизна исследования состоит в объяснительной стратегии, избираемой автором при изучении закономерностей семиотических процессов, отражающих интерпретацию мира с позиций обыденного сознания; в комплексном подходе к изучению паремий, базирующемся на сочетании лингвокогнитивного, сопоставительного и социопсихолингвистического аспектов анализа; в двунаправленности предпринимаемого анализа: от систем этнических ценностей – к семиотическим феноменам, в которых фиксируется социально релевантное знание, и от содержания этих семиотических феноменов – к структуре регулятивных образований в сознании человека, основаниям, стимулирующим речевую деятельность. Впервые предмет исследования составляют механизмы отражения в содержании паремиологических единиц не ценностей как таковых, а ценностных ориентаций как системы нацеленностей человека, осознанных стимулов и готовности действовать.

Инновационный характер диссертационной работы проявляется и в других исследовательских позициях:

- факторы, обуславливающие системность паремий, определяются как детерминации, имеющие общий для разных лингвокультур характер;
- функции проverbsиальных оценок квалифицируются как проявление направляющей, мотивационной и регулятивной компонент ценностных ориентаций продуцентов и пользователей паремий;
- высокая степень паремиологической концептуализации ценностного смысла материальных / идеальных объектов определяется как критерий доминантности соответствующих ценностей в паремиологических картинах мира;
- совпадение ценностей, представляющих доминантные направленности человеческого интереса в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира, трактуется как показатель ценностно-ориентационного единства продуцентов разноязычных паремий;
- выявление общего и специфического в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира основывается на сопоставлении рангов в иерархии ценностных доминант и способов вербальной репрезентации доминантных ценностных концептов;

– механизмы отражения ценностных ориентаций в паремиях определяются через выявление и описание логико-синтаксических моделей паремий, представляющих форматы знания, в которых эти механизмы закрепляются;

– систематизация факторов, детерминирующих прагматический потенциал паремий с оценочным компонентом, осуществляется с учетом континуумности сферы значения, предсказуемости моделей речевых ситуаций.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. Паремиипространства в человеческой культуре характеризуются континуумностью по вертикали и горизонтали. Континуумность паремиипространств по вертикали обуславливается следующими причинами: 1) существованием непреходящих по своей социальной значимости ценностей, утверждению которых служат паремии; 2) повторяемостью в повседневной жизни ситуаций, модели которых составляют означаемое паремииологических единиц; 3) лапидарностью паремииологической формы выражения мысли, удовлетворяющей потребность человека выразить отношение к сущему. Континуумность паремиипространств по горизонтали детерминируется 1) едиными причинами возникновения паремий и формирования паремиифондов в различных этнических культурах, связываемыми со стремлением человека к сохранению и передаче наиболее важного для членов социума жизненного опыта; 2) наличием совпадений в ценностно-нормативных системах разных этносов, интегрирующих участников семиотического процесса в человеческой культуре.

Общие для разных лингвокультур причины становления паремиифондов прослеживаются в основаниях системности паремий. Системность паремий обуславливается следующими факторами: 1) организующей функцией базовых категорий, формирование которых детерминировано направленностями человеческого интереса, в предшествующем паремииологической концептуализации опыте познания мира; 2) оценочной концептуализацией и категоризацией действительности в паремиях; 3) типичностью форматов знания, представляющих структуру пропозиций, объективированных в семантике паремий; 4) повторяемостью паремииологических идей, вариативностью и повторяемостью форм выражения идей; 5) типичностью приемов кодирования информации, лежащих в основе паремиитворчества; 6) функциональной специализацией паремий, проявляющейся в типовом наборе прагматических функций.

2. В структуре ценностных ориентаций человека с учетом их функциональных характеристик выделяются направляющая, мотивационная и регулятивная компоненты, связанные с осознанием человеком целей, мотивов включения его в структуру бытия, с готовностью действовать определенным образом. Языковая оценка воплощает ценностные ориентации человека как своего рода предрасположенности оценивать все сущее тем или иным образом и обнаруживает корреляции с компонентами ценностных ориентаций в функциональном плане.

Реализация оценочных значений в паремиях подчинена трем основным функциям: 1) отражению и формированию ценностного / антиценностного отношения к объектам материального / идеального мира, убеждений, определяющих направленность человека; 2) отражению и формированию осознанных мотивов деятельности / поведения человека, стимулов, базирующихся на познании причин нацеленности человека на те или иные объекты; 3) отражению и формированию активной позиции в отношении к сущему, ориентации в выборе способа действия / модели поведения. Обладая способностью в каждом конкретном случае маркировать тип отношения говорящего к содержанию паремии, ее реципиенту, оценка вскрывает ценностные ориентации пользователей паремиологической единицы и задает определенный вектор интерпретации смысла.

3. Организация тематических словарей русских, белорусских, итальянских и немецких паремий обнаруживает сходство, проявляющееся в следующих характеристиках: 1) в определении сфер паремиологической концептуализации мира; 2) в составе терминов, использованных для обозначения ценностных и антиценностных сущностей в названиях тем; 3) в широте сферы концептуализации, связываемой с моралью.

Названия тематических объединений в паремиологических словарях инвентаризуют ценностные ориентации продуцентов паремий. Такая инвентаризация осуществляется 1) посредством обозначения концептов, представляющих релевантные для обыденного сознания направленности человеческого интереса; 2) посредством раскрытия обобщенных смыслов паремиологических единиц. Типичность обобщенных смыслов паремиологических единиц, устанавливаемая при анализе названий словарных объединений, объясняется закономерным «воспроизведением» в содержании паремий константных составляющих ценностных ориентаций.

4. Доминантные направленности человеческого интереса в паремиологических картинах мира определяются по высокой степени концептуализации опыта познания объектов, вызывающих социальный интерес. Высокая степень паремиологической концептуализации ценностного смысла материальных / идеальных объектов выступает критерием доминантности соответствующих ценностей в паремиологических картинах мира.

Высокой степенью паремиологической концептуализации в русской, белорусской, итальянской и немецкой лингвокультурах характеризуются следующие ценности: **пища, здоровье, труд, дом, достаток, семья, ум, язык, счастье, Бог**. Установленная в ходе сопоставительного анализа общность доминантных ценностей в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира не означает абсолютного совпадения рангов этих ценностей в иерархии ценностных доминант в каждой отдельной паремиологической картине мира. Наиболее высокие ранги в ранжированных списках ценностных доминант во всех

четырёх паремиологических картинах мира получают такие ценности, как **семья, труд, ум**.

Совпадение ценностей, представляющих доминантные направленности человеческого интереса в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира, тождество отражаемых в содержании паремий предпочтений – показатели ценностно-ориентационного единства продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий.

5. Объективация доминантных ценностных концептов в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях характеризуется рядом закономерностей: 1) раскрытие ценностного смысла объектов, представляющих доминантные направленности человеческого интереса, не требует непременно использования слов, входящих в ядро вербальной сферы соответствующих концептов; наибольшая степень привлечения не прямых средств объективации концептов в паремиях всех четырех языков отмечается при концептуализации опыта познания смысла интеллектуальных феноменов и труда; 2) выбор грамматической формы лексемы, сигнализирующей об осмыслении ценности в отвлечении от свойств человека или в связи с характеристикой его встроенности в структуру бытия, детерминируется спецификой обыденного сознания и природой осмысляемой как ценность / антиценность сущности; 3) самой высокой степенью употребительности среди имен доминантных ценностных концептов характеризуются по суммарному значению в каждом языке имена, входящие в ядерную зону концепта «семья» / «сям'я» / «famiglia» / «Familie», и имя концепта «Бог» / «Dio» / «Gott»; самой низкой – имя концепта «здоровье» / «здароўе» / «salute» / «Gesundheit»; самой близкой степенью употребительности в паремиях всех четырех языков характеризуется термин *деньги*; отличиями в степени употребительности в паремиях определенного языка на фоне близости процентных показателей степени употребительности в паремиях других языков характеризуются термины *дом, счастье, хлеб, язык / слово*; 4) для всех паремиопространств типично активное использование имен ценностных концептов в качестве инструментов для утверждения ценностной значимости других сущностей; наиболее регулярно в этой функции в паремиях всех четырех языков выступают термины *Бог, деньги*; 5) выстраивание ценностных иерархий с привлечением терминов *деньги, богатство* характеризуется тенденцией предпочтения духовного материальному; 6) объективация опыта, связанного с познанием свойств объектов, представляющих доминантные направленности человеческого интереса в паремиологических картинах мира, отражает различную оценку свойств каждого из этих объектов при неизменности доминантной аксиологической значимости этих объектов, фиксированной в коллективном сознании.

6. Единство когнитивного, аффективного и поведенческого в структуре диспозиций человека обуславливает связь всех компонент ценностных ориентаций при их отражении в паремиях и проявляется во множественности и взаимо-

связи смыслов каждой отдельно взятой паремиологической единицы, закономерной выводимости одних смыслов из других.

Механизмы отражения направляющей, мотивационной, регулятивной компонент ценностных ориентаций в паремиологических единицах с оценочными терминами и оказания воздействия на ценностное сознание потенциальных адресатов паремий закрепляются в форматах знания, объективация которых сопряжена с выражением следующих базовых смыслов: 1) определение свойств хороших / плохих «вещей»; 2) определение положительных следствий, каузируемых хорошей «вещью» / отрицательных следствий, каузируемых плохой «вещью»; 3) безусловная квалификация «вещей» как хороших / плохих; 4) определение условий, детерминирующих квалификацию «вещей» как хороших / плохих; 5) определение лучшей / худшей «вещи». Эти же форматы знания составляют основу для определения разного рода отношений между тем, что представляет полюс положительной оценки, и тем, что представляет полюс отрицательной оценки: отношений между свойствами хороших и плохих «вещей», между контрастными оценками разных «вещей» / свойств одной «вещи», между хорошими и плохими «вещами».

7. Интенциональные значения паремиологических единиц, формирующие их прагматический потенциал, прогнозируются с опорой на значение логико-синтаксической модели, дифференциальные семантические признаки, выявляемые на иных уровнях абстракции в представлении типовой семантики паремий, модель речевых реализаций паремиологических единиц.

Значение логико-синтаксической модели, отражающее тип мыслительной процедуры, перспективу развития мысли при ее формировании, определяет базовый смысл паремии, лежащий в основе вывода ее предельных смыслов. Частные дифференциальные семантические признаки паремий с оценочным компонентом, детерминирующие разные интерпретации базового смысла паремий, таковы: характер выражаемой оценки; прямое или функционально контрастное употребление оценочного компонента; абсолютность / относительность выражаемой оценки; соответствие / несоответствие детерминирующих оценку условий принятым в социуме ценностно-нормативным системам; онтологические характеристики объекта оценки; имплицитность / эксплицитность представления ценностного антипода; характер отношения между объектами, представляющими разные полюса аксиологической оценки, и др.

К числу ситуативных факторов, определяющих вариативность смысла паремии в непосредственных актах общения, относятся следующие: причастность / отстраненность адресата паремии к / от референтной ситуации, фиксируемой в содержании паремиологической единицы в качестве типовой; тождественность / противоположность модели поведения / способа действия, характеризующих адресата паремии, модели поведения / способу действия, обозначенным в паремиологической

единице; совпадение / несовпадение ценностных позиций адресанта и адресата паремии; согласованность / рассогласованность ценностных ориентаций адресанта паремии с ценностными ориентациями, отраженными в содержании паремиологической единицы; автореферентность / интерактивность, перспективность / ретроспективность употребления паремии.

Личный вклад соискателя ученой степени. Диссертация является самостоятельным научным исследованием, выполненным на основе языкового материала, собранного и осмысленного автором.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов. Основные положения и результаты проведенного исследования подлежали обсуждению на международных, республиканских научных и научно-практических конференциях: VIII Міжнародна Карська читання «Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм (Гродно, 14–17 декабря 2000 г.); II Международная научная конференция «Язык, слово, действительность» (Минск, 25–27 октября 2000 г.); Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 17–18 апреля 2002 г.); Международные научные конференции «Мова і культура» (Киев, 2002, 2008, 2011, 2012 гг.); IX Международные Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Гродно, 16–17 мая 2002 г.); Международные научные конференции «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 2003, 2005, 2007, 2011, 2014 гг.); III Международная научная конференция «Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин» (Мозырь, 12–13 мая 2005 г.); Международная научная конференция «VII Навуковыя читання, прысвечаныя Сцяпану Некрашевічу» (Гомель, 27 мая 2005 г.); Международная научная конференция «Сучасны стан і дынаміка норм беларускай літаратурнай мовы» (Минск, 24–25 октября 2006 г.); Международная научно-практическая конференция «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты)» (Москва, 17–18 марта 2006 г.); III Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование (К 80-летию профессора П. П. Шубы)» (Минск, 6–7 апреля 2006 г.); VII Международная научная конференция «Язык и социум» (Минск, 1–2 декабря 2006 г.); Международная научная конференция «Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вивучэння і захавання ў постчарнобыльскі час» (Гомель, 2006 г.); IV Международная научная конференция «Текст. Язык. Человек» (Мозырь, 15–16 мая 2007 г.); Международная научно-практическая конференция «Сучасні праблемы лінгвістычных дослідаў і методика викладання іноземных мов професійнага спілкування у вишній школі» (Львов, 2007 г.); Международная научная конференция «Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках (Брест, 19–20 апреля 2007 г.); XXXVI Международная филологическая

конференция «Фразеология в тексте и словаре» (Санкт-Петербург, 12–17 марта 2007 г.); Международная научная конференция «Parémie národů slovanských» (Острава, 20–21 ноября 2007 г.); XXXVII Международная филологическая конференция «Фразеология в прошлом и настоящем» (Санкт-Петербург, 11–15 марта 2008 г.); Международная научно-практическая конференция, посвященная 15-летию Общества Кирилла Туровского «Восточные славяне: историческая и духовная общность» (Гомель, 15–16 апреля 2008 г.); XXXVIII Международная филологическая конференция «Фразеология и текст» (Санкт-Петербург, 2009 г.); V Международная научная конференция «Текст. Язык. Человек» (Мозырь, 21–22 мая 2009 г.); Славянская фразеология и паремиология в XXI веке: Международная научная конференция, 28–31 августа 2009 года, Могилёв; XXXIX Международная научно-практическая конференция «Фразеология и языковая динамика» (Санкт-Петербург, 15–19 марта 2010 г.); Международная научная конференция «Słowo. Tekst. Czas X: Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmach naukowych» (Щецин, 2010 г.); Международная научная конференция «Фразеология и познание» (Белгород, 7–9 сентября 2010 г.); XL Международная филологическая конференция «Фразеология во времени и пространстве» (Санкт-Петербург, 14–19 марта 2011 г.); XLII Международная филологическая конференция «Национальное и интернациональное в славянской фразеологии» (Санкт-Петербург, 11–17 марта 2013 г.); 3-я Международная научная конференция «Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами» (Белгород, 19–21 марта 2013 г.); Круглый Телиевский стол «Культурная семантика в языке и в речи» (Москва, 14 ноября 2013 г.); Международная научная конференция «Wort – Text – Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen. Zum 200. Geburtstag von Taras Grigor'evič Ševčenko» (Щецин, 14–17 ноября 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Славянские народы и их культуры: традиция и современность» (Гомель, 3–4 декабря 2013 г.); XIV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Язык и социальная динамика» (Красноярск, 23–24 мая 2014 г.).

Материалы диссертации используются в образовательном процессе: в практике преподавании дисциплины «Основы паремиологии» студентам дневной и заочной форм обучения специальности 1-21 05 02 «Русская филология» в ГГУ имени Франциска Скорины, а также при проведении занятий с учащимися профильных классов в Речицком районном лицее.

Опубликованность результатов диссертации. Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 60 публикациях: монографии (15,7 авт. л.); 16 статьях в рецензируемых научных изданиях (10,1 авт. л.), в том числе 8 зарубежных; 20 публикациях в сборниках научных статей (8 авт. л.), в том числе 10 зарубежных; 21 публикации в сборниках материалов конференций (6,3 авт. л.), в том числе 7 зарубежных; 2 публикациях тезисов (0,4 авт. л.). Все

публикации выполнены соискателем без соавторов. Общий объем опубликованных материалов составляет 40,5 авт. л.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, перечня условных обозначений, общей характеристики работы, четырех глав, заключения, библиографического списка, представленного 420 использованными источниками, списка публикаций соискателя (62 позиции), трех приложений. Полный объем диссертации составляет 393 страницы, в том числе основной текст диссертации – 274 страницы (из них 40 страниц занимают 4 рисунка и 31 таблица); 40 страниц – библиографический список; приложения занимают 79 страниц.

ГЛАВА 1

ПАРЕМИИ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И КУЛЬТУРЕ ЭТНОСОВ

1.1 Результаты предшествующих паремиологических изысканий как основа формирования концепции и определения методов исследования

Важнейшей теоретической посылкой к диссертационному исследованию является известная мысль выдающегося немецкого ученого В. Гумбольдта об отражении в языке духа, точнее, духовной силы народа. «Народ создает язык как орудие человеческой деятельности, позволяя ему развернуться из своих глубин, – пишет В. Гумбольдт, – и вместе с тем ищет и обретает нечто реальное, нечто новое и высшее; а достигая этого на путях поэтического творчества и философских предвидений, он в свою очередь оказывает обратное воздействие и на свой язык» [80, с. 68]. Это заключение положено в основу этнолингвистических, лингвокультурологических, лингвоаксиологических изысканий настоящего времени. Эта мысль избирается нами своеобразной отправной точкой не для поиска в языке уникального этнического, а для поиска проявлений в языке универсального человеческого, обусловленного действием единых механизмов в психике и сознании как компоненте психики носителей различных лингвокультур. В духе же народа мы усматриваем проявление феноменов рефлексивного уровня сознания – ценностных ориентаций, которые формируются под воздействием социальных факторов, определяют бытие человека и детерминируют единение членов этнокультурного сообщества в пространстве культуры. Это положение согласуется с идеей В. Гумбольдта о связи индивида с народом, детерминации личностного общественным, «нераздельной деятельности интеллектуальных способностей» в развитии языка и духовных сил народа [80, с. 65–68].

Отражение ценностных ориентаций в паремиях как предмет специального лингвистического исследования определяется впервые, однако сам тезис, в соответствии с которым паремии квалифицируются как единицы, транслирующие информацию о ценностях (О. Б. Абакумова [1], А. В. Голованова [73], Д. Б. Кумахова [171], Л. Б. Савенкова [272], Н. Н. Семененко [281], В. Н. Телия [311] и мн. др.), как аксиологемы (Н. Ю. Тразанова [318]), ценностно-ориентированные тексты (А. С. Малкова [202]), средства социального контроля (К. Фонтейн [364]), руководства по решению жизненных проблем или руководства к действию (Н. Д. Арутюнова [21], В. И. Карасик [127], А. Тейлор [381]), не нов. Многие собиратели пословиц и исследователи, осмыслявшие ранее и осмысляющие ныне культурную значимость паремий, указывают на то, что паремиоло-

гические единицы отражают нравственные устои народа и характеризуются дидактичностью (И. И. Носович [405, с. III], И. М. Снегирев [299, с. 308–323], Ф. Зайлер [377, s. 3], Е. Ф. Карский [130, с. 469], А. Артабер [356, р. VIII–VIII], П. Гржибек [366; р. 88], А. Крикманн [159, с. 94], Дж. Обелкевич [372, р. 213], Т. Роджерс [375, р. 162], А. Тейлор [381, с. 80], В. Н. Телия [311, с. 241], К. Фонтейн [364, р. 403], С. А. Шувалова [345, с. 103–104] и мн. др.). Тезис о фиксированности социальных установок в фольклорных текстах также не нов и находит отражение в энциклопедиях, отдельных работах по социальной философии и педагогике (Д. А. Леонтьев [184], О. Н. Терентьева [312], З. З. Мамышева [203], З. З. Мамышева, З. У. Блягоз [204]).

Несмотря на то, что понимание культурной значимости паремий такое же древнее, как, пожалуй, сами паремиологические выражения, изучение паремий в плане объективации в их содержательных аспектах представлений, обладающих культуроносным смыслом, активно началось только в связи с утверждением когнитивных подходов к исследованию языка. О повышенном интересе лингвистов к исследованию воплощения ценностных концептов в фактах языка и речи, в том числе и в паремиологических единицах, свидетельствует значительное количество работ, общий обзор которых составил бы отдельное исследование.

Задачи, которые выдвигаются при исследовании паремий в когнитивном аспекте, представляют три условных проблемных поля: 1) содержание ментальных образований, квалифицируемых как ценностные концепты культуры, и их состав (Л. В. Басова [29], Б. Г. Глозман [71], И. Б. Русакова [266], Л. Б. Савенкова [273] и др.); 2) оценочная категоризация и концептуализация в паремиях (А. Солер, Э. Д. Доржиева [92], Д. Б. Кумахова [171] и др.); 3) универсальное, общее и специфическое в паремиологической категоризации и концептуализации мира (А. В. Аммер [12], З. А. Биктагирова [33], О. Г. Дубровская [95], К. А. Жуков [105], Е. В. Зацепина [110], Е. В. Иванова [119], Р. Х. Каримова [129], Л. Н. Мирошниченко [217], Т. И. Полищук [256], Д. А. Салеева [275], А. А. Свицова [276], Л. А. Серова [287] и мн. др.). В некоторых работах наблюдается интеграция исследовательских задач (Е. Д. Аксенова [8], А. В. Коногорова [154]), паремии изучаются наряду с иными средствами объективации ценностных концептов в одном или нескольких языках (Е. В. Бабаева [22], Е. В. Клементьева [139], Л. В. Колижук [146], Ч. Р. Мукатдесова [229], Н. М. Сергеева [283], М. А. Хизова [333] и мн. др.). Известны работы, цель которых составляет системное описание оценочных концептов в нескольких языках (М. Р. Бакирова [26]), в определении специфики отражения в языковой картине мира национальной системы ценностей (А. В. Голованова [73]).

Определение доминантных ценностных концептов в нескольких паремиологических картинах мира с целью выяснения, насколько носители обыденного сознания, представляющие различные этнические сообщества, едины в своих запро-

сах и предпочтениях, составляет отдельную проблему в паремиологии, так как связывается с поиском надежных методов решения задачи. Проблема метода определения границ национальных концептосфер, выявления ценностных доминант в той или иной культуре, приводящая к принципиальной открытости списка ценностных концептов, существует и в лингвокультурологии вообще¹. Относительная ограниченность паремиопространств позволяет изучать воплощенные в паремиях концепты как некоторую замкнутую систему.

Л. Б. Савенкова одна из первых указала на необходимость изучения ценностных концептов, объективированных в паремиологических единицах, в системном представлении, и в своей диссертации обратилась к изучению воплощения системы культурных концептов в пределах русского паремиологического фонда [273]. Разумеется, такой подход был подготовлен, прежде всего, предшествующим развитием философской мысли, поиском оснований системности человеческих ценностей, критериев их дифференциации, а также длительной историей изучения паремий как культурных феноменов². Л. Б. Савенкова убедительно доказывает, что система паремий конкретного народа опирается на систему ценностных концептов, сформированных этническим сознанием. Применяя методы статистического анализа к изучению структуры «пословично-поговорочного пространства русского языка», Л. Б. Савенкова выявляет исторически сложившиеся ценностные приоритеты русского народа.

Пролонгация идей Л. Б. Савенковой в данной работе усматривается в использовании аналогичных методов анализа, но в пределах совершенно иного по масштабу поля исследования. Возможность изучения ценностного сознания этноса и выявления ценностных приоритетов этнокультурного сообщества автор настоящей работы вслед за Л. Б. Савенковой связывает с анализом всего паремиологического пространства, но обращается к материалам не одного паремиофонда, а нескольких, определяя в качестве одной из стратегических задач выявление доминантных концептов в нескольких паремиологических картинах мира и верификацию проявления в паремиологической концептуализации действительности ценностно-ориентационного единства продуцентов паремий, представляющих разные этнические сообщества.

Теоретическую основу для осмысления принципов сопоставительного анализа паремий составили работы А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского [27], К. И. Григаса [79], Г. Л. Пермякова [246; 247; 248], Б. Т. Кашарокова [132], Э. Я. Кокаре [145], Н. Н. Кирилловой [135], М. Ю. Котовой [157], Ю. В. Николаевой [236], Т. А. Шайхуллиной [340] и др., а также публикации, освещающие проблемы типологического и историко-этимологического сопоставления,

¹ Проблемы, существующие ныне в теории лингвокультурологии, а также в исследованиях паремий с позиций когнитивной лингвистики, подвергаются подробному анализу в третьей главе диссертационной работы.

² Л. Б. Савенкова в своей работе освещает не только историю русской паремиографии, но и историю русской паремиологии, формирование разного рода подходов к изучению русских паремий [273].

Х. Вальтера [51], А. Дандиса [84], М. Кууси [173], В. Мидера [341], В. М. Мокиенко [51; 222], И. Я. Лепешева [186; 187], Б. Ю. Нормана [239] и др. Важнейшая исследовательская установка, которая формируется на основании данной теоретической базы заключается в следующем: в сопоставительном исследовании разноязычных устойчивых выражений не следует переоценивать национальную специфику, так как различия в инструментарии концептуализации не являются прямым свидетельством специфики национального менталитета. В. М. Мокиенко подчеркивает, что межъязыковое сопоставление традиционно представляет одну из исследовательских доминант в паремиологии, однако в этой области существует еще немало проблем, в частности, в разграничении «Своего» и «Чужого», генетического и типологического, в раскрытии «интернационального в недрах национального», в объяснении типологических схождений [222, с. 180; 51, с. 7–9]. Наличие изданных ранее монументальных паремиологических словарей, в которых фиксируются межъязыковые корреляты (К. Вандер [420], М. И. Михельсон [395], В. Флайшганс [363], Ф. Л. Челаковский [359] и др.), выход в свет новых многоязычных паремиологических словарей (Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Е. Комаровска, К. Кусаль [419], М. Ю. Котова [156], Дж. Пацоллай [373] и др.), по мнению Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, должно послужить стимулом к теоретическому осмыслению этих проблем [51].

Многочисленные работы, посвященные сопоставительному исследованию паремий в когнитивном аспекте, обнаруживают значительную близость использованных методов анализа, обусловленную единством методологических баз: отказом «от противопоставления экстралингвистической и интралингвистической информации» [22], принятием тезисов о взаимообусловленности языка и культуры, об аккумулятивной функции лингвокультурного концепта и детерминированной богатством содержания концепта валёрности его доминантного имени. Выявление общих для разноязычных паремий содержательных структур (фреймов, схем, сценариев), связываемых с утверждением ценностного смысла того или иного материального или идеального объекта; маркеров этнического менталитета и прототипического в языковой категоризации зиждется на использовании методов структурно-семантического, компонентного анализа, логического вывода, моделирования, интерпретативного анализа на фоне сопоставительного. Интерпретативный анализ, по сути, становится методом, приближающим к разгадыванию той загадки, которую В. Гумбольдт видел в слиянии духа народа и строения языка в едином источнике [80, с. 68], иными словами, в процессах кодирования и декодирования информации, в механизмах связи языковой семантики с аккумулярованным в сознании человека опытом познания мира.

Исследователь русской и английской паремиологических картин мира Е. В. Иванова указывает, что при когнитивном подходе к изучению пословицы вся ее семантика рассматривается как отражение закрепленного в языке знания и

когнитивная модель пословичного знака может быть представлена как формализованная градация ее составляющих, детерминированных различными типами знания о мире [119, с. 64]. Фреймы, представляющие когнитивные уровни в модели пословичного знака, соотносимы с такими понятиями традиционной семантики, как значение и внутренняя форма [119, с. 63]; сценарии, представляющие прагматико-когнитивный подуровень, – с понятием имплицированного смысла [119, с. 86]¹. Главным при рассмотрении языкового знака с позиций когнитивной лингвистики, по мнению Е. В. Ивановой, является «анализ взаимодействия двух семантических планов / когнитивных уровней – внутренней формы и значения. В качестве сквозной единицы анализа разных уровней (значения, внутренней формы, импликационала) когнитивной модели пословичного знака исследователь предлагает использовать когнитему. Когнитема трактуется как пропозициональная единица знания, реконструируемая при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц [119, с. 97–104].

Для характеристики когнитивной базы данных, образуемой всеми паремиями того или иного языка, Е. В. Иванова обращается к понятию «пословичная концептуализация». «Анализируя семантическое пространство, образованное группой пословиц той или иной тематики, – пишет Е. В. Иванова, – возможно описать структуру определенного знания о мире, отраженного в пословицах, когнитивную структуру. А выделение в этой структуре признаков-характеристик различных объектов позволяет реконструировать пословичные концепты. Тем самым осуществляется воссоздание пословичной концептуализации мира, основанное на моделировании содержательного пространства, соотнесенного с несколькими пластами семантики некоторого множества паремий» [119, с. 5].

По аналогии с предложенным Е. В. Ивановой термином «пословичная концептуализация» в данной диссертационной работе используется термин «паремиологическая концептуализация» (как вариант – «провербиальная концептуализация»). Паремиологическая концептуализация трактуется как формирование в сознании субъектов, познающих мир и рефлексирующих на сущее в нем, когнитивных структур, получающих объективацию в паремиологических единицах и закрепляющихся в связи с этим в коллективной памяти. Если под концептуализацией вообще (термин широко используется в когнитивной лингвистике) понимать процесс формирования ментальных репрезентаций знаний, отражающих приобре-

---

¹ В современных исследованиях паремий с позиций когнитивной лингвистики так или иначе находит отражение трактовка значения предложения-высказывания как иерархически организованной системы, каждый из уровней которой являет собой определенную ступень абстракции в представлении содержания языковой / речевой единицы. Этим отчасти объясняется корреляция понятий, стоящих за терминами, используемыми в традиционных семантических описаниях, и за терминами, используемыми когнитологами в описании «пословичного содержательного пространства» [119, с. 64]. Например, Т. С. Зевахина считает целесообразным различать в когнитивной структуре паремии образный фрейм, показывающий структуру исходного ситуационного образа и задающий класс «стереотипных ситуаций», окказиональные фреймы, отражающие структуру случаев конкретных ситуаций, и обобщенный фрейм, структурирующий абстрактные знания о классе стереотипных ситуаций [113].

тенный, пережитый опыт человека¹, то итогом паремиологической концептуализации мыслятся те структуры знания, которые находят воплощение в паремиологических единицах. Таким образом, как отмечает Н. Н. Семененко, когнитивный аспект исследования паремической семантики связывается «с осмыслением механизмов интеграции продуктов двух взаимосвязанных когнитивных процессов – процессов категоризации и концептуализации» [281, с. 6].

Положение об уровне организации семантики паремий, имеющее глубокие корни в семиотике, логическом анализе языка, коммуникативной грамматике, лингвопрагматике, когнитологии, психолингвистике, вариативно представлено и в новейших паремиологических концепциях: 1) концепции когнитивно-прагматического моделирования русского паремиопространства – с акцентуацией исследовательского внимания на семасиологических характеристиках паремийных жанров (Н. Н. Семененко [281]), 2) концепции когнитивно-дискурсивного моделирования актуализации смысла разноязычных пословиц – с акцентуацией исследовательского внимания на прагматических свойствах пословичных единиц (О. Б. Абакумова [1]). Это положение принимается в качестве ключевого и в данном диссертационном исследовании, а именно для решения еще одной стратегической задачи, которая заключается в определении механизмов «перехода» смыслов, воплощенных в паремиологических единицах на «входе», в смыслы, представляющие собой интерпретации отраженного в паремиологических единицах содержания на «выходе».

Характеризуя обращенность паремии к культуре и «аксиосфере», исследователь Н. Ю. Тразанова наделяет паремию статусом аксиологемы – «оформленной в виде мини-суждения коллективной репрезентации опыта переживания и оценки жизненного мира человека, которая, будучи исходным смыслом культуры, способна быть и смыслом “предельным” для актуального семиозиса» [318, с. 10]. Мысль Н. Ю. Тразановой о том, что паремии представляют исходные и одновременно предельные оценочные смыслы лингвокультуры [318, с. 7], уходит своими корнями к идеям Л. Витгенштейна, прагматическим концепциям оценочных высказываний Ч. Стивенсона, Р. Хэара, А. Айера, П. Ноуэлла-Смита² и рассматривается как одна из теоретических посылок в настоящем исследовании. Следует учесть, однако, то, что оценка представляет лишь модус того или иного содержания, форму для выражения ценностного отношения³, имплицитующего в каче-

---

¹ В словаре когнитивных терминов концептуализация определяется как «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [165, с. 93].

² Аналитический обзор этих концепций дан в работе Н. Д. Арутюновой «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт» [20].

³ Исследователь И. В. Чекулай со ссылкой на Н. Н. Болдырева подчеркивает, что оценочная категоризация как система не обладает той самостоятельностью, какой обладает предметная категоризация [336, с. 208].

стве оснований иные смыслы. «Оценочная модальность, – указывает В. Н. Телия, – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией» [309, с. 22]. Определение механизмов проявления в оценочной рефлексии на мир этой связи, выявление форматов знания, в которых закрепляются механизмы перехода исходных смыслов паремий в предельные, пока является нерешенной задачей.

Постановка и решение такой задачи на паремиологическом материале подготовлены достижениями в области психологии и психолингвистики (Л. С. Выготский [68; 69], А. А. Леонтьев [180; 242; 263], Д. А. Леонтьев [181; 182; 183], А. Р. Лурия [195], Дж. Миллер [369], С. Л. Рубинштейн [265]), когнитивной лингвистики (Т. А. ван Дейк, В. Кинч [87], В. З. Демьянков [89; 90; 91], Е. С. Кубрякова [166; 167], Ч. Филлмор [232], Ю. Г. Панкрац [244] и др.), логического анализа языка, генеративной и коммуникативной грамматик, функционализма (Н. Д. Арутюнова [19; 20; 21], В. В. Богданов [36], Р. Ван Валин, У. Фоли [54], Е. В. Вольф [60; 61; 62], Г. А. Золотова [116; 117], А. А. Кибрик [133; 134], Н. Хомский [335] и др.), прагматики (Ч. Моррис [370], Дж. Серль [285; 286], Ч. Пирс [253] и др.), в том числе и исследованиями прагматики паремий (О. Б. Абакумова [1], С. Н. Аверина [5], А. Ю. Белецкая [30], Ч. Л. Бриггс [358], И. В. Горбань [77], Е. Е. Жигарина [104], Б. И. Караджев [126], А. А. Константинова [173]; Н. Р. Норрик [371], Т. Б. Роджерс [375], Н. Н. Семененко [281], Г. Д. Сидоркова [288], Г. Хазан-Рокем [367] и др.).

При определении механизмов преобразования смыслов, воплощенных в паремиологических единицах на «входе», в смыслы, представляющие собой интерпретации отраженного в паремиях содержания на «выходе», автор диссертационной работы акцентирует исследовательское внимание на поиске глубинных оснований для порождения выражений, вскрывающих ценностный смысл вещей, и выстраивает объяснительную стратегию с опорой на понятие континуумности сферы значения, психолингвистическую концепцию деятельностного подхода к проблеме значения А. А. Леонтьева и развитие этой концепции в семиосоциопсихологии Т. М. Дридзе.

Главная задача психолингвистических исследований заключается в построении «детерминистской модели речевой деятельности человека» [242, с. 329], в объяснении процесса порождения речи, по Л. С. Выготскому, работы мысли в переходе «от чувствования задачи – через построение значения – к развертыванию самой мысли...» [68, с. 162]. Первым звеном порождения речи определяется ее мотивация, причем она не отождествляется со стимулом в бихевиористской модели поведения человека «стимул – реакция», так как субъект, включающийся в деятельность, характеризуется активностью [180]. Д. А. Леонтьев отмечает, что любой мотив подкрепляется вторичными регуляторами, которые «помогают деятельности не отклониться от курса и позволяют

довести деятельность до конца» [182], к этим вторичным регуляторам ученый относит «цели, установки, эмоциональные процессы, то есть то, что сопровождает течение деятельности, все то, что входит в емкое понятие регуляции» [182]. Регулятивно-психическое начало усматривается в первом звене собственно текстовой деятельности и основоположником семиосоциопсихологии Т. М. Дридзе [94, с. 45].

Данные идеи обращают автора настоящей диссертационной работы к исследованию детерминаций создания паремий как специфических знаковых единиц в пространстве той или иной лингвокультуры, а также детерминаций употребления паремий как устойчивых выражений в актах вторичной коммуникации. Этими детерминациями, на наш взгляд, и являются ценностные ориентации человека, так как содержание ценностных ориентаций составляют направленности человеческого интереса, осознанные мотивации поведения / деятельности человека, а также устойчивые предрасположенности к выбору той или иной модели поведения, того или иного способа действия, в том числе и речевого действия. Смыслы паремии в свете сказанного рационально трактовать как проекцию содержания и функций феноменов сознания, отвечающих за деятельность сторону жизни человека, а само употребление паремии в конкретной речевой ситуации как непосредственное воплощение ценностных ориентаций в действии.

Определение исходных смыслов, как, впрочем, и выведение предельных смыслов паремий, имеет прямое отношение к методам когнитивной лингвистики, так как подразумевает реконструкцию когнитивных структур, лежащих в основе порождения, а следовательно, и восприятия паремиологических единиц¹. Заметим, что появление когнитивной психологии, по сути, знаменовало единение психолингвистики с когнитивной лингвистикой, слияние «психологии мотивации с психологией познавательных процессов» [182]. Семантика паремии становится той базой, которая позволяет вскрыть механизм, превращающий исходные субъективные смыслы в развернутую систему речевых значений [195].

Для вскрытия «глубинного социально-психологического механизма общения», состоящего «в мотивированном и целенаправленном обмене действиями порождения и интерпретации текстов между социальными субъектами», Т. М. Дридзе предлагает использовать информативно-целевой анализ [94, с. 16]. «Информативно-целевой (шире – мотивационно-целевой) подход к анализу текста, – указывает Т. М. Дридзе, – направлен на «реконструкцию» соотносимой с замыслом общения ориентировочно-деятельностной основы его содержательно-смысловой структуры, на прогнозирование его возможных смысловых интерпретаций» [94, с. 82]. Опорой для проведения такого анализа выступает, по мнению Т. М. Дридзе, логико-фактологическая база текста: в ней кроется «первичная ин-

¹ Психолингвисты полагают, что в основе восприятия речи лежат процессы, частично воспроизводящие процессы ее порождения [242, с. 180].

формативность текста», связанная с замыслом, интенцией создающего текст, а также «вторичная информативность текста», то есть разнообразные побочные сведения, та информация, которая получается в результате интерпретации содержания текста воспринимающим его лицом [94, с. 85]. Обращение к логико-фактологической базе текста есть не что иное, как обращение к семантике речевых / языковых единиц, и здесь интересы психологов, когнитологов и лингвистов пересекаются. Осуществление семантического анализа в формате логики предикатов и семантических ролей имен, опора на понятие логического субъекта, связываемого с прототипической «сценой», протипическими отношениями, по мнению когнитологов, дает почву для объяснения как некоторых особенностей порождения высказывания, так и закономерностей его восприятия [244, с. 64], кроме того, обеспечивает объективную основу для исследования собственно речевых актов [165, с. 110–113].

Применение методов логического и интенционального анализа паремий в нашем исследовании обусловлено стремлением не только реконструировать когнитивные структуры, на которых зиждется кодирование исходных смыслов и декодирование предельных смыслов паремий, но и выявить характеристику ценностного сознания создателей русских, белорусских, итальянских и немецких паремий, интегрирующую их в пространстве европейской культуры. Такого рода характеристика в психологии определяется как ценностно-ориентационное единство. Термин введен в научный оборот А. В. Петровским для обозначения интегральной характеристики системы внутригрупповых связей, отражающей степень совпадения мнений, оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам, наиболее значимым для группы в целом [251, с. 197]. А. В. Петровский подчеркивает, что ценностно-ориентационное единство группы отнюдь не предполагает совпадения оценок и позиций членов группы во всех отношениях [251, с. 197]. Полагаем, что ценностно-ориентационное единство может быть показателем совпадений ценностных позиций членов не только социальной группы, но и этнического сообщества, разных этнических сообществ, образующих условно единое человеческое общество, и трактоваться как характеристика пространства культуры, интегрирующая членов сообщества / сообществ на основании совпадения ценностей, являющихся наиболее важными для сообщества / сообществ в целом. Выявление доминантных ценностей в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира мыслится как процедура нахождения фактической базы для подтверждения гипотезы о наличии ценностно-ориентационного единства в сознании тех, чьи интенции нашли отражение в содержании паремий.

Резюмируя все сказанное в этом разделе, подчеркнем, что методологическая база настоящего исследования определяется двунаправленностью предпринятого анализа: от систем этнических ценностей – к содержанию паремиологических

единиц, в которых проявляется типичное в концептуализации мира носителями разных этнических менталитетов; и от содержания паремиологических единиц – к структуре регулятивных образований в сознании человека, «регулятивно-психическому началу» речевой деятельности (Т. М. Дридзе). Этим объясняется использование в диссертационном исследовании наряду с общенаучными методами, методами традиционного лингвистического анализа, в том числе и сопоставительного, методов когнитивной лингвистики и социопсихолингвистики. В частности, для объяснения континуумности паремиопространств в человеческой культуре и определения факторов, обуславливающих системность паремий, используется метод теоретического обобщения. Для подтверждения континуумности паремиопространств в европейской культуре используется метод моделирования паремиологических картин мира с опорой на структуру тематически организованных паремиологических словарей. Выявление доминантных направленностей человеческого интереса в русской, белорусской, итальянской, немецкой паремиологических картинах мира и установление общности ценностных доминант в этих картинах мира основывается на применении статистического и сопоставительного анализа. Когнитивные основания паремиологической концептуализации – предзнания о ценностном смысле вещей, вскрывающие направленности человеческого интереса, – исследуются с опорой на концептуальный анализ, выявление стержневого концепта паремиологических единиц (по Н. Н. Семененко, смыслопорождающего фактора, первичного «стимула» к вербальному выражению [281, с. 16, 31]) и определение актуализируемых в паремии признаков концептуализируемой сущности, обогащающих содержание лингвокультурного концепта. Психические основания рефлексивной природы паремий, объективированные языковыми средствами форматы знания, в которых закрепляется «переход» стимулов в речь и речи в стимулы, исследуются с опорой на методы логического, структурно-семантического, интерпретативного и интенционального анализа. Метод моделирования дискурсивных реализаций паремий используется для выявления факторов, определяющих вариативность функций паремиологических единиц.

1.2 Континуумность паремипространств в человеческой культуре

Исследование ценностных ориентаций, отраженных в содержательных аспектах паремий, предполагает прежде всего уточнение того, принадлежностью к какому сознанию эти ценностные ориентации характеризуются, с передачей каких знаний связываются и какие интенции при трансляции этих знаний детерминируют. По сути, речь должна идти об источниках аккумулированных в паремиях знаний, позволяющих конкретизировать ценностное пространство¹, стимулирующее появление паремий. Выяснение этих источников, возможно, приблизит нас к пониманию причин непреходящей ценности паремий, а также межъязыковой корреляции в сфере паремиологии, иными словами, причин континуумности паремипространств в человеческой культуре.

Происхождение паремий практически всеми исследователями связывается с глубокой древностью. Субъектом знаний, нашедших отражение в паремиологических единицах, определяется народ. Это положение воспринимается нами как аксиома, независимо от того, о каких паремиях идет речь – русских, белорусских, иранских, армянских, китайских или других. В данном случае под субъектом знания подразумевается прежде всего тот, от кого эти знания исходят, и игнорируется то обстоятельство, что формирование знания и его ретрансляция – процессы сопряженные, но не тождественные. Представление о субъекте знаний, отраженных в паремиях, на наш взгляд, должно включать в себя как минимум три составляющих: во-первых, субъект, познавший ту или иную жизненную закономерность и пришедший к умозаключению о ней, то есть тот, от кого первоначально исходит знание, кто дает жизнь идее в протовыражении; во-вторых, субъект, принимающий знание и чеканящий форму его языкового воплощения, то есть тот, кто находит оптимальную форму для выражения провербиальной идеи; и, в-третьих, субъект, который хранит в памяти знание и распространяет его, используя в речи готовое провербиальное выражение и создавая его варианты. Каждый из этих трех субъектов может осмысляться как совокупность представителей того или иного социума, и даже разных социумов в случае, если происходит заимствование провербиального выражения. Однако если введение в узус провербиального выражения – дело только коллективное², то продуцентом протовыражения, равно как и автором собственно паремиологического выражения в случае, если мысль при своем рождении сразу обрела свою оптимальную вербальную репрезентацию,

¹ Термины «ценностное пространство», «нормативно-ценностное пространство» используются в социологии и социальной философии. Ценностное пространство определяется как среда, в которой происходит формирование ценностных ориентаций личностей [111, с. 469]. С. С. Кладько подчеркивает, что нормативно-ценностное пространство детерминирует внутреннее единство любого социокультурного сообщества и в то же время выявляет нечто общее в «смысловом пространстве» мировой культуры [138].

² Ф. Зайлер отмечает, что все пословицы, созданные неизвестными или известными лицами, должны пройти через народное употребление, в противном случае «едва ли это были бы пословицы» [377, с. 36].

может быть и один человек. И хотя данный индивид – продуцент паремии, субъект паремиологической концептуализации, – «оказывается ничтожной песчинкой в составе народном» (В. Гумбольдт, цит. по П. А. Флоренскому [327, с. 90]), как и любой другой индивид, речемыслительная деятельность которого приводит к обогащению языка, содержательные и формальные аспекты паремии нередко указывают не только на этническую, но и на социальную принадлежность своего создателя [25–А; 26–А].

Рассуждая о том, какой социальной среде обязаны своим рождением русские паремии, В. И. Даль однозначно определяет этой средой простонародье. Филологически точно в своих рассуждениях В. И. Даль определяет и языковые средства, играющие роль маркеров менталитета русского крестьянства. В. И. Даль считает, что паремии «слагаются только в пору первобытной простоты речи», слагаются стихийно и хранятся в памяти во многом благодаря тому, что простой народ проявляет достойное упорство в том, чтобы сохранить и сберечь исконный быт свой [83, с. 6].

Несомненно, формирование национальных паремиологических фондов – процесс длительный, происходящий параллельно с формированием и становлением национальных языков как таковых, а это означает, что разноязычные паремии могут отличаться как по времени своего зарождения, так, возможно, и по источникам аккумулированных в их содержании знаний, социальному статусу субъектов паремиологической концептуализации¹.

История формирования немецкого паремиологического фонда, к примеру, как считают паремиологи-германисты, существенно отличается от истории формирования фонда русских паремий. Немецкий паремиологический фонд, по мнению А. Е. Графа, Н. И. Ефремовой, в большей мере, чем русский, испытывал на себе влияние письменных источников [78, с. 16, 17; 102, с. 3, 13]². Русская паремия проистекла в основном из крестьянской среды, продуцентами немецких провербиальных выражений, как указывают Ф. Зайлер и А. Е. Граф, были люди разных профессий и разных социальных слоев [377, с. 2; 78, с. 16]. Косвенным свидетельством данного факта Ф. Зайлер считает то, что в немецком провербиальном фонде обнаруживаются как низкие, так и высокие по своей коннотации выражения [377, с. 2].

¹ Разумеется, что со становлением национальных языков паремиотворчество не прекращается, а в настоящее время принимает весьма своеобразные формы (специфично, к примеру, образование «антипословиц» [50]), однако в любом национальном паремиофонде есть та его часть, которая имеет древние корни и сохраняется усилиями социума по причине неизменной актуальности транслируемых идей.

² Заметим, что каждый из паремиологических фондов характеризуется наличием таких паремий, которые могут иметь своими корнями письменные источники, тем не менее, закрепляясь «на устах», книжные выражения, как правило, утрачивают свою «книжность» (обычно в результате трансформаций, в чем нетрудно убедиться на примере библейских по происхождению паремий). Установление удельного веса такого рода паремий в любом из паремиологических фондов требует специальных исследований; соответственно, выводы, касающиеся меры влияния книжных источников на формирование того или иного фонда, должны иметь под собой основательную доказательную базу.

Стилистическая неоднородность – явление закономерное для языковых единиц, подчеркивает Ф. Зайлер: в античное время тоже прослеживалась разница между утилитарными, тривиальными, лишенными стилистической утонченности выражениями и глубокомысленными изречениями просвещенных людей [377, s. 3]. Однако обращает на себя внимание и другой факт: между двумя стилистически маркированными классами паремиологических единиц есть широкая буферная зона паремий (и они составляют, по мнению Ф. Зайлера, абсолютное большинство), которые «служат всем народным слоям без различия» [377, s.3]. Происхождение таких паремий Ф. Зайлер связывает с тем временем, когда мировосприятие и манера речи членов общества не были детерминированы классовым расчленением [377, s. 3]. Закономерны в связи с этим вопросы, когда же именно начали появляться такого рода паремии и чем мотивировалось их возникновение и распространение, почему многие из таких паремий обнаруживают корреляты в разных лингвокультурах.

По-видимому, то, что должно было объединить отдельных людей и получить в связи с этим непреходящее интенциональное значение, стать основанием для аккумуляции в сознании всего коллектива, – это ценности коллектива. Формирование представлений о том, какие ценности составляют основу бытия человека, к чему следует стремиться, а от чего отстраняться, относится к той далекой древности, когда человек научился видеть в единичных и случайных фактах закономерное, когда им была осознана насущная потребность передавать накопленный опыт другим людям, когда стало очевидным, что общежитие невозможно без определенного рода правил, которых должны придерживаться все члены коллектива. Известный русский паремиолог И. М. Снегирев именно так объясняет причины появления в человеческом обществе пословичных изречений: «Когда народ, освобождаясь от оков грубого невежества, начинает наблюдать и размышлять, тогда у него появляются плоды его наблюдений и размышлений в кратких, резких и замысловатых изречениях, кои обращаются в пословицы. Сии изречения людей, среди народа превосходных умом и долговременною опытностью, утверждаясь общим согласиём, составляют мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец» [299, с. 151]. Вслед за И. М. Снегиревым и В. И. Даль связывает природу паремий, в частности пословиц, с назидательностью. Пословица, в определении В. И. Даля, «приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [83, с.10–11].

Дидактическую, а точнее, регулятивную функцию признают в качестве основной или, по крайней мере, одной из основных функций пословичных выражений, как уже отмечалось ранее, и современные паремиологи¹. Итальянские фольк-

¹ Разногласия в основном наблюдаются в решении вопроса о том, все или не все паремии характеризуются прескриптивной функцией (обзор точек зрения по этому вопросу приводится в работе Е. И. Селиверстовой [279,

лористы М. Страньеро и Р. Шваменталь полагают, что есть все основания считать назидательную функцию для пословичных изречений первичной, однако ставят под сомнение ставшее аксиоматичным утверждение, что поговорки являются «глазом народа» [379, р. V–VI]. Во-первых, по мнению данных исследователей, не все, что продуцируется народом в процессе коммуникации, справедливо и мудро; есть основания утверждать, что народу свойственно выражать также глупость, заблуждения, противоречивые мнения. Может быть, задаются вопросом М. Страньеро и Р. Шваменталь, только эта часть и представляет собственно «хваленую мудрость» народа? [379, р. V] ¹.

Вторая причина, которая побуждает исследователей обращаться к проблеме поиска субъекта знаний, аккумулированных в паремиологических единицах, заключается в том, что эти знания, и в наибольшей степени, как считает И. М. Снегирев, именно те, что касаются «до права естественного и нравственности», оказываются общими не для одного, а для многих народов, говорящих на разных языках и представляющих разные культуры [299, с. 152]. К примеру, выражения *Нет дыма без огня; Не рой другому яму – сам в неё попадёшь; Друг познаётся в несчастье; Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня; На Бога надейся, а сам не плошай; Век живи, век учись; Лёжа и камень мохом обрастёт; Кто не работает, тот не ест; Не всё то золото, что блестит; Пустая бочка громче звенит; Какова матка, таковы и детки; Незваному гостю место за дверью; Дарёному коню в зубы не смотрят; Своя рубашка ближе к телу*, как свидетельствует словарь Дж. Пацолая [373], имеют эквиваленты и / или аналоги более чем в 40 языках евразийского континента.

Итальянский паремиограф А. Артабер считает, что провербиальные идеи, касающиеся морали и нашедшие прекрасную форму своего воплощения в том или ином языке, только на первый взгляд кажутся принадлежащими исключительно тому или иному народу: при сопоставлении паремиологических фондов и движения в глубь веков выясняется, что многие из этих идей, будучи облаченными в одежды разных языков и разных времен, восходят к одному источнику [356, р. IX–X]. Небезосновательными в связи с этим являются предположения ученых, что таким источником могут быть, прежде всего, религиозные учения². Большая

с. 21–24]). Заслуживает внимания в этом отношении мнение Е. В. Ивановой, которая считает, что степень назидательности поговорок – величина варьируемая, имеется в виду то, что различные по своему содержанию поговорки характеризуются разной степенью назидательности [119, с. 19]. Роль формально-грамматической организации в детерминировании иллокутивных сил поговорок относительна, и в принципе любая грамматическая форма (даже вопросительная структура) может быть использована для выражения ценностной позиции, имплицитно императив, в то же время не всякая императивная по форме поговорка подразумевает обязательную реализацию рекомендательной интенции [9–А; 33–А; 57–А].

¹ На факт неоднородности пословичных изречений, оцениваемых с точки зрения здравого смысла, обращали внимание и известные собиратели русских поговорок (И. М. Снегирев [299, с. 309]; В. И. Даль [83, с. 10]). К аналогичным выводам приходит и Г. Л. Пермяков [248, с. 42].

² Обратим внимание на то, что ряд поговорок, отнесенных к числу универсальных или общеевропейских в словаре Дж. Пацолая (а именно пятая часть от общего числа паремиологических единиц в словаре), содержательно весьма близки библейским выражениям и Дж. Пацолая отмечает это в комментариях, предворяющих списки

часть доктрины Иисуса Христа, отмечает А. Артабер, изложена с использованием провербиальных формул [356, р. VIII]. «Кто не знает, что все формы человеческой мысли находят свои архетипы и высочайшую выразительность в притчах Соломона?» – пишет А. Артабер [356, р. VIII]. Естественно, что у блестящих по форме и мудрых по сути изречений, собранных в книге притч Соломона¹, есть автор. В настоящее время можно только строить предположения относительно авторства этой книги. Неизвестный автор жил в период правления Эзехия, и написание книги было завершено к 717 году до нашей эры [379, р. VII]. М. Страньеро и Р. Шваменталь указывают, что центральный раздел данной книги имеет значительное сходство с другим письменным источником, автором которого является египетский священник Амен-ем-хопе. Определить, какое из собраний является первичным, сейчас уже невозможно, так как их создание относится примерно к одному и тому же времени. Не исключено, что оба эти собрания, отмечают М. Страньеро и Р. Шваменталь, могут восходить к общему неизвестному нам источнику [379, р. VII], а это означает, что субъект не имеющих социальных барьеров истин (в том числе и тех, которые нашли отражение в других книгах Священного Писания), «автор» распространившихся повсюду провербиальных формул, «поэтических микрофактов» (в определении Т. Франчески [365, р. XVI]) растворяется в «седой древности» [379, р. VI; 357, р. XLIII].

Проблема установления происхождения провербиальных выражений, связанная с определением этнической принадлежности их продуцентов, креаторов идей, нашедших отражение в разноязычных паремиях, является действительно сложной, и это отмечают многие паремиологи [51, с. 1–18; 79, с. 101; 248, с. 24; 290, с. VI; 368, р. 174; 380, р. 257–258]. «Попытка установить, каким нациям принадлежит отцовство того или иного изречения, – пишет А. Артабер, – дело столь же бесполезное, напрасное, как и попытка выяснить его автора. <...> Греки заимствовали паремии с Древнего Востока, – пишет А. Артабер, – затем передавали их римлянам, от римлян паремии перекочевали во все языки западного мира, в особенности благодаря труду Эразма: в своем «Адажио» он перевел на позднюю латынь многие греческие и латинские паремии, которые затем распространились по всей Европе и превратились в национальные варианты» [356, р. XI, XIII].

Сводит на нет усилия паремиологов, связанные с уточнением источников значительного количества европейских паремиологических выражений, и отмечаемое многими исследователями смешение паремий народного и литературного происхождения в собраниях паремиологических единиц XII–XIII вв. В. Боджоне сетует на то, что при составлении одного из самых объемных словарей итальян-

---

эквивалентных паремий [373]. Библейские корни имеют названные нами выше паремии *Не рой другому яму – сам в неё попадёшь* [373, с. 77]; *Век живи, век учишь* [373, с. 182]; *Друг познаётся в несчастье* [373, с. 159]; *Какова матка, таковы и детки* [373, с. 137]; *Кто не работает, тот не ест* [373, с. 259].

¹ Это одна из семи книг Ветхого Завета. Источниками многих крылатых выражений, пословиц и поговорок стали также книги «Премудрость Иисуса, сына Сирахова»; «Екклизиаст, или Проповедник».

ских паремий, включающего 30000 паремиологических единиц, авторский коллектив зачастую рисковал «присвоить статус пословицы чеканке автора», так как на поверку выходило, что «дистанция между паремиями и максимами литературного происхождения не такая уж и большая» [357, р. XXVII]. В. Боджоне упоминает Данте, в произведения которого «стекаются многочисленные материалы, берущие начало из сборников сентенций средних веков, а также традиционные народные провербиальные выражения» [357, р. XXVII]. Данте и сам являлся автором многих выражений, которым он придал характер народных и которые впоследствии стали расхожими, в итоге, паремиографам невозможно установить точно, какие же сентенции являются собственно дантовскими, а какие народными в дантовской обработке [357, р. XXVII]. Аналогичные трудности испытывают английские и американские паремиографы при оценке выражений, приписываемых Д. Чосеру, У. Шекспиру, Б. Франклину [368, р. 7, 99; 119, с. 134]. Список писателей и общественных деятелей, использовавших провербиальную форму для передачи оригинальных или чужих мыслей, творческой обработки заимствованных выражений, может быть продолжен, и для каждой лингвокультуры он свой.

Очевидно, что паремии по своему происхождению неоднородны. А. Артабер в предисловии к семязычному паремиологическому словарю указывает на несколько источников формирования европейских паремиологических фондов. Во-первых, это устное народное творчество, имеющее очень древние корни. А. Артабер подчеркивает, что многие памятники устного творчества «несут на себе отпечаток и характер народа и лучше, чем история, объясняют обычаи, способ видеть, чувствовать, думать и судить» [356, р. VIII–IX]. Стихийно возникшие в народной среде паремии имеют «свою этику, свою теологию, свое видение человека в его связях с себе подобными и с самим Богом» [356, р. VIII]. «Семена здоровой морали» были рассеяны по всей Европе благодаря философам, эрудитам, поэтам и прозаикам, которые употребляли паремии в своих произведениях, комментировали их и составляли сборники. Во-вторых, христианское учение, наставления евангелистов, облеченные в провербиальную форму, в которой и попали на уста народа. В-третьих, книги прославленных писателей: авторские речевые обороты, максимы и сентенции, покинувшие контексты и превратившиеся с течением времени в универсальные пословицы. В-четвертых, заимствования как проявление реальной жизни языка [356, р. VII–XI]. К аналогичным выводам приходят и другие ученые¹, добавляя к этому списку басни, острые ответы и шутки, диалоги [299, с. 156; 260, с. 93–98].

¹ Выдающийся этнограф Е. Ф. Карский писал: «Ко многим выводам, изложенным в пословицах, люди пришли уже давным-давно, еще, быть может, в эпоху индоевропейского единства, затем – общеславянской жизни и в прарусскую эпоху <...>; основные положения многих пословиц могли быть заимствованы одним народом у другого путем разных сношений, но многие пословицы появились и у данного народа; у белорусов, например, до сих пор часто рассказывают о тех случаях и приключениях, которые послужили поводом для известных выводов, имеющих форму пословиц. Все указанные обстоятельства следует принимать во внимание, когда приходится делить пословицы по времени их возникновения; когда идет речь о сходстве пословиц у разных народов; когда,

Одним из источников proverbially выражений, по мнению И. М. Снегирева, являются судебные обычаи, законы и постановления [299, с. 156]. Зарубежные и отечественные паремиологи подчеркивают, что история становления национальных паремиологических фондов свидетельствует о том, что члены социума намеренно облекали принятые ими уставы и решения, необходимые для упорядочения жизни в обществе, в пословичную форму. Не случайно Нюруп и Гедегорд, как отмечает И. М. Снегирев, «с успехом употребляли датские, а Эйзенгарт немецкие пословицы для объяснения древних прав и законов, скандинавских и германских, рассматривая сии народные изречения как остатки неписьменных и основания письменных законов» [299, с. 326]. Ссылается И. М. Снегирев и на исследователя И. Ире, который, основываясь на древних свидетельствах, утверждает, что «пословицы народные, принятые общим употреблением, заменяют закон; от сего у готтов *sed* значит обычай, а *ordsed* – пословица», и приводит в подтверждение следующее старинное сказание: «Пословицы, вошедшие в общее употребление, часто служат законами» [299, с. 326]. И даже тогда, указывает И. М. Снегирев, когда уже существовали письменные законы, и тогда народные приговоры и судебные обычаи хранились в пословицах [299, с. 325]. Все эти факты являются подтверждением назидательной функциональной специализации паремий.

Несомненно, формирование паремиологических фондов разных народов имеет и свои особенности, проявляющиеся как в разной степени значимости того или иного источника [119, с. 136], так и в наличии специфических источников. У каждого паремиологического фонда своя судьба и своя история, вероятно, различной является доля участия в продуцировании паремий представителей разных сословий, родов занятий и т.п. Однако выявляемые учеными сходства в пословичной концептуализации мира¹ позволяют конструировать и отвлеченный образ продуцента паремий, то есть того, кто случайно или по велению чувства долга становился создателем полезного для общества слова, того, кто проявлял способность оценивать свои и чужие поступки, давать советы и рекомендации исходя из принятых в обществе представлений о благе.

Таким образом, субъект паремиологической концептуализации, субъект когнитивных структур, воплощенных в паремиях того или иного этноса, собирательный, его социальная роль – член общества, наблюдательный, равнодушный, с поэтическим складом ума или, по крайней мере, с развитой интуицией, способный выразить свое и общее мнение в оптимальной форме, его социальный статус – человек преимущественно доиндустриальных форм трудовой занятости ли-

---

наконец, приходится привлекать пословицы к характеристике быта и нравственного облика известного народа или племени» [130, с. 471].

¹ Современные исследования подтверждают действие единых механизмов в семиозисе [176; 179; 329; 347 и др.]. Содержательно и «опредмеченно» действие этих механизмов проявляется и при образовании паремий [119, с. 81; 202, с. 11–13; 273, с. 17; 318, с. 11–14; 368, р. 156 и др.].

бо философ, просвещенный человек. Исторически для каждого провербиального фонда складываются свои пропорции участия в его создании непросвещенных, «простых» представителей социума и просвещенных людей, в том числе и профессиональных художников слова. Распространители и аккумуляторы пословичного знания – народ как совокупность говорящих на том или ином языке, народ как социум, стремящийся к сохранению всего того, что имеет социальную значимость и служит залогом миропорядка. Отражая эти стремления, паремии приобретают в культуре глобальное прагматическое значение – культурную функцию, заключающуюся в трансляции социально значимого знания и формировании на его основе ценностно-ориентационного единства членов социокультурного сообщества. Культурная функция паремий обуславливает их назидательный смысл, проявляется в оказании воздействия на ценностное сознание членов социума.

Источником аккумулярованных в паремиях знаний мыслится жизненный опыт, потому эти знания называют житейскими¹. С течением времени жизненный опыт поколений меняется, часть паремиологических единиц утрачивает свою актуальность, другая же часть остается востребованной, выявляя непреходящее интенциональное значение соответствующих ценностей. Исследователь белорусской литературной и народной афористики Е. Е. Иванов в связи с этим пишет: «При взгляде на состав паремиологического фонда языка с синхронической точки зрения можно обнаружить определенное количество пословиц, лексико-грамматический состав которых существенно не менялся на протяжении длительного времени и которые активно употребляются сегодня в той же форме и с тем же смыслом, что и много столетий тому назад. Совокупность таких пословиц можно определить как основной паремиологический фонд языка – корпус пословиц, которые являются общеизвестными и наиболее употребительными, а это значит содержательно актуальными для носителей языка на различных этапах его исторического развития, включая современный период. Такие пословицы находятся вне исторической динамики языка и могут рассматриваться (с известной долей условности) как паремиологическая константа» [118, с. 51–52]. Известный российский фразеолог и паремиограф В. М. Мокиенко хотя и выражает скепсис относительно возможности выявления экспериментальным способом некоторого общего «для всех» носителей конкретного языка актуального состава паремий – так называемого паремиологического минимума, однако не отрицает существования «более или менее условного ядра национальной паремиологии» [222, с. 179].

Возможность установления такого ядра национальной паремиологии Е. Е. Иванов связывает с диахроническим подходом к анализу паремии: «Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд, таким образом,

---

¹ Н. Б. Мечковская подчеркивает, что в основе «донаучного» массового сознания лежит житейский опыт, он и находит отражение в пословицах, поговорках, максимах здравого смысла, популярных клише, неустойчивых общих тривиальных суждениях [211; 212].

противопоставляются друг другу на основании глобальной антиномии двух подходов к анализу языка – диахронического и синхронического» [118, с. 52]. Очевидно, что те ценности, которые утверждаются в паремиях, представляющих «паремиологическую константу» национальных паремioфондов, то есть определяющих континуумность паремioпространств по вертикали, имеют отношение, как утверждают зарубежные исследователи, к наиболее общим законам бытия, неизменным чертам человеческой природы [361, р. 91; 375, р. 214]. Это наводит на мысль о том, что велика вероятность совпадения ценностей, являющихся доминантными для носителей обыденного сознания в разных этнических культурах.

Основанием для выдвижения такой гипотезы являются содержательные корреляции разноязычных паремий, которые носят не эпизодичный, а, по сути, системный характер. Сопоставительный анализ паремий многих народов мира позволил Г. Л. Пермякову прийти к поразительным выводам. В пословичном фонде любого языка, по мнению Г. Л. Пермякова, можно найти соответствия для каждой пословицы и поговорки другого языка, все дело только в полноте сборника [248, с. 27]. Со ссылкой на множественные источники Г. Л. Пермяков таким образом обобщает взгляды исследователей на решение проблемы объяснения содержательного сходства паремий: «Одни из них <ученых-паремиологов> объясняют сходство пословиц и поговорок этническим и языковым родством народов <...>; другие – заимствованиями, обусловленными хозяйственными и культурными контактами» <...>; третьи – сходством исторического опыта и “однородностью идеологии” на одинаковых ступенях общественного развития <...>» [248, с. 24]. Однако, наблюдая то, что и «у народов, не состоящих в родстве, не имеющих и не имевших общения друг с другом и находящихся на разных ступенях общественного развития, тоже встречаются одинаковые по смыслу пословицы», Г. Л. Пермяков заключает, что «ни родство, ни контакты, ни даже сама история народов не являются решающими причинами сходства разноязычных паремий» [248, с. 25].

Если учесть, что пословицы как жанр существовали и у шумеров, чье пребывание на Земле относится к IV-III тысячелетию до нашей эры, и шумерские пословицы в принципе «учат» тому же, что и пословицы, созданные значительно позже¹, то вполне объяснимыми кажутся попытки трансценденталистов объяснять наличие и сохранение некоторых жизненных канонов в любом человеческом обществе тем, что всем людям присуще «моральное чувство» или «сверхдуша» (термин Р. Эмерсона), интуитивно раскрываемая в человеческой повседневности [255]. Созвучны идеям креационизма, гипотезе о программировании человеческого сознания извне мысли русского ученого И. М. Снегирева, который в середине

¹ См., например, такие шумерские паремии: *Балованная собака становится щенком; Воин без командира – поле без пахаря; Если ты осторожен – Бог твой с тобой; Из двух зол выбирать не стоит; Не делай зла – не будешь в вечном страхе; Кто чувствует стыд, тот начинает чувствовать долг* [346].

XIX века писал следующее: «Ежели здравый смысл и народная мудрость есть правило, свыше внушенное человеку и сохраняющее всюду в существе своем первобытное единство, то и пословицы, как правила народного благоразумия, имеют почти одинаковый смысл у всех племен древних и новых, хотя в выражении своем и представляют разнообразие от местных причин и от особенного взгляда на предметы» [299, с. 151–152]. Выражает И. М. Снегирев и иного рода предположения, которые по сути своей предвосхищают современные гипотезы зарубежных когнитологов о врожденности многих механизмов концептуализации чувственного, эмоционального и моторного опыта [159, с. 13], о существовании в мозгу человека системы «априорных» универсальных когнитивных структур [159, с. 196]. Русский ученый замечает, что сходство разноязычных пословиц происходит не от того только, что один народ сообщил правила народного благоразумия другим, а от того, что это сходство «впечатлено в чувствах и мыслях человечества; так что даже и заимствованы сии правила по врожденному ощущению справедливости и по аналогии оных» (разрядка наша – Е. Н.) [299, с. 151–152]. Чуть далее в своей книге «Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах» И. М. Снегирев приходит к такому заключению: «Замечаемое при сличении сходство некоторых русских пословиц и поговорок с восточными, греческими, латинскими, немецкими и гномами других народов, сродственных или входивших в сношения со славяноруссами, – такое сходство, существенное и случайное, основывается или на единстве и общности коренных, свойственных человеку понятий об истине, добре и зле, или на взаимных разновременных сношениях одного народа с другим, на мене мыслей и слов, кои у них так укоренились и усвоились, что трудно разграничить сие чересполосное владение человечества и отделить коренное от прививного» (разрядка наша – Е. Н.) [299, с. 159].

Даже если принять во внимание допущение о врожденной способности человека к индукции, позволяющей «делать заключения о неких правилах, закономерностях, тенденциях в окружающем мире на основании наблюдений за регулярно повторяющимися явлениями» [165, с.13], интерпретация мира человеком в целом зиждется на том опыте, который приобретает человек в результате социализации. Следовательно, провербиальные идеи¹, принадлежащие уму представителей разных этносов, обнаруживают сходство не только потому, что мир для человека един и человеческий мозг фиксирует повторяемость повседневных ситуаций, отражающих «стереотипы человеческого общежития» [119, с. 90], но и потому, что выбор таких ситуаций детерминируется их социальной значимостью, обусловлен восприятием и интерпретацией сущего через призму идеалов и ценностных приоритетов коллектива, связан с ожиданиями носителей культуры соот-

¹ По замечанию В. Боджоне, провербиальных идей оказывается бесконечно меньше, чем самих пословиц [357, р. XLV].

ветствия избираемых человеком моделей поведения и способов действия принятым в социуме нормам, а также потому, что в ценностно-нормативных системах, принадлежащих ценностному сознанию носителей разных этнических менталитетов, оказывается много общего.

Таким образом, содержательное сходство разноязычных паремий, существование множества межъязыковых паремиологических коррелятов¹, может быть объяснено не только и, разумеется, не столько заимствованием идей, «переходом» паремиологических единиц из одного языка в другой, созданием паремиологических единиц по аналогии, сколько совпадениями в ценностно-нормативных системах разных этносов и единими детерминациями паремиологической концептуализации вообще. Этими факторами объясняется выделение одних и тех же ситуаций и их интерпретация как релевантных в эмпирическом плане, то есть возникновение на собственной почве выражений, выявляющих тождественность «чужим», и восприятие и адаптация «чужого» в процессе взаимодействия культур.

Единство позиций, с которых осуществляется ценностная интерпретация сущего, является одновременно результатом и основанием развития семиосферы² – «семиотического пространства, вне которого невозможно само существование семиозиса» [193, с. 13]. С семиотической точки зрения тождество разноязычных паремий является следствием совпадений в процессе двойного означивания, что согласуется с трактовкой Ч. Пирсом значения как «перевода знака одной системы в другую систему знаков» (Пирс, цит. по Р. Якобсону [350, с. 164]). В нашем случае переводом связываются знаки, представляющие разные измерения в семиотическом пространстве. Механизм данного перевода отчасти уже определен Г. Л. Пермяковым [248, с. 25–26; 250, с. 19–20]: множество однотипных ситуаций, являющихся объектами восприятия, точнее, повторяемость таких ситуаций в интерпретации человека выступает знаком определенного отношения, наблюдающегося в реальной действительности между вещами и их свойствами, между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств, между свойствами вещей, которое в случае значимости для человека и получает свое вербальное обозначение – знаковую природу иного свойства. Наблюдающееся при этом тождество интерпретант есть не что иное, как проявление континуумности паремиопространств по горизонтали (единства семиосферы), континуумности, детерминированной, с одной стороны, универсальностью действия когнитивных механизмов, фиксирующих существующие закономерности человеческого бытия и обеспечивающих перевод типичных ситуаций, мыслимых как знаки-стимулы, в

¹ Эти корреляты фиксируются многоязычными паремиологическими словарями [6; 373; 407; 419], а также находят последовательное отражение в некоторых одноязычных паремиологических словарях [395; 420].

² Сравн. с мнением В. Н. Телия, которая считает, что «языковые единицы, выступая в функции культурных знаков – эталонов или стереотипов культурно-национального миропонимания, не только участвуют в воспроизведении и межпоколенной трансляции установок национальной культуры, но и формируют ее вместе с усвоением и употреблением языка» [311, с. 269].

знаковую систему иного рода, с другой стороны, – совпадениями позиций, с которых осуществляется интерпретация мира, совпадениями в ценностном сознании интерпретаторов.

Семиосфера, тем не менее, как уже отмечалось выше, характеризуется не только единством «ментальных координат освоения мира» человеком [122, с. 164], «базового стереотипного ядра знаний» [252, с. 14], свойственного человеческому сообществу в целом, но и разобщенностью составляющих ее национальных концептосфер, детерминирующих интерпретанты. Вещи и идеальные сущности, важные для представителей одного этноса, для представителей другого этноса могут характеризоваться меньшей степенью значимости, быть нерелевантными, что так или иначе находит отражение в языке¹. Паремии выступают своеобразными индикаторами значимости материальных и идеальных объектов для носителей той или иной этнической культуры, выявляя, в соответствии с концепцией Е. В. Ивановой, универсальное, общее или специфическое в национальных менталитетах [119, с. 125–131]. Естественно предположить, что чем более релевантной для человека вообще является та или иная ценность, тем более вероятным представляется отнесение паремий, способствующих утверждению этой ценности, к «паремиологической константе», ядерным зонам национальных паремиофондов.

Семиосферу не следует рассматривать и как простое слагаемое частных семиотических пространств. Ю. М. Лотман пишет: «Можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда все здание будет выглядеть как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичным окажется не тот или иной кирпичик, а “большая система”, именуемая семиосферой» [193, с. 13]. Эта мысль подтверждает то, что существуют единые детерминации возникновения паремий и формирования паремиофондов, которые и выступают главным фактором континуумности паремиопространств как по вертикали, так и по горизонтали. Общие для разных лингвокультур причины формирования паремиофондов прослеживаются в основаниях системности паремий.

---

¹ В монографии автора данного диссертационного исследования приведены результаты количественного анализа паремий, подтверждающие, к примеру, культурную маркированность в менталитете итальянцев концепта «oliva» на фоне отсутствия лингвокультурного статуса у ментальных образований, замещающих представление о соответствующей реалии в сознании русских, белоруссов и немцев; более высокую степень валёрности имени концепта «Wurst» в немецкой лингвокультуре в сравнении со степенью валёрности имен соответствующих концептов в русской, белорусской и итальянской лингвокультурах [1–А, с. 53–56].

1.3 Системность паремиологических единиц

Мир, окружающий человека, целостный и гармоничный, и, соответственно, образ мира, существующий в сознании человека, обладает такими же характеристиками – он глобальный и упорядоченный. Однако эта упорядоченность всегда задается позицией, с которой осуществляется интерпретация мира человеком, и, соответственно, та или иная интерпретация мира «информирует» о позиции того, в чьем сознании сконструирована та или иная картина мира.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что видение мира может быть детерминировано разными факторами, поэтому правы те исследователи, которые считают, что «существует столько картин мира, сколько имеется “призм” мировидения» [259, с. 32]. Своеобразие паремиологической картины мира обусловлено культурным назначением паремий и состоит в интерпретации сущего через призму значимого. Иными словами, паремиологическая картина мира – это когнитивная модель мира, в которой отражается ценностное осмысление сущего¹. Философия, которую воплощают паремии, в определении И. И. Носовича, – это нравственно-практическая философия [405, с. III].

Специфика паремий как семиотических феноменов, воплощающих нравственно-практическую философию, состоит в том, что они способны передавать смыслы, по своей значимости соотносимые с текстовыми и, соответственно, дискурсивными структурами². В семантике, синтактике и прагматике паремий может манифестироваться информация о конкретных воплощениях жизни паремии – актах первичной, связанной с продуцированием, и вторичной, связанной с воспроизведением, коммуникаций³. Дискурсивная информация, по нашему мнению, не исчерпывается «предметным» содержанием паремиологической единицы, отражающим коллективный опыт познания мира, и не сводится к прагматическому компоненту значения паремий, связываемому с целевыми установками говорящего. Дискурсивная информация отражает выстраиваемую в нашем сознании ассоциативную связь текста с элементами реальных и виртуальных речевых ситуаций, а следовательно, так или иначе определяет структуру речевого акта, моделирует его. Весьма показательными в этом отношении являются словарные дефиниции паремий, включающие в свой состав и стилистические коннотации, и указание на происхождение, условия и цели употребления паремиологических единиц» [26–А,

¹ В. Н. Телия подчеркивает, что паремии отсылают не столько к миру как таковому, сколько к ценностной картине мира, сформированной в народном сознании [311, с. 74].

² Говоря о дискурсивной информации, манифестированной в содержательных и формальных аспектах паремий, автор работы исходит из положения о том, что любой текст представляет собой своеобразную «упаковку» дискурса [96, с. 42; 328, с. 82].

³ К примеру, паремия (разумеется, при наличии соответствующих маркеров дискурсивной информации) может свидетельствовать об этнической, гендерной принадлежности автора протовыражения, которое с течением времени подверглось паремиологизации, о времени создания текста и др. [26–А].

с. 413–414]. Иными словами, паремия может информировать об устойчивых признаках дискурсивных реализаций и вне контекстных употреблений, то есть сохраняться в пространстве культуры как микротекст, являющийся фиксированным результатом множественных дискурсивных процессов, лежащих в основе паремиологизации протовыражения [26–А]. Фиксированность этого результата в языковом сознании, выражающаяся в приобретении паремией способности выступать в роли единицы, означающей и одновременно моделирующей множество переменных ситуаций [260, с. 100; 246, с. 254; 249, с. 20; 357, р. XLIII], и является причиной гибридизации семиотической природы паремий.

Считаем оправданным в связи с этим признавать гармоничное сочетание в паремии признаков речевой единицы, отражающей укоренившееся в сознании коллектива мнение по поводу проявления той или иной закономерности в жизни, и языковой единицы¹. Признаки языковой единицы проявляются в воспроизводимости (частичном либо полном воспроизведении компонентного состава паремии), в отличной от переменных предложений денотативной структуре, выявляющей феномен двойного означивания – типовой ситуации, «узнаваемой» в знаке², и ситуации, подводимой под класс типовых, в ограниченном пространством бытия, но не ограниченном во времени поле референции.

На правах языковых единиц паремии включаются в языковую систему, выявляя внутренние системообразующие связи, свою системность. Естественно полагать, что системообразующие связи паремиологических единиц должны поддерживаться определенной средой и наиболее явственно проявляться в этой среде, поскольку, согласно синергетическому подходу к определению закономерностей системной организации, «и ресурсы и информация поступают в систему извне, и именно они являются первичным фактором системных процессов» [124]. Этой средой является лингвокультура конкретного народа, в которой и формируется провербиальное пространство (термин Ю. И. Левина [178], или, в терминологии Е. И. Селиверстовой, паремиологическое пространство³ [280]). В докторской диссертации «Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность» Е. И. Селиверстова показала, как «живет» паремиологическое пространство и убедительно доказала факт наличия «паремийного реквизита» – строевых элементов паремий, способствующих в определенном смысле самоорга-

¹ Л. Б. Савенкова убедительно доказывает синкретичность знаковой природы паремий и неправомерность категоричного отнесения паремиологических единиц исключительно к речевым или исключительно языковым единицам [272]. Аналогичной позиции придерживается Е. В. Иванова, обобщая существующие подходы к определению паремий как языковых и текстовых знаков [119, с. 22–23]. Очевидно, что различие подходов к определению семиотической сущности паремий во многом обусловливается обращением исследователей к разным аспектам паремий, на это обращает внимание Х. Касарес [131, с. 215], Г. Л. Пермяков [250, с. 8].

² По сути, это означивание знания о прецеденте и одновременно актуализация связи с прецедентным выражением как общепринятым «способом» означивания этого прецедента (прецедентность определяется одной из существенных характеристик паремиологических единиц исследователем Н. Н. Семененко [281]).

³ Паремиологическое пространство, в определении Е. И. Селиверстовой, – это среда, «в которой формируются и функционируют паремии и которая ими же и создается» [280, с. 3].

низации провербиального пространства, сохранению живых связей между существующими паремиями и образованию новых паремий, – это паремиологические конденсаты, биномы, отдельные тиражируемые компоненты, синтаксические модели [280].

Паремиологическая система, таким образом, характеризуется динамичностью; статичной, застывшей в той или иной форме своей организации она представлена только в словаре.

Полная и в то же время открытая система паремиологических единиц является достоянием культуры этноса. В сознании отдельных членов языкового коллектива паремиологическая система представлена в редуцированном виде: каждый носитель языка обладает тем или иным паремиологическим минимумом. Незнание носителем языка тех или иных паремий не приводит к асистемности единиц, составляющих национальный паремиофонд (как, например, незнание носителем языка тех или иных слов не приводит к асистемности лексических языковых средств), не приводит также и к асистемности других средств коммуникации в коллективном языковом сознании, используемых в речи наряду с паремиями. Каждая актуальная в семиозисе паремия существует в сознании членов коллектива как готовое средство с определенным семантическим потенциалом; открытым набором функций; способностью к текстовым трансформациям, ограниченным порогом «узнаваемости»; своим местом в парадигме синонимичных, антонимичных и вариантных выражений. Более того, любая услышанная человеком первый раз паремия из тех, что входят в основной паремиологический фонд, с очень большой долей вероятности будет воспринята им как единица, имеющая статус паремии, и соотнесена с тем фрагментом паремиологической картины мира, в котором ей надлежит быть.

Системность паремий как наиболее важная для настоящего исследования их характеристика, ввиду того, что установление любой системности базируется на выявлении общего в многообразии единичного, противоположного на фоне тождественного, упорядоченности в многочисленности, целостности и уникальности в некоторой «среде», требует специального, более подробного рассмотрения.

В философском понимании системный подход «сам по себе является нейтральным, поскольку системой является и атом, и живой организм, и человек, и общество в целом», поэтому очень важно установить те системные отношения, которые являются системообразующими именно для той или иной конкретной системы [70, с. 33]. Система, которую образуют паремиологические единицы в языке на основе реконструируемой паремиологической картины мира как части языковой, пронизана неоднородными системообразующими отношениями, поскольку объединению, связыванию паремиологических единиц в систему способствуют разного рода основания, а точнее, признаки паремий: содержательные, структурные и функциональные. В концентрированном представлении факторы,

детерминирующие системность паремиологических единиц, можно определить с опорой на установление дистрибуций, распределений паремиологических единиц, вскрывающих сети их взаимосвязей, в рамках паремиопространства как некоторого целого.

1. Для утверждения тезиса о том, что паремии в этнических культурах характеризуются содержательными основаниями системности (не всегда проявляющимися в формальном выражении прямо, требующими опоры на интерпретативные модели), мы исходим, прежде всего, из того, что каждая паремия в своем исходном смысле опирается на определенное понятие – категорию логического типа – основу концепта как более широкой по объему ментальной репрезентации знаний. Эти категории являются узловыми, базовыми в осмыслении мира человеком, доказательством чего являются содержательные корреляции разноязычных паремий, носящие, по мнению Г. Л. Пермякова, не эпизодический, а системный характер. В паремиях разных народов так или иначе говорится о родине, труде, законе, семье, дружбе или вражде, уме или глупости, высокомерии или кроткости, храбрости или трусости и т. п.

Подтверждает факт совпадения базовых понятийных категорий, лежащих в основе паремиологической концептуализации, и предпринятое в данном исследовании сопоставление структуры разноязычных паремиофондов, а именно наблюдающиеся корреляции в названиях тем в разноязычных тематически организованных словарях и корреляции в сферах концептуализации. Выделенные в результате анализа тематических собраний паремий общие сферы концептуализации (среда обитания человека; физическое в природе человека; быт и материальные интересы человека; трудовая деятельность человека; человек и его семья; общество, государство, мир и человек; мораль и психический мир человека; духовная жизнь человека) не являются совершенно автономными, они пересекаются, их выделение и связность обусловлены «логикой» жизни человека, антропоцентрическим видением мира носителями обыденного сознания. Уместно упомянуть в связи с этим замечание А. Крикманна о том, что «пословица носит в своих формальных аспектах множественные признаки того, что она является творчеством человека о человеке и для человека» [161, с. 166].

Проявление антропоцентричности в паремиологической концептуализации и категоризации мира есть не что иное, как следствие апперцепции, то есть «зависимости восприятия от общей направленности и всего предшествующего опыта человека» [304, с. 57]. Накапливание жизненного опыта, осмысляемого через призму обыденного сознания и выливающегося в стандартные рефлексии на те или иные жизненные обстоятельства, осуществляется в очерченных интересом человека зонах. Чем выше интерес к тому или иному объекту реальной действительности, тем больше вербальных рефлексий, связанных с определением прагматической релевантности признаков данного объекта для человека, больше вероят-

ность формирования соответствующей ментальной репрезентации в сознании человека, богаче содержание этой репрезентации в памяти. «Намагниченные» жизненным интересом человека объекты [34, с. 5], то есть объекты, представляющие направленности человеческого интереса, способствуют формированию первичной системы координат в постижении мира, определяющей релевантные для обыденного сознания сферы концептуализации с присущими им сетями концептуальных зависимостей.

Таким образом, восприятие внеязыковой действительности продуцентами паремий детерминировано предшествующим паремиологической концептуализации опытом постижения мира, существованием в мозгу отдельных индивидов и коллективном сознании когнитивной модели мира, находящейся «вне» паремиологической системы, но определяющей ее структуру. Стержневые концепты паремий соотносятся с узловыми ментальными репрезентациями в этой модели, как наиболее релевантными в опыте постижения мира понятиями. Паремиологическая концептуализация «оживляет» связи в уже имеющихся моделях хранения знания с подчиненной антропоцентрическому видению мира сетью концептуальных зависимостей.

Следовательно, важнейшим фактором системности паремиологических единиц является обусловленность паремиологической концептуализации направленностями интереса продуцентов паремий, представленными в ментальных репрезентациях набором базовых категорий¹, которые и выступают аттракторами в когнитивном пространстве – функционируют в качестве упорядочивающих начал в структурировании опыта. Подчеркнем, что это положение согласуется с основополагающим тезисом синергетики, согласно которому, именно «неравновесность» объектов выступает условием и источником возникновения «порядка», организующим началом любой системности [221]. Таким образом, апперцепция определяет дистрибуцию паремий в моделях хранения знаний в соответствии с базовыми категориями и сферами концептуализации, отражающими структуру бытия человека в ее антропоцентрическом видении.

2. Направленности человеческого интереса, способствующие формированию когнитивной модели мира в обыденном сознании, – это объекты, вызывающие, в соответствии с определением интереса психологами, «потребностное отношение или мотивационное состояние, побуждающее к познавательной деятельности» [241, с. 247]. Если принять во внимание и более широкую трактовку интереса – как движущей силы человеческой деятельности вообще, отношения, выра-

---

¹ Понятия «базовые категории», «базовое восприятие пространства», «базовый объект», «базовое знание» используются в когнитивной лингвистике в связи с развитием идеи о существовании базового уровня категоризации, принадлежащей Б. Берлину и П. Кэю, и получившей широкое признание теории прототипов Э. Рош [165, с. 14]. Заметим, что введенное в научный аппарат понятие «базовое знание», определяемое как знание, представляющее базовый опыт, обнаруживает содержательную корреляцию с предложенным двумя столетиями ранее немецким ученым И. Ф. Гербартом понятием «апперцепционная масса» – запас представлений, обеспечивающих осознание вновь воспринимаемого [353, с. 84].

жающего стремление к овладению объектом, к достижению поставленной субъектом цели [88, с. 87], то направленности человеческого интереса отождествляются с ценностями. Это абсолютно закономерно, особенно в контексте того, что интерес определяется одной из форм общей направленности личности [201, с. 512], дефинируемой как система характеризующих человека нацеленностей, в основе которых лежат побуждения к чему-то стремиться либо чего-то избегать¹, и наиболее важной характеристикой интереса является то, что интерес в процессе своего развития может перерасти в устойчивую личностную потребность в активном, деятельном отношении к своему предмету [241, с. 247], а «опредмеченная потребность» есть не что иное, как ценность [76]. «Появление у социального субъекта интереса к кому-либо или к чему-либо, – пишет А. Н. Гончарова, – создает основу для постановки промежуточных и конечных целей его деятельности, оценки окружающей действительности с позиции поиска оптимальных условий реализации целей и удовлетворения имеющихся потребностей» [76]. Все это позволяет прийти к заключению, что первичная система координат постижения мира, определяемая направленностями человеческого интереса, изначально не амодальна; как верно заметил Н. Н. Болдырев, «человек не является пассивным созерцателем окружающих его вещей и явлений» [39]. В ходе накапливания опыта, «трансформации» интересов в устойчивые знания о ценностном / антиценностном смысле познанных объектов, вырабатывается вторичная система координат постижения человеком мира – «система мнений, оценок, ценностей, стереотипов», в рамках которой осуществляется вторичная, оценочная концептуализация и категоризация [39]. Обе системы координат в сознании человека оказываются совмещенными, так как оценочные категории представляют модусный тип знания и, «передавая вторичные знания как результат определенного способа интерпретации человеком первичных знаний», «наследуют» структуру и принципы организации оцениваемой области [39]. «Оценочная категоризация, по существу, – пишет Н. Н. Болдырев, – представляет собой результат пересечения или наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира – буквальную, физическую и ценностную, идеальную, то есть результат переосмысления окружающего мира с позиции ценностных концептов и категорий» [37, с. 102–114]. Это объясняет выводы паремиологов о том, что «система паремий конкретного народа опирается на систему ценностных концептов, сформированных этническим сознанием» [273, с.17], ведь интерпретация мира в паремиях осуществляется не только в соответствии с существующими в сознании носите-

¹ Не заостряя внимания на множественности трактовок понятия «направленность личности» в психологии, подчеркнем, что общим в этих трактовках является определение направленности как социально обусловленного психического свойства, характеризующегося рядом форм своего проявления (это влечения, желания, стремления, интересы, убеждения и др.) [267, с. 72; 201, с. 511]. Б. Г. Мещеряков в «Большом психологическом словаре» со ссылкой на Л. И. Божович определяет направленность личности как устойчивую (трансситуативную) устремленность, ориентированность мыслей, чувств, желаний, фантазий, поступков человека, которая является следствием доминирования определенных (главных, ведущих) мотиваций [214, с. 323].

лей языка оценочными категориями, определяемыми Н. Н. Болдыревым как форматы знания, закрепляющие итог познавательных процессов оценочного характера в языке [39], но и, по причине «внеязыковой направленности», «структурной и содержательной релятивности», вторичности оценочных категорий, в соответствии с фиксированными в сознании членов коллектива предрасположенностями оценивать сущее, выработанными в результате интериоризации индивидами ценностно-нормативных систем общества. Учет типов ценностей, отраженных в русских паремиологических единицах, позволил Л. Б. Савенковой выделить в русском паремиологическом фонде девять крупных пословично-поговорочных объединений и тем самым определить ценностно-смысловую упорядоченность русского провербиального пространства. По сути, Л. Б. Савенкова определила «структуру пословично-поговорочного пространства русского языка» через «структуру системы ценностей народа» [273, с. 9], осуществила дистрибуцию паремий в русском паремиофонде в соответствии с типами осмысляемых в них ценностей: 1) бытийных, 2) экономических, 3) утилитарно-практических, 4) познавательных, 5) психологических, 6) морально-нравственных, 7) общественно-политических, 8) религиозных, 9) эстетических [273, с. 18–19]. Аналогичному структурированию можно подвергнуть и другие провербиальные фонды и убедиться в системности объектов, осмысление постоянных, субстанциональных признаков которых способствует формированию оценочных категорий. Таким образом, вторым фактором системности паремиологических единиц следует признать оценочную концептуализацию и категоризацию действительности в паремиях. При этом под оценочной концептуализацией и категоризацией действительности следует понимать, как утверждает Н. Н. Болдырев, познавательную активность особого рода, при проявлении которой человек оперирует уже существующими, вербализованными концептами [39]. Каждая паремия в связи с этим получает свое место в системе средств, объективирующих ценностную картину мира этнического сообщества. Языковая оценка в паремиях воплощает ценностные ориентации членов социума и определяет дистрибуцию паремий в соответствии с ценностно-нормативными системами этноса, детерминирующими формирование оценочных категорий.

3. Единство мира для человека вообще на фоне бесконечного разнообразия всего сущего и единая природа человека вообще на фоне столь же бесконечного разнообразия индивидуального обуславливают то, что разные народы не только осмысляют одни и те же «вещи», но и обнаруживают одни и те же отношения между ними [148, с. 52; 249, с. 19–21; 249, с. 367]. Сеть отношений, устанавливаемая человеком между неязыковыми объектами, фиксируется его сознанием в соответствующих когнитивных структурах, по определению логиков языка и когнитологов в пропозициональных моделях [165, с. 134–136], и создает базу для проявления системных отношений в сводах языковых единиц, объективирующих эти

форматы знания. Таким образом, третьим фактором системности паремиологических единиц выступает «единая логико-мыслительная база» людей, обуславливающая тождество форм мысли при переработке данных, поступающих извне по чувственно-перцептуальным и сенсорно-моторным каналам, в знание о мире.

Учитывая то, что «пословицы и поговорки (как и другие изречения данного жанра) – не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами», Г. Л. Пермяков считает, и не без основания, что в основу классификации пословиц по их смыслу может быть положена классификация самих ситуаций и отношений, знаками которых паремии выступают [248, с. 26]. В результате анализа семантики разноязычных паремий, Г. Л. Пермяков выявил четыре типа логических отношений, представленных в паремических суждениях: отношение между вещью и ее свойствами, отношение между вещами, отношение между свойствами разных вещей в зависимости от отношений самих этих вещей, отношение между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств [249, с. 20–21]. Несмотря на то, что данные отношения отражают очень высокую степень абстракции в представлении семантики паремий, они являются тем каркасом, который при дальнейшей детализации отношений, находящих отражение в содержательных аспектах паремий, позволяет представить в системном виде все многообразие обобщенных смыслов, выражаемых паремиологическими единицами. Такая систематизация, вскрывающая логику интерпретации сущего, определяет дистрибуцию паремий в соответствии с типом мыслительной процедуры (формой мысли), лежащей в основе суждения о мире, или, в иной терминологии, в соответствии с объективированными в семантике паремий типами пропозиций.

4. Мысль о мире в паремиях может обретать различную языковую форму. Одни языковые формы имеют прямую связь с денотатом, другие – опосредованную, то есть обозначение одной ситуации (участника ситуации, действия, признака, количества и пр.) замещается обозначением другой ситуации (участника ситуации, действия, признака, количества и пр.) с заложенным в языковом коде механизмом переосмысления. Направления ассоциативных связей, лежащих в основе паремийных метафор и сравнений, являют собой древние и достаточно устойчивые стереотипы видения, интерпретации и означивания сущего, свойственные обыденному сознанию. Зоонимические, флористические, колористические, антропонимические, соматические, бытовистические (в качестве заместителя иного денотата выступает бытовизм), пространственные и другие паремийные метафоры свидетельствуют о «подключенности» мифопоэтической компоненты, архетипических ментальных структур к процессу концептуализации и категоризации действительности. «Онаивленное» членение и объяснение мира в паремиях, «игровая» репрезентация знания – это тоже своего рода фактор системности паремиологических единиц, определяющий дистрибуцию паремий по ономастическому критерию. Лежащие в основе паремиотворчества приемы кодирования информации

подвергаются типизации и вскрывают единые механизмы категоризации и концептуализации действительности в паремиях.

5. Возникновение паремий сопровождается повторением провербиальных идей, отдельных конструктивных элементов паремиологических единиц, структурно-семантических моделей, многие из которых характеризуются общностью для ряда языков либо универсальностью¹. Наличие соответствующего паремийного «реквизита», обеспечивающего, по мнению Е. И. Селиверстовой, не хаотичное развитие паремиосистемы, а в соответствии с санкционированными самим паремиопространством закономерностями [278; 279], выступает еще одним фактором, обуславливающим системообразующие связи в паремиологическом пространстве. Такого рода связи в паремиопространстве хорошо изучены. Одни из них аналогичны парадигматическим отношениям в лексической системе языка и устанавливаются с опорой на эти отношения (синонимия, многозначность, антонимия паремий), другие имеют отношение к формально-грамматическим категориям, третьи – к семантико-синтаксическим. Так, Е. В. Иванова считает, что в ряде пословиц можно обнаружить повторение общей схемы внутренней формы (то есть, в терминах традиционных описаний, повторение структурно-семантической модели), что существуют инварианты когнитивных пословицных моделей, слагающиеся из инварианта значения и инварианта внутренней формы [119, с. 81]. Все эти факты говорят о многоуровневости системных отношений, пронизывающих паремиопространство, а также о существовании разного рода «точечных» дистрибуций – распределений паремий в рамках целого на небольшие множества на основании общности инвариантного значения, формы выражения мысли и др.

6. Детерминированные выражением ценностного отношения ко всему сущему смыслы паремиологических единиц «втягивают» эти единицы в соответствующие коммуникативные парадигмы: осуждение, обвинение, порицание, обличение, упрек, парирование, урезонивание, предостережение, предупреждение, сетование, оправдание, утешение, побуждение, совет, рекомендация определяются как типичные функции паремий в речи². Объединения паремий на основании реализации ими тех или иных интенций говорящих представляют собой нечеткие множества, однако игнорировать детерминированную содержанием предрасположенность паремий к реализации определенных функций нельзя [288, с. 7]. Таким образом, функциональная специализация паремий, предполагающая неизбежный повтор типичных функций, есть еще один фактор, определяющий си-

¹ А. А. Крикманн в работе «О соотношениях синтаксической, логической, риторической и модальной структуры пословицы» на материале различных языков приводит многочисленные иллюстрации использования определенной синтаксемы для реализации как сходных, так и различных паремийных идей [160]. При сопоставительном изучении фразеологических, а также пословицных выражений многие исследователи отмечают наличие межъязыковых инвариантных структурно-семантических моделей, в терминах когнитивной лингвистики – фреймов и сценариев, общих для разноязычных устойчивых выражений [95; 80; 84; 119, 129; 210; 249 и мн. др.].

² Типичные прагматические функции паремий установлены Г. Д. Сидорковой [288].

стемность паремиологических единиц, их дистрибуцию по функциональному критерию.

Незримых сетей, которые связывают паремии в единую знаковую систему, множество; и синергетический подход к осмыслению системности паремиологических единиц позволяет говорить о принципиальной открытости списка маркеров внутрисистемных отношений в провербиальном пространстве. Тем не менее, при кажущемся многообразии паремий, их идей, семантических и формальных характеристик, как отмечает Е. И. Селиверстова, «паремиологическое пространство в действительности не безгранично и допускает обзор (ревизию) по тем или иным параметрам» [280, с. 43].

Выводы по первой главе

1. Важнейшей характеристикой паремиопространств в человеческой культуре является их континуумность по вертикали и горизонтали. Континуумность паремиопространств по вертикали, понимаемая как межпоколенная преемственность паремиологических единиц, обуславливается следующими причинами: 1) существованием непреходящих по своей социальной значимости ценностей, утверждению которых служат паремии; 2) повторяемостью в повседневной жизни ситуаций, модели которых составляют означаемое паремиологических единиц; 3) лапидарностью паремиологической формы выражения мысли, удовлетворяющей потребность человека выразить отношение к сущему. Единство позиций, с которых осуществляется ценностная интерпретация сущего участниками семиотического процесса, является одновременно результатом и основанием развития семиосферы.

2. Континуумность паремиопространств по горизонтали есть восприятие и адаптация «чужого» в процессе взаимодействия культур (межэтническая преемственность паремий) и возникновение на собственной почве выражений, выявляющих тождественность «чужим». Содержательное сходство разноязычных паремий, существование множества межъязыковых паремиологических коррелятов есть проявление континуумности паремиологических пространств по горизонтали. Основными причинами континуумности паремиопространств по горизонтали являются 1) единые детерминации возникновения паремий и формирования паремиофондов в различных лингвокультурах, связываемые со стремлением человека к сохранению и передаче наиболее важного для членов социума жизненного опыта; 2) наличие совпадений в ценностно-нормативных системах разных этносов. Тождество интерпретант, обнаруживаемое в содержательных аспектах разноязычных паремий как знаков-реакций на типичные ситуации как знаки-стимулы, указывает, таким образом, не только на общие закономерности человеческого бытия, универсальность действия когнитивных механизмов, обеспечивающих отра-

жательную способность сознания и фиксирующих эти закономерности в языке, но и на совпадения позиций, с которых осуществляется интерпретация, совпадения в ценностном сознании интерпретаторов.

В рамках европейской культуры континуумности паремиипространств, поддерживаемой взаимодействием культур в ходе длительной истории становления паремиифондов, способствовало соседство этносов, схожие условия исторического развития, общность религиозных воззрений, обусловленная распространением и утверждением христианской морали.

3. Общие для разных лингвокультур причины возникновения паремий и развития паремиифондов прослеживаются в основаниях системности паремий. Системность паремий обуславливается следующими факторами: 1) организующей функцией базовых категорий, формирование которых детерминировано направленностями человеческого интереса, в предшествующем паремииологической концептуализации опыте познания мира; 2) оценочной концептуализацией и категоризацией действительности в паремиях; 3) типичностью форматов знания, представляющих структуру пропозиций, объективированных в семантике паремий; 4) повторяемостью паремииологических идей, вариативностью и повторяемостью форм выражения идей; 5) типичностью приемов кодирования информации, лежащих в основе паремииотворчества; 6) функциональной специализацией паремий, проявляющейся в типовом наборе прагматических функций.

Система, которую образуют паремииологические единицы в языке на основе реконструируемой паремииологической картины мира как части языковой, пронизана неоднородными системообразующими отношениями. Связыванию паремииологических единиц в систему способствуют их содержательные, структурные и функциональные признаки. Каждая паремия занимает свое место в системе подобных ей единиц в связи с тем, что 1) отражает стереотипы членения мира обыденным сознанием с опорой на базовые категории и выявляет отнесение осмысляемой сущности к определенной сфере бытия человека; 2) формирует представление о сущем в соответствии с социальными установками и ценностными предпочтениями, определяя посредством оценочной категоризации место того или иного материального / идеального объекта в ценностной картине мира; 3) отражает мыслительные стереотипы в установлении связей, выступающих основанием для определения значимости вещей в мире, и эксплицирует в своих формальных и содержательных аспектах отношения между вещью и ее свойством, между вещами или между свойствами вещей; 4) обнаруживает формальные связи с вариантными формами выражения мысли либо однотипными структурами, выявляя повторение proverbially идей, дублирование компонентов паремииологических единиц, воспроизведение структурно-семантических моделей; 5) передает социально релевантное знание с использованием типичных для этнической лингвокультуры языковых кодов; 6) предполагает «воспроизведение» определенных модальных

рамок – реализацию типичных интенциональных значений, образующих прагматический потенциал паремий.

Данные характеристики, осмысляемые как набор оснований сопоставления и противопоставления паремиологических единиц, дистрибуций паремий в рамках паремиопространства, позволяют определять паремии как некоторую целостность знаковых единиц, отличную от иных знаковых систем. Полная и в то же время открытая система паремиологических единиц является достоянием культуры этноса и находит отражение в фундаментальных паремиологических словарях. В сознании отдельных членов языкового коллектива паремиологическая система представлена в редуцированном виде. Незнание носителем языка тех или иных паремий не приводит к асистемности паремиологических единиц, так как системность паремий поддерживается, с одной стороны, «внешними» по отношению к паремиосистеме закономерностями постижения мира человеком, с другой стороны, внутренними, собственно языковыми закономерностями категоризации и концептуализации действительности в паремиях.

ГЛАВА 2

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СМЫСЛЫ ПАРЕМИЙ

2.1 Определение понятий «оценка», «ценность», «ценностные ориентации» в гуманитарных науках

Соглашаясь с мнением А. Артабера в том, что если заниматься сопоставительной филологией, то это изучение из филологического неизбежно перерастет в философское [356, р. IX], обращаемся прежде всего к философской и социально-философской стороне вопроса, а именно к характеристике таких понятий, как «оценка», «ценность», «ценностные ориентации».

В силу того, что именно оценка имеет формы своей объективации в языке и речи, может быть осмыслена как нечто данное, в отличие от того, что непосредственно «не дано» и «не представимо» (такие характеристики приписываются ценностям и ценностным ориентациям), считаем целесообразным начать характеристику соотношения центральных для нашего исследования понятий с дефиниции понятия «оценка».

Аксиологическую оценку¹ определяют, с одной стороны, как процесс установления значимости какого-либо предмета или явления (процедуру оценивания), а с другой стороны, как результат этого процесса (мнение, суждение о значимости объекта) [34, с. 6; 120, с. 12]. Иными словами, оценка понимается и как особая, опосредованная субъективным отношением форма отражения действительности, объекты которой квалифицируются с точки зрения удовлетворения / неудовлетворения потребностей, желаний, интересов человека, и как форма выражения ценностного / антиценностного отношения к сущему, воплощенная в знаке.

Специфику оценки как формы отражения мира (собственно ментальной процедуры) усматривают в том, что она предполагает наличие своеобразного предзнания для осуществления процедуры оценивания – когнитивных опор, выступающих в качестве критериев и оснований оценки [120, с. 27; 2, с. 502]. Этими когнитивными опорами и являются ценностные ориентации, сформированные в процессе усвоения личностью ценностей социума, накопления жизненного опыта, а также в результате познания ценностных сущностей внеопытным путем.

Связь процедуры оценивания с потребностями, предпочтениями и вкусами человека, с рефлексивной сферой его сознания, с эмоциями, конституирующими

---

¹ Существует мнение, в соответствии с которым любой иной вид оценки, в силу интерпретативного характера оценки вообще, может быть определен как «отражение аксиологических значимостей, апеллирование или отсылка к ценности» [2, с. 502]. Ввиду того что в работе рассматриваются именно такие виды значимостей, то есть значимости, «порождаемые миром ценностей, объективируемые культурой и трансцендируемые в ней» [2, с. 502], термин «оценка» используется без уточняющего определения.

одобрительное или неодобрительное отношение, обуславливает ее субъективный характер. Тем не менее оценка не определяется как явление исключительно субъективной природы, так как она изначально предполагает диалектическое единство индивидуального и общественного – взаимодействие индивидуально-личностных и общественных ценностно-нормативных систем [243, с. 3].

Принимая во внимание дефиниции, которые получает оценка в разных гуманитарных науках, считаем правомерным в качестве рабочего использовать следующее ее определение: **оценка** – ментальная процедура по установлению значимости объекта и репрезентация итога этой процедуры в знаке в виде отношения, определяемого как модальное значение объективирующего оценку средства¹.

Неэлементарная природа оценки обуславливает сложное и неоднозначное ее соотношение с категорией ценности. По общему признанию, оценка опирается на категорию ценности и в то же время способствует ее формированию, так как выступает средством объективации ценностных отношений, трансляции ценностного смысла «вещей». Постановка вопроса о том, что же первично, считается неправомерной, так как существующая между данными категориями каузирующая связь имеет взаимонаправленный характер [34, с. 8]. «Новые поколения осваивают созданные их предшественниками – и в этом смысле объективные – первичные системы ценностей, – поясняет В. А. Блюмкин, – последние же, будучи освоены, становятся критериями оценок, основой материальной и духовной деятельности, через которую воспринимаются старые и порождаются новые системы ценностей» [34, с. 8].

Понятие «ценность», так же как и понятие «оценка», является междисциплинарным научным понятием. Анализ определений ценности в философии, социологии, психологии, когнитологии и культурологии позволил выделить, по крайней мере, две составляющие данного понятия, которые так или иначе проявляют себя в интерпретациях термина «ценность»: это – значимость того или иного объекта для человека и сам объект (материальный или идеальный), который обладает для человека значимостью. Выделение «субъектной» и «предметной» составляющей при осмыслении природы ценностей отмечается многими исследователями и является основой для дифференциации «субъектных» и «предметных» ценностей². Однако и по «субъектной», и по «предметной» составляющей содержания ценно-

¹ Собственно лингвистические характеристики оценки рассматриваются в следующем разделе.

² «По существу все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве “предметных ценностей” как объектов ценностного отношения, т.е. оцениваться в плане добра и зла, истины или неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т. д. Способы и критерии, на основании которых производятся сами процедуры оценивания соответствующих явлений, закрепляются в общественном сознании и культуре как “субъектные ценности” (установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений), выступая ориентирами деятельности человека», – утверждают философы [326, с. 765].

сти, равно как и по другим вопросам теории ценностей, между учеными нет единства во мнениях.

Мнения ученых разделились, прежде всего, в решении вопроса о том, распространять ли понятие «ценность» на весь круг явлений, затрагивающих так или иначе человеческие потребности и интересы, или же ценностью считать только то, что обладает положительной значимостью для человека. Если понятие «ценность» ограничивать только эвалюативным значением объекта и учесть, что такое значение может быть как положительным, так и отрицательным, то вполне оправданной представляется позиция тех исследователей, которые допускают оперирование такими категориями, как позитивные и негативные ценности [120, с. 13; 192, с. 287; 269, с. 444 и др.]. Однако есть приверженцы и другой точки зрения, которые считают нецелесообразным использование термина «ценность» в качестве родового для обозначения разных видов значимостей и предлагают противопоставлять понятию «ценность» понятие «неценность» или «антиценность» [42; с. 257; 100; 320; с. 260 и др.].

Вторая и главная проблема в интерпретации понятия «ценность» связана с конфликтностью приписываемых ценностям сущностных характеристик, а именно с обнаружением эмпирического и идеального, объективного и субъективного в природе ценностей. Зависимость ценностей от потребностей и желаний индивидов, выявляющаяся при эмпирическом осмыслении ценности как «любого предмета любого интереса», отождествление ценностей с их «вещественными носителями» приводит, по мнению Риккерта, к релятивизации ценности и утрате понимания того, что же обеспечивает ценности непреходящий общечеловеческий смысл (Риккерт, цит. по А. А. Ивину [325]). С другой стороны, опора при теоретическом осмыслении ценностей на социальные по своему происхождению образцы и идеалы, которые всегда детерминированы исторической эпохой и традициями того или иного общества, чревата, по мнению того же Риккерта, догматизмом «в силу неразличения ценности и того конкретного, закрепленного традицией образца, в форме которого она существует в определенное время» (Риккерт, там же). Решение подобного рода противоречий одни исследователи видят в признании трансцендентной природы ценностей¹, другие – в приписывании ценностям ситуативного характера², третьи ищут компромиссные варианты³. Ценностям

---

¹ Представители Баденской школы неокантианства полагали, что трансцендентный смысл ценностей – принадлежность идеального мира, лежащего «до» всякого бытия, вне «царств» объекта и субъекта. По Риккеру, ценности, тем не менее, обнаруживают себя в действительности, в так называемых «благах», и «оседают» в культуре. Культура определяется Риккертом как «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями» и развивающихся ради этих ценностей [Риккерт, цит. по 24, с. 24–26].

² А. А. Ивин, в частности, считает, что ценности нельзя отрывать от реальных процессов оценивания, в ходе которых они формируются и изменяются, и они вообще «не существуют вне ситуации (реального или потенциального) оценивания» [325].

³ Ценностная сфера личности, по Э. Шпрангеру, имеет двойственный характер: включает как субъективные оценки, так и существующие в общественном сознании нормы и представления [344, с. 355–356]. К аналогичным выводам приходит В. Ф. Сержантов, по его мнению, всякая ценность характеризуется двумя

приписывается внеличностный, надличностный, а в ряде случаев и внеисторический характер, они трактуются как «порождаемые культурой и (или) задаваемые трансцендентно содержания, вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни как ее инварианты, позволяющие: связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее); семиотизировать пространства человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы» [3, с. 1200].

По-видимому, наиболее рациональным является такой подход к ценности, при котором за выделением предметной и субъектной составляющей понятия «ценность» кроется признание сложного взаимодействия реального и идеального, желаемого и возможного, индивидуального и общественного, стабильного и изменчивого. Приверженцем такого подхода является Л. В. Баева; исследователь считает, что «ценности выступают сферой соприкосновения субъективного и объективного бытия, внутреннего и внешнего, единичного и всеобщего, и в этом заключено их субстанциональное значение» [24, с. 64]. Л. В. Баева считает, что ценности не только «вырабатываются самим субъектом», но и воспринимаются им извне с осмыслением собственного участия и собственной оценки в составе бытия [24, с. 64–65]. За таким утверждением стоит необходимость признания существования «чужих» ценностей, которые могут быть осознанно восприняты субъектом в отчуждении от сознания тех, кому они принадлежат.

Таким образом, если ценность и субъективна в восприятии и переживании, то это не означает, что она не может стать коллективной в виде отраженного в сознании многих коллективного опыта, специфической информации, аккумулируемой и транслируемой культурой. В качестве рабочего определения ценности в настоящем диссертационном исследовании принимается следующая ее дефиниция: **ценность** – это относительно устойчивое положительное отношение к объекту, проявляющееся в результате познания его значимых свойств, и сам объект отношения, принятый человеком в качестве ориентира в поведении и деятельности.

В зависимости от признания или непризнания отвлеченно-логических характеристик ценностей¹ находится и решение вопроса об общечеловеческих ценностях. Хотя общечеловеческие ценности ныне вошли «в систему философского

свойствами – значением и личностным смыслом, значение ценности представляет собой совокупность общественно значимых свойств, функций предмета или идей, которые делают их ценностями в обществе, а личностный смысл ценностей определяется самим человеком [284, с. 176–177].

¹ Отвлеченно-логический характер ценности позволяет удерживать в системе все конкретные представления, к примеру, о красоте, несомненно различающиеся в различных культурах и в различное время, в рамках одной инвариантной ценностной категории «красота»: «Такие ценности, как истина, добро, красота, являются самыми общими условиями человеческого целеполагания в соответствующих областях: в науке, морально-этической сфере, искусстве. В каждую эпоху эти ценности воплощаются способом, наиболее адекватным для соответствующей эпохи, но эти закрепляемые традицией способы не тождественны воплощенным в них ценностям» [324].

учения о человеке и составляют важнейший предмет изучения аксиологии» [325] и ряда других наук антропоцентрической направленности, споры об общечеловеческих ценностях не прекращаются. Как ранее, так и теперь не все признают существование данного феномена¹, предметом дискуссий является природа общечеловеческих ценностей, их связь с реальными человеческими потребностями, то есть все те же вопросы теории ценностей как таковых. Одни исследователи, полагаясь на существование двух – реального и идеального – миров, усматривают во «внеисторическом» и «надсоциальном» характере общечеловеческих ценностей их связь с Высшим разумом, запредельным миром, трансцендентным сознанием и др., познание же ценностей как таковых связывают с чувствованием, интуицией (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Шелер, Н. Гартман, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский и др. [24, с. 59–60]). Другие категорически отвергают трансцендентальность общечеловеческих ценностей (например, В. И. Ефимов и В. М. Таланов [100]). Вопрос о взаимодействии ценностно-нормативных систем личности и общества, о том, как «шкала ценностей оказывается свободной от субъективных и изменчивых оценок индивидов», в теории ценностей, по справедливому замечанию М. С. Яницкого, не нашел пока однозначного решения [352].

Нельзя не согласиться с утверждениями, что биосоциальная природа человека обуславливает наличие общих для представителей разных социумов потребностей [34, с. 5], пусть даже и изменчивых в формах своего проявления во времени, и в любом обществе существуют нормы, детерминирующие баланс между желаемым и возможным для субъектов, представляющих данное общество [41], а значит, есть некий общий механизм, который действует в ценностном сознании всех людей и обеспечивает в той или иной мере мировоззренческое единство, выступающее условием жизни человека в любом социальном окружении. Действие этого механизма и позволяет трактовать общечеловеческие ценности как «своеобразные инварианты эволюции человеческого общества» [100].

Заслуживает внимания в связи с этим мысль, отраженная в следующем определении общечеловеческих ценностей: «Общечеловеческие ценности – система аксиологических максим, содержание которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится, тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности» [277, с. 484]. За этой мыслью кроется понимание общечеловеческих ценностей как «предельного смыслового и инвариантного оснований человеческого мышления и деятельности», как объективируемых культурой и

---

¹ Анализ мнений по этому вопросу приведен в работе В. И. Ефимова, В. М. Таланова [100].

трансцендируемых в ней, бесконечно реинтерпретируемых представлений об идеалах и нормах жизни [2, с. 502]¹.

В качестве аналога философского понятия «ценности» в терминологический аппарат послевоенной социальной психологии было введено понятие «ценностные ориентации» [185]. В настоящее время данное понятие широко используется в социологии, психологии, педагогике, социальной философии и не получает однозначной трактовки.

В самом общем определении ценностные ориентации – это элементы внутренней структуры личности, определяющие относительно устойчивое избирательное отношение человека к окружающей действительности и оказывающие значительное влияние на выбор формы поведения [322, с. 75]. Данное определение требует пояснения каждой из его составляющих, а именно: содержания, форм объективации и функций ценностных ориентаций.

При определении содержания ценностных ориентаций разногласия возникают, прежде всего, по природе стоящих за данным понятием элементов внутренней структуры личности и объема понятия. По мнению одних исследователей, содержание ценностных ориентаций составляют подсознательные впечатления, смутные образы, а также осознанные представления людей, понимание того, что и как соответствует их материальным и духовным потребностям и способно удовлетворять последние [100], по мнению других исследователей, – только то, что относится к сфере осознанного, – мировоззренческие и нравственные убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения, фиксированные социальные установки [326, с. 764].

Не все регулятивные образования в системе диспозиций² считает ценностными ориентациями автор диспозиционной концепции регуляции социального поведения В. А. Ядов. Система диспозиций, по В. А. Ядову, представляет собой иерархически организованную структуру, низший уровень которой составляют установки, носящие неосознаваемый характер и связанные с удовлетворением витальных потребностей; второй уровень – социально фиксированные установки, или аттитюды (осознанные установки, которые человек может выразить в языке); третий уровень – базовые социальные установки, отвечающие за регуляцию общей направленности интересов личности в тех или иных конкретных сферах со-

¹ Вызывает оправданный научно-практический интерес в связи с изучением общечеловеческих ценностей концепция М. Рокича, который считает, что 1) общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико; 2) все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени; 3) ценности организованы в системы; 4) истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе, его институтах и личности; 5) влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения (М. Рокич, цит. по Д. А. Леонтьеву [184]). Такой подход к пониманию общечеловеческих ценностей позволяет М. Рокичу применять специальную методику по изучению ценностных ориентаций членов сообщества с опорой на ранжирование ограниченного списка ценностей [376].

² Диспозиции в психологии понимаются как предрасположенности, готовности к определенной оценке социально значимых объектов, определенному поведению, действиям и поступкам, обусловленные предшествующим опытом [151; 47, с. 654].

циальной активности человека; высший уровень – ценностные ориентации [349, с. 95–96]¹. Иную точку зрения выражает А. Г. Здравомыслов при уточнении характера функционирования ценностных ориентаций как регулятивных образований: «Специфика действия ценностных ориентаций состоит в том, что они функционируют не только как способы рационализации поведения, их действие распространяется не только на высшие структуры сознания, но и на те, которые обозначаются обычно как подсознательные структуры. Они определяют направленность воли, внимания, интеллекта» [112, с. 202–203].

Ценностные ориентации проявляются в отношении человека к окружающей действительности: объективируются в выражаемых оценках и предпочтениях, в мотивации поведения и самих поступках и др. Данное обстоятельство послужило причиной отождествления содержания ценностных ориентаций в их научном определении с формами их объективации и функциями. Известны трактовки ценностных ориентаций как устойчивых осознанных и упорядоченных отношений личности к определенным объектам (или ценностям); направленностей личности на те или иные ценности / цели и средства деятельности; устойчивых убеждений, связанных с предпочтением одних способов и целей поведения другим; установок, соответствующих убеждениям [106, с. 28–31]. Связь ценностных ориентаций с ценностными отношениями подчеркивается в трактовке ценностных ориентаций как внутренней основы отношений человека к ценностям [55, с. 171], как ценностей в преобразованном виде, выступающих в качестве мотивов деятельности и поведения человека [342, с. 137].

Ценностные ориентации, таким образом, характеризуются как многофункциональные феномены сознания: в когнитивном и коммуникативном планах – как основания для выражения отношений, вынесения оценок [152], в психологическом – как основания, определяющие формы и условия реализации побуждений человека и становящиеся источником целей [352]. Исследователями подчеркивается не только многофункциональность, но и разноплановость функций ценностных ориентаций. Ценностные ориентации задают «общую направленность интересам и устремлениям личности; иерархию индивидуальных предпочтений и образцов; целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений; представления о должном и механизмы селекции по критериям значимости; меру готовности и решимости (через волевые компоненты) к реализации <...> “проекта” жизни» [3, с. 1199].

Выделение направляющей, мотивационной и регулятивной составляющей в структуре ценностных ориентаций вскрывает непосредственную связь ценностных ориентаций с человеческой деятельностью. Не случайно «в качестве теоретиче-

¹ Такой же позиции придерживается В. Л. Абушенко: «Ценностные ориентации образуют высший (как правило, осознаваемый – в отличие от социальных установок) уровень иерархии предрасположенностей к определенному восприятию условий жизнедеятельности, их оценке и поведению как в актуальной (здесь-и-теперь), так и долгосрочной (прежде всего) перспективе» [2, с. 1199].

ского основания концепции ценностных ориентаций называют учение М. Вебера о ценностнорациональном действии» [2, с. 1200]. Система ценностных ориентаций, в определении социологов, является важным регулятором активности человека [163, с. 608] и охватывает все уровни системы побудителей активности человека и все сферы его деятельности, позволяя соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума [352], обеспечивая корректность включенности личности в процессе ее деятельности в объективно сложившиеся и формируемые ценностные отношения [2, с. 502].

В. Г. Алексеева, как и многие другие исследователи, подчеркивает, что ценностные ориентации, являясь основным каналом усвоения духовной культуры общества, представляют предполагающую индивидуальный свободный выбор форму включения общественных ценностей в механизм деятельности и поведения личности [9, с. 64].

Сказанное объясняет обращение исследователей к понятию «ценностные ориентации» со снятым параметром «общее – индивидуальное». В трактовках ценностных ориентаций как компонента мировоззрения личности или групповой идеологии [215, с. 729], как системы установок индивида или группы [149, с. 28] нет противоречий, так как на фоне расхождений ценностных ориентаций индивидов наблюдается также и некоторое единство устремлений личностей, детерминированное интегрирующими индивидов в одно сообщество факторами, необходимостью сохранения наиболее важных для всех членов сообщества ценностей. Принятая тем или иным обществом система ценностей детерминирует ценностное сознание членов данного же социума, и в этом отношении нельзя не согласиться с Э. Дюркгеймом, который считал, что членов сообщества в их рефлексии на мир «связывает общественное сознание» [97, с. 290]. По признанию психологов и философов, формирование ценностных ориентаций личности осуществляется «в процессе социализации через усвоение ценностей общества, референтных социальных групп и общечеловеческих ценностей, объективированных в произведениях материальной и духовной культуры, в социальных нормах, обычаях, традициях, обрядах» [185], и на основе взаимодействия и соперничества потребностей личности и ценностей социокультурной среды [352].

Итак, в качестве основного определения ценностных ориентаций в работе принимается следующее определение: **ценностные ориентации** – это регулятивные образования в сознании человека, представленные системой нацеленностей, осознанных стимулов и готовности действовать. Важнейшими теоретическими посылками к исследованию отражения ценностных ориентаций в паремиологических единицах выступают положения о том, что направленность личности на те или иные ценности является двойственным по своим источникам образованием, основанным одновременно на индивидуальном и социальном опыте, и ключ к пониманию ценностных ориентаций следует искать не в субъект-объектных, а в ин-

терсубъектных (субъект-субъектных, субъект-объект-субъектных) отношениях [3, с. 1200; 70, с. 35 и др.]. В любом обществе ценностные ориентации членов социума оказываются «объектом воспитания, целенаправленного воздействия» [326, с. 764], так как преемственность общественных идеалов и установок гарантирует стабильность отношений в обществе. Интериоризированные личностью ценности социокультурной среды, функционируя в виде ценностных ориентаций, экстериоризируются в ценностном отношении к окружающей действительности и объективируют тем самым не только индивидуальную, но и коллективную направленность на те или иные ценности.

Важнейшим средством, опосредующим интериоризацию-экстериоризацию ценностей субъектами того или иного социума, по Л. С. Выготскому, выступает общение [69, с. 216, 223 и др.]. Ключевая роль в объективации ценностных ориентаций социальных субъектов в речевой деятельности, в обеспечении трансляции информации о ценностном смысле «вещей» принадлежит оценке.

2.2 Функциональная семантика проverbsиальных оценок в отношении к структуре ценностных ориентаций продуцентов и пользователей паремий

Обращение к любому паремиологическому фонду убеждает в том, что мир в восприятии носителей обыденного сознания обладает широкой положительной значимостью. Ряд объектов, которым в паремиях приписывается ценностный смысл, можно начать с элементарных вещей – продуктов питания, предметов быта и т. п.: (*Без блина не масленица, без пирога – не именины; Хлеб всему голова; Топор плотнику кормилец; Дзе каша ды аладка, там і грамадка; Хлеб над усім пануе; Без нажа як без рук; Cucina senza sale, credenza senza pane, cantina senza vino fanno un brutto mattino*¹; *Il pane è il meglio nutrimento; Gli abiti fanno la gente e i cenci fanno i pidocchi; Kein Mahl taugt ohne Brot; Das Kleid macht den Mann*) – и закончить категориями, которые представляют высшие духовные ценности: *Вера и гору с места сдвинет; Красна милость и в правде; Добрая слава даражэйшая за багацце; Праўда грубая, ды людзям любая; Ідзі ў родны край, там – і над ёлкаю рай; Onestà e gentilezza sopravanza ogni bellezza; La giustizia è bella, la carità sua sorella; Ohne Glauben kein Glück; Eine Ehre ist der andern wert.*

Выражению ценностного отношения в паремиях способствует оценка. Если принять к сведению, что ценностные ориентации представляют собой, с одной стороны, убеждения, определяющие избирательное отношение ко всему сущему, оценку атрибутов жизненного мира человека и его поведение в целом, с другой стороны, соответствующие этим убеждениям готовности действовать, то из этого следует, что и оценка, составляющая содержание паремии, и само речевое действие, в котором реализуется смысл паремиологической единицы, есть воплощение, реализация ценностных ориентаций тех, кто использует паремии в речи, и в некоторой степени тех, кто является их создателями, вложившими тот или иной смысл в паремиологическую единицу.

Оценка определяется как «основной способ отражения системы ценностей в языке» [147], одна из основных характеристик паремийных жанров [159; 237; 311; 318; 366 и др.]. Оценка в паремиях, как и в языке в целом, реализуется разнообразно и не сводится к черно-белой логике суждений, характеризующихся наличием в предикате оценочных терминов. «Воздействие через язык осуществляется не простым путем оценочных высказываний типа: “это – хорошо”, “это – плохо”, – указывает Г. Г. Матвеева, – а различными языковыми обозначениями, которые содержат социально обусловленный оценочный компонент» [208, с. 5–6].

Важнейшей характеристикой оценки признается ее целеориентированность. Н. Д. Арутюнова пишет: «Мир представляется оценкой как среда и средство для

¹ Постраничные переводы итальянских и немецких паремий, выполненные автором, приведены в Приложении А.

человеческого бытия. Она не может быть независима от человека, и, если жизнь Человечества имеет цель, оценка явно или неявно подчинена этой цели. <...> В идеализированную модель мира входит и то, что уже (или еще) есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создает, и то, как он действует и поступает; наконец, в нее входит целиком и полностью сам человек. Более всего и наиболее точно оцениваются человеком те средства, которые ему нужны для достижения практических целей. Оценка целеориентирована в широком и узком смысле» [21, с. 181]. Очевидно, что целеориентированность оценки обусловлена связью оценки, прежде всего, с направляющей компонентой ценностных ориентаций. Прямо или опосредованно провербальные оценки вскрывают направленности продуцентов и пользователей паремий, то есть нацеленности на те или иные объекты реального / идеального мира, детерминированные разного рода потребностными отношениями. Закономерной в связи с этим является трактовка лингвистом Е. В. Бабаевой ценности как «цели, ориентирующей человека в его деятельности и детерминирующей нормы поведения» [22, с. 8].

Возникает вопрос о репрезентации ценности, определяемой как источник стимулов в мотивационных процессах, в том числе и процессах, мотивирующих речевую деятельность, в структуре оценочного суждения. С логической точки зрения в оценочной структуре обязательным ее компонентом выступает объект оценки [120, с. 22, 24]. Наблюдения показывают, что в паремии, реализующей оценочные значения, объект ценностного отношения, или ценность-стимул, может не совпадать с объектом оценки, представленным в поверхностной структуре предложения.

Выясняется, что паремиологические выражения, в которых имя ценности представляет (в терминах дискурсивных ролей) «прагматический пик», то есть крайнюю левую позицию в грамматической структуре, а «фокус интереса говорящего»¹ составляет итог общей безотносительной оценки, не типичны для паремиофондов: *Хлеб да пироги и во сне добро; Наука – добрая штука; La salute non ha prezzo; Reinlichkeit gilt weit und breit*. Не типичны такие выражения и для языка вообще: «“Чистые” описания и “чистые” оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или “смешанный”, описательно-оценочный характер» [121, с. 160–161]. Причина кроется в том, что «ценность в подавляющем большинстве случаев выступает как свойство» [243, с. 13] и в ценностном отношении «существует особый характер связи человека с окружающим миром: субъект осознает не сами по себе вещи, а их влияние на свою жизнь» [243, с. 11–12]. Именно по этой причине малоинформативные структуры со значением абсолютной общей оценки значительно уступают по численности паремиям, в ко-

¹ К терминам референциально-ролевой грамматики обращается в исследовании разноязычных пословиц О. Б. Абакумова [1]. О. Б. Абакумова устанавливает семантические роли, выполняемые именем концепта в пословичных предложениях-высказываниях.

торых ценности определяются с точки зрения их свойств. Оценки в последнем случае «слиты» с квалификативными характеристиками объектов. Обращает на себя внимание и то, что данные характеристики непосредственно либо косвенно (воплощаясь в метафорических сценариях, раскрываясь в разного рода связях, существующих в бытии) сообщают о том, какие потребности человека удовлетворяются: *Добро не горит, не тонет; Богатство ум рождает, а бедность последний отнимает; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Добрые слова не забываются; За цярпенне дае Бог спасенне; Без часу не будзе і квасу; Chi ha pazienza, ha gloria; Una vita senza speranza è una vita di sofferenza; Le buone maniere ti fanno sposare; Arbeit gewinnt Feuer aus Steinen; Ein fromm Weib kann man mit Gold nicht überwägen; Ehre verloren, alles verloren.*

Если вменяемая ценность не находит непосредственного обозначения в поверхностной структуре паремии, знание о ней выводится логическим путем, то есть путем инференции¹. Однако и в этом случае выражению ценностного отношения к тому, что мыслится исходным, глубинным «стимулом» к вербальной рефлексии, способствует оценка. Объектом оценки в таких паремиях выступает, как правило, человек либо все то, что олицетворяет человека, так или иначе связано с человеком. К примеру, утверждение ценностного смысла скромности находит выражение в уничижительных портретных характеристиках высокомерных людей, в описании негативного «исхода» поведения спесивых: *Руки в боки, глаза в потолки; Глумилась верша над болотом, да сама туда же пошла; Высоко летаешь, да низко садишься²; Дзьмецца, як не парвецца; Яму гавары, а ён бровы дагары; Хто высока заглядае, той нізка сядзе; Chi più vuota ha la testa, più degli altri alza la cresta; L'asino che si vanta, auguragli una caduta; Chi va troppo in alto, casca in fosso; Wie gern sah' man jeden stolzieren, könnt' er das Pfauenrad vollführen; Dünkel geht auf Stelzen; Wer hoch steigt, fällt tief [31–А].*

Структуры, в которых находит воплощение оценка, столь же разнообразны, как разнообразна вообще синтаксическая организация паремий любого языка, и системное описание способов выражения оценки в паремиях может составить задачу отдельного исследования, для проведения которого потребуются усилия целого коллектива³.

Описанию явных и скрытых форм реализации оценочных значений в паремиях, определению логических процедур, положенных в основу выражения оце-

¹ Инференцией называется вывод, получаемый на основе интерпретации сообщения. Е. С. Кубрякова квалифицирует инференцию как важнейшее свойство любого текста [168].

² Метафорический сценарий вознесения и последующего падения возгордившегося человека имеет библейские корни: *Не возноси себя, чтобы не упасть и не навлечь бесчестия на душу твою* (Премудрости Иисуса, сына Сирахова 1, 30) [32, с. 120]; *Погибели предшествует гордость, и падению – надменность* (Притчи Соломона, 16, 18) [262]. Паремии с таким смыслом, по данным словаря Дж. Пацолая, встречаются в 42 европейских языках, а также в арабском, китайском, японском языках [373, р. 236–240].

³ Способы выражения оценочных значений в паремиях, закономерности оценочной категоризации мира, концептуализации оценки в паремиях являются предметом исследования в целом ряде работ последних лет [26; 92; 125; 146; 171; 196; 216 и др.].

ночных смыслов, посвящены многие работы соискателя. Подлежали исследованию в данном аспекте русские паремии (в некоторых работах также русские, белорусские, итальянские и немецкие паремии в сопоставлении), представляющие структуры со значением тождества, контраста, несоответствия, уподобления, отсутствия, невозможности, каузации, а также вопросительные и императивные структуры [238; 2–А; 4–А; 6–А; 8–А; 9–А; 10–А; 24–А; 40–А; 50–А; 51–А; 53–А; 54–А; 56–А; 58–А]. Значимыми для настоящего исследования являются выводы о том, что во многих паремиях получают явное выражение мотивировки деятельности, поведения человека. На материале русских паремий, отражающих отношения каузации в двучленной структуре, были выявлены типовые ситуации, обозначения которых выступают аксиологически маркированными «инструментами» воздействия на ценностное сознание. Это ситуации 1) потери, утраты того, что находится в зоне интереса, в том числе и моральной потери (*Пожалеешь лычка, отдашь ремешок*); 2) приобретения того, что находится в зоне интереса, достижения желаемого (*Глубже пахать – больше хлеба жевать*); 3) невозможности свершения желаемого, невозможности получения того, что находится в зоне интереса (*Двух зайцев гонять – ни одного не поймать*); 4) приобретения нежелаемого (*Долго спать – долг наспать*); 5) причинения вреда, порчи (*Лишнее говорить – себе вредить*); 6) переживания отрицательных эмоций (*С волками жить – по-волчьи выть*); 7) отстранения от негативных переживаний (*Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать*); 8) благополучия, связываемого с достатком, сытостью, счастьем (*Торговать – не упировать*); 9) неблагополучия, связываемого с бедами, отсутствием жизненно необходимого, голодом, смертью (*Много вина пить – беде быть*); 10) социального поощрения, почитания (*Живи смиреннее, так всем будешь милее*); 11) социальной изоляции, осуждения (*Худая слава пройдет – никто замуж не возьмет*) [216, с. 102–103]. Установлено, что дескрипции этих ситуаций в своей совокупности вскрывают систему основных потребностей человека [30–А, с. 162]. Ввиду того, что осмысление причин, связанных с удовлетворением / неудовлетворением потребностей лежит в основе мотивации поведения человека [351], включение дескрипций таких ситуаций в каузальные структуры позволяет прийти к выводу о том, что проverbsиальные оценки в таких структурах функционально направлены на отражение и формирование осознанных мотивов деятельности / поведения. Аналогичные критерии «измерения» значимости объектов, постигаемых в ценностном отношении, были установлены в паремиях с иной грамматической организацией, в частности, в русских и итальянских паремиологических единицах, реализующих семантику отсутствия: *Без жвачки корова хворает, без цели человек погибает; С умом суму носить, а без ума и суму потерять; Chi piglia moglie senza quattrini, comincia a piangere dalla prima mattina; I lavori fatti senza passione non ti danno soddisfazione* [21–А]; сравн. с белорусскими и немецкими паремиями: *Без працы не з'ясі акуляцы; Хужы няма*

кары, як жыць без пары; Wer ohne Zucht aufwächst, stirbt ohne Ehre; Wer ohne Freund ist, lebt nur halb.

Аксиологически маркированная информация, проливающая свет на содержание мотивационно-целевых структур в сознании продуцентов паремий, определяет регулятивные смыслы паремиологических единиц, так как выступает «средством» оценки способа действия / модели поведения и, соответственно, аргументом для совершения выбора способа действия / модели поведения¹, формирования стимула: *Кто любит добрые дела, тому и жизнь мила; Кто в радости живёт, того и кручина не мёт; Кто на свою страсть найдет власть, тот и будет владыка; Маўчанка не пушыць, да весь гнеў тушыць; Хто вучыцца, той над старасць не будзе мучыцца; Дзе дружна, там хлебна; Chi vive contando, vive cantando; Con silenzio e pazienza, vincerai la maldicenza; La gentilezza non costa niente e apre tutte le porte; Mit Geduld und Zeit wird Maulbeerblatt zum Atlaskleid; Wo Geld vorangeht, da stehn alle Wege offen.*

Исследователь В. И. Карасик, связывая назначение паремий с предписанием, считает характерной особенностью пословиц (как отдельного паремиологического жанра) то, что «правила поведения в них выражены не прямо, а опосредованно» [127, с. 21]. С этим нельзя не согласиться, учитывая тот факт, что доля императивных по грамматической форме паремий в сравнении с теми структурами, в которых прескрипции выражаются косвенно, мала. Заметим, что и в императивных паремиях может содержаться аксиологически маркированная информация о том, что должно послужить стимулом к выбору способа действия / модели поведения. Как правило, обоснование выбора выражается в аргументирующей части паремии, примыкающей к собственно императивной: *Учись смолоду – не умрешь под старость с голоду; Рахуй грошы ціха – не будзе ліха; Non dire all'amico ciò che sai, perché un giorno nemico averlo potrai; Hilf dir selbst, so hilft dir Gott.*

Аргументирующая роль паремий в актах коммуникации отмечается многими исследователями: Г. Д. Сидорковой [288], Е. Н. Семеновой [282], А. Ю. Белецкой [30], Н. Ю. Тразановой [318] и др. А. Ю. Белецкая полагает, что в структуре языковой личности пословицы отражают базовые ценности в статическом состоянии, динамическое развитие ситуации связывается не только с необходимостью выбора той или иной поведенческой стратегии, но и с необходимостью обоснования выбора: «Коммуниканты используют пословицу-аргумент для того, чтобы придать большую убедительность своей точке зрения в споре, а также для того, чтобы обосновать совет, предостережение, просьбу, упрек или возражение» [30]. По мнению исследователя, в аргументативном дискурсе пословица выступает одновременно в качестве аргумента к традиции, аргумента к авторитету общественно-

¹ Л. Б. Савенкова подчеркивает, что паремии представляют собой «систему ориентиров, помогающих человеку выбрать наиболее рациональный тип поведения в самых разнообразных жизненных ситуациях, предостеречь его от ошибок, определить правила взаимоотношения с другими людьми» [273, с.18]. К аналогичным выводам приходит и А. С. Малкова [202, с. 3].

го мнения и аргумента к здравому смыслу» [30].

Исследователь С. Н. Аверина указывает, что пословицы и поговорки «как правило, не могут непосредственно реализовать перформативное действие вроде успокаивания, урезонивания, побуждения, совета и т. д.; их роль обычно заключается в мотивировке соответствующих речевых действий, которые, как правило, предполагают собственную форму выражения», и в таких случаях «прямая функция пословицы – аргументирующая, а речевые акты типа урезонивания, совета, успокаивания и т. п. выступают при этом в качестве объектов аргументации (т. е. можно говорить об аргументации совета, побуждения, угрозы и т. д.)» [5, с. 21–22]. «Даже в тех случаях, – отмечает далее С. Н. Аверина, – когда реплика говорящего ограничивается только пословицей, последняя не лишается указанной функции: здесь мы имеем дело с некоторой разновидностью эллипсиса, при которой непосредственный объект аргументирования эксплицитно не выражен, но подразумевается (или находится в пресуппозиции высказывания)» [5, с. 22].

Обратим внимание на то, что исследователи трактуют аргументирующую функцию паремий, прежде всего, как подкрепление, обоснование речевых действий говорящего, мотивировку выдвигаемого тезиса, хотя очевидно, что паремии в то же время могут быть интерпретированы как инструменты формирования мотивации поведения того, кому адресованы. Иными словами, паремии содержательно и иллокутивно могут выступать источниками стимулов, подвигающих человека к принятию той или иной модели поведения¹.

Провербальные оценки, как видим, подтверждают тезис о том, что оценка в равной мере относится как к области реакций, так и к области стимулов [21, с. 183]. Представляя категорию модусного типа, оценка обеспечивает возможность «различной интерпретации говорящим определенного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельного смысла» [40]. Н. Д. Арутюнова обращает внимание на чрезвычайную разноплановость связей и функций оценочных предикатов и систему этих связей представляет как отношение к действительным свойствам объектов, их соответствию или несоответствию норме (существующей и идеальной); к восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям (приятному и неприятному); к активному психологическому началу человека (его желаниям, стремлениям, воле, долгу, обязанностям); к решению и выбору из ряда альтернатив, к жизненной программе человека и идеалам человечества; к прескриптивной функции речи, реализующейся в определенных типах речевых актов (таких как одобрение, осуждение, поощрение, рекомендация, совет, инструкция, приказание, убеждение, разубеждение, призыв, запрет, рекламирование и др.) [21, с. 183].

---

¹ Механизмы оказания мотивирующего и регулятивного воздействия на сознание реципиентов паремий раскрываются в четвертой главе данной работы.

Указанные связи, по мнению Н. Д. Арутюновой, распределяются по нескольким планам: онтологическому, психологическому, деятельностному и коммуникативному [21, с. 183]. Эти планы соотносимы с тремя подсистемами, выделяемыми социологом И. А. Суриной в системе ценностных ориентаций: когнитивной, представленной знаниями, суждениями, убеждениями об объекте, эмоциональной, представленной чувствами, эмоциональными оценками объекта¹, и поведенческой, представленной действиями, поведением по отношению к объекту [307, с. 163]. Выводы лингвистов и социологов согласуются с теорией социальных установок разработанной психологом Д. Н. Узнадзе: согласно этой теории установки, составляющие содержание ценностных ориентаций, означают представленность единого феномена в сфере когнитивного, аффективного и поведенческого (цит. по Д. М. Булышко [47, с. 654]).

Языковая оценка, таким образом, как фиксируемый в языковом знаке вид отношения, связана не только с отражением итога познания ценностных / антиценностных свойств объектов окружающего мира познающим субъектом, но и с формированием соответствующих ценностных / антиценностных отношений к сущему у тех, кому знания адресуются; не только с отражением мотиваций как осознанных причин нацеленностей тех, кто уже встроен в структуру бытия с определенной ценностной позицией, но и с формированием соответствующих мотивов действий и поступков у тех, кого стимулируют к встраиванию в структуру бытия с определенной ценностной позицией; не только с отражением активной позиции в отношении к сущему тех, кто в своих речевых действиях объективирует оценку способов действия / моделей поведения, но и с формированием активной позиции у тех, кому оценка адресована, ориентацией их в ситуации выбора способа действия / модели поведения. Иными словами, языковая оценка обнаруживает связь в функциональном плане со всеми тремя компонентами ценностных ориентаций – направляющей, мотивационной и регулятивной.

Оценка, способствующая выражению и одновременно формированию ценностного отношения, проявляется в самом речевом поступке, интенциональной «оболочке», которой характеризуется передаваемая информация, вскрывая тем самым отношение пользователя паремии не только к тому, чьи действия и поступки оцениваются, но и в целом к ценностной позиции, отраженной в содержании паремиологической единицы [15–А].

Так, «паремиологическая зона»² концепта «опрятность» в русском этническом сознании представлена набором когнитивных структур, отражающих, с од-

¹ В психологии принято в этом случае говорить об аффективной сфере психики человека – сфере чувств и предчувствий, желаний и импульсов, впечатлений и переживаний [144], чувственной сфере, отражающей отношение человека к окружающей среде, людям в форме переживаний [86, с. 433].

² В определении когнитологов паремиологическая зона концепта – это «совокупность когнитивных признаков концепта, объективируемых пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом, в национальных паремиях» [258, с. 113].

ной стороны, стереотипы восприятия реального мира (представления о типичном поведении опрятного и неряшливого человека), а с другой – стереотипы интерпретации сущего, структуры, выявляющие связь воспринимаемого с ценностно-нормативными системами социума: *Вымыла ложки да вылила во щи; Наряди свинью в серьги, она все равно в навоз лезет; За свой хлеб и неумойкою сажусь; Грязь не сало, помял, она и отстала; Волк и медведь не умываючись здорово живут; С погани не треснешь, с чистоты не воскреснешь; Хоть лыком шит, да мылом мыт; Умная умница – светлая пуговица; Когда б не баня, все б мы пропали.* Воплощенные в паремиях структуры знания выступают с соответствующими ценностным ориентациям членов социума модальными рамками, представляющими отношение человека к обозначаемым ситуациям и их участникам. К примеру, в паремиях *Вымыла ложки да вылила во щи; Наряди свинью в серьги, она все равно в навоз лезет* выражается критическое отношение к неопрятности, осуждение нечистоплотных людей; *За свой хлеб и неумойкою сажусь; Грязь не сало, помял, она и отстала; Волк и медведь не умываючись здорово живут; С погани не треснешь, с чистоты не воскреснешь* отражено снисходительное отношение к неопрятности, оправдание неопрятности; *Хоть лыком шит, да мылом мыт* – предпочтение опрятности всему прочему; *Умная умница – светлая пуговица* – похвала опрятности; *Когда б не баня, все б мы пропали* – удовлетворение в связи с возможностью осуществления гигиенических процедур и др. Эти интенциональные значения также оказываются аксиологически маркированными¹ и распознаются реципиентами провербиальных единиц с опорой на лексическую семантику языковых средств, входящих в структуру паремий, фоновые знания и общую коммуникативную компетенцию. То же самое можно сказать и о тех случаях, когда пользователь паремии может проявить себя в «оппозиции» к выражаемому в содержании паремии смыслу. К примеру, паремия *Волк и медведь не умываючись здорово живут* может употребляться и с осуждающей (саркастической, иронической) модальной рамкой, что будет свидетельствовать о несогласии пользователя паремии со снисходительным отношением к неопрятности, правда, такое употребление будет, скорее, окказиональным, чем системным².

При всем разнообразии когнитивных моделей, пестроте образов, положенных в основу семантической организации иноязычных провербиальных единиц об

¹ Дифференциация интенций на положительные и отрицательные осуществляется в работе Г. Д. Сидорковой [288, с. 22], Н. И. Формановская предлагает различать благоприятные и неблагоприятные для адресата речевые воздействия [328, с. 76]. Такая дифференциация объясняется тем, что в интенции может воплощаться эмоциональное отношение, связанное в целом с одобрением или неодобрением, проявлением эмпатии к адресату или, напротив, конфронтации [170, с. 80–82; 15–А].

² Проведенное И. Г. Гомоновой на материале Национального корпуса русского языка исследование «мета-операторов», используемых для введения паремий в речь (и свидетельствующих об отношении говорящего к значению пословицы как общепринятой норме, или, наоборот, о попытках говорящего модифицировать норму, утверждать альтернативные ценности [85, с. 50]), показывает, что наиболее типичным в конструкциях, вводящих паремию в речь, является выражение согласия с мнением, отраженным в содержании паремии (или, по крайней мере, просто констатирование существования такого мнения), чем выражение несогласия [74, с. 195].

опрятности и неряшливости, при сопоставлении значений таких паремий непременно обнаружится тождество выражаемых отношений, вскрывающее единство позиций, с которых осуществляется интерпретация сущего: *Посуд чыстату любіць; На тое і Юля, каб была чыстая кашуля; Не мыйся чыста, а то сарокі знясуць; Граззю зарос, хоць рэпу на шыі сей; Броў калясом і сапель пад насом; У ладным адзенню, а бруд аж блішчыць; Калі лахудра, не паможа і пудра; У нашай акуратніцы відаць серада з-пад пятніцы; Мядзведзь ніколі не мыецца, а пра тое здароў; Come scopi, ti confessi; Chi sempre bello vuole apparire, bisogna si cambi il vestire; Chi ha la camicia sporca, si lava la lingua addosso agli altri; È meglio grassone che sporcaccione o straccione; Coll'acqua sporca ingrassa il porco; Wenn jedes vor seiner Türe fegt, so wird es überall sauber; Reinlichkeit ist keine Hofart; An der Reinlichkeit erkennt man die Hausfrau fein, Schmutz verrät ein Schwein; Rein im Hause, rein am Leibe ist ein goldener Schmuck am Weibe; Rein ist besser als fein; Unsauber macht fett; Reinlichkeit ist die Hauptsache, sagte Hans Klepper, und bestrich sich die Löcher in den Stiefeln mit Kuhmist; Es stirbt keine Sau ob einem unsaubern Troge.* Похвала и удовлетворение, осуждение и подтрунивание, безобидная ирония и едкий сарказм, явные и скрытые рекомендации, предупреждения и др. – все эти интенции служат объективации в целом положительного отношения к опрятности и негативного к неопрятности. Наблюдающаяся амбивалентность провербиальных оценок, обусловленная, с одной стороны, несовершенством человеческого бытия, с другой стороны, ситуативным предпочтением чего-то более важного, не приводит к деструкции сформированного в коллективном сознании каждого из этносов ценностного отношения к опрятности.

Итак, в провербиальных оценках, реализуемых в связи с определением ценностного смысла вещей, информированием о целях, мотивах и способах включения человека в структуру бытия, находят отражение направляющая, мотивационная и регулятивная компоненты ценностных ориентаций продуцентов и пользователей паремий. Ценностные ориентации носителей этнической культуры проявляются в исходных и предельных смыслах паремий. С одной стороны, ценностные ориентации проявляются как основания для выражения ценностного отношения к сущему, с другой стороны, – как воплощенное в языковом коде воздействие на ценностное сознание того, кому паремии адресованы. Это воздействие ориентирует индивидов как членов социума на ценности социума, формирует осознанные мотивы, определяет выбор моделей поведения и способов действия. В силу того, что исходными смыслами, на которых базируется выражаемое паремией ценностное отношение, являются убеждения, а полученными в результате инференции – прескрипции, содержание паремий реализует аргументирующую функцию, вскрывающую связь имплицированных оснований выражения ценностного отношения и вывода.

2.3 Инвентаризация ценностных ориентаций продуцентов паремий в словарях с тематическим принципом организации

Структура тематически организованных паремиологических словарей является своеобразным отражением структуры ценностного сознания носителей той или иной этнической культуры. Данная посылка является основанием для предположения, что сопоставительный анализ структур разноязычных тематически организованных словарей позволит с определенной долей приближения выяснить, насколько сходными или отличными являются сферы концептуализации действительности, сформированные в обыденном сознании людей, представляющих разные этносы.

Для проведения такого анализа были избраны два близких по объему разноязычных тематических словаря, составленных в разное время, – словарь «Пословицы русского народа» В. И. Даля [387] и словарь итальянских пословиц «Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi» В. Боджоне и Л. Массорбио [409].

В словаре В. И. Даля более чем 30000 провербиальных выражений распределены на 179 групп, в число которых входят как тематические, так и собственно жанровые объединения паремий (загадки, приметы, припевы, присказки и пр.).

В названиях тем нет единообразия, однако нет также и бессистемности. Л. Б. Савенкова отмечает, что В. И. Даль пользовался как однословными наименованиями тем, так и наименованиями, состоящими из двух и даже трех слов, связанных антонимическими, синонимическими, квазисинонимическими, синонимико-антонимическими, гипонимическими и другого рода связями логического характера [272, с. 32]. Полагаем, что такой тип объединения пословиц, когда в одну тематическую группу включаются паремии, имеющие отношение к логически сопряженным понятиям, не является плодом субъективного восприятия: В. И. Даль следовал тому, что подсказывал сам материал, то есть учитывал те связи, которые незримо существуют в паремиологическом пространстве.

Уже на первом шаге представления структуры провербиального пространства В. И. Даль приоткрывает завесу над сокрытыми в провербиальных выражениях смыслами, обозначая непосредственно в названиях тематических объединений (ТО) ядерные понятия интерпретативного содержания паремий – «смыслопорождающие» концепты: «Бог – Вера»; «Богатство – Убожество»; «Бережь – Мотовство»; «Терпение – Надежда»; «Признательность»; «Добро – Милость – Зло»; «Правда – Кривда»; «Закон»; «Смелость – Отвага – Трусость»; «Жизнь – Смерть»; «Человек»; «Родина – Чужбина»; «Одиночество – Женильба»; «Здоровье – Хворь»; «Грамота»; «Ум – Глупость»; «Работа – Праздность»; «Опрятность»;

«Осторожность»; «Честь – Почет», «Смирение – Гордость», «Пьянство»; «Воля – Неволя» и др.

Сопряжение в названиях ТО ценностных и антиценностных категорий свидетельствует не только и не столько о дуальности человеческого мышления, сколько о том, что природа человека не совершенна и реальная жизнь далека от идеализированной модели мира. Пословицы отражают данное положение, служат специфической реакцией на согласованность / рассогласованность ценностных позиций представителей социума и одновременно орудием коррекции «искажений» в природе человека, шире – орудием формирования некоторого единства во взглядах, являющегося условием сохранения и развития культурного сообщества.

В словаре В. И. Даля отсутствует иерархия тем и, на первый взгляд, последовательность размещения тем кажется произвольной, однако очевидная взаимосвязь тематических категорий, расположенных контактно, позволяет предположить, что внутренняя логика в следовании тем все же есть. В очень схематичном представлении последовательность подачи тем в словаре В. И. Даля можно определить как движение от категорий духовной жизни, категорий морали к человеку как таковому, сфере социальных отношений, утилитарным категориям и внешнему миру.

В словаре В. Боджоне и Л. Массорбио, насчитывающем также более 30000 единиц, паремии объединены в крупные тематические блоки, дифференцируемые на основании того, что выделение «концептуального ядра»¹ в каждой паремии выявляет соотнесение паремии с той или иной сферой концептуализации действительности. Составители словаря отмечают, что в большинстве тематических словарей итальянских пословиц наблюдается деление материала на три основных раздела: природный мир, мир человека и мир морали. Отказавшись от такого чересчур абстрактного членения, В. Боджоне и Л. Массорбио дифференцируют паремии на 10 тематических блоков, условно «продвигаясь» от мира природы через описание физического мира человека к миру морали и нравственности: I. *La natura, il clima, le stagioni* (Природа, климат, сезоны)²; II. *L'agricoltura e l'allevamento* (Сельское хозяйство и животноводство); III. *Le età della vita* (Возрастные периоды жизни); IV. *L'aspetto fisico e l'indole* (Внешний вид и характер); V. *La vita quotidiana* (Повседневная жизнь); VI. *La vita di relazione* (Жизненные отношения); VII. *La proprietà e l'economia* (Собственность и экономика); VIII. *La società, lo stato, la religione* (Общество, государство, религия); IX. *Le virtù e i vizi, le qualità e i difetti* (Добродетели и пороки, достоинства и недостатки); X. *Le gioie e le miserie della vita, il destino* (Радости и страдания жизни, судьба). Данный перечень сфер паремиологической концептуализации мира позволяет сделать вывод о выделе-

¹ Так обозначается составителями словаря стержневой концепт паремии [357, р. XXXV].

² Все переводы названий ТО, а также самих паремий как в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио, так и в других не славянских паремиологических собраниях сделаны автором диссертационной работы.

нии соответствующих им типов ценностей, вскрывающих направленности человеческих интересов.

Если учесть выводы, к которым приходит Л. Б. Савенкова в ходе исследования словаря «Пословицы русского народа» В. И. Даля, о том, что в русских паремиях находят осмысление девять типов ценностей: 1) бытийные, 2) экономические, 3) утилитарно-практические, 4) познавательные, 5) психологические, 6) морально-нравственные, 7) общественно-политические, 8) религиозные, 9) эстетические [273, с. 18–19], нетрудно убедиться, что сферы паремиологической концептуализации в итальянском и русском паремийниках выявляют значительное сходство. Широкая сеть корреляций обнаруживается при сопоставлении конкретных ценностных категорий, которые в словаре итальянских пословиц отражены в наименованиях тем на других уровнях тематического членения.

На втором уровне тематического членения составителями словаря итальянских пословиц выделяется 99 ТО, а на третьем – более 600, часть последних также в свою очередь разделяется на более мелкие ТО. В раскрытии смыслов проverbs-альных единиц при наименовании частных тематических объединений В. Боджоне и Л. Массорбио продвинулись немного далее, чем В. И. Даль, а именно в названиях ТО представлены не только имена стержневых концептов, но и инвариантные значения паремий, то есть общий смысл паремиологических единиц, составляющих то или иное тематическое микрополе. Проиллюстрируем это фрагментом плана тематической организации словаря в тематическом блоке «IX. Le virtù e i vizi, le qualità e i difetti» (Добродетели и пороки, достоинства и недостатки):

IX. 16. Operosità / pigrizia, ozio (Трудолюбие / лень, праздность)

IX. 16.1. Operosità, abilità nel lavoro come fonte di ricchezza, pigrizia e ozio come causa di povertà; necessità del lavoro (Трудолюбие, мастерство как источник богатства, лень и праздность как причина бедности; необходимость работы)

IX.16.2. Altri vantaggi materiali dell'operosità e della professionalità (Другие материальные выгоды трудолюбия и профессионализма)

IX.16.3. Valore morale e educativo del lavoro, corruzione derivante da ozio e da pigrizia (Моральное и воспитательное значение труда; порождаемое праздностью и ленью растление)

IX.16.4. Altri effetti positivi dell'operosità e della professionalità, altri elogi dell'operosità (Другие положительные эффекты трудолюбия и профессионализма; другие восхваления трудолюбия)

IX.16.5. Altri effetti negativi della pigrizia e dell'ozio (Другие негативные эффекты лени и праздности)

IX.16.6. Giudizi negativi sul lavoro, fatica del lavoro, scuse di chi è pigro (Негативные мнения о труде, трудность работы; оправдание тех, кто ленив)

IX.16.7. *Inviti a godersi la vita* (Предложения наслаждаться жизнью) > X.3.4¹.

IX.16.8. *Pigrizia e sonno* (Лень и сон) > V.6.2.

IX.16.9. *Laboriosità / pigrizia delle donne* (Трудолюбие / лень женщин) > V.4 5 4, IV.5.2.6.

IX.16.10. *Diffusione della pigrizia, comportamenti di chi è pigro, cause di pigrizia* (Распространение лени, поведение тех, кто ленив; причины лени)

IX.16.11. *Mendicanti, vagabondi* (Нищие, бродяги) > V.4.9.18.²

В предисловии к словарю «*Dizionario dei proverbi*» В. Боджоне подчеркивает, что при наименовании ТО авторы сосредоточивались на отражении того, что именно «*пословицы хотят сказать*», абсолютно «не претендуя этим исчерпать или ограничить их семантический потенциал» [357, р. XXXI]. В итоге составители словаря, избрав для себя такую стратегию, по сути, вышли на совокупность типичных для паремий обобщенных смыслов. Естественно, результат членения в конечном итоге был детерминирован содержательным единством или разнообразием пословиц. Если пословицы в содержательном отношении оказывались разнообразными, название ТО предельно широкое – имя концепта; в том случае, если значительная часть пословиц связывалась общим смыслом, ТО именовалось через представление этого смысла.

Первый, самый общий подход к анализу названий ТО, вскрывающих смыслы паремий, позволяет установить, что эти смыслы могут заключаться в 1) раскрытии ценностного смысла «вещей» как таковых, указании на то, каким эвалюативным значением наделяются объекты реального и идеального мира; 2) раскрытии значимости итога, результата принятия той или иной ценностной позиции и воплощения ее в поведении / деятельности; 3) рациональной оценке стремления человека к реализации определенных целей; 4) раскрытии норм, регламентирующих включение в структуру бытия, и выражении предписаний.

Такое обобщение выявленных В. Боджоне и Л. Массорбио частных смысловых структур паремий свидетельствует о том, что все три составляющие ценностных ориентаций (направляющая, мотивационная и регулятивная) находят отражение в содержательных аспектах паремий с выдвиганием в качестве доминантной той или иной своей компоненты. Разумеется, закреплённость за каждой паремией того или иного доминантного смысла, поддерживаемая формальными средствами языка, отнюдь не отрицает тесной связи всех трех компонент ценностных ориентаций как исходных и предельных смыслов паремии и возможных подвижек в

¹ Каждая из тематических группировок в словаре, как видим, имеет свой цифровой индекс, указывающий на положение ТО в общей иерархии тем, кроме того, ссылку на другое ТО, в котором фиксируются паремии данного объединения, но уже на основании других связей и отношений.

² Обратим внимание на значительную степень переключек обобщенных смыслов итальянских паремий о труде, выявленных В. Боджоне и Л. Массорбио и отраженных в названиях ТО, с центральными аспектами в раскрытии темы труда, которые определила Л. Б. Савенкова при анализе русских паремий: 1. Место труда в жизни человека; 2. Собственные характеристики труда как процесса; 3. Следствия труда в жизни человека; 4. Типы поведения людей в связи с их отношением к труду; 5. Взаимоотношения людей в процессе труда [272, с. 144].

иерархии заложенных в содержании паремии смыслов при употреблении паремнологической единицы в речи.

Проанализируем в деталях отражение структуры ценностных ориентаций как исходных и предельных смыслов паремий в названиях ТО в словаре итальянских пословиц В. Боджоне и Л. Массорбио с опорой на ключевые слова, которые при этом используются.

1) Смыслы, заключающиеся в представлении объектов ценностного / антиценностного отношения и раскрытии их эвалюативного значения (по сути, это и есть представление направляющей компоненты ценностных ориентаций), воплощаются посредством

а) указания на ценность, важность, значимость объекта; в формулировках тем фиксируются следующие ключевые слова:

- «valore» (ценность): V.4.5.10. **Valore** della libertà (**Ценность** свободы); VI.6.1.1. **Valore** dei consigli (**Ценность** советов); VI.7.5.1. **Valore** del perdono, giudizi negativi sulla vendetta (**Ценность** прощения, осуждение мести); IX.14.2. **Valore** della moderazione, senso della misura in generale (**Ценность** сдержанности, общее значение умеренности);

- «importanza» (важность, значимость): III.6.6. **Importanza** dell'educazione; precetti relativi all'educazione dei figli (**Важность** воспитания, правила воспитания детей); V.4.5.2. **Importanza** del capofamiglia e dell'unità familiare (**Важность** наличия главы семьи и фамильного единства); IX.24.1. **Valore e importanza** del sapere, vantaggi dell'intelligenza; danni dell'ignoranza (**Ценность** и **важность** знания, преимущества ума; вред невежества);

б) вынесения оценки, выражения положительного или отрицательного отношения; ключевыми словами в названиях тем в этом случае являются

- «valutazioni positive» (положительные оценки): IV.1.1.1. **Valutazioni positive**, vantaggi della bellezza; valutazioni negative, danni della bruttezza (**Положительные оценки** красоты, преимущества красоты; отрицательные оценки и ущербность некрасивости);

- «valutazioni negative» (отрицательные оценки): IV.1.1.4. Bellezza e malvagità, bellezza e stoltezza; superiorità della bontà sulla bellezza; **valutazioni negative** della bellezza (Красота и коварство, красота и глупость, превосходство доброты над красотой, **негативные оценки** красоты);

- «giudizi positivi» (положительные мнения, одобрение): VI.8.1. **Giudizi positivi** sul gioco (**Положительные мнения** об игре); III.5.2. Desiderio del matrimonio; **giudizi positivi** sul matrimonio (Стремление к супружеству, **одобрение** брака); IX.4.1. **Giudizi positivi** sull'astuzia; necessità di essere astuti, di ricorrere all'inganno (**Одобрение** хитрости; необходимость прибегать к хитрости и обману)¹;

¹ Слово «giudizio» в итальянском языке является многозначным ('мнение', 'заключение', 'суждение', 'суд', '(судебное) решение', 'приговор' и др.), в сочетаниях с общеоценочными атрибутами переводится по-разному:

- «giudizi negativi» (отрицательные мнения, осуждение): IX.2.1. **Giudizi negativi** sull'adulazione, pericoli del cedere all'adulazione, adulazione punita (**Осуждение** лести, опасность уступок лести, наказанная лесь); IX.4.6. **Giudizi negativi** sull'astuzia; difesa dall'astuzia; astuzia punita, inganni svelati (**Осуждение** хитрости; защита от хитрости; наказанная хитрость, разоблаченные обманы);

- elogi (восхваления): VI.2.1. **Elogi** dell'amicizia (**Восхваления** дружбы); IX.8.1. **Elogi** del coraggio, stimoli al coraggio (**Восхваления** смелости, стимулы к проявлению отваги); IX.15.1. **Elogi** dell'onestà; vantaggi dell'onestà, svantaggi e pericoli della disonestà (**Восхваления** честности, преимущества честности, вред и опасности нечестности);

в) установления ценностных иерархий; ключевым словом является

- «superiorità» (превосходство): IX.11.2. **Superiorità** dell'azione (anche fallimentare) sull'inattività (**Превосходство** деятельности (даже банкротства) над пассивностью); III.9.6. Altri pregi della vecchiaia; elogi della vecchiaia in generale; **superiorità** dei vecchi sui giovani (Другие достоинства старости, восхваления старости вообще, **превосходство** стариков над молодыми).

2) Смыслы, заключающиеся в раскрытии значимости итога включения в ценностные отношения, то есть включения в структуру бытия с той или иной ценностной позицией, раскрываются посредством

а) указания на положительные или негативные эффекты, последствия действий, отношений; в качестве ключевых в названиях тем используются слова:

- «effetti positivi» (положительные эффекты): IV.4.1.2. **Effetti positivi** dell'abitudine (**Положительные эффекты** привычек); IX.1.8. **Effetti positivi** della bontà, effetti negativi della malvagità in una prospettiva sociale; diffusione del male (**Положительные эффекты** проявления доброты, негативные эффекты зла в социальном отношении, распространение зла);

- «effetti negativi» (отрицательные эффекты): IV.4.1.3. **Effetti negativi** dell'abitudine, cattivi abitudini, noia (**Негативные эффекты** привычек, плохие привычки, скука); VI.9.1.1. Natura e importanza della cortesia, della simpatia e del rispetto; **effetti negativi** della scortesia (Природа и важность вежливости, проявления симпатии и уважения; **негативные эффекты** невежливости);

- «conseguenze» (последствия): IX.8.7. **Conseguenze** negative dell'eccessiva mitezza, della viltà e della pavidità (Отрицательные **последствия** чрезмерной крото-

---

«положительное / отрицательное мнение», «положительный / отрицательный отзыв», «положительная / отрицательная оценка». При переводе мы руководствовались наличием предлога su (о) во всех употреблении сочетаний «giudizi positivi», «giudizi negativi» авторами словаря, учитывали также возможность интерпретации смысла данных сочетаний как «одобрение» и «осуждение». На наш взгляд, значение используемого в таких контекстах итальянского слова «giudizio» перекликается с тем смыслом, который вкладывал известный паремиолог И. М. Снегирев в русское слово «приговор» – ‘мирское решение, общее мнение, коллективный вердикт’, считая мирские, или вечевые, приговоры (имевшие долгую традицию использования в решении всех гражданских вопросов на Руси) первоосновой русской нравственности и одним из наиболее древних источников формирования русского proverbialного фонда [299, с. 443–444].

сти, трусости и робости); IX.24.6. **Conseguenze** dell'ignoranza e della stupidità, comportamenti degli ignoranti; diffusione dell'ignoranza (**Последствия** проявления невежества и глупости, поведение невежд, распространенность глупости);

б) указания на пользу / бесполезность тех или иных действий, поступков; ключевыми словами в названиях тем являются

- «utilità» (польза, полезность): VI.6.2.1. **Utilità** delle esortazioni e dei rimproveri; rimproveri di chi vuol bene; valore della verità (**Полезность** увещаний и порицаний, порицания близких людей; ценность правды); VI.7.3.3. **Utilità** e giustizia delle punizioni (**Польза** и справедливость наказаний);

- «inutilità» (бесполезность): VI.6.2.2. **Inutilità** dei rimproveri o delle esortazioni; severità eccessiva (**Бесполезность** порицаний или увещаний, чрезмерная строгость); VI.7.3.6. **Inutilità**, effetti negativi delle punizioni; punizioni evitate (**Бесполезность**, негативные следствия наказаний; уклонение от наказаний);

в) указания на преимущества, выгоду / невыгоду, вред, опасность тех или иных акций, следования той или иной модели поведения; ключевые слова:

- «vantaggi» (преимущества, выгода): VI.1.1. **Vantaggi** dell'essere in compagnia e della collaborazione (**Преимущества** принадлежности к компании и сообществу); IX.7.2. **Vantaggi** della carità e della generosità (**Преимущества** благотворительности и щедрости); IX.15.3. Limiti dell'onestà, **vantaggi** della disonestà (Пределы честности, **выгоды** нечестности);

- «svantaggi» (недостатки, невыгода, вред): VIII.3.2. Limiti e **svantaggi** del potere; caducità del potere; prepotenza punita (Ограничения и **невыгодные стороны** власти, утрата властью силы, наказанное могущество); IX.24.5. Sapere come fonte di sofferenza, **svantaggi** di chi è sapiente (Знание как источник страданий, **невыгоды** мудрости); IX.25.1.1. Valore della verità; natura e vantaggi della sincerità, **svantaggi** e pericoli della menzogna (Ценность правды, природа и преимущества искренности, **вред** и опасность лжи);

- danni (вред, ущербы): IX.12.1. Natura e **danni** dell'invidia e della malignità (Природа и **вред** зависти и злобы); IX.13.1. Giudizi negativi sull'ira; effetti e **danni** dell'ira (Осуждение гнева, последствия и **вред** гнева); IX.21.1. Natura, valore e necessità della prudenza; **danni** dell'imprudenza (Природа, ценность и необходимость благоразумия, **вред** неблагоразумия);

- «pericoli» (опасности): VII.7.2. **Pericoli** e difficoltà del commercio (**Опасности** и трудности торговли); X.1.5.4. **Pericoli** insiti nei cambiamenti (**Опасности**, связанные с изменениями); X.4.3. **Pericoli** e mali celati sotto false apparenze (**Опасности** и зло, скрывающиеся за фальшивой внешностью).

3) Смыслы, заключающиеся в рациональной оценке стремления человека к реализации определенных целей, достижимости желаемого, раскрываются посредством:

а) указания на целесообразность / абсурдность устремлений человека, выбора того или иного способа достижения желаемого; в качестве ключевых слов выступают следующие слова:

- «opportunitа» (целесообразность, уместность): III.5.3.4. **Opportunitа** di non sposare le donne belle, preoccupazioni dei mariti che hanno donne belle (**Целесообразность** не жениться на красивых женщинах, беспокойства мужей, имеющих красивых жен); IX.19.1. **Opportunitа** di riflettere prima di agire (**Целесообразность** думать, прежде чем действовать);

- assurditа (абсурдность): IX.5.1. Giudizi negativi sull'avarizia; **assurditа** del comportamento degli avari, disagi e sofferenze connessi all'avarizia (Негативные мнения о скупости, **абсурдность** поведения скупых, лишения и страдания, связанные со скупостью);

б) указания на трудность / легкость достижения тех или иных целей, совершения тех или иных действий и т. п.; ключевыми словами являются

- difficultа (трудность): IX.3.2. **Difficultа** di appagare l'ambizione, pericoli connessi con l'ambizione, ambizione punita (**Трудность** удовлетворения амбиций, опасности, связанные с амбициями, наказанная амбициозность); IX.25.3.2. **Difficultа** nel giudicare gli uomini, false apparenze (**Трудность** оценки людей, обманчивая внешность);

- facilitа (легкость): III.5.3.1. Difficultа / **facilitа** nello scegliere o nel trovare il consorte; eventi che si verificano nella scelta del consorte (**Трудность** / **легкость** в выборе или нахождении супруга / супруги; события, которые происходят при выборе супруга); III.5.3.2. Bellezza / bruttezza e **facilitа** nell'accasarsi (Красота / некрасивость и **легкость** замужества / женитьбы);

в) указания на возможность / невозможность достижения целей; ключевыми словами являются

- «possibilitа» (возможность): IV.2.9. **Possibilitа** di modificare l'indole, necessitа dell'educazione (**Возможность** изменить характер, необходимость образования); VII.6.5. **Possibilitа** di ottenere un prestito o un credito (**Возможность** получения денег в долг или в кредит);

- «impossibilitа» (невозможность): IV.2.8. **Impossibilitа** di mutare la natura e le inclinazioni, impossibilitа di pretendere da altri cose non consone alla loro natura (**Невозможность** изменить характер и склонности, невозможность претендовать на вещи, не соответствующие характеру); VI.7.2.1. **Impossibilitа** di nascondere colpe o errori (**Невозможность** скрыть вину и ошибки).

4) Смыслы, заключающиеся в раскрытии норм, регламентирующих включение в структуру бытия, и побуждении действовать в соответствии с этими нормами, раскрываются посредством

а) указания на существующие принципы и правила поведения, организации той или иной деятельности; в качестве ключевых используются слова:

- **principi** (принципы): V.1.2.2. **Principi** per una corretta alimentazione, consumo eccessivo di cibo (**Принципы** правильного питания, чрезмерное употребление пищи); VI.7.3.5. **Principi** da seguire nel punire, limiti nelle punizioni (**Принципы**, которых нужно придерживаться в наказании, ограничения наказания);

- «regole» (правила): VI.9. **Regole** di comportamento, buone e cattive maniere (**Правила** поведения, хорошие и плохие манеры); X.7.6. **Regole** del giudicare (**Правила** вынесения оценки);

б) указания на необходимость принятия той или иной модели поведения, совершения того или иного действия, ключевым словом является

- «necessità» (необходимость): IV.3.11. **Necessità** di limitare i desideri (**Необходимость** ограничивать желания); V.4.5.11. **Necessità** della parsimonia e della moderazione nelleconomia domestica (**Необходимость** проявления бережливости и умеренности в ведении домашних дел); VII.6.2. **Necessità** di mantenere la parola data (**Необходимость** сдерживать данное слово);

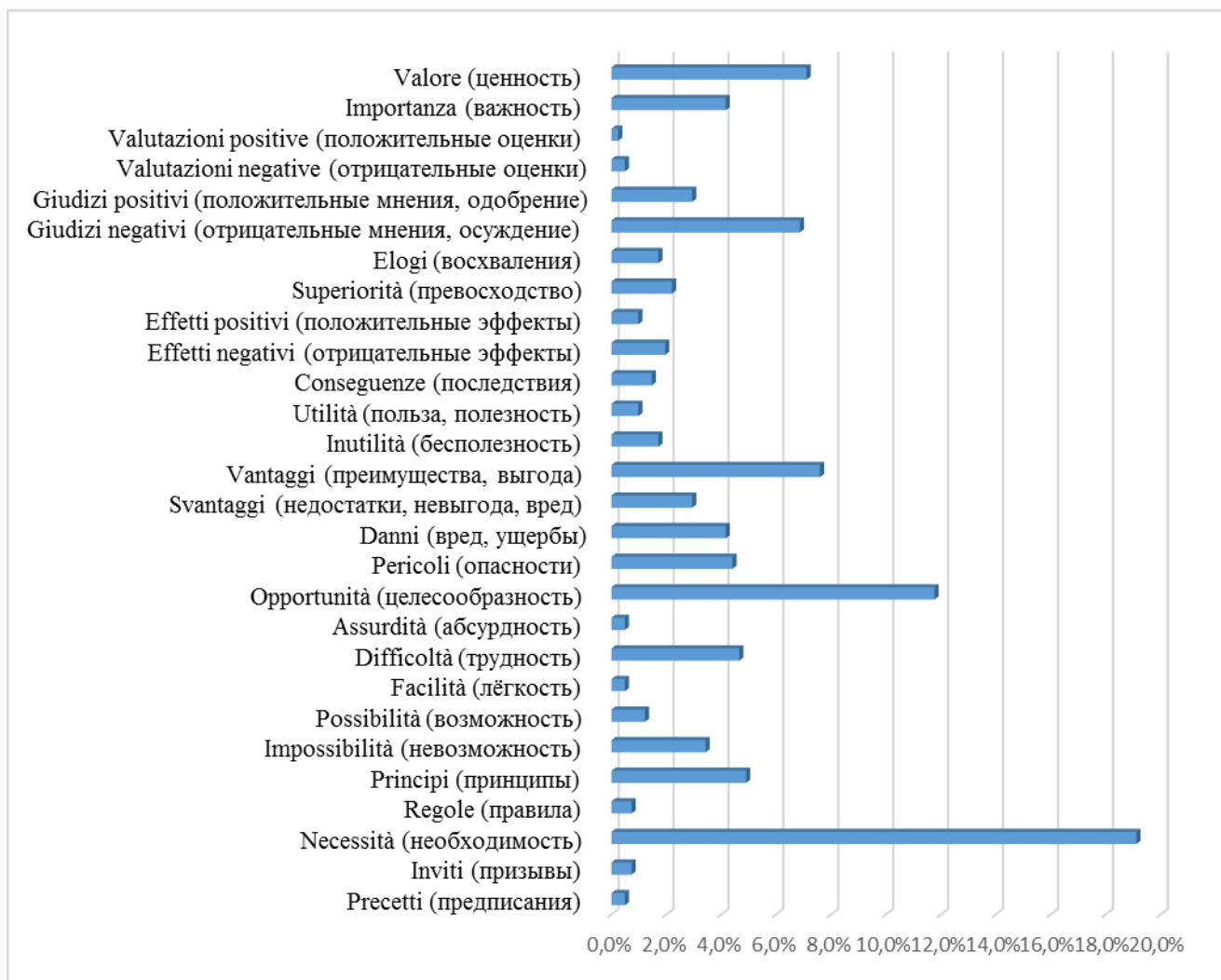
в) прямого призыва, предписания придерживаться той или иной модели поведения, ключевыми словами являются

- «inviti» (призывы): IX.16.7. **Inviti** a godersi la vita (**Призывы** наслаждаться жизнью); VI.5.6.4. Opportunità di evitare le maldicenze, **inviti** a non criticare e offendere gli altri (Целесообразность избегать сквернословия, **призывы** не критиковать и не обижать других);

- «precetti» (предписания): VI.2.5. **Precetti** da osservare nel trattare con gli amici (**Предписания** быть осмотрительным в отношениях с друзьями); III.6.6. Importanza dell'educazione; **precetti** relativi all'educazione dei figli (Важность воспитания; **предписания**, касающиеся воспитания детей).

Таким образом, если в словаре В. И. Даля в названиях ТО представлена только направляющая компонента ценностных ориентаций, то в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио отражены и иные составляющие ценностных ориентаций, а именно мотивационная и регулятивная.

О том, в какой мере обращались составители словаря итальянских пословиц к каждому из ключевых слов, определяющих тот или иной род доминантных смыслов паремий, а следовательно, и о том, в какой мере (с точки зрения авторов предложенного тематического членения) проявляют себя разные типы смыслов, отражающих итог ценностного осмысления сущего продуцентами паремий, можно судить по данным диаграммы на Рисунке 2.1. Даже при некоторой степени относительности выводов, которые можно сделать на основании количественных показателей (нужно учесть, что за каждой из формулировок с тем или иным ключевым словом может стоять большее или меньшее количество самих паремий), нельзя не принять во внимание, что абсолютными лидерами оказываются те ключевые слова, которые отражают смыслы, связанные с понятиями необходимости и целесообразности.

Рисунок 2.1. – Ключевые слова в названиях ТО и частотность фиксации названий ТО с этими ключевыми словами в словаре итальянских паремий (сост. В. Боджоне и Л. Массорбио)

Диаграмма показывает, что при интерпретации содержания паремиологических единиц составители словаря чаще склонялись к мнению о том, что доминирующими смыслами паремий являются деонтические смыслы. Понимаем, что тот или иной тип смысловой структуры в различных тематических совокупностях паремий (в силу различий природы объектов, осмысляемых как ценность) может характеризоваться разным «весом». Тем не менее некоторые тенденции «паремиологического» ценностного ориентирования (примем такое определение как условное обозначение ценностного ориентирования, осуществляемого посредством паремий), какая бы тематическая совокупность паремий ни стала предметом анализа, все же будут сохраняться. Обращение к предпринятым другими исследователями количественным исчислениям паремий, реализующих те или иные обобщенные смыслы, позволяет убедиться в проявлении таких тенденций.

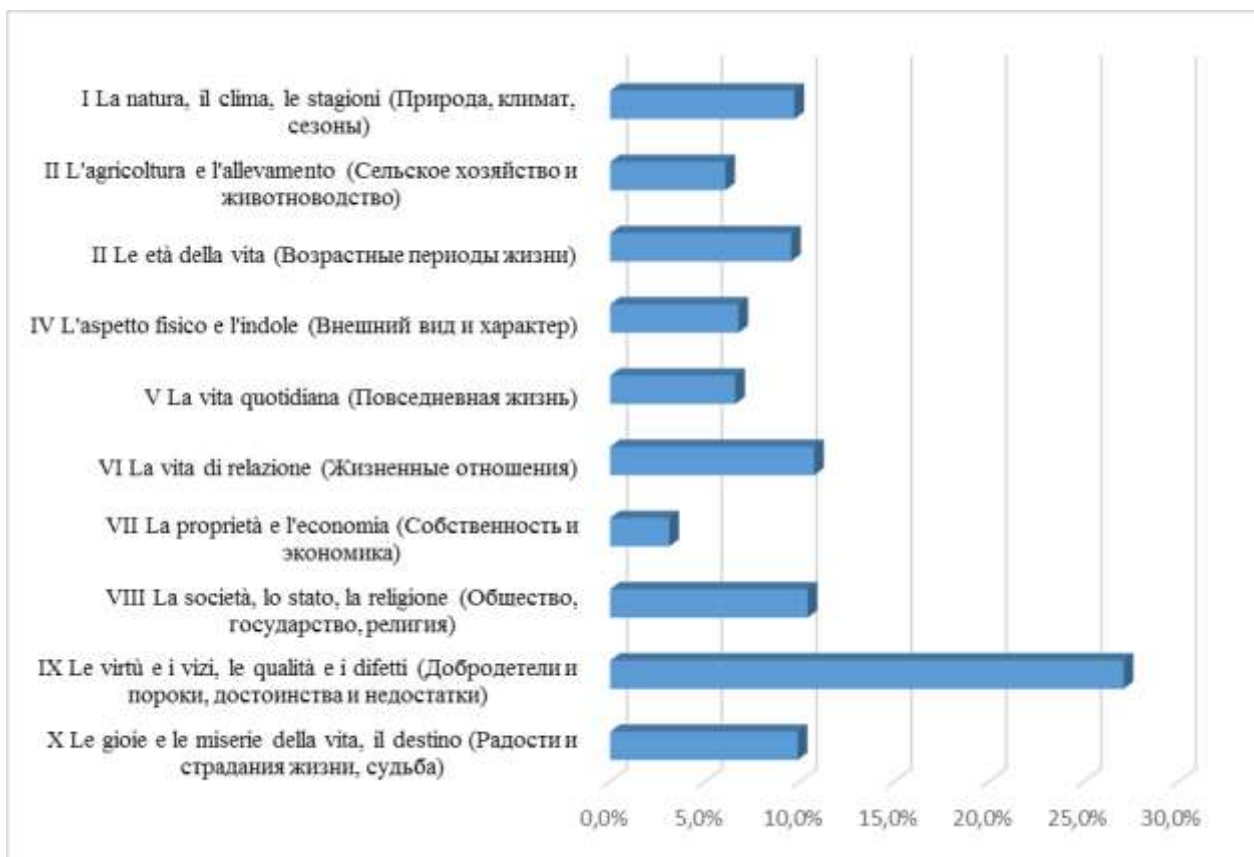
Аналогичные исчисления были произведены Л. Б. Савенковой на материале русских паремий. В частности, исследователем было выявлено семь обобщенных смыслов (логем), которые реализуют паремии о труде, и определено количество

паремий, представляющих каждый из выделенных смысловых типов. Результаты подсчетов паремий по логемам таковы: 1) Труд присутствует в жизни человека постоянно – 11 единиц; 2) Труд требует усилий – 13 единиц; 3) Труд носит подневольный характер – 17 единиц; 4) Труд имеет свои следствия, как положительные, так и отрицательные – 156 единиц; 5) Следует выработать отношение к труду – 236 единиц; 6) Не все одинаково относятся к труду – 22 единицы; 7) Отношение к труду определяет ценность человека в социуме – 159 единиц [272, с. 144–145]. Подсчеты свидетельствуют о том, что в совокупности русских паремий о труде преобладающими обобщенными смыслами являются рекомендательные смыслы, раскрытие ценностной значимости труда и соответствующая этой значимости мотивация немного уступают прескриптивным смыслам.

В названиях ТО паремий и в порядке расположения материала итальянские паремиографы (как, впрочем, и В. И. Даль) отразили еще одну важную особенность обыденного сознания (кроме той, что свидетельствует о запечатлении в опыте и преимущественном коммуницировании наиболее «важного»): человек стремится к познанию положительных и отрицательных сторон любой вещи, то есть подходит диалектически к осмыслению значимости вещей. Отсюда конфликтность провербиальных оценок: VI.7.5.1. *Valore del perdono, giudizi negativi sulla vendetta* (Ценность прощения, осуждение мести); VI.7.5.3. *Naturalità del vendicarsi, giudizi positivi sulla vendetta* (Естественность мщения, одобрение мести); IV.5.1. *Giudizi positivi sulle donne, virtù delle donne* (Положительные мнения о женщинах, достоинства женщин); IV.5.2. *Giudizi negativi, difetti delle donne* (Отрицательные мнения о женщинах, недостатки женщин); IX.23.2. *Vantaggi della saggezza, svantaggi della stoltezza e della follia; giudizi negativi in genere sulla stoltezza e sulla follia* (Преимущества разумности, недостатки глупости и безрассудства; отрицательные отзывы о глупости и безрассудстве вообще); IX.23.3. *Svantaggi della saggezza, vantaggi della ingenuità, della stoltezza e della follia* (Недостатки разумности, преимущества простодушия, глупости и безрассудства). В конфликтности оценок отражаются, как мы уже отмечали выше, и различия ценностных позиций субъектов оценки, и антагонизм добродетельного и порочного в поведении индивидов, и коллизии в сознании человека в ситуации выбора.

Удельный вес паремий, представляющих каждую из выделенных В. Боджоне и Л. Массорбио сфер человеческой жизни и, соответственно, каждый из типов ценностей, отражен в диаграмме на Рисунке 2.2.

Как видим, абсолютным лидером по количеству паремиологических единиц в словаре итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио является тематический блок IX. *Le virtù e i vizi, le qualità e i difetti* (Добродетели и пороки, достоинства и недостатки).

Рисунок 2.2. – Тематическое членение и объем ТО в словаре итальянских паремий (сост. В. Боджоне и Л. Массорбио)

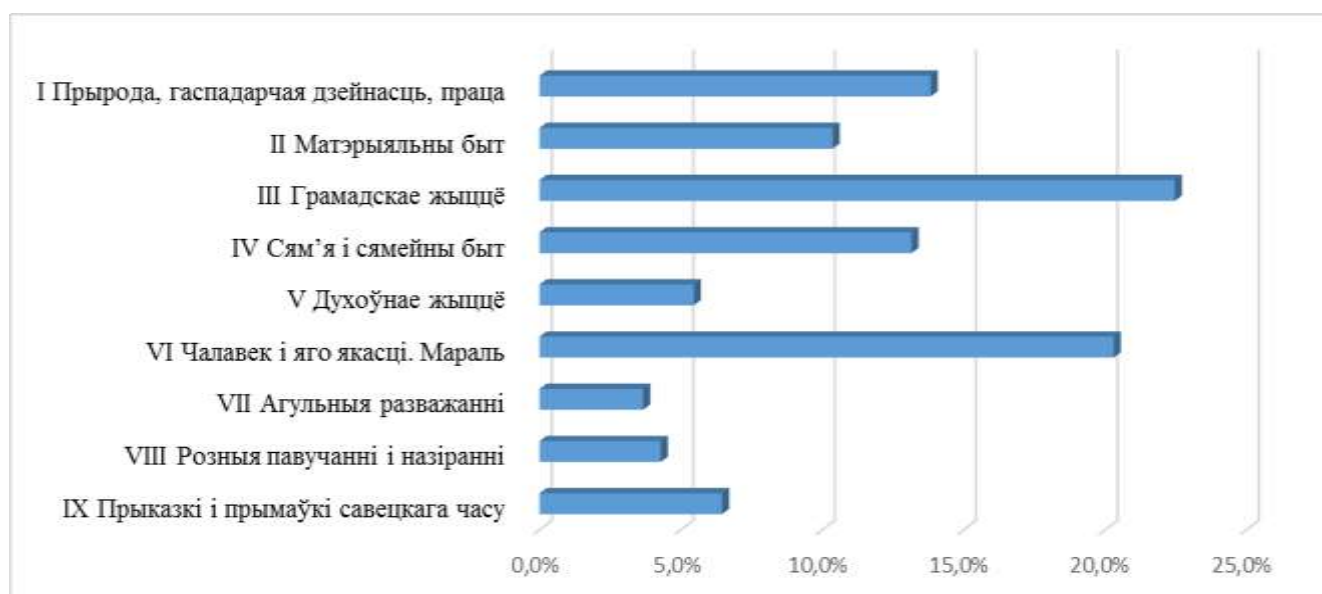
В названиях конкретных рубрик, составляющих блоки, за исключением первого и второго блоков, где речь идет о природе, климате и сельском хозяйстве, отмечаются такие же категории, как и в словаре В. И. Даля, то есть системы ценностных и антиценностных категорий, нашедших отражение в русских и итальянских паремиях, в значительной степени коррелируют. Общее количество совпавших обозначений объектов, осмысляемых в плане их ценностной / антиценностной значимости, представленных в названиях ТО в словаре В. И. Даля и словаре В. Боджоне и Л. Массорбио, составило 202 единицы, это 71,6% от количества всех терминов, использованных В. И. Далем (именно это количество было принято за единицу отсчета, ввиду того, что рубрикация в словаре В. И. Даля менее дробная)¹.

Обращение к тематическим собраниям паремий других языков убеждает в том, что структуры proverbially пространств (при всем разнообразии их отражения в каждой конкретной версии словарного членения) обнаруживают корреляции не только в сферах паремиологической концептуализации, но и отчасти в степени релевантности типов ценностей, о чем косвенно свидетельствует удель-

¹ В Приложении В даны таблицы, позволяющие сопоставить состав и объемы ТО в словаре В. И. Даля, словаре В. Боджоне и Л. Массорбио (в Таблице В3 отражена тематическая дифференциация паремий на втором уровне членения). В этом же приложении приведены аналогичные по организации таблицы, отражающие состав и объемы ТО в словаре М. Я. Гринבלата и словаре К. Ротера.

ный вес паремий, объединяемых в крупные блоки и разделы в тематических словарях.

Например, в тематически организованном словаре белорусских пословиц и поговорок М. Я. Гринблата [399] 9 крупных тематических блоков, последовательность их подачи отчасти аналогична той, которая наблюдается в словаре итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио: I. Прырода, гаспадарчая дзейнасць, праца; II. Матэрыяльны быт; III. Грамадскае жыццё; IV. Сям'я і сямейны быт; V. Духоўнае жыццё; VI. Чалавек і яго якасці. Мараль; VII. Агульныя разважанні; VIII. Розныя павучанні і назіранні; последний тематический блок в словаре М. Я. Гринблата специфичен – IX. Прыказкі і прымаўкі савецкага часу. Кроме того, так же как и в тематическом собрании итальянских пословиц В. Боджоне и Л. Массорбио, в словаре белорусских пословиц М. Я. Гринблата одним из наиболее объемных по количеству представляющих его единиц (см. Рисунок 2.3) оказывается тематический блок о человеке как носителе достоинств и недостатков (это шестой блок «Чалавек і яго якасці. Мараль»).

Рисунок 2.3. – Тематическое членение и объем ТО в словаре белорусских паремий (сост. М. Я. Гринблат)

Словарь силезских¹ паремий К. Ротера [414], как и словарь итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио, имеет несколько уровней тематического членения. На первом уровне членения, правда, выделены только три тематических блока: I. Die Natur (Природа); II. Der Mensch (Человек) и III. Die menschliche Gemeinschaft (Человеческое сообщество).

¹ В словаре собраны пословицы говорящих на немецком языке силезцев (Силезия – многонациональная историческая область Центральной Европы).

В первом блоке «Die Natur» наблюдается один уровень членения; этот блок традиционно представлен тематическими разделами об окружающем мире, погоде, календаре, растениях, животных и др.

Во втором блоке «Der Mensch» несколько уровней членения. На первом уровне членения выделяется два неравных по объему раздела: в первый из них (меньший) «Der menschliche Körper» (Тело человека) включены пословицы о физических характеристиках человека (тематические объединения внутри раздела представлены паремиями о внешнем виде человека, частях тела, здоровье, болезнях, молодости, старости и др.), во второй (самый объемный в словаре) «Der menschliche Geist» (Дух человека) – пословицы о внутреннем мире человека. Раздел «Der menschliche Geist» членится в свою очередь на три крупные тематические рубрики, каждая из которых имеет неравное количество уровней: рубрика «Das Erkenntnisleben» (Познавательная жизнь) обнаруживает 2 уровня членения, рубрика «Das Gefühlsleben» (Эмоциональная жизнь) имеет самое большое число уровней – 4, причем наиболее глубокая ступень уровневой членения отмечается в рубрике «Sittlichkeit» (Нравственность). Примечательно, что важнейшие моральные ценности, наименования которых представлены в формулировках частных тематических объединений «Wahrheit» (Правда), «Ehre» (Честь), «Bescheidenheit» (Скромность), «Mut» (Мужество), «Freigebigkeit» (Щедрость), «Gerechtigkeit» (Справедливость), «Gunst» (Милость), «Frömmigkeit» (Благочестие), «Tugend» (Добродетель), «Geduld» (Терпение), «Gewissen» (Совесть) и др., в интерпретации К. Ротера отнесены к сфере чувств.

Третий тематический блок в словаре К. Ротера имеет четыре рубрики, в каждой из которых по одному уровню членения. В паремиях, представляющих третий тематический блок, речь идет об отношениях между членами социума, о материальной стороне жизни, о профессиях и родах деятельности людей.

Диаграмма на Рисунке 2.4 (см. следующую страницу), отражающая общую структуру словаря К. Ротера¹, делает наглядным то, что сфера концептуализации, связанная с внутренним миром человека, в данном словаре определяется как наиболее широкая сфера и телесное в человеке значительно уступает в паремиологической концептуализации мира духовному.

¹ В силу того, что структура словаря К. Ротера многоступенчатая, количественные данные второго, третьего, четвертого, пятого и шестого уровней членения отражены в разных столбцах. В первом столбце отражен объем всех тематических объединений на первом уровне членения, во втором столбце показаны вложенности ТО «II. Der Mensch» и ТО «III. Die menschliche Gemeinschaft», во всех последующих столбцах отражены вложенности только ТО «II. Der Mensch», обнаруживающего наиболее глубокое внутреннее членение. ТО «I. Die Natur» имеет вложенности только одного – «последнего» – уровня членения. Вложенности «последнего» уровня членения всех ТО в диаграмме не отражены. Процентные данные по объему этих ТО приведены в Таблице В4 (см. Приложение В).

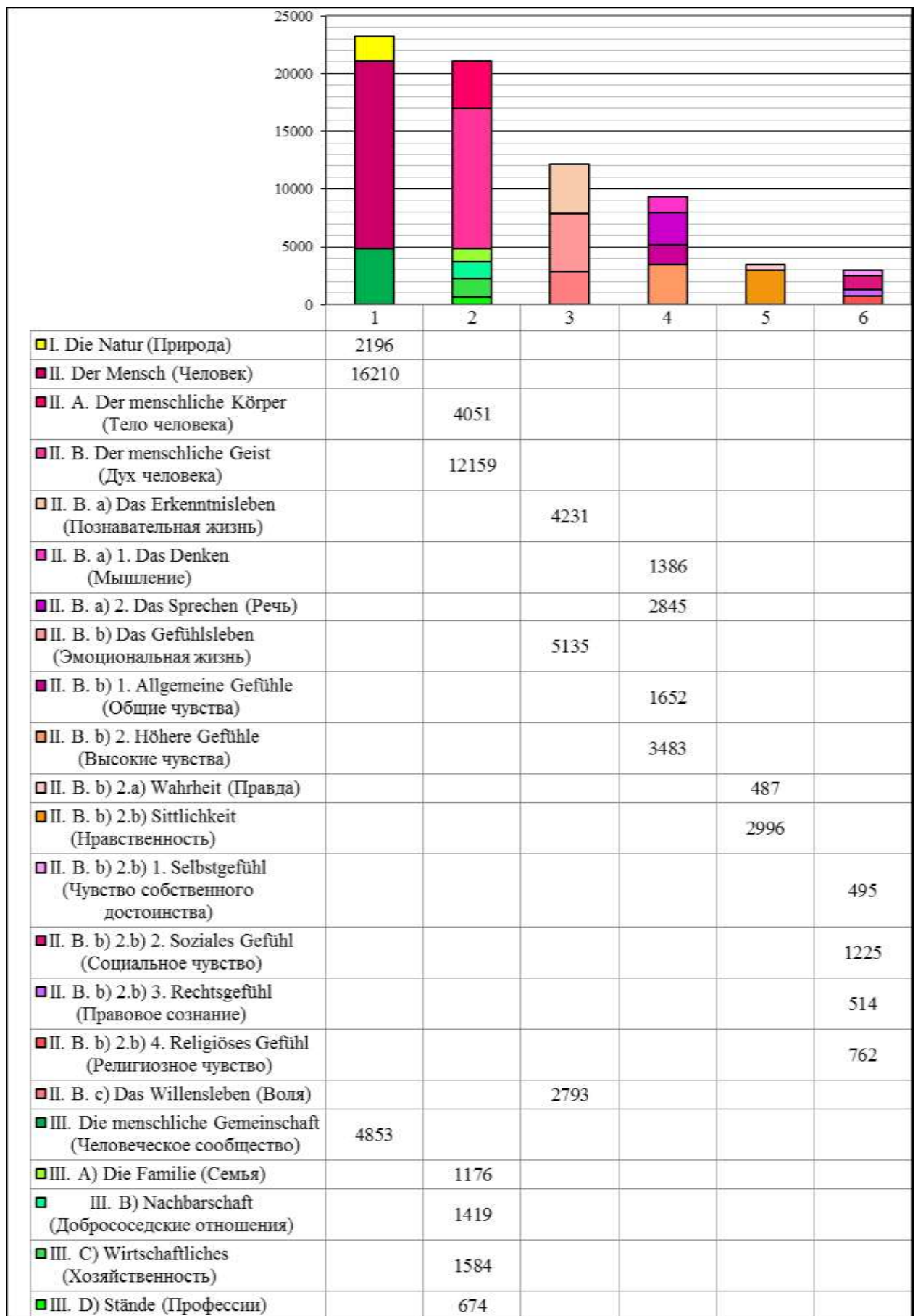

Рисунок 2.4. – Тематическое членение и объем ТО в словаре силезских паремий К. Ротера

Это наблюдение согласуется с выводами, к которым приходит Л. Б. Савенкова в результате исследования отраженных в содержательных аспектах русских паремий исторически сложившихся ценностных приоритетов русского народа. На основании того, что «морально-нравственные ценности количественно представлены наиболее широко»¹, Л. Б. Савенкова делает заключение о приоритетности морально-нравственных ценностей в русском этническом сознании [273, с. 19]. Закономерен вывод исследователя о том, что конкурирующими по приоритетности с морально-нравственными ценностями в русских паремиях являются утилитарно-практические ценности [273, с. 19]: и философы, и лингвокультурологи считают, что основной конфликт в структуре ценностного сознания человека, выражается в борьбе между долгом и желанием, мотивами нравственного и утилитарного характера [127, с. 22; 325, с. 764].

К аналогичным выводам приходит и Д. Б. Кумахова в своем диссертационном исследовании, посвященном выявлению особенностей оценочной категоризации в кабардино-черкесских и русских паремиях [171, с. 74]. Возможно, любой провербиальный фонд будет характеризоваться по сумме объективаций соответствующих ценностных концептов в паремиологических единицах широтой сферы концептуализации, связанной с моральными категориями, и конкуренцию им будут составлять утилитарно-практические ценности.

Причину этого следует усматривать в том, что мораль как совокупность норм поведения человека, по мнению социологов, проявляется во всех сферах его жизни и деятельности: «Благодаря способности человека и общества подвергать моральной оценке все стороны общественной жизни – экономическую, политическую, духовную и т.д., а также давать моральное обоснование экономическим, политическим, религиозным, научным, эстетическим и иным целям мораль оказывается включенной во все сферы общественной жизни» [226]. Мораль задается дихотомией добра и зла, при этом добро понимается как «стремление к гармоничной целостности как в отношениях между людьми, так и во внутреннем мире личности», зло – как категория альтернативная созидательному добру, это «все, что разрушает межличностные связи и разлагает внутренний мир человека» [226]. Мораль концептуализируется как некоторая форма императивности, а именно: как нормы, предписания, которые «ставят своей целью поддержание добра и отвлечение человека от зла» [226].

Таким образом, если представить систему отраженных в паремиях ценностных ориентаций как «многомерное пространство»², то каждое из его «измерений», соответствующее определенному типу ценностных отношений, показывает,

¹ Заметим, что в состав морально-нравственных ценностей Л. Б. Савенкова включает и такую ценность, как семья [273, с. 19].

² По мнению Б. Ф. Ломова, ценностные ориентации, как и любую психологическую систему, можно представить «как многомерное динамическое пространство, каждое измерение которого соответствует определенному виду общественных отношений» [190, с. 36].

«предписывает», каким образом должен быть совершен выбор в той или иной «социальной ситуации», и если этот выбор связан с разрешением конфликта между объектом стремления (личным благом) и вменяемой человеку обществом нормой поведения, то это моральный выбор.

Значительные совпадения в тематически организованных словарях наблюдаются в очерчивании круга человеческих добродетелей и пороков, достоинств и недостатков. Как мы уже отмечали выше, в словаре белорусских паремий М. Я. Гринблата, в словаре итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио, в словаре силезских паремий К. Ротера паремиологические единицы о человеческих добродетелях и пороках и, собственно, о морали вообще составляют отдельные разделы с последующей внутренней дифференциацией. В других же тематически организованных словарях с многоуровневым членением такие объединения отсутствуют (см., к примеру, объяснительный словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зиминой, А. С. Спириной [389]), что в принципе тоже имеет свою логику. Если придерживаться аристотелевской концепции добродетели, в соответствии с которой добродетель – это качество характера, проявляющееся в той или иной деятельности, и добродетелей столько, сколько можно предположить разновидностей человеческой деятельности [15, с. 281], то «стягивание» паремий о добродетелях и пороках в единый блок, именуемый с использованием термина¹ *мораль*, может показаться нерациональным. Для нас важен, однако, сам факт, что паремии о том или ином конкретном достоинстве и недостатке человека в тематически организованных словарях, как правило, представляют отдельные ТО, и их выделение уже само по себе может рассматриваться как признак релевантности обсуждаемых категорий. Схожесть составов таких ТО в разноязычных словарях свидетельствует об идентичности для разных этносов основных коллизий в жизни человека, связанных с выбором поведенческих стратегий, оцениваемых с точки зрения добра и зла.

Чтобы подтвердить то, что такая схожесть, действительно, наблюдается в разноязычных паремиологических словарях, мы сопоставили названия имеющихся в их составе объединений паремий и отразили результаты этого сопоставления в Таблице 2.1². В этой Таблице показаны встретившиеся в

¹ Здесь и далее под термином мы подразумеваем слово того или иного языка, характеризующееся определенным понятийным содержанием, обозначаемым условно на русском языке (такое обозначение подается курсивом).

² Таблица составлена на основании данных восьми паремиологических словарей (по два словаря в каждом языке): это словари, составителями которых являются: В. И. Зимин и А. С. Спирин*[389], К. Г. Берсенёва***[403]; М. Я. Гринблат*[399], Ф. М. Янковский***[385]; В. Боджоне и Л. Массорбио*[409], М. Карьеры Казали***[413]; К. Ротер*[414], К. Вандер***[420]. Звездочки, указанные здесь после фамилий составителей словарей, в самой таблице выступают индексами, отсылающими к словарю-источнику термина; если термин употребляется в названиях словарных объединений каждого из одноязычных словарей, взятых для анализа, то он индексируется двумя звездочками. Важным критерием выбора словарей для анализа была высокая степень дробности тематического членения. Все словари, за исключением собрания паремий К. Вандера, тематически организованные. В собрании К. Вандера стержневой принцип организации, то есть словарные объединения составляют паремии с тем или иным стержневым словом. Это исключение было сделано в силу недоступности для автора работы иных тематических

названиях словарных объединений аксиологически маркированные термины, используемые для характеристики внутреннего мира человека¹.

Таблица 2.1. – Морально-этические категории и характеристики человека в названиях словарных объединений паремий

Словари русских паремий	Словари белорусских паремий	Словари итальянских паремий	Словари немецких паремий
1	2	3	4
честь**	годнасць*	onore** (честь, порядочность, достоинство) virtù** (добродетель, доблесть, достоинство)	Ehre** (честь) Selbstbewusstsein* (чувство собственного достоинства)
бесчестье**	заган***	immoralità* (безнравственность) vizio*** (порок)	Unehre*** (бесчестие)
совесть** ответственность***	–	coscienza*** (совесть) rimorso* (угрызения совести)	Gewissen** (совесть)
честность*** чистый* ('честный, непорочный')	чэснасць*	onestà** (честность, порядочность, благопристойность)	Ehrlichkeit*** (честность, порядочность) Reinlichkeit*** (порядочность)
нечистоплотный ('непорядочный')*	–	disonestà** (нечестность, непорядочность)	Unehrenhaftigkeit*** (непорядочность) unehrlich*** (бесчестный)
бесстыдство* бесстыжий***	бессаромнасць*	impudicizia* (бесстыдство, развращенность, беспутство) sconvenienza* (неприличие непристойность) sfacciataggine* (бесстыдство)	Schande***, Schmach*** (стыд, позор, бесчестие)
безразличие***	абьякавасць**	indifferenza*** (равнодушные), freddezza* (холодность, равнодушие)	gleichgültig*** (безразличный, безучастный, равнодушный)
доброта* добрый*	дабрата*	bontà** (доброта)	Güte*** (доброта)
злой* злодей*	зладзейства** непамяркоўнасць***	cattiveria*** (низость) malignità* (злобность, злонамеренность)	böse*** (злой)

собраний немецких паремий. Кроме того, данный выбор не противоречит самой идее сопоставления терминов, используемых в названии словарных объединений. Обращаем внимание и на словарь М. Карьеры Казали, которому намеренно отдано предпочтение (несмотря на то, что в нашем распоряжении были другие словари итальянских паремий с достаточно дробной тематической дифференциацией), так как в этот тематически организованный словарь включены не только итальянские паремии, но и паремии других народов мира (английские, французские, испанские, греческие, румынские, польские, арабские, индийские, китайские, японские и др.). Пустующие графы в таблице не означают, что паремиологические единицы, содержание которых имеет отношение к соответствующей категории, отсутствуют в провербиальном фонде того или иного народа, это означает только то, что составители словаря не выделяют их в отдельную тематическую группировку.

¹ Ввиду того что в отдельных словарях в названиях словарных объединений отмечаются и атрибутивные обозначения человека как носителя тех или иных свойств (такие обозначения, к примеру, являются достаточно частотными в объяснительном словаре русских пословиц В. И. Зимина, А. С. Спирина [389]), в таблице нашли отражение как субстантивные, так и атрибутивные обозначения релевантных для анализа понятий.

Продолжение таблицы 2.1

1	2	3	4
терпение***	цярпенне* памяркоўнасць***	patienza** (терпение, терпеливость)	Geduld** (терпение) geduldig*** (терпеливый)
–	спагада***	pietà** (сострадание) carità** (человеколюбие, милосердие) clemenza*** (милосердие, милость)	Mitgefühl* (сострадание) Gunst** (благодарность, доброжелательность, ми- лость)
эгоизм*** эгоист*	самалюбства*** індывідуалізм***	egoismo** (эгоизм)	Eigenliebe*** (эгоизм)
гостеприимство*** хлебосольство***	гасціннасць ***	ospitalità*** (гостеприим- ство, хлебосольство)	–
щедрость*** тороватый*	–	generosità** (великоду- шие, щедрость)	Freigebigkeit** (щедрость)
уважение* почет*	–	reputazione** (извест- ность, доброе имя)	Achtung*** (почтение, уважение) Ehre*** (почет, уважение)
геройство***	–	eroismo** (героизм, доблесть)	Heldenmut*** (героизм)
мужество*** смелость*** храбрость*** смелый человек*	смеласць*	coraggio** (мужество, смелость)	Mut** (мужество) Kühnheit*** (смелость, отвага) Tapferkeit*** (храбрость, смелость, неустрашимость)
трусость*** трус*	баязлівасць**	pusillanimità* (трусли- вость, робость, малоду- шие)	Angst** (страх) Furcht** (боязнь)
вежливость*** учтивость***	–	cortesia** (вежливость, учтивость) convenienza* (приличие, вежливость)	Höflichkeit*** (вежливость) Artigkeit*** (воспитанность, учтивость, вежливость) Anstand*** (приличие)
грубость***	–	maleducazione* (невоспи- танность, грубость) scortesia* (невежливость, нелюбезность, грубость)	Grobheit** (грубость) Ungezogenheit*** (невоспитанность, непо- слушание)
высокомерие*** чванство*** чванливые люди* спесивые люди*	фанабэрыстасць**	superbia* (высокомерие, спесь, чванство)	Hochmut** (высокомерие)
зазнайство**	зазнайства* несамакрытыч- насць***	presunzione** (самонаде- янность, высокомерие)	Dünkel** (самоуверенность, высокомерие) Anmaßung*** (самоуверен- ность, самонадеянность, надменность)
хвастовство*** самохвальство*** бахвальство*** хвастун* самохвал*	самахвальства**	lode di sé* (самовосхваление)	Prahlerie** (хвастовство, самохвальство, бахваль- ство) Eigenlob*** (самовосхва- ление)

Продолжение таблицы 2.1

1	2	3	4
скромность**	сціпласць* сарамлівасць*	modestia*** (скромность) pudore** (стыдливость, стыд, целомудрие) vergogna* (стыд, стыдливость)	Bescheidenheit* (скромность) Schamhaftigkeit*** (стыдливость, застенчи- вость)
кротость*** смирный*	—	mitezza* (кротость, мяг- кость, снисходительность) umiltà** (смирение, по- корность) remissività* (покорность) rassegnazione** (смире- ние, покорность)	Sanftmut*** (кротость) Demut*** (смирение, покорность) Demütig*** (смиренный, покорный) Gehorsam*** (послуша- ние, повиновение)
верность* верный***	вернасць***	costanza** (верность, постоянство)	Treue*** (верность, преданность)
ревность*		gelosia* (ревность)	Eifersucht*** (ревность)
—	зрада***	tradimento** (измена, предательство) infedeltà*** (неверность)	Untreue* (неверность, измена)
легкомыслие*** непостоянство*** бесхарактерный*** слабохарактер- ность* непостоянный че- ловек*	нясталасць*** бесхарактарнасць*** бязлікасць*** беспрынцыповасць* **	incostanza* (непостоянство, легкомыслие)	Leichtsinn*** (легкомыслие)
правда** правдолюб*	праўда* праўдзівасць*	verità*** (правда) sincerità** (искренность) schiettezza* (прямота, искренность)	Wahrheit** (правда) Wahrhaftigkeit*** (правдивость) Aufrichtigkeit*** (искренность, прямота)
ложь** вранье*	хлуслівасць* хлусня***	menzogna** (ложь, вранье, выдумка) bugiardo* (лжец, лгун)	Lüge** (ложь) Lügen*** (вранье) Lügner*** (лгун, лжец)
лицемерие*** двуличность*** двурушник* криводушный* подхалим* подпевала*	кывадушнасць* кывадушша***	falsità** (ложность, лице- мерие, фальшивость) ipocrisia** (лицемерие) simulazione* (притвор- ство) adulazione** (лесть, угод- ничество, подхалимство)	Heuchelei** (лицемерие) Schmeichelei* (лесть)
тщеславие***	—	ambizione** (честолюбие, тщеславие)	Ehrgeiz*** (честолюбие, тщеславие)
—	удзячнасць***	gratitudine** (благодар- ность)	Dank** (благодарность)
неблагодарность**	няўдзячнасць**	ingratitudine** (неблагодарность)	Undank*** (неблагодарность)
нахальство*	нахабства**	arroganza* (наглость, нахальство)	Unverschämtheit*** (нахальство, наглость) Frechheit*** (нахальство)

Продолжение таблицы 2.1

1	2	3	4
те, кто трудится спозаранку*	працавітасць*** дбайнасць***	operosità* (трудолюбие)	Arbeitsamkeit*** (трудолюбие) Fleiß (трудолюбие, прилежание)
лень** ленивые* лежебока*** лодырь***	лянота*	pigrizia** (лень)	Faulheit** (лень) Faulenzer*** (лентяй) Faulpelz*** (лентяй, лежебока, лодырь)
безделье*** тунеядство*** гуляка***	гультайства** паразітызм* гульба*	ozio** (праздность, безделие)	Müßiggang*** (праздность, безделие, тунеядство) Bummler*** (бездельник, гуляка)
умение*** сноровка*** мастерство* умелец*** ловкий***	умельства***	abilità** (ловкость, проворство, искусство, умение, сноровка) intelligenza** (ловкость, умение)	Können* (умение) Gewandtheit*** (ловкость, проворство, искусство) Meister*** (мастер, специалист, знаток)
неумелый*** малоспособные люди*	няўмельства** няздатнасць***	incapacità* (неспособность, бездарность)	ungeschickt*** (неловкий, неумелый, нерасторопный)
опытность***	спрактываванасць***	esperienza** (опыт, опытность)	Erfahrung** (опыт)
разум*** мудрость*** грамотность*** умный** семи пядей во лбу*	розум**	intelligenza** (ум, разум) saggezza** (мудрость, благоразумие)	Vernunft*** (разум, рассудок, интеллект) Verstand*** (ум, разум) Klugheit* (ум, толковость, смышленность) gescheit*** (умный, разумный, рассудительный) Weisheit*** (мудрость)
неграмотный*** недоучка***	—	ignoranza** (незнание, невежество)	Unwissenheit*** (невежество) unwissend*** (невежественный)
глупость*** бесталковость*** никудашные люди* дурак* придурковатый* без царя в голове*	бесталковасць*** нікчэмнасць*** дурасць*	scioccho* (глупый, бестолковый, глупец, дурак) stupidità** (тупоумие, тупость, глупость) stoltezza* (глупость, тупость, безрассудство)	Dummheit** (глупость) Nartheit* (слабоумие, глупость) Dummkopf*** (дурак, болван, олух) Narr*** (дурак, глупец)
сообразительность* смекалка*** расторопный*** ретивый*** бойкий*** энергичный*** тороватый*	кемлівасць**	prontezza* (сообразительность, смекалка, быстрота, проворство) intraprendenza* (инициативность, находчивость)	Gewandtheit*** (ловкость, проворство, находчивость) behende*** (проворный, быстрый, расторопный) Behendigkeit*** (проворство, быстрота, расторопность)
медлительность*	нерашучасць***	—	Langsam* (медлительность)
поспешность*	—	precipitazione* (поспешность)	Eile*** (поспешность) Hast*** (спешка, гонка)

Продолжение таблицы 2.1

1	2	3	4
настойчивость***	руплівасць* дбайнасць*** упартасць**	perseveranza* (настойчивость, упорство) sollecitudine* (старание, усердие)	Beharrlichkeit*** (упорство, настойчивость) Fleiß*** (прилежание, усердие, старание) Eifer*** (рвение, усердие) Sorgfalt*** (тщательность, добросовестность)
осторожность*** бдительность***	асцярожнасць*	prudenza** (осторож- ность, благоразумие) previdenza** (предусмот- рительность) accortezza* (прозорли- вость, предусмотритель- ность)	Vorsicht** (осторожность) Vorsorge*** (предусмот- рительность) Besonnenheit* (благоразу- мие, осторожность)
отчаянный чело- век*, сорвиголо- ва* безумный*** чокнутый*	свавольства***	follia** (безумие, су- масшествие, сумасброд- ство) pazzo* (сумасшедший, безрассудный, безумный) pazzia*** (сумасбродство, чудачество)	Narrheit* (сумасбродство) Unvernunft*** (безрассуд- ство)
хитрые люди*	хітрасць*	astuzia** (хитрость)	List*** (хитрость, ковар- ство)
завидущий*	зайздасць**	invidia** (зависть)	Neid** (зависть)
любопытство*	празмерная цікаўнасць***	curiosità** (любопытство, любопытательность)	Neugier*** (любопытство)
жадный* алчность*** скупой*	прагнасць*** сквапнасць* скупасць**	avidità** (жадность) cupidigia** (алчность) avarizia** (скупость)	Gier*** (жадность, алчность) Begehrlich*** (жадный, ненасытный, алчный) Geiz** (скупость)
расточитель* мотовство***	марнатраўства*	prodigialità* (расточитель- ство, мотовство)	Verschwendung* (расточи- тельство, мотовство)
бережливый* бережливость** хозяйственность*** умеренность*	ашчаднасць* беражлівасць*** гаспадарлівасць***	parsimonia** (умерен- ность, бережливость, эко- номность)	Sparsamkeit** (бережливость)
опрятность*** аккуратность*** чистота*** чистые*	ахайнасць*	pulizie* (чистота, опрят- ность)	Sauberkeit*** (чистота, опрятность) Reinlichkeit*** (опрят- ность, чистота)
нечистоплотные* неряха***	неахайнасць**	—	Unreinlichkeit*** (неопрятность) Schmierfink*** (грязнуля) schlampig*** (неряшливый, небрежный)
пьянство** пьяница***	п'янства**	—	Trunkenheit*** (пьянство) Trinker*** (пьяница)
воровство*** вор*	—	ladro** (вор)	Diebstahl** (воровство) Dieb*** (вор)

Окончание таблицы 2.1

1	2	3	4
драчливый* хулиган***	буянства*	litigiosità* (агрессивность)	Raufbold*** (драчун, забияка)
обманщик и плут* мошенничество*	махлярства**	frode** (мошенничество, обман) inganno** (обман, мошенничество)	Betrug** (обман, надувательство, мошенничество)
шкурник*	–	opportunismo* (корыстолюбие)	Eigennutz** (корыстолюбие) Bestechung* (взятничество)
болтливость***	балбатня* балбатунства***	chiacchiericcio* (болтовня)	Geschwätzigkeit*** (болтливость) Schwätzer*** (болтун)
–	плекткарства**	maldicenza** (злословие, клевета)	Verleumdung*** (клевета, злословие)
упрямство*** упрямый*	упартасць**	ostinazione** (упрямство)	Eigensinn** (упрямство) Trotz** (упрямство, своеправие, упорство)
строгость*	–	severità** (строгость, суровость)	Strenge*** (строгость, суровость)
недовольный*** назойливый человек* назойливость*** надоедливость***	прыдзірлівасць*** сварлівасць*** уедлівасць***	indiscrezione* (неделикатность, бестактность, несдержанность, болтливость)	unzufrieden*** (недовольный) zudringlich*** (назойливый) streitsüchtig*** (сварливый)
сердитый*	варожаць*	inimicizie* (враждебность, неприязнь)	Feindschaft** (неприязнь, враждебность)
самообладание***	–	ponderatezza* (уравновешенность) calma* (спокойствие)	Fassung*** (самообладание, сдержанность) Gelassenheit*** (спокойствие, хладнокровие)
неунывающий*	аптымізм***	ottimismo*** (оптимизм) allegria** (веселье, жизнерадостность)	Frohsinn** (веселый нрав, жизнерадостность)
умеренность***	–	moderazione** (сдержанность, умеренность)	Mäßigkeit*** (умеренность, сдержанность, воздержанность)
–	–	intemperanza* (неумеренность, невоздержанность)	Unmäßigkeit*** (неумеренность, излишество)

Материалы данной таблицы свидетельствуют не только о единодушии представителей разных наций и разных поколений в определении того, какие моральные ценности должны выступать ориентирами в человеческом поведении, но и о многоликости проявления добра и зла в человеческом «я». Из 74 категорий, имеющих отношение к характеристике поведенческих стереотипов человека и отмеченных в названиях словарных объединений, 50 категорий совпали в

паремиологических словарях всех четырех языков; 23 категории – в словарях 3 языков и одна – в словарях 2 языков. Разумеется, эти цифры характеризуются относительностью, так как словари отличаются в степени дробности тематического членения. Однако сам факт большого количества совпавших категорий, вынесенных в названия словарных объединений, свидетельствует о социальной значимости выявленных в результате сопоставления объектов концептуализации, релевантности для всех четырех этносов ценностей, выступающих основаниями соответствующих оценок.

Основанием для совпадения направленностей человеческих интересов, отраженных в русских, белорусских, итальянских и немецких поговорках, следует признать факт наличия общих для носителей европейской культуры ценностей, а возможно, и общечеловеческих ценностей, своеобразных констант человеческого бытия. По-видимому, наличием общечеловеческих ценностей может быть объяснено и существование некоторого объединяющего начала у всех известных религиозных моральных кодексов¹, жизнеспособность которых подтверждается тем, что они оказывают влияние на формирование нравов². Провербиальные фонды в этом смысле не являются исключением: представляя собой своеобразные (изустные) народные моральные кодексы, гармонично сосуществующие с религиозными и иными моральными кодексами, они обнаруживают общность в определении «идеального» и «должного» для человека.

Выводы по второй главе

1. Ценностные ориентации представляют собой феномен сознания, определяющий избирательное отношение человека ко всему сущему, мотивирующий его деятельность и поступки. Ценностные ориентации непосредственно не наблюдаемы, но многообразно проявляются во всех видах деятельности человека, в том числе и коммуникативной, в частности, в смыслах, реализуемых паремиологическими единицами. Факты совпадения позиций, с которых осуществляется ценностная интерпретация всего сущего в пространстве культуры того или иного общества и человечества в целом, позволяют исследовать ценностные ориентации в отрыве от сознания конкретной личности в качестве характеристик, свойственных коллективному сознанию.

---

¹ Исследователи считают, что моральные кодексы «легко поддаются сравнению, результаты которого могут рассматриваться как аргумент в пользу метаэтической позиции морального универсализма, согласно которой возможна этическая система, эффективно регулирующая поведение членов любого сообщества, независимо от культуры, расы, пола, религии, национальности, сексуальной ориентации или каких-либо других отличительных черт» [227]. Разумеется, в моральных нормах различных этнических сообществ есть и отличительные черты, однако только наличие некоторого единства может выступать «гарантией взаимопонимания», основой для сохранения человечества как такового [81; 297, с. 602; 378, р. 137].

² На «сближающую» народы одного вероисповедания функцию Писания указывает Н. Б. Мечковская [213, с. 354]. О единстве морали и религии, влияющих на формирование ценностно-смыслового отношения человека к миру, утверждающих приоритет непреходящих ценностей, пишет в своей диссертации А. В. Лосев [191].

При определении соотношения понятий «ценностные ориентации», «ценности» и «оценка» выявляется взаимонаправленная связь между этими категориями. Ценностные ориентации основываются на ранжированных представлениях о ценностях и в каждом конкретном случае детерминируют ценностное отношение к объектам материального и идеального мира. Оценка объективирует ценностные отношения и, соответственно, воплощает ценностные ориентации как своего рода предрасположенности оценивать все сущее тем или иным образом.

2. Паремии являются своеобразными индикаторами значимости материальных и идеальных объектов в той или иной культуре. При включении в реальные процессы коммуникации паремии обеспечивают актуализацию ценностных отношений. Культурная значимость актуализации ценностных отношений заключается, с одной стороны, в выражении ценностных позиций адресанта паремии (экстериоризации ценностей), с другой стороны, в оказании влияния на ценностные позиции реципиента паремии, формировании соответствующих позиций (интериоризации ценностей реципиентом). Таким образом, ценностные ориентации, с одной стороны, проявляются в исходных смыслах паремий как основания для выражения ценностного отношения, с другой стороны, – в предельных смыслах как регуляторы поведения тех, кому паремии адресованы. Воплощенное в знаке субъект-субъектное отношение заключается в мотивационно-целевом воздействии человека на другого человека, ориентирующем индивида как члена социума на ценности социума, подготавливающим индивида к определенным действиям и формирующем у него в конечном итоге соответствующие ценностные ориентации. Представление о том, на какую именно ценность нацелен человек, а также какова иерархия ценностей, обязывающая поступать тем или иным образом, базируется на извлечении в каждой конкретной ситуации употребления паремии того глубинного смысла, который связывается с выражением ценностного отношения и вытекающей из него прескрипцией.

3. В структуре ценностных ориентаций человека с учетом их функциональных характеристик выделяются направляющая, мотивационная и регулятивная компоненты, связанные с осознанием человеком целей и мотивов включения его в структуру бытия, готовностями действовать определенным образом. Языковая оценка воплощает ценностные ориентации человека как своего рода предрасположенности оценивать все сущее тем или иным образом и обнаруживает корреляции с компонентами ценностных ориентаций в функциональном плане.

Реализация оценочных значений в паремиях подчинена трем основным функциям: 1) отражению и формированию ценностного / антиценностного отношения к объектам материального / идеального мира, убеждений, определяющих направленность человека; 2) отражению и формированию осознанных мотивов деятельности / поведения человека, стимулов, базирующихся на познании причин нацеленности человека на те или иные объекты; 3) отражению и формированию

активной позиции в отношении к сущему, ориентации в выборе способа действия / модели поведения. В целом оценка определяет деятельность (в широком смысле этого слова) человека по трем параметрам: что делать, почему и как следует действовать.

Обладая способностью в каждом конкретном случае маркировать тип отношения говорящего к содержанию паремии, ее реципиенту, оценка вскрывает ценностные ориентации пользователей паремиологической единицы и задает определенный вектор интерпретации смысла.

4. Тематически организованные словари русских, белорусских, итальянских и немецких паремий обнаруживают сходства 1) в выделении сфер паремиологической концептуализации мира; 2) в составе терминов, используемых для обозначения ценностных и антиценностных сущностей в названиях тем; 3) в широте сферы концептуализации, связываемой с моралью.

Наличие крупных блоков и разделов, включающих в себя несколько ТО, в разноязычных тематически организованных словарях свидетельствует о выделении следующих общих сфер паремиологической концептуализации: 1) среда обитания человека; 2) физическое в природе человека; 3) быт и материальные интересы человека; 4) трудовая деятельность человека; 5) человек и его семья; 6) общество, государство, мир и человек; 7) мораль и психический мир человека; 8) духовная жизнь человека.

Установленное в результате сопоставления тематически организованных словарей тождество состава аксиологически маркированных терминов, используемых в названиях ТО для характеристики внутреннего мира человека, свидетельствует об идентичности основных жизненных коллизий, в которых проявляется действие поведенческих норм. Широта сферы концептуализации, связываемой с моралью, объясняется тем, что моральные нормы охватывают все сферы жизни и деятельности человека.

Общие черты в частных реализациях тематического принципа структурирования паремиологических словарей обусловлены содержательной спецификой паремий, проявляющейся в антропоцентричности паремиологической картины мира; культурной функцией паремий, заключающейся в приобщении человека к ценностям социокультурной среды; совпадением в ценностно-нормативных системах этносов.

5. Названия тематических объединений в паремиологических словарях специфическим образом инвентаризуют ценностные ориентации продуцентов паремий. Такая инвентаризация осуществляется посредством обозначения концептов, представляющих релевантные для обыденного сознания направленности человеческого интереса и / или посредством раскрытия обобщенных смыслов паремиологических единиц, отражающих и другие компоненты ценностных ориентаций – мотивационную и регулятивную.

Степень инвентаризации ценностных ориентаций в названиях тематических объединений паремиологических единиц зависит от замысла составителя / составителей словарей. Высокая степень детализации смыслов паремий обнаруживается в словаре итальянских паремий, составителями которого являются В. Боджоне и Л. Массорибио. Анализ названий словарных объединений в этом паремиологическом собрании показал, что обобщенные смыслы паремий сводятся к четырем основным типам: 1) смыслы, заключающиеся в представлении объектов ценностного отношения и раскрытии их эвалюативного значения; 2) смыслы, заключающиеся в раскрытии значимости итога включения в структуру бытия с той или иной ценностной позицией; 3) смыслы, заключающиеся в рациональной оценке стремления человека к реализации определенных целей, достижимости желаемого; 4) смыслы, заключающиеся в раскрытии норм, регламентирующих включение в структуру бытия, и непосредственном предписании. Выявленная при анализе названий словарных объединений типичность обобщенных смыслов паремиологических единиц детерминирована закономерным «воспроизведением» в содержании паремий константных составляющих ценностных ориентаций – направляющей, мотивационной и регулятивной компонент.

ГЛАВА 3

ОТРАЖЕНИЕ НАПРАВЛЯЮЩЕЙ КОМПОНЕНТЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПАРЕМИЯХ

3.1 Лингвокультурные концепты как аттракторы смыслов в паремиопространствах и инструменты анализа направленностей человеческого интереса в когнитивном аспекте

Вопрос о том, каким образом находит отражение в семантике паремий направляющая компонента ценностных ориентаций продуцентов паремий, – это вопрос о способах представления в семантической структуре паремии того понятия, которое, являясь культурно маркированным, то есть обладая культуросносным смыслом и вне содержательных аспектов паремии, мыслится как заместитель объекта, являющегося источником эвалюативных процессов¹. В терминах синергетики это понятие можно определить как своеобразный аттрактор, притягивающий к себе все множество траекторий смыслов одной паремии и нескольких паремий, представляющих то или иное тематическое объединение. В терминах лингвокультурологии и лингвистической концептологии это культурно маркированное, культурно нагруженное мыслительное образование называется концептом.

Счет монографий и докторских диссертаций, содержащих в своем названии слово «концепт», в настоящее время, как отмечает С. Г. Воркачев, идет на десятки, кандидатских диссертаций – на сотни, а статей – на тысячи [67, с. 11]. В числе диссертаций есть и такие, которые посвящены изучению воплощений отдельных концептов, совокупностей концептов, представляющих определенный тип ценностей, только или преимущественно в паремиях [8; 12; 81; 105; 153; 198; 219; 256; 275; 276; 321 и мн. др.].

Хотя и существует мнение, что категориальный аппарат лингвоконцептологии к сегодняшнему дню уже устоялся, наработаны методологические алгоритмы исследований [65, с. 12], многие вопросы, связанные с изучением воплощений ценностных концептов в специфических этнокультурных семиотических системах, каковыми являются системы паремиологических единиц, все же остаются открытыми. По этой причине считаем целесообразным вначале определить некоторые принципиально важные для исследования исходные позиции, связанные с трактовкой концепта как инструмента анализа содержательных аспектов паремий

---

¹ Эвалюативные процессы – это процессы, связанные с оценением, определением положительной или отрицательной значимости объектов [13, с. 55].

и как ментальной структуры вообще, культурная нагруженность которой детерминирована ценностным отношением к замещаемой сущности.

Весомый вклад в определение важнейших подходов к описанию семантики паремий с позиций лингвоконцептологии, в развитие собственно теоретических основ такого рода изысканий внесен работами Л. Б. Савенковой [272], Е. В. Ивановой [119], О. Б. Абакумовой [1]. Предложенные в этих работах «программы» лингвокультурного, лингвоконцептологического исследования паремий выявляют, однако, не только сходные, но и различные позиции в решении ключевых вопросов.

Монография Л. Б. Савенковой является единственным в своем роде исследованием, посвященным изучению специфики воплощения не отдельных концептов (что характерно для большинства работ лингвоконцептологического направления), а всей системы культурных концептов в пределах русского паремиологического фонда. Анализ значительного количества паремий (более 26000 единиц) позволяет исследователю обоснованно утверждать, что «каждая паремия имеет связь с определенным концептом как ключевым смыслом, подлежащим оценке» [272, с. 127]. Это положение согласуется с трактовкой фреймовой структуры как «единицы знаний, организованной вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащей данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» [165, с. 187]. Ключевое мыслительное единство, на которое опирается в своем значении паремия, характеризуется совпадающим для носителей языка, шире – народной культуры, набором признаков, сочетает в себе свойства понятия и представления и «в принципе, в самом общем виде, выразимо одним словом» [272, с. 118–119]. Уточняется Л. Б. Савенковой и характер ключевых представлений-понятий, которые находят разнообразное языковое воплощение в паремиях. По мнению исследователя, они имеют непосредственное отношение к ценностям.

Называя стержневые концепты паремий «ценностными», Л. Б. Савенкова делает при этом две принципиально важные оговорки. Первая из них заключается в следующем: характеристике ценностного концепта, а точнее, раскрытию ценностного смысла ключевого понятия паремии, способствуют концепты-спутники, необязательно носящие ценностный характер [272, с. 139]. Их Л. Б. Савенкова делит на два ранга: «Одни концепты оказываются важными составляющими в оценке ценностного концепта, другие – выступают в роли этнокультурного фона, позволяющего воплотить мысль о ценности в предметных образах» [272, с. 139]. Таким образом, Л. Б. Савенкова разграничивает ключевые концепты ценностных сущностей, которые являются значимыми для русской культуры в целом, важными для формирования системы русских паремий, и культурные концепты, которые не относятся к числу ценностных, однако находят объективацию в паремиях, выступая своеобразным строительным материалом [272, с. 11]. Представление о

каждом из ценностных концептов, нашедших воплощение в паремиях, может быть сформировано с опорой на систему логем – обобщающих исходных мыслей паремий, объединяющих группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов [272, с. 46]. Вторая оговорка касается того, что в некоторых случаях в одной паремии можно обнаружить связь не с одним, а с несколькими концептами одновременно [272, с. 128].

Е. В. Иванова, а вслед за ней и О. Б. Абакумова при описании семантики пословиц английского и русского языков тоже обращаются к термину «концепт», правда, с обязательно сопутствующим ему атрибутом «пословичный». Для реконструкции пословичного концепта, по мнению Е. В. Ивановой, необходимо установить «весь набор образующих его когнитивных элементов» [119, с. 110]. В данном случае Е. В. Иванова выражает, по сути, ту же мысль, что и Л. Б. Савенкова, так как когнитивные элементы трактуются Е. В. Ивановой как «пропозициональные единицы знания, реконструируемые при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц и функционально значимые для описания когнитивной модели одной пословицы, фрагмента пословичной картины мира или всей пословичной картины мира» [119, с. 97]. В то же время, учитывая тот факт, что каждая отдельно взятая пословица отсылает к ограниченному объему знания об объекте, Е. В. Иванова считает целесообразным по аналогии с существующей в литературе дифференциацией концепта-минимума и концепта-максимума¹ различать понятия «пословичный концепт-минимум» и «пословичный концепт-максимум». «Соответственно, когда мы говорим об описании концепта всеми пословицами, мы говорим о пословичном концепте-максимуме, – пишет Е. В. Иванова, – когда рассматриваем одну пословицу и входящие в ее когнитивную модель концепты, говорим о пословичных концептах-минимумах» [119, с. 109].

Опираясь на понятия «фигура» и «фон»² и трактовку этих понятий Р. Ленекером, Е. В. Иванова определяет в общих чертах и механизмы выделения пословичных концептов. Выделение пословичного концепта-фигуры, стержня, вокруг которого строится та или иная сцена, – возможно только на фоне, которым является когнитивная структура, образованная пословицами определенной тематики [119, с. 110–111]. Концепт-фигура, по определению Е. В. Ивановой, представляет собой концентрированное представление знания, когнитивная структура-фон – объемное представление знания с различными второстепенными деталями. Эти второстепенные детали в пословичной когнитивной структуре есть не что иное, как «знания, относящиеся к другим объектам или концептам» [119, с. 110–111].

¹ Е. В. Иванова ссылается при этом на Р. М. Фрумкину, которая дифференцирует вслед за А. Вежицкой (предложившей ввести в научный обиход термины «концепт-максимум» и «концепт-минимум») разные степени владения смыслом слова рядовыми носителями языка, а именно полное владение смыслом слова и неполное, но достаточное для повседневной жизненной практики [330, с. 44–45].

² Изначально понятия «фигура» и «фон» использовались в гештальтпсихологии [150].

Судя по тому, что при анализе воплощенных в английских и русских пословицах представлений о пространстве Е. В. Иванова называет концептами «river», «hill», «field», «лес», «море», «гора» и имена этих понятий отмечаются в целом ряде паремий, а встретившимся в единичных пословицах компонентам «meadow», «valley», «степь» отказывается в статусе имен концептов [119, с. 142–144], нужно полагать, что критерием дифференциации языковых единиц, участвующих в формировании когнитивной структуры паремий, на имена концептов и имена неконцептов для исследователя выступает значимость вербализованных понятий в конкретной лингвокультуре. Аналогична позиция на этот счет и Л. Б. Савенковой: сопоставляя представления-понятия «волк» и «медведь» с понятиями-представлениями «хорек» и «тигр», первые исследователь причисляет к концептам русской культуры, а целесообразность причисления вторых к таковым ставит под сомнение [272, с. 140].

Цель диссертационного исследования О. Б. Абакумовой заключалась в разработке методики когнитивно-дискурсивного моделирования актуализации смысла паремий, и по этой причине в предложенной О. Б. Абакумовой трактовке двух типов пословичных концептов, находящихся воплощение в дискурсивных реализациях паремий, отмечается значительное смещение акцентов в сторону прагматики¹. Один тип пословичного концепта, по О. Б. Абакумовой, представляет собой «совокупность семантических ролей, выполняемых именем концепта в пословичных предложениях-высказываниях, и фиксирует культурно-значимую ценность», а другой «связан с реализацией замысла говорящего, с его коммуникативной стратегией и оценкой ситуации» [1, с. 11]. Таким образом, с одной стороны, О. Б. Абакумова остается в рамках традиции, предлагая видеть в паремиях воплощение концептов-стереотипов, а именно: национально-культурных, коллективных концептов, отражающих культурные представления о ценностях [1, с. 9], с другой стороны, О. Б. Абакумова предлагает подвести под понятие «концепт» индивидуальное (ситуативное) содержание ключевого мыслительного звена в когнитивной структуре паремии. Такой пословичный концепт, по мнению О. Б. Абакумовой, больше напоминает реализуемый замысел говорящего, в котором «соединяются коммуникативная стратегия и тактика говорящего, обобщенная оценка ситуации <...> и иллюкутивная сила высказывания, связанная с намерением говорящего» [1, с. 214–215]. Этот пословичный концепт, считает исследователь, опирается на концепт-стереотип, его ценностную составляющую, но «может ее и не учитывать, если это не совпадает с намерениями говорящего» [1, с. 215].

Поскольку основное внимание в исследовании О. Б. Абакумовой было сосредоточено на выявлении и описании ментальных структур, связанных с пред-

¹ Аналогичные подходы, основанные на сочетании когнитивного и дискурсивного аспектов анализа, к исследованию лингвокультурологических характеристик русской и немецкой аксиологических картин мира, представлены в работе Е. В. Бабаевой [22], к исследованию репрезентаций общей оценки в русском языке – в работе А. В. Заморевой [109].

ставлениями о правде, и исходным понятием пословичного концепта-стереотипа определяется ценность [1, с. 139], автор работы не дает комментариев относительно того, как следует определять ментальные структуры, связанные с представлениями о лжи – аксиологическом антиподе правды. Л. Б. Савенкова использует термин «концепт» по отношению к разным в аксиологическом отношении представлениям-понятиям, наделяя их в то же время разными рангами; например, «безделье» и «лень» определяются концептами-спутниками воплощенного в паремиях ценностного концепта «труд» [272, с. 140]. Е. В. Иванова не затрагивает вопроса о ценностной составляющей пословичных концептов, хотя и считает, что паремии характеризуются оценочным содержанием, выступают в качестве «своеобразных ценностно-прагматических ориентиров» [119, с. 84].

Вопрос о ценностной составляющей концепта, как, впрочем, и вопрос о составе концептов, образующих концептосферу того или иного этноса (по сути, вопрос о дифференциации концептов и не-концептов), решается неоднозначно и в когнитивной лингвистике, и в лингвокультурологии вообще. Имеющиеся на этот счет противоречия в мнениях когнитологов могут быть объяснены, с одной стороны, различным толкованием концепта, что обусловлено рассмотрением концепта в какой-то одной из его функций¹, а с другой стороны, различным пониманием природы ценности, культурной значимости как таковой, отождествлением либо размежеванием характеристик «культурный» и «ценностный». Использование данных атрибутов в отношении к понятию «концепт» считается правомерным, хотя при определении концепта как «сгустка культуры», результата вхождения культуры в ментальный мир человека и творения человеком культурных ценностей² сочетания «культурный концепт» или «ценностный концепт» могут показаться плеонастическими, а «некультурный концепт» или «неценностный концепт» вообще абсурдными³.

Если обратиться к сфере языкового сознания, то в принципе за каждым элементарным языковым средством стоит та или иная ментальная структура, а за любым именем в нашем сознании кроется стереотипная в своей основе «опера-

¹ О. Б. Абакумова подчеркивает, что размежевание исследований в российской когнитивной лингвистике наблюдается, прежде всего, в связи с тем, что «когнитивная функция языка исследуется в двух аспектах: как познавательная, связанная с универсальными когнитивными механизмами человека, и как накопительная, отвечающая за сохранение культурно-значимой информации в языковых единицах и текстах [1, с. 51].

² Такую трактовку концепта дает Ю. С. Степанов. По Ю. С. Степанову, концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», и то, «посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [305, с. 40].

³ С. Г. Воркачев отмечает, что наибольшая рассогласованность в понимании сущности и смысла концепта наблюдается как раз в лингвокультурологии, что связано, по мнению ученого, с неопределенностью производящего термина «культура». Принимая во внимание существующие подходы к определению феномена «культура», обобщенные в работах Ю. С. Степанова [305, с. 13–17] и В. А. Масловой [207, с. 12–18], С. Г. Воркачев полагает, что термином «культура» можно обозначать «любые артефакты – все, что не является природой, в том числе с определенными оговорками науку и язык, и тогда можно прийти к тому, что “некультурных концептов” в языке нет вообще, что ставит под сомнение правомерность выделения самой лингвокультурологии в отдельную научную дисциплину» [63].

тивная содержательная единица памяти ментального лексикона» [165, с. 90] и в то же время открытый для дискурсивной практики ментальный ресурс. Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков отмечают, что активное изучение ментальных репрезентаций знаний и их функций «было обусловлено интересом когнитологов первого поколения к природе знания как такового и к сущности разнообразных мыслительных процессов, относящихся к его возникновению и его использованию, а также к когнитивным способностям, участвующим в этих процессах» [164].

При таком подходе (его называют лингвокогнитивным) концепт рассматривается как структура, обеспечивающая когницию и в то же время в «дискретной целостности смысла» отражающая результат когнитивной деятельности [199, с. 19; 64, с. 41; 258, с. 34]. В теоретическом осмыслении концепт – инструмент анализа когнитивного сознания, уже – языкового сознания как части когнитивного, феномен, позволяющий с новых позиций определять связь языка и мышления. Вопрос, считать то или иное неэлементарное по своей структуре языковое средство (будь то слово или единица синтаксической системы языка) отсылающим к концепту или нет, по умолчанию снимается, так как под концептом понимается замещение в индивидуальном сознании любого значения [28, с. 14].

Узкое понимание концепта характерно для лингвокультурологических исследований. В качестве дефиниционных признаков концепта определяются культурная значимость и, как следствие, этнокультурная специфика его содержания. Для лингвокультурологов (в том числе и для лингвоконцептологов) концепт является предметом научного интереса, прежде всего, с точки зрения реализации им аккумулятивной функции. Концепт трактуется как культурно нагруженная, культурно маркированная когнитивная структура, отсюда и соответствующие атрибуты концепта – «культурный», «лингвокультурный». Выявление таких единиц в сознании носителей той или иной культуры, а точнее, реконструкция некоего общего сегмента в ментальных репрезентациях знаний, осуществляется главным образом с целью установления этнической специфики содержания ментальных структур и / или объективирующих их содержание языковых средств¹. Поскольку этническое своеобразие культуры устанавливается на фоне иных культур, (лингво)культурологические исследования осуществляются преимущественно в сопо-

---

¹ Трактуя культурные концепты как «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры», В. И. Карасик видит основную задачу лингвокультурологии в определении этнокультурной и социокультурной специфики концептов, выявляемой, разумеется, на фоне «принципиально универсального, общечеловеческого» в структуре коллективного сознания [127, с. 5, 33, 34 и др.]. Такого же мнения придерживаются Н. Ф. Алефиренко [10, с. 219–220], В. А. Маслова [206, с. 34], С. Г. Воркачев [63]. В. Н. Телия подчеркивает, что цель лингвокультурологических исследований состоит в определении «взаимодействия языка и культуры не только в ее этнических формах (что является задачей этнолингвистики, ориентированной на выявление внедрившейся в язык культуры этноса), но и в формах национальной и общечеловеческой культур» [310, с. 102]. Вслед за В. Н. Телия и Т. Н. Снитко считает, что лингвокультурологические исследования должны быть «типологическими по сути, ибо характерологическое описание той или иной лингвокультуры невозможно без типологии» [301, с. 8].

ставительном ключе или в оценке феноменов культуры одного этноса представителями иной этнической культуры.

Решение вопроса о дифференциации когнитивных структур на концепты и не-концепты для лингвокультурологов является принципиальным: ведь культурные концепты не покрывают всего когнитивного пространства, объективированного в бытии членов того или иного этнического коллектива, «овнешвленного» средствами конкретного языка; а все, что «за пределами» культурных концептов, не составляет научного интереса для лингвокультурологов. Со снятыми атрибутами «культурный» или «лингвокультурный» при термине «концепт» провокационный вопрос «А концепт ли это?», замечает В. И. Карасик, является наиболее частым вопросом при обсуждении работ по лингвокультурологии и лингвоконцептологии [128, с. 30]. На практике стоящая за этим вопросом проблема связана с решением другого вопроса: каким образом должна измеряться культурная значимость концепта?

Опора на этнокультурную специфику не дает надежных результатов, хотя вполне логичным является мнение, что специфическое в лингвокультуре есть проявление общего, а общее непременно значимо для всех носителей этнической культуры. Значимое в той или иной культуре все же шире этноспецифического, и то, что значимо в одной культуре, может характеризоваться такой же значимостью в другой культуре, то есть быть универсальным значимым¹. Таким образом, специфичность и универсальность в отношении к лингвокультурным концептам, как справедливо утверждает С. Г. Воркачев, «категории в достаточной степени относительные: любые универсалии духовной культуры, составляющие менталитет нации и находящие выражение в ее языке, уже тем самым в определенной мере специфичны, а самый-рассамый этноспецифический ЛК-концепт <лингвокультурный концепт>, тем не менее, содержит в своем составе некий понятийный компонент, позволяющий иноязычному сознанию идентифицировать хотя бы предметную область и категориальную принадлежность этого концепта» [67, с. 14].

Корень проблемы, как считает С. Г. Воркачев, в том, что дефиниционный признак концепта «этнокультурная специфика» не однозначен и «допускает множество толкований в зависимости от того, распространяется ли эта специфика лишь на семантику концепта или же она затрагивает также и способы его вербализации, как определяется статус “внутренней формы” лексических единиц, “оязыковляющих” концепт, и включается ли концепт в число формант ментальности в целом или же менталитета как части последней» [64, с. 48]. Отсюда, по мнению С. Г. Воркачева, и разнообразие трактовок концепта. Исследователь систематизирует их, выстраивая оппозиции по признаку узость / широта понимания. При

¹ На этом основании В. И. Карасик считает целесообразным дифференцировать культурные концепты на универсальные (общечеловеческие), этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные [128, с. 36].

квалификации концептов линвоментальными феноменами в узком «формальном» понимании они трактуются «как семантические образования, стоящие за словами, которые не находят однословных эквивалентов при переводе на другие языки», в широком «формальном» понимании – как «культурные смыслы, закрепленные за именем, обладающим специфической “внутренней формой” – признаком, положенным в основу номинации, в реализации которого наблюдается серийность» [64, с. 48–49]. При квалификации концептов как культурно значимых ментальных образований, обладающих некоторой степенью автономности по отношению к языку, также различаются два понимания концепта: узкое, ограничиваемое связью концептов с ценностями, и широкое, при котором эта связь не является неременной. В узком «содержательном» понимании концепты определяются как единицы обыденного философского (преимущественно этического) сознания, аксиологически окрашенные, мировоззренчески ориентированные и предназначенные быть индикатором основных человеческих смыслов и ценностей¹. В широком «содержательном» понимании концептом считается «любой вербализованный культурный смысл, в какой-то мере отмеченный этнической спецификой вне зависимости от ее значимости» [64, с. 48].

Как следует из вышесказанного, поляризация точек зрения в определении содержательных аспектов концепта обусловлена рассогласованностью в решении вопроса: культурный = или $\neq$ ценностный, а точнее, культурный – это обязательно связанный с той или иной ценностью, или же нет?² Исследователь В. И. Карасик, а вслед за ним и Г. Г. Слышкин считают, что «центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [298]³. С. Г. Воркачев выражает сомнения на этот счет. «Ценностное “измерение”, при всей его значимости для выделения культурных доминант в языке, – пишет С. Г. Воркачев, – вряд ли предоставит материал для собственно лингвистического исследования, поскольку не имеет анализируемых специфических средств выражения и не является универсальным: можно указать на ментальные образования, с полным правом причисляемые к числу концептов, но не вызывающие никаких аксиологических и эмоциональных рефлексов, никакого “трепета” (время, пространство, язык и пр.)» [65, с. 6].

В попытках решить спорные вопросы, касающиеся ценностной составляющей концепта, В. И. Карасик обращает внимание на то, что сугубо психологиче-

¹ Такой подход прослеживается в работах Н. Д. Арутюновой [22, с. 616–617] и В. И. Красикова [158, с. 13]. С. Г. Воркачев, ссылаясь на мнение исследователя средневековой культуры С. С. Неретиной [233], отмечает, что связь концептов, прежде всего, с идеальными сущностями восходит к Абеяровской трактовке концепта как производного возвышенного духа [64, с.41].

² Постановка такого вопроса связана в первую очередь со сложностью определения самого феномена «культура». Многоаспектность и антиномичность культуры, по мнению В. А. Масловой, делают проблематичным выработку единого и непротиворечивого определения культуры [207, с. 16].

³ Ценностный смысл концептов подчеркивает и Н. Ф. Алефиренко, утверждая, что объектом линвокультурологических изысканий является «языковая / дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения» [10, с. 17].

ские и общефилософские характеристики исследуемых лингвокультурологией ментальных образований должны оставаться за рамками описания [128, с. 27]. Исследователь выстраивает типологию концептов, учитывающую их содержательные особенности, и говорит также о том, что для некоторых типов концептов, в частности параметрических («пространство», «время», «количество», «качество» и др.), ценностный компонент является не внутренне присущим им (ингерентным), а наведенным (адгерентным), выводимым дедуктивно при конкретизации этих концептов в дискурсе [128, с. 34]. Ценностный компонент занимает главное место в содержании регулятивных концептов (относящихся к разряду непараметрических концептов), это такие концепты, как «счастье», «долг», «щедрость» и др., а нерегулятивные непараметрические концепты – это синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.) [128, с. 35]. При определении своеобразия непараметрических концептов В. И. Карасик выражает мнение (вслед за Е. В. Бабаевой [22]), что в строгом смысле слова нужно говорить не о ценностном, а об аксиологическом компоненте, включающем ценности (высшие ориентиры) и нормы поведения [128, с. 35].

С. Г. Воркачев находит объяснение разногласий, связанных с ценностной составляющей концепта, в отсутствии четкого и жесткого определения этой составляющей. Помимо того, что ценностная составляющая не совпадает с эмоциональной оценкой: переживаются, как считает исследователь, не концепты, а конкретные эмоциогенные ситуации, она лишена и качественной определенности, которая позволила бы отделить ее от «понятийности» (рациональности)¹. Отмечается С. Г. Воркачевым и то, что ценностная составляющая носит «размытый» характер, ее фрагменты рассредоточены в различных областях и точках семантической структуры лингвокультурного концепта [67, с. 18]. Все это подвигает исследователя к выражению скепсиса по поводу правомерности выделения в концепте какой-либо ценности в качестве составляющей [66, с. 18]. Тем не менее С. Г. Воркачев считает абсолютно справедливым, соглашаясь при этом с В. И. Карасиком, говорить о ценности концепта как о культурной значимости его смысла. «Действительно – и с этим не поспоришь, – пишет С. Г. Воркачев, – любой концепт как отражение факта культуры в общественном сознании уже “по умолчанию”, *forcément* представляет собой определенную ценность – иначе бы он не стал “сгустком смысла”, зафиксированным в коллективной памяти, как не нашли бы своего имени в языке малозначимые смыслы» [67, с. 17–18]. Однако С. Г. Воркачев считает, что лингвокультуролога должна интересовать, прежде всего, значимость «телесно-знаковой» стороны лингвокультурного концепта (благодаря этой стороне, с точки зрения исследователя, концепт вообще обретает статус объекта лингвистического анализа) [66, с. 99]. Эта значимость (или валёр-

¹ «Хорошо / плохо», «добро / зло», – считает С. Г. Воркачев, – вполне спокойно постигаются умозрительно, без всяких эмоций и образов» [67, с.18].

ность¹⁾ представляет собой совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы (имени концепта) в лексико-грамматической системе [66, с. 100; 67, с. 19]. Выделяемая С. Г. Воркачевым значимостная составляющая концепта (в противоположность ценностной) подразумевает, таким образом, сугубо лингвистическое измерение объективирующих концепт языковых средств: учет этимологических, ассоциативных, прагматилистических и др. свойств языковых единиц [67, с. 19].

Валёрность как один из параметров, выявляющий культурный статус языковой единицы, по мнению Т. В. Евсюковой, «определяется механизмами мышления, специфичными для того или иного культурного типа, приводящими к повышению значимости тех или иных культурных областей внутри пространства культуры» [98, с. 15, 118]. Признак валёрности, связываемый с воплощением языковой единицей ценности культуры, Т. В. Евсюкова считает «внешним по отношению к языку» и принадлежащим собственно пространству культуры [98, с. 119].

Несмотря на некоторые различия в понимании валёрности языковых единиц, она рассматривается и лингвоконцептологами, и лингвокультурологами как основание для отнесения когнитивных структур, объективируемых языковыми единицами, к культурным (=лингвокультурным) концептам. Выявление культурных доминант в языке² становится, таким образом, ключом к определению культурных доминант в этническом сознании, то есть наиболее значимых ментальных образований, способствующих формированию и развитию культуры того или иного этноса и, соответственно, свидетельствующих об определенном уровне ее развития и типе. Такой подход к изучению концептов представлен в фундаментальном труде Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [305]. С точки зрения этого исследователя, русская культура «реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты» [305, с. 9].

Труд Ю. С. Степанова стал отправной точкой в разработке лингвокультурологической концепции словаря культуры исследователем Т. В. Евсюковой. Словарь культуры определяется Т. В. Евсюковой как «языковое выражение ценностей определенного типа» [98, с. 11], и основной характеристикой представляющих его единиц – лингвокультурем – Т. В. Евсюкова считает многократную рефлексию в рамках данной лингвокультурной области по поводу их ноэматического содержания [98, с. 11].

Близкие по сути идеи, касающиеся поиска критериев отнесения концептов к числу культурно значимых (= значимых в лингвокультуре), выражает Г. Г. Слышкин. В рамках определяемого лингвоконцептологией поля исследований

¹ К понятию «валёрности» ('значимости', 'ценности') языковых единиц обращался в своих трудах Фердинанд де Соссюр [303, с. 113–114, 146–148].

² Идея выделения культурных доминант в языке принадлежит В. И. Карасику [127].

«язык – сознание – культура» Г. Г. Слышкин разрабатывает принципы комплексного моделирования лингвокультурных концептов и метаконцептов. В определении Г. Г. Слышкина, лингвокультурный концепт является основной единицей отражения и интерпретации действительности (физической и психической) сознанием человека, формируется в результате редукции фрагмента познаваемого мира до пределов человеческой памяти, включения данного фрагмента в контекст культуры и его воплощения в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов социума [298]. Ценностность рассматривается Г. Г. Слышкиным как одна из базовых характеристик лингвокультурного концепта.

Ценностная сущность лингвокультурного концепта, детерминированная наличием в его структуре ценностной составляющей, выражается в том, что он регулярно подвергается фикциональному осмыслению и идеологической эксплуатации, характеризуется включенностью в «вертикальный контекст» [298]. Акцентуацией ценностного элемента лингвокультурный концепт отличается от всех других «ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип)» [298]. Отдельными аспектами ценностной составляющей лингвокультурного концепта Г. Г. Слышкин определяет оценочность и актуальность. Эти аспекты верифицируются эмпирически на основании соответствующих природе этих свойств критериев: «Аспект оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей в денотате языковой единицы, являющейся именем концепта, в свойственных этой единице оценочных коннотациях, в сочетаемости этой единицы с оценочными эпитетами. Аспект актуальности реализуется в количестве языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту, в частотности их употребления в реальной коммуникации, в числе отношений типа «стимул → реакция» и «реакция → стимул», в которые эти единицы вовлечены в ассоциативно-вербальной сети»¹ [298]. Иными словами, весомость, значимость (в определении Г. Г. Слышкина – ценностность) концепта в лингвокультуре определяется по ряду характеристик, которыми концепт обладает, функционируя, объективируясь в семиотическом пространстве, создаваемом членами конкретного языкового сообщества.

---

¹ По сути, речь идет о номинативной плотности и рекуррентности концепта. Номинативная плотность, по мнению В. И. Карасика, есть показатель степени детальности, множественности и вариативности обозначения того, что составляет содержание концепта. Высокая номинативная плотность концепта является одним из сигналов ценности осмысляемого, основанием для отнесения ментальной структуры к лингвокультурным доминантам [127, с. 108, 269]. Рекуррентность концепта является показателем его коммуникативной релевантности, выявляемой по частотности фиксаций в речи объективирующих его языковых средств, и также свидетельствует о значимости концептуализируемой сущности [258, с. 148–149]. Названные характеристики нетождественны, однако, как правило, сопряжены, что и позволяет Г. Г. Слышкину рассматривать их в рамках одного аспекта ценностной составляющей концепта – актуальности [298].

При этом подчеркивается, что ценностную сущность концепта не следует отождествлять с философским понятием ценности. «Акцентуация ценностной составляющей в структуре концепта сближает концепт с философской категорией ценности, – пишет Г. Г. Слышкин. – Однако между философской и лингвистической репрезентацией ценностей есть ряд существенных различий» [298]¹.

Трудно согласиться с тем, что ценность имеет особую философскую репрезентацию, вообще какие-то иные формы репрезентации, чем те, которые есть в сознании, отражающем и фиксирующем отношение к объектам, наделяемым ценностным смыслом. Нужно признать, что философ и лингвист обращаются к одному и тому же феномену, а не к разным, правда, к феномену, исследуемому в разных аспектах. Философа, как утверждает Г. Г. Слышкин, интересует сама ценность, лингвокультуролога – механизмы ее понятийно-образного воплощения [298]. Подчеркнем, однако, что речь идет об одном и том же феномене и трактовка Г. Г. Слышкиным, В. И. Карасиком ценности как «элемента» лингвокультурного концепта (составляющей ментальной репрезентации знания) [298; 127, с. 91] абсолютно не противоречит данному положению.

Естественным представляется желание лингвокультурологов и лингвоконцептологов дифференцировать культурную значимость, «валёрность» языковой единицы, объективирующей концепт, значимость физических и психических объектов действительности, которые обозначаются этими единицами, и значимость соответствующих им ментальных репрезентаций в том или ином культурном пространстве. Правда, не всегда эта дифференциация четко прослеживается, что и приводит к разногласиям в определении сущностных характеристик концепта.

Действительно, нельзя не согласиться с лингвокультурологами и лингвоконцептологами в том, что постоянная актуализация того или иного культурного смысла в семиотическом пространстве (акцентуация ценностной составляющей концепта, по Г. Г. Слышкину) подразумевает ценность для носителей данной культуры и тех понятий, которые определяются как предельные², то есть выявляющие «наивысшую, максимальную степень абстрагирования, достигаемую мышлением в попытке осмысления мира» [301, с. 3, 51]; и непредельных (узловых),

¹ Сближение лингвокультурологического и философского понимания ценности отмечается в работах представителей логического направления в исследовании языка. Упомянув мысль В. С. Соловьева о том, что жизненное значение предметов духовного порядка «определяется, кроме их собственных реальных свойств, еще и тем понятием, которое мы о них имеем» [302, с. 343], Н. Д. Арутюнова определяет совокупность таких понятий как практическую философию человека. Вслед за В. Н. Волошиновым Н. Д. Арутюнова утверждает, что эта практическая философия («жизненная идеология», по В. Н. Волошину [59, с. 21]) обнаруживает связь с речью и зависимость от языковых ресурсов [21, с. 616–617]. Определение этой связи и в то же время разведение «концептологического», «философского» и «лингвистического» в «жизненно значимом» для человека находим в следующей мысли Н. Д. Арутюновой: «Понятия жизненной философии выполняют функцию “посредника”, координирующего микро- и макромиры. Они закреплены в обыденных аналогах, или эквивалентах, философских и этических терминах, составляющих обширный пласт лексики естественных языков» [21, с. 617].

² В соответствии с концепцией Т. Н. Снитко, знания, составляющие основу культуры, хранятся в виде понятий, характеризующихся предельностью. Предельность понятий связывается с их способностью выходить к максимально достижимому уровню рефлексии в ситуации осмысления мира, обеспечивать каждый раз работу с новыми смыслами [300, с.4–5].

интегральных ментальных образований; и объективирующих эти ментальные образования языковых средств.

Лингвокультурная значимость концепта, понимаемая как ценность знания, ценность информации, – это тоже определенный вид ценности: без накапливания необходимых для вхождения в человеческий мир знаний пребывание в этом мире было бы лишено всякого смысла. Однако ценность лингвокультурного концепта в определенном смысле вторична¹, поскольку базируется на ином, внутреннем для концепта постижении значимости замещаемых объектов. Очевидно, что в обыденной жизни человек проявляет ценностное отношение не к самим концептам (как средствам когниции, средствам вхождения в культуру) и не к именам концептов (хотя значимость имен проявляется в богатстве их семантической структуры, использовании их в качестве культурных кодов и пр.), а к тому, что эти ментальные образования замещают, а языковые единицы обозначают, например, к пище как средству утоления голода и поддержания жизненных сил, к любви как виду отношений между людьми, к справедливости как факту торжества нормы, к опыту, который обнаруживает себя в той или иной деятельности и т. п.

Важным для оперирования понятием «лингвокультурный концепт» является также решение вопроса об оценочном аспекте лингвокультурного концепта. Решение этого вопроса требует принятия той или иной позиции, касающейся онтологических свойств ценности в философском смысле, и соотнесения этих свойств с онтологическими характеристиками концепта.

В логическом смысле ценность – это вещь, свойство и отношение, в онтологическом – «это проявление ценностного сознания в социо-природном бытии»², предполагающее существования и вещи, и свойства, и отношения [243, с. 7, 9]. В подавляющем большинстве случаев, считает Е. В. Палей, ценность выступает как свойство, и, поскольку «вещь и ее ценностные свойства нераздельны в аспекте ее восприятия человеком», ценность и вещь в логическом смысле (за вещью закрепляется в сознании человека ценностное к ней отношение) отождествляются [243, с. 15]. Одной своей стороной, таким образом, ценность обращена к объективной действительности и представляет тот или иной объект, фрагмент действительности, воспринимаемый органами чувств или постигаемый умозрительно, выявляющий к себе ценностное отношение, другой стороной – к сознанию, психике, так как значимость того или иного объекта постигается / вменяется «идеально», переживается в отношении и представляет вид знания (пережитого и переживаемого опыта)³.

¹ Примем к сведению некоторую условность этой вторичности, так как при постижении этой ценности (по сути, «значимости значимости»), мы проводим здесь аналогию с пониманием категории как формы знания – «понятия понятия» [40; 66, с. 44]), она становится «предельным понятием», основой и стимулом для постижения иных ценностей.

² Согласно позиции Е. В. Палей, в онтологическом смысле ценность вещью не является и мир ценностей существует только как один из аспектов существования человека и окружающего мира в целом [243, с. 9].

³ Исчезновение объекта как материальной сущности, выявляющей стабильно или ситуативно ценностное отношение, не предполагает утраты ценностного отношения к этому объекту в сознании человека / коллектива.

При трактовке ценностей как значимостей, ценности могут представлять и сферу добра, и сферу зла. Примечательно, что в научной литературе, посвященной изучению феномена ценности, чаще всего апеллируют именно к положительно значимым сущностям и выстраиваемые классификации ценностей есть классификации того, что обладает положительным оценочным значением. Вопрос о статусе негативных значимостей, как правило, не затрагивается. Очевидно, что при широком понимании ценности, языковое сознание все же препятствует тому, чтобы назвать смерть или беду ценностями, хотя они представляют сферу значимого и могут быть восприняты как благо по той или иной причине, к примеру, смерть может осмысляться как избавление от мук, беда как источник положительного опыта. То же самое можно сказать и о лжи. Ложь в принципе осмысляется как зло, то есть осуждается, и нормами предписывается не прибегать ко лжи, однако она может осмысляться человеком и как благо – как инструментальная ценность, используемая для достижения той или иной цели. Система разных координат, в которых оценивается ложь индивидом, – общественные нормы и личные потребности, хотя и снимает противоречие при рассмотрении ситуации «извне», тем не менее может не устранять внутреннего конфликта, который будет испытывать человек, прибегая ко лжи¹. Человек вынужден признавать ценностным не только то, что находится в зоне личного интереса, но и то, что вменяется ему обществом, то есть категории морали, так как они удовлетворяют иные потребности человека – принадлежать к тому или иному сообществу, пользоваться уважением, соответствовать образцу и т. д.

Учитывая все эти обстоятельства, склоняемся к мнению тех исследователей, которые ограничивают понятие ценности только теми объектами ценностного отношения, которые обладают положительной значимостью, не отрицая при этом ситуативно детерминированной текучести границ между ценностями и тем, что осмыляется функционально противоположным ценности, – антиценностями. Выявление двух подмножеств по логике вещей обязывает определить все множество, которое характеризовалось бы общим для противопоставленных подмножеств признаком. Определим это множество как сфера значимого для человека, где значимое следует понимать как все то, что является важным, небезразличным для человека, и в том числе то, что в плане рефлексии связано с оценкой. В нашем понимании значимость шире понятия «аксиологическая релевантность», так как

Исчезновение конкретного человека не предполагает утраты ценностного отношения к тому или иному объекту членами коллектива, к которому принадлежал человек. Исчезновение всего коллектива предполагает утрату вещью какого-либо смысла. Из чего необходимо сделать заключение, что ценность является идеальным феноменом, проявляющимся в рефлексии на объективный мир (мы солидарны в этом отношении с Е. В. Палей [243, с. 9] и Л. В. Баевой [24, с. 65]). Проявление этой рефлексии многообразно: материальные ценности воспроизводятся, преумножаются; идеальные вменяются, детерминируют поведение человека и др.

¹ С точки зрения психологии это можно объяснить тем, что система ценностных ориентаций личности занимает промежуточное положение между внутренними установками и нормами социальной среды, между мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов, обеспечивая взаимодействие этих элементов [46, с. 38].

значимое для человека определяется преимущественно, но не только в рамках оценочных координат. Эта значимость может быть непреходящей, относительно стабильной, временной, ситуативной. Объекты, характеризующиеся доминирующей, закреплённой в сознании коллектива положительной значимостью, определяются как ценности; объекты, характеризующиеся доминирующей, закреплённой в сознании коллектива отрицательной значимостью, – как антиценности. Ценностное отношение, таким образом, достаточно устойчивая связь субъекта с объектом, выявляющая убежденность субъекта в наличии положительной значимости (ценностного смысла) у объекта, антиценностное отношение – достаточно устойчивая связь субъекта с объектом, выявляющая убежденность субъекта в наличии отрицательной значимости (антиценностного смысла) у объекта. Выявляемые в ценностном отношении значимости – ценности и антиценности – связаны с оценкой, но не тождественны ей, так как имеют разные формы репрезентации (материализации): оценка – это рефлексия, выражаемая при помощи знаков и фиксируемая в знаке, а ценности и антиценности являются идеальными продуктами этой рефлексии, закрепляющимися в сознании в виде убеждений, не требующих дополнительных оценочных верификаций.

Положительная значимость выявляется у объектов, преимущественно осмысляемых как то, к чему стремятся / к чему надлежит стремиться, что считают образцом, идеалом, что удовлетворяет те или иные потребности человека, что лежит в основе предельных смыслов (своеобразный ориентир, позиция, «точка отсчета»). Отрицательная значимость выявляется у объектов, преимущественно осмысляемых как то, от чего отстраняются / надлежит отстраняться, что противоречит нормам, что не соответствует стандарту, препятствует удовлетворению потребностей либо используется для удовлетворения личных потребностей вопреки социальным запретам и т. п. Таким образом, в сфере значимого выделяется совокупность объектов ценностного отношения – объектов предметной и духовной реальности, которые выявляют относительно стабильное и в то же время динамичное отношение к ним как к аксиологическим значимостям. Эта сфера представляет открытое множество с динамическими границами между ценностями и антиценностями, отражает тождество и различие индивидуального и коллективного в осмыслении значимости сущего.

Лингвокультурный концепт – это ментальное образование (ментальный конструкт), обращенность концепта к реальному миру опосредована апперцепцией, языковым кодом, шире – культурой¹; содержание концепта представляет свое-

---

¹ Коррелирует с философской и психологической дефиницией аккумулятивных процессов в сознании человека определением Д. С. Лихачевым сущностных характеристик концепта с лингвистических позиций: «Концепты возникают в сознании человека не только как “намёки на возможные значения”, “алгебраическое их выражение”, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. п. Концепт не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия, различия в понимании значения слова, чем облегчается общение, он в известной мере и

образную апперцепционную массу, имеющую нечто общее и нечто отличное в сознании отдельных индивидов, представителей одного или разных этносов.

Лингвокультурной значимостью могут обладать концепты, представляющие положительно маркированные в сознании человека понятия, отрицательно маркированные понятия, а также те понятия, которые, не характеризуясь устойчивой аксиологической маркированностью, выявляют, тем не менее, отнесение объектов к сфере небезразличного, сфере человеческого интереса вообще, отражают представления об объектах, регулярно выступающих источниками эвалюативных процессов. Концепт «судьба», к примеру, отсылает к гипостазированной сущности, не имеющей конкретного эвалюативного значения (в отличие, например, от концепта «ум», замещающего в нашем сознании положительно оцениваемую способность человека к рациональному рассуждению), хотя в понятийное ядро концепта «судьба» входят познанные людьми признаки судьбы, связываемые с позитивными или негативными ожиданиями. По этой причине в каждом конкретном случае понятие «судьба» может наполняться разным смыслом. Эта особенность содержания концепта «судьба» и, соответственно, значения слова «судьба» находит своеобразное отражение в содержании паремиологических единиц; сравн.: *Кому не быть судьбе – весь век несчастный*¹; *Судьбу за хвост не схватишь*; *Кто никогда не лжет, того судьба бережет*; *От судьбы не уйдёшь*; *Судьба придёт, ноги сведёт, а руки свяжет*; *Каждому своя судьба*. Судьба понимается, с одной стороны, как счастье, везение, то, что гарантирует человеку блага, а с другой стороны, как неизбежный злой рок, как то, что в своем ценностном смысле для человека непредсказуемо.

Исходя из вышесказанного оправданным является оперирование такими сочетаниями, как лингвокультурный (= культурный) концепт «правда», лингвокультурный концепт «ложь», лингвокультурный концепт «здоровье», лингвокультурный концепт «болезнь», лингвокультурный концепт «вера», лингвокультурный концепт «грех», лингвокультурный концепт «душа», лингвокультурный концепт «время» и др. Понятие «лингвокультурный» в сочетании со словом «концепт» подразумевает, таким образом, значимый в пространстве культуры смысл и значимое в системе языка как части культуры имя концепта.

Если сделать проекцию характеристик концепта на семантическую структуру его имени, то очевидно, что имя лингвокультурного концепта может иметь аксиологически маркированное либо нейтральное ядро значения, характеризоваться аксиологически маркированными коннотациями, проявляющимися в том или ином контексте, или аксиологически релевантными семантическими «приращениями», приобретаемыми именем концепта в текстах. Все эти характеристики

расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова [189, с. 152].

¹ В паремиологическом словаре дается помета, поясняющая смысл выражения *не быть судьбе*: «*Не быть судьбе* – не иметь иметь счастья, удачи» [396, с. 885].

(наряду с другими характеристиками концепта и его имени) и выступают, как справедливо отмечает Г. Г. Слышкин, средствами верификации культурной значимости концепта [298].

Содержание лингвокультурных концептов выявляет закреплённость в сознании членов социума определенного ценностного отношения к «вещным» объектам, точнее, к их свойствам и отношениям (концепты «друг», «деньги», «дом»), и к идеальным (гипостазированным) объектам (концепты «милосердие», «верность», «честность», «жестокость», «предательство», «воровство»), тем самым обеспечивая «трансляцию» социально значимой информации в культурном пространстве. Именно это обстоятельство объясняет то, что и лингвисты, и философы усматривают в ценностях некоторое информационное начало. «В общественном познании ценности выступают семантическими кодами культуры и жизнедеятельности», – отмечает Л. В. Баева [24, с. 68]. Информационное видение ценности выражается в понимании «ее роли как возможности “перекодировки” реальности, наполнения бытия смыслами и целями, имеющими творческий преобразующий характер» [24, с. 69], герменевтическое начало в ценности «предполагает стремление не столько понять и объяснить процессы бытия, сколько интерпретировать их, выделяя один из возможных смыслов в соответствии с субъективными критериями»¹ [24, с. 69]. Такое понимание ценности объясняет ее способность выявлять свою предельную сущность, формировать предельные смыслы.

Ценность представляет для философа, психолога и лингвиста один и тот же феномен (а не разные), рассматриваемый, однако, в разных аспектах. В философии ценность – феномен, вскрывающий отношение человека к миру и осмысляемый умозрительно; в психологии – феномен, характеризующий сознание человека в системе таких категорий, как ориентир, мотив, цель, волевое усилие, переживание и др.; в лингвистике (лингвоконцептологии и лингвокультурологии) – феномен, рассматриваемый в связи с объективацией в языке / речи содержания ментальных образований, определяющий семантическую структуру вербализующих ценностное отношение языковых средств.

Итак, подводя итог предпринятому здесь анализу различных точек зрения на природу и содержание лингвокультурного концепта, определяем в качестве основных теоретических посылок исследования отражения направляющей компоненты ценностных ориентаций в паремиях с опорой на понятие «концепт» следующие положения:

1. Лингвокультурный концепт – ментальное образование, обладающее ценностью в силу культурной значимости заключенной в нем информации и детерминированного этой значимостью семантического богатства вербализующего его

---

¹ Идеи, высказанные философом Л. В. Баевой, перекликаются с идеями лингвиста В. Т. Клокова, который считает, что «с точки зрения семиотики культура – это некоторый объем знаний (информации), которую вырабатывает человечество для адекватной интерпретации того, что говорят и делают люди [140, с. 60].

языкового средства. Ценность лингвокультурного концепта вторична, поскольку базируется на ином, внутреннем для концепта постижении значимости замещаемых объектов.

2. В содержании лингвокультурных концептов закрепляются коллективные представления об объектах, характеризующихся доминантно положительным / доминантно отрицательным к ним отношением либо переменным к ним отношением при устойчивом включении их в эвалюативные процессы. В том, что в основе концепта, обладающего лингвокультурной ценностью, может лежать представление о негативных значимостях, нет противоречия, так как негативно значимое функционально противоположно позитивно значимому и оформляется в виде объемных когнитивных структур на основании множества объективированных в языке и речи рефлексий, в своем предельном значении ориентированных на утверждение направленности на ценности.

3. Ценностными / антиценностными являются не только «переживаемые», но и постигаемые рассудком свойства замещаемых объектов. Ценность / антиценность как внутреннее для концепта отношение к замещаемому объекту в структуре концепта в силу своей логической неомогенности представлена дисперсивно, то есть содержательно связана и с собственно представлением, и с понятийной составляющей – с когнитивным признаком (-ами), определяющим (-ими) ценностный / антиценностный смысл.

4. Паремиологи единодушны в том, что когнитивная структура паремии представлена, как правило, одним стержневым концептом и в паремии раскрывается тот или иной когнитивный признак концептуализируемой сущности. Реконструкция всего содержания пословичного концепта, провербиального знания о соответствующем объекте концептуализации, по общему признанию, возможна на основании анализа содержания паремий, закономерно образующих одно тематическое объединение. Реконструируемые таким образом концепты представляют итог паремиологической концептуализации мира.

3.2 Степень паремиологической концептуализации направленностей человеческого интереса как критерий доминантности ценностей в паремиологических картинах мира

Как следует из положений лингвокультурологии и концептологии, рекуррентность концепта является показателем высокой значимости для носителей этнической культуры объекта, знание о котором аккумулировано в содержании концепта. Если предположить, что в основу содержания паремиологических единиц, в которых находят воплощение рекуррентные концепты в каждом из паремиопространств, положены знания о базовых ценностях этнического сообщества, то доказательством того, что данные ценности являются общечеловеческими (или, по крайней мере, общими для носителей ряда этнических культур), равно как и того, что общечеловеческие ценности не есть умозрительная фикция, должна выступить корреляция разноязычных провербиальных фондов в составе рекуррентных концептов, иными словами, корреляция в степени паремиологической концептуализации ценностных сущностей, обладающих доминантной значимостью в каждой из культур.

Степень паремиологической концептуализации той или иной ценностной сущности, на наш взгляд, является величиной, пропорциональной удельному весу паремий, объединяемых в блок на основании концептуализации опыта познания ценностного смысла этой сущности, то есть удельному весу паремий, которые в тематически организованных провербиальных собраниях составляют соответствующее ТО. Значительный удельный вес паремий на ту или иную тему в паремиофонде, исчисленный по среднему значению объемов соответствующих ТО в нескольких тематически организованных словарях, будет свидетельствовать о том, что данная зона концептуализации представляет доминантные направленности человеческого интереса – наиболее важные для продуцентов паремий объекты.

Разумеется, говорить о рекуррентности концепта при анализе систем паремиологических единиц в их «словарном состоянии» (то есть без обращения к реальным процессам коммуникации) можно лишь условно. Словарь отражает лишь «след» рекуррентности концепта, проявившийся в его номинативной плотности, иными словами, свидетельствует о выдвигании концепта на передний план в когнитивной «базе данных», формируемой всеми паремиологическими единицами по факту повышенного интереса создателей паремий к объекту концептуализации. В условиях практической безрезультатности экспериментов, направленных на выявление общего минимума паремиологических единиц, актуальных для но-

сителей конкретной лингвокультуры¹, а следовательно, и практической невозможности установления ценностных доминант в провербиальных картинах мира экспериментальными методами опора на статистические данные, отражающие объем тематических объединений паремий в словарях, делает возможным оценить степень релевантности тех или иных объектов провербиальной концептуализации для продуцентов паремий, то есть тех, кто создавал протовыражения и способствовал их паремиологизации.

Специфика составления паремиологических словарей заключается в отчетливо проявляющейся тенденции сохранения паремий из сборников уходящих эпох в новейших словарях, которая в целом соответствует тому, что многие паремии с течением времени не утрачивают своей актуальности. Это означает, что для определения ценностных доминант в паремиологических картинах мира и проверки возможной динамики приоритетов должны быть привлечены словари, составленные в разное время. Кроме того, нужно учитывать и другую особенность паремиографической практики: составители фундаментальных словарей стремятся к максимальному сохранению богатства национального паремиофонда, составители же малых словарей отбирают, как правило, наиболее актуальные паремии. Следовательно, к анализу должны быть привлечены как большие, так и малые паремиологические словари.

Базу для определения наиболее объемных фрагментов в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картин мира составили данные нескольких тематических словарей в каждой из лингвокультур: «Пословицы русского народа» В. И. Даля [387]; «Русские пословицы и поговорки» К. Г. Берсеневой [403]; «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы» Ф. Янковского [385], «Прыказкі і прымаўкі» М. Я. Гринблата [399]; «Dizionario dei proverbi italiani (Raccolta di proverbi toscani)» Дж. Джустини [411], «Dizionario dei proverbi italiani» Р. Шваменталья и М. Страньеро [415], «Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi» В. Боджоне и Л. Массорбио [409]. Исключение составил немецкий провербиальный фонд: для анализа были привлечены данные только одного имеющегося в нашем распоряжении тематически организованного словаря силезских паремий К. Ротера [414].

Итог цифровой обработки словарей, в результате которой были выявлены ТО, лидирующие по количеству паремиологических единиц, отражен в Таблицах 3.1 и 3.2².

¹ В. М. Мокиенко подчеркивает, что «зона узнавания» паремий, которая определяет более или менее условное ядро национальной паремиологии, значительно «колеблется в языковом сознании конкретных носителей языка» [222, с. 179].

² В верхней строке таблицы указаны фамилии составителей словарей (если составителей несколько, приводится только одна фамилия – первая из указанных на титуле словаря). Названия ТО в словарях итальянских и немецких пословиц даны в переводе. В свод ТО, лидирующих по количеству единиц, в данной таблице не включались жанровые и функционально-прагматические разновидности провербиальных выражений (сравнения, восклицания, парирования и прочее), выделенные составителями словарей в отдельные группы. Так, не были включены «Voci di

Таблица 3.1. – Лидирующие ТО в русских и белорусских паремиологических словарях

Ранг	Даль		Берсеньева		Гринблат		Янковский	
	ТО	К-во	ТО	К-во	ТО	К-во	ТО	К-во
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Толк – Бестолочь	1020	Труд	322	Сям’я і ўнутры-сямейныя адносіны	1135	Праца, Працавітасць, Умельства, Спрактыкаванасць, Кемлівасць, Дбайнасць, Гаспадарлівасць, Беражлівасць. 3 народных прыкмет	459
2	Месяцеслов	1001	Человек	271	Харчаванне	754	Сям’я і радня. Выхаванне ў сям’і. Сірата, удава, Прымак. Каханне	399
3	Счастье – Удача	846	Мудрость	240	Гандаль. Грошы. Пазыкі. Даўгі. Карчма	708	Сацыяльная няроўнасць і несправядлівасць у мінулым, узаемаадносіны паміж беднымі і багатымі	292
4	Достаток – Убожество	760	Речь	236	Поры году. Час. Народны Каляндар	683	Няздатнасць, няўменне, неахайнасць, бесталковасць, нікчэмнасць	264
5	Воля – Неволя	731	Богатство, Бедность	230	Беднасць. Жабрацтва. Багацтва. Сацыяльна-маёмасная няроўнасць	515	Самахвальства, балбатунства, пляткарства, нясталасць, капрызы, фанабэрлівасць, хлусня	235
6	Свое – Чужое	719	Глупость	211	Сельская гаспадарка	505	Падхалімства, махлярства, крывадушша, няўдзячнасць, самалюбства, недаверлівасць, індывідуалізм	232
7	Человек	699	Лень	197	Кароль, цар. Паны, падпанкі, шляхта. Прыгон, мужыкі	481	Гультайства, бестурботнасць, абьякавасць, безгаспадарлівасць, песты і свавольства, валацужніцтва	220
8	Ум – Глупость	671	Беда, Горе	178	Бог. Вера. Атэізм	465	Здароўе, сіла, хвароба, смерць	213
9	Пицца	656	Лицемерие	168	Лянота, Гультайства. Паразітызм. Няўмельства	430	Сварлівасць і ўедлівасць, упартасць і непамяркоўнасць. Зайздрасць, прагнасць і скупасць, прыдзірлівасць <...>	209

paragone» (Сравнения), представляющие в словаре Дж. Джусты третью позицию по количеству составляющих это объединение единиц; «Vergleiche» (Сравнения), «Tadel und Ermahnung» (Порицания и наставления), «Ausrufe» (Восклицания), «Spielerworte» (Слова игрока), «Drohungen» (угрозы), «Scherz» (балагурство) и др. в словаре К. Ротера. Разнотемность содержащихся в этих словарных объединениях паремий не позволяет рассматривать данные и подобные им структурные единицы словарей в одном ряду с объединениями паремий на определенную тему.

Окончание таблицы 3.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	Земледелие	597	Старость	152	Дзеці і іх выхаванне	421	Сяброўства, вернасць, памяркоўнасць, парада, спагада, удзячнасць. Госці і гасціннасць	153
11	Помощь – Кстати	596	Дружба	147	Сяброўства. Варожасць. Суседства. Гасціннасць	415	Відавочная ісціна	119
12	Работа – Праздность	545	Хлебосольство	144	Розум. Кемлівасць. Дурасць	401	Мова, слова, прыказка, песня. Праўда	114
13	Русь – Родина	520	Учение	136	Жыццёвыя назіранні	401	Бесхарактарнасць і беспрынцыповасць, нерашучасць, баязлівасць і бязлікасць	103
14	Жизнь – Смерть	482	Место	129	Гаспадарлівасць. Сялянская сядзіба	400	Здрада, нахабства, зладзейства	100
15	Язык – Речь	482	Время	128	Каханне. Дашлюбныя адносіны моладзі	385	Вонкавы выгляд і сутнасць	95

Таблица 3.2. – Лидирующие ТО в итальянских и немецком паремиологических словарях

Ранг	Джусты		Шваменталь		Боджоне		Ротер	
	ТО	К-во	ТО	К-во	ТО	К-во	ТО	К-во
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Метеорология, сезоны, времена года	402	Метеорология, сезоны	409	Месяцы и религиозные праздники	2202	Части тела и их функции	1475
2	Женщина, брак	245	Сельское хозяйство	347	Пища	1382	Речь и молчание	978
3	Сельское хозяйство, земледелие	213	Здоровье и болезни	215	Дом	990	Животные	810
4	Семья	208	Разумность и глупость	159	Метеорологические феномены	987	Еда	723
5	Национальности, города, страны	181	Честолюбие, власть	148	Несчастливая доля, беды; злосчастия, страдания, опасности, трудности	870	Питье	590
6	Ремесла, различные профессии	180	Семья	139	Труд	862	Время	557
7	Различные правила поведения в жизни	164	Речь и молчание	134	Здоровье, болезни, народная медицина	805	Глупость, слабоумие	408

Окончание таблицы 3.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
8	Бедность, богатство	157	Неравенство, ценности	132	Предприимчивость, готовность действовать, усердие, решительность	789	Труд	363
9	Здоровье, болезни, лекари	151	Пища, кухня	124	Речи, беседы	765	Опыт	343
10	Пища, кухня	144	Трудолюбие, лень	124	Богатство / бедность	763	Погодные изречения	337
11	Домашнее хозяйство	141	Богатство и бедность	121	Грехи, ошибки; наказание; прощение, месть	749	Календарные изречения	336
12	Праздность, занятие, труд	135	Религия	120	Внешний вид	735	Одежда	325
13	Совесть, наказание за ошибки	133	Предусмотрительность	118	Религия	721	Смерть и погребение	319
14	Решительность, усердие, использование случая	132	Опытность, благоразумие	107	Любовь и сексуальные отношения	701	Деньги	271
15	Жизненные невзгоды, жизненные закономерности	123	Счастье и несчастье	103	Брак	684	Счастье, несчастье	232

Список совпадающих и пересекающихся ТО-лидеров в разноязычных словарях (как видно по цветовой маркировке) оказался большим, поэтому поле выборки объектов, характеризующихся высокой степенью паремиологической концептуализации, было ограничено верхними позициями (до 5 позиций) в рангах ТО-лидеров. До трех позиций (максимально верхние позиции) в каждом словаре во внимание принимались все ТО-лидеры, даже если не наблюдалась корреляция со словарями того же самого языка. До пяти позиций учитывались ТО-лидеры в том или ином словаре при условии корреляции с другими словарями одного языка или словарями других языков с разницей в ранге не более 4-х позиций.

С опорой на метод статистического анализа установлено, что в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира высокой степенью концептуализации характеризуются такие направленности человеческого интереса, которые свидетельствуют о ценности **пищи, труда, семьи, дома, достатка, здоровья, ума, языка, счастья, Бога**. Данный набор ценностей был установлен с учетом следующих фактов: **пища** – на основании верхних позиций ТО в словарях белорусских, итальянских и немецких паремий; **труд** – на основании верхних позиций соответствующих ТО в словарях русских и белорусских па-

ремий; **семья** – на основании верхних позиций ТО в словарях белорусских и итальянских паремий; **дом** – на основании максимально верхнего лидерства (3-я позиция) ТО в словаре итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио; **достаток** – на основании верхних позиций ТО в словарях русских и белорусских паремий; **здоровье** – на основании максимально верхнего лидерства (3-я позиция) ТО в словаре итальянских паремий Р. Шваменталя и М. Страньеро, **счастье** – на основании максимально верхнего лидерства (3-я позиция) соответствующего ТО в словаре В. И. Даля, **ум** – на основании верхних позиций ТО в словарях русских и итальянских паремий; **язык** – на основании верхних позиций ТО в словарях немецких и русских паремий; **Бог** включается в список на основании максимально верхнего лидерства (1-я позиция) ТО «*Mesi e le feste religiose*» (Месяцы и религиозные праздники) в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио. Практически все названные объекты концептуализации оказались в числе тех, степень релевантности которых в тематических словарях каждого из языков определяется в рангах не ниже 15-ой позиции (исключение составили такие объекты концептуализации, как **Бог, здоровье, дом**). Высокая степень паремиологической концептуализации установленных ценностей является основанием для определения соответствующих концептов как доминантных если не во всех исследуемых картинах мира, то по крайней мере в тех, в которых названные выше ценности определились как наиболее релевантные.

Полученные данные являются предварительными и требуют дополнительной проверки степени значимости установленных ценностных сущностей и, соответственно, проверки на общность выявленных ценностных доминант. Нельзя не принять во внимание некоторую степень относительности количественных данных в тематически организованных словарях, косвенным подтверждением чего является хотя бы тот факт, что тематически организованные паремиологические словари одного языка характеризуются различием в плане «лидерства» той или иной тематической группы. Оказывает влияние на совпадение / несовпадение количества паремий на одну и ту же тему в одноязычных словарях (равно как и на процентное соотношение паремий на одну тему с общим количеством паремий в словаре) и степень обобщенности / дробности в членении на темы, одноуровневость / многоуровневость тематического членения, объем, цели и даже время составления словаря.

Существенно отличается, к примеру, от других тематических словарей по своей организации словарь белорусских пословиц, поговорок и фразеологизмов Ф. Янковского. Каждый из структурных разделов¹ в этом словаре составляют паремии, представляющие не одну, а несколько сопряженных тем (число терминов в названии разделов колеблется от 2 до 14 единиц), дифференциация паремиологи-

¹ Определяем эти разделы как ТО в силу того, что объединяющее начало для всех паремий в том или ином структурном разделе всегда есть.

ческих единиц на частные темы внутри раздела отсутствует. Такая дифференциация обычно предпринимается в многоуровневых тематически организованных словарях, например, в словаре итальянских пословиц В. Боджоне и Л. Массорбио, в словаре силезских пословиц К. Ротера¹.

Совершенно различными в плане организации являются также фундаментальный словарь русских пословиц и поговорок В. И. Даля и популярный словарь русских пословиц и поговорок, составленный К. Г. Берсеневой. В первом словаре общее количество тематических объединений (не рубрик, представленных единицами одного жанра, на что мы уже обращали внимание в предыдущей главе) составляет 170, во втором – 513². В словаре В. И. Даля в названиях тем, как правило, несколько терминов, соответственно, тематические группы составляют пословицы, вскрывающие смысл не одной какой-либо сущности, а нескольких. Кроме того, одна и та же сущность, взятая в разных отношениях, может характеризоваться по включению в различные тематические объединения, содержащие имя этой сущности (см., например: «Правда – Кривда», «Правда – Неправда – Ложь»; «Суд – Приказный», «Суд – Правда», «Суд – Лихоимство»). Последовательность подачи ТО в словаре В. И. Даля подчинена идее отражения внутренней взаимосвязи между темами и в некоторой степени приоткрывает завесу над ценностными предпочтениями не только продуцентов паремий, но и составителя словаря, шире – носителей русской культуры того времени. Кроме того, данные словари существенно разнятся по объему: 33606 единицы в словаре В. И. Даля (количество единиц в ТО) и 9620 единиц в словаре К. Г. Берсеневой. Различными по объему являются также итальянские паремиологические словари В. Боджоне, Л. Массорбио и Дж. Джусти. Но тем и интереснее, на наш взгляд, проследить, насколько отличными являются по внутреннему содержанию большие и малые словари.

Для «преодоления» некоторой степени субъективности, исходящей от «видения» паремиологической картины мира составителями тематических словарей, в работе используется еще один критерий определения степени значимости концептуализированных в паремиях сущностей, а именно учет количества фиксаций доминантного имени ценностного концепта (либо имени, входящего в ядерную зону концепта) в общем своде паремий каждого из языков. Степень «актуальности» имени концепта, исчисленная с учетом процента паремий с данным именем

¹ Выстраивание общей иерархии тематических объединений в данных словарях осуществлялось не по первому уровню членения (они чересчур крупные), а по второму – в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио и по третьему – в словаре К. Ротера.

² Словарь К. Г. Берсеневой характеризуется специфической организацией. В данном словаре в одно «гнездо», как определяет сам составитель, сведены пословицы и поговорки, 1) основная тема которых определена главным, ведущим словом, 2) основная тема которых определена одним словом, несущим смысловую нагрузку, 3) тема которых несет в себе антонимическое значение, 4) тема которых несет в себе синонимическое значение [403, с. 16]. Опора на так называемые «тематические слова» обусловила столь высокую степень дробности тематического членения, предпринятого в данном словаре.

от общего числа паремий, принимается как показатель значимости для носителей этнической культуры сущности, стоящей за этим именем. Общее количество паремий, содержащих в своей структуре имя ценностного концепта, составляют и те паремии, в которых имя концепта является ключевым, и те паремии, в которых это имя используется как не ключевое.

Связь того или иного фрагмента паремиологической картины мира, характеризующегося высокой степенью концептуализации соответствующего жизненного опыта, с одним понятием порой весьма затруднительна. Состав ценностных концептов, выбранных для последующего сопоставления степени значимости концептуализированных сущностей в разных паремиопространствах, был ограничен в связи с этим и по некоторым собственно лингвистическим причинам. Во-первых, учитывалась возможность опоры на то или иное имя из концептуальной парадигмы, представляющей концептуализируемую ценностную сущность, то есть возможность нахождения ключевого слова (слов), выступающего в качестве «сигнального» языкового средства¹, указывающего на связь содержания паремии с ценностным концептом. Во-вторых, важной была также корреляция по семантическому объему доминантных имен концептов, «восходящих» к одному понятию в разных языках.

Во многих словарях одну из лидирующих позиций занимают, в частности, паремии, представляющие так называемый «народный календарь», паремии о временах года, «днях» святых, погодных явлениях и приметах, значимых для проведения сельскохозяйственных работ, и т. п. В словаре В. И. Даля ТО «Месяцеслов» включает более тысячи единиц, это 2-я позиция в общей иерархии тем; общий удельный вес всех паремий о природе и погоде (вместе с загадками) в этом словаре – 3,93%. В словаре М. Я. Гринблата ТО «Поры году. Час. Народны календар» представлено 683 единицами, это 4-я позиция в общем своде, вместе с нелидирующим, но достаточно объемным ТО «Прырода, яе стыхіі і з’явы. Жывёльны і раслінны свет» (341 ед.) составляет 6,64% от общего количества паремий. В словаре Дж. Джусти ТО «Meteorologia, stagioni, tempi dell’anno» (Метеорология, сезоны, времена года) является самым объемным – 402 ед. (то есть представляет 1-ю позицию в общей иерархии ТО) и составляет 5,38% от всего свода. В словаре Р. Шваменталя и М. Страньеро к теме «Metereologia, stagioni» (Метеорология, времена года) отнесены 409 единиц, это ТО также представляет 1-ю позицию в общем своде с удельным весом в 6,86%. В словаре В. Боджоне и Л. Массорбио тематический раздел «La natura, il clima, le stagioni» (Природа, климат, времена года) является одним из десяти разделов, выделяемых на первом уровне членения с общим количеством единиц 3677, что составляет 10,32%² от общего числа паре-

¹ Так Л. Б. Савенкова называет специальные языковые средства, используемые для объективации связи содержания паремии с ценностным концептом [272, с. 142–143].

² Проценты высчитывались от общего количества фиксаций паремий в словаре (35617 фиксаций), а не от количества единиц в словаре без учета повторов (30000 единиц).

мий. Входящее в этот раздел ТО «*Mesi e le feste religiose*» (Месяцы и религиозные праздники) включает 2202 ед. и является самым объемным в словаре, составляет 6,18% от всего состава паремий, а ТО «*Fenomeni meteorologici*» (Метеорологические феномены) с количеством единиц 987 (2,77% от всего состава паремий) представляет 4-ую позицию в общей иерархии ТО. В словаре К. Ротера тематический раздел «*Die Natur*» (Природа), в составе которого 2196 ед., является третьим по численности из числа трех тематических разделов, выделяемых на первом уровне членения, и его удельный вес – 9,44%¹, на втором уровне членения ТО «*Wettersprüche*» (Речения о погоде) (337 ед.) и «*Kalendersprüche*» (Календарные речения) (336 ед.) занимают соответственно 10-ю и 11-ю позиции и вместе составляют 2,89% от общего количества паремий.

Сам факт того, что паремии о погоде, временах года и регламентирующих определенным образом бытие человека религиозных праздниках во всех четырех языках оказались столь многочисленными, говорит о многом: во-первых, о том, что формирование провербиальных фондов имеет очень древние корни, во-вторых, о том, что древний человек видел себя в единении с природой, так как она была основным источником средств к его существованию, в-третьих, о том, что основным родом занятий тех, кто стоит у истоков формирования русского, белорусского, итальянского и немецкого провербиальных фондов, было земледелие и сопряженные с ним формы занятости, а также о том, что одной из главных забот человека была забота о хлебе насущном.

Тем не менее по причине отсутствия единого концептуализируемого понятия в паремиях, представляющих столь широкую в своих границах тему, а также нерегулярности фиксаций в этих паремиологических единицах слов со значением ‘погода’, ‘природа’, ‘земля’ нам пришлось отказаться от проведения контент-анализа языковых средств, используемых продуцентами паремий для объективации соответствующих представлений². Подчеркнем, что при этом не игнорируется совпадение направленности интересов продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий и особая важность соответствующей сферы социально значимого. Ее выделение, как показал содержательный анализ паремий, представляющих названные выше ТО, детерминировано прежде всего трудовой занятостью тех, кто стоял у истоков формирования национальных паремиофондов и подчеркивает социальную значимость труда как такового.

¹ Примем во внимание, однако, некоторую специфику организации словаря К. Ротера. ТО «*Tiere*» (3-я позиция в своде – 810 ед.), включенное К. Ротером в раздел «*Die Natur*», состоит из паремий не только и не столько о животных, сколько о человеке в образе животного. О тематическом единстве в данном случае говорить сложно. Большой объем данного ТО является лишь еще одним подтверждением активности обращения продуцентов паремий к зоонимическому коду. Аналогично объясняется и лидерство ТО «*Die Körperteile und ihre Verrichtungen*» (1-ая позиция в своде – 1475 ед.) в данном словаре.

² К такому анализу мы обращаемся в подкрепление выводов, сделанных на основе анализа объемов ТО, учитывая то обстоятельство, что границы содержательно коррелирующих ТО в разноязычных словарях в силу разного рода факторов (о них речь пойдет далее) могут существенно различаться.

Были основания для отказа и от анализа воплощения концепта «человек» / «чалавек» / «uomo» / «Mensch», несмотря на то что ТО «Человек» в словаре К. Г. Берсеневой представляет 2-ю позицию, в словаре В. И. Даля – 7-ю позиция в рангах ТО по численности единиц. Во-первых, осуществление выборки паремий по формальному признаку (то есть по наличию в структуре паремии слова с соответствующим значением) с привлечением компьютерных технологий оказалось невозможным, так как в итальянском языке лексема, являющаяся доминантным именем соответствующего концепта, характеризуется многозначностью (*uomo* – 1. ‘человек’, 2. ‘мужчина’, 3. ‘муж’ и др.), а в немецком языке для обозначения человека используется две лексемы – *Mensch* и *Mann* – и лексема *Mann* также является многозначной, следовательно, при выборке требовался еще анализ и содержания паремий. Во-вторых, ограничение множества паремий о человеке только теми паремиологическими единицами, в которых отмечается термин *человек*, было бы чересчур условным и потому нерациональным. Очевидно, что паремии в своем большинстве представляют собой суждения о человеке (это притом, что все паремии созданы человеком и для человека), в этом смысле весьма показательной является структура паремиологического словаря К. Ротера. В словаре К. Ротера три больших раздела, составляющих первый уровень членения паремий на темы: «Die Natur», «Der Mensch» и «Die menschliche Gemeinschaft», – и самым объемным среди них является раздел «Der Mensch» (70% от всего состава паремий). Этот раздел, как было уже отмечено нами выше, имеет и самую глубокую поуровневую внутреннюю дифференциацию, то есть значительное количество соподчиненных тематических объединений о человеке. Следовательно, то, что в центре паремиологической картины мира стоит человек, не требует доказательств.

Стремлением к обеспечению объективности выводов на основании количественных показателей было обусловлено подключение к контент-анализу большего количества словарей, чем было принято вначале. В каждой из лингвокультур были приняты к анализу не менее чем три словаря, как однотипно, так и разнотипно организованные. Кроме того, отбор паремиологических словарей в каждом из языков для проведения статистического анализа соответствует стремлению диссертанта сопоставить данные «старых» и «новых» паремиологических словарей. В список подлежащих контент-анализу собраний паремий вошли 13 словарей, а именно: тематически организованный словарь «Пословицы русского народа» В. И. Даля [387]; словарь с совмещением двух принципов организации – объединением паремий в гнезда по стержневому слову и тематически – «Русские пословицы и поговорки» К. Г. Берсеневой [403]; составленный в алфавитном упорядочении пословиц, сгруппированных по стержневому слову, «Большой словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (под редакцией В. М. Мокиенко) [396]; составленный в алфавитном порядке «Сборник белорусских пословиц» И. И. Носовича [405]; тематически организованные

словари белорусских паремий «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы» Ф. Янковского [354], «Прыказкі і прымаўкі» М. Я. Гринблата [399]; тематически организованный словарь итальянских пословиц «Dizionario dei proverbi italiani (Raccolta di proverbi toscani)» Дж. Джусти [411]; составленный в алфавитном порядке словарь итальянских паремий и их диалектных вариантов «Dizionario dei proverbi italiani» (с отдельно помещенным указателем распределения паремий по темам) Р. Шваментала и М. Страньеро [415]; тематически организованный словарь «Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi» В. Боджоне и Л. Массорбио [409]; составленный в алфавитном упорядочении паремий по ключевому слову, но без последовательной дифференциации на отдельные «гнезда» словарь «Die deutschen Sprichwörter» К. Зимрока [416]; составленный в алфавитном упорядочении паремий, сгруппированных по стержневому слову, пятитомный словарь «Deutsches Sprichwörterlexikon» К. Ф. Вандера [420] и небольшой по объему словарь с гнездовой организацией и последовательностью подачи гнезд в соответствии с алфавитным порядком слов, фиксируемых в качестве компонентов паремий, «Sprichwörterlexikon» Х. Байера и А. Байер [408], а также единственный имеющийся в нашем распоряжении тематически организованный словарь силезских пословиц К. Ротера «Die schlesischen Sprichwörter und Redensarten» [414]. Статистические данные, свидетельствующие об объемах ТО в словаре К. Ротера, подаются в диссертации вне таблиц, причина заключается в невозможности заполнения табличных строк, в которых указывается общее число паремий в словаре с именем того или иного объекта концептуализации: изданный в старой графике словарь К. Ротера не подлежит оцифровке, «ручная» же выборка провербиальных единиц в массиве более чем в 20000 паремий является очень трудоемкой и чревата погрешностями.

Вся статистика по словарям, специально оцифрованным с целью проведения контент-анализа, осуществлялась с привлечением компьютерных технологий (преимущественно программы Excel, программы автоматического поиска в Word для словаря под редакцией В. М. Мокиенко; разработанной программистами и выложенной в сети Интернет поисковой версии с соответствующими задачам поиска макросами для словаря К. Вандера)¹ с последующей «ручной» проверкой, а именно извлечением из списка, полученного методом автоматической выборки, не пословичных единиц (комментариев с искомым словом) и повторяющихся пословичных выражений (в тех случаях, где функция автоматической сортировки не могла быть применена).

Прежде чем приступить к описанию результатов контент-анализа по материалам 13 словарей, необходимо оговорить некоторые допущения, которые были

---

¹ Иллюстрации использования данных программ отражены в Приложении Б.

сделаны автором данной работы с целью «уравновешивания» словарей для проведения сопоставительного анализа.

Для соблюдения единых подходов при определении общего количества паремий в словарях все варианты единицы, оформленные как отдельные выражения, включались в подсчет. При подсчетах паремий, представляющих ТО в тематически организованных словарях, с целью сохранения тематических единств, определяемых составителями словарей, учитывались все выражения, включенные в ТО. Исключение составил отличающийся от иных тематических собраний словарь «Пословицы русского народа» В. И. Даля: при подсчетах не учитывались включаемые в состав ТО загадки. Кроме того, не принимались во внимание при определении общего количества паремий в тематических словарях выделенные их составителями в отдельные структурные части совокупности гаданий, примет, сравнений, скороговорок и т.п., ввиду несоответствия такого выделения тематическому принципу. В избранных для анализа тематических провербиальных собраниях не пословичные жанры умеренно представлены в ТО паремий. По этой причине для проведения контент-анализа из паремиологической трилогии под общей редакцией В. М. Мокиенко: «Большой словарь русских поговорок», включающий 40000 образных выражений [223]; «Большой словарь русских сравнений», включающий более 45000 образных выражений [224], «Большой словарь русских пословиц» [396] – был выбран только один словарь, а именно «Большой словарь русских пословиц», содержащий в отличие от первых двух словарей, «не “строевые единицы” речи, семантически близкие слову, каковыми являются поговорки (resp. идиомы, фразеологизмы) и устойчивые сравнения, а синтаксически законченные мини-тексты с нравоучительным, философским и бытовым содержанием» [396, с. 4]. Таким образом, основную массу избранных для анализа паремиологических единиц составляют устойчивые выражения, которые отсылают к коллективному мнению и в своем словарном варианте имеют структуру предложения.

Следует оговорить отдельно и количество принятых к анализу единиц в паремиологических словарях Ф. Янковского и М. Я. Гринблата. В словаре «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы» Ф. Янковского из общего числа единиц, зафиксированных в словаре, исключены фразеологизмы, составившие отдельный раздел в данном собрании. В словаре «Прыказкі і прымаўкі» М. Я. Гринблата не учитывались созданные по заказу и не нашедшие устной формы бытования пословицы советского времени, выделенные составителем в отдельный раздел.

Количество паремий в словаре К. Вандера, а также в словаре под редакцией В. М. Мокиенко нами специально не уточнялось по причине невозможности осуществления сортировок для извлечения повторяющихся единиц. Общее количество паремий в «Большом словаре пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко ука-

зано самими составителями – это 70000 единиц. Количество паремий в словаре Вандера составляет 250000 единиц [420]. Из-за невозможности осуществления автоматической сортировки единиц в словаре под редакцией В. М. Мокиенко и словаре К. Вандера с целью извлечения повторов («ручная» сортировка на больших массивах паремий представляется очень трудоемкой) для контент-анализа привлекались количественные данные с учетом повторов, то есть учитывалось число фиксаций паремий, а не число самих паремий, как по другим сборникам, и проценты, соответственно, исчислялись от общего числа фиксаций, а не от общего числа паремий с вычетом повторов. Данное допущение было сделано нами еще и по той причине, что исчисление процентов в этом случае отражает реальное соотношение единиц, ведь указанное общее количество единиц в словаре – это число фиксаций паремий, включающих повторы. Для других словарей (с возможностью извлечения повторов) устанавливалось количество паремий, а не фиксаций и процент исчислялся от общего определенного нами количества паремий без учета повторов¹.

И еще одно важное обстоятельство, существенно влияющее на подсчеты, – это варианты паремий. Исходя из того, что в словаре под редакцией В. М. Мокиенко, а также в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио варианты пословиц квалифицируются как отдельные единицы, для «равновесия» в других словарях был осуществлен пересчет единиц с учетом вариантов. По этой причине цифры, отражающие общее количество паремий в некоторых словарях, оказались выше установленных самими составителями словарей (см. словари М. Я. Гринблата, К. Зимрока, К. Ротера)². Заметим, что такой принцип подсчета был применен и к словарю В. И. Даля: паремии, записанные в одну строку, подсчитывались как отдельные единицы.

Выявленные на основании лидирующих позиций ТО в тематически организованных паремиологических словарях ценностные доминанты в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира представляют разные сферы ценностей. Сфера важнейших витальных ценностей, удовлетворяющих жизненно необходимые потребности человека как биологического индивида³, отвечающих за физическое «благополучие» человека, – это **пища, здоровье**; сфера утилитарно-практических ценностей, которые выступают инструментом к удовлетворению витальных потребностей, а также в той или иной мере га-

¹ Словарь «Sprichwörterlexikon» Х. Байера и А. Байер в результате извлечения повторов значительно «уменьшился» в объеме, так как каждая паремия повторяется в словаре столько раз, сколько полнозначных слов отмечается в ее составе.

² В словаре М. Я. Гринблата в соответствии с авторскими цифровыми индексами содержится 11750 единиц (без учета паремий советского времени), вместе с вариантами – 15417 единиц. В словаре К. Зимрока в соответствии с авторскими цифровыми индексами 12396 единиц, с учетом вариантов – 13227 единиц. В предисловии к словарю К. Ротера указано, что словарь содержит более 20000 выражений, при подсчете с учетом вариантов получилось 23259 единиц.

³ Депривация таких потребностей приводит к летальному исходу.

рантируют материальное благополучие, – это **труд**; сфера материальных ценностей, обеспечивающих комфортность существования человека, – это **дом, достаток**; сфера важнейших социальных ценностей, удовлетворяющих потребность человека принадлежать к тому или иному коллективу, – это **семья**; сфера важнейших психоэмоциональных ценностей, свидетельствующих о стремлении человека к лучшей доле, благополучию вообще, – это **счастье**; сфера интеллектуальных ценностей, связанных с познанием всего сущего и накоплением опыта, – это **ум**; сфера важнейших духовных ценностей, своеобразно упорядочивающих жизнь человека, выступающих в качестве мерила добра и зла, удовлетворяющих притязания человека на гармонию с собственной совестью, духовное богатство и душевный комфорт, – это **Бог**. Особое место в системе ценностей занимает **язык**: являясь ключевой терминальной ценностью, то есть ценностью-средством, обеспечивающим, с одной стороны, процессы познания мира и накопления знаний о нем, с другой стороны, коммуникативные процессы, язык соотносим одновременно и со сферой интеллектуальных, и со сферой утилитарно-практических ценностей.

В этой же самой последовательности будет осуществляться анализ концептуализации опыта постижения ценностного смысла названных объектов, а также проверка на общность ценностных доминант в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира.

3.3 Концептуализация доминантных ценностей в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира

Важнейшей витальной ценностью для человека является пища. Пища – один из главных факторов, обеспечивающих жизнедеятельность человека, отсюда богатство содержания концептов, базирующихся на понятиях «пища» / «еда», в разных лингвокультурах, разнообразие и этнокультурная специфика вербализующих содержание концептов языковых средств. Это, разумеется, не ускользает от внимания современных когнитологов и лингвокультурологов, активно обращаясь к исследованию концептуализации такого объекта материального мира, как пища, в одной или нескольких этнических лингвистических культурах (Л. С. Зинковская [114]; О. Г. Савельева [270]; В. П. Синячкин [289] и др.).

Напомним, что включение такого объекта паремиологической концептуализация, как «пища» / «еда», в список доминантных направленностей человеческого интереса в паремиологических картинах мира осуществлялось в связи с максимальным лидерством ТО о пище / еде в словарях белорусских, итальянских и немецких паремий: на 2-й позиции по количеству единиц в общей иерархии тематических объединений находится ТО «Харчаванне» в словаре М. Я. Гринблата, на 2-й позиции и ТО «L'alimentazione» (Питание) в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио, в словаре К. Ротера ТО «Essen» (Пища) находится на 4-й позиции. ТО «Пища» в словаре В.И. Даля представлено за рамками 5 верхних позиций, а именно на 9-й позиции.

Наблюдения показывают, что в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях термины *еда* и *пища* не являются доминантными обозначениями соответствующих понятий, а наиболее регулярным языковым средством воплощения концепта *пища* является термин *хлеб*. Обратим внимание, однако, на сам факт, что для отражения представлений о ценности пищи в качестве доминирующего языкового средства используется гипоним *хлеб*. Этот факт говорит, с одной стороны, о совпадении в разных языках культурных коннотаций соответствующих лексем и функционировании последних как лингвокультурных кодов¹, а с другой стороны, о приоритетности «конкретного» в категоризации представлений о сущем носителями обыденного сознания.

¹ М. Л. Ковшова, ссылаясь на Дж. Дж. Фрэзера, О. М. Фрейденберг, отмечает, что хлеб как пищевой продукт с древнейших времен приобрел второй, семиотический, культурный смысл [143, с. 234–235, 245–246]. Кроме того, в обыденном сознании хлеб олицетворяет пищу вообще, этим и объясняется значительное количество фиксаций термина *хлеб* в паремиологических единицах; важным является и экстралингвистический фактор, связанный с тем, что для носителей исследуемых культур хлеб является одним из основных продуктов питания.

В Таблицах 3.3 и 3.4¹ отражены результаты статистического анализа, позволяющие сопоставить удельный вес ТО о пище, а также количество фиксаций паремий с термином «хлеб» в разноязычных словарях. В строке «Словарное объединение» показано общее количество паремий на тему «Пища» / одноименные темы в иноязычных словарях и удельный вес соответствующих ТО в процентах. Если словарь организован по стержневому принципу (словарь под редакцией В. М. Мокиенко и словарь К. Вандера), в этой строке показано количество паремий, составляющих словарное объединение с термином *хлеб* в качестве стержневого слова, а в строке «Паремии с термином *хлеб*» – общее количество фиксаций в данных словарях паремиологических единиц с компонентом *хлеб / Brot*.

Таблица 3.3. – Объективация концепта «пища» / «ежа»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	656	1,95	82	0,85	534	0,76	-	-	-	-	754	4,89
Паремии с термином <i>хлеб</i>	649	1,93	224	2,33	1371	1,96	74	1,99	129	2,59	451	2,93

Таблица 3.4. – Объективация концепта «сibo» / «Essen»

Составители	Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	144	1,93	124	2,08	1382	4,61	-	-	618	0,25	-	-
Паремии с термином <i>хлеб</i>	135	1,81	110	1,85	486	1,62	121	0,91	1775	0,71	55	0,63

Данные Таблиц 3.3 и 3.4 свидетельствуют о том, что при расхождении объемов ТО о пище в словаре М. Гринблата (4,89%) и словаре В. Боджоне, Л. Массорбио (4,61%) более чем на 2% с объемами соответствующих ТО в других словарях (см., например, в словаре В. И. Даля 1,95%) различие в количестве паремий с термином *хлеб* по языкам все же меньшее (исключение составил немецкий провербиальный

¹ Как в этих таблицах, так и во всех остальных таблицах аналогичного содержания в строке «Словарное объединение» показано количество паремий в ТО; если словари организованы по стержневому слову, то приведено количество паремий с соответствующим стержневым словом или суммарное количество паремий с несколькими ключевыми словами, взятыми для анализа и указанными в таблице. В последнем случае ячейка маркируется оранжевым цветом. Аналогичную маркировку имеют ячейки с показаниями по тематически организованным словарям, если количество паремий также оказывается суммарным, например, количество паремий на тему «Пища» в словаре К. Г. Берсеньевой исчислялось путем суммирования выражений, представляющих в этом словаре отдельные ТО: «Еда» и «Хлеб». Показания в строке «Словарное объединение» для словарей К. Зимрока и Х. и А. Байер отсутствуют в силу специфической организации данных словарей, о чем говорилось выше.

фонд), сравн.: среднее значение употреблений в русских словарях – 2,07%, в белорусских словарях – 2,5%, в итальянских словарях – 1,76%, в немецком – 0,75%.

Словари со стержневым принципом организации показали немного меньший разрыв в процентах: в «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко 534 паремии с ключевым словом «хлеб» (включая субстантивные дериваты *хлебец*, *хлебушек*), это составляет 0,76% от всего состава паремий; в словаре немецких паремий К. Вандера 618 паремий с ключевым словом «Brot»¹ – это 0,25% от всего состава паремий. Достаточно близкие значения по употреблению термина *хлеб* в паремиях четырех языков в целом предсказуемы и объясняются тем, что хлеб для всех четырех этносов является одним из основных продуктов питания и во всех четырех лингвокультурах термин *хлеб* используется как языковой код для обозначения пищи вообще.

В целях объяснения существенных расхождений данных тематически организованных словарей обратимся к сопоставлению содержания соответствующих ТО в словарях, лидирующих по количеству паремий, отнесенных к теме «Пища», – это словарь белорусских пословиц М. Я. Гринблата и словарь итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио. Начнем с анализа словаря В. Боджоне и Л. Массорбио, так как этот словарь имеет многоуровневую организацию и внутренняя тематическая дифференциация паремий, представляющих ТО «L'alimentazione», проливает свет на содержание данных паремий.

В структуре ТО «L'alimentazione» 8 тематических групп. Ниже приводится список этих групп (слева дана их словарная индексация) с указанием количества паремий в каждой из них.

V.1.1. *Necessità, utilità e piacere di una buona alimentazione* (Необходимость хорошего питания, польза и удовольствие от хорошей пищи). Эта тематическая группа содержит 2 подгруппы, общее количество единиц – 112 (8,1% в составе этой группы – 0,37% от общего свода).

V.1.2. *Principi relativi all'alimentazione* (Принципы, связанные с питанием). Включает 5 подгрупп, общее количество паремий – 92 ед. (6,66% – 0,31%).

V.1.3. *La fame e la sete* (Голод и жажда). В этой группе нет внутреннего членения, общее количество паремий – 149 ед. (10,48% – 0,5%).

V.1.4. *Pasti, comportamenti a tavola* (Блюда, поведение за столом). В составе группы 2 подгруппы, в общей сумме представлены 40 ед. (2,89% – 0,13%).

V.1.5. *L'alimentazione del bambino* (Питание ребенка). По отсылке к иной тематической группе паремии этой тематической группы при подсчетах не принимались во внимание.

¹ Как для этого ключевого слова, так и для всех остальных ключевых слов при выборке паремий учитывались все графические его обозначения.

V.1.6. La preparazione dei cibi in generale; i condimenti, gli aromi (Приготовление пищи вообще; приправы, ароматизаторы) – 53 ед. (3,84% – 0,18%).

V.1.7. I diversi cibi (Различные продукты). Самая объемная группа – 674 ед. (48,77% – 2,25%) включает 10 подгрупп, среди которых лидером по количеству единиц является подгруппа «Pane, focaccia» (Хлеб, фокачча¹) – 125 ед.

V.1.8. Il vino (Вино). Объемная группа – 262 ед. (18,96% – 0,87%), состоящая из 6 подгрупп².

Из этого перечня видно, что итальянские поговорки о пище и, шире, о питании вообще (как это представлено в версии словаря В. Боджоне и Л. Массорбио), действительно, весьма разнообразны по своему содержанию и общий объем их велик. Нужно признать подчеркнутое внимание носителей итальянской культуры к пище и кухне вообще, во многом обусловленное богатством стола, дарованным природой и обеспеченным уникальными климатическими условиями и, конечно же, трудом человека (не случайно самыми многочисленными в итальянских провербиальных собраниях являются поговорки о природе и погодных условиях, связываемых с трудом). Однако необходимо обратить внимание и на то, что в ТО «L'alimentazione» в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио включается значительный раздел о вине (заметим, итальянские поговорки с компонентом *vino* (438 ед.) немногим уступают по своему количеству поговоркам с компонентом *pane* (486 ед.)), в тематических провербиальных собраниях русского, белорусского и немецкого языков поговорки о питье составляют отдельные тематические группировки и содержание данных поговорок связывается в основном с осуждением пьянства³. Этот раздел и составляет почти один процент разницы, отличающий ТО о питании в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио от соответствующего ТО в словаре немецких пословиц К. Ротера, то есть без учета поговорок о питье составы поговорок о пище в данных словарях оказываются практически равнообъемными.

Большой удельный вес ТО поговорок о пище в словаре М. Я. Гринблата в сравнении с удельным весом соответствующих ТО в иноязычных тематически организованных словарях объясняется отнюдь не богатством и разнообразием стола, (что нашло отражение, в частности, в итальянских поговорках о пище), а совершенно иными причинами. М. Я. Гринблат в своем провербиальном собрании, несмот-

¹ Фокачча – пшеничная лепешка.

² Для сравнения: в структуре ТО «Essen» в словаре К. Ротера также наблюдается деление на восемь частных групп, в большей степени, правда, отличающееся, чем схожее, от внутренней дифференциации поговорок на подтемы в ТО «L'alimentazione» в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио: одна группа – поговорки о еде вообще – 152 ед. (21% – 0,65%), остальные – «Hunger» (Голод) – 59 ед. (8,16% – 0,25%), «Verschiedene Speisen» (Различные кушанья) – 227 ед. (31,4% – 0,98%), «Bei Tisch» (За столом) – 60 ед. (8,3% – 0,26%), «Ankommende» (Прибывающие) – 35 ед. (4,84% – 0,15%), «Es schmeck» (Вкусно) – 85 ед. (11,76% – 0,37%), «Es schmeck nicht» (Невкусно) – 37 ед. (5,1% – 0,16%), «Satt» (Сытость) – 49 ед. (6,78% – 0,2%), «Nach Tisch» (После еды) – 19 ед. (2,6% – 0,08%). Примечательно то, что в одноименных группах итальянский и немецкий словарь обнаруживают процентную корреляцию по количеству единиц.

³ В словаре К. Ротера, к примеру, подсчет поговорок в тематических подгруппах, выделенных составителем словаря в рамках ТО «Trinken» (представляющего 5-ю позицию в общем своде по количеству единиц – 590 ед.), показывает, что большую часть поговорок о питье составляют поговорки о пьянстве, пьяницах и последствиях пьянства (413 ед. – 70% от числа всех поговорок в данном ТО).

ря на включение в состав словаря «паремий» советского времени, стремился в максимальной степени представить основной фонд белорусских паремий, сложившийся еще до XX века, о чем свидетельствует индексация, указывающая на источники, откуда черпались паремии для словаря. Анализ содержания белорусских паремий о пище убедительно доказывает, что высокая степень концептуализации представлений о еде в белорусском паремийнике обусловлена в большей степени скудностью, нехваткой питания. О хлебе (и в узком и в широком понимании слова) в белорусских паремиях, как правило, говорится как о добре, которое желанно, которое питает, которое является предметом особой заботы, но которого все время недостает: *Рыбка-хібка, але й хлеба была скібка; Маліна то маліна, але каб хлеба скарына; Хутчэй папрасяць дзеці скарынкi, як сланiнкi; Ёсць хлеб – солi няма, соль ёсць – хлеба няма¹; Ямо хлеб траякі: чорны, белы і нiякі; Ёсць хлеб – ядзімо, а няма – глядзімо; Ёсць кавалак хлеба, то хвала Богу; Работы да поту, а хлеба няма ў ахоту*. По этой же причине количество паремий со словом «хлеб» в белорусских словарях несколько выше, чем в других провербиальных сводах (даже в самом малом по объему из числа взятых для анализа сборников белорусских паремий словаре И. И. Носовича процент паремий с компонентом «хлеб» оказался лишь незначительно ниже, чем в других белорусских словарях, и очень близким по среднему значению процентным показателям русских и итальянских паремиологических собраний²).

Значимость сущностей, связанных с удовлетворением витальных потребностей, осмысливается обычно тогда, когда актуальным становится витальное переживание, связанное с их отсутствием. По этой причине, в частности, процент обращения к слову со значением ‘здоровье’, равно как и к слову, обозначающему ценностный антипод здоровья – болезнь, в паремиях в целом не велик, и это касается всех провербиальных фондов. Тем не менее косвенным свидетельством того, что здоровье является одной из важнейших ценностей для человека, и обществу в целом небезразлично отношение каждого конкретного индивида к здоровью, является наличие в каждом из рассматриваемых нами тематических собраний отдельной тематической группы с соответствующим ценностному концепту названием / названиями либо тематической группы, содержащей в своем названии термин *здоровье*.

Для сопоставления данных, свидетельствующих о степени концептуализации ценности здоровья, обратимся к Таблицам 3.5 и 3.6.

¹ Сравн.: *Il povero meschino, quando ha il pane, non ha il vino* (Бедняк-горемыка: когда есть хлеб, нет вина).

² Мы обращаем на это особое внимание в связи с тем, что малые по объему словари (до 10 тысяч единиц и менее) обычно «выбиваются» по количественным показателям из общего ряда (цифры значительно меньше, реже – значительно выше), что объясняется разными причинами: временем составления словаря (малым числом источников), целями составителя и даже влиянием идеологии. На этом фоне совпадение в процентном соотношении паремий о той или иной ценностной сущности в больших и малых, «старых» и «новых» словарях является подтверждением непреходящей значимости этой сущности.

Таблица 3.5. – Объективация концептов «здоровье» / «здороуе» и «болезнь» / «хвароба»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	226	0,67	106	1,1	147	0,21	-	-	-	-	223	1,45
Паремии с термином <i>здоровье</i>	63	0,19	34	0,35	124	0,18	1	0,03	11	0,22	33	0,21
Паремии с термином <i>здоровый</i>	56	0,17	15	0,16	110	0,16	8	0,22	10	0,2	35	0,23
Паремии с термином <i>болезнь</i>	43	0,13	21	0,22	97	0,14	7	0,19	16	0,32	40	0,26
Паремии с термином <i>больной</i>	32	0,1	18	0,19	107	0,15	2	0,05	9	0,18	22	0,14

Таблица 3.6. – Объективация концептов «salute» / «Gesundheit» и «malattia» / «Krankheit»

Составители	Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Словарное объединение	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	151	2,02	215	3,61	805	2,68	-	-	364	0,15	-	-
Паремии с термином <i>здоровье</i>	16	0,21	25	0,42	83	0,28	3	0,02	166	0,07	14	0,16
Паремии с термином <i>здоровый</i>	26	0,35	24	0,40	78	0,26	27	0,20	503	0,20	27	0,31
Паремии с термином <i>болезнь</i>	11	0,15	11	0,18	56	0,19	17	0,13	244	0,10	11	0,13
Паремии с термином <i>больной</i>	11	0,15	10	0,17	71	0,24	36	0,27	547	0,22	37	0,43

По общему количеству паремиологических единиц, объективирующих ценностный концепт «здоровье» / «здороуе» / «salute» / «Gesundheit» и его концепт-спутник «болезнь» / «хвароба» / «malattia» / «Krankheit», представленному в соответствующих тематических словарных объединениях, в процентном выражении, как видно из Таблиц 3.5 и 3.6, итальянский провербиальный фонд отличается от

всех других (сравн.: 3,61% (Шваменталь), 2,68% (Боджоне), 2,02% (Джусти) и 1,45% (Гринблат), 1,1% (Берсеньева), 0,67% (Даль)). В общем своде ТО в каждом из избранных нами для анализа итальянских словарей эти объединения занимают лидирующие позиции: в словаре Р. Шваменталья, М. Страньеро ТО «*Salute e malattia*» (Здоровье и болезнь) занимает 3-ю позицию (из 86 ТО, имеющих в данном словаре), в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио ТО «*La salute, le malattie, la medicina popolare*» (Здоровье, болезни, народная медицина) на 7-й позиции (из 96 ТО, выделенных на втором уровне членения), в словаре Дж. Джусти ТО «*Sanità, malattie, medici*» (Здоровье, болезни, лекари) – на 9-й позиции (из 99 ТО). Для сравнения – в словаре В. И. Даля ТО «Здоровье – Хворь» по количеству единиц на 41-й позиции (из 170 ТО), в словаре Ф. Янковского термин «здоровье» используется в наименовании ТО, занимающего 9-ю позицию (из 26 ТО), в словаре М. Я. Гринבלата на 25-й позиции (из 59 ТО, выделенных на втором уровне членения); в словаре К. Ротера ТО «*Krankheit*» (Болезнь), включающее 220 ед., на 22-й позиции (из 168 ТО на нижнем уровне членения), ТО «*Gesundheit*» (Здоровье) невелико по объему – 44 ед., в сумме паремии о здоровье и болезни, включенные в названные ТО, составляют 1,14% от всего количества паремий в словаре. Эти данные свидетельствуют, что о рекуррентности концепта, восходящего к понятию «здоровье», можно говорить только применительно к итальянскому паремиологическому фонду. Однако нужно принять во внимание, что лидерство итальянских паремиологических собраний в указанном отношении объясняется отчасти тем, что составители тематически организованных словарей итальянских паремий традиционно в эти разделы включают также разного рода рекомендации, касающиеся пищи, сна, одежды, а в тематических собраниях русских, белорусских и немецких паремий выражения о пище, сне, одежде составляют отдельные ТО¹.

Как показало специальное исследование, итальянские паремии о здоровье содержательно весьма и весьма близки русским паремиям на ту же тему (правда, рассредоточенным по разным ТО), обнаруживаются корреляции и по количеству обобщенных смыслов и тех, и других паремий [11-А]. Нет сомнений, что установленные в ходе сопоставительного исследования русских и итальянских паремий о здоровье общие инвариантные значения будут характерны и для белорусских, и для немецких паремий о здоровье. К примеру, если обратиться к паремиям, непосредственно раскрывающим ценностный смысл здоровья (сравн.: *Здоровью цены нет; La salute non ha prezzo*), то даже в частных реализациях этого смысла обнаруживаются соответствия во всех четырех языках:

¹ Релевантность таких категорий, как «пища», «гигиена», «отдых», для раскрытия содержания концептов «здоровье» и «болезнь» подтверждается в сопоставительном исследовании воплощения данных концептов в английской и русской лингвокультурах [296].

- здоровье не купить: *Здоровье на деньги не купишь; Здоровье и за золото не купишь; Здоровье на базаре не продаётся; Здароўя за грошы не купіш; La salute non si compra; Gesundheit kann man nicht beim Krämer kaufen;*
- здоровье – это истинное богатство: *Здоровье – лучшее богатство; Няма лепшага багацтва над здароўе; La maggior ricchezza che sia è la sanità; La salute è una conca d'oro; Chi ha da star bene ha un tesoro; Chi è sano, è ricco; Chi ha salute ha soldi; Quando c'è la salute c'è tutto; Gesundheit ist der größte Reichtum;*
- здоровье дороже всего: *Здоровье всего дороже; Здоровье – всему голова, всего дороже; Здоровье лучше богатства; Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже; Здоровье дороже золота; Здоровье дороже денег; Здароўе даражэй за ўсё; Здароўе мілейшае за грошы; La salute val più della ricchezza; Meglio dolor di borsa che dolor di pancia; Die Gesundheit ist doch das Beste; Gesundheit geht vor Silber und Gold; Gesundheit ist besser als Reichtum; Gesundheit ist über Geld und Gut¹;*
- здоровья не замечают, истинная ценность здоровья познается тогда, когда его нет: *Тот здоровья не ценит, кто болен не бывал; Тот здоровья не знает, кто болен не бывает; Той здароўя не ўважае, хто хваробы не знае; Хворы здароўе хвалиць; Chi ha la salute è ricco e non lo sa; Chi ha la salute non sa il bene che ha; Si conosce quanto vale la salute solo quando non s'ha più; Gesundheit schätzt man erst, wenn man krank wird; Wer Gesundheit entbehrt, für den haben andere Schätze keinen Wert.*

Косвенным подтверждением того, что и русских, и белорусов, и итальянцев, и немцев примерно в равной мере волнует все, что связано со здоровьем и болезнями, являются количественные данные в иных строках Таблиц 3.5 и 3.6. Если проанализировать в этих строках процентные показания, свидетельствующие об активности обращения продуцентов паремий к абстрактному имени концепта «здоровье» / «здароўе» / «salute» / «Gesundheit» и к имени его ценностного антипода «болезнь» / «хвароба» / «malattia» / «Krankheit», а также к терминам *здоровый* и *больной*², то обнаруживается бóльшая степень равновесия показаний, чем в строке «Словарные объединения». При отсутствии существенных различий в процентах термин *здоровье* отмечается в русских и итальянских паремиях, тем не менее, чаще, чем термин *болезнь*, в белорусском – наоборот, немецкие словари разнятся показаниями. Термин *здоровый* также обнаруживает большее число фиксаций, чем термин *больной*, в русских, итальянских и белорусских паремиях; частотность обращения к этим терминам в немецких паремиях примерно одинаково-

¹ Источником proverbialной идеи «здоровье дороже денег / богатства», по всей видимости, является Библия. См.: «Здоровье и благосостояние тела дороже всякого золота, и крепкое тело лучше несметного богатства» (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова 30, 15) [32, с. 87]. Заметим, что когнитивная «дороже богатства / денег / клада» достаточно активно используется для характеристики и иных ценностных сущностей (см. далее).

² Здесь и далее все глагольные вербализации ценностных и соответствующих им антиценностных концептов не принимались во внимание. Такое ограничение было вызвано сохранением единства подхода к анализу ценностных концептов, многие из которых глагольных вербализаций не имеют.

вая (сотые доли процента означают разницу в 2–6 единиц), исключение составил словарь Х. и А. Байер (здесь разница составила чуть более 0,1%).

Подытоживая все наблюдения, касающиеся паремиологической концептуализации ценности здоровья, нужно сказать, что, несмотря на существенные различия, которые выявились в рангах ТО о здоровье в тематически организованных словарях русских, белорусских, итальянских и немецких паремий, здоровье, по признанию носителей каждой из анализируемых культур, относится к числу доминантных ценностей для человека, что следует из самого содержания разноязычных паремий – «здоровье всего дороже».

Удовлетворению важнейших витальных потребностей служит труд человека. «Труд, представляя собой одно из центральных понятий человечества, – пишет Р. М. Скорнякова, – относится к таким явлениям, без рефлексии над которыми сложно составить языковую картину мира любого народа» [292, с. 3]. Повышенный интерес лингвистов к изучению воплощения соответствующего концепта в провербиальных единицах является косвенным свидетельством «выдвижения», «высвечивания» данного концепта в паремиологических картинах мира различных этнических культур: паремии о труде выступают объектом анализа в ряде диссертационных исследований [29; 105; 129; 229; 273; 287; 308; 314 и др.]. В работах, отражающих результаты сопоставительных исследований, отмечается и востребованность паремий о труде в реальных процессах коммуникации, и значительное количество совпадающих микротем разноязычных паремий о труде, и наличие разных типов содержательных корреляций [217; 229; 287]. Известны исследования концепта «труд» и в социокультурном аспекте [75; 292; 293; 294; 338]. Экспериментальные данные, полученные в ходе исследования Т. В. Гонновой, подтверждают ценностное отношение к труду представителей всех участвующих в эксперименте социальных групп, знание испытуемыми прецедентных текстов, в которых находит воплощение концепт «труд», признание истинными паремийных суждений о труде [75]. Близки полученным данным Т. В. Гонновой результаты экспериментов (субъективного шкалирования и свободного ассоциирования) по выявлению степени положительного или отрицательного отношения носителей разных этнических культур к труду, проведенных Р. М. Скорняковой среди русских и немецких респондентов [292, с. 43, 44].

Концепт «труд» / «праца» / «lavoro» / «Arbeit» по своему языковому воплощению в паремиях является самым «размытым» в силу многообразия сфер трудовой деятельности человека, широты самого понятия и разнообразия, неоднородности языковых средств, привлекаемых для его объективации. Даже то, что во всех анализируемых нами языках есть несколько субстантивных обозначений понятия «труд», которые в разной мере привлекаются в качестве строительного материала в паремиологических единицах, существенным образом детерминирует различия в цифрах, отражающих характер объективации концепта «труд» /

«праца» / «lavoro» / «Arbeit» в паремиях. В значительной степени проявился и фактор субъективности в формировании состава паремий, представляющих соответствующие ГО, в тематически организованных словарях. Таким образом, отсутствие корреляции количественных данных, приведенных в Таблицах 3.7 и 3.8, объясняется как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, однако отнюдь не различным отношением продуцентов паремий, представляющих разные этносы, к труду как таковому и не различной мерой значимости соответствующей сущности в коллективном сознании.

Таблица 3.7. – Объективация концептов «труд» / «праца» и «лень» / «лянота» / ¹

Составители		Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
Объем словаря		к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
		33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение		545	1,62	646	6,72	1025	1,46	-	-	459	9,22	748	4,85
Паремии с терминами	<i>труд, дело, работа, трудолюбие</i>	550	1,64	524	5,45	1485	2,12	34	0,92	84	1,69	173	1,12
	<i>трудолюбивый, работающий</i>	3	0,01	4	0,04	3	-	-	-	-	-	1	0,01
	<i>лень, безделье, праздность</i>	32	0,1	42	0,44	128	0,18	1	0,03	6	0,12	8	0,05
	<i>ленивый, бездельник</i>	36	0,11	28	0,29	165	0,24	3	0,08	27	0,54	58	0,38

Таблица 3.8. – Объективация концептов «lavoro» / «Arbeit» и «pigrizia» / «Faulheit»

Составители		Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
Объем словаря		к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
		7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение		135	1,81	124	2,08	1369	4,56	-	-	973	0,39	-	-
Паремии с терминами	<i>труд, дело, работа, трудолюбие</i>	24	0,32	38	0,64	203	0,68	113	0,85	1184	0,47	97	1,11
	<i>трудолюбивый, работающий</i>	-	-	-	-	5	0,02	17	0,13	82	0,03	20	0,23
	<i>лень, безделье, праздность</i>	9	0,12	5	0,08	19	0,06	19	0,14	160	0,06	13	0,15
	<i>ленивый, бездельник</i>	25	0,33	9	0,15	66	0,22	53	0,4	786	0,31	51	0,59

¹ Синюю маркировку получают ячейки в том случае, если название ГО шире понятия, лежащего в основе концепта, включает несколько терминов.

Существенные различия в количестве паремиологических единиц, отнесенных составителями тематически организованных словарей к теме, обозначенной с использованием термина *труд*, обусловлены, прежде всего, различным видением границ темы «Труд» составителями словарей, а также вообще различной степенью дробности тематического членения, предпринятого в том или ином словаре.

В словаре В. И. Даля (с достаточно высокой степенью дробности тематического членения и одноуровневой его организацией) можно выделить несколько ТО, которые могут быть подведены под одну рубрику – пословицы о труде / трудовой деятельности / занятости человека: «Работа – Праздность» (545 ед.), «Ремесло – Снаряд» (101 ед.), «Ремесло – Мастерской» (119 ед.), а также, с некоторой натяжкой, «Торговля»¹ (390 ед.). В сумме это 1155 ед., что составляет 3,42% от общего числа паремий в словаре. Заметим, что эта цифра все же меньше тех значений, которые получают в процентном выражении паремии, представляющие два отдельных объемных ТО (выделяемых на втором уровне членения с последующей частной дифференциацией на подтемы) в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио: «Il lavoro» (Труд) (862 ед.) и «Operosità / pigrizia, ozio» (Трудолюбие / лень, праздность) (507 ед.) – 4,56%, а также тех значений, которые отражают суммарно удельный вес ТО «Праца» (318 ед.), «Лянота, Гультайства. Паразітызм. Няўмельства» (430 ед.) в словаре М. Я. Гринблата – 4,85%. И даже если из состава ТО «Il lavoro» в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио вывести две подгруппы о ремеслах и отдельных профессиях «Mestieri e professioni in generale» (Ремесла и профессии вообще) (147 ед.), «Mestieri e professioni specifiche» (Отдельные ремесла и профессии) (492 ед.), мы получим в остатке по сумме двух ТО «Il lavoro» и «Operosità / pigrizia, ozio» 728 ед. и их удельный вес (2,43% от общего числа паремий) оказывается опять выше, чем удельный вес паремий, составляющих ТО «Работа – Праздность» (1,61% от общего числа паремий) в словаре В. И. Даля. Правда, посредством таких вычетов уравниваются (с небольшой разницей) процентные показатели удельного веса паремий о труде и лени в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио с аналогичными показателями других итальянских словарей: в словаре Дж. Джусти ТО «Ozio, industria, lavoro» (Праздность, мастерство, труд) включает 135 единиц – это 1,81% от общего числа паремий, в словаре Р. Шваменталья и М. Страньеро в ТО «Laboriosità, ozio» (Трудолюбие, праздность) 124 единицы, что составляет 2,08% от всех паремий. Обращает на себя внимание и то, что паремии о ремеслах и различных профессиях в словарях итальянских пословиц Дж. Джусти (180 ед. – 2,41%), Р. Шваменталья и М. Страньеро

¹ Мы намеренно не включаем в данный список имеющееся в словаре В. И. Даля ТО «Земледелие» (597 ед.), так как в большей части взятых нами для анализа тематически организованных словарях (исключение составляют словарь русских пословиц К. Г. Берсеневой и словарь белорусских пословиц Ф. Янковского) паремии о земледелии, сельском хозяйстве составляют отдельные ТО, как правило лидирующие по количеству единиц в общем списке ТО (см. Таблицу 3.1). В словаре В. Боджоне и Л. Массорбио паремии на тему «L'agricoltura e l'allevamento» (Земледелие и животноводство) составляют один из 10 основных разделов, выделяемых на первом уровне тематического членения.

(100 ед. – 1,68%), а также в словаре белорусских пословиц М. Я. Гринблата (298 ед. – 1,93%) составляют отдельные ТО. Как видим, диапазон различий в процентах невелик. В том же диапазоне оказываются процентные данные удельного веса паремий о ремеслах и профессиях (2,15% от всего состава паремий) и в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио. Весьма близкими к показателям итальянских словарей и белорусского словаря М. Я. Гринблата являются проценты, полученные в результате подсчета паремий о труде и разнообразных видах трудовой деятельности человека в словаре силезских пословиц К. Ротера. Паремии о труде и лени в данном словаре представляют два сопряженных ТО: «Arbeit» (Труд) (363 ед.) и «Faulheit» (Лень) (208 ед.) – это 2,45% от всего состава паремий в словаре, а паремии о социальных рангах и профессиях выделены в отдельный раздел «Stände» (Профессии), и их количество составляет 674 единицы – 2,9% от всех паремий.

Существенно выделился из общего ряда словарей по количеству паремий, отнесенных к теме труда, словарь Ф. Янковского – 9,22% от всего свода. Такой большой процент обусловлен, по сути, значительной степенью обобщения паремийных смыслов при группировке паремий автором-составителем в словарные объединения. Использование нескольких терминов в названиях этих объединений является свидетельством, скорее, не «многотемности», а многоаспектности в представлении той или иной сферы жизни человека. Паремии о труде в словаре Ф. Янковского включены в ТО, названное «Праца, працавітасць, умельства, спрактыкаванасць, кемлівасць, дбайнасць, гаспадарлівасць, беражлівасць. 3 народных прыкмет». Действительно, нельзя не согласиться с Ф. Янковским в том, что в паремиях о труде речь идет не столько о самом труде, сколько о характеристиках человека в связи с его отношением к труду. Исследование объективации концепта «труд» в русских паремиях Л. Б. Савенковой является тому подтверждением. Главная задача изречений о труде, по определению Л. Б. Савенковой, «не в том, чтобы охарактеризовать труд, а в том, чтобы выразить отношение людей к труду и труженикам» [272, с. 145]. Как видим, эта содержательная особенность паремий о труде и нашла отражение в названии соответствующего ТО в словаре Ф. Янковского. Оказались включенными в это ТО паремиологические единицы и о сельскохозяйственных работах, а также приметы, связанные с земледелием (как мы уже отмечали выше, в других тематических собраниях народный календарь, народные приметы, определяющие организацию труда земледельца, составляют отдельные ТО).

Высокий процент паремий о труде в словаре К. Г. Берсеневой объясняется как спецификой организации этого словаря (в ячейке указано суммарное число паремий восьми словарных объединений: «Труд» (322 ед.), «Работа» (17 ед.), «Дело» (52 ед.), «Лень» (197 ед.), «Безделье» (8 ед.), «Лодырь» (12 ед.), «Лентяй» (29 ед.), «Праздность» (12 ед.)), так и замыслом составителя – популяризировать в небольшом собрании пословиц и поговорок наиболее значимые в социальном отношении паремийные идеи [31, с. 16].

Если оценивать степень употребительности специальных языковых средств, вербализующих концепт «труд» / «праца» / «lavoro» / «Arbeit» и его антипод в ценностном отношении – концепт «лень» / «лянота» / «pigrizia» / «Faulheit», то здесь мы наблюдаем как относительное равновесие, так и некоторую степень различий в диапазоне 0,1% – 1,5%, объясняемых в большей мере лингвистическими, чем экстралингвистическими факторами. К примеру, в немецком языке для вербализации концепта «Arbeit» в паремиях используются только две субстантивные лексемы, которые можно отнести к ядерным обозначениям данного концепта, – это *Arbeit*, *Werk*, в то время как в остальных – по три лексемы, причем в русских паремиях лидирующим по количеству фиксаций в паремиях оказалось слово *дело*¹ (паремии с употреблением этой лексемы в значении ‘вещь’, ‘поступок’ при подсчетах не учитывались). В словаре В. И. Даля, например, зафиксировано 439 паремий со словом *дело* в значении ‘работа, занятие’, 97 – со словом *работа* и только 14 паремий со словом *труд*; в словаре К. Г. Берсеневой 344 паремии со словом *дело*, 107 – со словом *работа* и 75 – со словом *труд*; в словаре под редакцией В. М. Мокиенко соответственно – 651 – 167 – 60 паремий с данными словами в качестве ключевых, а общее количество фиксаций паремий с данными компонентами в словаре – 1059 – 302 – 124. В словаре К. Вандера, для сравнения, 336 паремий с компонентом *Arbeit* в качестве ключевого слова, 146 – с компонентом *Werk*, количество фиксаций паремий с этими словами во всем словаре соответственно 767 и 263. Если учесть, что по данным тематического словаря К. Ротера удельный вес паремий в соответствующем ТО отнюдь не меньше, чем в русском и в итальянском, – 2,45% (сравн.: 1,62% (В. И. Даль), 2,43% (В. Боджоне и Л. Массорбио)), то различия в количественных показателях, отражающих характер вербализации концепта «труд» / «праца» / «lavoro» / «Arbeit» свидетельствуют о различии в предпочтении в каждом из языков одних средств объективации концепта другим² (к примеру, глагольных – субстантивным или термина *ремесло* термину *дело*, что характерно для итальянского паремийника, в немецком – оба термина фиксируются в паремиях в равной мере, в русском – слово *ремесло* в паремиях отмечается эпизодично). Кроме того, очевидно, что неравномерным может быть соотношение прямых и косвенных способов передачи смысла.

Общей характеристикой всех четырех провербиальных фондов является то, что абстрактное имя ценностного антипода концепта «труд» / «праца» / «lavoro» / «Arbeit», а именно *лень* / *лянота* / *pigrizia* / *Faulheit* малоупотребительно в паремиях, практически не употребляются слова со значением ‘трудолюбивый’, ‘рабо-

¹ Преобладание русских паремий с компонентом *дело* над паремиями с компонентами *работа* и *труд* отмечается и в работе Л. В. Басовой [29, с. 5].

² Особенно это проявляется на фоне того, что парадигма вербализующих данный концепт средств оказывается достаточно широкой (для русского паремийника эта парадигма определена в работе Л. Б. Савенковой [272, с. 142–143]).

тящий», предпочитают косвенные способы обозначения не только работяг, но и лентяев, бездельников.

Для объективации связи содержания паремий с ценностным концептом «дом» / «хата» / «casa» / «Haus»¹, в отличие от вербальных воплощений ценностного концепта «труд», в паремиологических единицах различных языков последовательно используется доминантное имя этого концепта *дом* / *хата* / *casa* / *Haus*. Предметное значение термина *дом* явилось в данном случае определяющим фактором изоморфизма в вербализации соответствующего понятия в паремиях. Несмотря на то что парадигма языковых средств, используемых для воплощения концепта «дом» / «хата» / «casa» / «Haus» в провербиальных единицах, не исчерпывается доминантным именем (в эту парадигму можно включить термины *угол*, *очаг*, *печь*, *семья* и др.), мы ограничиваемся наблюдениями над употреблением только одного термина в паремиях всех четырех языков (по названной выше причине). Передача наречных значений («дома» и «домой») в итальянском, немецком² и отчасти в белорусском языке предложно-падежными группами соответствующих существительных определила включение в подсчеты русских паремий не только с субстантивными, но и с наречными формами. Результаты количественного анализа отражены в Таблицах 3.9 и 3.10.

Таблица 3.9. – Объективация концепта «дом» / «хата»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	241	0,72	8	0,08	265	0,38	-	-	-	-	135	0,88
Паремии с терминами <i>дом</i> , <i>дóма</i> , <i>домой</i>	436	1,3	119	1,24	889	1,27	23	0,62	101	2,03	269	1,74

Таблица 3.10. – Объективация концепта «casa» / «Haus»

Составители	Джусты		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	47	0,63	-	-	990	3,30	-	-	817	0,33	-	-
Паремии с терминами <i>дом</i> , <i>дóма</i> , <i>домой</i>	175	2,34	110	1,85	782	2,61	304	2,03	3245	1,3	143	1,48

¹ Концепт «дом» определяется как один из базовых концептов русской языковой картины мира [71] и в то же время как культурная универсалия [295; 313].

² В немецких паремиях употребляется также лексема *daheim* («дома», «на родине»), существительное *das Heim* («отчий дом») оказалось малоупотребительным.

Причины расхождения показаний тематически организованных словарей по количеству паремий, отнесенных к ТО о доме, те же, что были выявлены нами при анализе воплощений концепта «труд» / «праца» / «lavoro» / «Arbeit», – это несоответствие в определении границ темы, объединение в рамках одного тематического раздела паремий, близких в концептуальном отношении, но все же разнотемных. Например, в словаре В. И. Даля в ТО «Дом – Двор – Хозяйство» включены паремии, судя по названию этого ТО, не только о доме. В словаре В. Боджоне и Л. Массорбио в ТО «La casa» (Дом) одной из пяти групп, выделяемых на нижележащем уровне членения, является группа «Vicini» (Соседи), в иных тематических словарях представляющая, как правило, отдельное ТО. Содержательно же разноязычные паремии, включаемые составителями словарей в ТО о доме, в значительной степени близки: это паремии о любви к своему дому, о главенстве в семье, роли мужчины и женщины в доме, бережливости и расточительстве, трудолюбию и лени хозяев дома, о гостеприимстве, принципах ведения домашнего хозяйства и др. Корреляция представлений о доме и его значимости у носителей разных лингвокультур своеобразно проявилась в практически равной мере обращения к доминантному имени концепта «дом» в паремиях: разница процентных показаний по среднему значению колеблется в рамках 0,2% – 0,9%.

Как показывают лингвострановедческие и лингвокультурологические исследования концепта «дом» в одной или нескольких этнических культурах, ценностная сущность концептуализируемого фрагмента реальной действительности связывается не только со сферой материального, но и идеального: в ценностном отношении к дому проявляется преданность родине, привязанность к родному краю, теплые чувства к родным, ностальгическое желание вернуться в прошлое – к уюту, умиротворению и др.¹ Этим объясняется ассоцирование дома с теплом, семьей, защитой и пр. Если идеальная значимость дома связывается с притязаниями человека принадлежать тому или иному коллективу, то осмысление материальной значимости дома характеризует человека в устремлениях иной направленности. Дом как жилище в оценке человека ассоциируется с рачительностью его хозяев и, конечно же, с достатком.

Концепт «достаток» в паремиях, как правило, не объективируется посредством использования соответствующего абстрактного имени. Мы обратились к данному концепту, ориентируясь на собрание русских пословиц В. И. Даля, в котором ТО «Достаток – Убожество» занимает 3-ю позицию в ранжированном ряду всех тематических объединений словаря. В других словарях для наименования объединений пословиц и поговорок о материальном благополучии / неблагополучии использовались иные термины, а именно: *богатство*, *бедность*: см. в словаре К. Г. Берсеневой ТО «Богатство, Бедность» (5-я

¹ Анализу понятийной сферы «дом», воплощений концепта «дом» в языке и текстовом пространстве культуры посвящен ряд исследований [35; 58; 71; 257; 276; 295].

позиция), в словаре М. Я. Гринблата ТО «Беднасць. Жабрацтва. Багацтва. Сацыяльна-маёмасная няроўнасць» (5-я позиция), в словаре Ф. Янковского «Сацыяльная няроўнасць і несправядлівасць у мінулым, узаемаадносіны паміж беднымі і багатымі» (3-я позиция), в словаре Дж. Джусты «Povertà, ricchezza» (Бедность, богатство) (8-я позиция), в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио ТО «Ricchezza / povertà» (Богатство / бедность) (10-я позиция). В словаре К. Ротера, в отличие от других тематических собраний, паремии о богатстве и бедности представляют два отдельных ТО «Reichtum. Überfluß» (Богатство. Изобилие) и «Armut. Not. Betteln» (Бедность. Нужда. Нищенство), есть также ТО «Geld» (Деньги), если суммировать паремии трех ТО, то это оказалась бы 7-я позиция в ранжированном ряду ТО данного словаря.

Исходя из того, что наиболее регулярными языковыми средствами объективации представлений о материальном состоянии человека в паремиях являются слова со значением 'деньги', 'богатый', 'бедный', контент-анализ осуществлялся на материале паремий с соответствующими лексемами в качестве компонентов. В силу того, что в разных языках по-разному распределялись проценты между синонимичными обозначениями понятия «бедный», при подсчетах принимались во внимание также слова со значением 'нищий', 'убогий'. Для выяснения активности обращения продуцентов паремий к абстрактным обозначениям соответствующих понятий были совершены подсчеты паремиологических единиц с терминами *богатство, бедность, нищета, нужда*. Таким образом, воплощение в паремиях ценностного концепта *достаток* было проанализировано посредством анализа объективации концептов-спутников *деньги, богатство, бедность*.

Наибольший процент употреблений в паремиях из выбранных нами языковых средств, вербализующих представление о материальном состоянии человека, показал термин *деньги*. Результаты подсчетов отражены в Таблицах 3.11 и 3.12.

Таблица 3.11. – Объективация концепта «деньги» / «грошы»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	-	-	36	0,37	578	0,83	-	-	-	-	-	-
Паремии с термином <i>деньги</i>	526	1,57	86	0,89	1117	1,6	29	0,78	64	1,29	273	1,77

Таблица 3.12. – Объективация концепта «soldi» / «Geld»

Составители	Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	-	-	67	1,12	-	-	-	-	1580	0,63	-	-
Паремии с термином <i>деньги</i>	101	1,35	57	0,96	415	1,38	202	1,53	2474	0,99	71	0,82

Как видно из Таблиц 3.11 и 3.12, в большинстве тематически организованных словарей (исключение составили словарь К. Г. Берсеневой, совмещающий в себе тематический и стержневой принципы организации, словарь Р. Шваменталья и М. Страньеро) отсутствуют ТО, названные с привлечением термина *деньги*. В словаре Р. Шваменталья и М. Страньеро паремии ТО «Denaro» составляют 1,12% от всего состава паремий, данное ТО оказывается почти в два раза меньшим по объему ТО о труде и лени (2,08%). То же самое можно сказать и о словаре К. Ротера: в этом словаре есть ТО «Geld» и паремии данного ТО составляют 1,17% от всего состава паремий, а паремии о труде и лени – 2,45%. Проценты, показывающие удельный вес паремий с термином *деньги* в качестве стержневого слова, также невелики: в словаре под редакцией В. М. Мокиенко – 0,83%, в словаре К. Вандера – 0,63%. Однако эти показатели пропорционально больше показателей удельного веса паремий с иными терминами, выступающими в качестве ключевых слов: в два раза по количеству паремий с термином *дом* (сравн.: соответственно 0,38% и 0,33%), в четыре раза – со стержневыми словами, объективирующими ценность здоровья (сравн.: соответственно 0,21% и 0,15%). Если для словаря русских паремий процент паремиологических единиц со стержневым словом *деньги* незначительно выше процента паремий со стержневым словом *хлеб*, то в словаре немецких паремий провербиальные единицы со словом *Geld* в качестве стержневого компонента превосходят по численности паремии со стержневым словом *Brot* в два с половиной раза.

Интересно, что и в словаре русских пословиц под редакцией В. М. Мокиенко, и в словаре немецких провербиальных выражений К. Вандера объединения паремий со стержневым словом *деньги* / *Geld* относятся к числу наиболее объемных словарных объединений, превосходя по количеству единиц, к примеру, паремии с тем или иным стержневым словом-соматизмом. Паремии с соматизмами, как правило, многочисленны в любом провербиальном своде, в силу того что наименования частей тела издревле использовались человеком как инструмент «познания» и описания мира – универсальный лингвокультурный код¹.

¹ Метафоры-соматизмы относятся к числу когнитивных и являются теми метафорами, которыми, по образному выражению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «мы живем» [176].

Сравн.: в словаре В. М. Мокиенко 578 паремий со стержневым словом *деньги* и 398 со стержневым словом *голова*, 371 со стержневым словом *рука*; в словаре К. Вандера 1580 паремий со стержневым словом *Geld* и 889 со стержневым словом *Kopf*, 1017 со стержневым словом *Hand*. Если мы будем сопоставлять вообще количество паремий с термином *деньги* с количеством паремий, имеющих в своем составе соматизмы, то здесь показания оказываются различными, во всех сопоставляемых словарях, кроме словаря В.И. Даля, число паремий с термином *деньги* оказалось превосходящим число паремий с терминами *голова* и *рука*. Сравн.: в словаре В. И. Даля 526 паремий с компонентом *деньги* (и дериватами этого слова) и 590 с компонентом *голова*, 618 с компонентом *рука*; в словаре М. Я. Гринблата 273 паремии с компонентом *грошы* и 224 паремии с компонентом *галава*, 246 – с компонентом *рука*; в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио 415 паремий с общими наименованиями денежных единиц (*denari, soldi, danari* (устар.)) и 301 паремия с компонентом *testa / capo*, 382 – с компонентом *mano / braccio*; в словаре К. Зимрока 202 паремии с компонентом *Geld* и 83 – с компонентом *Kopf*, 141 – с компонентом *Hand / Arm*.

Не следует полагать, разумеется, что значительное количество паремий с термином *деньги* во всех четырех провербальных фондах и относительное «единодушие» продуцентов паремий в обращении к соответствующим лексемам при моделировании ценностной картины мира (разница по среднему значению приведенных в Таблицах 3.11 и 3.12 процентных данных для русских, белорусских, итальянских и немецких паремий составляет всего 0,1% – 0,2%) является свидетельством преимущественной ориентации человека на материальные ценности.

Наличие в русском паремийнике выражений *Не штука разум, штука деньги* и *Не штука деньги; штука разум* является яркой иллюстрацией своеобразия паремиологического картирования мира, в котором одни и те же сущности могут наделяться противоположными эвалюативными значениями и одни и те же языковые средства могут быть использованы для выражения противоположных ценностных смыслов.

Действительно, одни паремии с термином *деньги* утверждают ценность денег, их «силу», «могущество», говорят о преимуществах, которые обеспечиваются наличием денег, «невыгодах» отсутствия денежных средств: *После Бога – деньги первые; Денег наживешь – без нужды проживешь; Без денег как без рук; Без денег – везде худенек; 3 грашыма ўсюды добра; Без нужды пражывеш, калі грошай нажывеш; Грош і зімою грэе; Грошы камень б'юць; Без грошы, за кукіш нічога не купіш; Паехаў бы на кірмаш, ды грошай нямаш; I danari sono il secondo sangue; I soldi son la chiave del paradiso; Sanità senza quattrini è mezza malattia; Senza danari non si canta messa; Il denaro apre tutte le porte; Amor fa molto, il denaro tutto; Col denaro si ottiene tutto; Gelt ist der Leut Leben; Das Geld heilt alle Wunden; Geld macht schöne Leute; Wer Geld genug hat, der kauft, was er will; Geld, Weisheit und Gesund-*

heit sind gut zur Winters und Sommerszeit; Geld regiert die Welt; Dem Gelde öffnet sich auch ein eisern Tor. Такие паремиологические единицы отражают естественное желание человека иметь деньги, жить в достатке, и это желание детерминирует положительное отношение к деньгам. Осмысление ценности денег может быть окрашено и иными тональностями, обусловленными тем, что деньги, обладая несомненно положительной значимостью для человека, вносят дисбаланс в идеальную картину мира, отражающую стремление человека к торжеству справедливости: *Хорошо тому щеголять, у кого деньги гремят; При деньгах Панфил всем людям мил; без денег Панфил никому не мил; При деньгах-то и дурак умный; За деньги и поп спляшет; Где деньги, там и честь; Где говорят деньги, там молчит совесть; Где говорят деньги, там правды не ищи; Хто з грошима – той і пан; Праўда ў тых, хто грошы мае; Бог за таго, у каго грошы; Будзе чэсць, калі грошы есць; За грошы і дурань харошы; La legge è uguale per tutti, ma chi ha denari se ne fotte; Chi ha denari e prati, non son mai impiccati; Se il culo avesse i soldi si chiamerebbe «Signor Culo»; Wo Geld gezählt wird, sehen auch Blinde; Für Geld kann man den Teufel tanzen sehen; Gelt erhebt die Narren und Toren und werden durch Gelt den weisen und klugen vorgezogen; Eine Hand voll Geld ist schwerer als ein Sack voll Recht und Wahrheit; Das Geld macht stumm und Gerades krumm; Geld macht den Schuft zum Tugendheld.*

В других же паремиях ценность денег игнорируется и термин *деньги* используется для утверждения приоритета иных ценностей – разума, чести, славы, правды, мужества, доброты, красоты, здоровья, супружеского счастья, покладистости, верности, дружбы, любви и др.: *Не деньги богатство – бережливость да разум; Деньги потеряешь – можно нажить, а совесть потеряешь – беду узнаешь; Денег ни гроша, да слава хороша; Много деньги могут, а правда – все; Хоть денег ни гроша, да походка хороша; Здоровье дороже денег; Деньги – прах, одежда – тоже, а любовь всего дороже; Друг денег дороже; Не в деньгах счастье, а в добром согласье; Праўда даражэй за грошы; Не той бедны, хто грошай не мае, а той, хто душы не мае; Без шчасця не будзе багацтва, а за грошы шчасця не купіш; Грошы згубіў – нічога не згубіў, здароўе згубіў – палавіну згубіў, розум згубіў – усё згубіў; Мільша здароўе, ніж грошы; Хоць грошай ні гроша, затое слава хароша; На што грошы, калі мужык харошы; З разумнымі дзеткамі і без грошай хораша; Val più avere amici in piazza, che danari nel la cassa; È meglio avere una donna bella che i soldi nel sacco; Ein guter Name ist besser als Bargeld; Treu und Glauben ist besser als bares Geld; Der ist recht edel in der Welt, Der Tugend liebt und nicht das Geld; Es ist besser ein Sack voll Gunst als ein Sack voll Geld; Geld verloren, nichts verloren, Mut verloren, viel verloren, Ehre verloren, alles verloren; Ein gutes Weib ist köstlicher als Geld; Besser mit einem armen*

*Weibe trocken Brot essen, als es bei einer reichen mit Zankbutter streichen; Besser in der Tasche kein Geld als ohne Freund in dieser Welt*¹.

В паремиях всех четырех языков подчеркивается, что наличие денег не может компенсировать интеллектуальную неполноценность человека: *Денег много, да разума нет; Богатый на деньги, убогий на выдумки; Розуму грашыма не замениш; Сам хорошы, а розуму няма і на два грошы; Buoni zoccoli e buon cappello, di molti denari e poco cervello; Viel Geld, wenig Verstand*. И если ценность денег для человека становится приоритетной, то это вызывает осуждение. Осуждается безрассудное стремление человека к накопительству, «неправедные» способы добывания денег, меркантильные устремления; выражается предупреждение о том, что наличие денег, и особенно больших денег, может оказывать негативное влияние на человека, и др.: *В гроб смотрит, а деньги копит; Денег накопил, да дури накупил (да черта и купил); Неправедная деньга – огонь; Прибыло денег на рубль, да спеси на два; Денежка беду творит; Деньга и пона в яму заведет; Хоць бы свіння лыса, абы грошай міса; Кожны гад чужому грошу рад; У грошай вачэй няма; За грош задавіцца гатоў; Denaro fa l'uomo avaro; Troppi soldi, si rovina la gente; Chi cerca soldi, cerca la morte; Chi spera nei soldi degli altri, muore cacando; Danaro e cappa lunga nasconde ogni vergogna; I signori non possono avere due cose insieme, giudizio e quattrini; Chi ha quattrini, non ha cuore; Soldi non fanno la felicità; Der Geiz wächst mit dem Gelde; Geld ist dem Armen eine Lust und dem Geizhals eine Last; Geld ist blind und macht blind; Geld bringt in die Hölle, aber nicht wieder heraus; Geld macht nicht glücklich*. Такие паремии в своих предельных смыслах являют попытку «выпрямить» кривое в человеке, подтвердить то, что естественной для человеческой природы является ориентация на ценности, которые действительно «дороже денег», это – умеренность, благоразумие, совесть, скромность, душевное спокойствие, жизнь, счастье.

В совокупностях паремий с термином *деньги* отражается целый ряд отношений, раскрывающих и одновременно формирующих определенные социальные установки. В качестве ориентира человеку вменяется, во-первых, то, что отношение к деньгам должно быть беспристрастным, граничащим, по сути, с киническим отношением, так как покой и отстраненность от брэнного, суетного мыслится выше всех благ: *Без денег сон крепче; Не в деньгах счастье; Кто грошай не мае, той спакойна спиць; Без грашэй харашэй; Wenig Geld, wenig Sorge*. Такая установка формируется, скорее всего, с целью успокоения / самоуспокоения тех, кто составляет неизменное большинство общества. Во-вторых, вменяется столь же верная и константная в своей основе ориентация на трудовой способ достижения материального благополучия, рациональность в трате заработанного. Именно так

¹ Здесь и далее в списках сопоставляемых паремий нередко отмечаются эквивалентные единицы, мы не заостряем внимания на происхождении данных единиц, поскольку в отношении нашего исследования важен сам факт наличия аналогичных и тождественных по содержанию proverbialных выражений в разноязычных паремиологических фондах.

решается в паремиях вопрос о том, как достичь гармонии в материальном бытии: *Заря деньги дает; Трудовая денежка всегда крепка; Тот без нужды живет, кто деньги бережет; Будзем мы, будущь i грошы; Хлеб дзяржы, а грошы беражы; Per avere un soldo bisogna sudarlo; È meglio un soldo di buon acquisto, che mille d'imbrogli; Ogni colpo di zappa è un soldo che non scappa; Spendì sempre un soldo di meno di quello che guadagni; Schmutzige Arbeit; Geld will einen guten Vormund haben.* В подобных паремиях утверждается ценностный смысл труда, надежности, честности, умеренности.

Таким образом, объективация когнитивных признаков, которыми обладает концепт «деньги» / «грошы» / «soldi» / «Geld» в обыденном сознании, позволяет выстраивать ценностные иерархии, а следовательно, ориентировать человека в ценностной картине мира в соответствии с принятыми в данном социуме нормами и предпочтениями¹.

Многие паремии с термином *деньги*, как мы уже отмечали выше, отражают переживание человеком несправедливости, связанной с распределением материальных благ (см. меткое немецкое изречение *Das ist das Leiden in der Welt, der eine hat den Beutel, der andere das Geld*). Как правило, в структуре таких паремий есть компоненты со значением 'богатый', 'бедный' либо 'богатство', 'бедность'. Действительно, материальное благополучие человека, наличие либо отсутствие достатка неизменно связывается с соответствующими понятиями. Ниже, в Таблицах 3.13 и 3.14, отражены количественные показатели фиксации в паремиологических единицах терминов *богатство, бедность, богатый, бедный, нищий, убогий*.

Таблица 3.13. – Объективация концептов «богатство» / «багацце» и «бедность» / «беднасць»

Составители		Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
Объем словаря		к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
		33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение		1034	3,08	230	2,39	692	0,99	-	-	292	5,86	515	3,34
Паремии с терминами	<i>богатство</i>	53	0,16	26	0,27	174	0,25	1	0,03	14	0,28	6	0,04
	<i>богатый</i>	177	0,53	40	0,42	632	0,90	25	0,67	53	1,06	202	1,31
	<i>бедность, нищета, нужда</i>	154	0,46	30	0,31	380	0,54	4	0,11	4	0,08	7	0,05
	<i>бедный, нищий, убогий</i>	225	0,67	32	0,33	480	0,69	26	0,7	45	0,9	126	0,82

¹ К аналогичным выводам приходит М. А. Бредис в результате исследования русских, латышских, литовских, немецких и английских паремий [44; 45].

Таблица 3.14. – Объективация концептов «ricchezza» / «Reichtum» и «povertà» / «Armut»

Составители		Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
Объем словаря		к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
		7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение		157	2,10	121	2,03	763	2,54	-	-	1998	0,8	-	-
Паремии с терминами	<i>богатство</i>	14	0,19	18	0,3	80	0,27	33	0,25	349	0,14	21	0,24
	<i>богатый</i>	41	0,55	44	0,74	169	0,56	103	0,78	1506	0,6	65	0,75
	<i>бедность, нищета, нужда</i>	21	0,28	27	0,45	89	0,3	175	1,32	1373	0,55	64	0,74
	<i>бедный, нищий, убогий</i>	78	0,98	45	0,76	375	1,25	196	1,48	2529	1,01	63	0,72

Сразу акцентируем внимание на том, что во всех тематически организованных словарях отмечается наличие ТО о богатстве и бедности и, как правило, с сопряжением в названии ТО абстрактных имен двух противоположных по содержанию концептов. Более того, эти ТО оказываются объемными (о чем свидетельствуют и их позиции в ранжированных списках) во всех взятых для анализа словарях (см. Таблицы 3.13 и 3.14). Разница по среднему значению процентных показателей объема ТО в собраниях русских, белорусских и итальянских паремий, а также с учетом показаний словаря силезских паремий К. Ротера¹ составляет 0,1% – 2,1%. Верхняя граница разницы получилась высокой из-за выбивающихся из общего ряда количественных данных белорусских сборников паремий. Примем к сведению, что границы соответствующего ТО в словаре белорусских пословиц и поговорок Ф. Янковского определены составителем шире, чем в других словарях: в ТО «Сацыяльная няроўнасць і несправядлівасць у мінулым, узаемаадносіны паміж беднымі і багатымі» вошли, помимо паремий о бедных и богатых, паремиологические единицы о панах, царях и о службе. Разница же между русскими, итальянскими и немецкими провербиальными собраниями незначительна: 0,1% – 0,4%.

При более подробном анализе разноязычных паремиологических словарей вскрывается ряд количественных характеристик, которые, на наш взгляд, оказываются значимыми для выявления закономерного и специфичного в отражении ценностных предпочтений, детерминированных отношением к

¹ В словаре К. Ротера число паремий по сумме двух тематических объединений «Reichtum. Überfluß» (90 ед.), «Armut. Not. Betteln» (188 ед.) составляет 1,2%, а вместе с паремиями, образующими ТО «Geld» (271 ед.), – 2,36% от всего состава паремиологических единиц в словаре.

материальным ценностям вообще и богатству и бедности в частности. В словаре В. И. Даля есть три ТО, в которые включены паремии, отражающие представления о материальном состоянии человека: «Богатство – Убожество», «Богатство – Достаток», «Достаток – Убожество». В сумме паремии данных ТО составляют 1034 единицы, что оказывается больше числа паремий в ТО «Толк – бестолочь» (1020 ед.) и ТО «Месяцеслов» (1001 ед.), являющихся абсолютными лидерами в ранжированном списке всех ТО. Обращаем внимание и на тот факт, что в структуре словаря ТО паремии о материальном состоянии человека отнесены к началу собрания и следуют сразу за тематическими объединениями о Боге, вере, судьбе, терпении, надежде, счастье и удаче. Едва ли это является случайным, вероятно, есть некоторая связь между замыслом составителя словаря и идеей, отраженной в русской паремии *После Бога – деньги первые*. Примечательно также, что в словаре В. И. Даля обнаруживается меньшее количество паремий с компонентом *богатый, богач*, чем паремий с компонентом *бедный, бедняк, нищий, убогий* и иными синонимическими обозначениями малоимущего человека. То же самое соотношение характерно и для других паремиологических словарей XIX века (см. Таблицы 3.13 и 3.14)¹. В словаре тосканских пословиц Дж. Джустини зафиксировано в два раза меньше паремий с компонентом *ricco*, чем паремий с лексемами, обозначающими бедного, неимущего человека. Аналогична пропорция количественных показателей и в словаре немецких пословиц К. Зимрока, близка – в словаре К. Вандера. Пропорция сохраняется и при обращении к данным тематически организованного словаря, в котором паремии о богатстве и бедности составляют отдельные ТО: в словаре силезских пословиц К. Ротера ТО «Reichtum. Überfluß» (90 ед.) в два раза меньше по объему, чем ТО «Armut. Not. Betteln» (188 ед.).

В современных малых собраниях паремий, например, в словаре К. Г. Берсеневой, словаре Х. и А. Байер, паремии с термином *богатый* характеризуются небольшим численным перевесом в сравнении с паремиями, в которых отмечается термин *бедный*. В словаре Р. Шваменталя и М. Страньеро наблюдается обратное соотношение с разницей в одну паремию. В современных объемных словарях показатели различны. В «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко, включающем значительное количество пословиц «нового времени»², количество паремий со стержневыми словами *богатый, богач* (163 ед.) практически такое же, как и количество паремий со стержневыми словами, обозначающими бедного, неимущего человека (161 ед.), однако количество фиксаций паремий со словами *богатый, богач* превышает количество фиксаций

¹ С. Б. Куцый в результате исследования специфики концептов «богатство» и «бедность» в русской и английской лингвокультурах приходит к аналогичным выводам. Концепт «бедность» в обоих языках, по наблюдениям С. Б. Куцый, воплощается в большем количестве идиом, чем концепт «богатство» [174].

² Целью составителей данного словаря было создать максимально полную коллекцию русских паремий, которая охватывала бы собрания предшественников и в то же время отражала результаты процесса обогащения русского proverbialного фонда в настоящее время [225, с. 6].

паремий с компонентом *бедный, бедняк, нищий* и другими синонимическими лексемами в 1,3 раза. В словаре итальянских пословиц В. Боджоне и Л. Массорбио, более традиционном по своему составу, сохраняются пропорции словарей XIX века – паремий с компонентом *ricco* в два раза меньше, чем паремий с компонентами *povero, misero*.

Не проявилась отмеченная для современных паремиологических словарей тенденция равновесной представленности паремий с термином *богатый* и паремий с термином *бедный* в белорусских собраниях паремий. Объяснить это можно, по-видимому, временем издания словарей. Первое издание словаря Ф. Янковского датируется 1957 г., второе, дополненное, – 1962 г.; словарь белорусских пословиц и поговорок, составителем которого является М. Я. Гринблат, был опубликован в 1976 г. К числу современных словарей относить эти словари сложно, тем более что оба словаря несут очевидную «печать» эпохи: например, в названии тематического объединения о богатстве и бедности Ф. Янковский акцентирует внимание на том, что содержание паремий о социальном неравенстве и несправедливости, о взаимоотношениях между бедными и богатыми следует связывать с «минулым» веком. И в словаре Ф. Янковского, и в словаре М. Я. Гринבלата оказалось больше паремий с термином *богатый*, чем паремий с термином *бедный*, причем на фоне описания всех преимуществ, которыми обладают богатые, и тех бед, лишений и несправедливостей, которые преследуют бедных, доминирующим все же является выражение негативного отношения к богатым, подразумевающее отрицание богатства как высшего блага. Сравн.: *Багатага і Бог любіць; Багатаму і чорт у кашу маслам кідае; Багатаму і ў пекле добра; Багаты і ў будні святкуе, а бедны і ў свята гаруе; Багатаму і ў полі родзіць, і ў хлеве плодзіць, а беднаму дзе ні кінь, то клін; Як багаты памрэ, і апошні з хаты прэ, а як бядняк-худачок – толькі попik ды дзячок; Бедны пот лье, а багаты яго кроў п'е; Багаты багацей – не чалавек, а сто чарцей; Багаты абы-што хапае, бо свайго ліку не мае; Лепей ад беднага добрае слова, як ад багатага падмога; Багаты зажабруе, а каваль запануе; У багача багата багацця, да шчасця няма; Не ганіся за багаццем, а за шчасцем.*

Аналогичные мотивы находят отражение в паремиях иных языков, то есть и в русском, и в итальянском, и в немецком провербиальных сводах (нет сомнений, что и в провербиальных сводах других лингвокультур тоже) есть паремии, в которых богатые получают негативную оценку, а по отношению к обездоленным выражается сочувствие: *У богатого богатины пива-меду много, да с камнем бы его в воду; Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатину проклинаям; Убогий мужик и хлеба не ест; богатый – и мужика съест; Бедному жениться – и ночь коротка; Il ricco è come il porco: buono dopo morto; La forza è fatta per i poveri; Morì il povero, nessuno lo sentì; morì il ricco, il corno sonava; Povero il povero: se ha la vacca, non ha il fieno; se ha il fieno, non ha la vacca; Il pane del povero è sempre duro; Der Reichen Schätzung ist: die Armen müssen die Haut; Die Armen helfen die Füchse fangen,*

die Reichen in den Pelzen prangen; In der Not schmeckt jedes Brot; Den Armen friert überall; Bekommt der Arme ein Stück Brot, so reißt es ihm der Hund aus der Hand. Однако есть такие паремии, в которых бедность осуждается, определяется как крайнее зло, вызывает скептическое отношение: *Бедность не порок, а большое свинство; Богатство пред Богом великий грех, а бедность перед людьми; Povero è il Diavolo; È meglio puzzare di morto che di povero; Besser als Bettler sterben, denn leben als Bettler; Armut ist keine Schande, aber ein leerer Sack steht nicht gut aufrecht.*

Если в очень сжатом виде охарактеризовать содержание русских, белорусских, итальянских и немецких паремий о богатых и бедных, шире – о богатстве и бедности, с точки зрения выражаемого в них отношения к изобилию материальных средств или к их недостатку, полученные формулировки окажутся противоречивыми, но не противоречащими логике здравого смысла – «богатство хорошо и плохо», «бедность плохо и хорошо». С одной стороны, каждый хотел бы стать богатым и пользоваться многими благами, обеспечиваемыми наличием денег, поэтому в любом провербиальном фонде есть паремии, говорящие о том, как хорошо быть богатым, какие преимущества дает богатство, в каких случаях обычно богатство предпочитается иным благам: *Богатому не что деемся: живет да греется; Богатому завсе праздник; У богатого всё сладко, всё гладко; У богатого всякий волос в масле, а у бедного и в кашу нет; В бедности и краса не краса, а в богатстве и уродство за сладость пойдет; Мужык багаты – яму добра, сабака кудлаты – яму цёпла; Калі багат, то мой брат, калі худы, то адыдзі туды; Хоць кульгавы, хоць насаты, але хітры і багаты; Хоць гарбаты, ды багаты; Chi è ricco, ha ciò che vuole; Meglio ricco e sano che non povero e malato; Senza ricchezza, niente bellezza; Reiche Leute haben fette Katzen; Das Leben ist den Reichen lang, den Armen kurz; Reiche essen, wann sie wollen, Arme, wann sie was haben; Lieber reich und gesund als arm und krank.* А с другой стороны, всем известно, что богатство предъявляет человеку свои счета, оплата которых может стоить веры, дружбы, спокойствия, здоровья, жизни, более того, богатство тленно и не является залогом счастья как высшего блага. Паремии напоминают человеку об этом: *Богатому ни правды, ни дружбы не знавать; В аду не быть – богатства не нажить; Богатому не спится: богатый вора боится; Нищий болезней ищет, а к богатому они сами идут; Богатство родителей – порча детям; В богатстве сыто брюхо, да голодна душа; У багатага сума не сходзіць з вума; La ricchezza non s'acquista senza fatica, non si possiede senza timore, non si gode senza peccato, non si lascia senza dolore; Ricchezza poco vale a quel che l'usa male; Abito lungo impaccia il corpo, ma la ricchezza impaccia l'anima; Chi compra ricchezze, compra tristezze; Prima ricco, e poi borioso; Ricchezza genera superbia; La ricchezza: o rubasti, o incornasti, o ereditasti; Reichtum stiftet Torheit; Wer reich ist, der hat viel Neider, Sorg und Fahr; Die da reich werden wollen, fallen in des Teufels Stricke; Heute reich, Morgen eine Leich; Erst reich werden, dann Gott dienen; Reichtum allein macht nicht glücklich.*

На фоне многочисленных паремий о недоброй участи бедняков, о негативном влиянии бедности на человека выделяется целый ряд паремий, в которых утверждается, что бедность, нужда, в отличие от богатства, не лишает человека истинных достоинств, кроме того, может характеризоваться положительными следствиями, делает человека жизнестойким и истинно богатым в чем-то другом: *Нужда вежлива, голь догадлива; Богат, да крив, беден, да честен; Убожество учит, богатство пучит; Бедности человека научат и мудрости; Беднота не адбярэ ні чэсці, ні вума; Бедны да беднага горнеца, а багаты ад каго хочаш адвернеца; Povertà, madre di sanità; Povertà non è vizio; Povertà non è peccato; Non è disonestà confessar la povertà; Povertà non guasta gentilezza; Povertà insegna tutte le arti; Armut erfährt viel; Armut findet alle Weg und Stege; Armut schändet nicht, aber Laster schänden; Not lehrt den Affen geigen; Not lehrt auch den Lahmen tanzen.*

Естественно, что бедность не может стать тем, к чему человек будет стремиться, ценными являются только некоторые аспекты бедности и паремии о «пользе» бедности созданы, скорее, для оправдания / самооправдания или утешения тех, кто беден. Какой же рациональный вывод тогда должен сделать обыватель исходя из содержания паремий о богатстве и бедности?

Имплицитированный предельный смысл рассмотренных здесь паремий о богатстве и бедности (если представить совокупность таких паремий в каждой из лингвокультур в виде своеобразного гипертекста) при всех «колебаниях» маятника оценок и предпочтений можно сформулировать следующим образом: не нужно стремиться к богатству как к высшей ценности и уж тем более не следует делать стремление к богатству смыслом жизни. Для носителей обыденного сознания очевидно, что богатыми не могут быть все: *Каб былі ўсе багаты, то Бога забылі б* – говорят белорусы. Что же тогда должно стать нормой и в этом смысле ценностью? Немцы, прилежные во всем, предлагают готовое решение проблемы выбора жизненного ориентира, связанного с материальными ценностями, рекомендуя следовать принципу «золотой середины» – *Zwischen Armut und Reichtum ist das beste Leben*. Итальянцы намекают на то, что можно быть одновременно богатым и честным и путь к такому богатству возможен только через преодоление трудностей: *Alleva i tuoi figli poveretti, se tu li vuoi ricchi e benedetti*. Белорусы признаются в том, что стремление человека к достатку, согласно их менталитету, не подразумевает нанесения вреда иному человеку: *Ці бедны, ці багаты, абы нікому не вінаваты*. Русские (как, впрочем, и немцы) ищут богатство внутри себя, в душевном равновесии, поддерживаемом умением довольствоваться малым: *Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад; Тот счастлив, у кого есть хлеба с душой, платья с тушой, денег с нуждой* (сравн.: *Zufriedenheit ist der größte Reichtum*). В качестве альтернативных материальному богатству ценностей, предлагаются, с одной стороны, бережливость, умеренность, организованность, усердие, трудолюбие как инструментальные ценности, ориентация на которые гарантирует

человеку необходимый для жизни достаток: *Бережливость дороже богатства; Uomo sollecito non è mai povero; Fleiß bringt Brot, Faulheit Not; Fleißige Hand macht reich*; с другой стороны, – честь, добрая репутация, знание, дружба, любовь, счастье, здоровье – все, что делает гармоничным внутренний мир человека: *Лучше быть честным бедняком, чем богатым подлецом; Добрая слава дороже богатства; Знание лучше богатства; Доброе братство дороже всякого богатства; Лучше в бедности, да с милым, чем в богатстве, да с постылым; Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным; Счастье лучше богатства; Добрая слава лени за багацце; Не ганіся за багаццем, а за шчасцем; È meglio aver buon nome, che molte ricchezze; Meglio un amico, che cento parenti, pure ricchi e potenti; La salute val più della ricchezza; Besser arm in Ehren als reich mit Schanden; Ein guter Name ist besser als Reichtum; Kenntnis geht über Reichtum; Freiheit geht über allen Reichtum.*

Возвращаясь к комментариям количественных показателей, данных в Таблицах 3.13 и 3.14, заметим, что абстрактные имена концептов «богатство» и «бедность» в паремиях отмечаются реже, чем атрибутивные имена, называющие человека как носителя того или иного свойства. В различных пропорциях в каждом конкретном языке и в различных языках паремии с термином *богатство* уступают по своему количеству паремиям с терминами *бедность, нищета, нужда* (исключение составил словарь Ф. Янковского). Наибольший разрыв в количестве единиц показал немецкий провербиальный фонд: паремий с термином *богатство* в 3–5 раз меньше, чем паремий с термином *бедность*. Таким образом, судя по этим количественным данным, можно прийти к выводу, что отсутствие достатка волнует продуцентов паремий в большей степени, чем богатство и изобилие средств к существованию. Архаичностью базового состава паремийных сводов в любой из лингвокультур, прикрепленностью к временам, в которые наиболее явным было социальное неравенство, наиболее разительным отличие между бедными и богатыми и наиболее остро стояла проблема отсутствия достатка¹, по-видимому, и следует объяснить выявленные в провербиальных фондах пропорции между паремиологическими единицами о богатстве и бедности, о богатых и бедных.

Доминантные лексемные репрезентации концептов «богатство» и «бедность» в паремиях употребляются в основном для оценки материального, а не духовного. Тем не менее и эпизодичные «вкрапления» терминов *богатый, богатство*, функционирующих в переносном значении, проливают свет на истинные

¹ Косвенное подтверждение этого можно усматривать, например, в более высокой частотности термина *нужда* по сравнению с термином *бедность* в русских и немецких паремиях. В словаре В. И. Даля зафиксированы 91 паремия с компонентом *нужда*, 23 с компонентом *нужа* и только 21 паремия с компонентом *бедность*, в словаре под редакцией В. М. Мокиенко 202 паремии со стержневыми словами *нужда* и *нужа* и 46 – со стержневым словом «бедность», в словарях немецких пословиц «разрыв» в количестве паремий меньший: в словаре К. Зимрока 94 паремии с компонентом *Not* (нужда) и 82 с компонентом *Armut* (бедность), в словаре К. Вандера 399 паремий со стержневым словом *Not* и 329 – со стержневым словом *Armut*; общее же количество фиксаций в этом словаре паремий с компонентом *Not* (в качестве стержневого и не стержневого слова) – 887, а с компонентом *Armut* – 486. Слово *Not* в немецких паремиях используется преимущественно в значении ‘нужда’, реже в значении ‘беда’.

человеческие ценности: *У умного богатство – полная душа, а у денежного дурака – нет ни гроша; Мужык думками багат; Не то багацце, што ляжыць, а што бяжыць*¹; *Meglio esser ricchi di sangue [figli] che di quattrini; I figli sono la ricchezza dei poveri; Le vere ricchezze non possono esser rubate da ladri; La speranza è la ricchezza dei poveri; La salute è la ricchezza dei poveri; Chi ha la sanità, è ricco e non lo sa.* В немецком языке компоненты *reich, Reichtum* в переносном значении используются в большем количестве паремий: *Der Weise allein ist reich; Wer Armut ertragen kann, ist reich genug; Gesundheit ist der größte Reichtum; Liebe ist der größte Reichtum; Nutzen ist der größte Reichtum; Verachtung des Reichtums ist der höchste Reichtum; Das ist kein Reichtum, den die Diebe stehlen können.*

Эти и другие проанализированные нами паремии убеждают в том, что в обыденной «картине мира» человеку не свойственно возводить богатство в ранг высших ценностей, в то же время совершенно естественным является для него сознательное и подсознательное стремление к материальному благополучию (как правило, имплицитно представленное в паремиях о преимуществах, которыми обладают богатые)². Ценностные картины мира, конструируемые продуцентами разноязычных паремий, как показывает анализ, выявляют приоритет духовного над материальным в структуре коллективного сознания³.

Одной из важнейших социальных ценностей, удовлетворяющих потребность человека в единении с тем, кто любим, кто способен к продолжению рода, является семья. Учитывая то, что доминантное имя концепта «семья», то есть слово со значением ‘семья’, используется в паремиях всех четырех языков весьма эпизодично, мы обратились к терминам, образующим концептуальную парадигму понятия-представления «семья», а именно: к терминам *жена, дети, сын, дочь*⁴.

¹ См. также *Багаты Аўдзей: поўна хата дзяцей.* Несмотря на ироническую коннотацию, в паремии находит выражение мысль о том, что истинное богатство человека в том, что род его продолжается.

² В ряде исследований, посвященных изучению содержания концептов «богатство», «бедность» в сознании современных носителей культуры, а также воплощения этих концептов в различных языках, подчеркивается объемность и лингвокультурологическая ценность соответствующих когнитивных структур, а также неоднозначное отношение к богатству и бедности как социальным явлениям [174; 200; 306].

³ Полагаем, что в провербиальных единицах нашли отражение многие библейские мотивы о богатстве и бедности, согласующиеся с обыденными представлениями о благе. Библия учит проявлять сострадание и милосердие к неимущим, осуждает стяжательство и несправедное обогащение, убеждает в том, что материальное обратится в прах, а истинное богатство нетленно: *Не будь грабителем бедного, потому что он беден; и не притесняй несчастного у ворот, потому что Господь вступится в дело их и исхитит душу у грабителей их* (Притчи Соломона 19, 23) [32, с. 90]; *Лучше немного с правдою, нежели множество прибытков с неправдою* (Притчи Соломона 16, 8) [32, с. 92]; *Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается: ибо, умирая, не возьмёт ничего; не пойдёт за ним слава его* (Псалтирь 48, 17–18) [32, с. 89–90].

⁴ Многочисленные диссертационные работы по лингвокультурологии и сопоставительному языкознанию, посвященные исследованию концепта «семья» (в том числе и в аспекте объективации этого концепта в паремике), подтверждают и лингвокультурологическую значимость данного концепта, и ценностный смысл семьи как социального феномена [33; 48; 103; 319; 340 и др.]. Не одним десятком исчисляются кандидатские диссертации, объектом исследования в которых является концепт «женщина» [7; 11; 17; 56; 93; 154; 198; 245; 230; 339; 343 и др.], мы уже не говорим об отдельных публикациях, точное количество которых, даже если ограничиться исследованиями только паремиологических воплощений концепта «женщина», установить сложно [52; 141; 142; 332 и мн. др.].

По нескольким причинам не рассматривались нами паремии с компонентом *муж / marito / Mann*. Во-первых, в немецком языке для обозначения мужа и мужчины используется одна лексема – *Mann*, в связи с этим объективно трудным оказалось выявление в большом массиве единиц паремий с компонентом *Mann* в значении ‘муж’. Во-вторых, паремии с термином *муж* по численности уступают паремиям с термином *жена*¹ и значительное количество паремий с термином *муж* содержат в своем составе компонент со значением ‘жена’².

Выделение четкого множества паремиологических единиц с компонентом, имеющим значение ‘жена’, во всех четырех языках также оказалось сложным. Во-первых, наблюдается рассогласованность в семантике слов, используемых для обозначения жены в паремиях. В немецком языке слово *Weib*³ обозначает не только супругу, но и женщину вообще и, хотя данное слово в немецких паремиях используется, как правило, в значение ‘жена’, в отличие от обозначений жены в других языках оно характеризуется сниженной разговорной коннотацией. Лексемы *Eheweib*, *Ehefrau* оказались малоупотребительными. Во-вторых, в паремиях всех четырех языков для обозначения жены, кроме лексем *жена / жана (жонка) / moglie / Weib*, используются и иные слова: *баба* в русских и белорусских паремиях⁴, *donna* в итальянском, *Frau* в немецком. Чтобы не размывать границы понятия «жена», при составлении таблицы были исключены из подсчетов паремии с компонентами, обозначающими женщину. Однако, учитывая, что пропорции употреблений терминов *женщина* и *жена* в разноязычных паремиях оказались различными: в русских и немецких провербиальных собраниях преобладают паремии с компонентом *жена / Weib*, в белорусских и итальянских наоборот (*баба / donna*), считаем целесообразным конкретизировать все количественные данные. В словаре В. И. Даля зафиксированы 254 паремии (0,76%) с компонентом *баба* и 375 паремий (1,12%) с компонентом *жена* (включая 3 единицы с компонентом *жёнушка*). В словаре под редакцией В. М. Мокиенко 338 паремий (0,48%) со стержневым словом *баба*, 450 ед. (0,64%) со стержневым словом *жена* (включая синонимичные дериваты), общее количество фиксаций паремий с компонентом *жена / жёнушка* в данном словаре – 949 (1,36%). Количество паремий со стержневым словом *Frau* (838 ед. – 0,34%) в словаре К. Вандера почти в два раза меньше, чем суммарное количество паремий со стержневыми словами *Weib*, *Eheweib* и *Ehefrau* (1578 ед. – 0,63%; сравн.: в словаре под редакцией В. М. Мокиенко –

¹ Например, в словаре под редакцией В. М. Мокиенко зафиксированы 355 паремий (0,51%) со стержневым словом *муж / муженёк* и 450 паремий (0,64%) со стержневым словом *жена / жёнушка*; в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио – 169 паремий (0,56%) с компонентом *marito* и 276 паремий (0,92%) с компонентом *moglie*.

² Отмеченная закономерность проявила себя и в тематически организованном словаре К. Ротера: ТО «Der Mann» (32 ед. – 0,14%) оказалось почти в три раза меньше по своему объёму ТО «Das Weib» (94 ед. – 0,4%).

³ В настоящее время лексема *Weib*, равно как и лексема *Eheweib*, в немецком языке является устаревшей.

⁴ Употребление лексемы *женщина / жанчына* в русских / белорусских паремиях характеризуется эпизодичностью (в словаре В. И. Даля, к примеру, зафиксированы 4 паремии с компонентом *женщина*, в словаре М. Я. Гринблата – одна паремия).

0,64%), а общее количество фиксаций паремий с компонентами *Weib*, *Eheweib*, *Ehefrau* в данном словаре составляет 3207 (1,28%; сравн.: в словаре под редакцией В. М. Мокиенко – 1,36%). В словаре К. Зимрока зафиксировано 215 паремий (1,63%) с компонентами *Weib*, *Eheweib* и *Ehefrau* и 127 паремий (0,96%) с компонентом *Frau*¹. В словаре М. Я. Гринблата 190 паремий с компонентом *баба* (1,23%) и 184 с компонентами *жана* и *жонка* (1,19%). В словаре В. Боджоне и Л. Массорбио 927 паремий с компонентом *donna* (3,09%) и 276 паремий с компонентом *moglie* (0,92); сравним: в словаре Дж. Джустини соответственно – 191 (2,56%) и 80 (1,07%); в словаре Р. Шваменталья и М. Страньеро – 108 (1,81%) и 61 (1,02%).

Судя по цифрам интерес к женщинам у итальянцев оказался выше, чем у русских, белорусов и немцев. Можно, конечно, принять во внимание, что лексема *donna* в итальянском языке не обладает сниженной коннотацией, как, например, *баба* в русском и белорусском языках, и этим объяснить более высокую активность обращения итальянцев к лексеме *donna*. Однако причина, на наш взгляд, скорее, экстралингвистическая, так как даже по сумме паремий и с тем, и с другим компонентом итальянцы «опередили» русских, белорусов и немцев: 1,88% (Даль), 2,42% (Гринблат), 2,59% (Зимрок), 4,01% (Боджоне, Массорбио). Это не означает, однако, что высокая степень коммуницирования темы «женщина» свидетельствует об исключительно «восторженном» отношении итальянцев к женщинам вообще и к женам в частности, примем во внимание, к примеру, такие паремии, как *Tre D rovinan l'uomo, diavolo, denaro e donna; Le donne, fuggile* [7–А]. Полагаем, подобные по смыслу паремии, характеризующиеся саркастической, уничижительной, иронической коннотацией, можно найти в любом проverbsальном фонде, причем в одном ряду с такими, в которых женщинам и женам воздается похвала и их отдельные качества получают высокую оценку; сравн.: *Баба – вторая сатана; Баба да корова – одна порода; Злых всех злее злая жена; Баба – свет, мужик – солнышко; Три друга: отец, да мать, да верная жена; Умная жена – благодать Божья; Хорошая жена – веселье, а худая – злое зелье; Упала баба з неба, бо ёй там не трэба; Баба з пекла родам; Чорт і баба – адна рада; Баба ўвесь свет перавярнула б, узяўшы за кальцо, када б яе сіла; Баба сільней за ўсіх; Хорошая жонка цяплеі за валёнкi; Хорошая жонка – дома рай, злая – хоць ты цягу дай (хоць ты з хаты ўцякай); La donna porta il diavolo in corpo; Tutti i peccati mortali son femmine; Donne e cavalli, nulla di migliore, nulla di peggiore; Donna buona vale una corona; Non v'è miglior mobile in casa quanto una buona moglie; Moglie di giudizio, casa fortunata; moglie senza giudizio, casa disgraziata; Die Frau, das Feuer und das Meer sind drei Übel schwer; Böse Weib ist ärger als der Teufel selbst; Das Weib ist des Mannes größtes Glück oder Unglück; Die Frau ist des Mannes Leben;*

¹ Сложные слова, в состав которых входят *Weib* или *Frau*, не учитывались.

Ein gutes Weib ist für den Mann ein Schatz ein böses schlimmer als Aussatz; Ein fromm Weib ist der höchste Schatz; Ein fleißig Weib ist ihres Mans Krone.

Количественные данные, полученные в результате анализа паремий, в которых находит воплощение концепт «семья», отражены в Таблицах 3.15 и 3.16.

Таблица 3.15. – Объективация концепта «семья» / «сям’я»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	1390	4,14	193	2,01	932	1,33	-	-	399	8,01	1556	10,1
Паремии с термином <i>жэна</i>	375	1,12	29	0,3	949	1,36	25	0,67	35	0,7	184	1,19
Паремии с терминами <i>дети, сын, дочь</i>	427	1,27	89	0,93	967	1,38	58	1,56	105	2,11	323	2,1

Таблица 3.16. – Объективация концепта «famiglia» / «Familie»

Составители	Джусту		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	453	6,06	230	3,86	1455	4,85	-	-	3160	1,26	-	-
Паремии с термином <i>жэна</i>	80	1,07	61	1,02	276	0,92	215	1,63	3207	1,28	14	0,16
Паремии с терминами <i>дети, сын, дочь</i>	83	1,11	69	1,16	507	1,69	232	1,75	3297	1,32	63	0,72

Как видим, процентные данные, свидетельствующие о количестве паремий с термином *жэна*, при сопоставлении разноязычных собраний паремий оказались достаточно равными, «выпали» из общего ряда только малые по объему словари, имеющие специфическую организацию, – словарь русских пословиц К. Г. Берсеневой и словарь немецких пословиц Х. и А. Байер. Разница по среднему значению (рус. – 0,92%, бел. – 0,94%, итал. – 1%, нем. – 1,02%) определяется в диапазоне 0,02% – 0,18%.

«Единодушие» продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий проявилось также и в том, что степень коммуницирования темы «дети» с привлечением терминов *дети, сын, дочь* выше степени коммуницирования темы «жена» с привлечением одноименного термина. Все без исключения словари, взятые для анализа, своим составом подтвердили эту закономерность. Наибольший процент употреблений терминов *дети, сын, дочь* показали словари белорусских

пословиц (весьма символичным является воплощение в белорусском паремийнике идеи *У каго дзеці, у таго шчасце*¹). Даже очень малый по объему словарь И. И. Носовича, обычно выбивающийся из общего ряда своими количественными показателями, «не отстал» от более объемных словарей и по процентным данным, которыми характеризуются паремии с терминами *дети, сын, дочь*, и по процентным данным, которые говорят о частотности использования в паремиях термина *жена*. Среднее значение процентных показателей объема паремий о детях в словарях белорусских паремий – 1,92%, в других словарях меньше: словари русских пословиц – 1,19%, итальянских пословиц – 1,32%, немецких пословиц – 1,26%. Разница процентных данных русских, итальянских и немецких провербиальных собраний, как видим, оказалась очень низкой (0,06% – 0,13%), отличие процентных данных этих словарей от процентных данных собраний белорусских паремий колеблется в диапазоне 0,6% – 0,73%.

Чтобы убедиться в том, что показатели употребления доминантных средств вербализации концепта «семья» в паремиях согласуются с показателями степени релевантности этого концепта, измеряемой по удельному весу соответствующего ТО, обратимся к результатам подсчетов паремий в этих ТО.

Включение в список концептов-лидеров концепта «семья», как уже отмечалось выше, осуществлялось с ориентацией на ТО-лидеры в словарях белорусских и итальянских паремий. В словаре Ф. Янковского ТО «Сям'я і радня. Выхаванне ў сям'і. Сірата, удава, прымак. Каханне» включает 399 ед. (8,01%) и занимает 2-ю позицию по количеству представленных в ней единиц после ТО «Праца, працавітасць, умельства, спрактыкаванасць, кемлінасць, дбайнасць, гаспадарлінасць, беражлівасць. 3 народных прыкмет»². В словаре М. Я. Гринблата тематический раздел «Сям'я і сямейны быт» (2228 ед.) на третьем месте в общей иерархии разделов (после «Грамадскае жыццё» (3777 ед.) и «Чалавек і яго якасці. Мараль» (3315 ед.)). ТО «Сям'я і ўнутрысямейныя адносіны» является самым большим среди семи объединений, составляющих раздел «Сям'я і сямейны быт», и вообще среди всех ТО в словаре – 1135 ед. (7,36%), ТО «Дети и их воспитание» является вторым по численности – 421 ед. (2,73%).

В словаре Дж. Джусти ТО «Famiglia» (208 ед. – 2,78%) представляет 4-ю позицию в общем списке ТО, ранжированных по количеству единиц. Примечательно, что паремии о женщине и матримониальных проблемах составили отдельное ТО «Donna, matrimonio» (Женщина, брак) (245 ед. – 3,28%), занимающее вторую позицию после самого объемного в данном словаре ТО «Meteorologia, stagioni, tempi dell'anno» (Метеорология, сезоны, времена года) (404 ед. – 5,41%). В Таблице 3.16 в строке «Словарное объединение» отражена цифра, полученная в резуль-

¹ Сравн. с немецкой пословицей *Je mehr Kinder, je mehr Glück* (Чем больше детей, тем больше счастья).

² В данном случае игнорировалось наличие в словаре раздела «Прыказкі і прымаўкі на іншыя тэмы. Розныя павучанні», который объединяет паремии вне их тематической дифференциации и является самым большим по количеству единиц (1188 ед.).

тате суммирования паремий двух ТО «Donna, matrimonio» и «Famiglia». По остальным словарям также было принято объединение ТО, в силу того что в белорусских словарях тема брака и семьи определена очень широко.

В словаре Р. Шваменталя и М. Страньеро общее число паремий о браке и семье определено путем суммирования единиц, представляющих ТО «Famiglia» (это шестая позиция в ранжированном ряду – 139 ед. – 2,33%) и небольшого по объему ТО «Matrimonio» (91 ед.). Не включены в это число паремии, образующие ТО «Donna» (70 ед.).

В словаре В. Боджоне и Л. Массорбио паремии о браке и семье составляют несколько ТО, самое крупное из которых «Il matrimonio» (684 ед. – 2,28%) в свою очередь делится еще на 13 тематических объединений, в которые включены паремии о стремлении человека к браку, о положительных и отрицательных сторонах вступления в брак, о трудностях поиска супруга или супруги, о принципах выбора супруга / супруги, о роли красоты в этом выборе, об отношениях между супругами, о плохих и хороших женах и мужьях, о ревности и предательстве, о повторном вступлении в брак и др., то есть о том, о чем говорится и в русских, и в белорусских, и в немецких паремиях. По сути, данный набор частных тем может быть приложен к любому провербиальному фонду, так как интеграция людей в микросообщество, именуемое семьей, происходит, как правило, по одному и тому же сценарию, развитие которого определяется удовлетворением одних и тех же естественных человеческих потребностей. В общее число паремий о семье включены также единицы, составляющие ТО «I figli» (Дети) (455 ед.), «La famiglia e i parenti» (Семья и родственники) (285 ед.), «La vedovanza» (Вдовство) (31 ед.).

В словаре В. И. Даля также несколько ТО, в которые входят паремии о браке и семье: «Одиночество – женитьба» (272 ед.), «Жених – Невеста» (157 ед.) «Муж – Жена» (379 ед.); «Дети – Родины» (313 ед.); «Семья – Родня» (269 ед.). ТО «Баба – Женщина» (90 ед.), не включались в этот список. Таким образом, по словарю В. И. Даля была получена цифра 1390 ед. (4,12%), эта цифра оказалась близкой к той, которая стала итогом подсчета паремий в практически равнообъемном словаре Даля собрания итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио, – 1455 ед. (4,85%).

В словаре К. Ротера ТО «Die Familie» образуют паремии общей численностью 1176 ед., что составляет 5,06% от всего состава паремий. Данное ТО представлено 24 частными тематическими группировками, среди которых есть объединения паремий как коррелирующие (их большинство) с членением на микро-темы в ТО «Il matrimonio» (Брак), предложенным составителями словаря итальянских пословиц В. Боджоне и Л. Массорбио, так и не имеющие корреляций, например: «Liebe» (Любовь), «Er» (Он), «Der Kuss» (Поцелуй), «Sie» (Она), «Kränzel verloren» (Потеря девственности), «Wunderliches Paar» (Причудливая па-

ра)¹ и др. Заметим, что паремии о любви и сексе, составляющие отдельные ТО и в словаре В. И. Даля, и в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио, нами не принимались в счет, хотя в словарях с широким определением темы «Семья» (это словари Ф. Янковского, К. Ротера) они автоматически включались в общее количество. Заметим, что число паремий на тему любви в процентном выражении выявило зону существенных отличий. В словаре М. Я. Гринблата ТО «Каханне. Дашлюбныя адносiны моладзi» включает 385 ед. (2,5%), в словаре В. И. Даля ТО «Любовь – Нелюбовь» составляет 407 ед. (1,21%), в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио ТО «L'amore e il sesso» (Любовь и секс), включающее 701 ед. (2,34%), незначительно, но все же превосходит по объему ТО «Il matrimonio» (Брак) (2,28%).

Таким образом, следует признать, что рекуррентность концепта «семья» / «сям'я» / «famiglia» / «Familie» в русской, белорусской, итальянской и немецкой лингвокультурах в рамках, ограниченных провербиальными пространствами, является доказательством того, что семья с точки зрения носителей обыденного сознания относится к наиболее значимым ценностным феноменам. Даже при некоторой степени субъективности в определении границ тем составителями словарей, обусловившей определенную меру относительности также и количественных показателей, на основании которых были сделаны выводы, не вызывает сомнения то, что социальное бытие людей разных национальностей, отраженное в паремиологических единицах, характеризуется как общими чертами, свидетельствующими о сходстве ценностных предпочтений, так и своеобразием. Оказалось, что продуценты белорусских паремий в большей степени ориентированы на ценность семьи, чем продуценты русских, итальянских и немецких паремий, а продуценты итальянских паремий продемонстрировали большее внимание к женщине вообще и добрачным любовным отношениям, чем к женщине как жене и к самому браку.

Для того чтобы подтвердить высокую значимость семьи и семейных отношений, выявленную нами на основе количественных данных, обратимся для сравнения к другой ценности социального бытия человека – дружбе. Многие философы, лингвокультурологи относят дружбу к числу важнейших общечеловеческих ценностей².

При описании воплощения иных ценностных концептов нами уже отмечалось, что в отраженных в паремиях ценностных ориентациях дружба зачастую определяется как то, что оценивается выше других ценностей. О чем же могут сказать цифры? В Таблицах 3.17 и 3.18 представлены результаты подсчетов паре-

¹ Это о таких парах, о которых белорусы, например, скажут: «Собравъ Богъ по ягодцѣ». И. И. Носович так комментирует в своем словаре данную поговорку: «Говорят о таком содружестве, где каждый как бы по выбору с разными дурными качествами или один хуже другого» [405; с. 153].

² Есть специальные работы, посвященные исследованию воплощения концептов «дружба», «друг» в той или иной лингвокультуре [16; 110; 194; 205; 263; 317; 333 и др.].

мий, в которых для объективации концепта «дружба» / «сяброўства» / «amicizia» / «Freundschaft» использованы термины *дружба, друг*¹.

Таблица 3.17. – Объективация концепта «дружба» / «сяброўства»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	239	0,71	164	1,70	478	0,68	-	-	-	-	-	-
Паремии с термином <i>дружба</i>	46	0,14	48	0,50	117	0,17	2	0,05	4	0,08	15	0,1
Паремии с термином <i>друг</i>	227	0,68	123	1,28	603	0,86	8	0,22	30	0,6	78	0,51

Таблица 3.18. – Объективация концепта «amicizia» / «Freundschaft»

Составители	Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	68	0,91	76	1,28	118	0,39	-	-	780	0,31	-	-
Паремии с термином <i>дружба</i>	13	0,17	11	0,18	39	0,13	38	0,29	337	0,13	37	0,43
Паремии с термином <i>друг</i>	86	1,15	65	1,09	190	0,63	115	0,87	1564	0,63	135	1,55

Как видим, во всех тематически организованных словарях, за исключением словарей белорусских пословиц, есть отдельные ТО о дружбе. В словарях К. Г. Берсеневой, Дж. Джусти, В. Боджоне и Л. Массорбио ТО названы с использованием доминантного имени ценностного концепта. В. И. Даль называет ТО о дружбе «Друг – недруг». В словаре Р. Шваменталья и М. Страньеро паремии о дружбе и вражде объединены в одно ТО «Amicizia e inimicizia» (Дружба и вражда), а в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио образуют отдельные ТО. В словаре К. Ротера паремии о дружбе и вражде тоже представляют два ТО: «Freundschaft» (Дружба) (76 ед. – 0,33%), «Feindschaft» (Вражда) (44 ед. – 0,19%). В словарях белорусских паремий абстрактное имя ценностного концепта «сяброўства» используется в названиях ТО, однако наряду с другими терминами: ТО «Сяброўства, вернасць, памяркоўнасць, парада, спагада, удзячнасць. Госці і гасціннасць» (словарь Ф. Янковского) и ТО «Сяброўства. Варожасць. Суседства. Гасцінасць» (словарь М. Я. Гринблата). Учитывая данные обстоятельства, сопоставить объемы словарных объединений о дружбе по среднему значению не представляется возможным.

¹ Во внимание не принимались выражения с компонентами *друг друга, друг другу, друг на друга, друг у друга*, а также паремии типа *Замок – лучший друг*.

Сопоставление же по среднему значению количества паремий с термином *друг* в различных языках (рус. – 0,94%; бел. – 0,44%; итал. – 0,95%; нем. – 1,01%) дает следующие результаты: разница показаний составляет 0,01% – 0,57%. Это практически те же границы, которые выявлены при сопоставлении количества паремий с термином *дети, сын, дочь*. Причем опять выделился белорусский провербиальный фонд, правда, теперь с минусовым значением: количество белорусских паремий с термином *друг* в процентном выражении оказалось в два раза меньшим, чем количество русских, итальянских и немецких паремий с таким же термином.

Сопоставление данных в Таблицах 3.15, 3.16 и Таблицах 3.17, 3.18 говорит о том, что степень обращения продуцентов паремий к теме «семья» выше, чем к теме «дружба», следовательно, ценностная значимость семейных отношений в обыденном сознании выше, чем ценностная значимость дружеских отношений (см. нем. паремии *Ein gute Frau ist besser als ein Freund; Ein frommes Weib ist besser als viel Freunde*¹). При обращении к белорусскому провербиальному фонду это ценностное предпочтение проявляется наиболее очевидно: паремий с термином *друг* в процентном выражении оказывается в два раза меньше, чем паремий с термином *жена*, и в четыре раза меньше, чем паремий с терминами *дети, сын, дочь*.

Еще одним объектом устремлений человека является счастье. «Отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания», – пишет С. Г. Воркачев [66, с. 44]. Анализируя многочисленные концепции счастья, С. Г. Воркачев приходит к выводу, что понятие «счастье» отличается неоднородностью своей «предметной области», что обуславливает и семантическую неоднородность имени этого понятия [66, с. 45]. Этимологические характеристики абстрактных имен, используемых в разных языках для вербализации соответствующего концепта, указывают на связь понятия «счастье» с понятиями «благо», «блаженство», «судьба», «доля», «участь», «случай», «удача», «везение» [66, с. 46]. Оставляя в стороне анализ исследований концепта «счастье»², относящегося к типу «текучих», «калейдоскопических» концептов³, обратим внимание на тот факт, что неопределенность, размытость понятия «счастье», некоторые семантические отличия доминантных обозначений этого понятия в различных языках⁴

¹ Конечно, нужно учитывать, что обращение к понятию «друг» в этих паремиях может быть всего лишь фигурой, средством усиления положительной оценки хороших, кротких жен. Апелляция к одной ценности для утверждения другой ценности – типичный прием, используемый в паремиологических единицах.

² Данный концепт стал объектом исследования ряда диссертационных работ [25; 175; 177; 218; 266 и др.]

³ Калейдоскопическими А. П. Бабушкин называет концепты абстрактных имен, не имеющие фиксированного характера, замещающие в сознании человека референтно неоднородную концептуализируемую сущность и потому характеризующиеся богатством личностных ассоциаций [23].

⁴ Исследователь Ле Минь Нгок, например, замечает, что ментальные образования, обозначаемые термином «счастье» в русском и вьетнамском языках, имеют как совпадающие, так и безэквивалентные когнитивные признаки. Причем культурно специфичными, по мнению Ле Минь Нгока, являются не только безэквивалентные

обусловили расхождения в тематически организованных словарях, связанные с выделением ТО о счастье и их наименованием.

В словаре В. И. Даля пословицы о счастье составляют отдельное ТО «Счастье – Удача», которое занимает третью позицию в ранжированном списке ТО, немногим уступая таким объединениям, как «Толк – Бестолочь» и «Месяцеслов». В словаре К. Г. Берсеневой ТО «Счастье»¹ значительно уступает по объему в процентном отношении соответствующему ТО в словаре В. И. Даля. М. Я. Гринблат определяет границы темы немного шире, чем В. И. Даль: тематическое объединение паремий о счастье называется «Пра лёс, долю, шчасце, шанцаванне», что вполне оправданно, так как паремии о счастье – это паремии и об удаче, и о благополучии, и о возжеленной радости, пределе исканий, и об особой доле человека². В словаре В. И. Даля паремии о судьбе составляют отдельное ТО «Судьба – Терпение – Надежда».

В итальянском языке есть две лексемы, которые используются для обозначения счастья: *felicità* и *fortuna*, «сумма» значений которых составляет семантическое содержание русской лексемы *счастье*, а также белорусской лексемы *шчасце* и немецкой – *Glück*. Основное значение слова *felicità* – ‘эмоциональное состояние, связанное с удовлетворением всех желаний человека’, синонимами этого слова являются *радость, удовлетворение, отрада* [362, р. 664]. Слово *fortuna* многозначное и используется для обозначения судьбы, счастливой доли, счастливого случая, удачи [362, р. 704]³. Наиболее употребительной в паремиях является лексема *fortuna* (в словаре Дж. Джусты 37 паремий с компонентом *fortuna* и только 4 паремии с компонентом *felicità*, в словаре Р. Шваменталья и М. Страньеро соответственно 37 и 6; в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио – 152 и 7). Во всех трех словарях паремии, в которых находят воплощение концепты «*felicità*» и «*fortuna*», отнесены к разным тематическим объединениям и отмеченная выше количественная закономерность проявляется также в объемах ТО: в словаре Дж. Джусты ТО «*Fortuna*» содержит 60 ед., «*Felicità, infelicità, bene*» (Счастье, несчастье, благополучие) – 55 ед.; в словаре Р. Шваменталья и М. Страньеро ТО «*Fortuna e*

когнитивные компоненты в структуре концепта, но и значимость того или иного компонента в его содержании. В частности, когнитивные компоненты «удача» и «судьба» имеют большую значимость в русском концепте «счастье», соответственно, когнитивный элемент «неконтролируемость» в русском концепте «счастье» проявляется ярче, чем компонент «предопределенность» во вьетнамском концепте. Для вьетнамского концепта «счастье» в большей степени, чем для русского, характерно проявление когнитивного признака «нравственность» (доброта, человечность) [177, с. 5].

¹ В строке «Словарное объединение» указана сумма паремий двух ТО: «Счастье» (101 ед.), «Счастливый» (7 ед.).

² Отражение различных представлений о счастье в русских паремиях исследовано С. Г. Воркачевым [66, с. 79–82].

³ При переводах слова *fortuna*, по данным Национального корпуса русского языка (параллельного подкорпуса) [232], отмечается обращение (в зависимости от смысла) к различным русским лексемам, а именно: *счастье, радость, судьба, случай* – и в том числе к слову *фортуна*. В европейские языки слово *фортуна* пришло из латинского языка. Стало крылатым и латинское выражение *Fortuna caeca est*. Многие итальянские паремии с компонентом *fortuna* построены на олицетворении и явно обнаруживают семантическую связь данной лексемы с именем древнеримской богини удачи Фортуны (в древнегреческой мифологии это богиня Тюхе). «Отголоски» этой связи обнаруживаются в генетически родственных паремиях о счастье, представляющих иные лингвокультуры (см. об антропоморфной метафоре, объективирующей содержание концепта «счастье», в работе С. Г. Воркачева [66, с. 96]).

disgrazia» (Счастье, беда) – 103 ед.; ТО «Felicità e infelicità» (Счастье и несчастье) – 53 ед.; в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио «Buona sorte, prosperità, fortuna, beni» (Счастливая судьба, процветание, удача, блага) – 623 ед., «Allegria, felicità, piaceri, divertimenti / tristezza, malinconia» (Радость, счастье, удовольствия, развлечения / грусть, меланхолия) – 225 ед. Эти цифры подтверждают высказанную С. Г. Воркачевым мысль о том, что паремии в большей степени отражают представления о счастье-удаче и счастье-благополучии, чем представления о счастье-радости или блаженстве [66, с. 79–81]. Правда, эта мысль была высказана по отношению к русским паремиологическим единицам. Как видим, данная корреляция характеризует провербиальные единицы и в иных лингвокультурах.

Сведения об объеме ТО о счастье, а также о количестве паремий с терминами *счастье* / *счастливый* отражены в Таблицах 3.19 и 3.20.

Таблица 3.19. – Объективация концепта «счастье» / «шчасце»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	846	2,52	117	1,22	285	0,41	-	-	-	-	129	0,84
Паремии с термином <i>счастье</i>	135	0,4	85	0,88	402	0,57	6	0,16	19	0,38	70	0,45
Паремии с термином <i>счастливый</i>	48	0,14	19	0,2	120	0,17	1	0,03	-	-	14	0,09

Таблица 3.20. – Объективация концепта «felicità» / «fortuna» / «Glück»

Составители	Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	115	1,54	156	2,62	849	2,83	-	-	1209	0,48	-	-
Паремии с термином <i>счастье</i>	41	0,55	43	0,72	159	0,53	163	1,23	1953	0,78	126	1,45
Паремии с термином <i>счастливый</i>	12	0,16	27	0,45	46	0,15	10	0,08	242	0,1	16	0,18

Материалы таблиц свидетельствуют о том, что немецкий провербиальный фонд отличается от других фондов наибольшим количеством паремий, в которых представления о счастье вербализуются с использованием абстрактного имени концепта, а белорусский провербиальный фонд – наименьшим; соответствующие

же процентные показатели в русских и итальянских proverbially собраниях очень близки; сравн. средние значения процентных показателей: рус. – 0,61%; бел. – 0,33%; итал. – 0,6%; нем. – 1,18%. В немецких поговорках по сравнению с русскими выше оказался и процент использования термина *счастье* в качестве стержневого слова; сравн.: в словаре под редакцией В. М. Мокиенко 273 поговорки со стержневым словом *счастье* (0,39%), в словаре К. Вандера 1141 поговорка со стержневым словом *Glück* (0,46%).

В то же время наблюдается относительное равновесие в степени обращения продуцентов поговорок к атрибутивным и субстантивным лексемам, обозначающим счастливого человека, – таких поговорок оказывается немного. Напрашивается вывод, что счастье как ценность оказывается в мыслях человека тем, к чему он стремится, на что надеется, что «живет» где-то рядом, но обладание которым проблематично. Можно ли говорить о счастливых людях, если счастье неуловимо и хрупко, скорее желанно, чем достижимо: *Счастье в оглобли не впряжешь; Счастье – вольная птичка: где захотело, там и село; Счастья ищи, а в могилу ложись; Мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам; Во сне счастье, наяву несчастье; Шчасце не цукерка – у рукі не возьмеш; За шчасцем не зганяешся; Шчасце за гарамі, а бяды за плячамі; La fortuna ha la coda: chi l'acchiappa è sua; La fortuna ha i piedi di vetro; La fortuna è inutile cercarla; Corre più la fortuna che il cavallo; Nessuno può dirsi felice a questo mondo; Das Glück ist keinem treu; Glück und Glas, wie leicht bricht das; Das Glück hat gläserne Füße; Das Glück hat Flügel; Glück ist schwer zu tragen.*

Интересным является тот факт, что в паремиологических единицах даже счастье характеризуется как в положительной, так и в отрицательной своей значимости для человека, сравн.: *Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь; Счастье ума прибавляет, несчастье последний отымает; Бедность учит, а счастье портит; При счастье бранятся, при беде мирятся; Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк; Где счастье, там и зависть; З шчасцем і ў грыбы добра хадзіць; Прыйдзе шчасце – розум будзець; Доля як бандоля, а шчасце як мушкет; Шчасце розум адбірае; È meglio nascere senza naso che senza fortuna¹; La fortuna ti accompagna a calci in culo; Fortuna i forti aiuta, e i timidi rifiuta²; La fortuna da biscotti a chi non ha denti; Fortuna istupidisce colui ch'ella troppo favorisce; L'invidia è annessa alla felicità; Wirb, Das Glück ist mürb; Das Glück findet in der kleinsten Hütte Raum; Am Glück ist alles gelegen; Im Glück ist Tugend leicht; Das Glück ist eigensinnig; Glück ist dem Frommen feind; Das Glück gibt heute Heil und morgen Keil; Wem das Glück die Hand bietet, dem schlägt's gern ein Bein unter; Groß Glück, große Gefahr; Glück bringt Neider.*

¹ Сравн. с русскими и белорусскими поговорками: *Не родись красивый, а родись счастливый; Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив; Не радзіся красівы, а шчаслівы; Не будзь красівы, а будзь шчаслівы.*

² Сравн. лат. *Fortuna favet fortibus* (Удача благоволит сильным).

Более того, посредством обращения к понятию «счастье» осуществляется ориентация на другие ценности, к числу которых относятся надежда, совесть, правда, смелость, труд, ум, терпение, прилежание, учение, дружба, семья: *Счастье скоро покидает, а добрая надежда – никогда; Счастлив тот, у кого совесть спокойна; Где правда, там и счастье; Счастье всегда на стороне отважных; Счастье у каждого под мозолями лежит; Счастье дороже богатства, а сметка обоих обманет; Счастие тот добывает, кто учением ума набирает; Кто дружбу водит, счастье находит; Хто цярлівы, той шчаслівы; Хорошая дружка – первае шчасце ад госпада Бога; У каго дзеці, у таго шчасце; Con la pazienza, si vince ogni fortuna avversa; La fortuna seconda i valorosi; Chi all'altrui spese sa imparare, felice si può chiamare; Non vale fortuna a chi non si affatica; Chi lavora, è felice; Chi strapazza il mestiere, non fa fortuna; Chi incontra buona moglie ha gran fortuna; Tugend ist auch ohne Glück Tugend; Glücklich ist, wer zufrieden ist; Fleiß ist des Glückes Vater; Glück hat auf die Dauer nur der Tüchtige; Wo einer weise ist, sind zwei glücklich; Der Weise trägt sein Glück bei sich; Das Glück bietet seine Hand dem Kühnen.*

Мысли о «счастье» связываются также с обличением пороков и недостатков человека, с сетованием по поводу несправедливого распределения благ, злой участи и др.: *Счастье без ума – дырявая сума; Глупому счастье, а умному напасть; Растопырил пальцы – счастье увязло: рот нараспашку – а оно и туда; Счастье ездит в карете, а с умом идет пешком; Счастье что волк: обманет да в лес уйдет; Наше счастье комом слезалось; Гультаю і на печы шчасце; За дурным шчасце бяжыць; Справядлівага чалавека Бог любіць, да яму шчасця не дае; Бог шчырага любіць, ды шчасця яму не дае; Аднаму шчасце ракою плыве, а другі ў няшчасці цэлы век жыве; Fino a che siamo felici, quanti amici, quanti amici!; Felici voi, galline, che non andate a scuola; Virtù e fortuna non istanno di casa assieme; Gli sfacciati son sempre fortunati; La fortuna è una vacca, a chi mostra il davanti, a chi il dietro; Ungeschick hat selten Glück; Zag hat kein Glück; Je dummer der Mensch, desto größer das Glück¹; Ein Freund im Glück bleibt in der Not zurück; Wo Glück aufgeht, da geht Demut unter; Wenn Hochmut aufgeht, geht Glück unter; Das Glück ist eine Kuh, dem kehrt sie die Hörner, dem das Euter zu.*

В Таблицы 3.19 и 3.20, в отличие от других таблиц, не включались показатели частотности обращения продуцентов паремий к лексемам,

¹ Провербиальная идея «Дуракам – счастье», представленная во множестве вариантов в каждой из лингвокультур (*Дурак спит, а счастье в головах лежит; Дураку везде счастье; Дураку счастье, а умному Бог даст* (т. е. отказ – примеч. Даля [387, с. 274]); *За дурным шчасце бяжыць; La fortuna aiuta i matti e i fanciulli; La fortuna dei pazzi ha cura; La fortuna è dei fessi; Das Glück ist der Narren Vormund; Glück ist der Dummen Vormund; Glück und Weiber haben die Narren lieb; Der Narren Glück ihr Unglück;* см. также *A fou fortune* (фран.) (Дуракам – счастье); *Fortune favours fools* (англ.) (Удача сопутствует дуракам)), имеет древние корни (очевидно, латинские – *Fortuna favet fatuis* (Удача сопутствует дуракам), *Asinus in paleas incidit* (Осел падает в солому)) и отражает особое отношение (на что обращали внимание многие исследователи: Н. И. Толстой [316]; Е.И. Холявко [334]; Л. Б. Никитина [235]) в обществе к глупым, недалеким, умалишенным людям, предполагающее не только осуждающую, но и сочувственную тональность.

обозначающим аксиологические антиподы понятий «счастье» и «счастливый». Причиной является то, что паремии о несчастьях и бедах в тематически организованных словарях составляют, как правило, отдельные ТО (таким образом, представлялась возможность охарактеризовать количество паремий о счастье и несчастье дифференцированно и с опорой на данные словарей), исчисление же количества паремий с лексемами, обозначающими аксиологический антипод счастья, оказалось затруднительным по причине значительной протяженности синонимического ряда лексем, вербализующих понятие «несчастье» (в итальянском и немецком языках этот ряд представлен в том числе и многозначными лексемами, например, итальянское слово *male* имеет значения ‘зло, вред’, ‘беда, несчастье’, немецкое слово *Not* в паремиях реализуется с основным в значении ‘нужда’, реже в значении ‘беда’). Обращение к паремиям с компонентом *несчастье* / *няшчасце* / *infelicità* при подсчете дало практически нулевые результаты из-за неупотребительности этих лексем в паремиологических единицах: в словаре В. И. Даля с компонентом *несчастье* 14 паремий, в словаре К. Г. Берсеневой – 9 паремий, в словаре И. И. Носовича с компонентом *няшчасце* – 1 паремия, в словаре Ф. Янковского – 4 паремии, в словаре М. Я. Гринблата – 13 паремий, во всех трех словарях итальянских пословиц по одной паремии, причем это одно и то же выражение – *Nella felicità ragione, nell'infelicità pazienza*. Исключение составил немецкий язык: лексема *Unglück* в немецких паремиях (в отличие от синонимичных ей лексем – *Unheil* (беда), *Kummer* (горе, печаль), *Gram* (тоска, горе)) характеризуется частотностью употребления.

Для носителей обыденного сознания состояние отсутствия благополучия, тем не менее, оказалось гораздо значимее в плане коммуницирования, чем переживание счастливых эпизодов жизни. К такому выводу можно прийти, обратившись к сопоставлению объемов соответствующих ТО, а также количества паремий с компонентами, вербализующими понятия «счастье», «радость» и противоположные им понятия «беда», «горе»¹.

В словаре В. И. Даля четыре тематических объединения, связанных с понятием «горе»: «Радость – Горе» (120 паремий, из которой лишь одна о радости – *От радости и старики со старухами помолодели*, остальные либо построены на контрасте типа *Нужда (беда, горе) семерых задавила, а радость одному досталась*; *Радость прямит – кручина крочит*, либо описывают человека в беде, горе), «Горе – беда» (287 ед.), «Горе – утешение» (210 ед.); «Горе – обида» (223 ед.). Общее количество паремий в четырех ТО составляет 840 ед. (2,5%), немногим меньше, чем в ТО «Счастье – Удача» (846 ед. – 2,52%). Однако в том же словаре В. И. Даля зафиксировано 352 паремии только со словом *беда*, что в 2,5 раза

¹ Сопоставительному анализу русских и белорусских паремий о беде посвящена специальная работа автора диссертации [5–А].

больше количества паремий со словом *счастье* (135 ед.), 167 паремий с компонентом *горе* (это в два раза больше, чем со словом *радость* (77 ед.)) и ряд паремий, в которых в качестве компонентов используются лексеммы, обозначающие неблагоприятное положение дел, невзгоды, в том числе и паремии с субстантивами *лихо*, *худо*. Количественное превосходство паремий о беде и горе над паремиями о счастье, удаче, радости подтверждается и в других словарях. В словаре под редакцией В. М. Мокиенко 517 паремий со стержневым словом *беда*, 340 паремий со стержневым словом *горе*, 10 паремий со стержневым словом *несчастье* и 38 паремий со стержневым словом *лихо* (38), в сумме это 905 единиц (1,29%), а со стержневым словом *счастье* всего 273 паремии, со стержневым словом *радость* 60 паремий¹, со стержневым словом *удача* 16 паремий (заметим, что в словаре В. И. Даля со словом *удача* зафиксировано также малое количество паремий – 11 ед.).

Количественное превосходство паремий о негативных состояниях человека, бедах и горестях, о несчастной доле над паремиями о счастливой участи, радости, удаче, везении наблюдается также в белорусском и итальянском провербиальных фондах. В наиболее объемном белорусском собрании паремий М. Я. Гринблата ТО «Бяда, гора, ліха, напасць, злыдні. Безвыходнасць. Спадзяванні» (369 ед. – 2,39%) является в два раза большим, чем ТО «Пра лёс, долю, шчасце, шанцаванні» (129 ед. – 0,84%), количество паремий с компонентом *бяда* (272 ед.) и с компонентом *горе* (91 ед.) суммарно в 4 раза превосходит суммарное количество паремий с компонентом *шчасце* (71 ед.) и *радасць* (19 ед.).

В самом объемном словаре итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио ТО «Cattiva sorte, sventura; mali, dolori, pericoli, difficoltà» (Плохая судьба, несчастье; беды, горе, опасности, трудности) составляет 870 паремий – (2,9%), что лишь не намного превышает суммарное количество паремий двух ТО «Buona sorte, prosperità, fortuna, beni» (Счастливая судьба, процветание, удача, блага) и «Allegria, felicità, piaceri, divertimenti / tristezza, malinconia» (Радость, счастье, удовольствия, развлечения / уныние, меланхолия) – 849 ед. (2,83%). Однако паремии с компонентами *guai* (беда, горе, несчастье), *disgrazia*² (несчастье, беда, несчастный случай); *malanno* (беда, несчастье); *dolore*³ (боль, горе, страдание), *doglie* (боль, горе), *male* (зло, вред, беда, несчастье), *sventura* (несчастье, беда, бедствие) суммарно более чем в два раза превосходят по количеству паремии с компонентами *fortuna*, *felicità*: например, с компонентом *guai* 119 паремий, с компонентом *disgrazia* – 55; *malanno* – 36; *dolore* – 125; *doglie* – 13; сравн. с сум-

¹ В части паремий компонент *радость* используется в переносном, контрастном исходному значению: *У нашего старосты четыре радости: лошади пропали, коров не найдут, два брата в солдатах, сестра в девицах; При старости две радости: и с горбом, и с бельмом (или: гроб и кила).*

² В значении 'немильность, опала' слово *disgrazia* в паремиях практически не употребляется.

³ В итальянских паремиях слово *dolore* используется как в значении 'душевная боль, страдание', так и в значении 'физическая боль': сравн., к примеру: *I figli da piccini sono fiori e da grandi son dolori; Prima del matrimonio rose e fiori, e dopo spine e dolori; Ogni gioia col dolor si compra; Chi vive, caca dolore; Meglio dolor di borsa che dolor di pancia; Il primo dolore che patisce la donna son gli orecchini; A cinquanta finiti vengono solo dolori.*

марным числом паремий с компонентами *fortuna* – 152, *felicità* – 7. Обратим внимание на то, что число паремий с компонентами *gioia*, *letizia* в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио также невелико, суммарно – 25 ед.

Наблюдения показывают, что при небольшом различии объемов ТО о счастье, счастливой доле, с одной стороны, и о несчастье, бедах, с другой стороны, в русских и итальянских паремиологических словарях (исключение составили словари белорусских паремий – разница в объемах значительная) паремии, в составе которых употребляются термины *счастье*, *радость*, *удача*, уступают в количественном отношении паремиям с компонентами, обозначающими неблагоприятное положение дел. В немецком языке мы наблюдаем иное соотношение. Паремии с компонентом *Glück* значительно превосходят по количеству паремиологические единицы с компонентом *Unglück*, причем по всем трем избранным для анализа словарям наблюдается одна и та же пропорция в разнице процентных данных: лексема *Glück* используется в два раза чаще, чем лексема *Unglück*. Сравн.: в словаре К. Зимрока 163 паремии с компонентом *Glück* (1,23%) и 87 паремий с компонентом *Unglück* (0,66%), в словаре Х. и А. Байер соответственно 126 (1,45%) и 58 (0,67%), в словаре К. Вандера 1953 фиксации лексем *Glück* (0,78%) и 937 фиксаций лексем *Unglück* (0,37%). В словаре К. Вандера в качестве стержневого слова лексема *Glück* отмечена в 1141 паремии (0,46%), *Unglück* – в 522 паремиях (0,21%); для сравнения: как стержневое слово *Unheil* (беда) отмечается в 4 паремиях, *Kummer* (горе, печаль) – в 34 паремиях, *Gram* (тоска, горе) – в 10 паремиях. Таким образом, немецкий провербиальный фонд проявился в контрастном отношении к русскому, белорусскому и итальянскому провербиальным фондам по степени обращения продуцентов паремий к лексемам со значением ‘счастье’ и ‘несчастье’. Даже тематически организованный словарь К. Ротера показал количественное преобладание паремий в ТО «Glück» (130 ед. – 0,56%) по сравнению с ТО «Unglück» (101 ед. – 0,43%), в то время как в тематически организованных словарях русских и итальянских паремий наблюдается относительное равновесие ТО о счастье и о несчастье. Найти объяснение такого рода особенностям сложно, однако если учесть, что и лексем со значением ‘счастье’, и лексем со значением ‘несчастье’, ‘беда’, ‘горе’ используются в паремиях не только для раскрытия ценностного или антиценностного смысла соответствующих феноменов, но и для раскрытия ценностного смысла иных сущностей, тогда выбор того или иного слова для выражения оценки и осуществления ценностной ориентации приобретает второстепенное значение (сравн., к примеру, белорусские паремии, различающиеся в своем составе именами противопоставленных сущностей и в то же время характеризующиеся сходными смыслами: *Пагора не знаець гора* и *Хто цярплівы, той шчаслівы*; *Бяда дакучыць, тады чалавек розуму навучыць* и *Дай, божа, шчасця, то й розум знайдзеца*; *Хоць на грошы бяда, але*

дзяцей пад дастаткам и *Радасць не ў дастатку і шчасце не ў багацці; З дзеткамі гора, а без дзетак удвое* и *У каго дзеці, у таго шчасце*).

При анализе паремий с терминами, выявленными на основе лидерства тематических объединений, уже неоднократно отмечалось последовательное отражение в паремиях ценностных ориентаций, в соответствии с которыми ум, разумность, толковость определяются как то, что действительно заслуживает одобрения, ценится выше иных благ, является инструментом для обладания иными благами и т. п. Основательная изученность воплощений концептов, доминантные имена которых имеют значение 'ум' и 'глупость' [72; 95; 108; 136; 137; 162; 219; 256; 283 и др.], позволяет при описании паремий об интеллектуальных феноменах сконцентрировать основное внимание на сопоставлении количественных данных провербиальных собраний, проливающих свет на степень значимости этих феноменов в обыденном сознании и некоторые тождественные характеристики объективации соответствующих концептов в разноязычных паремиях.

Высокая номинативная плотность ядерной зоны концептов, содержание которых отражает представление об интеллектуальных феноменах, во всех анализируемых нами языках (см., к примеру, в русском языке *ум, разум, рассудок, мудрость, умный, разумный, толковый, рассудительный, мудрый, мудрец / глупость, невежество, слабоумие, тупость, глупый, глупец, тупой, дурак, дурень, олух, бестолочь* и др. или в итальянском языке *intelligenza, saggezza, saviezza, giudizio, senno, ragione, ingegno, intelligente, saggio, savio / stupidità, ignoranza, stoltezza, stupido, ignorante, sciocco, pazzo, matto, stolto, scemo, imbecille* и др.) делает выборку паремий с соответствующими терминами и их подсчет весьма трудоемким и нерациональным, поэтому для сопоставительного анализа были привлечены только те количественные данные, которые устанавливались на основании имеющихся словарных объединений.

Обратимся к наиболее важным для нашего исследования результатам количественного и содержательного анализа паремий об уме и глупости.

1. Во всех словарях паремии об интеллектуальных феноменах представлены в большом количестве, что подтверждает актуальность соответствующих понятий для носителей обыденного сознания и высокий ранг интеллектуальных феноменов в системе ценностей. Судить о равновесности / неравновесности объемов ТО об уме и глупости в разных словарях, тем не менее, очень сложно, так как в тематических провербиальных собраниях паремии об уме и глупости могут составлять отдельную группу (две группы, соответствующие противопоставленным сущностям), а могут объединяться с паремиями о знании, учении, опыте и т. п.¹. По этой причине в тех словарях, в которых наблюдается дробное

¹ Задача составителей словарей в связи с формированием тематических объединений паремий об уме и глупости, на наш взгляд, значительно осложнялась многоаспектностью осмысления данных феноменов в культуре,

тематическое членение, во внимание принималось суммарное количество паремий об интеллектуальных и сопряженных с ними феноменах, недифференцированно представленных в других словарях. Количественные показатели тематически организованных словарей таковы:

1) словарь В. И. Даля: ТО «Толк – бестолочь» 1020 ед. (первая позиция в ранжированном списке) – 3,04%¹, ТО «Ум – глупость» 671 ед. (шестая позиция в ранжированном списке) – 2%, совокупное число паремий двух ТО – 1691 ед., что составляет 5,04% от всего свода;

2) словарь К. Г. Берсеньевой: ТО «Мудрость» 240 ед. (третья позиция в списке) – 2,49%, ТО «Глупость» 211 ед. (шестая позиция) – 2,19%, ТО «Ум» 114 ед.; «Толк» 9 ед., ТО «Умный» 8 ед., в совокупности 582 ед. – 6,05%;

3) словарь Ф. Янковского: ТО «Розум, наука, вучэнне» 90 ед. (шестнадцатая позиция в списке) – 1,81% от всего количества паремий в словаре; ТО «Няздатнасць, няўменне, неахайнасць, бесталковасць, нікчэмнасць» 264 ед. (четвертая позиция) – 5,3%, в совокупности 354 ед. – 7,11%;

4) словарь М. Я. Гринблата: ТО «Розум. Кемлівасць. Дурасць» 401 ед. – 2,6%;

5) словарь Дж. Джусти: ТО «Sapere, ignoranza» (Знание, невежество) 68 ед. – 0,91%; ТО «Saviezza, mattia» (Разумность, глупость) 50 ед. – 0,67%, ТО «Prudenza, accortezza, senno» (Благоразумие, предусмотрительность, рассудительность) 81 ед. – 1,08%, в совокупности 283 ед. – 3,79%;

6) словарь Р. Шваменталя и М. Страньеро: ТО «Saggezza e follia» (Разумность и глупость) 159 ед. (четвертая позиция), ТО «Esperienza, prudenza» (Опытность, благоразумие) – 107 ед.; ТО «Sapienza e ignoranza» (Мудрость и невежество) 78 ед., в совокупности 237 ед. – 3,98%;

7) словарь В. Боджоне и Л. Массорбио: ТО «Sapere, intelligenza; esperienza / ignoranza, stupidità, inettitudine» (Знание, ум, опыт / невежество, тупость, ограниченность) 547 ед. – 1,82%, ТО «Saggezza / stoltezza, follia» (Разумность / глупость, безрассудство) 402 ед. – 1,34%, «Prudenza, accortezza / imprudenza, temerarietà» (Благоразумие, предусмотрительность / неблагоразумие, опрометчивость) 314 ед. – 1,05%, в совокупности 1263 ед. – 4,21%;

а также тем, что при предпринятом авторами максимально дробном членении необходимо было учитывать различие таких понятий, как «ум» и «разум», «intelligenza» и «saggezza», «Verstand» и «Vernunft», в то время как обозначающие данные понятия лексемы в каждом из языков характеризуются многозначностью и пересечением своих семантических объемов. Анализируя содержание концепта «ум» в русском обыденном сознании, И. В. Кириллова указывает на сложность ментальной сущности, объективируемой в русском языке лексемой «ум», на размытость границ между такими понятиями, как «ум», «разум», «мышление», «понимание», «рассудок», «интеллект» [137, с. 8, 13–14].

¹ Словарные объединения перечисляются в соответствии с их рангами, а именно от наиболее объемных к менее объемным. Позиция ТО в ранжированном списке указывается в случае, если ТО оказывается в числе 10 лидирующих словарных объединений. Процентные данные приводятся по наиболее объемным ТО.

8) словарь К. Ротера: «Besonnenheit» (Рассудительность) 117 ед. – 0,5%, «Klugheit» (Ум) 183 ед. – 0,79%, «Dummheit, Narrheit» (Глупость, Слабоумие) 408 ед. – 1,75%; в совокупности 708 ед. – 3,04%.

Как видим, в большинстве тематически организованных словарей (и наиболее последовательно в итальянских словарях) отражено стремление их составителей при делении паремий на тематические группы дифференцировать две важнейшие интеллектуальные характеристики человека. С одной стороны, это способность / неспособность человека руководствоваться в поведении здравым смыслом, умение подчинять рассудку, воле свои действия (в названиях ТО в словарях итальянских пословиц обнаруживаем оппозиции *saviezza – mattia, saggezza – follia, saggezza – stoltezza*). Это та сторона ума, которая согласно древним философским учениям сопряжена с «духом», психикой и в русском языке обозначается словами *благоразумие*, а также словом *ум* в том из значений, которое является типичным для этого слова при употреблении его в разговорной речи¹. С другой стороны, это способность / неспособность человека понимать суть вещей, логически мыслить, накапливать знания, применять их на практике (см. оппозиции *sapere – ignoranza, sapienza – ignoranza, intelligenza – stupidità*). Эта характеристика соотносима с понятийным содержанием, которым обладает русское слово *толк*, слово *разум*, определяемое как высшая степень познавательной деятельности человека², и слово *ум* в значении 'прикладная, обиходная часть способности к пониманию' [82, с. 494]³. Таким образом, в самом тематическом членении паремий, предпринятом составителями словарей, подчеркивается разностороннее осмысление интеллектуальных феноменов в паремиологических единицах, детерминированное тем, что в действительности можно быть умным, но совершать безрассудные поступки, поддавшись воле чувств; можно быть просвещенным, мудрым, но поступать нерационально с точки зрения практического разума, быть оторванным от жизни, неприспособленным к обстоятельствам и, по сути, быть «глупее» тех, кто обладает практическими навыками, знает хитрости несложного дела (см. *Ум без разума – беда; На глазах*

¹ См. определение значения слова *ум* в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой: «1. Мыслительная способность, лежащая в основе сознательной деятельности. // Большая проницательность, незаурядный и тонкий разум. // Определенный склад мышления, особенности миропонимания. // разг. Здравый смысл, определяющий разумное поведение (в противоположность чувству) (разрядка наша. – Е. Н.); 2. Сознание, рассудок» [101, с. 853].

² См. определение слова *разум* в словаре Д. Н. Ушакова: «1. только ед. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически мыслить, постигая смысл и связь явлений, уясняя законы развития мира, общества и сознательно находить целесообразные способы их преобразования. <...> 2. только ед. Ум, интеллект, в противоп. чувству. <...> 3. Смысл, идейное содержание, значение чего-нибудь (перевод франц. *raison*) (книжн. устар.). <...> Ум за разум заходит у кого – поговорка о том, кто не в состоянии соображать, разумно рассуждать или действовать» [315, с. 1203].

³ Комментируя значение слова *разум*, В. И. Даль отчасти смещает акценты, выявляя пересечение понятийного содержания слов *ум* и *разум* в русском языке: «Дух человека двуполовинчат: ум и воля; ум самое общее, а в частном значении самое высокое свойство первой половины духа, способное к отвлеченным понятиям; разум, которому можно подчинить: понимание, память, соображение, рассудок, разумение, суждение, заключение и пр., ближе подходит к смыслу, рассудку, применяясь к обиходному и насущному» [82, с. 53].

окошки, а не видит ни крошки; Ум без догадки гроша не стоит; Умный не всегда развяжет, что глупый завяжет; Трапiцца i найразумнейшаму здурнець; Мудры будзь, але не мудруйся; Non è sempre savio chi non sa esser qualche volta pazzo; Vi sono dei matti savi e dei savi matti; Non tutti quelli che hanno lettere, son savi; Verstand macht einen klugen, aber keinen frommen Mann; Gelehrte Leute sind auch oft große Narren. И, напротив, можно страдать слабоумием, но не быть убогим душой, не совершать безрассудных поступков; можно быть несведущим, казаться придурковатым, но не лишенным догадки, находчивости, ловкости, пронырливости (см.: *В учении не много, да в разуме тверд; Пока умный раздевался, дурак речку перешел; И дурак молвит слово в лад; Дурак, и в бочке сидя, волка за хвост поймал; Тое, што дурны за раз прынясе, разумны – за два; Былі такія дурні, што i нас здурьлі; Chi è matto, è bravo; Un matto sa più domandare che sette savi rispondere; Wenn's die Klugen nicht wissen, so frage die Narren; Ein Narr kann mehr fragen als sieben Weise sagen; Narren sagen, was die Klugen denken; Auch ein Narr kann einmal ein kluges Wort reden.*

Сложное взаимодействие рационального и эмоционального в человеке, связь интеллектуальных феноменов с душой, духом, божественным началом (см. рус. пословицы *Разум – душе во спасенье, Богу на славу; Всякая мудрость от Бога*) осмысливается человеком в давних времен. По Платону, благоразумие является одной из четырех основных добродетелей человека и определяется как умение достигать внутренней гармонии посредством полагания на «здравый ум», умение сдерживать чувственное рациональным [325, с. 45]. Аристотель в своей «Никомаховой этике» развивает этическую составляющую благоразумия как добродетели. Интерпретируя Аристотелевскую концепцию благоразумия, О. В. Артемьева отмечает, что благоразумие, в трактовке Аристотеля, вид добродетели, благодаря которой человек сознает, в чем заключается его благо, и положительная нравственная ценность благоразумия определяется тем, что она обусловлена умеренностью (σωφροσύνη). С помощью благоразумия человек в своем стремлении к благу способен выбрать правильные средства для реализации своих целей в конкретной ситуации, иными словами, благоразумие, будучи связано с человеческим благом, нацелено на принятие человеком правильных для достижения блага решений. О. В. Артемьева подчеркивает, что, по Аристотелю, благоразумие как особое знание или как часть души, причастная суждению, отличается в строгом смысле от нравственной добродетели, хотя одно без другого не существует; оно также отличается от мудрости как научного знания и постижения с помощью разума наиболее ценных по своей природе вещей [18].

Есть определенная символичность в том, что *saggezza* (лексема, использованная составителями словарей итальянских пословиц в названиях тематических рубрик) в толковом словаре итальянского языка «Dizionario Garzanti della lingua italiana» определяется как добродетель: «la virtù che consiste nel seguire la retta

ragione nelle condotta della vita, secondo un criterio di prudenza e di equilibrio; la sapienza applicata all'attività pratica» (добродетель, состоящая в следовании здравому смыслу в поведении, в совершении поступков в соответствии с критерием осторожности, уравновешенности; мудрость, проявляющаяся в практической деятельности) [362, p. 1514]. Вполне закономерным в этой связи представляется включение составителями словаря «Dizionario dei proverbi italiani» В. Боджоне и Л. Массорбио ТО «Saggezza / stoltezza, follia» (Разумность / глупость, безрассудство) и ТО «Sapere, intelligenza; esperienza / ignoranza, stupidità, inettitudine» (Знание, ум, опыт / невежество, тупость, ограниченность) в раздел, именуемый «Le virtù e i vizi, le qualità e i difetti» (Добродетели и пороки, достоинства и недостатки), и рассмотрение категорий, обозначенных в названиях этих ТО, в одном ряду с морально-этическими категориями, такими как доброта и злонравие, мужество и трусость, честность и нечестность, искренность и лицемерие и др.

2. Осмысление феноменов «ум» и «глупость» в паремиологических единицах является многоаспектным и аксиологически вариативным (амбивалентным)¹. Предпринятая в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио внутренняя дифференциация ТО «Saggezza / stoltezza, follia» и ТО «Sapere, intelligenza; esperienza / ignoranza, stupidità, inettitudine» является непосредственным подтверждением этого (разумеется, в рамках семиотического пространства итальянской культуры). Приводим ниже перечень микротем, составляющих названные выше ТО словаря итальянских пословиц В. Боджоне и Л. Массорбио.

IX.23. **Saggezza / stoltezza, follia** (Разумность / глупость, безрассудство)²

IX.23.1. Значение разума, проявления разумности, преимущество тех, кто умен

IX.23.2. Преимущества разумности, недостатки глупости и безрассудства; отрицательные отзывы о глупости и безрассудстве вообще

IX.23.3. Недостатки разумности, преимущества простодушия, глупости и безрассудства

IX.23.4. Разумность и глупость в суждениях

IX.23.5. Хорошие и плохие советы, мудрые и глупые советчики

IX.23.6. Благоразумие в следовании советам и в обращении за советом, бесполезность давать советы мудрым людям

IX.23.7. Трудность быть разумным, ограничения разумности; распространение глупости и безрассудства

IX.23.8. Рекомендации, как вести себя с глупцами и безумцами

IX.23.9. Источники разумности

¹ Амбивалентное отношение к уму и глупости, в частности, носителей русской культуры отмечается исследователем И. В. Кирилловой [137, с. 9].

² Далее названия микротем даны сразу в переводе.

IX.23.10. Старость и мудрость

IX.23.11. Проявления, формы, причины глупости и безумия

IX.23.12. Глупость тех, кто гордится собой

IX.23.13. Глупость тех, кто считает себя умным

IX.23.14. Глупость образованных людей

IX.23.15. Невозможность исправления дураков и безумцев

IX.23.16. Другие пословицы о разумности и глупости

IX.24. **Sapere, intelligenza; esperienza / ignoranza, stupidità, inettitudine**
(Знание, ум, опыт / невежество, тупость, ограниченность)

IX.24.1. Ценность и важность знания, преимущества образованности; вред невежества

IX.24.2. Учеба, школа, книги

IX.24.3. Беспредельность познания, невозможность знать все, ограничения познания

IX.24.4. Глупость тех, кто считает себя умным¹

IX.24.5. Знание как источник страданий, невыгоды мудрости

IX.24.6. Последствия невежества и тупости, поведение невежд; распространение невежества

IX.24.7. Рекомендации, как вести себя с дураками и невеждами

IX.24.8. Невозможность изменения невежд, дураков и сумасшедших

IX.24.9. Просвещение и безрассудство, просвещение и тупоумие

IX.24.10. Глупость и ум, обнаруживающие себя в речах

IX.24.11. Умные и глупые люди; источники ума / знаний / глупости

IX.24.12. Другие пословицы о просвещении и невежестве, уме и глупости

IX.24.13. Опыт²

Носителю любой лингвокультуры при знакомстве с данным списком, по всей вероятности, придут на ум паремии родного языка, которые будут соответствовать смыслам, схематично обозначенным в названиях микротем. Вряд ли можно ставить под сомнение то, что в любом провербиальном фонде мы найдем паремии, в которых ум, благоразумие, просвещенность получают высокую оценку, а глупость, безрассудство и невежество подлежат осуждению; нет сомнений и в том, что в любом из провербиальных фондов каждый из названных феноменов может осмысляться как в положительной, так и в отрицательной своей значимости, то есть если мы обратимся к микротемам «IX.23.1. Значение разума, проявления разумности, преимущество тех, кто умен»; «IX.23.2. Преимущества разумности, недостатки глупости и безрассудства; отрицательные отзывы о глупости и безрас-

¹ Паремии ТО, имеющего индекс IX.24.4, равно как и одноименного ТО, имеющего индекс IX.23.13, по ссылке помещены в другом разделе IX.26. *Superbia, presunzione / umiltà; pusillanimità* (Высокомерие, самонадеянность / смирение; малодушие).

² Данное ТО подразделяется еще на семь частных микротем.

судстве вообще»; «IX.23.3. Недостатки разумности, преимущества простодушия, глупости и безрассудства»; «IX.24.1. Ценность и важность знания, преимущества образованности; вред невежества», выделяемым в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио, то убедимся в том, что эти микротемы окажутся общими для паремий каждого из исследуемых нами языков:

- в русских паремиях **положительные / отрицательные характеристики ума**: *Ум да здоровье – всего дороже; Ум в голове – удача на гряде, а без ума и счастье из рук ушло; Разум силу победит; С умом взяться за дело – и снег загорится, без ума – и масло не вспыхнет; Есть ум, есть и рубль; Глупый ищет места, а разумного и в углу видно; Умный грешит, да поправит спешит; Мудрый слышит вполслова; Счастье едет в карете, а с умом идет пешком; От большого ума сходят с ума; Ум непостоянен, а человек окаянен; Ежедён не будешь умён; С умом жить – мучиться, а без ума жить – тешиться*; **отрицательные / положительные характеристики глупости**: *Дурак – Богу печаль, а умный за него отвечай; Дурака и в алтаре бьют; На дурака и муха валится; Дураку хоть плюй в глаза, а он: это божья роса; Глупого учить – что мёртвого лечить; От дурака не жди добра; Дурак – дуринушка людям, а себе-то разумен; И глупый умного дурачит; как глупый скачет, умный плачет; Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат; Дурак завяжет – и умный не развяжет; Пока умный думает, дурак два раза сына женит; Дурак копчёным льдом угощал; Глупому не страшно и с ума сойти; На дурака Бог хлеб родит; Дуракам во всём счастье.*

- в белорусских паремиях **положительные / отрицательные характеристики ума**: *Розум – найлепшае багацце; Памыснасць лепша за багацтва; Лепей вучоны, як залачоны; Без розуму горш, чым без здароўя; Пры разумнай справе і галава ў пашане; Розум і сілу перамагае; Той усё дабудзе, у каго вум будзе; Разумнаму латво радзіць; Галава ўсяму галава; У добрай галавы сто рук; У разумнага разумныя і рукі; За разумнаю галавою і рукам лёгка; Разумнаму шмат не трэба талкаваць; Часам і разумнага трэба перасцерагчы; Лішняя мудраванне – дураванне; Хто надта разуме, то найдурней выходзіць*; **отрицательные / положительные характеристики глупости**: *Няма розуму – лічы калека; Дурань ні да рады, ні да звады; Дурак дураком ва веці вяком; П'яніца праспіцца, а дурань ніколі; Дурному і лапатаю розуму ў голаў не накласці; Дурному і грошы не памагаюць; Дурнога і ў цэркві (касцелі) б'юць; Дурному і муха ў рот ляціць; Дурному хоць кол на галаве чашы, то ён усё сваё; Застаў дурака Богу маліцца – увесь лоб праб'ець; Дурань як варона, а хицёр, як чорт; Дурань вузел завяжа, разумны не развяжа; Часам дурань разумней за ўсіх; З дурных людзі бываюць, а разумныя прападаюць; За дурным шчасце бяжыць; За дурнямі Бог.*

- в итальянских паремиях **положительные / отрицательные характеристики ума**: *Il più bel patrimonio è la sapienza; Senno e sapere vale sopra ogni avere; Il buon senso è meglio di una cassa d'oro; Dov'è sapere, non manca ricchezza; A chi sa, non*

manca nulla; A chi ha testa, non manca cappello; L'uomo saggio sa trovare riparo a tutto; Col giudizio si fugge ogni precipizio; Chi sa, è padrone degli altri; Al savio poche parole bastano; Chi aggiunge sapere, aggiunge dolore; Il troppo giudizio fa andare in precipizio; Chi troppo studia, matto diventa, – chi niente studia, mangia polenta; Bisogna che il savio porti il pazzo in ispalla; Niuno è savio d'ogni tempo; отрицательные / положительные характеристики глупости: Vale più un grano di pepe che una testa d'asino; Per gli scemi non c'è paradiso; L'ignoranza è madre della miseria; Se non ti cammina il cervello, ti patisce lo stomaco; La parte del minchione è la prima mangiata; Alle barbe dei pazzi il barbiere impara a radere; A non sapere si mangian mosche; A chi non comprende, male andrà quanto si trova; Chi nasce matto non guarisce mai; Un pazzo getta una pietra nel pozzo, che poi ci voglion cento savi a cavarla fuori; Quanti pazzi nutre la farina e quanti savi muoiono di fame; Non tutti i matti stanno al manicomio; Il manicomio è una vetrina e i matti sono fuori; La fortuna dei pazzi ha cura; Asini e bambini, Dio li aiuta;

• в немецких паремиях **положительные / отрицательные характеристики ума**: *Besser Verstand und fröhlicher Mut als fürstliche Schätze und königlich Gut; Verstand gibt Weisheit; Die Klugheit ist das Auge der Tugend; Verstand hat überall sein Vaterland; Ein feiner Verstand ist besser als eine grobe Faust; Die Vernunft ist der weisen Meister; Die Weisheit ist aller Dinge Anfang; Mit Vernunft kompt man vielem Unglück vor; Wer klug ist, merkt den Braten; Wer zu gescheit ist, ist halb ein Narr; Zuviel Weisheit ist Narrheit; Unnütze Klugheit ist doppelte Torheit; Die Klugen müssen die Narren tragen; Verstand ohne Geld gilt wenig in der Welt; Je weniger Verstand, desto mehr Glück; Viel Verstand hat wenig Glück; отрицательные / положительные характеристики глупости*: *Dummheit straft sich selbst; Auf Narren tropft es überall; Zuweilen ein Narr sein ist auch eine Kunst; Narren wissen alles; Während die Klugen klügeln gar fein, nehmen die Dummen die Festung ein; Ein Narr kann einen Stein in den Brunnen werfen, den zehn Weise nicht herausziehen; Kein Narr ist so dumm, er findet einen, der ihn für klug hält; Der Narr hat Vorteile in allen Landen; Narren sitzen gern oben; Die Narren haben das beste Leben; Dem Narren fehlt nichts als der Verstand; Narren haben das beste (meiste) Glück; Gott ist der Dummen Vormund.*

Сопоставительный анализ содержания приведенных здесь паремиологических единиц показывает, что паремии всех четырех лингвокультур обнаруживают сходство, во-первых, в плане того, что же именно определяется как «хорошо» и «плохо» при осмыслении ума и глупости, и, во-вторых, в амбивалентности самих оценок (что является закономерностью и для других фрагментов провербиальных пространств). Противоречивость оценок связывается с приписыванием и одновременно отрицанием одних и тех же свойств, осмысляемых в ценностном отношении: ум ведет к решению всех проблем, к богатству, уважению, почету, ум дается от Бога, в то же время не все решает ум, большой ум может привести к безумию, ум не гарантирует человеку богатства, позволяет себя одурачить, Бог отка-

зывает уму в счастье; глупость – признак и причина нищеты, не заслуживает уважения, глупость неисправима, бита, беззащитна, является предметом насмешек и издевок, но в то же время она сыта, весела, беззаботна, по-своему догадлива, учится на своих ошибках, глупости везет, слабоумные под патронажем у Бога и вызывают сочувствие.

Конечно, можно с большей степенью конкретности, чем это представлено в рубрикации словаря итальянских пословиц, передать смыслы паремий об уме и глупости каждого из анализируемых нами языков и убедиться в схожести большей части логем, однако такого рода анализ проводить нерационально, так как на настоящий момент уже доказано, что концептуализация мира, связанная с осмыслением интеллектуальных феноменов, представителями разных этносов в целом схожа [72; 95; 219; 256].

В свете сказанного утрачивает свою привлекательность идея уникальности русского концепта «дурак»¹, так как созданные в разных лингвокультурах образы «дурака» при всем их своеобразии обнаруживают общие черты [72, с. 10–11; 256, с. 9–11], равно как сомнительным кажется и утверждение, что сочувствующее, жалостливое, снисходительно-насмешливое отношение к дуракам является специфической чертой только русского менталитета².

3. Показания словарей, организованных с опорой на понятие «стержневое слово», вскрывают закономерность, заключающуюся в значительном преобладании в каждом из провербиальных фондов паремий о глупцах, дураках и олухах над паремиями об умных, рассудительных и мудрых людях³. И в словаре под редакцией В. М. Мокиенко, и в словаре К. Вандера суммарное количество паремий со стержневым словом, обозначающим недалекого, глупого, безрассудного человека, больше (в 6 и 3 раза соответственно) суммарного количества паремий со стержневым словом, обозначающим человека мудрого, умного, рассудительного.

В «Большом словаре русских пословиц» со стержневым словом *дурак* зафиксировано 466 паремий, *глупый* – 27, *дурень* – 17, *дура* – 11, *дурной* – 10, *бес-толковый* – 2, со стержневыми словами *дураче*, *дурка*, *глупец*, *олух*, *простак*, *простачок* по одной паремии; со стержневым словом *умный* – 53 паремии, со стерж-

¹ К такому выводу, например, приходит исследователь И. В. Кириллова [136, с. 67]. Полагаем, что содержание любого лингвокультурного концепта в сравнении с содержанием концептов, имеющих то же понятийное ядро и представляющих иные лингвокультуры, будет отличаться своеобразием, определяемым хотя бы тем, что концепты обладают своим составом объективирующих языковых средств, своим полем образов и ассоциаций, своей информационной и провербиальной зоной, однако приписывать уникальность любому из таких лингвокультурных концептов неправомерно уже потому, что их объединяет одно и то же понятие.

² Данная мысль нашла отражение в работе Т. И. Полищук [256, с. 8–9].

³ Эта закономерность отмечается и другими исследователями. На основании сопоставления воплощений концептов, доминантные имена которых имеют значение 'ум' и 'глупость', в немецкой и английской лингвокультуре А. А. Мишин приходит к выводу о том, что «содержание концепта *глупость* объемнее антонимичного ему концепта *ум* и объективируется в большем количестве лексико-фразеологических средств, паремий, прецедентных имен и текстов» [219, с. 7]. К аналогичным выводам приходит и И. В. Кириллова, сопоставляя воплощение соответствующих концептов в русской и чешской лингвокультурах [137, с. 16].

невым словом *разумный* – 9, *мудрый* – 7, *мудрец* – 7, *умница* – 6, *разумник* – 1. В совокупности – 539 паремий (0,77%) с лексемами, обозначающими тех, кто характеризуется отсутствием ума, и 83 паремии (0,12%) с лексемами, обозначающими обладателей ума.

В словаре К. Вандера со стержневым словом *Narr* (дурак, глупец) зафиксировано 1367 паремий, *dumm* (глупый) – 152, *Dummkopf* (дурак, болван) – 9; со стержневым словом *klug* (умный, толковый, благоразумный) зафиксировано 152 паремии, (*der*) *Weise* (мудрец) – 178, *weise* (мудрый) – 104, *gescheit* (разумный) – 37, (*der*) *Gescheite* (разумник) – 10; в суммарном количестве 1528 (0,61%) и 481 (0,19%).

Преобладание паремий о дураках, олухах, невеждах подтверждается и при анализе тематически организованных словарей. Напомним, что в словаре К. Ротера, например, количество паремий в ТО «Dummheit, Narrheit» (Глупость, Слабоумие) более чем в два раза превышает количество паремий в ТО «Klugheit» (Ум). В словаре В. И. Даля и в ТО «Ум – Глупость», и в ТО «Толк – Бестолочь» чаще отмечаются паремии, характеризующие глупцов, бестолочей, описывающие ситуации, участниками которых являются недалекие, неразумные люди, чем паремии о мудрых, умных, рассудительных, толковых людях. То же характерно и для словаря белорусских пословиц М. Я. Гринблата, словарей итальянских пословиц.

Соотношения суммарного количества паремий со стержневыми словами, называющими лиц по их интеллектуальным характеристикам, и суммарного количества паремий со стержневыми словами, являющимися абстрактными именами интеллектуальных феноменов, в «Большом словаре русских пословиц» и словаре «Deutsches Sprichwörter-Lexikon» на фоне иных корреляций оказались, тем не менее, различными.

В словаре русских пословиц под редакцией В. М. Мокиенко со словом *глупость* 11 паремий, *дурь* – 5, *дурость* – 2, *придурь* – 1 (в сумме 19 ед. – 0,03%); со стержневым словом *ум* 390 паремий, *разум* – 55, *толк* – 35, *мудрость* – 16, *умишко* – 4 (в сумме 500 ед. – 0,71%). Как видим, паремии с абстрактными именами, называющими антиценностные интеллектуальные феномены, значительно уступают по количеству паремиям с именами, называющими ценностные интеллектуальные феномены: соотношение 1/26. Такую же корреляцию, правда, с меньшей разницей между составами паремий показывает и словарь К. Вандера; сравн.: со стержневым словом *Narrheit* (слабоумие, глупость) в словаре отмечается – 58 паремий, *Dummheit* (глупость) – 18 (в сумме 76 ед. – 0,03%), в то время как со стержневым словом *Verstand* (ум) в словаре зафиксировано 227 паремий, *Weisheit* (мудрость) – 188, *Vernunft* (разум) – 41, *Klugheit* (толковость) – 35, *Gescheitheit* (разумность) – 2 (в сумме 493 ед. – 0,2%); соотношение 1/6,4.

При суммировании всех паремий (из словаря русских пословиц) со стержневыми словами, объективирующими каждый из концептов, то есть паремий с абстрактными именами и именами лиц, получается очень близкое к равновесию соотношение: 558 (0,8% от всего состава паремий) со стержневыми словами *глупость*, *глупый* и их синонимами и 579 паремий (0,83% от всего состава паремий) со стержневыми словами *ум*, *умный* и их синонимами; а в словаре немецких пословиц наблюдается преобладание паремий со стержневыми словами, представляющими антиценностный член оппозиции «ум – глупость»; сравн.: 1604 единицы (0,64%) со стержневыми словами, обозначающими антиценностные интеллектуальные свойства и их носителей, и 974 единицы (0,39%) со стержневыми словами, обозначающими ценностные интеллектуальные свойства и их носителей.

Отмеченное расхождение количественных показателей словарей, организованных по стержневому принципу, не следует, тем не менее, рассматривать как основание для утверждения, что в русском провербиальном своде, в отличие от немецкого, равновесное количество паремий об уме и глупости. Во-первых, необходимо учесть то, что количественные данные отражают составы только тех паремий, в которых лексемы, обозначающие ум или глупость, умных или глупых людей, выступают в качестве стержневых слов (в качестве стержневого определяется знаменательное слово паремии, тяготеющее к ее началу и концентрирующее в себе ее основной смысл [225, с. 7]), следовательно, часть паремий (и значительная, если принять во внимание то, что для обозначения глупых людей зачастую используются лексемы во вторичном значении) остается вне поля зрения. Следует обратить внимание и на такие моменты, которые определяют уменьшение состава паремий об уме, установленного в результате подсчетов по формальному признаку. Лексемы *ум*, *умный* и их синонимы могут использоваться в структурах с антифразисом, то есть в значении, контрастном исходному, характеризоваться иронической коннотацией, кроме того, есть еще структуры с отрицанием и иного рода структуры, в которых для обозначения глупых, недалеких, неразумных, недогадливых людей привлекаются лексемы *ум* или *разум*¹: *Большого ума Фома, да зато велика у него сума; От большого ума досталась сума; В умницы попал, а из дураков не вышел; Умом обносился и ни с кем не спросился; Велик вырос, а ума не вынес; Ума много, да вон нейдет; Ума много, да разума нет; Ума нет – беда неловко²; Ума нет – так за кожу не пришьёшь; Дал бы ума, да в себе недостаток; Умом туп, да кошелёк тут; Богатый без ума что скорлупа без ядра* и др.

Преобладание паремий о глупости над паремиями об уме, в чем мы вновь и вновь убеждаемся, привлекая разного рода данные, тем не менее, не есть свидетельство того, что соответствующий фрагмент провербиальной картины

¹ Аналогично употребление соответствующих лексем в белорусских, итальянских и немецких паремиях.

² В примечании сказано, что паремия используется для выражения отношения к тому, кто недогадлив, несообразителен [396, с. 929].

мира окрашен преимущественно в темные тона и бичевание, потешание, иронизирование – «однаправленные» речевые действия. Не нужно забывать, что понятия «ум» и «глупость» образуют бином и актуализация знаний об одной категории имплицитно актуализирует знание о другой категории. Это означает, что отрицательная оценка глупости утверждает ценностную значимость противоположной ей сущности, а указание на негативные стороны ума свидетельствует о том, что не только глупость, но и ум имеет свои негативные характеристики. Причем паремии о так называемых «невыгодах» ума отнюдь не подразумевают ценностной ориентации на глупость, предельный смысл таких паремий – это, скорее, предупреждение, адресованное тем, кого можно назвать мудрецами, разумными людьми, о трудностях, которые ожидают их в жизни, о неблагоприятности к ним судьбы и пр. И русская паремия *Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив* при интерпретации ее смысла отнюдь не предполагает отрицания ценностной значимости ума или красоты, напротив, именно ценностная значимость ума и красоты как пресуппонируемое знание выступает здесь своеобразным интенсификатором ценностной значимости счастья. В импликационале паремии переживание, «переплетение» разных чувств человека: сокровенного желания быть обладателем дарованной свыше счастливой доли, огорчения по поводу отсутствия таковой, радости, искренней или окрашенной щемящим чувством зависти, за обладателей счастья; паремия может использоваться для выражения недовольства по поводу дарованных благ, вопреки отсутствию (по субъективным оценкам или реальному отсутствию) причин для того, и др. (сравн.: *Он был молод, красив собою, богат, не был на службе и не хотел служить, мог пользоваться всеми приятностями блестящей независимости. Вдобавок не был он и автор и даже был достаточно безграмотен. Когда же Карамзину, в чине статского советника, была пожалована Анна первой степени, его взорвало. «Вот, – говорил он в исступлении, – прямо сбывается русская пословица: не родись ни умен, ни пригож, а родись счастлив!* П. А. Вяземский. Старая записная книжка (1830–1870); *Грустно, любезный Николай Алексеевич, когда и в военном мире найдешь разочарование, когда в баловнях славы увидишь глину горшечную и слепую фортуна, без умысла производящую следствия изумительные! Здесь-то оправдалась пословица, что не родись умен, родись счастлив...* А. А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830–1837)¹.

Таким образом, резюмируя все сказанное о многообразии смыслов, присущих паремиям об уме и глупости, нельзя не согласиться с мнением О. Г. Дубровской, которая в результате проведения сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости пришла к выводу, что «феномены ум и глупость являются такими же сложными, противоречивыми, двой-

¹ Источником контекстов является Национальный корпус русского языка [232].

ственными, как сложна, многогранна и противоречива сама реальная действительность» [95].

Не менее сложным, многогранным и противоречивым является отношение носителей обыденного сознания к Богу. В каждом из провербиальных сводов паремии о вере в Бога могут составить (а в тематически организованных словарях составляют) отдельное тематическое объединение, так как количество паремий на религиозную тематику велико. К такому выводу можно прийти на основании данных, приведенных в Таблицах 3.21 и 3.22.

Таблица 3.21. – Объективация концепта «Бог»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	304	0,9	42	0,44	1437	2,05	-	-	-	-	465	3,02
Паремии с термином <i>Бог</i>	1120	3,33	73	0,76	2057	2,94	157	4,23	35	0,7	449	2,91

Таблица 3.22. – Объективация концепта «Dio» / «Gott»

Составители	Джустини		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	68	0,91	120	2,01	721	2,40	-	-	3338	1,34	-	-
Паремии с термином <i>Бог</i>	167	2,24	107	1,80	635	2,12	416	3,15	5256	2,10	15	0,17

Обращает на себя внимание и тот факт, что в провербиальных собраниях XX и XXI вв. объем паремий с термином *Бог* в процентном выражении оказывается меньшим, чем в провербиальных собраниях XIX в. Это объясняется, во-первых, подвижками в мировоззрении людей, обусловленными общественно-политическими и иного рода причинами и, естественно, оказывающими влияние на паремиографическую практику, во-вторых, различием целей, которые ставили перед собой составители словарей: академичность и максимальная полнота или популярность и детерминируемая потребностями времени, а также «концепцией» собрания минимизация. Так, невысокий процент паремий с компонентом *Бог* / *Божя* (0,7%) в словаре Ф. Янковского понятен, если принять во внимание, в какое время готовился к печати данный словарь и какие требования предъявляла к печатной продукции идеология того времени; сравним, насколько значительным оказывается такое количество паремий в словаре И. И. Носовича (4,23%), да и в

словаре М. Я. Гринблата количество паремий с компонентом *Бог* составляет почти три процента от всего состава паремий. Составитель словаря русских пословиц К. Г. Берсеньева ставила своей целью, по-видимому, донесение до читателя наиболее весомых в плане назидания и важных в плане отражения жизненного опыта паремиологических единиц (к примеру, паремии на тему труда в этом словаре составляют почти семь процентов от всего состава провербиальных выражений, в то время как в словаре В. И. Даля такие паремии составляют 1,61%), паремии на религиозную тематику, таким образом, оказались в тени.

Однако и в старых, и в новых словарях фиксируются паремии, в которых выражается диалектическое отношение к вере в высшие силы. С одной стороны, это паремии о могуществе, всеисилии и справедливости Бога, паремии, предупреждающие о строгости Божьей кары, паремии, в которых человек – ведомый субъект – взывает о помощи к Богу и выражает надежду на Божью помощь; а с другой стороны, это паремии, которые вменяют человеку – волевому, активному субъекту – необходимость полагаться на свои силы, а не «на провидение Господне», паремии, отражающие такие ориентации, которые соответствуют не столько Божьим заповедям, сколько морали обывателя, отрефлексированной в пословице *Бог Богом, а люди людьми*. Выражение *Бог Богом, а люди людьми* вскрывает основания конфликта идеального и реального миров, обусловленного слабостью человеческой природы, путь же к нахождению баланса, разрешению этого конфликта видится, как подсказывает здравый смысл, в гармоничном единении двух вер, двух сил. Предельный смысл одних паремий заключается в ориентации на силу святого духа (регулятор вне человека) и, соответственно, высшее Благо; при этом Бог и высшее Благо, к которому человек ведом Богом, по сути, едины. Бог мыслится как Наставник, Куратор и строгий Судья человека: Бог дает о себе знать, вскрывая правду, указуя на грехи и карая за них, посылая испытания человеку, препятствуя достижению желаемого или, напротив, осеняя неожиданной благодатью, протягивая руку помощи, даруя прощение. Бог как регулятор может отождествляться и с мирским судом, принявшим божьи заповеди, человек «да убоится» Бога, а значит, и мирского суда.

К числу паремий, в которых как высшая ценность утверждается Благо, заключающееся в Боге и исходящее от Бога, человеку внушается то, что Бог предопределяет все сущее и вершит деяния по своему суду, человек ведом Богом, относятся следующие: *Нужен путь Бог правит; Человек ходит, Бог водит; Бог не даст – нигде не возьмешь; Бог не захочет, человек не сможет; Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит; Кто неправдой живет, того Бог убьет; Как-ков до Бога, таково и от Бога; Человек так, а Бог инак; Без Бога не да парога; З Богом не жарты; Бог святы ведае, як пражывем век; Так Бог нам даець, як мы просім; Бог не цяля: відзіць праведніка і круцяля; Як захоча Бог уляпіць, то ўлепіць: розум адніме і вочки аслепіць; *Sopra il sal non è sapore, sopra Dio non è**

signore; Non muove foglia, che Dio non voglia; Dove Dio non mette, l'uomo non può; Bisogna volere quel che Dio vuole; Chi sta con Dio, Dio sta con lui; A chi ben crede, Dio provvede; L'uomo propone e Dio dispone; Dio vede e Dio provvede; Chi contro Dio gitta pietra, in capo gli torna; Ognuno ha il paradiso che si merita; È meglio quel che Dio manda, che quel che l'uom dimanda; An Gottes Segen ist alles gelegen; Es steht alles in Gottes Hand; Bei Gott ist kein Ding unmöglich; Sei fromm, Gott sieht's; Was recht ist, das hat Gott lieb; Gottes Mühle mahlt langsam, aber klein; Großer Reichtum hilft nicht, wenn nicht Gott den Segen spricht; Alle guten Geister loben Gott; Der Mensch denkt, Gott lenkt; Besser in Gottes Halle gedarbt, als in des Teufels Küche geschwelgt¹.

Предельный смысл других паремий заключается в ориентации на силу духа самого человека (регулятор внутри человека) и, соответственно, мирское Благо. Бог мыслится как Наблюдатель, он остается безучастным, не замечающим бед человека, покровительствующим богатым и оттого для обычного человека как бы «несуществующим» – в мирском «да царит» мирское, за худое воздастся в ином мире. Человек не боится Бога, а в ориентации на Благо опорой выступает совесть (как отражение коллективного в индивидуальном сознании) и мирской суд, который может осудить, следуя мирским законам, а может и оправдать по принципу «все не без греха». Такого рода смыслы обнаруживаются в паремиях: *Воля – свой бог; Где человек не сможет, там и Бог не поможет; Богу молись, а добра ума держись (а к берегу гребись); Бог-то Бог, а не будь сам плох; Будешь плох – не даст и Бог; На Бога надейся, а сам не плошай; Одному Бог дал, а другому посулил; Что тому Богу молиться, который не милует!; Отыми, Бог, стыд – так будешь сыт; Плакаться станешь, Бог больше жить заставит; Чаго чалавек не зможа, то і Бог не паможа; На Бога спадзявайся, але сам старайся; Бог-то Бог, да і сам не будзь плох; Як Бог дасць разжыцца, будзем і не вячэраўшы спаць лажыцца; Бог жыве сабе на небе і не думае аб хлебе; Бог няроўна дзеліць; Бог з людзьмі робіць ігрыска: аднаго ўгару, а другога нізка; Абяцаў Бог даць, але казаў паждаць; Працуй, мужыча, на тым свеце Бог разліча; У Бога многа, але не для нас; Нечага таму Богу кланяцца, каторы на нас не глядзіць; Ognun pensi per sé e Dio per tutti; Dio acconsente ma non sempre; Chi chiama Dio, non è contento; e chi chiama il diavolo, è disperato; Dove si manuca, Dio mi conduca; dove si lavora, Dio mi tenga fuori; Dio a chi da il sacco e a chi da la farina; Dio manda i biscotti a quelli che*

¹ Многие из паремий, в которых утверждается вера в могущество Бога и праведность Божьего суда, по всей видимости, библейские по происхождению; появление их в том или ином языке могло быть опосредовано заимствованием из другого языка. Так, В. И. Даль в своем словаре отмечает переводной характер паремии *Человек предполагает, а Бог располагает* [83, с. 17], сравн. с библейским: «Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его» (Притчи Соломона 16, 9) [32, с. 86]. Согласно словарю Дж. Пацолая, эквиваленты и аналоги выражения *Человек предполагает, а Бог располагает* отмечаются в 39 европейских, а также в арабском, персидском и китайском языках, обнаруживается это выражение в древнегреческой и древнеримской поэзии [373, р. 308–311]. Библейские корни имеют также паремии *Нужен путь Бог правит* [32, с. 85]; *Что Богу неудобно, то и негодно* [32, с. 86]; *Бог виноватого найдёт* [32, с. 84]; *Бог дал, Бог и взял* [32, с.82]; *За добро Бог плательщик* [32, с. 84]; *Тот не унывает, кто на Бога уповает* [32, с. 85].

non hanno denti; Ein Mensch ist des andern Gott; Das Gewissen ist des Menschen Gott; Gut Gewissen und armer Herd ist Gott und aller Ehren wert; Auf Gott vertrau, Arbeit nicht lau, Leb genau; Gott ist nah, das Hemd noch näher; Gott hilft den Reichen, die Armen können betteln gehen.

О гармоничном единении двух вер и двух сил говорят поговорки, в которых отражается идея одобрения Богом активной жизненной позиции человека, сравн.: *Кто сам себя стережет, того и Бог бережет; Хто сам сябе сцеражэ, таго і Бог беражэ; Калі конь бяжыць, дак і Бог мнажыць; Chi s'aiuta, Iddio l'aiuta; Bist du Gottes Sohn, so hilf dir selbst; Hilf dir selbst, so hilft dir.*

Поговорки с компонентом *Бог / Dio / Gott* подтверждают и другую закономерность отражения ценностных ориентаций в поговорочных выражениях, заключающуюся в том, что знание о ценностной значимости одной сущности может выступать своеобразным инструментом для утверждения ценностной либо антиценностной значимости другой сущности: *Дал бы Бог здоровья, а счастья найдём; Смиренье – Богу угожденье, уму просвещенье, душе спасенье, дому благословенье и людям утешенье; За терпенье дает Бог спасенье; Правда груба, да Богу любя; Бог тому и даёт, кто правдой живёт; Кто добро творит, того Бог благословит; Доброму Бог помогает; Злому человеку не прибавит Бог веку; Кто рано встает, тому Бог подает¹; Смелым Бог владеет, пьяным черт качает; Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать; Бодливой корове Бог рог не дает; Шчыраму і Бог дапамагае; Смеламу Бог памагае; За пыха Бог з неба спіха; Работай, нябожа, то і Бог паможжа; Бог труды любіць; Хто да сонца ўстае, таму Бог дае; Плакаў, плакаў – Бог аднакаў, стаў спяваці – стаў Бог даваці; Там і Бог раюе, дзе жонка мужыка шануе; Ведаў Бог, каму не даў рог; Ведаў Бог, што не даў свінні рог; Бог шэльму меціць; Chi ha ragione, Iddio l'aiuta; Chi fugge il peccato, cerca Dio; Chi sprezza l'onore, sprezza Dio; Chi mal pensa, Dio gli dia male; Dove non è ordine, Dio non abita; Chi lavora, Dio gli dona; Chi vuoi la grazia da Cristo non abbia fretta; Gente allegra Iddio l'aiuta; Di' la verità che Dio t'aiuta; Lingua mendace con Dio non ha pace; A cattiva vacca Dio dà corte corna; Was recht ist, hat Gott lieb; Gott hilft gerne dem stärksten; Gott hilft dem Kühnen; Wer früh aufsteht, viel verzehrt, wer spät aufsteht, den Gott ernährt; Die Lacher hat Gott lieb; Gott hilft dir nicht, wenn du nicht laufst; Gott hilft dem Fleißigen; Gott hilft dem Arbeitsamen; Gott hilft keinem Faulen; Der Geiz hat seinen Gott im Kasten; Der muss Gottes Ehre verletzen, der das Gold sich macht zum Götzen; Gott weiß wohl, warum er der Geiß den Schwanz abgehauen hat.* В составе утверждаемых ценностей оказываются здоровье, смирение, добрый нрав, смелость, правда, безгрешие, честность, трудолюбие, милосердие, щедрость, жизнерадостность. Заметим, что состав ассоциируемых с

¹ См. библейское *Не люби спать, чтобы тебе не обеднеть; держи открытыми глаза твои, и будешь досыта есть хлеб* (Притчи Соломона 20, 13) [32, с. 117]; *Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает* (Притчи Соломона 10, 4) [32, с. 115].

доминатными ценностями концептов в разноязычных паремиях, как правило, совпадает.

Таким образом, обращение к авторитету Бога встраивается в общую систему средств, формирующих ценностное сознание человека. Таблицы 3.23, 3.24, 3.25 и 3.26 (см. ниже) убедительно доказывают, насколько менее значимыми для продуцентов паремий оказались другие рычаги воздействия на ценностное сознание человека.

Таблица 3.23. – Объективация концепта «закон»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	24	0,07	53	0,55	61	0,09	-	-	-	-	-	-
Паремии с термином <i>закон</i>	45	0,13	17	0,18	116	0,17	2	0,05	6	0,12	11	0,07

Таблица 3.24. – Объективация концепта «legge» / «Gesetz»

Составители	Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	-	-	-	-	47	0,16	-	-	136	0,05	-	-
Паремии с термином <i>закон</i>	29	0,39	13	0,22	79	0,26	24	0,18	222	0,09	12	0,14

Таблица 3.25. – Объективация концептов «честь» / «чэсьц» и «совесть» / «сумленне»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	-	-	93	0,97	182	0,26	-	-	-	-	-	-
Паремии с термином <i>честь</i>	151	0,45	81	0,84	311	0,44	4	0,11	7	0,14	17	0,11
Паремии с термином <i>совесть</i>	47	0,14	25	0,26	101	0,14	-	-	5	0,1	5	0,03

Таблица 3.26. – Объективация концептов «onore» / «Ehre» и «coscienza» / «Gewissen»

Составители	Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	-	-	-	-	-	-	-	-	666	0,27	-	-
Паремии с термином <i>честь</i>	31	0,41	33	0,55	85	0,28	49	0,37	1095	0,44	46	0,53
Паремии с термином <i>совесть</i>	10	0,13	6	0,1	43	0,14	26	0,2	323	0,13	8	0,09

Такие концепты, как «закон», «честь», «совесть», разумеется, есть в структуре обыденного сознания людей, однако использование терминов *закон*, *честь*, *совесть* в паремиях оказывается эпизодичным либо малочастотным. Удельный вес ТО с именами данных концептов в названиях также незначителен (см., к примеру, в словаре В. И. Даля ТО «Закон» – 0,07% от состава всего словаря, ТО «Честь – Почет» – 0,28%; в словаре Р. Шваменталья и М. Страньеро ТО «Coscienza buona e cattiva» (Хорошая и плохая совесть) – 0,76%; в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио ТО «Il diritto, le leggi» (Право, законы) – 0,16%, ТО «Reputazione, onore, fama, gloria» (Репутация, честь, известность, слава) – 0,51%). Это говорит о том, что данные концепты в паремиопространствах не относятся к числу рекуррентных, хотя концептуализируемые сущности осмысляются, несомненно, как ценностные. Понятия «честь» и «совесть», представляя наиболее абстрактные моральные категории, затрагивают разные сферы жизни человека и проявляют себя в разного рода отношениях, потому как бы «растворяются» в паремиопространствах. Не отличаясь частотностью своей непосредственной вербализации, концептуализируемые сущности «честь» и «совесть», тем не менее, стабильно выявляют свою ценностную значимость в имплицированных предельных смыслах паремий.

Мотивация поведения человека, вмещающая ему направленности на те или иные ценности, обладает максимально воздействующей силой, если речь идет об удовлетворении или неудовлетворении тех или иных потребностей человека, а именно если человеку вмещается, что в результате тех или иных «действий» его ждет радость или огорчение, поощрение или наказание, приобретение или потеря и т. п. В этом отношении высокая степень апелляций продуцентов паремий к термину *Бог* с целью оказания мотивирующего воздействия на реципиентов паремий может быть объяснена тем, что согласно религиозным воззрениям Бог вездесущ, а значит, нет ничего в жизни человека такого, чего нельзя было бы не связать с Богом, и в его воле даровать счастье или лишить рассудка, покарать или простить,

дать или отнять и т. п. Таким образом, причинно-следственные связи, усматриваемые в основе многих жизненных закономерностей, используются человеком в качестве оснований для выражения ценностных отношений; в итоге одна ценность на основании той или иной каузирующей связи становится мерилем другой ценности.

В качестве важнейшей терминальной ценности (ценности-средства) для человека выступает язык. Концептуализация жизненного опыта, связываемого с понятием «язык», в русских, белорусских и немецких паремиях осуществляется преимущественно с использованием терминов *язык* и *слово* (см. Таблицы 3.27 и 3.28) Термин *речь* в паремиях всех анализируемых языков употребляется значительно реже.

Таблица 3.27. – Объективация концепта «язык»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	482	1,43	267	2,78	885	1,26	-	-	114	2,29	-	-
Паремии с термином <i>язык</i>	200	0,6	108	1,12	439	0,63	17	0,46	61	1,22	125	0,81
Паремии с термином <i>слово</i>	285	0,85	148	1,54	728	1,04	14	0,38	25	0,5	75	0,49

Таблица 3.28. – Объективация концепта «lingua» / «Sprache»

Составители	Джусти		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Словарное объединение	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	89	1,19	134	2,25	765	2,55	-	-	1563	0,63	-	-
Паремии с термином <i>язык</i>	33	0,44	29	0,49	168	0,56	36	0,27	688	0,27	31	0,13
Паремии с термином <i>слово</i>	59	0,79	61	1,02	260	0,87	115	0,87	1715	0,69	100	0,43

Терминальность ценности языка своеобразно проявляется в содержании паремий. Паремии с терминами *язык* и *слово* весьма разнопланово характеризуют человека и прежде всего по его моральным качествам, проявляющимся в речевом поведении, этим объясняется наличие в паремийниках паремиологических выражений, в которых термин *слово* (реже *язык* в значении ‘речь’) реализуется в сочетании с атрибутами *ласковое, грубое, доброе, злое, правдивое, лживое* и др.: *Ласковое слово лучше мягкого пирога; Глупым словам глупое ухо; Хвастливое слово не быва-*

et sporo; Ласкавае слова і косць ломіць; Добрае слова не забываецца; Рана загаіцца, а злое слова ніколі; Parola dolce moltiplica gli amici e umilia i nemici; A parole lorde orecchie sorde; Le parole disoneste, vanno attorno come la peste; Ein freundlich Wort schmeckt wie Kuchen; Höfliche Worte vermögen viel und kosten wenig; Auf närrische Worte gehören taube Ohren. В русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях о языке подчеркивается и сила слова как такового, ответственность за сказанное, нерациональность чрезмерной болтливости, неэтичность криводушия, необходимость согласованности слова и дела, то есть выявляется искомая содержательная корреляция паремиологических выражений, свидетельствующая о сходстве осмысления значимости языка носителями обыденного сознания: *Мал язык, да горами качае; Острый язык – дарование, длинный язык – наказание; Пустые слова что орехи без ядра; Не дорага чэсць, а дорага добрае слова; Хто язык доўгі маець, таму дрэнна бываець; Не спяшайся языком, а спяшайся справаю; Il silenzio è d'oro, la parola d'argento; Le buone parole non rompono i denti; Prima di parlare, mastica bene la parola in bocca; Besser ein gut Wort, denn ein verlornen Freund; Ein gut Wort findet guten Ort; Tausend schöne Worte sind nicht so viel wie eine gute That.*

Итог наблюдений, касающихся объективации доминантных ценностных концептов в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях, отражен в приведенных ниже сводных Таблице 3.29¹ и Таблице 3.30. Сопоставление степени активности обращения продуцентов паремий к доминантному имени / именам каждого из рассмотренных нами ценностных концептов позволяет убедиться в том, что в конструировании различных паремиологических моделей мира отмечаются как значительные сходства, так и некоторые отличия (см. Таблицу 3.29).

Таблица 3.29. – Ранги частотности употребления имен доминантных ценностных концептов

Ранг	Русские Паремии		Белорусские паремии		Итальянские паремии		Немецкие паремии	
	Термины	%	Термины	%	Термины	%	Термины	%
1	Бог	2,34	Жена, дети	2,86	Жена, дети	2,32	Жена, дети	2,28
2	Жена, дети	2,11	Бог	2,61	Дом	2,26	Бог	1,8
3	Хлеб	2,07	Хлеб	2,5	Бог	2,05	Дом	1,69
4	Язык, слово	1,92	Дом	1,41	Хлеб	1,76	Счастье	1,18
5	Труд	1,87	Язык, слово	1,28	Язык, слово	1,38	Деньги	1,11
6	Ум, разум	1,68	Деньги	1,24	Деньги	1,23	Язык, слово	0,88
7	Деньги	1,35	Труд	1,24	Ум, разум	0,67	Труд	0,81
8	Дом	1,26	Ум, разум	1,19	Счастье	0,6	Хлеб	0,75
9	Счастье	0,61	Счастье	0,33	Труд	0,54	Ум, разум	0,43
10	Здоровье	0,24	Здоровье	0,15	Здоровье	0,3	Здоровье	0,08

¹ В Таблице 3.29 отражается среднее значение процентных показателей состава паремий с компонентами, представляющими субстантивные обозначения концептуализированных сущностей, во взятых для анализа одноязычных словарях.

Данные Таблицы 3.29 свидетельствуют, что среди имен доминантных концептов наиболее высокой степенью валёрности в паремийниках всех четырех языков характеризуется имя концепта, восходящего к понятию «Бог». Термины, обозначающие членов семьи, только по суммарным значениям фиксации в паремиях показывают высокую значимость соответствующей сферы концептуализации и представляют первые строки в рангах частотности имен доминантных ценностных концептов. Более высокой степенью употребительности, чем в других языках, на фоне близости процентных показателей в других языках характеризуется имя концепта «casa» (дом) в итальянских паремиях, имена, входящие в ядро вербальной сферы концепта «язык», – в русских паремиях, имя концепта «Glück» (счастье) – в немецких паремиях; более низкой степенью употребительности – имя концепта «Brot» (хлеб) в немецком языке. Самой низкой степенью употребительности в паремиях всех четырех языков характеризуется имя ценностного концепта, восходящего к понятию «здоровье». Самой близкой степенью употребительности в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях характеризуется термин *деньги*. Меньшей степенью употребительности, чем в русском и белорусском языках, при близости рангов в общей иерархии имен доминантных концептов в каждом из языков отличаются термины *труд* и по суммарному значению *ум* и *разум* в итальянском и немецком языках.

Сопоставление рангов частотности употребления имен доминантных ценностных концептов с приведенными ниже данными Таблицы 3.30¹ позволяет выяснить, в какой мере продуценты паремий обращались к прямым средствам объективации доминантных концептов при раскрытии их содержания и отчасти в какой мере имена доминантных концептов привлекались для раскрытия ценностной значимости иных сущностей. В максимальной степени для раскрытия значимости иных ценностных сущностей использовались имена концептов, восходящих к понятиям «Бог» и «деньги». Наибольший процент привлечения не прямых средств обозначения концептуализируемых сущностей в паремиях наблюдается при объективации ценностного смысла ума (в данном случае подразумевается широкая зона концептуализации, связанная также с понятиями толковость, благоразумие и их антиподами) и труда, так как количество паремий в соответствующих тематических объединениях оказывается значительно выше количества паремий с доминантными именами концептов.

¹ В Таблице 3.30 отражено среднее значение объемов содержательно коррелирующих ТО в словарях одного языка. Звездочкой отмечены те ТО, в которых составителями словарей объединены паремии о ценностях и их антиподах. Высокие процентные данные по тематически организованным словарям белорусских паремий отчасти объясняются более широким определением границ тем, чем в иных словарях.

Таблица 3.30. Ранги объемов ТО паремий, объективирующих доминантные ценностные концепты

Ранг	Русские паремии		Белорусские паремии		Итальянские паремии		Немецкие паремии	
	ТО	%	ТО	%	ТО	%	ТО	%
1	Ум*	5,54	Семья	9,05	Семья	4,92	Семья	5,06
2	Труд*	4,17	Труд*	6,71	Ум*	3,99	Труд*	4,54
3	Семья	3,07	Пища	4,89	Пища	2,87	Язык	4,2
4	Достаток*	2,73	Ум*	4,8	Труд*	2,82	Ум*	3,04
5	Язык	2,1	Достаток*	4,6	Здоровье*	2,77	Пища	3,11
6	Счастье	1,87	Бог	3,02	Счастье	2,33	Достаток*	2,36
7	Пища	1,4	Язык	2,29	Достаток*	2,24	Здоровье*	0,9
8	Здоровье*	0,88	Здоровье*	1,45	Язык	1,99	Счастье	0,56
9	Бог	0,67	Дом	0,88	Дом	1,97	Бог	0,41
10	Дом	0,4	Счастье	0,84	Бог	1,77	Дом	-

Как видно из Таблицы 3.30, наиболее высокой степенью концептуализации во всех четырех картинах мира обладают такие ценности, как семья, труд, ум. Уже этот факт свидетельствует об общности наиболее важных ценностей для продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий. При различии рангов тематических объединений паремий о достатке в сопоставляемых паремиофондах наблюдается совпадение по удельному весу паремий на эту тему, только белорусский паремиофонд выделился в этом отношении: удельный вес паремий выше. Близки индексы, свидетельствующие об удельном весе паремий о пище, в итальянском и немецком паремиофондах; совпадают ранги ТО о пище в сводах белорусских и итальянских паремий, в то же время белорусские паремии о пище по своему удельному весу превосходят итальянские и немецкие паремии. Продуценты русских и итальянских паремий в равной мере обращаются к осмыслению значимости счастья для человека. Близки по удельному весу ТО о языке в словарях русских, белорусских и итальянских паремий, в немецком паремиофонде удельный вес паремий о языке оказался большим. С перемежением совпадают ранги ТО о Боге и ТО о доме; эти ранги оказались ниже рангов ТО об иных ценностных сущностях. Исключение составил белорусский паремиологический фонд: удельный вес ТО о Боге оказался выше, чем в других паремиофондах. Следует заметить, однако, что меньший удельный вес паремий на религиозную тематику и паремий о доме не отрицает рекуррентности соответствующих концептов в паремиопространстве, о чем свидетельствует достаточно высокая частотность использования средств прямой вербализации концептов – терминов *Бог* и *дом* – при конструировании паремиологических картин мира.

Возвращаясь к вопросу о средствах представления в поверхностной структуре паремии концептуализируемых ценностных сущностей, акцентируем внимание на том обстоятельстве, что в монографии Л. Б. Савенковой [272] уже подде-

жали описанию способы вербальной репрезентации ценностных концептов в русских паремиологических единицах.

В результате анализа объективации ценностных концептов «труд», «свое», «смелость» Л. Б. Савенковой установлено, что стержневой ценностный концепт в паремии может быть обозначен лексемой, представляющей доминантное имя концепта, синонимом доминантного имени, производным словом от доминантного имени или его синонима, возможно также и описательное обозначение концепта без привлечения «сигнальной» лексемы, использование широкого круга образных средств, позволяющих создать портреты человека, «визуализировать» ситуацию; стержневой ценностный концепт может быть объективирован посредством употребления слов того же тематического ряда, названий реалий, выявляющих связь с ценностным понятием-представлением и др. [272, с. 142–144]. Стержневой ценностный концепт может, по мнению исследователя, сопровождаться характеристикой концептов-спутников, представляющих его ценностные антиподы [272, с. 140]. Ясно, что аналогичные закономерности будут наблюдаться и при анализе воплощений других ценностных концептов в паремиях не только русского языка, но и иных языков.

При исследовании объективации концептов, характеризующихся доминантностью в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира, были выявлены закономерности, которые касаются: 1) степени привлечения доминантного имени концепта для раскрытия смысла замещаемого объекта; 2) грамматических характеристик языковых средств, объективирующих концепт; 3) роли имен ценностных концептов в раскрытии ценностного / антиценностного смысла иных концептуализируемых сущностей; 4) оценочной маркированности когнитивных признаков.

Доминантные ценностные концепты объективируются в паремиях как с привлечением, так и без привлечения языковых средств, обнаруживающих непосредственную связь с понятийным ядром концепта и входящих в его вербальную сферу как гипонимы, синонимы и дериваты доминантного имени концепта. Наибольший процент привлечения непрямых средств обозначения концепта в паремиях всех анализируемых языков отмечается при концептуализации опыта познания смысла интеллектуальных феноменов и труда. Средства прямой вербализации доминантных концептов, то есть средства, которые представляют «ядро» вербальной сферы¹ того или иного концепта, в каждом из языков характеризуются разной степенью участия в формировании смысловых структур, вскрывающих ценностную значимость концептуализируемых сущностей. Концепты, обладающие широким понятийным содержанием, такие как «достаток» / «дастатак» / «*agiatazza*» / «*Wohlstand*», «пища» / «ежа» / «*cibo*» / «*Essen*» (их можно назвать «мегаконцепта-

¹ В ядро вербальной сферы концепта, по определению Т. В. Евсюковой и Е. Ю. Бутенко, входят «единицы синонимического ряда, номинирующие концепт и его производные» [98, с. 121].

ми)), «семья» / «сям'я» / «famiglia» / «Familie», объективируются в паремиях с использованием языковых обозначений, обладающих более конкретной семантикой и, как правило, своим полем концептуализации в сознании носителей языка. Эта закономерность проявляется как тенденция, не исключая некоторых отклонений. При объективации, к примеру, концепта «семья» / «сям'я» / «famiglia» / «Familie», доминантное имя которого имеет сему собирательности, предпочтение отдается терминам *жена, дети, муж*, а для объективации концепта «деньги» / «грош» / «soldi» / «Geld», имя которого также обладает семой собирательности, напротив, преимущественным является употребление гиперонима *деньги / грош / soldi / Geld*, а не частных наименований денежных единиц.

Удельный вес атрибутивных (носитель ценностного свойства / «обладатель» осмысляемой как ценность сущности) и субстантивных (абстрактное имя / имя с конкретно-предметным значением; носитель ценностного свойства / «обладатель» осмысляемой как ценность сущности) вербализаций ценностных концептов, равно как и концептов, отражающих осмысление антиценностных сущностей, с одной стороны, детерминируется все той же спецификой обыденного сознания, с другой стороны, обнаруживает зависимость от особенностей осмысляемой как ценность / антиценность сущности: термин *счастье*, к примеру, используется чаще, чем термин *счастливый*, термин *труд* чаще, чем термин *трудолюбивый*, в то же время термин *богатый* чаще, чем термин *богатство*, термины *нищий, бедный* чаще, чем термины *нищета, нужда, бедность*. В паремиях всех анализируемых языков ценностный смысл ума раскрывается значительно чаще посредством негативной характеристики глупости и языковые обозначения дураков, бестолковых, олухов и невежд значительно превосходят по употребительности абстрактные обозначения глупости, бестолковости, безрассудства и невежества. В то же время лексемы, используемые в паремиях для обозначения разумных, мудрых людей, уступают по численности абстрактным именам соответствующих ценностных интеллектуальных феноменов.

Закономерным для всех паремиопространств является использование имен одних ценностных сущностей в качестве инструментов для утверждения ценностной значимости других сущностей через выстраивание ценностных иерархий или описание релевантных в отношении к иным ценностям свойств. Этим объясняется высокий индекс употребительности, к примеру, терминов *Бог и деньги*, выступающих своеобразными «мерилами» иных ценностей. Анализ выстраиваемых ценностных иерархий с привлечением имен доминантных в паремиопространстве ценностных концептов характеризуется тенденцией предпочтения духовного материальному.

Типичным для всех паремиологических моделей мира является неоднозначное в аксиологическом плане определение сущностей, обладающих в коллективном ценностном сознании доминантно положительным или доминантно отрица-

тельным эвалюативным значением. Такая характерная черта паремиологических интерпретаций мира отражает специфику обыденного сознания, которая заключается в непрекращающемся процессе перепроверки в практике жизни того, что является устоявшимся в ценностном сознании, в общем стремлении человека познать как положительные, так и отрицательные свойства любой сущности. Эта специфика обыденного сознания проявилась и при концептуализации опыта познания смысла объектов материального и идеального мира, представляющих доминантные направленности человеческого интереса в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира. Негативная оценка некоторых свойств ценностных объектов не изменяет доминантной аксиологической маркированности когнитивных признаков, представляющих ядерную зону соответствующих концептов.

Выводы по третьей главе

1. В основе ценностных структур сознания человека лежат когниции, связанные с постижением смыслов, которыми обладают объекты материального и идеального мира для человека. Связь ценностей с когнициями определяет целесообразность обращения к когнитивному аспекту анализа воплощений ценностных представлений в языковых единицах. Непосредственным отношением к ценностям характеризуются лингвокультурные концепты.

Объекты реального или идеального мира, представляя направленности человеческого интереса, характеризуются относительно стабильным и в то же время динамическим отношением к ним как аксиологическим значимостям. В содержании лингвокультурных концептов закрепляются коллективные представления-понятия об объектах, характеризующихся доминантно положительным / доминантно отрицательным к ним отношением либо переменным к ним отношением при устойчивом включении в эвалюативные процессы. Закрепленность в содержании лингвокультурных концептов таких представлений-понятий детерминирует ценность концептов в культуре.

При оперировании лингвокультурным концептом как инструментом анализа семантики языковых единиц следует различать значимость, которой характеризуются объекты реального и идеального мира при постижении их смысла, значимость замещающих эти объекты в сознании человека когнитивных структур и значимость (так называемую «валёрность») языковых единиц, объективирующих лингвокультурные концепты. Ценностное отношение к культурному концепту как виду информации является вторичным, базирующимся на внутреннем для концепта ценностном / антиценностном отношении к замещаемым объектам.

2. Наиболее релевантные в том или ином культурном пространстве объекты реального или идеального мира детерминируют высокую степень их обсуждения и, соответственно, частотность обращения коммуникантов к языковым средствам, объективирующим культурно значимый смысл концептуализируемых объектов. Совпадение наборов частотных в плане объективации в разных лингвокультурах концептов, культурная значимость которых детерминирована фиксированной в социальном опыте ценностью замещаемых объектов, совпадение смыслов единиц коммуникации, объективирующих эти концепты, могут быть квалифицированы как показатели ценностно-ориентационного единства в коллективном сознании носителей разных культур.

3. Степень паремиологической концептуализации объектов реального / идеального мира в паремиях выступает критерием в определении степени значимости концептуализируемых сущностей для носителей обыденного сознания. Степень паремиологической концептуализации может быть установлена с опорой на структуру тематически организованных словарей, а именно по удельному весу паремий, объединяемых в блок на основании концептуализации опыта познания той или иной сущности. В силу того, что паремиологические картины мира, как и любые языковые картины мира, архаичны в своей основе, доминантность ценностей, устанавливаемая с опорой на словари, отражающие статическое состояние паремиосистем, характеризует ценностное сознание, прежде всего, продуцентов паремий, то есть тех, кто создавал протовыражения и способствовал их паремиологизации, для современных носителей этнических культур доминантность ценностей, установленная с опорой на паремиологические словари, отражающие все богатство этнических паремиофондов, носит вероятностный характер.

4. В результате анализа тематических словарей паремий было выявлено, что высокой степенью концептуализации в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира характеризуются такие ценности, как **пища, здоровье, труд, дом, достаток, семья, ум, язык, счастье, Бог.**

Общность выявленных доминантных ценностей для продуцентов русских, белорусских, итальянских, немецких паремий устанавливается на основании относительной близости рангов соответствующих ТО в русских, белорусских, итальянских, немецких тематически организованных паремиологических словарях, соответствий в частотности использования имен доминантных концептов в конструировании паремиологической картины мира, а также на основании содержательных корреляций паремий, представляющих данные тематические объединения, в том числе корреляций, связанных с предпочтением.

При ранжировании установленных ценностных доминант наиболее высокие ранги во всех четырех паремиологических картинах мира получают такие ценности, как семья, труд, ум; близки ранги ТО о достатке, в трех из паремиофондов отмечается совпадение паремий на эту тему по удельному весу; наблюдается сов-

падение рангов ТО о пище либо совпадение удельного веса паремий на эту тему, совпадают по удельному весу ТО о языке (за исключением немецкого паремиофонда), с перемежением совпадают ранги ТО о Боге и ТО о доме (за исключением белорусского паремиофонда, в котором удельный вес паремий о Боге выше, чем в других паремиофондах, и немецкого паремиофонда по отсутствию в анализируемом тематическом словаре ТО о доме).

5. На фоне общего выявляется ряд характеристик, отличающих один паремиофонд от другого и, соответственно, одну паремиологическую картину мира от другой: 1) в русском паремиофонде бóльшим удельным весом по сравнению с иными паремиофондами характеризуются паремии об уме и толке; 2) белорусские паремиологические словари по удельному весу паремий о детях, пище, богатстве / бедности, Боге превзошли словари русских, итальянских и немецких паремий; 3) удельный вес ТО о здоровье и ТО о счастье в итальянских тематически организованных паремиологических словарях выше удельного веса соответствующих ТО в паремиологических словарях других языков; 4) немецкий паремиофонд выделился бóльшим удельным весом паремий о языке и речи.

6. Определение ценностных доминант в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира было ограничено обращением только к верхним позициям в рангах ТО-лидеров, поэтому установленный список наиболее важных ценностей для продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий не является закрытым.

Широкую зону паремиологической концептуализации в русской, белорусской, итальянской и немецкой лингвокультурах составляет также все то, что связано с погодой, временами года, приметами и днями святых, определяющими порядок сельскохозяйственных работ. Лидирующие позиции паремий на данную тему (не подводимую под одно концептуализируемое понятие) в тематически организованных паремиологических словарях всех четырех языков свидетельствуют о том, что формирование паремиофондов имеет древние корни и что основным родом занятий тех, кто стоит у истоков формирования русского, белорусского, итальянского, немецкого провербиальных фондов, было земледелие, а также сопряженные с ним формы занятости.

7. Совпадение доминантных в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира ценностей свидетельствует о наличии ценностно-ориентационного единства в сознании продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий.

Показателем ценностно-ориентационного единства продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий является также совпадение ценностей, которые в рамках поля исследования, ограниченного паремиями с именами доминантных ценностных концептов, ассоциируются с ценностными доминантами на том или ином основании и определяются как предпочитаемые иным ценно-

стям. Такими ценностями являются жизнь, справедливость, совесть, честь, доброе имя, правда, знание, умеренность, бережливость, терпение, смелость, честность, скромность, добрый нрав, дружба, любовь, милосердие, душевное спокойствие.

Этим набором ценностей не исчерпывается состав ценностных сущностей, характеризующихся непреходящей значимостью для носителей всех четырех этнических культур. Подтверждением наличия и иных совпадений, свидетельствующих о важности отраженных в паремиях ценностей для носителей всех четырех этносов, является установленное при анализе структур тематически организованных словарей тождество категорий морали, определяющих выбор поведенческих стратегий.

8. Объективация доминантных ценностных концептов в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях характеризуется рядом закономерностей:

1) доминантные концепты объективируются в паремиях как с привлечением, так и без привлечения языковых средств, обнаруживающих непосредственную связь с понятийным ядром концепта и входящих в его вербальную сферу как гипонимы, синонимы и дериваты доминантного имени концепта; наибольший процент привлечения не прямых средств обозначения концепта отмечается при концептуализации опыта познания смысла интеллектуальных феноменов и труда;

2) выбор грамматической формы лексемы, сигнализирующей об осмыслении ценности в отвлечении от свойств человека или в связи с характеристикой его встроенности в структуру бытия на правах участника ситуации, с одной стороны, детерминируется спецификой обыденного сознания, с другой стороны, обнаруживает зависимость от особенностей осмысляемой как ценность / антиценность сущности;

3) наиболее высокой степенью валёрности при конструировании паремиологической картины мира с привлечением имен доминантных концептов характеризуется имя концепта, восходящего к понятию «Бог», лидируют по суммарному количеству употреблений в паремиях всех четырех языков также имена членов семьи; самой низкой степенью валёрности – имя концепта, восходящего к понятию «здоровье»; самой близкой степенью валёрности в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях характеризуется термин *деньги*; отдельные различия по языкам касаются более высокой степени употребительности в итальянских паремиях, чем в паремиях иных языков, лексемы со значением 'дом', в русских паремиях – лексем *слово* и *язык*, в немецких паремиях более высокой, чем в паремиях иных языков, – лексемы со значением 'счастье' и более низкой, чем в иных языках, лексемы со значением 'хлеб';

4) типичным для всех паремиопространств является использование имен одних ценностных сущностей в качестве инструментов для утверждения ценностной значимости других сущностей, высоким индексом употребительности в связи с

этим в поремиях всех четырех языков характеризуются термины *Бог* и *деньги*, выступающие своеобразными «мерилами» иных ценностей;

5) выстраивание ценностных иерархий в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира с привлечением терминов «богатство», «деньги» характеризуется тенденцией предпочтения духовного материальному;

б) паремиологическая концептуализация доминантных направленностей человеческого интереса характеризуется различной аксиологической оценкой свойств каждого из объектов концептуализации при неизменности доминантной аксиологической значимости этих объектов, фиксированной в коллективном сознании; эта закономерность наблюдается при концептуализации как ценностей, так и антиценностей.

ГЛАВА 4

ОТРАЖЕНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ И РЕГУЛЯТИВНОЙ КОМПОНЕНТ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПАРЕМИЯХ

4.1 Континуумность сферы значения и механизмы смыслопорождения

Положение о континуумности сферы значения, разрушающее, по мнению А. Е. Михневича, ошибочное представление о непреодолимости качественной границы между лексическими и грамматическими значениями и утверждающее связь между мыслительными сущностями в их доязыковом состоянии и содержательной стороной наиболее формализованных языковых категорий, восходит к идеям Панини об инвариантных семантических отношениях, рассматриваемых как производные от явной первичной структуры, к картезианской грамматике, к универсальной грамматике Пор-Рояля, к дифференциации глубинной и поверхностной структур Н. Хомским и Ч. Хоккетом [220, с. 104, 111]. Это положение подкрепляется выводами ученых о релевантности логической структуры мысли, коммуникативной перспективы сообщения для дешифровки речевого смысла [19, с. 20; 159, с. 97], а также имеющим широкий контекст своего понимания заключением В. П. Зинченко о слитности значения и смысла в живом знании, его же мыслью о том, что введение в знание смысловой составляющей не является внешней по отношению к знанию процедурой [115, с. 100–101].

Несмотря на дискуссионность и гипотетичность существующих в когнитивной лингвистике концепций о структуре пропозициональных моделей [165, с. 134–139], очевидность зависимости интерпретаций смысла дискурсивных единиц не только от собственно языковых компетенций, но и от пресуппозиций [87], правила вывода скрытых значений языковых единиц, по мнению когнитологов, должны входить в семантическую теорию и составлять часть ее описания (Р. Джекендофф, Ч. Стивенсон цит. по Е. С. Кубряковой [165, с. 35]).

Опора на логический анализ языка и семантику синтаксиса в данном диссертационном исследовании отнюдь не означает безоговорочного принятия тезиса о том, что мыслительный импульс к решению коммуникативной задачи в процессе порождения речи связывается с поиском подходящей грамматической структуры, ведь речь идет о воспроизводимых языковых единицах. Однако вне формы содержания не существует и языковые формы являются пока единственным средством определения того, как смысл превращается в значение, а значение в смысл, единственным средством, по определению А. Вежбицкой, приоткрывающим завесу над довербальными формами репрезентации знания [57, с. 293].

Отталкиваясь от постулируемой А. Крикманном идеи, что в паремии не может идти речь о чем-то безразличном для человека [159, с. 94], а следовательно,

в паремиологических единицах так или иначе выражаются ценностные отношения, детерминированные оценкой, автор работы считает возможным ограничиться анализом паремий только с общеоценочными терминами, полагая, что паремии с терминами частной оценки, а также паремии с *de dicto* оценкой имплицитно тождественные интерпретативные схемы: сравн., например: *Худая жена – лишняя сухота* и *Злая жена сведет мужа с ума*; *Умная жена как нищему сума*; *Жена красавица – безочному радость* или *Добрый привет – добрый и ответ* и *Ласковое теля двух маток сосёт*.

Общеоценочные слова используются в паремиях достаточно регулярно¹. Такими словами в избранных нами для анализа языках являются *хороший, добрый, хорошо, добро, лучше², лучший, плохой, плохо, худо, худший, хуже; добры, хороши, лепей, лепши, дрэнны, кепскі, благі, ліхі, добра, дрэнна, худа, горш; bene, buono, meglio, miglior, male, brutto, cattivo, peggio, peggior; gut, wohl, besser, best, schlecht, schlechter, schlimm, schlimmer, arg, ärger, übel, übler, böse, böser*. Эти слова являются специальными языковыми средствами, позволяющими не косвенным, а прямым образом выразить одобрительное либо неодобрительное отношение к объектам оценивания, выстраивать ценностные иерархии и выявлять тем самым ценностные ориентации тех, кто это отношение выражает.

В качестве исходных посылок, предваряющих исследование собственно оценочных структур, «трансформации» инвариантных значений паремий с оценочным компонентом в иллокутивные силы, нами используются два положения: 1) оценка задает определенные параметры дискурса, и ее интерпретация тесно связана с синтаксическими свойствами высказывания [21, с. 215]; 2) паремии, являясь «специализированными формами выражения определенных прагматических установок и поведенческих регулятивов» [288, с. 7], и вне контекста могут быть охарактеризованы в плане своих функциональных потенций.

Наиболее абстрактной формой, отражающей синтаксические свойства высказывания, перспективу развития мысли, является его логико-синтаксическая модель, определяемая как мыслительная схема, лежащая в основе смыслопорождения. В когнитивной лингвистике под мыслительными схемами понимается способ представления операциональной информации, в когнитивной психологии –

¹ К примеру, в словаре русских пословиц В. И. Даля зафиксировано 558 паремий с компонентом *хороший / хорошо*; 128 паремий с компонентом *плохой / плохо*; 334 паремии с компонентом *лучше*; 101 паремия с компонентом *хуже*; в словаре белорусских пословиц и поговорок М. Я. Гринבלата – 269 паремий с компонентом *добры / добра*; 237 паремий с компонентом *ліхі / ліха*; 217 паремий с компонентом *лепи / лепей*; 54 паремии с компонентом *горш*; в словаре итальянских пословиц Дж. Джусти – 205 паремий с компонентом *bene*, 82 паремии с компонентом *cattivo*; 185 паремий с компонентом *meglio*; 136 паремий с компонентом *peggio*; в словаре немецких пословиц К. Вандера – 355 паремий с компонентом *gut* в качестве ключевого слова; 54 паремии с компонентом *schlecht*; 72 паремии с компонентом *übel*; 134 паремии с компонентом *böse*; 413 паремий с компонентом *besser*. Подтверждает частотность использования общеоценочных терминов в паремиях разных языков специальное приложение с индексами, отражающими частотность фиксации ключевых слов, в многоязычном паремиологическом словаре Г. Кордри [360].

² Компаративные формы слов с общеоценочным значением квалифицируются нами как отдельные термины, так как образуемые при помощи этих форм грамматические структуры специфичны по своей семантике.

структуры, упорядочивающие поток входящей и исходящей информации, в логике – логическая форма высказывания, форма мысли [165, с. 178–180]. Логико-синтаксические модели, таким образом, представляют форматы знания, соответствующие типу мыслительной процедуры, способу структурирования мысли, проявляющему себя в поверхностной структуре предложения.

На непосредственную связь способов мышления о мире с логико-синтаксическими отношениями, с грамматическим строем языка указывает, со ссылкой на В. Г. Адмони, представитель направления логического анализа языка в русистике Н. Д. Арутюнова [19, с. 17]. По мнению Н. Д. Арутюновой, логико-синтаксические отношения как отношения между предметами, понятиями, именами, которыми «оперирует мышление» при формировании мысли, могут быть сведены к четырем типам: «1) отношения экзистенции, или бытийности; 2) отношения идентификации, или тождества; 3) отношения номинации, или именованности; 4) отношения характеристики, или предикации в узком смысле этого термина» [19, с. 18].

Н. Д. Арутюнова указывает, что логико-синтаксические структуры представляют собой наиболее общие модели, в которых «мысль формирует смысл» [19, с. 18]. Конкретизация логико-синтаксических отношений, а следовательно, и базовых глубинных смыслов, предопределяющих интерпретативные смыслы речевых реализаций синтаксических структур, возможна при учете иных семантических признаков, чем функция логического предиката и семантика логического субъекта, задаваемые направлением связи. Решение этой задачи на паремиологическом материале связывается с поиском значимых элементов содержания паремий, которые могут быть определены как «показатели функции» [285, с. 56–74, 62].

Полифункциональность паремиологических единиц говорит о необходимости учитывать ситуативные факторы, обуславливающие вариативность речевых смыслов паремий и в конечном итоге то, что интенциональные значения той или иной паремии не могут быть строго дефинированы. Последнее не означает, однако, что прагматический потенциал паремий представлен открытым списком непрогнозируемых функций. Есть все основания полагать, что функционирование паремий в речи характеризуется целым рядом коммуникативных закономерностей, детерминируется существованием коммуникативных стереотипов, позволяющих человеку в процессе общения использовать и распознавать «структуры инвариантного типа» [107, с. 65], «импликационные связи речевых фактов» [234, с. 27]. Естественно, что «не все элементы общения могут иметь соответствия в языковой структуре», однако, как утверждает Г. Г. Почепцов, «прогнозируемые элементы общения – это как раз те, к которым мы приходим, опираясь на знание явных и скрытых элементов языковой структуры» [261, с. 29].

Ввиду того что в исходных и предельных смыслах паремий усматривается проявление регулятивно-психического начала и дальнейшее описание строится на анализе связи между базовыми смыслами, определяемыми формой мысли, и мотиви-

вационными и регулятивными смыслами, необходимо обратиться к дефиниции самих понятий «мотивация» и «регуляция».

Процессы мотивации и регуляции в сознании как высшей форме психики человека тесно взаимосвязаны. Психологи все же отмечают принципиальное отличие этих процессов. Если мотив, в определении Д. А. Леонтьева, трактуется как стартовая точка, осознанное или неосознанное побуждение, порождающее то или иное действие, поведенческий акт, и мотивация в целом – как система процессов, имеющих отношение и к причинной (то, что выступает источником побуждения, – «то, что толкает»), и к целевой (то, на что направлена деятельность, – «то, что, каким-то образом отражаясь в сознании, в психике, направляет нас к себе») детерминации, то регуляция подразумевает влияние на протекание деятельности и опору на определенные критерии, в соответствии с которыми это влияние оказывается [181].

И мотивация, и регуляция могут рассматриваться не только как внутренние процессы, некоторые «движения» в структуре личности, связываемые с изменением¹, но и как внешние воздействия на личностные психологические структуры. Одним из способов регуляции деятельности и поведения человека извне как корректировки принятых моделей деятельности и поведения, корректировки соответствующих диспозиций является, как считают психологи, формирование у личности осознанных мотивов к принятию иных моделей поведения, формированию новых диспозиций.

В социальных отношениях, опосредованных общением, формирование у личности осознанных мотивов, то есть мотивирование, базируется на использовании разного рода стимулов, воплощающих воздействие на психоэмоциональные структуры (похвала, поощрение или, напротив, упрек, критика, порицание и др.), в том числе приобретающих силу стимулов рациональных обоснований действий и поступков – мотивировок, – воплощающих воздействие на те мыслительные процессы в структуре сознания, которые детерминируют принятие решений. Закономерным в свете этого представляется функционирование паремий в речевых актах, называемых экспрессивами (в соответствии с классификацией речевых актов [286, с.183]), а также использование паремий в качестве аргументов, рациональных обоснований действий и поступков человека, в подкрепление разного рода интенций, в том числе и рекомендательных. Использование паремий как мотивировок объясняется тем, что в содержании паремий так или иначе отражаются детерминации деятельности и поведения человека, а именно: цели, вскрывающие связь мотивации с потребностями, и причины, проливающие свет на связь по-

---

¹ Д. А. Леонтьев со ссылкой на В. К. Вилюнаса отмечает, что «мотив всегда направлен на какое-то изменение в существующем положении вещей, мотив всегда побуждает человека прийти к какому-то состоянию, которого на данный момент нет» [182].

требностей с нормами, образцами и идеалами, ориентация на которые лежит в основе регуляции поведения.

Все вышесказанное обязывает признать, с одной стороны, неразрывную связь направленности, мотивации и регуляции в структуре личности¹, с другой стороны, неразрывную связь смыслов паремий, вскрывающих направленности человека, мотивирующих его в принятии решений и побуждающих к выбору способов достижения желаемого.

Связь мотивов с потребностями человека выявляется при анализе классификации мотиваций (с учетом характера потребностей различают биологическую и социальную мотивацию [268]) и при анализе механизмов мотивирующих воздействий на человека. Согласно бихевиористской концепции подкрепления мотивирующее воздействие на людей может оказывать значимый положительный или отрицательный результат, к которому приводит определенная форма поведения: положительный результат закрепляет обращение к данной форме поведения, так как сопряжен с удовлетворением потребностей, отрицательный результат закрепляет избегание этой формы поведения, так как противоречит желаемому исходу дел [181]. Хотя подкрепление, по мнению Д. А. Леонтьева, не является ведущим механизмом формирования мотивации [181], тем не менее, как показывает исследуемый паремиологический материал, нередко выступает как логическое основание мотивации, вскрывающее непосредственную связь мотивировок с оценкой.

В структуре паремии могут быть представлены как два контрастных по семантике общеоценочных термина, так и один. Это не означает, что при наличии одного из терминов общей оценки реципиента паремии подвигают к осмыслению только ценностной или только антиценностной сущности и, соответственно, происходит обращение к положительной, основанной на положительных стимулах, или отрицательной, основанной на отрицательных стимулах, мотивации. По мнению Г. Л. Пермякова, логико-семиотическую основу паремии представляет пара противопоставленных сущностей, один из членов пары, разумеется, может обнаруживать имплицитное представление [247, с. 107]. Это положение распространяется на все категории, в том числе и на аксиологически маркированные, и поэтому паремии, в которых отражается ценностное отношение к свойствам одних объектов, способны имплицитировать противоположное отношение к тем объектам, которые обладают свойствами, контрастными первым; например: *Кто силен да богат, тому хорошо воевать* (подразумевается, что тот, кто беден и немощен, тому и воевать нечего, бедный не может противостоять богатому); *Добрае дзіця баць-*

---

¹ Неразрывность этой связи подчеркивается в дефинициях отдельных составляющих структуры личности; см., например, определение мотива в «Новейшем психологическом словаре»: «Мотив – 1) Побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; совокупность внешних или внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность (мотивация). 2) Предмет, материальный или идеальный, побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности, ради которого она и осуществляется. 3) Осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности» [341, с. 291–292].

коў мыслі адгадае (подразумевается, что плохой ребенок не понимает родителей, и такая модель поведения вызывает неодобрение); *I signori hanno il bene in questo mondo e anche in quell'altro* (подразумевается, что простым людям плохо везде); *Gute Antwort bricht den Zorn* (подразумевается, что плохим ответом можно еще больше человека разгневать). Следовательно, паремии могут воплощать противоположные по аксиологической направленности интенции (закрывающиеся в одобрении или, напротив, осуждении) и противоположные по сути регулятивные воздействия, рекомендуя выбор одних моделей поведения (склоняющие рекомендации) и блокировку других (отклоняющие рекомендации).

Обращаем внимание на то, что паремии с общеоценочными терминами по своим грамматическим характеристикам могут быть как констативными, так и императивными. Паремии, в которых императивность выражена специальными грамматическими средствами (*Учись доброму – худое на ум не пойдет; Живи так, как другим было добра з тобою, а тебе з імі; Usa col buono, e sta lungi dal cattivo; Sprich gut von deinen Freunden und schweig von deinen Feinden*), в данной работе не подвергаются специальному анализу в силу того, что смыслы, связанные с регуляцией поведения, в таких паремиях не требуют логического вывода. Однако явное выражение прескрипции как один из способов отражения диспозиций продуцентов и пользователей паремий, способов оказания воздействия на ценностное сознание реципиентов паремиологических выражений, нами учитывается.

В содержательном отношении разноязычные констативные паремии с общеоценочными терминами дифференцируются на два больших класса: в одних паремиях речь идет о свойствах объектов оценочной квалификации либо осуществляется квалификация объектов как ценностных или антиценностных – это паремии с некомпаративными терминами общей оценки, в других паремиях отражается установление иерархии в системе аксиологически релевантных объектов – это паремии с компаративными терминами общей оценки.

Паремии с некомпаративными терминами общей оценки в свою очередь дифференцируются на 1) паремии с термином общей положительной оценки без эксплицитной отсылки к плохому, сообщающие о ценном, псевдоценном или антиценном, 2) паремии с термином общей отрицательной оценки без эксплицитной отсылки к хорошему, сообщающие об антиценном, 3) паремии с эксплицитным выражением контрастных оценочных значений, сообщающие об отношениях между тем, что хорошо и что плохо.

Паремии с компаративными оценочными терминами классифицируются на две группы: проverbsиальные единицы с восходящим термином общей оценки, сообщающие о том, какой из объектов является лучшим, и проverbsиальные единицы с нисходящим термином общей оценки, сообщающие о том, какой из объектов является худшим.

Дальнейшее описание будет строиться с учетом данных дифференциаций.

4.2 Паремии с некомпаративными терминами общей оценки

4.2.1 Паремии с термином общей положительной оценки

Паремии с термином общей положительной оценки обнаруживают несколько моделей логико-синтаксической организации – схем развития мысли, представляющих тип мыслительной процедуры, положенной в основу сопряжения базовых элементов пропозиции. Каждая из этих моделей характеризуется тем, что выявляет свой тип связи оценки с фактической стороной дела, то есть свой базовый смысл¹, задаваемый функциональной семантикой логического предиката, порядком слов – левой позицией общеоценочного термина, связываемой с субъектом мысли-предложения, или правой позицией, связываемой с предикатом мысли-предложения, соотносённостью оценочного термина только с одним из базовых элементов пропозиции или с двумя.

На самой высокой ступени абстрагирования в представлении семантики паремий с термином общей положительной оценки можно выделить четыре модели структурирования содержания, отражающие базовые мыслительные операции по переработке данных, поступающих извне по разным каналам, в знание.

1) Хороший X обладает положительным свойством, качеством: *Добрый портной с запасом шьёт; Добрая наседка одним глазом зерно видит, другим коршуна; Добрый сосед – как хлеба сусек; У доброй славы большие крылья; Добрая голова сто рук кормит; Хороший товар сам себя хвалит; Доброе начало – половина дела²; Добрая пословица не в бровь, а в глаз; Добры сусед як сытны абед; Добрая гаспадыня за вуглы трымаецца; Добрае дзіця бацькоў мыслі адгадвае; Добрая пасловіца ў вочы колецца; У добрай галавы сто рук; Добры пачатак – палавіна справы; Il buon pastore tosa, non scortica; Una buona greppia fa fare il latte alla vacca; La buona mercanzia trova presto recapito; Il buon nome è un altro patrimonio; Il buon cavallo non ha bisogno di sproni; Chi è buono di natura, ha da aver la vita dura; La buona vita fa la faccia pulita; Buone parole e semplici fatti convincono saggi e matti; Buona compagnia, mezza la via; Ein guter Kopf hat hundert Hände; Ein gutes Wort führt die Kuh in den Stall; Ein gutes Pferd braucht keine Sporen; Guter Anfang ist halbe Arbeit; Guter Lohn macht hurtige Hände; Gut Gewissen macht ein fröhlich Gesicht; Guter Gruß ist vieler Krankheit Büß; Gut Exempel, halbe Predigt; Gute Aufsicht ist halbe; Ein guter Freund ist der beste Arzt; Guter Freund kommt ungeladen; Guter Wille braucht keine Brille; Gute Taten leuchten auch im Dunkeln;*

¹ Считаем, что значение, раскрывающее перспективу развития мысли и характер сопряжения базовых элементов пропозиции, на основании наличия формальных показателей коммуникативной функции может быть интерпретировано как смысл.

² По данным словаря Дж. Пацолая, эквиваленты данной паремии обнаруживаются в 43 европейских языках, а также в японском языке, есть аналогичная китайская паремия [373, p. 228–232].

Guter Wille hat geschwinde Füße; Guter Wille vermag viel; Gutes Wort hilft fort.

Подобного рода паремии представляют прием «дескриптивного развертывания оценки», состоящий в том, что «вслед за оценочным предикатом эксплицируется эталон или фактическое положение вещей» [21, с. 216], то есть логико-синтаксическую модель со значением характеристики на основе дескрипции свойств.

Данная логико-синтаксическая модель может быть использована как форма для выражения разного рода интенциональных значений: 1) для сообщения¹ адресату о том, в чем же заключается положительная значимость характеризуемого объекта, иными словами, что, собственно, заслуживает социальной похвалы, каким должен быть идеальный мир, к чему следует стремиться (констатирующая функция, связываемая с познанием сущего в аспекте целеполагания и способов достижения желаемого); 2) для выражения одобрения положительно значимого (оценочная функция, связываемая с объективацией ценностного отношения); 3) для побуждения адресата соответствовать эталону, следовать норме, ориентироваться на образец (регулятивная функция, связываемая с мотивированием и формированием направленностей в сознании реципиента).

Причинные и целевые детерминации поведения, имплицитные в содержании паремий, представляющих анализируемую логико-синтаксическую модель, формируются на базе раскрытия свойств, лежащих в основе ценностного отношения. Смысл раскрытия ценностных свойств может быть интерпретирован как рациональное обоснование того, почему человеку нужно стремиться к тому, что определяется ценным (то есть как формирование мотивации), как конкретизация способа включения в ценностные отношения – образа действия, модели поведения, которым нужно следовать (то есть как регуляция). Данные интерпретации смысла выявляют тесную взаимосвязь отраженных в содержании паремий направляющей, мотивирующей и регулятивной компонент ценностных ориентаций: *Добро не горит, не тонет* – делай добро, так как добро не забывается; *Доброе дело питает разум и тело* – стремись к добру, так как оно сделает тебя богатым интеллектуально и физически; *Добрая жонка цяплей за валёнкі* – ищи / цени хорошую жену, так как хорошая жена делает / делает твою жизнь комфортной; *Una buona parola smorza più che una caldaia d'acqua* – говори хорошее, и тебя ожидает гармония в общении; *La buona compagnia porta sempre allegria* – ищи / цени хорошую компанию, так как она несет радость; *Ein guter Wirt ist zuerst auf und geht zuletzt zu Bett* – не ленись, поднимайся пораньше и ложись последним, тогда у тебя будет все хорошо в хозяйстве; *Gutes Gewissen ist täglich Wohlleben* – живи так, чтобы твоя совесть была чиста, и у тебя не будет лишних забот.

¹ Функция сообщения для паремий, как правило, совмещается с обобщением.

Раскрытие ценностных свойств объектов, составляющее базовое значение и, соответственно, базовый смысл паремий с термином общей положительной оценки анализируемой логико-синтаксической организации, как видно из моделей выведения имплицированных смыслов, выступает основой мотивации достижения. Эта мотивация базируется на положительных стимулах. Заметим, что положительный стимул может представлять как интринсивную мотивацию, то есть мотивацию, связанную с самим содержанием деятельности (например, в паремиях *Доброе начало – половина дела*; *Gutes Gespräch kürzt den Weg*), так и экстринсивную мотивацию, обусловленную внешними по отношению к субъекту действия обстоятельствами (*Рубашка изнашивается, а доброе дело не забудется* – мотив – память других людей; *Einen guten Geber segnet Gott* – мотив – получение божьего благословения).

Паремии, представляющие анализируемую модель, могут реализовать интенциональные значения не только положительной (одобрение, похвала), но и отрицательной направленности, а именно могут использоваться как упрек, аргумент для осуждения, если в той или иной конкретной речевой ситуации лицо, о котором идет речь, необходимыми (обозначенными в дескриптивной части) положительными качествами не обладает: «*Новая ня порыцца, а добрая ні валочыцца. Прымаўляюць, калі хто-н. пачне хваліць таго, хто бадзяецца па свеце, і раіць узяць яго на работу*» [383, с. 70]. Таким образом, в прагматический потенциал паремий с термином общей положительной оценки входят и такие интенциональные значения, которые связаны с выражением неодобрения (воплощенного, разумеется, в косвенном речевом акте), что является закономерным уже в силу того, что в паремиологических единицах, как отмечалось выше, находит представление пара противопоставленных сущностей.

То, что адресат паремии мыслится как участник обозначаемой ситуации и при этом характеризуется не по наличию надлежащих свойств (что вызвало бы похвалу), а по отсутствию таковых (что и вызывает неодобрение), не единственный ситуативный фактор, определяющий вариативность прагматических функций паремий с термином положительной оценки. Г. Д. Сидоркова относит к числу релевантных ситуативных факторов, детерминирующих прагматические функции паремий, проспективность / ретроспективность обозначаемой ситуации [288, с. 7]¹. Очевидно, что при проспективном использовании паремий с дескрипцией ценностных свойств будут актуализироваться преимущественно регулятивные смыслы (объективируемые, как правило, в речевых актах совета, рекомендации), а при ретроспективном – смыслы, заключающиеся в выражении эмоциональной рефлексии (похвалы, одобрения, удовлетворения или, напротив, упрека, неодобрения, досады и т. п.).

¹ При проспективном употреблении паремии обозначаемая ситуация, мыслимая как закономерная, относится к будущему, при ретроспективном – ситуация определяется как уже свершившийся факт [288, с. 7].

2) (Если) хорош X, (то) хорош и Y (Y мыслится как объект, порождаемый X / связанный с X): *Доброе семя – добрый и всход; Доброму Савве добрая и слава; Доброму слову – добрый ответ; От добрых гостей ждуют добрых вестей; За хорошим мужем и жена хороша; З добрай кушачкі добрыя і птушачкі; На добрае запытанне добрае і адпавяданне; Сам добры – людзі добрыя; З добрага цеста добрая паляніца, з добрай дзеўкі добрая і маладзіца; Buon vino fa buon sangue; Buon marito fa la buona moglie; La buona moglie fa il buon marito; Le buone sorelle fanno i buoni fratelli; Buon maestro fa buoni scolari; La buona madre fa la buona figliola; Chi aggiusta bene il letto, dorme bene; Chi sta bene con sé, sta bene con tutti; Buon principio fa buon fine; Buon grano fa buon pane; Chi ben cena, ben dorme; Chi ben fa, ben trova; Le buone parole trovano buon luogo; Chi ben ripone, ben trova (ritrova); Chi bene annoda, ben scioglie; Ein guter Kopf ist eine gute Rente; Guter Anfang, gutes Ende; Wer gut sattelt, reitet gut; Gute Saat, gute Ernte; Gutes Mehl, gutes Brot; Ein guter Mann macht eine gute Frau; Guter Gruß, gute Antwort; Guter Lehrling, guter Meister; Guter Mut macht gutes Blut; Mit guten Leuten ist gut umgehen; Guter Wille, gute Tat.*

Обобщенная мысль, нашедшая воплощение в данных поговорках, может быть сформулирована следующим образом: «одно добро обуславливает (порождает) другое добро». Базовые элементы этой пропозиции аксиологически детерминированы (в поговорках два термина со значением общей оценки, один из них соотношен с логическим субъектом, другой с логическим предикатом) и, по сути, представляют собой отдельные пропозиции с оценочной таксономией, репрезентированные в поверхностной структуре в развернутом виде (как отдельные предикации) либо в свернутом виде (сравн.: *Доброе семя – добрый и всход* и *Доброму Савве добрая и слава; Chi ben fa, ben trova* и *Buon principio fa buon fine*).

Логико-синтаксической модели со значением характеристики на основе каузирующей связи свойственна высокая степень продуктивности и действительности, и базовый смысл поговорок, представляющих данную модель, заключается в раскрытии итога включения в структуру бытия с ориентацией на норму. При этом суть самой нормы не раскрывается, оценочные слова мыслятся как заместители вполне «узнаваемых» признаков, каузирующих добро. Указание на положительный результат, удовлетворение той или иной потребности при условии ориентации на норму, идеал является базой для формирования мотивации достижения, то есть предопределяет использование поговорок в качестве мотивировок в подкрепление призыва стремиться к тому, что мыслится как ценность, косвенно – в качестве самих рекомендаций.

Так же как и поговорки, основанные на дескриптивном развертывании положительной оценки (раскрытии нормы), поговорки, отражающие каузирующую связь, с одной стороны, отражают представление об идеальном мире (объектах человеческих устремлений), с другой стороны, отображают реальный мир, харак-

теризуясь функциональной способностью выделять в нем тех, чье поведение соответствует эталону и заслуживает в связи с этим похвалы, и тех, чье поведение выявляет отклонение от нормы и должно подлежать корректировке. Это означает, что подобные паремии могут быть использованы в качестве склоняющих рекомендаций (при проспективном употреблении), для выражения одобрения, похвалы носителей положительных свойств или выражения удовлетворения положением дел (при ретроспективном употреблении), а также в качестве косвенного порицания, назидания с укором.

3) Хорошо / хорош X (сообщение о том, что хорошо / при каком условии хорошо или кто хорош / при каком условии хорош): *Хорошо, что людям в угоду; Хороша воля с умом и деньгами; Хорош отдых, когда работа сделана; Добр Мартын, коли есть алтын; Хорошо того бить, кто плачет, а учить, кто слушает; Хорошо тому добро делать, кто помнит; Хорошо тому пить, чей хмель спит; Хорошо с берегу на гребцов смотреть; Добра таму піць, з чыйго кішаня бяжыць; Добра ўчыць наслушнага; Добра гатовае палажыць у рот; Добра тое, што забытае; Добра там, дзе нас няма; Добре бабе пры дзеду: свежа рыба к абеду; Добра тут: мука ёсць і жонка замужам; È bene sapere un po' di tutto; Bello è contemplare il mare dal porto; È bene avere il Francese per amico, ma non per vicino; Quando si ha fame è buono tutto; Gut ist, der vor Gott gut ist; Gut ist, was gut endet; Es ist gut, mit Kindern spielen; Es ist gut, was der tut, den man liebt; Der Spaß ist gut, wenn jeder lacht; Es ist gut, dass der Schöffен sieben sind; Es ist gut, sich auf zwei Anker stützen; Es ist gut, überall einen Freund zu haben.*

Паремиологические единицы, представляющие данную модель, являются инвертированными суждениями о ценности и служат идентификации положительно значимых объектов, то есть их базовый смысл заключается в сообщении о том, кто хорош или что хорошо. Такие выражения неоднородны по своему содержанию. С одной стороны, это суждения, в которых акцентируется внимание на том, что хорошо без каких-либо условий, то есть суждения о безотносительном хорошем: *Хороши и честь и гроза; Es ist gut, eine Eckmühle zu haben; Es ist gut, dass die Leute das Wetter nicht machen können.* С другой стороны, это суждения, в которых акцентируется внимание на условии, при котором тот или иной объект положительно оценивается, то есть суждения о детерминированном (относительном, ограниченном условии) хорошем: *Хорошо на того грозиться, кто угрожает; Es ist gut, nach dem Preise zu fragen, wenn man auch nicht kaufen will.*

Такая же дифференциация отмечается и у паремий, представляющих следующую модель.

4) X хорош / хорошо (сообщение о том, что тот или иной объект хорош вообще либо хорош при определенном условии / то или иное положение хорошо вообще либо хорошо при определенном условии): *Всякое дело с концом хорошо; Всякая прибабка хороша с прикраской; За свой грош везде хорош; У кого есть*

рожь, тот и мужик хорош; Глядя на пиво, и плясать хорошо; Жена при муже хороша; На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо; Всякая рыбка хороша, коли на уду пошла; Кали слова прыроднае, дык яно і добрае; Пець добра разам, а гаварыць на чарзе; За свае грошы ўсюды харошы; Усё добра ў пару; Пры сонейку цёпла, пры мамцы добра; На сваёй лаўцы й памерці добра; За вялікім кустом трава зеляна, а за добрым мужам жонка хараша; За сокалам і варона хараша; Soldato che scappa è buono per un'altra volta; La pulizia sta bene dappertutto, anche nella stalla; L'agnello è buono anche dopo Pasqua; Di notte tutte le donne sono buone; Quando hai sete, tutto è buono da bere; Amici, oro e vino vecchio sono buoni per tutto; Il cafone sta bene soltanto da solo; Ogni principio è buono; Ognuno è buono a qualcosa; Tutti siamo buoni fino a che non ci toccano; Nach getaner Arbeit ist gut ruhen; Bei altem Geld und schönen Frauen kann man gut die Welt beschauen; Wo kein Feind ist, da ist gut fechten; Auf vielen Achseln ist gut tragen; Was man umsonst gibt, ist gut genug; Was man teuer kauft, ist gut; Verständigen Leuten ist gut predigen.

Если инвертированные суждения о ценности с точки зрения логики нацелены на выявление в мире объектов, получающих положительную оценку, то неинвертированные суждения – на оценочную квалификацию объектов, отнесение объектов к классу ценностей (аксиологическую таксономию), их базовый смысл заключен в сообщении о том, что тот или объект хорош. Однако, несмотря на различие в направлении развития мысли, паремии, представляющие и ту, и другую логико-синтаксическую модель, аналогичны в содержательном и функциональном плане. Их смысл может быть подведен под один общий знаменатель – это безусловная квалификация объектов как хороших / плохих или ограниченная условием квалификация объектов как хороших / плохих. Учет других дифференциальных семантических признаков определяет характер этого отношения и соответствующие этому характеру интенциональные значения. Обратимся к более подробному анализу паремий, представляющих собой инвертированные и неинвертированные суждения о ценностях.

Паремии об абсолютном, или недетерминированном, благе немногочисленны: *Хлеб да пирог и во сне добро; Навука – добрая штука; La salute è buona tredici mesi all'anno; Il bene è bene per tutti; Ogni aiuto è buono; Demut ist zu allen Dingen gut; Hoffnung und Mut sind allzeit gut.* Подобные паремии, так же как и многие другие паремиологические единицы с термином общей положительной оценки в предикате, используются для выражения одобрительного отношения к предмету оценки, для утверждения его ценностного смысла. Выражение положительного отношения в такого рода структурах является, однако, избыточным (что, кстати, и объясняет эпизодичность подобных паремий) в силу того, что без всяких условий добром может быть определено только добро. Для «устранения» нелогичности формулы «добро – это добро» в паремиях, как правило, присутствуют кванторы

всеобщности типа *всегда, всякий, везде, любой* и др. Примечательно то, что иронические коннотации подобным структурам не свойственны.

Разнообразие паремий о детерминированном хорошем обусловлено неоднотипностью объектов оценки и обстоятельств, детерминирующих позитивную оценку. Соответственно, и функциональное предназначение паремий также разнообразно и зависит от того, что определяется как хорошее: оценивается ли человек, вещь, поступок или положение дел, оценивается ли то, что действительно является ценным, или же речь идет о псевдоценном или антиценном, каков характер устанавливаемой обусловленности, согласуется ли эта обусловленность с представлениями о справедливости и др., сравн.: *Хорошо в гостях, кому дома скучно; Около матки хорошо дитянке; Добро тому врать, кто за морем бывал; Добра асьмакі, калі з рукі; Багатаму добра красці, бо ёсць да чаго прыкласці; Chi lavora sta bene; Tutto è bello finché non s'è visto, tutto è buono fin che non s'è provato; La superbia sta bene solo ai cavalli; Armut ist der Taschen gut; Aus der Weite ist gut lügen*. Отсюда пестрота и даже контрастность выражаемых отношений: одни паремии используются с целью выражения одобрения, похвалы, удовлетворения положением дел (интенции, воплощающие формирование положительной мотивации); другие – иронического или критического отношения, порицания, досады, сетования (интенции, воплощающие формирование мотивации, основанной на отрицательных стимулах).

Обратимся вначале к паремиям, в которых объектом оценки выступает человек. Конфликт выражаемой в паремии положительной оценки с принятой в обществе системой ценностей наблюдается в тех proverbialных выражениях, в которых лицо оценивается положительно как бы с позиций того, кто получает от этого лица те или иные блага. Уязвимость такой положительной оценки, ее «неправильность», происходящая от игнорирования социально принятых представлений о благе вообще, подмечена немецкой пословицей *Gut ist nicht, was gut ist; gut ist, was mir Gefallen tut*. Для выражения неудовлетворенности таким положением дел русские и белорусы используют структуры с общеоценочным термином в предикате: *Добр Мартын, коли есть алтын; У кого есть рожь, тот и мужик хорош; За свой грош везде хорош; Дай грош, пусти поросёнка в рожь – будешь хорош; За грошы і дурань харошы; У каго грошы, той і харошы*; итальянцы и немцы обращаются в основном к моделям с частнооценочными терминами: *Con pochino ci si fa ben volere, con niente ci si fa coglionare; Chi ha danari, signore è chiamato; Ognuno è amico di chi ha un buon fico; Wer Geld im Säckel hat, den jeder freundlich pfählt, ist's Geld aus dem Beutel heraus, so lässt ihn niemand ins Haus; Wer Geld hat, der hat auch Freunde*. Использование данных паремий с иронической, осуждающей тональностью подразумевает скрытый императив, призывающий того, кто оценивает мир исходя из меркантильных соображений, пересмотреть свои ценностные позиции. Подобные паремии могут быть употреблены в речи и с целью

сетования по поводу факта несовершенства мира, и с целью похвалы, это будет тот случай автореферентного употребления паремии, когда ценностные позиции похвляющегося будут расходиться с ценностями социокультурной среды.

Ссылка на детерминированность одобрительного отношения может быть средством выражения недоверия к оценке, данной лицами, которые так или иначе заинтересованы в формировании положительного имиджа кого-либо: *Хороша Аннушка, когда хвалит мать да бабушка; Tutti bravi a casa propria; Eigen was, wie gut ist das.* Ставится под сомнение и та оценка, которую дает себе человек сам: *Всяк себе хорош; Всяк сам себе загляденье;* справедливой признается оценка сторонних лиц: *Добро тогда будет добро, когда люди похвалят; Хорошо то, что другие хвалят; Добра тое, што другія хваляць;* сравн.: *Chi loda sé stesso non vale un gesso; Lass andere dich loben!*

Структуры с термином положительной оценки в предикате могут быть использованы и для сообщения о том, что действительно должно выступать основанием для положительной оценки лица: *Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот, кто на дело гож; Жена при муже хороша. Без мужа не жена; Хорош гость, коли редко ходит; Не той харош, хто тварам прыгож, а той харош, што на справу гож; Бадай ніхто добры ў чужом кутку не сядзеў; Chi l'indovina è bravo; Sparsam sein ist eine gute Rente.* Смысл подобных паремий заключается в ориентации на должное, на эталон, и в зависимости от того, кто именно выступает объектом оценки в конкретной речевой ситуации – носитель обозначаемых свойств или тот, у кого они отсутствуют, то есть тот, кто демонстрирует несоответствие ценностных позиций с адресантом паремии, паремия будет использоваться в речевых актах похвалы или назидания с укором.

В паремиях анализируемой структуры могут отражаться не только представления о должном, но и вкусы, предпочтения человека: *Donne e sardine son buone piccoline.*

Если речь идет о вещах (предметах быта, продуктах питания и др.), то здесь условием их положительной оценки может являться соответствие норме, уместность вещи (в этом случае наименования вещей могут быть условными обозначениями всего того, что может быть оценено с точки зрения уместности) либо вообще ее наличие: *Хорош квасок, коль шибает в носок; Хороша алая лента, когда на молодую надета; Не то хорошо, что хороши, а то хороши, что идёт к чему; Хорошо кресло старому, колыбель малому; Всякая вещь хороша на своём месте; Хорош ёрш в ухе, а сиг в пироге; Добра снедь и редька, коли нет рыбки; То и добро, что до нас дошло; Всякая рыбка хороша, коли на уду пошла; Всё хороши, что есть; чего нет, то худо; Не тое хароша, што хароша, але тое, што каму да спадобы; Што чырвона, то хараша, што салодка, то смачна; Добра кажух на стужу, а грош на нужу; Добра яблычка к іспасу; Калі няма рыб, добры і грыб; Добра каша пры хлебу дзеду; Хто лепшага не мае, таму і гэта добра; Ogni cuffia*

per la notte è buona; Il violino sta bene nelle mani del sonatore; Quando il pane è scarso, son buone anche le briciole; Fior di limone, quando non c'è altro, ogni cosa è buona; Le frutta son buone due volte l'anno, quando le vengono e quando si partono; Ofen, Bett und Kanne sind gut dem alten Manne; Dem hungrigen Bauch schmeckt alles gut; Es ist ein guter Gulden, der hundert erspart.

Что касается оценки практических действий человека, то здесь речь идет о тех условиях их совершения, которые обеспечивают комфортность для человека, результативность и успешность действия. Такого рода оценки, по мнению Н. Д. Арутюновой, предназначены для того, чтобы упорядочивать, облегчать и регулировать деятельность человека [21, с. 200]. Поскольку речь идет о видах ценности, которые принято считать относительными, аксиологическая таксономия, отраженная в провербиальных единицах, оказывается противоречивой.

Так, в значительном количестве пословиц выражается ироническое отношение к тем людям, которые склонны пользоваться чужим трудом для достижения своих целей. Таким образом, достижение желаемого за чужой счет становится тем условием, которое девальвирует значимость достижения и дискредитирует того, кто таким образом «организует» свою деятельность: *Хорошо чужими руками жар загребать; Хорошо браниться, когда мир готов; Хорошо ездить, у кого свой кнут – на чужих коней; Чужыми руками жар заграбаць добра; Барышы харошы на чужыя грошы; Добра гатовае палажыць у рот; È buon fare (comodo) imparare sulle spalle degli altri; Si balla bene sulle sale degli altri; Mit fremden Händen ist gut Kohlen schüren; Es ist gut, in ander Leut Küchen kochen; Aus fremden Beuteln ist gut blechen; Es ist gut, den Schnitt an fremden Tuch lernen; Aus fremdem Felle kann man gut Sohlen schneiden.*

Однако, осуждая приспособленчество, тунеядство, человек в то же время может говорить о достижении желаемого без особых усилий как о пределе своих мечтаний (причем используя для выражения своих притязаний ту же формулу, что и для выражения иронического отношения к фактам использования чужого труда в корыстных целях): *Хорошо бы орать, да рук не мараць, а на ёлку бы лазить, да платье не драть; Добра б араць, ды каб рук не мараць; Смашна есці, хораша хадзіці і нічога не рабіці – вот добра жыці!; A non far niente si sta bene;* сравн. с немецкой поговоркой *Arbeit ist bei Armut gut.*

Амбивалентность оценок, выражаемых паремиологическими единицами, о которой уже неоднократно упоминалось в данной работе, – давно подмеченное явление, объяснение которому пытались найти многие исследователи. К примеру, В. И. Даль считал, что противоречащие по своему «приговору» поговорки служат не однобокому, а полному отражению народных представлений о мире и «если одна поговорка говорит, что дело мастера боится, а другая добавляет, что иной мастер дела боится, то, очевидно, обе правы, не равно дело и не ровен мастер» [83, с. 15]. Г. Л. Пермяков объясняет амбивалентность оценок, выражаемых паре-

мическими текстами, тем, что паремии – отражение реальной действительности, а в реальной действительности есть ситуации, прямо противоположные друг другу, и «поэтому любые, даже самые, казалось бы, “неправильные” изречения оказываются верными, когда их применяют “к месту”, то есть в соответствующей ситуации» [248, с. 38]. «Эта логика, – указывает Г. Л. Пермяков, – действительно, отличается от той, которую изучают по специальным учебникам, но зато она испокон веков принята всеми народами, ибо это и есть логика здравого смысла» [248, с. 38]. В случае с паремиями типа *Хорошо бы орать, да рук не марать* мы сталкиваемся со своеобразной энантиосемией. И действительно, применительно к разным ситуациям смысл подобных паремий может быть истолкован противоположным образом: с одной стороны, паремии могут представлять позицию человека, осуждающего чужое тунеядство, с другой стороны, позицию сетующего на свою тяжелую долю и выражающего надежду на возможность получения легкого хлеба.

Вполне закономерным в связи с этим является то, что паремиологические единицы, в которых описывается выгодное положение для совершения какого-либо действия, могут быть использованы и с целью коррекции картины мира тех, кто забывает или игнорирует преимущества своего положения (в интерактивных речевых ситуациях), и с целью выражения неудовлетворенности по поводу своего (при автореферентном употреблении) или чьего-либо невыгодного положения (при интерактивном употреблении): *Хорошо с берегу на гребцов смотреть; Хорошо медведя в окно дразнить; Хорошо тому смеяться, кто на сухом берегу; Хорошо на печи пахать да заворачивать круто; Тем людям хорошо жить, которые не имеют о чём тужить; Хорошо тому щеголять, у кого денежки гремят; Хорошо тому пить, кого хмель не берёт; Добра сытага карміць, а лысага галіць; Добра красці, як ёсць да чаго прыкласці; Добра агонь класці пры гатовай калодзе; Добра старому хлусіць, а багатаму красці, бо е да чаго прыкласці; Tutti son bravi quando il nemico fugge; Es ist gut geduldig sein, wann es einem wohl geht; Der hat gut Rat geben, dem's wohl geht; Auf gepflügtem Felde ist gut säen; Der Sieger kann gut Frieden schließen; Mit vollem Bauch ist gut Fastenpredigt halten. Сравн. также иные структуры с тем же смыслом: *Ognun sa navigare quando è buono il vento; Bei gutem Wetter kann jeder Steuermann sein.**

В пословицах с оценкой действий, поступков человека может выражаться и подтрунивание над излишней прагматичностью, расчетливостью человека, его нерасторопностью, болтливостью, лживостью и другими недостатками: *Хорошо на друга калач купить: не полюбится – сам съешь; Хорошо чужую бороду драть, только и своей не жалеть; Хорошо на бурку валить – бурка всё сvezёт; Хорошо ленивого на смерть посылать; Добро тому врать, кто за морем бывал; Хорошо вору красть, коли ночь темна; Добра яго на смерць пасылаць; Добра мужык робіць, калі на спіне бізун ходзіць; Добра старому хлусіць ды плёткі насіць, бо як тут дагадацца, калі нельга пераканацца; È buon fare criticare; Tutti son buoni a*

sistemar la moglie a chiacchiere; La paura è buona per cacare; Im Dunkeln ist gut munkeln; Es ist gut, wenn böse Kühe kurze Hörner haben; Schnell ist gut, sagte die Eidechse, langsam ist aber auch gut.

Несомненно, что сетованием либо иронизированием не исчерпывается прагматический потенциал паремий с оценкой практических действий человека. Такого рода паремии могут содержать и рациональный совет, служить выражению удовлетворения, отклонять от неверно избранных тактик поведения: *Всякий совет к разуму хорош; Хороша верёвка длинная, а речь – короткая; Петь хорошо вместе, а говорить порознь; Хорош отдых, когда работа сделана; Артелью хорошо и недруга бить; Хорошо тому добро делать, кто помнит; Хорошо на того грозиться, кто гроз боится; Хорошо того бить, кто плачет, а учить, кто слушается; Добра ўчыць паслушнага; Добра таго вучыць, хто хоча ўсё знаць; Добра таго страшыць, хто баіцца; Добра з тым пабіцца, хто Бога баіцца; Добра таму дабро рабіць, хто тое памятае; Гуртом і бацьку добра біць; Спяваць добра разам, гаварыць паасобку; È bene sapere un po' di tutto; Ogni scusa è buona purché vaglia; La lingua sta bene dentro i denti; Si fa bene a dire dopo che le cose son già fatte; Seduti si sta bene solo a mangiare; Der Spaß ist gut, wenn jeder lacht.*

Что касается оценки состояний как таковых, то и здесь обнаруживается очевидное ценностно-ориентационное единство представителей разных этносов. Комфортное состояние человека связывается с достатком, здоровьем, домашним очагом, осознанием причастности к коллективу, с уважением и заботой, исходящими от близких и чужих людей, со свободой, чувством исполненного долга и т. п.: *Где хлебно и тепло, там и жить добро; Везде хорошо, где есть добрые люди; Тем хорошо, другим хорошо, а неплохо и нам, коли полон карман; При солнышке тепло, при матери добро; Хорошо птичке в золотой клетке, а того лучше на зелёной ветке; Той добры край, дзе хлеба акрай; З грашыма ўсюды добра; Цесна сядзець, ды добра глядзець; Абы Бог да добры людзі, то ўсё добра будзе; Ля сонца цёпла, ля дома добра; На сваёй лаўцы і памерці добра; Там мне добра, дзе я прывык; У сваёй маці добра і ў пасцелі паляжаці; Добра хлебу за блінамі, добра і бацьку за сынамі; З разумнымі дзеткамі і без грошай хораіша; Добра, як сусед блізкі і пералаз нізкі; Там жыццё рай, дзе свабоды край; In ogni paese è buona stanza dove si leva il sole; Campa bene chi lavora; Quando camminan le scarpe, la casa sta bene; Gli uccelli stanno bene solo liberi; È bene aver degli amici per tutto; Es ist gut wohnen, wo fromme Leute sind; Es ist gut, überall einen Freund zu haben; Gut ist's immer, wenn ein Ofen im Zimmer; Es ist gut eine Eckmühle zu haben; Nach getaner Arbeit ist gut ruhen.*

Можно выделить в особую группу пословицы о детерминированном благе, в которых подчеркивается особая судьба, везучесть, счастливая доля избранных, зачастую ассоциирующаяся с состоятельностью: *Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит; Со счастьем хорошо и по грибы ходить; Хорошо около костра*

щепу огребать: дай подсесть к мешку, и я нагребу; Хорошо тому пить, чья доля (счастье) не спит; Хорошо тому щеголять, у кого деньги гремят; Глядя на пиво, и плясать хорошо; Добро ждать сытому царёва обеда, а праведному смертного часа; Добра таму жыць, каму бабка варажыць; Са ичасцем добра і ў грыбы пайсці; Добра таму піць, з чыйго кішаня бяжыць; Багатаму і ў пекле добра; I coglioni stan bene dove sono; Chi ha ad aver bene, dormendo gli viene; Dove c'è buono stare, c'è buon campare; Bei vollem Magen ist gut fasten; Der hat gut leben, dessen Großmutter hexen kann¹; Bei vollen Krippen ist gut satt werden. К таким суждениям близки по функциональному предназначению паремии, в которых выражается сетование на отсутствие условий для счастливой участи: *Хорошо бы полететь, да было бы где сесть; Жил бы хорошенько, да денег маленько; Хорошо бы жить у отца, да нет его у молодца; Не знаў я дабра здру, не пазнаю да гробу; Quando stai bene, allora la morte viene.*

И при оценке состояний, и при оценке действий человек то терзается тщетными надеждами на лучшее, то успокаивает себя тем, что может быть счастливым при довольствовании малым. С одной стороны, в паремиях прослеживается мотив неудовлетворенности своей долей на фоне иллюзорного далекого либо чужого счастья: *Там хорошо, где нас нет²; Хорошо тому жить, кому не о чем тужить; Хорошо понам и поповичам: зовут и пироги дают; Усюду добра, дзе нас нет; Там добра, дзе нас німа, а дзе мы жывём – там пуга з вузлом; Пан багаты – яму добра, сабака кашлаты – яму цёпла; Da ist's gut, wo wir nicht sind.* А с другой стороны, в паремиях говорится о том, что благо есть мерило человеческого счастья, добро составляет предельный смысл бытия: человек счастлив, не притязая на многое, дорожа честью, порядком, руководствуясь нормой, смиряясь с тем, что дается свыше: *Хорошо и там и тут, где по имени зовут; Хорошему всё хорошо; Доброму везде добро; Всё хорошо, что хорошо кончается³; Добраму ўсюды добра; Усё добра, што ў меру; Што Бог даў, то ўсё добра; Tutto è bene quel che finisce bene; Gut ist, was gut endet; Was Gott tut, ist alles gut.*

Таким образом, мотивы обращения к идее детерминированности блага при продуцировании паремий достаточно разнообразны, хотя очевидно, что прагматическая функция паремий может характеризоваться либо положительным либо отрицательным зарядом в зависимости от того, о действительно ценном или псевдоценном идет речь. С одной стороны, это может быть рациональный совет, одобрение, поощрение, с другой стороны, сетование, осуждение, дискредитация, упрек. Выражаемые в паремиях о детерминированном благе оценки отражают стремление человека отыскать баланс между своими желаниями и

¹ Сравн: *Wem das Glück pfeift, der tanzt wohl.*

² По данным словаря М. Ю. Котовой, поговорка отмечается во многих европейских языках: английском, болгарском, польском, сербском, хорватском, украинском, чешском [156, с. 72].

³ Дж. Пацоллай отмечает наличие этого выражения в Библии, в 40 европейских языках, а также в арабском языке [373, р. 277–279].

возможностями, а также внести коррективы в чужую картину мира в соответствии с житейской мудростью и фиксированными в коллективном сознании приоритетами. По этой причине в данных паремиях находит отражение, с одной стороны, надежда на легкий хлеб, беззаботную жизнь, достаток, с другой – укрепившиеся в сознании членов коллектива установки добиваться всего своим трудом, проявлять эмпатию к другим людям, руководствоваться соображениями меры, ценить доброту, дружбу, свободу, дом, семью.

Разнообразны по характеру и прескриптивные смыслы: одни паремии призывают соответствовать эталону, руководствоваться нормой в выборе модели поведения, интериоризировать вменяемые ценности, другие паремии допускают разные интерпретации, в том числе и такие, которые рекомендуют смириться с несовершенством мира, отказаться от притязаний на лучшее, сравн.: *Хорош гость, коли редко ходит* – Не будь частым гостем; *Хорошо кресло старому, колыбель малому* – Каждому свое, руководствуйся целесообразностью; *Хорошо около костра щепу огребать: дай подсесть к мешку, и я нагребу* – Учитывай обстоятельства / Не навязывай веру в справедливое распределение благ; *Хорошо там, где нас нет* – Не ищи лучшей доли; *У сваёй маці добра і ў насцелі паляжаці* – Цени отчий дом; *È buona la spesa che conserva la fama* – Руководствуйся умеренностью; *Lunga è buona solo la salsiccia* – Не тяни с делом; *La prudenza sta bene anche sulla porta del diavolo* – Будь благоразумен; *Chi sta bene, non si muove* – Не отчаивайся из-за неудач; *Принимай мир таким, какой он есть*; *Da ist's gut, wo wir nicht sind* – Не питай иллюзий о лучшей доле в чужом краю; *Aus der Weite ist gut lügen* – Не лги; *Es ist gut alt werden, wenn man das Alter in Ehren hält* – Проявляй уважение к людям преклонного возраста / Прими к сведению, что старость не всеми почитается.

Во всех четырех языках есть паремии, в которых термин общей положительной оценки используется для характеристики негативных явлений. Провербиальные выражения с фигурой антифразиса (ироническим «хорошо / хороший») способны выражать разнообразные оттенки неодобрительного отношения: от незлобного потешания до едкого сарказма. Объектом насмешки, осуждения выступают различные человеческие недостатки и пороки: неумелость, неблагодарность, агрессивность, глупость, болтливость, жадность, корыстолюбие, пьянство и др., кроме того, поводом для иронии может быть материальная несостоятельность человека, физическая ущербность и даже гендерная принадлежность: *Хорошо плавают, лишь пузыри прядают*; *Сделали добро: переломили мужику ребро*; *Хорош, пригож – на лиху болесть похож*; *Хорош молодец: ни коз, ни овец*; *Хорош каваль: каваў тапор, а з тапара шыла, а выйшаў пшык*; *Зрабіў найлепей, бо горай не мог*; *Добры чалавек: як спіць, з дубінай прайсці можна*; *Я добрага роду, п'ю гарэлку, як воду*; *Добра жыў: пяхотаю за канём хадзіў*; *Харошы сынок: бацька тапіўся, сын глядзеў і не бараніў, бо ў новых ботах быў*; *L'avaro è come il porco: è buono quando*

è morto; La lingua è buona, ma quella dei maiali; L'uomo alto è buono solo a spegnere le candele in chiesa; Donna buona? nemmeno quella nell'icona; Es ist gut Aderlassen, wenn's dem Bader an Geld fehlt; Es ist ein guter Mann, aber man kann schwer zu seinem Beutel kommen; Es ist ein guter Mann, er frißt keine Schuhwichse und scheidt in keine Kirche; Es war gut Bier, aber der Zapfen ist ab; Die Stadt ist gut, sagte der Bauer, aber die Leute taugen nichts.

Паремии с ироническим «хорошо / хороший» имеют обычно двучастную структуру, в первой части объект оценки определяется как хороший, а во второй части осуществляется дескрипция свойств, вскрывающих основания ложной оценки либо свидетельствующих об ущербности «хорошего»¹. Ущербность хорошего в каком-либо из отношений, как правило, переводит характеризуемый объект в ранг худых, непригодных, отвергаемых: *Хороша дудка, да не дудит; Хороша плошка, да подтекает немножко; Добры конь, але воз не вязе.*

Встречаются и такие паремии с ироническим «хорошо / хороший», в первой структурной части которых отражается положительная оценка объекта, во второй части – отрицательная, причем без описания свойств объекта, служащих основанием негативной оценки. «Смягчению» столь открытой паралогичности служит придание гипотетичности положительной оценке, одновременность выносимых оценок, дискретное оценивание объекта, то есть оценивание в разных ракурсах: *Оно бы и очень хорошо, да никуда не годится; Он бы человек и очень хороший, да никуда не годится; Хорош: давал за него чёрт грош, да спятился; Сбоку да сзади хорош, а спереди глянь – выходит дело дрянь.*

Дискредитация мнимохорошего может строиться на описании обстоятельств, при которых объект оценки определяется как хороший, а эти обстоятельства по логике вещей не могут быть основаниями для вынесения положительной оценки: *Хороший! Когда спит да лицом к стене лежит.* В качестве «подрывающих» объективность вынесения положительной оценки обстоятельств в таких структурах выступают как временные, так и условные ограничения проявления мелиоративных свойств объекта оценки: *Все мы, сватья, хороши, пока не доберёшься до души; Хорош, если не полиняет; Le madonne stanno bene attaccate al muro.*

Своеобразно выражение квазиположительной инструментальной оценки в русских паремиях. Верификация оценки производится посредством указания на такие функциональные качества объекта, которые не имеют никакого отношения к эталонным функциональным качествам класса инструментов, к числу которых относится объект оценки: *Хорошо бьёт ружьё: с полки упало – семь горшков разбило; Этим ножом хорошо бы старого на печь подсаживать.*

Для косвенного выражения уничижительного отношения могут быть использованы и свернутые структуры, где противоречие в оценке эксплицируется пара-

¹ Более подробный анализ таких паремий приводится в работах Т. Г. Бочиной [43, с. 38–39], а также в работах автора диссертации [18–А; 47–А].

логичным определением объекта оценки либо нелицеприятным сравнением: *Хороша уха из петуха; Хороша парочка, как баран да ярочка; Усе харашы, як клёцкі ў куляшы; Добры, хоць у вуха ўлажы; Такі харошы, як люлька за тры грошы; Добры, як соль на ране; Suocera e puora si voglion bene come gli occhi e il fumo.* Ироническое отношение может найти интонационное выражение: *Er ist gut angekommen.*

Несомненно, подобные выражения, несмотря на наличие в них термина общей положительной оценки, являются суждениями об объектах, подлежащих критике. В игре на противоречии «хорош-то, хорош, да на самом деле худ» и заключается особая воздействующая сила паремий, представляющих фигуру антифразиса, эта сила в разоблачающем юморе, в смягченном выражении негативного отношения, в ориентации на не беспощадно разрушающее осуждение, а на создающее терпимое отношение [18–А; 28–А].

Антифрастическое «хорошо» /«хороший» может использоваться не только для оценки человека, его состояний, пристрастий, но и для оценки вещей, положений дел и др., отсюда богатство смыслов и разнообразие интенциональных значений, реализуемых паремиями, представляющими данную модель, сравн.: *Хороша свобода, да крапивою поросла; Жизньё хорошее: семерых в один кафтан согнали; Добра ў людзях, але цяжка ў грудзях* – сетование; *Добра рыбацьлі, але рыбы не бачылі* – досада; *Добрыя зубы: і кісель ядуць* – незлобивая шутка; *Добры: што ўкусиць, то з'есць* – подтрунивание; *Хорош: давал за него чэрт грош, да спятілся* – едкая ирония; *Усе бабры дабры, адна выдра ліхая* – упрек; *Галава добрая, ды на дурныя плечы наладжана* – осуждение.

Таким образом, логико-синтаксические конструкции, включающие термин со значением общей положительной оценки, могут быть использованы по прямому назначению, а именно: 1) для раскрытия ценностной значимости материального или идеального объекта; ценностная значимость объекта раскрывается посредством а) вынесения положительной оценки; б) описания ценностных свойств; в) указания на условие, детерминирующее ценностное отношение и выявляющее ценностные свойства; 2) для мотивации вменяемой направленности на ценность; мотивация формируется на основе а) выражения одобрения, похвалы, удовлетворения положением дел; б) указания на положительный итог приобщения к ценности, следования нормам; 3) для регуляции поведения; регуляция осуществляется на основе а) указания на норму, эталон; б) конкретизации вменяемой модели поведения.

Данные смыслы воплощаются в прагматических функциях похвалы, поощрения, одобрения, совета, склоняющей рекомендации, аргументации в поддержку похвалы или совета.

Рекомендательные смыслы в анализируемых паремиях, представляющих коммуникативные регистры сообщения (совмещаемого с обобщением) и оценки, имплицитны, и их актуализация находится в зависимости не только от содержа-

тельных особенностей паремий, но и от коммуникативных намерений говорящего, то есть от факторов ситуативного характера. Актуальность или, напротив, неактуальность рекомендательных смыслов паремии при ее конкретном речевом употреблении обнаруживает зависимость от структуры речевой ситуации, в которую она встраивается как отдельный речевой акт или часть речевого акта, а именно: отражает ли ситуация автореферентное использование паремии или же ситуация интерактивная; является ли адресат паремии участником обозначенной паремиологической единицей ситуации или сторонним наблюдателем; проспективно или ретроспективно по отношению к обозначаемой ситуации употребление паремии [288; 22–А; 57–А]. Важной является также и ценностная позиция тех, кто использует паремию в речи, выявляющая согласие / несогласие с мнением социума, отраженным в содержательных аспектах паремии [15–А; 57–А].

В то же время логико-синтаксические конструкции, включающие термин со значением общей положительной оценки, могут быть использованы для реализации интенций отрицательного характера, а именно: для выражения отрицательного отношения к ненормативному, разоблачения мнимого блага, разочарования, вызванного относительностью благ и их несправедливым распределением, и др. Прагматические функции порицания, дискредитации, упрёка, досады, сетования, свойственные паремиям с антифрастическим «хороший» / «хорошо», а также некоторым паремиям с детерминированным «хороший» / «хорошо», воплощают не только негативное отношение к антиценностному, но и стремление адресанта паремии откорректировать поведение тех, кому паремии адресованы (в случае, если адресат и есть порицаемое лицо), сформировать мотивацию, основанную на отрицательных стимулах. Формирование мотивации (как целевой детерминации поведения) посредством использования таких паремий в речи обуславливается тем, что паремии имплицитно выводят о ценностной значимости иной сущности, значимости, лежащей в основании оценки и выступающей ориентиром в «высвеченном» фрагменте ценностной картины мира. Паремии с антифрастическим «хороший» / «хорошо» могут не предполагать мотивирующего и регулятивного воздействия, представляя рефлексии на мир, замыкающиеся на самой рефлексии.

4.2.2 Паремии с термином общей отрицательной оценки

Логико-синтаксические модели, которые представляют паремии с термином отрицательной аксиологической оценки, тождественны тем, что отмечаются для паремий с термином общей положительной оценки: это модель со значением характеристики на основе дескрипции свойств, модель со значением характеристики на основе каузирующей связи; модель со значением идентификации аксиоло-

гически релевантных объектов и модель со значением аксиологической таксономии. Обратимся к анализу паремий, представляющих каждую из этих моделей.

1) Плохой X обладает отрицательным свойством, качеством: *Плохой плясун всегда музыканта хает; Худое дерево в сук растёт; Худая рожка зеркала не любит; Дурное слово что смола: пристанет – не отлепится; Худая слава что без кафтана Савва; В худом котле вода не держится; Худая снасть и отдохнуть не даст; Плохой товар с рук нейдёт; Ліхі собака не брэша, а моўчкі кусае; Ліхое ў вадзе не тоне і ў агне не гарыць; Дурная птушка сваё гняздо шмаруе; Худая кляча недалёка скача; Худая снасьць адпачыць не дасць; Ліхую скаціну век не ўкорміш; Ліхога чалавека нічым не ўважыш; Ліхога Бог заўжды чым-небудзь адзначыць; Дурні кепска жывуць – дурня і ў царкве б'юць; Ад ліхога не адкаснешся ні крыжом; Ад ліхой долі не ўцячэш; Ліхое нігды не згіне; Ліхое прычэпку знойдзе; Della roba di mal acquisto non ne gode il terzo erede; Scarpa cucita male, dura poco; Wer schlecht geht, stolpert über einen Strohalm; Für böse Zungen hilft kein Harnisch; Schlechte Wacht macht viele Diebe; Ein böses Auge verderbt das andere; Böser Gewinn ist Schaden; Böser Nachbar, ewiger Krieg.*

Паремии с термином общей отрицательной оценки, представляющие модель со значением характеристики на основе дескрипции свойств, могут быть использованы с целью: 1) сообщения о том, какое свойство того или иного объекта характеризуется отрицательной значимостью для человека и что вызывает неодобрительное отношение; 2) выражения неодобрительного отношения к объектам, являющимся носителями негативных свойств, сочувствия тем, кто вынужден испытывать негативное влияние со стороны; 3) предупреждения о негативном влиянии на человека того, что мыслится как зло, рекомендации отстраняться от зла. Раскрытие негативно значимых свойств объекта (первая из обозначенных функций) определяется как непосредственная, первичная функция паремий, базовый смысл, поддерживаемый объективацией в поверхностной структуре; остальные функции (вторая и третья) мыслятся как производные, выводимые логическим путем.

Если мы обратимся к анализу глубинных оснований для эксплицированной в паремии рефлексии на сущее, то здесь нужно иметь в виду, что выделение отрицательных значимостей невозможно без подразумеваемого ориентира на «точку отсчета», какой, по мнению философов, может мыслиться только ценность (знание, которое предшествует оценке), и в вынесении отрицательного «вердикта», выраженного с использованием специальных языковых средств, имплицитруется ориентация на ценность, мыслимая как целевая и причинная детерминация поведения / деятельности человека (мотивация).

Характер воздействия, оказываемого на ценностное сознание реципиента паремии, как показывают наблюдения, обладает варьированностью и

детерминируется, с одной стороны, содержанием паремий, с другой – речевой ситуацией.

К примеру, во всех взятых нами для анализа языках отмечаются паремии, в которых объектом осуждения является плохой мастер, ищущий оправдание своей неумелости, выражающий недовольство обстоятельствами, препятствующими осуществлению его деятельности: *Плохой плясун всегда музыканта хаает; Плохому танцору и ноги помеха; Кепскаму танцору і порткі шкодзяць; Дурной танцоўцы і хвартух завада; Ліхому танцору і кашуля заваджае; Дрэннаму танцору заўседы пуза замінае; У благога касца і добрая каса не косіць; Al cattivo zappatore ogni zappa dà dolore; A un cattivo marinaio tutti i venti gli danno noia; Cattivo lavoratore, ad ogni ferro pon cagione; Una cattiva lavandaia non trova mai una pietra buona.* Очевидно, что описание препятствий, не позволяющих человеку проявить свои трудовые умения, является лишь формой для выражения неодобрительного отношения к самим мастерам и их попыткам оправдаться. Неодобрительное отношение как реакция субъекта речи на неумелость, упрек как конкретное речевое действие, провоцируемое неумелостью, должны быть интерпретированы реципиентом речи в случае, если он и является горе-мастером, как стимул к размышлению, как рекомендация критически отнестись к своему «мастерству». При адресации третьим лицам данные паремии служат формированию у третьих лиц соответствующего отношения к таким мастерам, призывают к солидарности в вынесении осуждающего вердикта. Таким образом, и в первом и во втором случае пословицы вмещают, предписывают принятие соответствующей ценностной позиции, правда, выявляя при этом разные по характеру интенции.

Аналогичны по своему функциональному предназначению и другие паремии о негативном, проявляющемся в поведении человека, в организации его деятельности, в отношениях к окружающим: *Дурной человек не любит никого, кроме себя самого; Плохой товарищ не подмога; Худая рожка зеркала не любит; Благі з ліхім знаюцца, адзін на другога спасылаюцца; Дурны паспех людзям на смех; Chi fa male, odia il lume; A cattivo parlatore discreto ascoltatore; Moglie bella e cattiva è inferno doppio; Il mal detto non si cancella, il mal fatto si; Bösem Weibe kann niemand steuern; Böser Nachbar, täglich Unglück; Böser Nachbar ist Judenfluch.*

Вызывающие осуждение поступки человека, негативные модели его поведения могут быть охарактеризованы и опосредованно, например, через обращение к сравнению, метафоре: *Дурное слово что смола: пристанет – не отлепится; Худая слава что без кафтана Савва; Дурной язык голове неприятель; Благі чалавек, што вугалле: або апячэ, або абмарае; Ліхая свіння глыбока корань капайць; Ліхі собака не брэша, а моўчкі кусае; Cattive lingue tagliano piu che le spade; La cattiva lingua è come il cattivo vicino: brutto la sera e brutto il mattino; Böse*

Zungen schneiden schärfer als Schwerter; Für böse Zungen hilft kein Harnisch; Ein böses Auge verderbt das andere; Mit bösen Pferden bricht man das Eis.

Конкретизация негативного влияния одного человека на другого человека, описание негативных последствий проявления зла, составляющие содержание паремий с дескрипцией негативных свойств, выявляют и регулятивное воздействие на реципиентов этих паремий. Предупреждение о вреде порочного может быть интерпретировано как формирование мотива, обусловленного отрицательным подкреплением, призыв отстраняться от порочного дешифрует вменяемую модель поведения как ориентацию на доброе. В контексте призыва содержание паремии может рассматриваться как аргумент, подкрепляющий призыв: *Плохой товарищ не подмога* – Не надейся на плохих друзей, так как они подведут / Не будь сам плохим товарищем; *Дурной язык голове неприятель* – Не говори лишнего, так как себе же навредишь / Обдумывай то, что намереваешься сказать; *Дурны насмех людям на смех* – Не спеши, в противном случае ты станешь предметом насмешек / Действуй рассудительно; *Лихая свинья глыбока корань капаиць* – Остерегайся скверных людей; *Il mal detto non si cancella, il mal fatto si* – Не говори дурного, так как слова не вернуть / Обдумывай то, что собираешься сказать; *Bösem Weibe kann niemand steuern* – Не пытайся наставлять злую жену / Ищи добрую жену; *Ein böses Auge verderbt das andere* – Опасайся дурного глаза / Не таи злых помыслов.

Ценности «проживаются» человеком в повседневной жизни, в том числе и в связи с проблемами, возникающими в быту: *Худая снасть и отдохнуть не даст; Плохой товар с рук нейдёт; Худо нажитое впрок нейдёт; Худое порося и в петровки зябнет; Худая снась адпачыць не дасць; Худой сеткаю рыбы не наловиш; Худое кола мацней скрыниць; Худы конь скоро абмульваецца; L'erba cattiva cresce in fretta; L'erba cattiva soffoca dove arriva; Mal guadagno, danno sicuro; Schlechtes Schild lockt keine Gäste; Schlechte Ware braucht viel Worte.* За дескрипцией негативных свойств предметов быта, домашних животных и пр. в предельном смысле скрывается выражение ценностного отношения к рачительности, порядочности, обстоятельности, отсюда и соответствующие рекомендательные смыслы: *Худая снасть и отдохнуть не даст* – Руководствуйся рациональным выбором средств для достижения цели; *Худое кола мацней скрыниць* – Не будь многословен, не бросай слова на ветер; *Mal guadagno, danno sicuro* – Отказывайся от нечестных способов зарабатывания денег; *Mit bösen Pferden bricht man das Eis* – Будь сдержан.

2) (Если) X плох, (то) плох Y (Y мыслится как объект, порождаемый X либо находящийся в определенной зависимости от X): *От худой курицы худые яйца; У худой рожки худой и обычай; У худой птицы худые и вести; Плох мастер – плоха и работа; У плохого мужа жена всегда дура; За худым пойдёшь – худое и найдёшь; Худое худым и кончится; 3 благога куста благая і птушка вылітая; 3*

благой травы і сена дрэнь; Дрэнь пчолы – дрэнь і мёд; Кепская работа – кепская заплама; Chi mal semina, mal raccoglie; A chi mal fa, mal va; Chi mal fa, male aspetta; Cattivo amico, pessimo marito; Il cattivo riscuotitore fa il cattivo pagatore; Chi ha il mal vicino, ha il mal mattutino; Böser Vogel, böses Ei; Böser Vogel, böser Gesang; Aus böser Wurzel üble Frucht; Schlechte Gewohnheit lohnt übel; Schlechte Diener, schlechte Herren; Schlechter Lohn macht schlechtes Tuch.

Сила неопровержимого аргумента, которой обладают паремии, представляющие данную модель, заключается в раскрытии итога включения в ценностные отношения и его причинной обусловленности. Паремии употребляются в качестве аргументов в предупреждающих речевых актах, в речевых актах сетования, осуждения. Предельный смысл паремий заключается в отвращении человека от зла. Мотивационным основанием для отклоняющих рекомендаций выступает здравый смысл, в соответствии с которым человек не может сознательно стремиться к худу. Паремии не содержат никакой информации о том, какими качествами должен обладать объект, являющийся аксиологическим антиподом негативно оцениваемого, так как это знание (каким должен быть хороший друг, хороший мастер, вообще хороший человек) оказывается усвоенным ранее, важна сама мотивация, основанная на отрицательных стимулах (*За худым пойдёшь – худое и найдёшь – если не пойдёшь за худым – то и не найдёшь худого*).

3) Плохо / плох X (сообщение о том, что плохо / при каком условии плохо или кто плох / при каком условии плох): *Плох конь, коль не скачет, плох казак, коли плачет; Плоха та хозяйка, что блинов растворить не умеет; Худ Роман, когда пуст карман; Плохие года, когда во ржи лебеда; Плох обед, коли хлеба нет; Худо мужу тому, у кого жена большая в дому; Худо жить тому, кому Бог послал суму; Худо полю без изгороди, а вдове без обороны; Худо тому, кто добра не делает никому; Худо в карты играть, а ни мастей, ни козырей не знать; Худ вор, который в своей деревне ворует; Худая та птица, которая гнездо своё мараем¹; Кали бабські строй, то кепські накрой; I ў раю худа быць на краю, бо святыя, як ідуць, бокі абшаргуюць; Худа дзеду без бабы, як медведзю без лапы; Худа людзям жыць, калі жыд пазнаў грунт, а мужык фунт; Ліхая тая птушка, што ў сваё гняздо наскудзіць; È un cattivo sordo quello che non vuole intendere; Cattivo quell'uccello che sporca il suo nido; Guai a chi gode tutto il suo; Cattivo è quel sacco che non si può rappezzare; Mit leerer Tasche ist schlecht zu Markte gehen; Mit Toren ist schlecht scherzen; Es ist eine böse Sau, die ihre eigenen Ferkel frißt; Es ist eine böser Vogel, der in sein eigen Nest hofiert; Es ist ein schlimm Zeichen, wenn die Henne kräht und die Frau das Meisterlied singt.*

¹ По данным словаря Дж. Пацолая, паремия отмечается в 28 языках мира [373, р. 466–467].

Паремии с препозитивным оценочным предикатом в логическом плане представляют собой суждения идентификации, в данном случае суждения, выявляющие то, что худо; того, кто худ, или того, кому худо. Выявление худых объектов осуществляется посредством указания на свойства, выступающие в качестве оснований негативной оценки, либо условия, детерминирующие наличие худа: *плох тот, который; плохо то, что; плохо тому, кто; плохо, когда; плохо, если.*

Данная логико-синтаксическая модель очень продуктивна, в отличие от модели с постпозитивным предикатом негативной оценки, то есть модели со значением аксиологической таксономии. Это объясняется тем, что в суждениях идентификации акценты оказываются смещенными в сторону определения оснований оценки, то есть дескрипции свойств худого и условий его наличия, а в суждениях аксиологической таксономии в сторону отражения итога оценивания; сравн.: *Дрэнныя тья руки, што не ведаюць ніякай навукі* и *Ажаніся – кепска, не жаніся – кепска*; *Cattivo quel guadagno che cagiona maggior danno* и *Tra gente sospetosa conversare è mala cosa.*

Объектом оценки может выступать человек, вызывающий неодобрительное отношение при выполнении им той или иной социальной роли; основанием для его негативной оценки может быть несоответствие его умений, способностей, стремлений, поведения этой роли, а точнее, тем свойствам, которые в норме должны оправдать положительные ожидания: *Худ Матвей, не умеет потчевать гостей*; *Плоха та хозяйка, что блинов растворить не умеет*; *Худ Роман, когда пуст карман*; *Худ вор, который в своей деревне ворует*; *Худой солдат, который не надеется быть генералом*; *Кепскі майстар, што хвінты да ботаў круціць*; *Дрэнныя тья руки, што не ведаюць ніякай навукі*; *Благая тая птушка, што свайго гнязда не пільнуецца*; *Дрэнь той повар, што з голаду памёр*; *È male amico chi a sé è nemico*; *È un cattivo sordo quello che non vuole intendere*; *Ein schlechter Schmied, der die Funken fürchtet*; *Es ist ein schlechter Bettler, der nicht eine Türe meiden kann*; *Ein schlechter Korporal, der nicht denkt General zu werden*; *Schlechter Spielmann, der nur eine Weise kann*; *Schlimme Weiber, aus denen man nicht kommen kann*; *Übler Pförtner, der alles einläßt*; *Übler Schütze, der zu früh losdrückt.* Отклоняющие от негативных моделей поведения и в то же время призывающие ориентироваться на норму рекомендации вытекают из дескриптивной части proverbially единицы: *Худ Матвей, не умеет потчевать гостей* – Не должно оставлять гостей голодными / Нужно проявить щедрость, принимая гостей; *Дрэнныя тья руки, што не ведаюць ніякай навукі* – Не будь инертным / Приобретай умения.

Непосредственным объектом оценки в паремиях анализируемой логико-синтаксической модели может быть не сам человек, а иные сущности, представляющие его жизненный мир, его потребности и косвенно его самого: *Плох обед, коли хлеба нет*; *Худа честь, когда нечего есть*; *Плох тот ветер, который не приносит добра*; *Плохие года, когда во ржи лебеда*; *Худ приплод в високосный год*;

Дрэнъ сала без хлеба; Без кавалка хлеба кепская бяседа; Благая чэсць, калі нечага есць; Благое лета, калі сонца нету; Кепска, калі не лэпска; Ліхая мая дамова, дзе вала бадзе карова; Cattivo è il mestiero che non nutrisce l'artefice; È un cattivo boccone quello che affoga; Cattiva è quella lana che non si può tingere; Male altrui consiglia, che per sè non lo piglia; Cattiva scusa dello svogliato; Es ist ein übler Bissen, daran man erstickt; Es ist ein schlechter Tanz, wo man die Rippen bricht; Es ist ein schlechter Brunnen, in den man Wasser tragen muß; Es ist ein schlechter Handel, wo niemand gewinnt. Если речь идет о чем-то негативном, не зависящем от человека, то паремии предназначены для выражения сетования, если же негативная оценка детерминируется поведением человека, характером его деятельности, то есть так или иначе зависит от человека, паремии рекомендуют сменить модель поведения, отстраниться от зла. В любом случае паремии имплицитно ориентируют на то, что мыслится ценным, то, к чему человек стремится либо должен стремиться. В качестве вменяемых ценностей выступают надежность, благополучие, порядок, согласие, помощь, рациональность и др.

Представляют анализируемую модель и такие паремии, в которых плохим определяется положение дел. Такие паремии могут быть организованы с акцентом на то, кому худо, при этом «опознавателями» этого худа выступают описания причин плохого положения дел: *Худо мужу тому, у кого жена большая в дому; Плохо овцам, коли волк настух; Худо тому жить, кто без обуха дрожит; Худо жить тому, кому Бог послал суму; Худо полю без изгороди, а вдове без обороны; Плохо ветвям без ствола; Тяжело голове без плеч, худо и телу без головы; Худо тому, кто добра не делает никому; Тому тяжело, кто помнит зло; Худа бабе без дзеда: сербай юшку без хлеба; Guai a chi gode tutto il suo; Guai al pescatore che teme l'acqua fredda; Guai a quella casa dove la famiglia s'accorda; Male stano i genitori che vivono a spese dei figli; Quando il cieco porta la bandiera, guai a chi vien dietro!*

Определение плохого положения дел, а также плохого течения дел может осуществляться и без обозначения в структуре паремии того, кто является субъектом негативного состояния или субъектом характеризующих негативно действий, процессов, отношений. Паремии сообщают об условиях, обстоятельствах, препятствующих положительному течению дел: *Худо в карты играть, а ни мастей, ни козырей не знать; Худое дело, коли сам истец судья; Кепска, калі яйца курэй вучаць; Кепска, калі з адной кадушкі і хлеб і галушкі; Без шчасця і ў грыбы кепска хадзіць; Кепска, калі не лэпска; Пры злой худабіне худо жыць на чужбіне; Cattivo litigare dove la forza è giustizia; È un cattivo andare contro il vento; Mal si caccia coi cani svogliati; Mit vollem Munde ist schlecht blasen; Mit Stärkeren ist schlecht streiten; Wenn's Hemd brennt, ist schlecht stillsitzen; Es ist schlecht streiten mit harthörigen Leuten; Gegen den Strom ist schlecht schwimmen.*

Итак, препятствием к достижению гармонии в этом мире, кроме непреодолимых обстоятельств, на которые в паремиях анализируемой структуры ссылака делается реже всего, может быть незнание, несправедливость, непонимание своей роли в обществе, социальное неравенство, бедность, трусость, лень, вражда, безучастность. Негативная оценка ситуаций, связанных с проявлением этих сущностей, есть одновременно утверждение ценностного смысла их аксиологических антиподов: знания, справедливости, равенства, достатка, смелости, трудолюбия, мира, понимания и др.

4) X плох / плохо (сообщение о том, что тот или иной объект плох вообще либо плох при определенном условии / то или иное положение плохо вообще либо плохо при определенном условии): *Слепая ненависть – плохой советчик; Холостому везде плохо, а женатому только дома; Каля Віцебска кепска, а каля Воршы яшчэ горшы; Без дзенег худзёнек; Пазычай – ліхі абычай; Ажаніся – кепска, не жаніся – кепска; Tra gente sospetosa conversare è mala cosa; La fame è cattiva consigliera; Quando i ragazzi stanno fermi, cattivo segno; Quando il re parte, la citta sta male; Der Bauch ist ein schlechter Ratgeber; Auf hohen Stühlen sitzt man schlecht.*

Паремии с термином общей отрицательной оценки в предикате, представляющие данную модель, так же как и паремии аналогичной модели с термином общей положительной оценки в предикате, немногочисленны. Объяснить это можно тем, что явный характер выражения оценки в структурах со значением аксиологической таксономии без указания на какие-либо дополнительные условия, влияющие на ценностное отношение, противоречит самой природе паремий, в соответствии с которой воздействие на ценностное сознание реципиента шифруется, кодируется с привлечением таких форм, которые, во-первых, делают незримое зримым, во-вторых, по закону жанра оставляют реципиенту провербиального выражения право самостоятельно «разгадать» скрытое и сделать надлежащие выводы.

Итак, механизмы отражения мотивационной и регулятивной компонент ценностных ориентаций в паремиях с термином общей отрицательной оценки, представляющих проанализированные здесь логико-синтаксические модели, и, соответственно, механизмы оказания мотивирующего и регулятивного воздействия на сознание реципиентов паремий, как мы убедились, детерминируются выводимостью одних смыслов из других и в своей основе аналогичны тем, которые были установлены при анализе логико-синтаксической организации паремий с термином общей положительной оценки.

Схематично движение мысли, отражающей интерпретацию исходных и предельных смыслов паремий с термином отрицательной оценки («переход» исходных смыслов в предельные), можно передать следующим образом:

Ценность как позитивно осмысляемая сущность и ценностный ориентир, определяющий выбор направленности и модель поведения адресанта → отрица-

тельная оценка объекта, соответствующая данному ориентиру → отнесение объекта к категории антиценностей по устанавливаемому (антиценностному) отношению → формирование соответствующего отношения к оцениваемому объекту у реципиента посредством расшифровки целевой и причинной детерминации вменяемого отношения → ориентация на ценность как стимуляция коррекции ценностной картины мира, осознанного выбора вменяемой направленности.

Описывая негативное, выделяя из окружающей действительности зло, осуждая его и сетуя по поводу его наличия, предупреждая о негативном влиянии зла, рекомендуя отстраняться от него, человек, естественно, опирается на представления о ценном, должном, идеальном. Смысл паремий, в которых так или иначе раскрывается антиценностная значимость «вещей», заключается не только в отклоняющих рекомендациях, формировании мотивов, исключая стремление к негативному, но и в детерминированном данной мотивацией побуждении ориентироваться на ценности социокультурной среды, дешифруемые при развертывании умозаключения методом «от противного».

4.2.3 Паремии с терминами общей положительной и отрицательной оценки

В наибольшей степени отвлечения от конкретного содержания общий смысл паремий, в состав которых включены оба термина общей оценки, заключается в установлении разного рода отношений между добром и злом, между тем, что представляет полюс положительной оценки, и тем, что представляет полюс отрицательной оценки. Семантическая дифференциация таких паремий находится в зависимости от того, какого рода эти отношения, а также от того, устанавливаются ли отношения между свойствами разных «вещей», между свойствами одной вещи, между самими «вещами» и др. В плане количественной представленности паремии, раскрывающие отношения между добром и злом дифференцируются на два больших класса, в одних паремиях отражается идея противопоставления хорошего и плохого, свойственного разным вещам, в других – иного рода отношения между хорошим и плохим: несовместимость хорошего и плохого, совмещение контрастных в аксиологическом плане характеристик в рамках одного объекта, трансформация хорошего в плохое, плохого в хорошее, мена хорошего и плохого и др.¹.

¹ Как известно, употреблению антонимов в одном контексте, кроме функции противопоставления, приписывается ещё целый ряд семантических функций, а именно функции сопоставления, взаимоисключения, чередования, превращения, охвата, соединения [197, с. 22–24]. Такого рода отношения и наблюдаются в паремиях о «взаимодействии» хорошего и плохого. Это не означает, однако, что отношения противопоставления являются в

Обратимся вначале к оппозитивным по семантике паремиям, в которых речь идет о разных вещах, характеризующихся с точки зрения их свойств. Это сложные по своей логической организации структуры, отражающие мыслительную процедуру противопоставления. Соединяемые в рамках целого пропозиции объективируются предикативными конструкциями с «параллельной» логико-синтаксической организацией; это – логико-синтаксические модели со значением характеристики на основе дескрипции свойств, характеристики на основе каузирующей связи, со значением аксиологической таксономии или со значением идентификации хорошего и плохого.

По своей сути оппозитивные по семантике паремии представляют два типа структур: структуры с акцентуацией смысла на свойствах хороших и плохих объектов и структуры с акцентуацией смысла на оценках.

1) Структуры с акцентуацией смысла на свойствах хороших и плохих объектов объединяют паремии, представляющие логико-синтаксические модели со значением характеристики на основе дескрипции свойств и со значением характеристики на основе каузирующей связи: *Добрый хозяин – господин деньгам, а плохой – слуга; Добра, что клада, ищут, а худо под рукой; Хорошая жизнь ум рождает, плохая и последний теряет; Хорошая жена – каменная стена, а худая – на голову положенная беда; Детки хороши – отцу, матери венец; худы – отцу, матери конец; Доброму добро, а худому пополам ребро; Дабро пушыць, ліха сушыць; Добрае дзіця паслухае ківа, а ліхое не слухае і кія; Добры і Богу трэба, а благога і чорт не бярэ; Добрая жонка – вянец, а ліхая – канец; Добрая жонка – дома рай, злая – хоць ты тыгу дай; *Le buone vanno, le cattive stanno; Lavoratore buono, d'un podere ne fa due; cattivo, ne fa un mezzo; Le buone parole ungono, e le cattive pungono; Bene viene da bene, male viene da male; Chi fa male, guadagna un carro di sale; e chi fa bene, guadagna un carro di fieno; Das Gute kommt von Gott, das Böse vom Teufel; Das Gute ist schwach, das Böse ist stark; Des Guten gedenkt man eine Stunde zwar, des Bösen aber viele Jahr.**

В качестве оппозитивов в таких паремиях выступают свойства хороших и плохих людей, кого- или чего-либо «функционально» хорошего и плохого, добра и зла вообще. Базовый смысл таких паремий заключается в раскрытии свойств хороших и плохих «вещей» на фоне противопоставления этих свойств.

Разноязычные паремии о добре и зле вообще обнаруживают значительное содержательное сходство, сравн: *Добро не умрет, а зло пропадет; Худому делу – худая слава, доброму делу – добрая память; Лихо помнится, а добро забывается; Добро помнится долго, а лихое вдвое; Хорошего мало на свете, а худого всюду много; Добрае доўга помніцца, а кепскае ніколі не забудзеш; Ад ліха ціха, а дабра*

этом случае снятыми. В одних паремиях эти отношения отходят на второй план, ослабляются, в связи с актуализацией иного рода отношений, в других – сохраняют свою актуальность, однако с иной расстановкой акцентов, чем в выражениях, в которых отношениями противопоставления связываются разные объекты по наличию у них аксиологически контрастных свойств.

не чуваць; На плахіх і дохні няма, а добрыя мруць; Кенскае адразу відаць, а добрае – убачыць трэба; Col bene vinci tutto e col male perdi tutto; Il bello va e viene, il brutto si mantiene; Il bene bisogna cercarlo, e il male aspettarlo; Il bello non va nella scodella e il brutto va dappertutto; Bene viene da bene, male viene da male; Das Böse schreibt man in Stein, das Gute in Staub; Des Guten vergisst man bald, des Bösen denkt man lange; Das Gute kommt für alle, das Böse für den, der's sucht; Das Gute kommt von Gott, das Böss vom Teuffel; Man muss das Gute suchen und das Böse erwarten.

При осмыслении добра и зла вообще человек, с одной стороны, выражает веру в победу добра над злом, призывает помнить добрые дела, а худые забывать; с другой стороны, сетует по поводу того, что люди не умеют ценить добро; добро быстро забывается, а зло помнится долго; добро необходимо искать, а худо само приходит; зла в мире больше, чем добра. Паремии, сообщающие о преобладании добра в мире, внушают человеку веру в то, что справедливость непременно восторжествует. Паремии, в которых говорится о том, что зло по каким-либо признакам превосходит добро, воплощают выражение отчаяния, разочарования, стремление человека найти поддержку, сочувствие. Однако такие паремии обладают и особым воспитательным значением: они предупреждают тех, кто ориентируется на добро, о расстановке сил не в пользу добра, подготавливают человека, избравшего праведный путь, к неизбежным переживаниям, связанным с неудовлетворенностью положением дел. Знание «минусов» добра позволяет воспринимать их как естественные, закономерные и дает основание человеку осознанно оставаться верным своим принципам.

И те и другие паремии обладают, таким образом, подвигающей к принятию решения силой. Заключение в паремии информация о положительной значимости добра выступает основой положительной мотивации, а именно имплицитный призыв приобщиться к добру объясняется неизбежным торжеством добра, а также тем, что добро будут помнить, за доброе воздастся добрым. Соответственно, информация об отрицательной значимости худа выступает основой отрицательной мотивации: призыв отстраниться от зла объясняется неизбежным проигрышем зла, тем, что зло осуждается, не прощается, не забывается. Заключение в паремии информация о негативной значимости добра не формирует положительной мотивации и отражает видение мира с позиции «уязвленного» сознания, то есть с позиций человека, познавшего горечь неоправдавшихся надежд на торжество добра; тем не менее и в этом случае информация может имплицитно прописывать прескриптивные смыслы с позиций «приверженца добра», в частности предупредительные смыслы.

Наибольшее количество паремий оппозитивного характера с терминами общей положительной и отрицательной оценки об отношениях внутри семьи, о добрых и худых женах, мужьях, родственниках. Это неудивительно, так как с

точки зрения обыденного сознания семья – это основа жизни, соответственно, переживания в этой сфере жизни являются для человека наиболее глубокими: *Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье; От плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь; У плохой жены муж на печи лежит, а хорошая сгонит; Добрая жена хозяйству научает, а худая от дома отлучает; За добрым мужем как за городом, а за худым и огородбища нет; Хорошее замужество – пряничная коврижка, а худое замужество – гробовая крышка; Плохой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет; Детки хороши – отцу, матери венец; худы – отцу, матери конец; От хорошего братца ума набратся, от худого братца рад отвязаться; Добрая жонка дом зберажэ, а ліхая рукавом распрасе; Добрая жонка – вяселле, а ліхая – паганая зелле; Як добры замуж, дык нажывеишся, а як плахі, дык наплачаешся; За добрым мужам і варона жона, а за благім і княгіня загіне; Добрага бацька – добрыя дзеці, ліхога – ліхія; Калі добра, то свякроў, а як кепска, то пся кроў; Добры сват сабакі варт, а як ліхі, то й сабакі не варт; *Moglie buona, fa la casa; cattiva, la disfa; Se vuoi veder la moglie del buon marito, guardale il viso; se vuoi vedere il marito della cattiva moglie, guardagli i panni; Bastardo buono, ventura; bastardo cattivo, sua natura; Ein gutes Weib ist eine gute Haut, ein böses ist ein bitter Kraut; Eine gute Hausfrau mehrt das Haus, die schlechte trägt's zur Türe 'raus; Eine gute Frau macht aus dem Achtziger einen Vierziger, eine böse aus dem Vierziger einen Achtziger; Gute Frauen stehen zwischen dem Mann und dem Engel, böse zwischen dem Mann und dem Teufel.**

Характеристика хороших и плохих людей, их деяний, их отношения к другим членам социума выявляет основания оценивания социального поведения человека. Положительно оценивается то, что свидетельствует об альтруизме, благодарности, милосердии, участии; отрицательную оценку получают поступки, в которых проявляется эгоизм, неблагодарность, жестокость, равнодушие, злые помыслы: *Добрый Иван – и людям, и нам; худой Иван – ни людям, ни нам; С добрым поведёшься – добро переймёшь, с худым поведёшься – худо переймёшь; Добрый человек плачет от радости, а злой от зависти; Хорошего человека употчуеть кусом, а худого не употчуеть и гусем; Добраму чалавечку добра й у запечку, а благой благаце брыдка й на куце; Благі абразіць, а добры разважыць ды яшчэ і парадзіць; *Ben per male è carità, mal per bene è crudeltà; Chi mi vuoi bene mi fa arrossire, e chi mi vuoi male mi fa imbianchire; Mit dem Guten wird man gut und böse mit dem, der übel tut; Der ist des Guten nicht wert, der sich gegen das Böse nicht wehrt.**

Представители разных национальностей сходятся также во мнении, что дурная молва распространяется быстрее и дальше и обращает на себя внимание больше, чем добрая слава: *Добрая слава за печкой сидит, а худая по свету бежит; Хорошее далеко слышно, а плохое – ещё дальше; Добрая слава дома ляжыць, а благая далёка бяжыць; Добрая далёка чуваць, а благая яшчэ далей; Das*

gute Wort liegt auf einem Platz, das schlechte läuft durch die Weh; Gute wird verschwiegen, das Böse sieht man von Mund zu Munde fliegen; Vom Guten spricht man viel, vom Bösen aber mehr. В итальянском языке аналогичные идеи находят воплощение в иных структурах: *Le brutte nuove arrivano più in fretta delle buone; Le cattive nuove volano; Le cattive novelle corron presto*, известны также и немецкие пословицы о худой молве с неопозитивной структурой (*Die schlechten Nachrichten haben Flügel; Schlimme Nachrichten kommen immer zu früh*). Фиксация паремий с отсутствующей второй частью (о доброй молве) является косвенным подтверждением того, что нашедшая столь широкое распространение пословицная идея заключается в сообщении о том, как быстро плохое становится известно всем, информация же о добрых вестях используется, скорее, в качестве фона.

Преимущественная релевантность информации именно о худых вестях в приведенных выше паремиях подтверждается словарными дефинициями паремий, контекстами их употребления в речи. Так, в «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова значение русской пословицы *Добрая слава лежит, а худая бежит* интерпретировано следующим образом: ‘Дурная слава быстро распространяется, а доброе о человеке может остаться неизвестным’ [388, с. 105], в «Словаре русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко – ‘Плохое всегда становится известным раньше хорошего, быстро разглашается’ [296, с. 259]. Как видим, при объяснении значения паремии как предмет речи определяются худые вести. Иллюстрируют данную семантическую особенность паремии и контексты: [Бородин:] *Говорится пословица: добрая слава лежит, а худая бежит. Зачем я теперь скажу про человека худо? Лучшие я должен сказать про человека хорошо... Всякий по чужим словам судит* (Островский. Не в свои сани не садись) [388, с. 105]; – *На чужой роток не накинешь платок. Возвести напраслину на кого угодно можно... – Эх, сынку! Добрая слава лежит, а худая бежит. Вернется Оксана с фронта, каково ей будет слушать про тебя?* (Поповкин. Семья Рубанюк) [388, с. 105]; *Побаски тут всякие про нее, про Вирку-то. Я к тому, что, поди, и вы слышали. Добрая-то слава лежит, дурная-то ни то бежит, лётом летит* (Сейфуллина. Виринея) [296, с. 259]; *Нашлись добрые души, которые помогли ей в горе. Но в горе-то ее и узнали, и слава о ней не лежала – в нарушение поговорки, – а потихоньку катилась из уст в уста и дошла, наверно, до умных людей* (Федин. Первые радости) [296, с. 259].

Аналогичны словарные дефиниции и белорусских паремий о дурной славе с оппозитивной структурой: «*Добрая слава на паліцы ляжыць, а благая на дарожцы бяжыць. Добрае пра чалавека можа застацца і невядомым, а дрэнная слава распаўсюджваецца хутка. Ужываецца як адмоўная ацэнка чаго-, каго-н. дрэннага <...>. Ігар Леанідавіч задумаўся. Атрымліваецца, як у той прымаўцы: добрая слава на паліцы ляжыць, а благая на дарожцы бяжыць. Да сакратара парткома дайшло* (І. Скарынкін. Рэзерв камбата) [394, с. 178]; «*Добрае далёка чуваць, а*

дрэннае яшчэ далей. Дрэнная слава распаўсюджваецца хутчэй і далей, чым добрая. Ужываецца як адмоўная ацэнка чаго-, каго-н. дрэннага <....>. Добрае далёка чуваць, а дрэннае яшчэ далей; была ў вёсцы сям'я Бурачкоў, якія жылі на ўскраі вёскі, на паплавах. З кожнага калена ў Бурачкоў каго-небудзь ды ўтаўкуць. Гэта былі на ўсю акругу канакрады (І. Гурскі. Лясныя салдаты); – П'е [Цівунок] дзень і ноч, – сказаў Алесь. – Я з другога калгаса, але дурное, кажучь, далёка чуваць (Я. Брыль. На Быстранцы)» [394, с. 175].

Характерной особенностью структурной организации других оппозитивных паремий о хорошем и плохом является то, что о хорошем, как правило, речь идет в первой части паремии, а о плохом – во второй. По-видимому, поводом для дискурса при употреблении таких паремий чаще выступает плохое, а сообщение о хорошем служит средством интенсификации признаков значений. Не исключено, однако, и обратное. Сравн.: *«Добрую траву (травіну) людзі сеюць, а ліхая чорт ведае адкуль бярэцца. Ужываецца як здзіўленне і абурэнне кепскімі ўчынкамі якіх-н. людзей. Загад ёсць загад, служба ёсць служба. І калі на плячах пагоны міліцэйскія, які можа быць сумнеў?! Так краіну да пустога канца давесці можна. Не, правільна ў нашай вёсцы казалі: добрую травіну людзі сеюць, а ліхая чорт ведае адкуль бярэцца... (Я. Рагін. Выбіраю радзіму...); Добрую траву чалавек сее, а дрэнная чорт ведае, адкуль бярэцца. У гэтым неаднойчы пераконваешся, размаўляючы з цяжкімі падлеткамі, іх гора-бацькамі, для якіх чарка даражэй за сваё дзіця (А. Гук. Адзін дуб у полі – не лес)» [394, с. 179]; «Добраму чалавечку добра і ў запечку <а благой (якой) благаце дрэнна і на куце>. Гаворыцца пра добрага, памяркоўнага чалавека. [Сымонка, робіць выгляд, быццам не можа ўтрымацца на нагах, і валіцца ў самую гушчу дзяўчат:] Добраму чалавечку добра і ў запечку! (В. Вольскі. Машэка); Ні той спагады, ні той парады, ані шаны... Хіба што прыказка і суцяшала: – Добраму чалавечку добра і ў запечку, а якой благаце дрэнна й на куце... (Р. Барадулін. Мама); Жывём... Як на той прымаўцы: добраму чалавечку – добра і ў запечку, а благой благаце – дрэнна й на куце (У. Ягоўдзік. Перадзім'ем); – Будар! – пераходзіць з плачу на крык маці. – Каб табе язык паганы адсох! Каб ты без кія не мог кроку ступіць! Каб людзі на пір, а ты ў вір! Каб ты ў запечку да смерці сядзеў! – Добраму чалавечку добра і ў запечку, а пустаце ліха і на куце! (В. Шырко. Хай людзі бачаць)» [394, с. 176].*

Разумеется, предположение о том, что в паремиях с оппозитивной структурой большей релевантностью обладает информация о негативном, требует специального исследования значительного количества употреблений таких провербильных выражений, тем не менее факт типичного в структурной организации оппозитивных паремий с терминами общей оценки остается фактом.

Отмечается типичность и в содержании разноязычных паремий анализируемой оппозитивной структуры. Причину содержательной корреляции разноязычных паремий с терминами общей положительной и отрицательной оценки следует

усматривать, прежде всего, в наличии ценностно-ориентационного единства в коллективном сознании различных этносов, в общечеловеческой значимости осмысляемых сущностей. Даже если и принять во внимание генетическое родство некоторых пословичных выражений, заимствование идей в результате диалога культур, закреплённость этих идей в сознании того или иного этноса, как мы уже отмечали выше, является подтверждением их значимости в ценностном сознании представителей каждой из культур, сопряжённых отношениями «донор – преемник». В этом случае, по справедливому замечанию Е. В. Ивановой, происхождение пословиц, их генетическое родство, источник заимствования, действительно, второстепенны, так как «если пословица принята народом и используется им, значит, она соответствует менталитету народа, его видению мира» [119, с. 117]¹.

Активное обращение представителей разных этносов при продуцировании паремий о добре и зле к антитезе объясняется антагонизмом самих аксиологических категорий, архетипичностью бинарного метода познания мира, традиционностью использования этой фигуры в фольклоре, её необычайной выразительностью. Т. Г. Бочина утверждает, что наличие слов с оценочной семантикой в паремиях, представляющих ту или иную фигуру контраста, обусловлено аксиологической сущностью бинарного способа восприятия, осмысления и описания мира [43, с. 14]². Эксплицитное выражение оценки в оппозитивных структурах выявляет, таким образом, архетипичность назначения паремий, связываемого с формированием нормативно-ценностного пространства культуры.

2) Структуры с акцентуацией смысла на оценках объединяют паремии, представляющие логико-синтаксические модели со значением аксиологической таксономии и со значением идентификации аксиологически релевантных объектов: *Недолгая речь хороша, а долгая – поволока; С его совестью жить хорошо, а умирать плохо; Кто нюхает табачок, тэй добры мужычок, а хто заживает табакі, не варт сабакі; Добра браць, ды ліха аддаваць; È bello venir vecchi ma è brutto esserlo; Es ist gut Narren fressen, aber böß verdauen.*

Базовый смысл таких паремий заключается в противопоставлении оценочных квалификаций «вещей». Оппозитивные структуры со значением аксиологической таксономии, равно как и со значением идентификации хорошего и плохого, в паремийниках всех четырех языков встречаются крайне редко. Причину можно усматривать в прямолинейности выражения ценностной позиции, «замыкающей» смысл паремии на рефлексии, о чем уже шла речь выше.

¹ Е. В. Иванова ссылается при этом на мнение В. И. Даля, который, отклоняя упреки цензоров в том, что в его сборнике есть и книжные пословицы, и переводные, писал следующее: «Есть у меня и переводные – что замечено было в виде упрека, – но я их не переводил, а принял, потому что они говорятя; есть искаженные, переиначенные, но я их не искажал, а слышал или получил в этом виде; есть речения из св. писания, и они даже большею частью переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятя» [83, с. 8].

² Диссертационная работа Т. Г. Бочиной посвящена исследованию контраста как лингвокогнитивного принципа русской пословицы [43].

Выражение ценностного отношения в оппозитивных структурах в целом соответствует идеализированной картине мира, в которой доброе порождает доброе, а от худого следует ждать только худа, соответственно, доброе должно поощряться, а худое порицаться, к доброму необходимо стремиться, а от худого отстраняться. Существование несправедливости, вносящей дисбаланс в систему ценностных ориентаций, является причиной бытования и таких паремий, в которых человек выражает сомнение в рациональности исключительной ориентации на добро, но за этим сомнением стоит не столько желание внушить реципиенту то, что следует сменить ценностные приоритеты, сколько досада от того, что в жизни не всегда получается так, как надлежит: *Не делай людям добра, не увидишь от них лиха; Я к нему с добром, а он ко мне с дерьмом; За мое ж добро, да мне же переломили ребро; Бяду працерніў, а дабро не сцерніў; Cristo castiga i buoni e ai cattivi da i canestri prosperità; Non far mai bene, non avrai mai male; A far bene non sta bene, a far male non c'è male; Facciami ben, facciami mal, in cent'anni saremo equal; Was gut ist, holt der Teufel zuerst.*

Выражение ценностных позиций оказывается еще более противоречивым в паремиях о разного рода «взаимодействиях» добра и зла. С опорой на интерпретативный анализ такого рода паремий выявлено несколько логем, инвариантных значений, установленных в значительном отвлечении от способа их грамматических репрезентаций¹.

1) Хорошее побеждает / исправляет / отгоняет худое: *Добро худо переможет; У хорошей жены и плохой муж будет молодцом; За добрым мужыком і гулінда жонка; La buona cura scaccia la mala ventura; Guter Umgang verbessert schlechte Sitten; Eine gute Mahlzeit läßt die schlechten vergessen; Ein guter Tag vertreibt zehn schlechte.*

В данных паремиях реализуется идея облагораживающего влияния хорошего на плохое, выступающая мощнейшим стимулом ориентации на добро.

2) Хорошему несвойственно плохое (хорошее с плохим несовместимо): *Про хорошее худого не скажут; На хорошей крыше трава не растёт; Кто доброе творит, того зло не вредит; К доброму плохое не пристанет; От добра худа не бывает; Добры нікога кепска асуджаць не будзе; Добрага чалавека сабакі не чапаюць; Ад добрай дочкі не бегае маці ўпrotchкі; A legna sana non entra verme; Chi va diritto non fallisce [sbaglia] strada; L'oro non prende macchia; Il bene non fu mai*

¹ В тех случаях, когда в том или ином языке отсутствовали содержательные корреляты с общеоценочными терминами, мы принимали во внимание и такие паремии, в которых добро и / или зло получают метафорическое обозначение или вербализуются лексемами с частнооценочным значением. Отметим, что паремии с метафорическим обозначением аксиологических категорий в численном отношении значительно превосходят содержательные корреляты с общеоценочными терминами. Важным для нас было установить сам факт наличия межъязыковой корреляции пословичных идей, отражающих общие взгляды представителей разных национальностей на соотношение добра и зла в ценностных картинах мира. Примечательно, что аналогичные инвариантные значения афористических, паремиологических и иного рода выражений устанавливает Л. В. Колижук в исследовании, посвященном выявлению лингвокультурных характеристик концептов «good» и «evil» в британской лингвокультуре [146].

male, e il male non fu mai bene; Il bene e il male non vanno d'accordo; Wer Gutes säet, schneidet nichts Böses.

Паремии говорят о несовместимости добра и зла: о бесполезности попыток «очернить» добро и тщетности усилий оправдать «худое». Отнесение к классу хороших объектов исключает приписывание этому объекту плохих свойств.

3) (И) хорошему может быть свойственно плохое / хорошее оборачивается плохим: *И в хорошей капусте гнилые кочни есть; И на доброго коня бывает спотычка; И в раю жить тошно одному; И добро худом бывает; I ў добрым родзя, а ўдасца шэльма й злодзі; Не заўсёды, добра сеўшы, добра едуць; На свеце за добрае злым плацяць; Любіў добрае, цярпі ж і злое; Buon mercato vuota la borsa; Buon tempo fa scavezzare il collo; Chi fa bene, patisce pene; Il buon marinaio si conosce al cattivo tempo; Comincia a diventar cattivo chi si tien buono; Auch das beste Pferd stolpert einmal; Wer das Gute genossen hat, muß mit dem Schlechten auch vorliebnehmen; Guter Wein macht böse Köpfe; Wer sich für gut hält, fängt an schlecht zu werden; Wer nichts Gutes tut, findet nichts.*

В паремиях о совместимости добра и зла, напротив, реализуется идея относительности добра, несовершенства мира, выступающая основанием для оправдания оступившегося человека. Паремии о свойстве добра трансформироваться в зло используются как предупреждения.

4) Хорош в одном / внешне, (однако) плох в другом / внутри / на деле: *Хороша очами, да нехороша речами; Хороша Клава, да плоха про неё слава; Добры дуб, ды дуплянiсты; Кветка харошая, але ў крапiве сядзiць; Апрануты, як пава, але брыдка слава; Добра гаворыць, да нядобра творыць; Хоць харошая шкура, ды лiхая натура; Spesso i beni del corpo sono mali dell'anima; Bella in vista, dentro è trista; Occhio bello, animo fello; Quello che è buono per il fegato, può essere cattivo per la milza; Gute Schreier sind schlechte Sänger; Oft gut im Rat und schlecht in der Tat; Wenn Feinde gute Worte geben, haben sie Böses im Sinne; Eine gute Brille hat oft eine schlechte Fassung.*

Идея конъюнкции контрастных свойств у объекта, воспринимаемого как нечто целое, положенная в основу фигуры амфитезы, представлена в значительном количестве разноязычных паремий. Как правило, в таких паремиях речь идет о несоответствии внешних и внутренних качеств человека, явного и скрытого, расхождении слова и дела и наиболее типичным является косвенное выражение оценки, основанное на привлечении метафор или сравнений: *Наряд соколий, а походка воронья; Лбом красится, а затылок виши едят; Умысел боярский, да разум крестьянский; Речи, как мед, а дела, как полынь; На языке медок, а на сердце ледок; З твару беленькі, але розум бедненькі; Соладка снявае, ды горка слухаць; На языку мёд, а на сэрцы лёд; Capelli ricci, cervello pazzo; Scarpe grosse e cervello fino; Corpo grosso e cervello fino; La donna è come la castagna: bella di fuori e dentro è la magagna; Avanti ti liscia e dietro ti piscia; La lingua unge e il dente punge; Lingua*

lunga, corta mano; Troppe foglie, poche susine; Lange Kleider, kurzer Sinn; Honig im Munde, Galle im Herzen; Im Munde den Honig, im Herzen den Stachel; Groß mit Worten, wenig in der Tat; Was nützen fette Worte, wenn die Küche mager ist. Такие паремии вскрывают противоречивость человеческой природы и выступают средством для выражения осуждения, рекомендуют быть осмотрительными в оценке.

5) Хорошее характеризуется близостью к плохому, плохое – к хорошему: *От добра до худа один шаток; От худа до добра недалеко; Счастье с несчастьем двор об двор живут, на одних санях ездят; Ад дабра да худа адзін крок; Dal bene al male il passo è corto; Tra il bene e il male c'è di mezzo il mare; Accosto al pepe si mette il sale, accosto al bene c'è sempre il male.*

6) Хорошее не бывает без плохого / плохое не бывает без хорошего: *Нет розы без шипов¹; Нет худа без добра; Умеў прынімаць добрае – умей прынімаць і худое; Няма таго дрэннага, каб не выйшла на добрае; Ліха без дабра не бывае; Da una rosa nasce una spina e da una spina nasce una rosa; Niun bene senza male, niun male senza bene; Non c'è mortorio senza scherzi, né matrimonio senza pianti; Né bello senza difetto, né brutto senza grasso; Non pianse mai uno che non ridesse un altro; Ogni medaglia ha il suo rovescio; Non vi è libro così cattivo che non abbia qualcosa di buono; Chi non è capace di fare il male, non è capace neanche di fare il bene; Keine Rose ohne Dornen; Nichts ist so schlecht, es ist zu etwas gut; Es ist nichts so schlimm, es hat seinen Nutzen, und nichts so gut, es kann schaden; Kein Buch so schlecht, es steckt was Gutes drin; Es gibt keinen schlechten Weg, wenn er zu Ende ist.*

7) Хорошее невозможно оценить / иметь, не познав худого / ценится больше при познании худого: *Кто нужды не видал – и счастья не знает; Не видав горя, не узнаеш и радости; Не вкусив горького, не узнаеш и сладкого; Не пазнаўшы бяды, не пачуеш дабра; Chi non ha gustato l'amaro non sa che si sia dolce; Per conoscere il bello, bisogna conoscere il brutto; Non si gode, se non si patisce; Chi ha provato il male, gusta meglio il bene; Non c'è gusto, se non c'è disgusto; Nach Bitterem schmeckt das Süße noch einmal so gut; Wer gute Tage haben will, muss böse Nächte durchwachen.*

Паремии, представляющие все три описанные выше логемы, объединяет идея близости добра и зла, наличия каузирующей связи между добром и злом: бытие добра определяет бытие худа и наоборот. Паремии предупреждают о зыбкости границ между добром и злом, о закономерной мере добра и зла. Аналогичные идеи выражаются и при характеристике плохого в его связи с хорошим (см. ниже паремии, представляющие две последующие группы).

8) Плохое сменяется хорошим / хорошее сменяется плохим: *Кто с вечера плачет, поутру засмеётся; После грозы вёдро, после горя радость; Удзень – як кошкі, а ўночы – як птушкі; Адзін раз густа, а другі раз пуста; Le rose cascano e le*

¹ Такая пословица есть во многих языках мира, это отмечают К. Вандер [420], Дж. Пацоллай [373, р. 330–332].

spine restano; Le grandi calme non nascono che dopo le grandi tempeste; Buon tempo e mal tempo non dura tutto il tempo; Il bene non dura, il male non regna; Il male va dietro al bene e il bene al male; Oggi male, domani bene, prendi il mondo come viene; Soffri il male e aspetta il bene; Die Rosen verblühen, aber die Dornen bleiben; Die guten Jahre müssen die schlechten tragen; Auf einen guten Montag folgt stets ein böser Samstag; Auf einen guten Jahrmarkt folgt ein schlechter Wochenmarkt.

9) Плохое может характеризоваться позитивными следствиями / быть причиной хорошего / дать / содержать хорошее: *Дурные сваты сватают – хорошему дорожку трут; Бывает добрая овца и от беспутного отца; Часам і лихое робиць добрае, без лихога мо й свет перавёўся б; На чорным полі белая пшаніца родзіць; На чорнай зямлі белы пірог расце; Alle volte, dei cattivi nocchi si fanno di buone schegge; Terra magra fa buon frutto; Anche le mucche nere danno il latte bianco; Dal mali costumi nascono le buoni leggi; Schlechte Sitten machen gut Gesetz; Ein schlechter Vater hat auch wohl ein gutes Kind; Ein schlechter Hering gibt einen guten Bücking; In einem schlechten Topfe ist eine gute Brühe.*

10) Плохое / плохо в одном / для одного является хорошим / хорошо в другом / для другого: *Плоха рожса, да душа гожа; Не стоиць гроша, да походка хороша; Хоть денег ни гроша, зато слава хороша; Хоть и не книжен, да хорошо подстрижен; Хотя дитя криво, а отцу-матери мило; Неладно скроен, да крепко шит; Хоть худо, да любо; Хоць вох, ды ўдвох; Хоць рукі чорныя, але работа белая.* В таких поговорках выражается «уступка» злу, объясняемая тем, что наличие определенных компенсирующих недостатки положительных качеств может послужить основанием для «прощения» зла. Неслучайно мысль развивается в направлении от «худа» к «добру», а по сути, от констатации наличия отклонения от нормы к утверждению того, что мыслится более ценным, чем соответствие этой норме.

Контрастность оценок одного и того же объекта может быть обусловлена тем, что его значимость определяется с точки зрения разных субъектов: *Что русскому здорово, то немцу смерть; Иному горе – мученье, а иному ученье; Господская болезнь – крестьянское здоровье; Дзеўцы вяселле, а карове смерць; La morte delle pecore è la fortuna dei cani; Des einen Tod ist des andern Brot.*

11) Плохое не может стать хорошим / плохое не даст хорошего / из плохого не сделать хорошего / плохое несовместимо с хорошим: *Хорошим худо не бывает; Из худого хорошего не сделаешь; Из плохих овощей не сварить хороших щей; Ад дрэннага семени не чакай добрага племені; Дурны добрага не любіць; Chi semina del male, non raccoglie del bene; Da cattiva pianta non nasce mai buon frutto; Un cattivo boccone non fa buon prò; Roba cattiva non è mai a buon mercato; Ein schlechter Baum kann nicht gute Früchte bringen; Schlecht Fleisch gibt keine gute Brühe; Niemand kann aus bösem Leder gute Schuh machen; Aus schlechten Haaren wird kein guter Pelz; Böse Augen sehen nie nichts Gutes.*

Структурная модель, представляющая данное инвариантное значение, отличается высокой продуктивностью в паремилогической концептуализации мира (не только в анализируемых, но в и других лингвокультурах), правда, основная масса паремий, объективирующих данный формат знания, характеризуется метафорической оценочной категоризацией [8–А]. Приведем здесь в качестве иллюстрации паремии, в которых выражаются идея невозможности изменения природы человека, искоренения его недостатков и вообще получения чего-либо доброго от плохого: *Щетинку в кудри не завьёшь; Из хама не сделаешь пана; И большому гусю не высидеть телёнка; На кукушкиных яйцах не высидишь цыплят; Из рогожи не сделаешь сыромятной кожи; Не бывать шишке на рябинке; Не расти яблочку на ёлке; Сокала не пераробиш на саву; Кривога дзерава не выпрамиш; З дугі аглоблі не зробиш; З лапця башмака не зробиш; I ў Парыжy не зрoбяць аўса з рыжy; З шыла не зробиш мыла; Chi lupo nasce, non muore agnello; Un porco ben lavato pizza sempre; Non si può far di un pruno un melarancio; Di un castagno non puoi fare un ciliegio; Le querce non fanno limoni; Il leccio non fa olive; Da un castagno non può venire una rosa; Dai salici non si tira vino; Di coda d'asino non si può fare staccio di seta; Pflaumen kann man nicht zu Äpfeln machen; Von Dornen kann man keine Traubenlesen; Aus einem Birnbaum kann man nicht Milch melken; Aus zwilchenen Säcken kann man keine seidenen Beutel machen; Mit einem Heller kann man kein gut Mus kochen; Aus des Esels Wadel wird kein Sieb¹. Как видим, отмечается совпадение некоторых когнитивом, например: «невозможность получения от растений “чуждых” для них плодов», «невозможность превращения одного представителя фауны в другого». Обращает на себя внимание и корреляция цветовой метафорики, которая может быть объяснена и архетипичностью оппозиции «черное – белое», и возможным генетическим родством паремий²: *Черного кобеля не вымоешь добела; Черного кота не вымоешь добела; Чорнага кабяля не вымыеш дабяля; Чорнага сакала не вымыеш дабяля (сравн.: Чорнага сабаля не вымыець ні мыла, ні вада); Dalla vite nera non si può tirar fuori l'uva bianca; I ramolacci non posson fare cavolucci; Den Raben kann man nicht weiß waschen; Einen Mohren kann man nicht weiß waschen; Narrenhände kann man nicht weiß waschen.**

12) Плохое / нечто незначительное может являться / стать хорошим / значительным (при определенных условиях): *У бедного и два гроша куча хороша; Лучших нет, так хорош и этот; Убери пень, и пень будет хорош; Прыбярy пень, дык і пень харош; Vesti una fascina, sembrerà una regina; Vesti un legno, che pare un*

¹ Паремия, по всей вероятности, восходит к латинскому выражению *Asini cauda non facit cribrum* (Из ослиного хвоста не сделать сита), имеет соответствие в испанском, английском языках: *De rabo de puerco nunca buen virote; You cannot make a sieve of an ass's tail* [407, с. 60].

² Известно латинское выражение *Balnea cornici non prosunt* (Не отмыть ворона) [418, с. 68].

*regno*¹; *Assai migliora chi non peggiora*. Такие поговорки по своему значению контрастны тем, что проанализированы выше, и несравненно меньше их по численности. По-видимому, безуспешные попытки исправить худое в большей степени соответствуют действительности, чем возможность его облагородить.

13) Плохое (даже ничтожное) испортит хорошее: *Худая жена и хорошего мужа портит; За худую привычку и умного дураком обзывают; Пасярод дурных и разумному дрэнна; Cattive compagnie guastano i buoni costumi; Un cattivo cane rode una buona corda; Un piccol nuvolo guasta un bel sereno; Un'oncia di aloè fa amaro dieci libbre di miele; Schlechte Beispiele verderben gute Sitten; Ein schlechter Schreiber verdirbt viel gutes Papier; Wer die Schlechten schont, schadet den Guten*. В таких поговорках раскрывается деструктивное влияние плохих «вещей» на хорошие.

Поговорки о «взаимодействии» добра и зла отражают, с одной стороны, достаточно принципиальные позиции человека в оценке хороших и плохих объектов (добро и зло несовместимы, конфликтуют друг с другом, плохому не быть хорошим, а хорошему плохим), а с другой стороны, некоторые уступки, на которые идет человек, переживая несовершенство мира и отыскивая возможность решения проблемы противостояния добра и зла. Абсолютность оценок в итоге ставится под сомнение. Обращаясь к добру, человек обнаруживает в нем девальвирующие свойства: способность породить зло, трансформироваться в зло, скрывать в себе зло и др. Наблюдая зло, страдая от зла, человек пытается оправдать его, утешить себя тем, что в оценке других людей худо может обладать совершенно иной значимостью, может характеризоваться наличием компенсирующих свойств, в том числе положительными следствиями; тем, что «подготавливает» появление добра, позволяет оценить добро по достоинству.

Как видим, в поверхностной структуре поговорок о «взаимодействии» добра и зла раскрываются разного рода отношения между аксиологическими антиподами, реализуются разного рода значения, связанные с характеристикой добра в отношении к худу / худа в отношении к добру, а именно значения облагораживающего / деструктивного влияния, несовместимости, совместимости, трансформации, каузации, мене. Поговорки о «взаимодействии» добра и зла представляют те же логико-синтаксические модели (в том числе и в предикациях, входящих в сложные синтаксические структуры), что поговорки с одним оценочным компонентом: это – модели со значением характеристики на основе дескрипции свойств, характеристики на основе каузирующей связи, аксиологической таксономии. Отметим, однако, что среди поговорок о «взаимодействии» добра и зла встречаются и иные по своей логико-синтаксической организации единицы, а именно поговорки, в которых предикаты реализуют значение бытийности: *И в хорошей капусте гни-*

¹ Подобные поговорки (имеющие, вероятно, латинские корни, сравн. *Vestis virum facit* (Одежда делает человека)) К. Вандер приводит в качестве аналогов немецкого выражения *Das Kleid macht den Mann; wer es hat, der zieh es an* [420].

лые кочки есть; Lixa без дабра не бывае; Né bello senza difetto, né brutto senza grasso; Kein Buch so schlecht, es steckt was Gutes drin; значение невозможности: Из худого хорошего не сделаешь; Кривога дзерава не выпраміш; Di un castagno non puoi fare un ciliegio; Narrenhände kann man nicht weiß waschen. В своих интерпретациях, то есть в значительном отвлечении от конкретной семантики предикатов и такие паремии определяются как структуры, имплицитующие значение характеристики (в широком смысле слова), на что косвенно указывает наличие паремнологических единиц, представляющих те же инвариантные значения, но в иной грамматической репрезентации (*И добро худом бывает; Chi lupo nasce, non tuore agnello* и др.).

Не вызывает сомнения и то, что паремии с базовым смыслом, заключающимся в определении отношений между добром и злом, обнаруживают те же механизмы оказания мотивирующего и регулятивного воздействия на реципиентов паремий, что и паремии с одним из терминов общей оценки. Данные механизмы базируются на раскрытии ценностного / антиценностного смысла «вещей», раскрытии причинных и целевых детерминаций поведения человека. Содержательные особенности паремий о «взаимодействии» добра и зуда детерминируют и специфические интенциональные значения, предупреждают о том, что знак равенства между идеальным и реальным миром принципиально невозможен.

Таким образом, в оппозитивных структурах о добре и зле человек преимущественно «отдает дань» идеальному миру, подтверждает приверженность идее абсолютной ценности добра и воздействует на сознание себе подобных исходя из данных ценностных позиций. Опираясь в оппозитивных структурах на одновременное раскрытие ценностного смысла одних сущностей и антиценностного смысла других сущностей, а также на каузирующие связи, «пронизывающие» все бытие человека, продуцент паремий подкрепляет положительной и отрицательной мотивацией рекомендательную направленность паремий, заключающуюся в призыве отстраниться от зла и приобщиться к благу. В структурах со снятой конфронтацией добра и зла в поисках оправдания несовершенства реального мира человек отчасти уравнивает эвалюативные значения противопоставленных по своему ценностному смыслу объектов, однако в целом, так же как и в оппозитивных структурах, демонстрирует свою приверженность добру, оптимистический подход к восприятию сущего. Объяснить это можно желанием человека наполнить свое бытие позитивным ожиданием вопреки тому, что «*хорошего мало на свете, а худого повсюду много*».

4.3 Паремии с компаративными терминами общей оценки

4.3.1 Паремии с восходящим общеоценочным термином

Паремии с компаративными терминами общей оценки представляют логико-синтаксическую модель со значением аксиологической иерархизации, это может быть установление порядка по степени значимости в сфере ценностного (определение лучшего), установление порядка по степени значимости в сфере антиценностного (определение худшего). Анализ семантики паремий обуславливает обращение к понятию иерархизации, так как понятие сравнительной оценки чересчур широко, чтобы дифференцировать такие паремии, как *Добрый сосед – как хлеба сусек* и *Добрый друг лучше ста родственников*. Аксиологическая иерархизация не подразумевает дескрипции свойств. Характер выражаемой оценки в паремиях со значением аксиологической иерархизации существенно влияет на прагматический потенциал паремии.

Провербиальная модель, содержащая термин общей положительной оценки в компаративной форме, характеризуется высокой степенью продуктивности в паремиипространствах: в каждом из сопоставляемых паремииологических фондов паремии с восходящим общеоценочным компаративом исчисляются не одной сотней единиц.

Структура со значением предпочтения приобрела афористичность еще в глубокой древности. И многие латинские выражения, представляющие данную структуру, получили вторую жизнь в иных лингвокультурах благодаря верности умозаключений и действенности самой формы, в которую эти умозаключения были облечены: *Bona valetudo melior est quam maximae divitiae* (Хорошее здоровье лучше, чем величайшее богатство) [123, с. 201]; *Melior est consulta tarditas, quam temeraria celeritas* (Лучше разумная медлительность, чем безрассудная быстрота) [374, с. 60]; *Melior tutiorque est cerca pax, quam sperata victoria* (Лучше и надежнее мир, чем ожидаемая победа) [123, с. 21]; *Est avis in destra melior quam quattuor extra* (Лучше одна птица в правой руке, чем четыре в воздухе) [374, с. 55] и др.

Наличие паремий, в которых тем или иным образом реализуется значение превосходства одной вещи над другой, отмечается во многих языках мира. Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые разноязычные паремии, в поверхностной структуре которых отмечаются формальные средства выражения значения предпочтения (общеоценочный компаратив), обнаруживают корреляции в содержательном аспекте. По данным словаря Дж. Пацолая, к примеру, идея, отраженная в паремии *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*, нашла воплощение в 43 европейских языках (и не только европейских, в словаре приводятся также арабские, персидские, японские аналоги), причем в нескольких

вариантных реализациях в каждой из лингвокультур и преимущественно в структурах с общеоценочным компаративом [373, р. 194–202]¹. Паремия *Лучше поздно, чем никогда* тоже имеет аналоги в 43 европейских языках, а также в китайском и японском [373, р. 191–193]; *Одна голова хороша, а две лучше того* – в 48 европейских языках, кроме того, в арабском, персидском, китайском и японском языках [373, р. 83–86]². По-видимому, формула со значением предпочтения представляет собой одну из универсальных провербиальных формул, в максимальной степени соответствующую функциональной специализации паремий.

Базовый смысл паремий с восходящим термином общей оценки заключается в определении предпочтений, то есть лучшего из двух сопоставляемых объектов. Паремии с восходящим общеоценочным термином отнюдь не однородны в плане своих функциональных потенциалов, поскольку достаточно разнообразными являются частные структурно-семантические модели с данным термином. По мнению Н. Д. Арутюновой, смысл общих суждений о предпочтительности зависит в первую очередь от того, какие категории сопрягаются отношениями поляризации, то есть выбор совершается среди аксиологически однородных или разнородных категорий [21, с. 267].

Если выбор совершается в пределах добра, то смысл паремии может заключаться в рекомендации предпочесть одно добро другому, мотивации предстоящего / сделанного выбора либо в похвале лучшего и в конечном итоге в утверждении приоритетности для человека той или иной ценности: *В гостях хорошо, а дома лучше; Добрая слава дороже богатства; Маленькая бережь лучше большого барыша; Домашний теленок лучше заморской коровы; Добра ў свеце, лепш пры матцы; Добрае слаўцо лепей, чым сальцо; Лепш сто сяброў, чым сто рублёў; Ближні друг луччы дальніх двух; Per tutto bene, ma in famiglia meglio; E meglio aver buon nome che molte ricchezze; E meglio avere una donna bella che i soldi nel sacco; Meglio un buon desinare che una bella giubba; E meglio comprare il latte che la vacca; Ein guter Namen ist besser als Reichtum; Besser gewisser Frieden als ungewisser Sieg; Ein kleiner Gewinn und oft ist besser als ein großer und selten.* Проблема выбора, как видим, затрагивает разные сферы жизни человека, различными являются и основания выбора. Нравственный выбор, как правило, осуществляется в пользу

¹ Это и есть тот случай, когда совокупность «адекватных и синонимичных паремий со своими вариациями», определившаяся при сопоставлении паремий разных народов, образует «гнездо», или «тип»; выявление такого «гнезда» (типа) становится особенно наглядным, по определению Э. Я. Кокаре, если модель поэтической структуры остается неизменной и взаимосвязь образов подчиняется единому принципу [145, с. 27, 31]. Заметим, что «критерий поэтической структуры», который применяет Э. Я. Кокаре для выявления паремийных типов, – это по сути, в терминах когнитивной лингвистики, критерий когнитивной структуры (или когнитивной темы), рассматриваемой на той ступени кодирования информации и, соответственно, той ступени абстрагирования в представлении семантики пословицы, на которой исследователь оперирует, по А. Е. Михневичу, «селективными» (семантико-синтаксическими, понятийными) категориями [220].

² Аналоги в не европейских языках значимы в том плане, что генетическое родство паремий в этом случае исключается, чего нельзя сказать с достаточной степенью уверенности о европейских коррелятах, учитывая то обстоятельство, что все три рассмотренные нами провербиальные идеи воплощены в древних латинских выражениях.

идеи «все, что сопряжено с духовностью, предпочтительнее, выше земного, материального, бренного». Основу утилитарного выбора составляет здравый смысл, предпочтение может осуществляться и в угоду привязанности. Стремление к высшему, лучшему при утилитарном выборе, таким образом, уступает место рациональности или пристрастиям: лучше меньше, да надежнее; лучше реальное, чем иллюзорное; лучше заработанное, чем дарованное; лучше свое, чем чужое и т. п.

Слова с количественно-градуальной семантикой в таких паремиях¹, выявляющие вспомогательное отношение, еще один план «противопоставления», служат подчеркиванию «незыблемости ценностных отношений между основными категориями» и интенсификации аксиологической значимости предпочитаемого объекта [21, с. 261]: *Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать; Одно нынче лучше двух завтра; Лени адзін грош запрацаваны, як тры дараваных; Meglio un'oncia di libertà che dieci libbre d'oro; Meglio una festa che cento festicciole; Ein Erfahrener ist besser als zehn Gelehrte; Ein Nimhlin ist besser denn zehn Helfgott.*

Заметим, что паремии, в которых отражается предпочтение одной ценности другой без каких-либо ограничивающих условий, представлены в гораздо меньшем количестве, чем паремии с «двойным противопоставлением»²: *Здоровье лучше богатства; Бережливость лучше богатства; Лени вучоны, як залачоны; Уговор лены за грошы; Gnade ist besser denn Recht; Die Gunst ist besser als die Gabe.* Объясняется это, во-первых, ограниченностью сферы абсолютного добра, то есть того, что может быть без всяких ограничений определено как высшая ценность (заметим, что такие ценности в разноязычных паремиях со структурой предпочтения регулярно «противопоставляются» ценности богатства, отсюда типичность когнитивом «лучше богатства», «дороже денег», «дороже клада»), во-вторых, «исчерпанностью» ценностного смысла и прямолинейностью его выражения. По-видимому, наличие / отсутствие компонентов, интенсифицирующих ценностное отношение, существенно влияет на «жизнеспособность» структуры предпочтения.

Есть и такие паремии, в которых устанавливаемая иерархия ценностей в пределах добра не связывается с реальным выбором: *Верный друг лучше сотни слуг; Добрый друг лучше ста родственников; Последняя удача лучше первой; È meglio nascere fortunati che ricchi; Meglio un amico, che cento parenti, pure ricchi e potenti; Ein Quentlein Glück ist besser als ein Pfund Weisheit.* Смысл подобных паремий в утверждении лучшего, высшего блага.

Не предлагают реальной альтернативы и паремии, в которых выбор совершается из двух зол. Предложения такого типа, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «близки по общему смыслу к собственно сравнениям <...>: *Лучше камень дол-*

¹ Есть специальная работа, посвященная определению роли нумеративов в формировании представлений о приоритетном в пословичных картинах мира [52–А].

² Так определяет Г. Л. Пермяков предложения-паремии, в которых отношениями контраста связываются пары противопоставленных сущностей [249, с. 130–131].

бить, нежели злую жену учить» и «иногда приближаются к запретам: *Лучше умереть, чем неправду терпеть* = Не терпи неправды» [21, с. 253]. При этом отвергаемая ситуация имеет под собой реальный денотат, по поводу которого и разворачивается суждение, а предпочитаемая мыслится как виртуальная, воображаемая, служащая усилению негативной оценки отвергаемой ситуации: *Лучше смерть, нежели позор; Лучше пропасть, чем терпеть злую напасть; Лучше знаться с дураком, чем с кабаком; Лепей хаваць у пеляночках, як у вяночках; Лепей чэмер ніці, як з нялюбым жытку жыці; E meglio abitare con le fiere nelle spelonche, che avere in casa una femmina litigiosa; E meglio morire, che ridire; Besser einen leeren Beutel, als einen leeren Kopf; Besser ein Löwe als tausend Mücken.* Одни паремии используются как отклоняющие рекомендации; другие служат осуждению того, от кого исходит зло, третьи употребляются с целью выражения сетования по поводу злой участи; сочувствия в адрес страждущих; предупреждения в адрес несведущих.

Если выбор совершается среди аксиологически неоднородных категорий (как правило, между девальвированным добром и компенсированным худом), смысл паремии находится в зависимости от того, чему отдается предпочтение: девальвированному добру или компенсированному худу.

Если чаша весов склоняется, несмотря на осложняющие выбор моменты, к добру, паремии рекомендует предпочитать социально одобряемые модели поведения, предотвращают неверный выбор, осуждают зло: *Худое молчанье лучше доброго ворчанья; Соломенный мир лучше железной драки; I mалае дзела лепи вялікага бяздэля; E meglio essere vivi con una gamba sola che morti con due; E meglio andare in paradiso stracciato che all'inferno in abito ricamato; Besser frei in der Fremde als Knecht daheim; Besser ein sauersehender Freund als ein süßlächelnder Feind.*

Значительным в каждом из языков является количество паремий, которые с точки зрения здравого смысла выявляют парадоксальное предпочтение – предпочтение компенсированного худа ущербному добру, предпочтение худшего из зол¹: *Лучше семь раз гореть, чем один раз вдоветь; Лепи намерці каля сябра,*

¹ К презумпциям ценностных суждений, в соответствии с которыми строятся все общие суждения о предпочитаемости, по мнению Н. Д. Арутюновой, относится положение о том, что хорошее предпочитается плохому [21, с. 257]. «Все категории, оцениваемые положительно, – поясняет далее Н. Д. Арутюнова, – предпочитают тем категориям, которые оцениваются отрицательно: добро злу, истина лжи, сила слабости, мир войне, польза вреду, здоровье болезни, молодость старости и т. п.» [21, с. 257]. Однако, по наблюдениям этого же исследователя, а также других паремиологов, изучающих специфику логико-семиотической организации пословичных выражений, в паремиологическом своде любого языка можно встретить инвертированные суждения о предпочитаемости, то есть такие суждения, в основе которых лежит обратное соотношение ценностей [337]. Н. Д. Арутюнова отмечает, что инвертирование ценностей может представлять сферу реальных альтернатив и являться следствием наложения дополнительных условий выбора на основное (как, например, в пословице *Добрая ссора лучше худого мира*), а может выходить за пределы реально сопоставляемых альтернатив (как в пословицах типа *Лучше умереть, чем неправду терпеть*), продуцент ценностного суждения в последнем случае намеренно сообщает о выборе по принципу «крайнего» зла, чтобы как можно категоричнее заявить о невозможности для себя определенного курса действий [21, с. 252–253, 257].

чым жыць у ворага; *È meglio errar con molti ch'esser savio solo; Besser ein leerer Beutel, als geborgtes Geld.* В то же время с точки зрения аксиологической логики такого рода паремии реализуют вполне рациональные смыслы, которые могут состоять в выражении сетования или сочувствия, в предупреждении или осуждении, косвенно в ориентации на ценность, знание о которой выводится по модели рассуждения «от противного» либо с опорой на дополнительные условия в ситуации выбора. Парадоксальность утверждения, отражающего выбор по принципу инвертированного, «извращенного» предпочтения, рассматривается при этом как прием интенсификации оценочных смыслов [21, с. 252–253]. Высокая степень экспрессивности, проявляющаяся в подчеркнутой категоричности выражаемой ценностной позиции, обуславливает активное обращение продуцентов паремий к формуле «извращенного» предпочтения.

В одной из своих статей автор настоящего диссертационного исследования подвергает подробному анализу паремии, представляющие модель инвертированного предпочтения [16–А]. Цель этого анализа состояла в выявлении и объяснении содержательных корреляций разноязычных паремий со значением предпочтения.

Было установлено, что к числу общих антиценностных сущностей, порождающих крайне негативное отношение, выражаемое формулой «извращенного» предпочтения в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиологических единицах, относятся глупость, бесчестие, воровство, ложь, злой нрав, неволя, нищета, несправедливость [16–А]. Заметим, что в таких паремиях можно усматривать реализацию предельных смыслов, связанных с утверждением ценностного смысла антиподов названных категорий: ума, чести, честности, правды, доброго нрава, свободы, достатка, справедливости.

Если обратиться, например, к паремиям, смысл которых заключается в выражении негативного отношения к глупости в формуле «извращенного» предпочтения, то обнаруживается соответствие не только их логико-синтаксической организации, но и когнитивным, представляющих когнитивную структуру паремий на уровне обобщенного значения¹. Любым ситуациям, в том числе по логике вещей выигрышным, одним из участников которых мыслится глупый человек, предпочитают пресуппозитивно проигрышные ситуации, ущербность которых компенсируется наличием разумного человека: *Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю; Лучше с умным потерять, чем с глупым найти; Leni z разумным згубіць, як з дурным знайсці; Meglio avere un nemico intelligente che un amico sciocco; Besser ein vernünftiger Feind als ein dummer Freund; Es ist besser mit einem Gescheiten zu verlieren, als mit einem Dummen zu finden; Besser mit den Weisen weinen als mit*

¹ Вслед за Е. В. Ивановой мы дифференцируем когнитивные обобщенного значения (когнитивные «уровня значения») и когнитивные внутренней формы (когнитивные «уровня внутренней формы») [119, с. 101].

*Narren lachen; Besser der Weisen Schelten hören, als der Narren Gesang*¹. В компонентном составе паремий отмечаются имена носителей интеллектуальных признаков, а также средства (аналитические либо синтетические формы) выражения пропозиционального значения соучастия / совместности. Эти константные структурные элементы и позволяют реконструировать общие для когнитивного сознания носителей разных культур мыслительные структуры. Общность этих структур, с одной стороны, может свидетельствовать о восхождении паремий к одному источнику (эквивалентность некоторых выражений – подтверждающий данное обстоятельство фактор), а с другой стороны, может объясняться наличием совпадений в стереотипах интерпретации мира.

Крайне негативное отношение к глупости выражается в паремиях, представляющих и иные когнитивные, соотносимые с ситуациями, мыслимыми как предпочтительные: «лучше крайне трудное дело, чем совместное с глупцом дело» – *Леней ніткі разблытваць, чым з дурнем за справу брацця*; «лучше претерпеть большее зло, чем малое, но исходящее от глупца» – *Meglio calcio di cavallo che non calcio d'asino*. Очевидно, что при различии «вербальных упаковок» квантов знания, несовпадении когнитивного уровня внутренней формы смысловое соответствие паремий позволяет рассматривать их как тождественные с точки зрения отраженных в них предельных смыслов, объективирующих ценностные позиции продуцентов паремий: «ум – это хорошо, глупость – крайне плохо», «к уму стремись, от глупости отстраняйся». Общность или различие языковых репрезентаций этих смыслов, как показали наблюдения, может устанавливаться с различной степенью абстрагирования в представлении семантики паремий.

Во всех языках, кроме белорусского, в паремиях обнаруживается крайне негативная оценка бесчестия в форме суждения инвертированного предпочтения, имеющая очевидные латинские корни *Improba vita mors optabilior* (Смерть предпочтительнее позорной жизни): *Лучше смерть, чем позорный живот; Лучшие смерть, нежели позор; Лучшие глаза лишиться, чем доброго имени; Meglio è assai morte onorata, che una vita svergognata; È meglio morire con onore che vivere con vergogna; È meglio morire in piedi che vivere inchinato; Meglio una sassata nella testa che una ferita nell'onore; Besser ehrlich gestorben als schändlich verdorben; Besser ehrlich gestorben, als schändlich gelebt; Besser Ehre ohne Leben, als Leben ohne Ehre*. Отсутствие в белорусском языке паремий со структурой предпочтения аналогичного содержания² не означает, конечно, что понятие чести не является ценностным для продуцентов белорусских паремий. Хотя паремиологическая зона концепта «чэсць» в белорусском языке оказывается уже по содержанию, чем,

¹ Сравн. с библейскими выражениями *Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых* (Екклесиаст, или Проповедник 7, 5) [32, с. 94]; *Общающийся с мудрыми будет мудр; а кто дружит с глупыми развратится* (Притчи Соломона 13, 21) [32, с. 95].

² Мы приходим к такому выводу, опираясь лишь на доступные для нас сборники белорусских пословиц и поговорок, которые относительно невелики по объему.

к примеру, паремиологическая зона концепта «честь» в русском языке (слово *чэсць* в белорусских поговорках используется преимущественно в значении ‘уважение, почтение, почет’, в других значениях эпизодично: *Якая на свінні шэрсць, такая ей і чэсць*; *Бабе бабская й чэсць*; *Які госць, такая яму чэсць*; *Благая чэсць, калі нечага есць*; *Будзе чэсць, калі грошы есць*; *Чэсць дзясочае шчасце беражэ*, сравн.: *Береги честь смолоду, а здоровье к старости*; *Жить живи, да честь знай: чужого века не заедай*; *И честь не в честь, коли нечего есть*; *Всего дороже честь святая, да изба крытая* – слово *честь* фиксируется во множестве русских поговорок также в значениях: ‘незапятнанная репутация, доброе имя’, ‘совесть’, ‘нравственное достоинство’). Анализ поговорок белорусского языка, не имеющих в своем составе компонента *чэсць*, показывает, что и продуценты белорусских поговорок при оценке поведения человека опираются на некоторые мерила моральных качеств человека, которые могут быть интегрированы в понятие «честь» (см., к примеру: *Ад добрага не ўцякай і благога не рабі*; *Салому еш, а дзяржы хвост пісталетам*; *Прад дужым не гніся, над слабым не глуміся* и др.)

Не нужно полагать, однако, что, выражая столь категорично ценностное отношение к чести, человек не совершает предосудительных поступков и не ищет им оправданий; см., к примеру, поговорки *Стыд не дым: глаз не выест*; *Без стыда лица не износишь, как платья без пятна*; *Потеряй стыд – дак будеш сыт*; *Стыд не дым – вачэй не выкура*; *Сорам не ёлка – вачам не колка*; *Маючы стыд, не будзеш сыт*; *Chi è vergognoso, vada straccioso*; *La gallina vergognosa va a dormire col gozzo vuoto*; *Il frate vergognoso porta le bisacce vuote*; *Besser Schand in Gesicht als Schmerz in Bauch*; *Bei Ehre ohne Brot leidet der Magen Not*. Подобного рода поговорки, оправдывающие человеческие прегрешения, возможно, и не существовали бы, если бы человек, нарушая морально-этические нормы, не ощущал конфликта, исходящего от знания нормы и понимания того, что эта норма и выступает действительным ценностным ориентиром в обществе. О том, что нормы морали, хотя и являются стимулом различных эвалюативных процессов, все же осмысливаются человеком как ценностные ориентиры, то есть как «пережитый опыт», обязывающий руководствоваться представлениями о высшем благе, свидетельствует наличие в каждом из анализируемых нами провербиальных фондов поговорок, осуждающих тех, кто утратил совесть и стыд, а также поговорок, призывающих блюсти честь, приписывающих чести наивысшую значимость: *У бесстыжэго стыда нет*; *Где стыда нет, тут и чести нет*; *Не знаеш чести, так палок двести*; *Не теряй честь за бесчестье*; *Бессаромнаму плюй у вочы, а ён кажа: «Дождж ідзе»*; *Ні Бога не баіцца, ні людзей не стыдзіцца*; *Паганых ачоў і сорам не бярэ*; *Chi non ha coscienza, non ha vergognan é scienza*; *È meglio onore che boccone*; *Non pesa l'oro e nemmeno il piombo: pesa più l'onore che tutto il mondo*; *Dove non è vergogna, manca virtù e onore*; *Wo keine Ehre*

ist, da ist auch keine Schande; Ehr' verlohren, alles verlohren; Die Ehre wird nicht begraben; Ehr ist der Menschen höchste Zier. Ситуация с логической точки зрения парадоксальная, а с позиций обыденного сознания вполне объяснимая: человек воспринимает ценность как ориентир, стремится сам и призывает других соответствовать образцу, однако действительность заставляет человека вновь и вновь «примерять» эту ценность к обстоятельствам и изменять своим же убеждениям.

Совпадение ассоциативных представлений, поэтических мотивов, проявляющееся в семантической корреляции поверхностных структур белорусских, русских, итальянских и немецких паремий, представляющих инвертированные суждения о ценностях, – достаточно редкое, но неисключительное явление. Эти совпадения могут являться свидетельством восприятия тем или иным этническим сознанием «чужих» когнитивом, что происходит при заимствовании паремиологических выражений; совпадения могут выявлять и факты полигенеза – независимого от межэтнических культурных контактов возникновения одинаковых по значению и образности пословичных выражений в разных языках [368, р. 174]. Так, все разноязычные паремии, в которых провокатором инвертированного предпочтения мыслится воровство, при совпадении когнитивом уровня значения, характеризуются различием когнитивом уровня внутренней формы: *Лучше по миру собирать, чем чужое брать; Лучше по смерти недругу оставить, нежели живому кого грабить; Leni nasić латаная, як хватаная; Meglio far la puttana e non il ladro; Besser die Hand in einem Kuhfladen, als in fremdem Gelde*¹. А паремии, в которых прослеживается идея предпочтения своего плохого чужому хорошему, наряду с различиями значений, реализуемых поверхностными структурами (сравн.: *Лучше своя свечка, чем чужая печка; Своя мазанка лучше чужой светлицы; Лучше ехать на своих дровнях, чем на чужих санях; Leni свае лапці, як чужыя боты; Leni лічыць свае вошы, як чужыя грошы; È meglio una sessola da soli che una barca in comune; Meglio il suo abbaruffato che quel d'altri assettato*), обнаруживают и тождество когнитивом, лежащих в основе моделирования поверхностной структуры. В частности, общей для разноязычных паремий, представляющих анализируемую когнитивную модель, стала когнитивом «потребление в пищу своего»: *Свой сухарь лучше чужих пирогов; Лучше свой кусок, чем чужой пирог; Лепей свой посны праснак, як чужое сало; Лепша свая лежня за чужую калбасу; È meglio pane e aglio in casa nostra che lessa e arrosto in casa d'altri; È meglio pane e cipolla a casa propria che pizza dolce a casa d'altri; Besser eigen Brot als fremder Braten; Besser trocknes Brot daheim als draussen Semmel mit Honigseim.* С учетом того, что в латинской лингвокультуре, оказавшей

¹ Такое разнообразие когнитивом уровня внутренней формы становится особо примечательным в связи с тем, что мотив предпочтения малого, добытого честным путем, большому, добытому несправедливым путем, обнаруживается в библейских текстах: *Лучше немного с правдою, нежели множество прибытков с неправдою* (Притчи Соломона 16, 8) [32, с. 92].

значительное влияние на другие лингвокультуры, существовало выражение *Est proprius panis semper omnia mella suavis* (Собственный хлеб всегда слаще меда), наличие паремий с данной когнитемой, реализованной в структуре предпочтения, в других европейских языках может быть объяснено и генетическим родством этих паремий (сравн., к примеру, в английском – *Dry bread at home is better than roast meat abroad* (Сухой хлеб дома лучше, чем жареное мясо в чужом краю), французском – *Pain acquis avec sueur est plus chéri que tartes et roti* (Хлеб, добытый своим трудом, слаще пирога и жаркого)). Но даже в случае восхождения данных паремий к древнему латинскому изречению восприятие этого выражения и его творческая переработка¹ представителями иных культур свидетельствует не о заимствовании ценностных установок того или иного этноса, а об их совпадении.

Таким образом, обращение к разноязычным паремиям позволяет убедиться в типичности когнитивных структур, которые лежат в основе формирования предельных смыслов паремий и выявляют тождественные для разных этносов ценностные позиции. Очевидно, что решение вопроса о причинах содержательных корреляций разноязычных паремий не может быть сведено к поиску исходного провербиального выражения, ставшего источником тиражируемой впоследствии идеи, хотя в некоторых случаях это и приводит к положительным результатам. Причину содержательной корреляции паремий нужно усматривать в наличии стереотипов в восприятии и интерпретации мира человеком, в схожести проблем, которые приходится решать людям разных национальностей, и, наконец, в общечеловеческой значимости категорий, многократно и многообразно осмысляемых в провербиальных единицах.

Паремии с термином *лучше* в целом являются оптимальным инструментом для выражения предпочтений, отражающих социально фиксированные установки. Мотивационная, равно как и регулятивная, компонента ценностных ориентаций находит отражение в самой идее предпочтения, реализуемой в рекомендательном ключе, в том числе в отклоняющих рекомендациях, формирующих мотивацию на основе отрицательных стимулов.

4.3.2 Паремии с нисходящим общеоценочным термином

В паремийниках всех четырех языков находим значительное количество паремиологических выражений с восходящим компаративом общей оценки и несравненно малое количество паремий с нисходящим общеоценочным компара-

---

¹ В. П. Аникин считает, что заимствование той или иной пословицы может сопровождаться ее многократными устными переработками, результатом которых может быть появление пословицы, не отличимой от исконных выражений ни структурно-семантическими, ни образными свойствами [14, с. 370], см., к примеру, белорусскую пословицу *Чым за морам віно піць, лепей з Нёмана вадзіцу*.

тивом¹. Закономерно возникают вопросы: почему компаративные формы выражения общей негативной оценки оказались мало востребованными при продуцировании провербиальных выражений, как связана отмеченная статистическая закономерность с ценностными ориентациями?

Среди паремий с нисходящим общеоценочным компаративом прежде всего выделяются те структуры, в которых оценке подвергается то или иное качество характера человека, та или иная негативная модель его поведения: *Упрямство хуже пьянства; Простота хуже воровства; Верхоглядство хуже незнания; Истома хуже смерти; Волокита хуже москита; Гультайства горш за хваробу; Балаўство хужа вараўства; Нуда хужы хваробы; Гультай горш калекі; Баба горша ад чорта; È peggio lo scandalo che il peccato; La gelosia è peggio d'una malattia; Peggio la paura che il male; La spia è peggio del ladro; È peggio la vergogna che il danno; Verachtung ist schlimmer als Haß; Der Hehler ist schlimmer (so schlimm) als der Stehler.*

Общий смысл подобных суждений может быть передан следующим образом: *одно зло хуже другого зла*, то есть в паремиях представлена мыслительная операция, целью которой является определение худшего из двух сопоставляемых объектов. Такие паремии не ориентированы на выражение предпочтения одного зла другому и, следовательно, не служат решению проблемы выбора, их иллюкативная сила заключается в осуждении или сетовании. Это паремии-реакции на «крайнее» зло, формула компаративной оценки служит интенсификации негативного отношения. Открытое выражение ценностных позиций продуцентов данных провербиальных единиц не обязывает реципиента паремии, будь то носитель негативного свойства или третье лицо, делать вывод о том, какая позитивная альтернатива предлагается. Тем не менее за реализацией осуждающей речевой интенции при употреблении паремии в речи стоит имплицированная рекомендация «не будь таким», «не делай так», а следовательно, и ориентир на норму, ценность в ситуации гипотетического выбора «лучше не проявлять упрямства», «лучше не лениться», «лучше не скандалить», «лучше не ревновать» и т. д., за реализацией речевой интенции сетования скрывается побуждение выразить сочувствие. Мотивирующим фактором, подкрепляющим целесообразность следовать отклоняющей рекомендации (равно как и стимулом к выражению сочувствия), является крайне негативная оценка.

Термины, обозначающие сопоставляемые категории в этих паремиях, не осложнены атрибутами, обесценивающими или компенсирующими категорию

¹ На факт предпочтения компаратива *лучше* компаративу *хуже* при их употреблении в речи обращает внимание Н. Д. Арутюнова и комментирует данный факт таким образом: «...Хотя в жизни плохое гораздо более многолико, чем хорошее, поскольку оно отвечает неограниченным возможностям отклониться от нормы, а хорошее соотносится с нормой, в речи употребление оптимистического компаратива *лучше* во сто крат превосходит употребление обращенного в сторону дурного компаратива *хуже* и это отвечает стараниям людей стать на путь мудрости и добродетели и наставить на него других» [21, с. 245].

худа, не антонимичны, принадлежность их к одному логико-понятийному ряду не является обязательным условием. Выбор термина для обозначения «меньшего» зла, тем не менее, характеризуется определенной семантической заданностью: кроме соответствующей аксиологической маркированности, этот термин должен проявлять в контексте способность к поляризации значения – логической противопоставленности термину, обозначающему «худшее» из зол, в том отношении, которое является значимым для оценки [21, с. 251–254]: пьяный, к примеру, проспится и станет нормальным, а упрямый так и останется упрямым; калеке люди посочувствуют, простят его недостаток, а лентяю оправдания нет. Однако на выборе термина, обозначающего «меньшее зло», помимо названных факторов, могут сказываться и другие факторы¹. Так, в пословице *Волокита хуже москита* на выбор повлияла рифма: очевидно, что в этой позиции с соответствующей семантической нагрузкой («нечто допекающее») могли бы быть использованы и другие номинации: *комар* или *муха*.

В суждениях с негативным общеоценочным компаративом к разряду худшего может быть отнесено и добро, то есть тот или иной объект, пресуппозитивно мыслимый как ценностный или ситуативно безразличный, но характеризующийся регулярным включением в эвалюативные процессы в качестве ценностно осмысляемого. Условием отнесения таких объектов к полюсу негативной оценки является наличие у объекта оценки таких признаков, которые свидетельствуют о его ущербности. Эти признаки (они эксплицируются обычно зависимыми словоформами при центральных терминах, обозначающих сопоставляемые объекты) могут представлять самые разнообразные характеристики и в целом коррелируют с атрибутами, которые выступают в качестве девальваторов при категориях добра в конструкциях с позитивным общеоценочным компаративом, например: несвоевременность, несоответствие этическим нормам, несоответствие количественной норме (малое количество либо избыточность), некомплектность, принадлежность чужому, качественная ущербность и т. п.: *Незванный гость хуже татарина; Несмыкающиеся уста хуже щели в стене; Ленивый сын хуже петли на шее; Жена без мужа вдовы хуже; Цыганская правда хуже православной кривды; Дурная помач горш немачы; Сварлівая жонка горш, чым каню хамут; Чужая царква горш як Богу карчма; Благі сусед горш за скулу; Чужая хата горш ката; Non c'è nessun male peggio d'una cattiva moglie; Due donne in casa son peggio che il diavolo; Un amico nemico è peggio di un nemico; La parola riportata è peggio di una coltellata; Ein falscher Freund ist schlimmer als ein offener Feind.*

Назначение подобных паремий заключается в коррекции картины мира тех, кто «отклоняется» от нормы и получает в связи с этим негативную оценку, а также в предупреждении несведущих о зле, в сетовании, обусловленном наличием зла.

¹ На такого рода факторы обращает внимание Б. Ю. Норман [240, с. 338].

Есть, тем не менее, и такие паремии с негативным компаративом, которые объясняют выбор худого, мотив предпочтения худого. Общий смысл их таков: лучше иметь худое, чем никакое: *Худо при муже, а без мужа и того хуже; Лихая пуга лычаная, а без яе горш; Худа з худым мужам, а без мужа хужэй дужа; Ажаниўся – кепска; не жаніўся – яшчэ горш; З ім гора, а без яго яшчэ горш*¹. Данные паремии могут быть использованы в качестве рекомендации в ситуации выбора их двух зол, как (само)утешение, (само)оправдание обладателей худого или сетование тех, кто лишен возможности обладания тем, о чем идет речь.

Проанализированные паремии представляют далеко не полный перечень конструкций с негативным общеоценочным компаративом. Однако обращение к анализу и небольшого количества паремий с компаративом общей негативной оценки позволяет сделать вывод об их семантическом и коммуникативном своеобразии. Такие паремии используются преимущественно с целью осуждения тех или иных человеческих пороков, социально негативных явлений, с целью выражения сетования и т. п. и не связаны напрямую с ситуацией выбора, а если и проливают свет на предпочтение одного из альтернативных вариантов («поступать или не поступать так?»; «какое из двух зол выбрать?»), то это альтернативы, требующие дешифровки целевой направленности, лежащей в основе отрицательной мотивации и рекомендации. Немногочисленность паремий с компаративом негативной общей оценки, в отличие от паремий с компаративом положительной общей оценки, объясняется, таким образом, с одной стороны, «пессимистичностью» интенциональной направленности первых, с другой стороны, тем, что эти паремии в меньшей степени ориентированы на решение проблемы выбора, закрепляемой за логико-синтаксической моделью предпочтения, а ситуации выбора из двух зол в контексте того, что человеку вообще свойственно стремление к лучшему, относятся к числу тупиковых. В отличие от паремий с негативным компаративом, паремии с позитивным компаративом показывают наикратчайший путь к решению проблемы выбора, непосредственно раскрывая и цель, и причину мотивации.

Выявленная система моделей, отражающих логико-синтаксическую организацию разноязычных паремий с общеоценочными терминами, позволяет прийти к выводу о том, что мыслительные процедуры, связанные с осуществлением оценочных квалификаций, в значительной мере стереотипны. Это объясняется не только высокой степенью абстрактности логико-синтаксических моделей, служащих своего рода когнитивной основой для развертывания суждений, но, по-видимому, еще и тем, что организация смысла паремий подчинена своей логике – ориентации человека в окружающем его мире. Система релевантных для осуществления этой ориентации ценностных и антиценностных категорий определя-

¹ Идея предпочтения обладания чем-либо худым, ничтожным «необладанию» тем, что нужно или вменяется нормой, в итальянском и немецком паремийниках нашла реализацию только в структурах с восходящим компаративом: *Meglio che niente, marito zoppo; Meglio marito brutto che niente del tutto; Meglio brutta che niente del tutto; Besser ichts denn gar nichts; Es ist besser ichts denn nichts, sprach der Wolf, da verschlang er eine.*

ет содержание паремий, а речевые стратегии, детерминированные ценностными позициями тех, кто использует паремии в речи, – устойчивость схем интерпретации смысла.

Оценка, таким образом, связана не только и даже не столько с объективацией направленности человеческого интереса и выражением ценностного отношения, сколько с информированием о свойствах ценностных и антиценностных сущностей; формированием у адресата соответствующего отношения, мотива как внутреннего стимула к интериоризации ценностей социокультурной среды, готовности действовать в соответствии с принятой в обществе системой ценностей.

4.4 Логика декодирования деонтического смысла паремиологических единиц

Выражение предельных смыслов, а именно тех смыслов, которые заключаются в формировании избирательного отношения человека к окружающей действительности и оказании влияния на его поведение, в паремиях носит, как правило, неявный характер, исключение, пожалуй, составляют императивные паремии, воплощающие прямую тактику речевого воздействия, типа *Учи других – и сам поймешь*¹.

В основе выражения предельных смыслов лежат отношения, квалифицируемые в логике как модальные, так как для реализации ценностного ориентирования паремия, во-первых, должна апеллировать к оценке, чтобы отграничить значимое от незначимого, ценности от неценностей, во-вторых, обладать силой, подвигающей к выбору определенной модели поведения. Следовательно, смысл паремий, связанный с отражением ценностных ориентаций, обусловлен взаимодействием как минимум двух модальностей – аксиологической и деонтической.

По мнению А. А. Крикманна, взаимодействие модальных планов в семантике паремий обуславливает потенциальную возможность использования паремий для реализации трех коммуникативных задач: утверждения, оценки и прескрипции [161, с. 167]. При интерпретации назначения паремии в конкретных речевых актах оценочные смыслы, не имеющие специальных грамматических средств выражения, опосредуют движение информации от выраженного эксплицитно утверждения к имплицитному предписанию и, наоборот, от выраженного эксплицитно предписания к имплицитному утверждению [161, с. 167–168]. Аналогичные идеи о взаимодействии модальностей в семантической структуре высказываний выражают Е. М. Вольф и Н. Д. Арутюнова.

Анализируя позиции исследователей, дискутирующих вопрос о возможности вывода из ассерторических (утверждающих) высказываний деонтических (предписывающих), Е. М. Вольф, так же как и М. Блэк, считает, что переход от фактического высказывания к высказыванию долженствования и императиву проходит через промежуточный этап высказывания с оценочным значением и оценочная модальность выступает, по сути, связующим звеном между ассерторической и деонтической модальностями [61, с. 122]. Н. Д. Арутюнова, ссылаясь на Ч. Стивенсона, Р. Хэара и Р. Карнапа, тоже указывает на непосредственную связь оценки с прескрипцией [20, с. 46], подчеркивая при этом, что оценка «не есть не-

---

¹ Паремии с формами императива, воплощающие косвенные тактики речевого воздействия, требуют дополнительных интерпретаций, например: дешифровки внутренней формы (это паремии типа *Не плюй в колодец: пригодится воды напиться*) или дешифровки псевдорекомендации (см., к примеру, паремии, используемые для резонирования: *Не учи плясать, я и сам скоморох*; *Не учи безногого хромать!* – или с целью насмешки, подтрунивания: *Играй, дудка; пляши, дурень!*; *Увидишь своих, так кланяйся нашим*).

адресованное выражение эмоций», она предназначена для оказания определенного воздействия на адресата [20, с. 44]. В соответствии с прагматическим подходом к оценочному значению вслед за П. Ноуэллом-Смитом и Р. Хэаром Н. Д. Арутюнова объясняет все прагматические функции оценочных высказываний (совет, рекомендацию, запрет, похвалу, одобрение и др.) детерминированностью этих функций ситуацией выбора. «Все функции и способы употребления оценочных предикатов объединены понятием выбора», – пишет Н. Д. Арутюнова и подкрепляет свою мысль цитатой из работы П. Ноуэлла-Смита: – «В мире, в котором не существовал бы выбор, не могли бы существовать такие понятия, как квалификация и шкала ценностей» [20, с. 50]. Выбор, по мнению Н. Д. Арутюновой, требует стандартизированного ориентира. Данное обстоятельство и позволяет исследователю прийти к выводу о том, что все ценностные суждения скрывают за собой, кроме прочих смыслов, общее утверждение, трактуемое как отсылка к некоторому стандарту [20, с. 52].

Вопрос о взаимодействии модальностей в семантической структуре паремий, о типичных для паремиологических единиц модальных значениях затрагивается в работах Г. Д. Сидорковой [288], С. Н. Авериной [5], Е. Н. Ясюкевич [355], Е. Н. Ясюкевич и О. Г. Баламута [354] и др. Г. Д. Сидоркова устанавливает закономерности взаимодействия деонтической, алетической и аксиологической модальностей в содержании паремий, а также вскрывает связь этих видов модальностей с прагматическими функциями паремий [288, с. 33–37]. С. Н. Аверина развивает идеи Г. Д. Сидорковой и выделяет два уровня модальных планов, свойственных паремиям: уровень содержания паремии и уровень их прагматической функциональности [5, с. 33–37]. Е. Н. Ясюкевич, определяя состав и приоритетность модальных значений, детерминирующих прагматическую направленность русских и английских паремий, по сути, так же как и другие исследователи, устанавливает зависимость модальных значений одного плана – функционально-прагматических модальностей – от модальностей другого, содержательного плана, выраженных теми или иными грамматическими средствами и / или маркированных лексически [354; 355, с. 3, 10–11].

Действительно, паремии, как и любые другие строевые единицы дискурса с предикативным значением¹, характеризуются многоуровневой семантической организацией и обладают модальными значениями². То, что паремии, кроме значения, выражаемого поверхностной структурой, имеют значение, извлекаемое по-

¹ Разумеется, паремии при употреблении их в речи совмещают признаки строевых единиц дискурса с признаками текста (такими, как коллективная адресантность, интертекстуальность, адресатность, интенциональность и др.), представляя тем самым феномен «текста в тексте» (понятие Ю. М. Лотмана). Очевидно и другое: разнообразные формы включения в текст паремий, в том числе и в редуцированном виде, могут означать свертывание, деактуализацию, утрату заданных исходной языковой структурой модальных значений, но в любом случае сохранение интертекстемного статуса.

² Вне контекста, по справедливому замечанию Л. Б. Савенковой, модальные значения паремии воплощают некоторую модель ситуации или отношения «в режиме ожидания» [272, с. 82].

средством интерпретации содержания (инвариантное значение, или логему), а также интенциональное значение, определяемое как цель (смысл) использования паремиологической единицы в речи, позволяет прийти к заключению о правомерности выделения как минимум трех планов модальных значений, присущих паремиологическим единицам. Это 1) модальность поверхностной структуры – тип отношения содержания паремии к действительности, отражающий эксплицитно выраженную (лексическими и / или грамматическими средствами) оценку продуцентом паремии / говорящим положения дел как реального (действительно существующего, связанного с достоверным знанием) или ирреального (возможного, невозможного, желаемого и др.); 2) модальность интерпретативной структуры (интерпретативных структур) – тип отношения содержания паремии к действительности, выявляемый интерпретатором, дешифрующим глубинные, имплицитированные смыслы; 3) модальность прогнозируемой дискурсивной структуры – тип отношения говорящего к содержанию паремии, определяющий характер осуществляемого посредством паремии речевого воздействия (прогнозируемость этого отношения обуславливается содержанием паремий, модальными значениями первых двух планов, предсказуемыми элементами речевой ситуации) [35–А, с. 248; 60–А, с. 72]¹. Очевидно, что актуализация того или иного смысла, воплощающего тот или иной тип отношения из ряда заданных семантикой паремии, в каждом конкретном случае детерминируется речевой ситуацией, всей совокупностью ее элементов, в том числе и непредсказуемых, значительно «расширяющих» семантический потенциал паремии². Это обстоятельство, тем не менее, не отрицает (в соответствии с концепцией «диалектической семантики» Х. Вайнриха [49, с. 50]) рациональности постановки вопроса о том, что же вообще делает возможным с точки зрения логики «переключение» с одного значения на другое и, собственно, извлечение деонтического смысла как предельного смысла паремии.

Декодирование предельных смыслов паремий, связываемых с отражением ценностных ориентаций, осуществляется путем логического вывода имплицитированных значений. Процесс восприятия паремии и извлечения ее смысла для реципиента паремии является, по сути, нерасчлененным процессом. Метод логического вывода имплицитированных значений (интерпретативный метод), применяемый в исследовательских целях, предполагает последовательное движение от анализа семантики поверхностной структуры с соответствующими ей модальными рам-

¹ К аналогичным выводам приходит О. Б. Абакумова: «Актуализация смысла пословицы в речи имеет вид разворачивающегося пословичного сценария, который реализуется как наложение трех видов фреймов: фрейма, фиксированного внутренней формой пословицы (образный фрейм), фрейма обобщенного значения пословицы (обобщающий фрейм) и фрейма референтной ситуации (оказиональный, конкретно-ситуативный фрейм) и завершается логическим выводом, который должен сделать слушающий, исходя из конкретной ситуации общения [1, с. 95–98, 113–114].

² По Х. Вайнриху, всякое значение (Bedeutung) языкового знака в соответствии с четырьмя законами семантики является «растянутым», неопределенным, социальным и абстрактным, и только значение, детерминированное контекстом (Meinung), является ограниченным, точным, индивидуальным и конкретным. В процессе употребления языковой единицы «гипотеза значения постоянно корректируется» [49, с. 48–51].

ками к вскрытию связей модусов поверхностной структуры с модусами глубинных структур, выявляемых методом перефразирования, и затем к установлению корреляций обнаруженных модальных значений с функционально-прагматическими модусами паремии.

Для проведения такого рода анализа используем две тематически родственные паремии, представляющие разные модальности на «входе», то есть на уровне поверхностной структуры.

1) *Сытое брюхо к учению глухо.*¹ Поверхностная структура данной паремиологической единицы имеет грамматические показатели ассерторической модальности (нулевую связку в составе предиката), то есть обозначенное посредством косвенной номинации положение дел (прямое его обозначение может быть примерно таким – *человек, который ни в чем не нуждается, не способен / не стремится к постижению чего-то нового*) представляется как утверждение существования некоторой закономерности. В силу того, что буквальное значение расходится с собственно значением паремии, возникает соблазн уже на уровне поверхностной структуры приписать паремии значение алетической модальности (а именно значение невозможности). Однако в этом случае необходимо учитывать, что данное значение не находит эксплицитного выражения в формально-грамматической структуре, а значит, должно быть соотнесено с уровнем интерпретационных структур.

А. А. Крикманн предупреждает о недопустимости игнорирования модальных значений поверхностной структуры пословичного текста, мотивируя это следующим образом: «от того, приписываем ли мы тексту констатирующую или прескриптивную поверхностную функцию, кардинально зависит ход его толкования на уровне глубинных функций, а также более общая мировоззренческая интерпретация, то есть видим ли мы в нем отражение действительности или идеалов» [159, с. 97]. И действительно, обращение к вторичным языковым формам выражения мысли, иному модальному оператору, чем тот, который непосредственно связан с детерминирующим содержанием паремии смыслом, делает паремию менее провокативной в плане несогласия с выражаемым мнением, а значит, и более привлекательной для реципиента. Ассерторика виртуальной реальности в нашем случае оказалась предпочтительнее, чем алетика ирреальности.

Ассерторическая модальность соседствует на уровне поверхностной структуры и с другой, эпистемической модальностью – содержание паремии оценивается ее продуцентом и, соответственно, пользователем как достоверное знание, в

¹ Паремия признается европейской: в русско-немецком словаре пословиц Х. Вальтера и В. М. Мокиенко приводится несколько ее разноязычных версий: латинская – *Plenus venter non studet libenter*; немецкие – *Voller Bauch studiert nicht gern, Voller Magen lernt mit Unbehagen, Voll macht faul*; английская – *The well-feed have no use for books*; польская – *Brzuch tłusty, leb pusty*; чешская – *S plným břichem se špatně studuje*. Есть такая паремия и в белорусском языке *Сытае брюха да навукі глуха*, аналогичными по содержанию являются итальянские паремии *Grasso ventre, grosso ingegno; Il ventre grasso non genera sottile sentimento* [418, с. 27–28].

модальную рамку паремии могут быть включены операторы: *всем известно* (= *все знают*), что...; *практикой жизни подтверждено* (= *доказано*), что... Заметим, что именно эпистемический модус, связывающий содержание паремии с коллективным знанием, придает паремиям статус авторитетного мнения¹.

Проявляет себя в поверхностной структуре паремии и аксиологическая модальность – негативное отношение к инертности «сытого» человека. Актуализация оценочного модуса обусловлена тем, что позицию предиката занимает оценочно маркированная лексема *глухо*, а данная позиция с необходимостью детерминирует актуализацию системно заданных оценочных сем.

Семантика паремиологической единицы характеризуется и другими модусами, соответствующими глубинным структурам смысла и вскрывающими связь этих структур с поверхностной структурой: алетическая модальная рамка со значением невозможности – *«не может человек, который ни в чем не нуждается, испытывать стремление к постижению чего-то нового, изменению чего-либо в своей жизни, деятельности»*; *«невозможно подвигнуть человека, который ни в чем не нуждается, к постижению чего-то нового, изменению чего-либо в своей жизни, деятельности»*; деонтическая модальная рамка со значением запрета – *«не следует ожидать от “сытого” человека изменения его позиций»*; *«не нужно подвигать “сытого” человека к изменению его позиций»*; аксиологическая модальная рамка со значением негативной телеологической оценки – *«напрасно ожидать от “сытого” человека изменения его позиций, стремления постичь что-то новое»*, *«бесполезно подвигать “сытого” человека к изменению его позиций, постижению чего-либо нового»*. Наличие комплекса модальных рамок обусловливает и множественность интенциональных значений паремии. Ассерторическая модальность вкупе с эпистемической позволяет использовать паремию с целью констатации знания о существовании в действительности закономерности, отраженной в содержательных аспектах паремии. Аксиологический, алетический и деонтический модусы являются основанием для использования паремии в речи с целью выражения неодобрения, осуждения, укора, сетования, совета, предупреждения, отклоняющей рекомендации, а также в качестве аргумента, подкрепляющего оценку, совет, рекомендацию.

Обратимся к нескольким контекстам употребления данной паремии, чтобы убедиться в этом. (1) *Как известно, сытое брюхо – к ученью глухо. Сейчас сытыми нас не назовешь, так, может быть, мы хоть сейчас научимся самоограничению, самостоятельному снижению своих материальных потребностей. Ведь*

¹ Мы не разделяем точки зрения Е. Н. Ясюкевич, считающей, что эпистемическая модальность, выражающая степень достоверности утверждаемого, в паремиях не представлена [355, с. 11]. Отсутствие операторов эпистемической модальности не означает того, что интерпретатор содержания паремии (тот, кто употребляет / намеревается употребить в речи паремию, и тот, кто является ее реципиентом) не осознает закрепленного за проverbsальной единицей как «текстом» культуры модуса достоверности. В данном случае мы отталкиваемся от понимания текста как своеобразной «упаковки» дискурса [96, с. 42; 328, с. 82], сохраняющей «следы» отношений в актах первичной коммуникации к заключенной в содержании текста информации [26–А].

нашего на этой земле ничего нет (Час пик, 29.10.90) [296, с. 45]; (2) *А на должность посадили – и вообще пропал человек. Уж смотришь, и сам начинает демагогией заниматься, прославлять существующие беспорядки, перелицовывая их в порядки. Сытое брюхо к правде глухо* (Д. Суров. Зал ожидания) [296, с. 45]; (3) *Но, допустим, в Приморье нечего пускать. Тогда губернатор Приморья Леонид Ярмольник (он родом оттуда) показывает голодным полярникам своего знаменитого «цыпленка-табака», и повеселевшие полярники подгоняют айсберг средних размеров к берегам Владивостока. К сожалению, среди нас еще находятся скептики, утверждающие, что артист, равно как и кухарка, управлять государством не может! На это мы отвечаем: «Сытое брюхо к разуму глухо!» – и идем к урнам, и голосуем за наших любимцев. Михаил Евдокимов: – Сам, ребята, я с Алтая! Да меня здесь каждый знает!* (Ю. Снегирев, А. Мешков. Замолкнули трубы, сцены станут чисты, когда в политику уйдут артисты! // Комсомольская правда, 2004.01.20) [232]; (4) *Ich erwiderte bescheiden, daß ich immer besondere Lust zum Studieren, aber kein Geld gehabt hätte. – «Das tut gar nichts», rief der Waldhornist, «wir haben auch weder Geld noch reiche Freundschaft. Aber ein gescheiter Kopf muß sich zu helfen wissen. Aurora musis amica, das heißt zu deutsch: mit vielem Frühstück sollst du dir nicht die Zeit verderben»* (Josef von Eichendorff. Aus dem Leben eines Taugenichts (1826)) – Я скромно ответил, что всегда пылал любовью к наукам, но не имел денег на учение. «Это ровно ничего не значит, – воскликнул валторнист, – у нас тоже нет ни денег, ни богатых друзей. Умная голова всегда найдет выход. Aurora musis amica / Утренняя заря – подруга муз (лат.) /, а иначе говоря: сытое брюхо к учению глухо» (Йозеф фон Эйхендорф. Из жизни одного бездельника (Д. Усов, 1933–1935)) [232]. В первом контексте пословица использована в констатирующем ключе, более того, посредством обращения к модальному оператору «как известно» подчеркивается актуальность эпистемической модальности; одновременно данная пословица отражает ценностную позицию говорящего, совпадающую с позицией социума, осуждающего инертность «сытых» и предвзвешивает в качестве одной из посылок в структуре силлогизма вывод о необходимости преодоления инертности, то есть предвзвешивает скрытый императив. Во втором контексте пословица используется с целью выражения сетования и одновременно осуждения. В третьем контексте пословица использована с целью парирования (как аргумент, подкрепляющий несогласие с позицией тех, кто думает иначе) и объяснения причины заблуждений оппонента («не понимаете, не верите, потому что сыты»). В четвертом контексте пословица также использована как аргумент с целью разубеждения собеседника в том, что для обогащения себя знаниями нужны деньги, и одновременно как ступень «в движении информации» к совету, рекомендации. Во всех четырех контекстах говорящие демонстрируют «единение» своих ценностных позиций с ценностными позициями социума, отраженными в содержательных аспектах паремии.

2) *Кто хочет много знать, тому надо мало спать.* В поверхностной структуре каждой из частей данной паремии использованы средства выражения значений ирреальной модальности: оптативности и долженствования. Однако отраженная в содержательных аспектах паремии причинно-следственная связь между желанием и удовлетворяющим его реализацию условием имеет модус ассерторической модальности, свидетельствующий о том, что обозначенная закономерность существует (*достижение желаемого требует жертв, и это факт*), и модус эпистемической модальности, свидетельствующий о достоверности отраженного в содержательных аспектах паремии знания (*всем известно, что достижение желаемого требует жертв*). Актуализированным является также аксиологический модус с разрешенным конфликтом оценок в пользу позитива: *желание «много знать»* маркируется позитивно, *необходимость «мало спать»* – вообще негативно, но как условие для самосовершенствования вызывает одобрение. Поскольку паремия имеет буквально выраженный смысл, модальные рамки интерпретативных структур совпадают с модальными рамками поверхностной структуры: *«желающему познать многое **нужно** много трудиться»* (деонтический модус), *«тому, кто не прилагает усилий, **невозможно** познать многое»* (алетический модус), *«достижение желаемого требует от человека жертв»* – **плохо**, *«нежелание прилагать усилия для достижения лучшего»* – **плохо**; *«проявление усердия, являющегося условием достижения лучшего»* – **хорошо** (аксиологический модус). Отсюда и соответствующий набор интенциональных значений: констатив, рекомендация, совет, предупреждение, осуждение, укор, оправдание. Паремия может быть использована также в качестве аргумента, подкрепляющего рекомендацию либо оценку.

Аналогичные механизмы взаимодействия модальных значений характерны и для других паремий из взятого для анализа тематического ряда: *Ученье – свет, а неученье – тьма*; *Учи других – и сам поймёшь*; *Ничего не смыслить – век киснуть*; *Учись доброму, так худое на ум не пойдёт*; *Иной охоч, да не горазд, иной и горазд, да не охоч*; *Наука не пиво: в рот не вольёшь*. К примеру, в пословице *Ученье – свет, а неученье – тьма* положительная и отрицательная оценки, проявляющаяся на фоне ассерторической и эпистемической модальностей, определяют возможность использования паремии с целью одобрения, похвалы (в том числе и самопохвалы) или осуждения, упрека, детерминирует деонтическую модальность и, соответственно, прагматические функции наставления, рекомендации, аргумента в поддержку рекомендации. Сравн.: – *Где родились? – В Симбирске. – Хороший город. <...> Учились? – Учился. – И правильно. Ученье, как говорится, свет* (А. Аверченко. Шутка Мецената) [296, с. 303]; *Филипп достал из шкафа истрепанную книжку и сунул ее за пазуху. – Вот оно, мое занятие, сызмальства привык. Ученье свет, неученье тьма – слышали, чай?* (А. Чехов. Умный дворник) [296, с. 303]; – *Сколько будет А плюс В в квадрате? – Она смотрит на*

меня некоторое время с изумлением. <...> – Ну милый, ну хороший, ну какой хочите, не надо говорить об алгебре. – Скверно, Верочка, – говорю я назидательным тоном. – Ученье свет, а неученье тьма (В. Катаев. А плюс В в квадрате) [296, с. 303]; – Учись, сынок, учись. Ученье свет, а неученье тьма. Грамотному и в люди легче пробиться. Не будешь горе мыкать, как твои темные родители (И. Козлов. Жизнь в борьбе) [388, с. 339]. Деонтическая модальность паремий *Учи других – и сам поймёшь*; *Учись доброму, так худое на ум не пойдёт*, усиленная ассерторикой мотива, ориентирует на имплицитно выраженный «стандарт», который утверждается как социальная ценность. Посредством логического анализа может быть выведен и общий предельный смысл подобных паремий, который будет соответствовать отраженной в их содержательных аспектах ценностной ориентации, – «не ленись, не довольствуйся тем, чего достиг, стремись к интеллектуальному / духовному совершенству».

Такого же рода закономерности во взаимодействии модальных планов, в логике выведения деонтических смыслов будут отмечаться и в других паремиях, как русских, так и иноязычных, так как модальные значения – это такие значения, которые не зависят от того, какими средствами они выражаются и на каком языке.

Таким образом, множественность смыслов каждой конкретной паремии в проекции на сознание объясняется негомогенностью отражаемых в ее содержании ценностных ориентаций, единством и взаимосвязью направляющей, мотивационной и регулятивной их компонент, при осмыслении паремий как языковых репрезентаций этих структур, коммуникативных рефлексий на сущее – множественностью выражаемых отношений, которыми каждая конкретная паремия обладает в силу присущего всем паремиям глобального прагматического значения, обусловленного их вхождением в культурное пространство в качестве единиц, денотация которых, в определении В. Н. Телия, квалифицируется не как денотация к миру, а как «повод для отнесения к системе ценностей» [311, с. 74]. Анализ показывает, что каждая из составляющих содержания ценностных ориентаций может проявить себя в семантике паремий, с одной стороны, в силу единства и взаимосвязи когнитивного, аффективного и поведенческого в структуре самих диспозиций, с другой стороны – в силу взаимосвязи вскрывающих это единство модальных значений, которыми обладает паремия как языковая единица, микротекст и дискурсивная единица.

Выводы по четвертой главе

1. Единство когнитивного, аффективного и поведенческого в структуре диспозиций человека обуславливает связь всех компонент ценностных ориента-

ций при их отражении в паремиях и проявляется во множественности и взаимосвязи смыслов каждой отдельно взятой паремиологической единицы, закономерной выводимости одних смыслов из других. Это означает, что отражение направляющей, мотивационной и регулятивной компонент ценностных ориентаций в паремиологических единицах с оценочными терминами в своих механизмах базируется на одних и тех же мыслительных операциях. Объективация этих мыслительных операций представляет форматы знания, лежащие в основе вывода смыслов, связываемых с воздействием на ценностное сознание тех, кому паремии адресованы.

2. Логико-синтаксическая модель является мыслительной схемой, отражающей базовую мыслительную операцию по переработке поступающей извне информации. Разноязычные паремиологические единицы с терминами общей оценки представляют следующие логико-синтаксические модели: модель со значением характеристики, основанной на дескрипции свойств оцениваемого объекта, модель со значением характеристики, основанной на установлении каузирующей связи; модель со значением идентификации аксиологически релевантных объектов; модель со значением аксиологической таксономии; модель со значением аксиологической иерархизации.

3. Значение логико-синтаксической модели квалифицируется как базовый смысл, детерминированный логической структурой суждения, базовый формат знания для выведения иных смыслов, связываемых с воздействием на ценностное сознание реципиентов паремий.

Базовым смыслом паремий, представляющих логико-синтаксическую модель со значением характеристики, основанной на дескрипции свойств оцениваемого объекта, является определение свойств, лежащих в основе ценностных/ антиценностных отношений, конкретизация нормативных / ненормативных моделей поведения; предельный смысл таких паремий может заключаться в формировании мотивации, основанной на положительных / отрицательных стимулах (сравн.: *Доброе дело питает разум и тело и Худая снасть и отдохнуть не даст*), призыве принимать модель поведения, аналогичную / противоположную обозначенной в паремии, действовать таким же или иным способом (сравн.: *Добрый портной с запасом шьёт и Плохой плясун всегда музыканта хаёт*).

Базовый смысл паремий, представляющих логико-синтаксическую модель со значением характеристики на основе каузирующей связи, состоит в раскрытии итога включения человека в структуру бытия с той или иной ценностной позицией – определении достижений в случае следования норме, негативных последствий в случае игнорирования норм; предельный смысл паремий может заключаться в формировании положительной или отрицательной мотивации, определяющей выбор средств достижения желаемого, избирательное отношение к существу (сравн.: *Доброе семя – добрый и всход и От худой курицы худые яйца*), во вменя-

емой человеку необходимости руководствоваться здравым смыслом, ориентироваться на образец в любых формах деятельности и в отношениях с людьми.

Базовый смысл паремий, представляющих структуры со значением аксиологической таксономии и идентификации аксиологически релевантных объектов, заключается в безусловной или ограниченной условием квалификации объектов материального или идеального мира как хороших или плохих; предельный смысл паремий может состоять в утверждении ценностного / антиценностного смысла той или иной сущности и формировании соответствующей ценностной направленности (сравн.: *Хлеб да тирог и во сне добро; Хороша воля с умом и деньгами и Худо тому, кто добра не делает никому*), в случае указания на условие, основание ценностного / антиценностного отношения – в призыве следовать образцу, принять модель поведения, способ действия, определяемые как эталонные, отстраняться от негативного (сравн.: *Хорош отдых, когда работа сделана; Всякое дело с концом хорошо; Плоха та хозяйка, что блинов растворить не умеет; Худо тому жить, кто без обуха дрожит*), в призыве руководствоваться объективностью в оценке сущего (*Хорошо тому смеяться, кто на сухом берегу*) и др.

Базовый смысл паремий, представляющих логико-синтаксическую модель со значением аксиологической иерархизации, заключается в определении лучшего / худшего из двух сопоставляемых объектов; предельный смысл может состоять в формировании соответствующих ценностных / антиценностных отношений, рекомендации следовать обусловленному конвенциональным предпочтением выбору / отстраняться от негативного, принимать противоположную модель поведения (сравн.: *Маленькая бережь лучше большого барыша и Упрямство хуже пьянства*).

Базовый смысл паремий, в состав которых включены два термина общей оценки, противоположные по своему значению, заключается в установлении разного рода отношений между тем, что представляет полюс положительной оценки, и тем, что представляет полюс отрицательной оценки; это отношения контраста, облагораживающего / деструктивного влияния, несовместимости, совместимости, трансформации, каузации, мене. В основу определения отношений между свойствами хороших и плохих «вещей», между контрастными оценками разных «вещей» / свойств одной «вещи», между хорошими и плохими «вещами» положены те же форматы знания, что и в паремиях с одним из терминов общей оценки. Аналогичны, соответственно, механизмы оказания мотивирующего и регулятивного воздействия на реципиентов паремий. В паремиях, отражающих разного рода «взаимодействия» добра и зла, отмечаются и иные логико-синтаксические отношения, а именно отношения бытийности и невозможности, которые могут быть подведены под отношения характеристики.

Императивные по семантике паремии с оценочным компонентом не являются по своей организации суждениями. Выраженные в открытой форме регулятивные смыслы не требуют логического вывода.

Набор базовых смыслов, установленных в результате анализа разноязычных паремий с терминами общей оценки, коррелирует с выявленными составителями словаря «Dizionario dei proverbi» В. Боджоне и Л. Массорбио обобщенными смыслами итальянских паремий.

4. Частные дифференциальные семантические признаки паремий с оценочным компонентом, детерминирующие разные интерпретации базового смысла паремий и, соответственно, разные типы воздействия на сознание реципиентов паремий, поддаются типизации. К числу таких признаков относятся следующие:

1) характер выражаемой оценки; фактор релевантен в силу того, что положительная и отрицательная оценки детерминируют разные типы мотиваций (положительную и отрицательную); разные модели регулятивных воздействий: регулятивное воздействие, основанное на склоняющей рекомендации (рекомендации следовать модели, обозначенной в паремии), регулятивное воздействие, основанное на отклоняющей рекомендации (рекомендации не следовать модели поведения, обозначенной в паремии);

2) прямое или функционально контрастное употребление оценочного термина; логичность / паралогичность в оперировании терминами *хорошо*, *хороший* определяет не только характер выражаемой оценки, но и характер выражаемого эмоционально окрашенного отношения, а следовательно, характер мотивационного и регулятивного воздействия на реципиентов паремий; паремии, разоблачающие мнимохорошее, в отличие от паремий с термином положительной оценки, используемым по прямому назначению, формируют мотивации по модели рассуждения «от противного»;

3) абсолютность / относительность выражаемой оценки; соответствие / несоответствие детерминирующих оценку условий (в случае относительной оценки) принятым в социуме ценностно-нормативным системам; абсолютные оценки представлены в паремийниках эпизодично в силу очевидности ценностной или антиценностной значимости оцениваемого объекта и избыточности экспликации оснований оценки, указание на условие оценки отчасти вскрывает ее основания, выявляя при этом соответствие либо несоответствие положения дел ценностной картине мира, наличие искажений в ценностной картине мира, не согласующихся с представлениями о справедливости; все эти признаки существенным образом влияют на прагматические функции паремий, характер оказываемого воздействия.

Есть и другие значимые в плане реализации тех или иных смыслов дифференциальные семантические признаки паремий: онтологические характеристики объекта оценки (кто или что выступает объектом оценки, объектом ценностного отношения); имплицитность / эксплицитность представления ценностного анти-

пода; характер отношения между объектами, представляющими разные полюса аксиологической оценки, и др. Релевантность выделяемых признаков при установлении закономерностей детерминаций интенциональных значений ограничивается последним порогом типичного и переходом к единичному.

5. Пропозициональный характер когнитивной структуры паремии, референция паремии к ситуации, относящейся к разряду типовых, взаимосвязь модальных значений, которыми обладает паремия как языковая единица, микротекст и дискурсивная единица, обуславливают прогнозируемость модели речевой ситуации, в которой паремия может быть реализована, а следовательно, возможность определения ситуативных факторов, детерминирующих (вкуче с содержательными) прагматические потенции паремии и их вариативность.

К числу ситуативных факторов, определяющих смысл употребления паремии в непосредственных актах общения и, соответственно, характер воздействия, оказываемого на ценностное сознание адресата паремии, относятся следующие: причастность / отстраненность адресата паремии к / от референтной ситуации, фиксируемой в содержании паремиологической единицы в качестве типовой; тождественность / противоположность модели поведения / способа действия, характеризующих адресата паремии, модели поведения / способу действия, обозначенным в паремиологической единице; совпадение / несовпадение ценностных позиций адресанта и адресата паремии; согласованность / рассогласованность ценностных ориентаций адресанта паремии с ценностными ориентациями, отраженными в содержании паремиологической единицы. В случае причастности адресата паремии к описываемой в паремии ситуации на первый план выходит регуляция, намерение адресанта паремии корректировать поведение адресата (если ценностные позиции адресанта и адресата не совпадают) или основанное на раскрытии ценностного смысла «вещей» выражение солидарности в выборе ценностных позиций (если ценностные позиции адресанта и адресата совпадают); в случае непричастности – воздействие с целью поиска этой солидарности, удовлетворяющее потребность в поддержке ценностной позиции. Тождественность / противоположность модели поведения / способа действия, характеризующих адресата паремии, модели поведения / способу действия, обозначенным в паремиологической единице, определяют не только характер оказываемого воздействия, но и выбор прямой или косвенной тактики речевого воздействия; например, паремии с термином положительной оценки могут быть использованы в качестве похвалы при соответствии модели поведения или способа действия адресата паремии эталону, обозначенному в паремии, и как упрек – при несоответствии. Согласованность / рассогласованность ценностных ориентаций адресанта паремии с ценностными ориентациями, отраженными в содержании паремиологической единицы, также обуславливают контрастность выражаемых отношений, противоположные в аксиологическом плане интенции.

Разумеется, есть и другие факторы ситуативного характера, детерминирующие цель использования паремий в речи, уже описанные в научной литературе: автореферентность / интерактивность, проспективность / ретроспективность употребления паремии; определение же исчерпывающего списка таких факторов, позволяющих выйти на закономерное в прагматике паремий, может составить предмет отдельного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

Теоретическая значимость применения комплексного подхода, базирующегося на сочетании лингвокогнитивного, сопоставительного и социопсихолингвистического аспектов, к изучению отражения ценностных ориентаций в паремиологических единицах, подтверждается полученными результатами.

1. Уточнены причины континуумности паремиопространств в человеческой культуре и установлены факторы, обуславливающие системность паремий.

Важнейшей характеристикой паремиопространств в человеческой культуре является их континуумность по вертикали и горизонтали. Континуумность паремиопространств по вертикали, понимаемая как межпоколенная преемственность паремиологических единиц, обуславливается следующими причинами: 1) существованием непреходящих по своей социальной значимости ценностей, утверждению которых служат паремии; 2) повторяемостью в повседневной жизни ситуаций, модели которых составляют означаемое паремиологических единиц; 3) лапидарностью паремиологической формы выражения мысли, удовлетворяющей потребность человека выразить отношение к сущему.

Тождество интерпретант, выявляемое в содержательных аспектах разноязычных паремий как знаков-реакций на типичные ситуации как знаки-стимулы, указывает не только на универсальность действия когнитивных механизмов, обеспечивающих отражательную способность сознания, но и на совпадение позиций, с которых осуществляется интерпретация.

Континуумность паремиопространств по горизонтали проявляется в восприятии и адаптации «чужого» в процессе взаимодействия культур и в возникновении на собственной почве выражений, обнаруживающих тождественность «чужим». Континуумность паремиопространств по горизонтали детерминирована 1) едиными причинами возникновения паремий и формирования паремиофондов в различных этнических культурах, связываемыми со стремлением человека к сохранению и передаче наиболее важного для членов социума жизненного опыта; 2) наличием совпадений в ценностно-нормативных системах разных этносов, интегрирующих участников семиотического процесса в культурном пространстве.

Общие для разных лингвокультур детерминации становления паремиофондов прослеживаются в основаниях системности паремий. Системность паремий обуславливается следующими факторами: 1) организующей функцией базовых категорий, формирование которых детерминировано направленностями человеческого интереса, в предшествующем паремиологической концептуализации опыте

познания мира; 2) оценочной концептуализацией и категоризацией действительности в паремиях; 3) типичностью форматов знания, представляющих структуру пропозиций, объективированных в семантике паремий; 4) повторяемостью паремиологических идей, вариативностью и повторяемостью форм выражения идей; 5) типичностью приемов кодирования информации, лежащих в основе паремиотворчества; 6) функциональной специализацией паремий, проявляющейся в типовом наборе прагматических функций [1–А; 2–А; 5–А; 7–А; 8–А; 10–А; 11–А; 12–А; 14–А; 19–А; 21–А; 25–А; 26–А; 31–А; 32–А; 37–А; 48–А; 56–А].

2. Вскрыта связь функций языковой оценки в паремиях со структурой ценностных ориентаций продуцентов и пользователей паремиологических выражений.

В структуре ценностных ориентаций человека с учетом их функциональных характеристик выделяются направляющая, мотивационная и регулятивная компоненты, связанные с осознанием человеком целей и мотивов включения его в структуру бытия, готовностями действовать определенным образом. Языковая оценка воплощает ценностные ориентации человека как своего рода предрасположенности оценивать все сущее тем или иным образом и обнаруживает корреляции с компонентами ценностных ориентаций в функциональном плане.

Реализация оценочных значений в паремиях подчинена трем основным функциям: 1) отражению и формированию ценностного / антиценностного отношения к объектам материального / идеального мира, убеждений, определяющих направленность человека; 2) отражению и формированию осознанных мотивов деятельности / поведения человека, стимулов, базирующихся на познании причин нацеленности человека на те или иные объекты; 3) отражению и формированию активной позиции в отношении к сущему, ориентации в выборе определенного способа действия / модели поведения.

Обладая способностью в каждом конкретном случае маркировать тип отношения говорящего к содержанию паремии, ее реципиенту, оценка вскрывает ценностные ориентации пользователей паремиологической единицы и задает определенный вектор интерпретации смысла [1–А; 4–А; 6–А; 8–А; 9–А; 10–А; 12–А; 15–А; 17–А; 18–А; 21–А; 22–А; 24–А; 30–А; 31–А; 49–А; 50–А; 52–А; 54–А].

3. Установлены характеристики, в которых проявляется сходство организации тематических словарей русских, белорусских, итальянских и немецких паремий. Сходные черты обнаруживаются 1) в определении сфер паремиологической концептуализации мира; 2) в составе терминов, использованных для обозначения ценностных и антиценностных сущностей в названиях тем; 3) в широте сферы концептуализации, связываемой с моралью.

Наличие крупных блоков и разделов, включающих в себя несколько ТО, в разноязычных тематически организованных словарях свидетельствует о выделении следующих общих сфер паремиологической концептуализации:

1) среда обитания человека; 2) физическое в природе человека; 3) быт и материальные интересы человека; 4) трудовая деятельность человека; 5) человек и его семья; 6) общество, государство, мир и человек; 7) мораль и психический мир человека; 8) духовная жизнь человека.

Тождество состава аксиологически маркированных терминов, использованных для характеристики внутреннего мира человека в названиях словарных объединений паремий в разноязычных словарях, свидетельствует об идентичности основных жизненных коллизий, в которых проявляется действие поведенческих норм. Широта сферы концептуализации, связываемой с моралью, объясняется тем, что моральные нормы охватывают все сферы жизни и деятельности человека.

Выявлено, что названия тематических объединений в паремиологических словарях специфическим образом инвентаризуют ценностные ориентации продуцентов паремий. Такая инвентаризация осуществляется посредством обозначения концептов, представляющих релевантные для обыденного сознания направленности человеческого интереса и / или посредством раскрытия обобщенных смыслов паремиологических единиц, отражающих и другие компоненты ценностных ориентаций – мотивационную и регулятивную. Типичность обобщенных смыслов паремиологических единиц, устанавливаемая при анализе названий словарных объединений, объясняется закономерным «воспроизведением» в содержании паремий константных составляющих ценностных ориентаций [1–А; 29–А; 34–А; 53–А; 55–А].

4. Выявлены ценности, представляющие доминантные направленности человеческого интереса в русской, белорусской, итальянской, немецкой паремиологических картинах мира, в ходе сопоставительного анализа установлена общность доминантных ценностей для продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий.

Доминантные направленности человеческого интереса в паремиологических картинах мира определяются по высокой степени концептуализации опыта познания объектов, вызывающих социальный интерес. Высокая степень паремиологической концептуализации ценностного смысла материальных / идеальных объектов выступает критерием доминантности соответствующих ценностей в паремиологических картинах мира.

Высокой степенью концептуализации в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира характеризуются следующие ценности: **пища, здоровье, труд, дом, достаток, семья, ум, язык, счастье, Бог**. Общность выявленных доминантных ценностей для продуцентов русских, белорусских, итальянских, немецких паремий устанавливается на основании относительной близости рангов соответствующих ГО в русских, белорусских, итальянских, немецких тематически организованных паремиологических словарях, соответствий в частотности использования имен доминантных концептов в конструи-

ровании паремиологической картины мира, а также на основании содержательных корреляций паремий, представляющих эти ТО, в том числе корреляций, связанных с предпочтением.

Ввиду максимального ограничения принимаемых во внимание ТО-лидеров установленный список доминантных ценностей в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах не является закрытым. Широкую зону паремиологической концептуализации в русской, белорусской, итальянской и немецкой лингвокультурах составляет также все то, что связано с погодой, временами года, приметами и днями святых, определяющими порядок сельскохозяйственных работ.

Установленная в ходе сопоставительного анализа общность доминантных ценностей в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира не означает абсолютного совпадения рангов этих ценностей в иерархии ценностных доминант в каждой отдельной паремиологической картине мира. Наиболее высокими рангами в ранжированных списках ценностных доминант во всех четырех паремиологических картинах мира характеризуются такие ценности, как **семья, труд, ум**.

Совпадение ценностей, представляющих доминантные направленности человеческого интереса в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира, тождество отражаемых в содержании паремий предпочтений – показатели ценностно-ориентационного единства продуцентов русских, белорусских, итальянских и немецких паремий [1–А; 7–А; 11–А; 12–А; 16–А; 21–А; 31–А; 32–А].

5. Установлено, что объективация доминантных ценностных концептов в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях характеризуется рядом закономерностей: 1) раскрытие ценностного смысла объектов, представляющих доминантные направленности человеческого интереса, не требует непременно использования слов, входящих в ядро вербальной сферы соответствующих концептов; наибольшая степень привлечения не прямых средств объективации концептов в паремиях всех четырех языков отмечается при концептуализации опыта познания смысла интеллектуальных феноменов и труда; 2) выбор грамматической формы лексемы, сигнализирующей об осмыслении ценности в отвлечении от свойств человека или в связи с характеристикой его встроенности в структуру бытия, детерминируется спецификой обыденного сознания и природой осмысляемой как ценность / антиценность сущности; 3) самой высокой степенью употребительности среди имен доминантных ценностных концептов характеризуются по суммарному значению в каждом языке имена, входящие в ядерную зону концепта «семья» / «сям'я» / «famiglia» / «Familie», и имя концепта «Бог» / «Dio» / «Gott»; самой низкой – имя концепта «здоровье» / «здароўе» / «salute» / «Gesundheit»; самой близкой степенью употребительности в паремиях всех четырех языков харак-

теризуется термин *деньги*; отличиями в степени употребительности в паремиях определенного языка на фоне близости процентных показателей степени употребительности в паремиях других языков характеризуются термины *дом, счастье, хлеб, язык / слово*; 3) для всех паремиопространств типично активное использование имен ценностных концептов в качестве инструментов для утверждения ценностной значимости других сущностей; наиболее регулярно в этой функции в паремиях всех четырех языков выступают термины *Бог, деньги*; 4) выстраивание ценностных иерархий с привлечением терминов *деньги, богатство* характеризуется тенденцией предпочтения духовного материальному; 5) объективация опыта, связанного с познанием свойств объектов, представляющих доминантные направленности человеческого интереса в паремиологических картинах мира, отражает различную оценку свойств каждого из этих объектов при неизменности доминантной аксиологической значимости этих объектов, фиксированной в коллективном сознании [1–А; 4–А; 6–А; 7–А; 8–А; 9–А; 10–А; 11–А; 12–А; 16–А; 18–А; 19–А; 20–А; 21–А; 37–А; 39–А].

6. Вскрыты механизмы отражения мотивационной и регулятивной компонент ценностных ориентаций в паремиях.

Единство когнитивного, аффективного и поведенческого в структуре диспозиций человека обуславливает связь всех компонент ценностных ориентаций при их отражении в паремиях и проявляется во множественности и взаимосвязи смыслов каждой отдельно взятой паремиологической единицы, закономерной выводимости одних смыслов из других.

Механизмы отражения направляющей, мотивационной, регулятивной компонент ценностных ориентаций в паремиологических единицах с оценочными терминами и оказания воздействия на ценностное сознание потенциальных адресатов паремий закрепляются в форматах знания, объективация которых сопряжена с выражением следующих базовых смыслов: 1) определение свойств хороших / плохих «вещей»; 2) определение положительных следствий, каузируемых хорошей «вещью» / отрицательных следствий, каузируемых плохой «вещью»; 3) безусловная квалификация «вещей» как хороших / плохих; 4) определение условий, детерминирующих квалификацию «вещей» как хороших / плохих; 5) определение лучшей / худшей «вещи». Эти же форматы знания составляют основу для определения разного рода отношений между тем, что представляет полюс положительной оценки, и тем, что представляет полюс отрицательной оценки: отношений между свойствами хороших и плохих «вещей»; между контрастными оценками разных «вещей» / свойств одной «вещи»; между хорошими и плохими «вещами» [1–А; 3–А; 13–А; 16–А; 27–А; 34–А; 42–А; 43–А; 44–А; 45–А; 46–А; 47–А; 49–А; 50–А; 52–А; 53–А; 58–А].

7. Определены факторы содержательного и ситуативного характера, детерминирующие прагматический потенциал паремий с оценочным компонентом.

Интенциональные значения, которые реализуют паремии в речи, функционально определяются как способы оказания того или иного воздействия на ценностное сознание реципиентов паремий. Интенциональные значения, формирующие прагматический потенциал паремиологических единиц, прогнозируются с опорой на логико-синтаксическую организацию паремий, дифференциальные семантические признаки паремий, выявляемые на иных уровнях абстракции в представлении типовой семантики, модель речевых реализаций паремиологических единиц.

Значение логико-синтаксической модели: характеристики на основе дескрипции свойств, характеристики на основе каузирующей связи, идентификации аксиологически релевантных объектов, аксиологической таксономии, аксиологической иерархизации – отражает тип мыслительной процедуры, перспективу развития мысли при ее формировании и определяет базовый смысл паремии, лежащий в основе вывода ее предельных смыслов. Частные дифференциальные семантические признаки паремий с оценочным компонентом, детерминирующие разные интерпретации базового смысла паремий, таковы: характер выражаемой оценки; прямое или функционально контрастное употребление оценочного компонента; абсолютность / относительность выражаемой оценки; соответствие / несоответствие детерминирующих оценку условий принятым в социуме ценностно-нормативным системам; онтологические характеристики объекта оценки; имплицитность / эксплицитность представления ценностного антипода; характер отношения между объектами, представляющими разные полюса аксиологической оценки, и др. Релевантность выделяемых дифференциальных семантических признаков паремий при установлении закономерностей детерминаций интенциональных значений ограничивается последним порогом типичного и переходом к единичному.

К числу ситуативных факторов, определяющих вариативность смысла паремии в непосредственных актах общения, относятся следующие: причастность / отстраненность адресата паремии к / от референтной ситуации, фиксируемой в содержании паремиологической единицы в качестве типовой; тождественность / противоположность модели поведения / способа действия, характеризующих адресата паремии, модели поведения / способу действия, обозначенным в паремиологической единице; совпадение / несовпадение ценностных позиций адресанта и адресата паремии; согласованность / рассогласованность ценностных ориентаций адресанта паремии с ценностными ориентациями, отраженными в содержании паремиологической единицы; автореферентность / интерактивность, проспективность / ретроспективность употребления паремии [1–А; 8–А; 9–А; 10–А; 12–А; 13–А; 15–А; 16–А; 17–А; 18–А; 20–А; 21–А; 22–А; 23–А; 24–А; 28–А; 30–А; 33–А; 34–А; 35–А; 41–А; 42–А; 44–А; 50–А; 52–А; 55–А; 57–А; 58–А; 60–А].

Рекомендации по практическому использованию результатов

1. Результаты проведенного исследования послужат дальнейшему укреплению наметившейся в паремиологии тенденции комплексного изучения паремиологических единиц, применения междисциплинарного подхода к изучению языковых феноменов. Основные положения диссертационной работы и ее материалы могут быть использованы для проведения лингвокультурологических, психолингвистических и кросс-культурных исследований.

2. По аналогии с проведенным исследованием и с применением соответствующих методов анализа могут быть изучены в сопоставительном плане паремиологические фонды иных языков.

3. Фактическая база исследования может послужить основой для составления четырехязычного паремиологического словаря с тематическим принципом организации.

4. Содержание работы может быть использовано в высших учебных заведениях при разработке лекционных и семинарских занятий для будущих специалистов в области филологии, социальной философии и социальной психологии.

5. Изучение механизмов объективации ценностных ориентаций в паремиях обладает и социальной значимостью: популяризация знаний о том, каким образом паремии оказывают влияние на ценностное сознание, какие ценности оказываются непреходящими и гарантируют сохранение миропорядка, способствует формированию более бережного отношения членов социума к паремиологическому наследию, воспитанию языковой личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Список использованных источников**

1. Абакумова, О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / О. Б. Абакумова ; Орл. гос. ун-т. – Орел, 2013, – 376 с.
2. Абушенко, В. Л. Оценка / В. Л. Абушенко // Новейший философский словарь ; сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. – С. 502.
3. Абушенко, В. Л. Ценностные ориентации / В. Л. Абушенко // Всемирная энциклопедия. Философия ; главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ, Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 1199–1200.
4. Абушенко, В. Л. Ценность / В. Л. Абушенко // Всемирная энциклопедия. Философия ; главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ, Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 1200.
5. Аверина, С. Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. Н. Аверина ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 159 с.
6. Адамия, Н. Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок и Библейских изречений / Н. Л. Адамия. – М. : Наука : Флинта, 2005. – 344 с.
7. Адонина, Л. В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Адонина ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2007. – 246 с.
8. Аксенова, Е. Д. Лингвокультурологический анализ концептосферы «здоровье человека» в русской паремиологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Д. Аксенова ; Российский ун-т дружбы народов. – М., 2008. – 17 с.
9. Алексеева, В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 5. – С. 63–70.
10. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
11. Альварес Солер, А. А. Концепт «женщина» в оценочной системе испанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / А. А. Альварес Солер ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2013. – 24 с.
12. Аммер, А. В. Вербализация фрагмента концептосферы «морально-этические ценности» в афоризмах и пословицах : на материале английского и

русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Аммер ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 186 с.

13. Андрюхина, М. С. «Аксиологическая оценка» как один из базовых концептов лингвокультурологии и теории культуры / М. С. Андрюхина // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3 (22). – С. 54–57.

14. Аникин, В. П. Теория фольклора : курс лекций / В. П. Аникин. – М., 1996. – 408 с.

15. Апресян, Р. Г. Мораль / Р. Г. Апресян // Этика: Энциклопедический словарь ; под общ. ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – С. 275–282.

16. Арапова, О. А. Концепт «Дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Арапова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2004. – 242 с.

17. Артемова, А. В. Эмотивно-оценочная объективация концепта «Женщина» в семантике фразеологических единиц : на материале английской и русской фразеологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. В. Артемова ; Пятигорск. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2000. – 177 с.

18. Артемьева, О. В. Благоразумие [Электронный ресурс] / О. В. Артемьева // Интернет-версия издания : Новая философская энциклопедия : в 4 т. ; Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; пред. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – Режим доступа : <http://iph.ras.ru/enc.htm>. – Дата доступа : 21.12.2014.

19. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М., 1976. – 383 с.

20. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

21. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

22. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Е. В. Бабаева ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 40 с.

23. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. П. Бабушкин ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1997. – 330 с.

24. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология мира / Л. В. Баева. – Астрахань : Издательство Астраханского гос. ун-та, 2004. – 279 с.

25. Бакирова, Г. А. Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках: на примере благожеланий : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Г. А. Бакирова. – Казань, 2011. – 247 с.

26. Бакирова, М. Р. Языковая концептуализация положительной оценки паремиологического фонда английского и татарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. Р. Бакирова ; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2010. – 27 с.
27. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с. – (Studia philologica).
28. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С.11–21.
29. Басова, Л. В. Концепт ТРУД в русском языке : на материале пословиц и поговорок : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Басова; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 19 с.
30. Белецкая, А. Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе [Электронный ресурс] : дис...канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Ю. Белецкая. – Самара, 2002. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com>. – Дата доступа : 11.09.2012.
31. Берсеньева, К. Г. Состав и структура сборника // Русские пословицы и поговорки ; сост. К. Г. Берсеньева. – М. : Центр-полиграф, 2004. – С. 16.
32. Библия в пословицах и поговорках. – М. : Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевской лавры «Троицкое слово», 2000. – 264 с.
33. Биктагирова, З. А. Концепт «Семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / З. А. Биктагирова ; Татар. гос. гум.-пед. ун-т. – Казань, 2007. – 228 с.
34. Блюмкин, В. А. Мир моральных ценностей / В. А. Блюмкин. – М. : Знание, 1981. – 64 с.
35. Богатова, С. М. Концепт «дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф : дис...канд. филол. наук : 10.02.04 / С. М. Богатова ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2006. – 176 с.
36. Богданов, В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
37. Болдырев, Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н. Н. Болдырев // С любовью к языку : Сб. науч. трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. – Москва – Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 102–114.
38. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания [Электронный ресурс] / Н. Н. Болдырев. Режим доступа : www.boldyrev.ralk.info/dir/material/176lang-cat.pdf. – Дата доступа : 11.09.2012.
39. Болдырев, Н. Н. Языковая оценка в контексте познавательных процессов [Электронный ресурс] / Н. Н. Болдырев. Режим доступа : boldyrev.ralk.info/dir/material/208.pdf. – Дата доступа : 11.09.2012.

40. Болдырев, Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке [Электронный ресурс] / Н. Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – Режим доступа : <http://www.boldyrev.ralk.info/dir/material/167.pdf>. – Дата доступа : 18.11.2014.

41. Большаков, В. П. Культура как форма человечности [Электронный ресурс] / В. П. Большаков, Великий Новгород, 2000. – Режим доступа : <http://textb.net/36/index.html>. – Дата доступа : 18.03.2013.

42. Борзенко, И.М. Основы современного гуманизма: учеб. пособие для вузов / И. М. Борзенко, В. А. Кувакин, А. А. Кудишина. – М. : Российское гуманистическое общество, 2002. – 389 с.

43. Бочина, Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т. Г. Бочина ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – 50 с.

44. Бредис, М. А. Лингвокультурологическая парадигма денежных отношений в поговорках (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) / М. А. Бредис // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира ; под ред. О. В. Ломакиной. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – С. 191–213.

45. Бредис, М. А. Отражение ценностных установок в поговорках на примере русских, латышских, литовских, немецких и английских пословиц о деньгах / М. А. Бредис // Славянская фразеология и паремиография : коллективная монография. – Greifswald, 2014. – С. 103–107.

46. Бубнова, С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система / С. С. Бубнова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 5. – С. 38–44.

47. Булышко, Д. М. Социальная установка / Д. М. Булышко // Новейший философский словарь ; сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. – С. 654.

48. Бутто, О. Л. Репрезентация концептов «семья», «брак», «жена» в итальянской лингвокультуре : на материале языка итальянской литературы второй половины XX – начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Л. Бутто ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2010. – 189 с.

49. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих ; пер. Н. Португалова // Язык и моделирование социального взаимодействия ; под ред. В. В. Петрова. – М. 1987. – С. 44–88.

50. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб : Издательский дом «Нева», 2005. – 576 с.

51. Вальтер, Х. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: различие в едином / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : XV Международный съезд славистов (20–27 августа 2013 г., Минск, Беларусь) : Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie / H. Walter, V. M. Mokienko (Hrsg). – Greifswald : Ernst-Moritz-Universität Greifswald. Institut für Slavistik, 2013. – С. 1–18.
52. Вальтер, Х. Не бывает страшных женщин, бывают трусливые мужчины (Женщина в русских антипословицах) / Х. Вальтер // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции (Кострома, 18–20 марта 2004 г.). – Москва, ИТИ Технологии, 2004. – Доклады пленарного заседания. – С. 92–99.
53. Вальтер, Х. Почему немцам «всё колбаса», а не «до колбасы»? / Х. Вальтер // Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii. Editori Dána Baláková, Peter Ďurčo. Katolícka univerzita v Ružomberku. – Ružomberok, 2007. – S. 303–318.
54. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. – М., 1982. – С. 376–410.
55. Васильева, И. В. Психодиагностика : учеб. пособие / И. В. Васильева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта, 2013. – 252 с.
56. Васюк, В. В. Концепт «женщина» в статике и динамике фразеологии английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Васюк ; Моск. гос. ун-т. – М., 2002. – 145 с.
57. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I–XII. – 780 с.
58. Верещагин, Е. М. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Икар, 2000. – 124 с.
59. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов. – Л. : Прибой, 1929. – 188 с.
60. Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» / Е. М. Вольф // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98–131.
61. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф / вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чернышевой. – изд. 3-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
62. Вольф, Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке / Е. М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М. : Наука, 1989. – С. 55–75.

63. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» [Электронный ресурс] / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2003. – Вып. 24. – Режим доступа : <http://lincon.narod.ru/umbrella.htm>. – Дата доступа : 14.02.2013.
64. Воркачев, С. Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода / С. Г. Воркачев // *Vita in lingua* : К юбилею профессора С. Г. Воркачева : сб. статей ; отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 40–61.
65. Воркачев, С. Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре : монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 299 с.
66. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
67. Воркачев, С. Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2011. – 203 с.
68. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский // Вопросы теории и истории психологии ; под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1982. – Т.1 – 488 с.
69. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова. – М. : Педагогика-Пресс, 1996. – 536 с.
70. Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры в системе культурфилософского знания / Г. П. Выжлецов // Вестник Новгородского государственного университета. – 2000. – № 16. – С. 32–36.
71. Глозман, Б. Г. Лингвокультурный аспект изучения фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «дом» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Б. Г. Глозман ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2010. – 19 с.
72. Голембовская, Н. Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. Г. Голембовская ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2014. – 24 с.
73. Голованова, А. В. Ценности и оценки в языковом отражении : на материале русского и польского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Голованова ; Перм. гос.ун-т. – Пермь, 2002. – 236 с.
74. Гомонова, И. Г. Интертекстуальные свойства паремий / И. Г. Гомонова // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. статей ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – Вып. 2. – С. 193–195.
75. Гоннова, Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. В. Гоннова ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2003. – 229 с.

76. Гончарова, А. Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества [Электронный ресурс] / А. Н. Гончарова: Моногр. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2001. – 160 с. – Режим доступа : <http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum4247/item4250.html>. – Дата доступа: 19.08.2014.
77. Горбань, И. В. Роль паремий в речевых актах : на материале языка русской художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Горбань ; Кубан. гос. ун-т. – Саратов, 2010. – 26 с.
78. Граф, А. Е. Введение / А. Е. Граф. // А. Е. Граф. Словарь немецких и русских пословиц : Более 6 000 единиц. – СПб. : Лань, 1997. – С. 9–24.
79. Григас, К. Й. Литовские пословицы: Сравнительное исследование / К. Й. Григас. – Вильнюс : Вага, 1987. – 333 с.
80. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; пер. с нем., под ред. Г. В. Рамишвили – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
81. Гусейнов, А. А. От талиона к золотому правилу. Специфика нравственного требования / А. А. Гусейнов // А. А. Гусейнов. Социальная природа нравственности. – М. : МГУ, 1974. – С. 63–86.
82. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Владимир Даль. – М. : Русский язык, 1981–1982. – Т. 4. Р–V. – 1982. – 683 с.
83. Даль, В. И. Напутное // Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – С. 5–16.
84. Дандис, А. О структуре пословицы / А. Дандис // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст); под ред. Г. Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1984. – С. 13–34.
85. Даниленко, Л. П. Интертекстуальные реляции паремий / Л. П. Даниленко // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 47–51.
86. Даукша, Л.М. Педагогическая психология : учебно-методический комплекс по одноименному курсу для студ. /Л.М. Даукша, Л.В. Чекель ; Учреждение образования «Гродненский гос. ун-т им. Я.Купалы». – Гродно : ГрГУ, 2008. – 471 с.
87. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.23. – М., 1988. – С.153–211.
88. Демин, М. В. Проблемы теории личности / М. В. Демин. – М. ; МГУ, 1977. – 240 с.
89. Демьянков, В. З. Формализация и интерпретация в семантике и синтаксисе : по материалам американской и английской лингвистики / В. З. Демьянков // ИАНСЛЯ, 1979. – Т. 38. – № 3. – С. 261–269.

90. Демьянков, В. З. – Интерпретация как инструмент лингвистики / В. З. Демьянков. – Режим доступа : http://www.infolex.ru/Interpret.html#_edn1. – Дата доступа : 01.03.2015.
91. Демьянков, В. З. О формализации прагматических свойств языка / В. З. Демьянков // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1984. – С.197–222.
92. Доржиева, Э. Д. Этическая оценка в пословицах современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Э. Д. Доржиева ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2003. – 191 с.
93. Досимова, М. С. Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина»: на материале русского и казахского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. С. Досимова ; Астрахан. гос. ун-т. – Астрахань, 2008. – 206 с.
94. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе ; отв. ред. И. Т. Левыкин ; АН СССР. Ит-т социол. исслед. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
95. Дубровская, О. Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. Г. Дубровская ; Тюмен. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2000. – Режим доступа : cheloveknauka.com/lingvokulturologicheskiy-aspekt-sopostavitelnogo-issledovaniya-russkih-i-angliyskih-poslovits-ob-ume-i-gluposti. – Дата доступа : 28.06.2012.
96. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. / М. Я. Дымарский. – СПб, 1999. – 281 с.
97. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с франц. сост., послесловие и примеч. А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с.
98. Евсюкова, Т. В. Лингвокультурология : учебник/ Т. В. Евсюкова, Е. Ю. Бутенко. – М.: Флинта, 2015. – 480 с.
99. Евсюкова, Т. В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры : дис... докт. филол. наук : 10.02.19 / Т. В. Евсюкова ; Кабардино-Балкар. гос. ун-т. – Нальчик, 2002. – 304 с.
100. Ефимов, В. И. Общечеловеческие ценности [Электронный ресурс] / В. И. Ефимов, В. М. Таланов. – М. : Издательство «Академия Естествознания». – 2010. – Режим доступа : <http://www.rae.ru/monographs/97>. – Дата доступа : 17.05.2012.
101. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2001. – Т.2. П-Я. – 1084 с.

102. Ефремова, Н. И. Закономерности грамматической и лексической организации народной афористики (на материале рус. и нем. паремиологии) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. И. Ефремова ; Гом. гос. ун-т. – Минск, БГУ, 2003. – 20 с.

103. Железнова, Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. В. Железнова ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2009. – 205 с.

104. Жигарина, Е. Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Е. Е. Жигарина ; Российск. гос. гуман. ун-т. – М., 2006. – 25 с.

105. Жуков, К. А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира : на материале русской и английской паремиологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. / К. А. Жуков ; Новгород. гос. ун-т. – Великий Новгород, 2004. – 156 с.

106. Журавлева, Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе / Н. А. Журавлева. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 335 с.

107. Залевская, А. А. Некоторые проблемы теории понимания текста / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 62–73.

108. Залялеева, А. Р. Лингвокультурологический анализ паремий об уме и глупости / А. Р. Залялеева // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.) : труды и материалы : в 2 т. ; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т 1. – С. 144–146.

109. Заморева, А. В. Репрезентация концепта «общая оценка» в современном русском языке (системно-структурный, когнитивный и функционально-прагматический аспекты анализа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Заморева ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2007. – 26 с.

110. Зацепина, Е. В. Вербализация концепта «друг» в немецких и русских паремиях : на материале переводов немецких пьес эпохи романтизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. В. Зацепина ; Тамбов. гос. техн. ун-т. – Тамбов, 2010. – 20 с.

111. Зборовский, Г. Е. Общая социология : учебник / Г. Е. Зборовский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Гардарики, 2004. – 592 с.

112. Здравомыслов, А. Г. Потребности, интересы, ценности / А. Г. Здравомыслов. – М. : Политиздат, 1986. – 222 с.

113. Зевахина, Т. С. Метафора мертвая и живая [Электронный ресурс] / Т. С. Зевахина // Труды международного семинара «Диалог 2002». – Режим доступа : <http://www.dialog21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=73> 16. – Дата доступа : 4.10.2013.

114. Зинковская, Л. С. Репрезентация концепта ХЛЕБ в народно-разговорной речи XIX–XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. С. Зинковская ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2006. – 259 с.
115. Зинченко, В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии / В. П. Зинченко. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
116. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М. : Институт русского языка РАН, 2004. – 544 с.
117. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
118. Иванов, Е. Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд / Е. Е. Иванов // Паремиология в дискурсе : Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – С. 48–72.
119. Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах : учебное пособие / Е. В. Иванова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 280 с.
120. Ивин, А. А. Основы теории аргументации : учебник / А. А. Ивин. – М. : Гуманит. изд. центр Владос, 1997. – 352 с.
121. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.
122. Ионова, С. В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты исследования / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 163–168.
123. Казаченок, Т. Г. Крылатые латинские изречения / Т. Г. Казаченок. – Минск : Выш. школа, 1993. – 336 с.
124. Калужский, М. Л. Генезис социальных потребностей [Электронный ресурс] / М. Л. Калужский // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2005. – № 1. – С. 55–63. – Режим доступа : <http://www.aup.ru/articles/teorsys/1.htm>. – Дата доступа : 03.12. 2015.
125. Каменская, В. М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий испанского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / В. М. Каменская ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – 184 с.
126. Караджев, Б. И. Коммуникативно-прагматический потенциал русских пословиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Б. И. Караджев ; Гос. ин-т русск. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2009. – 24 с.
127. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

128. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.

129. Каримова, Р. Х. Концепт «труд / лень» в паремиологии неродственных языков : На примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Р. Х. Каримова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2004. – 199 с.

130. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск : Беларускі кнігазбор. – 2001 г. – Т. 3. – 640 с.

131. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес ; пер. с испан. Н. Д. Аругюновой ; ред. Г. В. Степанова. – М., 1958. – 354 с.

132. Кашароков, Б. Т. Пословицы русского, немецкого и кабардино-черкесского языков как источник изучения культурно-языкового сознания: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Б. Т. Кашароков ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 46 с.

133. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. в виде научного доклада...доктора филол. наук : 10.02.19 / А. А. Кибрик ; Институт языкознания РАН. – М., 2003.– 90 с.

134. Кибрик, А.А. Функционализм в лингвистике [Электронный ресурс] / А. А Кибрик // Кругосвет : Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FUNKTSIONALIZM_V_LINGVISTIKE.html. – Дата доступа : 28.07.2014.

135. Кириллова, Н. Н. Основы идиоэтнической фразеологии романских языков : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.05 / Н. Н. Кириллова Российский гос. пед. ун-т. им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1991. – 388 с.

136. Кириллова, И. В. Выражение когнитивной оппозиции концептов «ум» и «глупость» в русских и чешских поговорках / И. В. Кириллова // Вестник МГОУ, 2010. – № 4.– С. 64–67.

137. Кириллова, И. В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции «ум-глупость» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Кириллова ; Новгород. гос. пед. ун-т. – Нижний Новгород, 2012. – 21 с.

138. Кладько, С. С. К концепции конвергентных нормативно-ценностных пространств в европейской культуре [Электронный ресурс] : дисс. ... канд. филол. наук : 09.00.11 / С. С. Кладько. – Москва, 2000. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/k-kontseptsii-konvergentnykh-normativno-tsennostnykh-prostranstv-v-evropeiskoi-kulture>. – Дата доступа : 09.12.2013.

139. Клементьева, Е. В. Концепт «Богатство»: когнитивно-прагматический аспект : на материале русского и английского языков : дис. ...

канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Клементьева ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2008. – 201 с.

140. Клоков, В. Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода / В. Т. Клоков // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – С. 60–67.

141. Коваль, В. И. О языковом и литературно-художественном содержании концепта «баба» / В. И. Коваль // «Демографические проблемы Беларуси и духовно-нравственное здоровье нации» : международная науч. конф. 22 марта 2005 г.: [материалы] ; редкол.: Д. Г. Лин (гл.ред.), А. Г. Злотников (отв. за вып.) [и др.]. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2005. – С. 200–205.

142. Ковальчук, Л. П. Лингвокультурные особенности концепта 'женщина' – 'frau' в русских и немецких фразеологизмах / Л. П. Ковальчук // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 39 (177). Филология. Искусствоведение. Вып. 38. – С. 93–96.

143. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2013. – 456 с.

144. Козлов, Н. И. Когнитивные и аффективные процессы [Электронный ресурс] / Н. И. Козлов. – Режим доступа : http://www.psychologos.ru/articles/view/kognitivnye_i_affektivnye_processy. – Дата доступа : 04.12. 2015.

145. Кокаре, Э. Я. Интернациональное и национальное в латышских поговорах и поговорках / Э. Я. Кокаре. – Рига : Зинатне, 1978. – 294 с.

146. Колижук, Л. В. Концепты «good» и «evil» в британской лингвокультуре [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. В. Колижук. – Владикавказ, 2010. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/kontsepty-good-i-evil-v-britanskoi-lingvokulture>. – Дата доступа : 26.04.2012.

147. Колижук, Л. В. Ценностные характеристики концептов «good» и «evil» в британской лингвокультуре [Электронный ресурс] / Л. В. Колижук // Бюллетень ВИУ. – 2008. – № 26. – Режим доступа: <http://pandia.org/text/78/226/11949.php>. – Дата доступа: 25.04.2012.

148. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский ; отв. ред. А. М. Шахнарович. – М. : Наука. 1990. – 103 с.

149. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1967. – 383 с.

150. Кондратьев, М. Ю. Гештальтпсихология [Электронный ресурс] // Азбука социального психолога-практика / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. – М. : ПЕР СЭ, 2007. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/geshtaltpsihologija>. – Дата доступа : 23.05.2014.

151. Кондратьев, М. Ю. Диспозиция [Электронный ресурс] // Азбука социального психолога-практика / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. – М. : ПЕР СЭ, 2007. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/dispozicija>. – Дата доступа : 13.05.2013.

152. Кондратьев, М. Ю. Ценностные ориентации [Электронный ресурс] // Азбука социального психолога-практика / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. – М. : ПЕР СЭ, 2007. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/cenostnye-orientacii>. – Дата доступа : 13.05.2013.

153. Конобеева, М. Ю. Семантическая репрезентация ценностного компонента концепта «учение» в английской и русской фразеосистемах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. Ю. Конобеева ; Моск. город. пед. ун-т. – М., 2013. – 25 с.

154. Коногорова, А. В. Национальный социокультурный аспект концепта «женщина» в разносистемных языках : на материале фразеологических единиц русского, английского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Коногорова ; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2012. – 26 с.

155. Константинова, А. А. Коммуникативно-прагматический потенциал пословиц и поговорок в современной англо-американской прессе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Константинова ; Тул. гос. пед. ун-т. – Тула, 2007. – 206 с.

156. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями ; под ред. П. А. Дмитриева / М. Ю. Котова. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 356 с.

157. Котова, М. Ю. Славянская паремиология : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01, 10.02.03 / М. Ю. Котова ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 231 с.

158. Красиков, В. И. Концепты в функции философских основоположений / В. И. Красиков // Язык. Этнос. Картина мира. – Кемерово, 2003. – С. 7–16.

159. Крикманн, А. А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц / А. А. Крикманн // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г. Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1978. – С. 82–104.

160. Крикманн, А. А. О соотношениях синтаксической, логической, риторической и модальной структуры пословиц [Электронный ресурс] / А. А. Крикманн // X Весенняя школа РГГУ: Анализ фольклорного текста: прагматика, семантика, морфология. – Москва-Переславль, 2010. – Режим доступа : www.academia.edu/4611874/. – Дата доступа : 7.05.2011.

161. Крикманн, А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы / А. А. Крикманн // Паремиологические исследования : сб.

ст. ; под ред. Г. Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1984. – С. 149–178.

162. Кругляков, А. М. Актуализация ценностного аспекта концептов «ум–глупость» в русской и польской пословичной картине мира [Электронный ресурс] / А. В. Кругляков. – Режим доступа : centrumpl.in.ua/forum/5-17-1. – Дата доступа : 19.04.2014.

163. Крысько, В. Г. Социальная психология : словарь-справочник / В. Г. Крысько. – Минск : Харвест, М. : АСТ. – 2001. – 683 с.

164. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций [Электронный ресурс] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М. : Институт языкознания; Тамбов : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007. – № 4. – Режим доступа : <http://www.infolex.ru>. – Дата доступа : 6.03.2013.

165. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

166. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 159 с.

167. Кубрякова, Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона / Е. С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991. – С.82–140.

168. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81.

169. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : ИЯ РАН, 1995. – С. 144–238.

170. Кузнецова, А. А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии / А. А. Кузнецова // Вестник Челябин. гос. ун-та. – 2010. – № 13 (194). Филология. Искусствоведение. – Вып. 43. – С. 80–82.

171. Кумахова, Д. Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира : на материале кабардино-черкесского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. Б. Кумахова ; Кабардино-Балкар. гос. ун-т. – Нальчик, 2010. – 164 с.

172. Курганская, М. Я. Патриотические ценностные ориентации российской студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. : 22.00.06 / М. Я. Курганская ; Моск. гуман. ун-т. – М., 2012. – 21 с.

173. Кууси, М К вопросу о международной системе пословичных типов : опыт классификации количественных пословиц / М. Кууси ; пер. с англ. Т. Погибенко // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура.

Смысл. Текст) ; под ред. Г. Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1984. – С. 53– 81.

174. Куцый, С. Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность» : на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Куцый С. Б. ; Ставропольск. гос. ун-т. – Ставрополь, 2003. – 25 с.

175. Лагаева, Д. Д. Лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Д. Д. Лагаева ; Калмыц. гос. ун-т. – Элиста, 2009. – 200 с.

176. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. ; под. ред. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

177. Ле Минь Нгок. Особенности языковой репрезентации русского концепта «счастье»: с позиции носителя вьетнамской культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ле Минь Нгок ; Гос. ун-т русск. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2011. – 24 с.

178. Левин, Ю. И. Провербиальное пространство / Ю. И. Левин // Паремнологические исследования : сб. статей ; под ред. Г. Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. – С. 108–126.

179. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

180. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.

181. Леонтьев, Д. А. Мотив [Электронный ресурс] / Д. А. Леонтьев // Материалы к курсу Д. А. Леонтьева «Мотивация и эмоции». – Режим доступа : <http://motiv.smysl.ru/>. – Дата доступа : 04.09. 2014.

182. Леонтьев, Д. А. Общее представление о мотивации человека [Электронный ресурс] / Д. А. Леонтьев. – Режим доступа : motiv.smysl.ru/general.doc. – Дата доступа : 04.09.2014.

183. Леонтьев, Д. А. Методика предельных смыслов (МПС) / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1992. – 36 с.

184. Леонтьев, Д. А. Ценностные ориентации [Электронный ресурс] / Д. А. Леонтьев // Социальная психология : словарь ; под. ред. М. Ю. Кондратьева. – М. : Per Se; СПб. : Речь, 2005. – (Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах ; ред.-сост. Л. А. Карпенко, под общ. ред. А. В. Петровского). – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/852/word/cenostnye-orientaci>. – Дата доступа : 14.01.2013.

185. Леонтьев, Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени [Электрон-

ный ресурс] / Д. А. Леонтьев // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – Режим доступа : <http://www.follow.ru/article/344/>. – Дата доступа : 19.04.2013.

186. Лепешаў, І. Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапам. / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 279 с.

187. Лепешаў, І. Я. Пра этымалагічныя звесткі ў парэміяграфічных слоўніках / І. Я. Лепешаў // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С.12–17.

188. Лисовская, Н. Б. Становление ценностных ориентаций в разных условиях развития (на примере подростков) : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Н. Б. Лисовская ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1999. – 181 с.

189. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : Антология ; под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287.

190. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 446 с.

191. Лосев, А. В. Принцип единства морали и религии (этико-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / А. В. Лосев ; Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого. – Воронеж, 2006. – 22 с.

192. Лосский, Н. О. Бог и мировое зло / Н. О. Лосский. – М. : Республика, 1994. – 432 с.

193. Лотман, Ю. М. О семиосфере / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 11–25.

194. Лунцова, О. М. Градиент-концепт дружба-мир-вражда в русской и английской лингвокультурах : на материале лексики и фразеологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. М. Лунцова. – Волгоград, 2008. – 260 с.

195. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Электронный ресурс] / А. Р. Лурия ; под ред. Е. Д. Хомской – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – Режим доступа : http://royallib.com/book/luriya_aleksandr/yazik_i_soznanie.html – Дата доступа : 08.11.2014.

196. Лызлов, А. И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях : на материале компаративных и негативных конструкций английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. И. Лызлов ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2009. – 22 с.

197. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 384 с.

198. Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира (на фоне китайской) : дис.... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лю Бо ; Дальневосточн. гос. ун-т. – Владивосток, 2010. – 282 с.

199. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты : Научные труды Центроконцепта. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.

200. Макеева, Н. С. Концепт «богатство» в русском языковом сознании (на фоне испанского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. С. Макеева ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 22 с.

201. Маклаков, А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков : учеб. для вузов. – СПб. : Питер пресс, 2008. – 583 с

202. Малкова, А. С. Разработка представления семантики ценностно-ориентированных текстов в базе знаний : на материале русских пословиц : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.13.17 / А. С. Малкова ; Российск. гос. гуман. ун-т. – М., 2011. – 25 с.

203. Мамышева, З. З. Педагогические условия формирования ценностных ориентаций младших школьников в поликультурной образовательной среде : дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / З. З. Мамышева ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2011. – 262 с.

204. Мамышева, З. З. Воспитательный потенциал пословиц и поговорок в формировании ценностных ориентаций у младших школьников в поликультурной образовательной среде / З. З. Мамышева, З. У. Блягоз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3. Педагогика и психология. – 2013. – № 2 (117). – С. 34–38.

205. Масгутова, М. Ф. Специфика реализации концептуального представления «дружба» в сознании языковой личности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Ф. Масгутова ; Челябинск. гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 180 с.

206. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

207. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

208. Матвеева, Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г. Г. Матвеева. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1984. – 132 с.

209. Матвеева, М. В. Концепт семья и его репрезентация в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. В. Матвеева; Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2007. – 249 с.

210. Мелерович, А. М. Семантизация межъязыковых фразеологических коррелятов и языковая картина мира / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Международная научно-практическая конференция 17–18 марта 2006 г. – М. : ООО “Изд-во ЭЛПИС”, 2006. – С. 21–29.

211. Мечковская, Н. Б. Два взгляда на правду и ложь, или о различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2008. – С. 456–470.

212. Мечковская, Н. Б. Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делимитация границ и стереотипов) // Н. Б. Мечковская // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich*. – Wrocław, 2005. – 5. Opis, konfrontacja, przekład. – S. 227–238.

213. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 584 с.

214. Мещеряков, Б. Направленность личности / Б. Г. Мещеряков // Большой психологический словарь. – 4-е изд., расшир. ; сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. ; М. : АСТ Москва ; СПб. : Прайм – ЕВРОЗНАК, 2009. – С. 388–389.

215. Мещеряков, Б. Ценностные ориентации / Б. Г. Мещеряков // Большой психологический словарь. – 4-е изд., расшир. ; сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. ; М. : АСТ Москва ; СПб. : Прайм – ЕВРОЗНАК, 2009. – С. 729.

216. Мирзаева, Т. А. Оценка человека в пословицах и поговорках русского, английского, испанского и табасаранского народов: морально-нравственная сфера : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. А. Мирзаева ; Ставропольск. гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 20 с.

217. Мирошниченко, Л. Н. Когнитивно-культурологическое представление концепта «труд» в паремиологическом фонде русского и новогреческого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Мирошниченко ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 24 с.

218. Михайленко, О. М. Лингвоэтическая картина мира: концепты «Счастье» и «Блаженство» как семантические дуплеты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. М. Михайленко ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006 – 167 с.

219. Мишин, А. А. Концепты ум и глупость в немецкой и английской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Мишин ; Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2007. – 23 с.

220. Міхневіч, А. Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы / А. Я. Міхневіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 264 с.

221. Можейко, М. А. Синергетика. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] / М. А. Можейко // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/concepts/6876>. – Дата доступа : 04.12. 2015.

222. Мокиенко, В. М. Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология в

XXI веке : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. – Минск : Змицер Колас, 2010. – С.167–189.

223. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.

224. Мокиенко, В. М. // Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 800 с.

225. Мокиенко, В. М. Предисловие / Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – С. 4–9.

226. Мораль и моральные нормы [Электронный ресурс] // Обществознание. – Режим доступа : <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/moral.html>. – Дата доступа : 29.03.2014.

227. Моральные кодексы [Электронный ресурс] // Мораль. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мораль>. – Дата доступа : 11.02.2013.

228. Москвичева, Н. Л. Семья в системе ценностных ориентаций личности студента : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.11 / Н. Л. Москвичева ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2000. – 165 с.

229. Мукатдесова, Ч. Р. Концепт «труд» в татарском и немецком языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Ч. Р. Мукатдесова ; Казанский (Приволжский) гос. ун-т. – Казань, 2012. – 229 с.

230. Мухутдинова, Ф. Б. Концепт «Женщина» во французском языковом сознании : на материале афористики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ф. Б. Мухутдинова ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2006. – 24 с.

231. Найссер, У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер ; пер. с англ. В. В. Лучкова ; вступит. ст. и общ. ред. Б.М. Величковского. – М., 1976. – 230 с.

232. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 05.03.2012.

233. Неретина, С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра / С. С. Неретина. – М. : Гнозис, 1994. – 216 с.

234. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики / М. В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

235. Никитина, Л. Б. Образ дурака в русской культурной традиции : лингвокультурологический аспект / Л. Б. Никитина // Филологический ежегодник. – Омск, 2005. – Вып. 5/6. – С. 104–107.

236. Николаева, Ю. В. Логико-семиотические особенности испанских и итальянских пословиц : Сравнительно-сопоставительное исследование: дис. ...

канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. В. Николаева ; Российск. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2000. – 219 с.

237. Николаева, Т. М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии / Т. М. Николаева // Малые формы фольклора : сб. статей памяти Г. Л. Пермякова. – М. : Восточная литература, 1995. – С. 311–324.

238. Ничипорчик, Е. В. Конструкция отождествления: омонимия и частные значения (на материале предложений-паремий) : дисс. ...канд. филол. наук. 10.02.02 / Е. В. Ничипорчик ; Гомельск. гос. ун-т. – Гомель, 1998. – 124 с.

239. Норман, Б. Ю. Когнитивные аспекты паремиологии и национальная картина мира в славянских языках / Б. Ю. Норман // Славянский вестник. – Вып. 2. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 246–256.

240. Норман, Б. Ю. Паремии с градуальным значением в русском языке / Б. Ю. Норман // Kognition, Sprache und phraseologische / parömiologische Graduirung; Red : Helmut Yachow, Tina Drechsler, Zilka Idrizovič. – Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2005. – S. 297–356.

241. Орлов, А. Б. Интерес / А. Б. Орлов // Большой психологический словарь. – 4-е изд., расшир. ; сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. ; М. : АСТ Москва ; СПб. : Прайм – ЕВРОЗНАК, 2009. – С. 247–248.

242. Основы теории речевой деятельности ; отв. ред. А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1974. – 368 с.

243. Палей, Е. В. Проблема ценности : социально-онтологический аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. В. Палей ; Иванов. гос. хим.-технолог. ун-т. – Иваново, 2007. – 22 с.

244. Панкрац, Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней / Ю. Г.Панкрац – Минск; М.: МГПИИЯ, 1992. – 112 с.

245. Паутова, У. В. Концепты «мушкарац» ‘мужчина’ и «жена» ‘женщина’ в сербохорватском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / У. В. Паутова ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 246 с.

246. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. памяти В. Я. Проппа. – М., 1975. – С. 247–275.

247. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М.: Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1988. – 236 с.

248. Пермяков, Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1968. – 376 с.

249. Пермяков, Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений / Г. Л. Пермяков // Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г. Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1978. – С. 105–135.

250. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1970. – 240 с.
251. Петровский, А. В. Вопросы истории и теории психологии : Избранные труды / А. В. Петровский. – М. : Педагогика, 1984. – 272 с.
252. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М. : Педагогика-Пресс, 1996. – 216 с.
253. Пирс, Ч. С. Начала прагматизма / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб. : Изд-во СПбГУ: Алетейя, 2000. – 352 с.
254. Писанова, Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики : Эстетические и этические оценки / Т. В. Писанова. – М. : ИКАР, 1997. – 320 с.
255. Покровский, Н. Е. Трансценденталисты [Электронный ресурс] / Н. Е. Покровский // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; пред. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – Режим доступа : <http://iph.ras.ru/enc.htm>. – Дата доступа : 27.12.2013.
256. Полищук, Т. И. Концепт глупость в языковой картине мира : на материале русского и французского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. И. Полищук ; Калуж. гос. ун-т. – Калуга, 2012. – 17 с.
257. Пономарева, А. Ю. Концепт «Дом» в немецкой языковой картине мира (на базе словарных статей) / А. Ю. Пономарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 4. – Ч. 1. – С. 178–180.
258. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ ; Восток – Запад, 2007. – 314 с.
259. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1987. – С. 8–69.
260. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А. А. Потебня // Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 55–131.
261. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики / Г. Г. Почепцов. – Киев : Изд-во Киев. гос. ун-та «Вища школа», 1987. – 131 с.
262. Притчи Соломона [Электронный ресурс] // Православная электронная библиотека. – Режим доступа : lib.pravmir.ru/library/readbook/467. – Дата доступа : 15.03.2012.

263. Приходько, Г. В. Концептосферы ДРУЖБА и FREUNDSCHAFT в русской и немецкой картинах мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Г. В. Приходько ; Новосибирск. гос. ун-т. – Новосибирск, 2011. – 249 с.
264. Психолингвистические проблемы семантики ; отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. – М. : Наука, 1983. – 285 с.
265. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
266. Русакова, И. Б. Концепты «счастье – несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Б. Русакова ; Гос. ин-т русск. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2007. – 202 с.
267. Рыжковская, Т. Л. Основы психологии и педагогики [Электронный ресурс] / Т. Л. Рыжковская. – Минск.: Изд-во МИУ, 2010. – Режим доступа : <http://psyera.ru/sushchnost-i-soderzhanie-napravlenosti-lichnosti-270.htm>. – Дата доступа : 19.08.2014.
268. Рыжов, Б. Н. Системная психология (методология и методы психологического исследования) / Б. Н. Рыжов. – М. : Изд-во МГПУ, 1999. – 277 с.
269. Рычков, А. К. Философия : учебник для студентов вузов / А. К. Рычков, Б. Л. Яшин. – М. : Элит, 2005. – 480 с.
270. Савельева, О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты : на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Г. Савельева ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 270 с.
271. Савенкова, Л. Б. Почему на обиженных воду возят? / Л. Б. Савенкова // Фразеология, познание и культура : сб. докл. 2-ой Международной науч. конф., Белгород, 7–9 сентября 2010 года : в 2 т. ; отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 367–371.
272. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
273. Савенкова, Л. Б. Русские паремии как функционирующая система : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. Б. Савенкова ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 46 с.
274. Сайфуллина, Э. Р. Когнитивная сфера русских и татарских паремий: «образ языка» и нормы речевого поведения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Э. Р. Сайфуллина ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2009. – 229 с.
275. Салеева, Д. А. Этнические, возрастные и гендерные концепты в русских, английских и татарских паремиях : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Д. А. Салеева ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2004. – 226 с.

276. Свицова, А. А. Лингвокультурная доминанта «Дом – Родина – Чужбина» в русских и английских пословицах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Свицова ; Вятск. гос. гуман. ун-т. – Киров, 2005. – 20 с.
277. Севостьянова, Н. Г. Общечеловеческие ценности / Н. Г. Севостьянова // Новейший философский словарь ; сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. – С. 484.
278. Селиверстова, Е. И. Как «собрать» пословицу: некоторые средства и способы / Е. И. Селиверстова // Грани слова, сб. науч. статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М., 2005. – С. 135–142.
279. Селиверстова, Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. – СПб. : МИРС, 2009. – 270 с.
280. Селиверстова, Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Селиверстова ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 47 с.
281. Семененко, Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики : на материале русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. Н. Семененко ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2011. – 46 с.
282. Семенова, Е. Н. Аргументативные паремические конструкции в разноструктурных языках : на материале русского, немецкого и чувашского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Н. Семенова ; Чувашск. гос. ун-т. – Чебоксары, 2007. – 23 с.
283. Сергеева, Н. М. Концепты ум, разум в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. М. Сергеева ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – 23 с.
284. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия / В. Ф. Сержантов. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 360 с.
285. Сёрль, Дж. Р. – Что такое речевой акт? / Дж. Р. Сёрль ; пер. И. М. Кобозевой / Дж. Р. Сёрль // Философия языка ; ред.-сост. Дж. Р. Сёрль ; пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 56–74.
286. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль ; пер. с англ. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. – С. 170–194.
287. Серова, Л. А. Концепт «труд» в немецких и русских паремиях : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Серова ; Тамбов. гос. технич. ун-т. – Тамбов, 2009. – 196 с.
288. Сидоркова, Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г. Д. Сидоркова; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – 42 с.

289. Синячкин, В. П. Концепт «Хлеб» в русском языке, лингвокультурологические аспекты описания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. П. Синячкин ; Российск. ун-т дружбы народов. – М., 2002. – 171 с.
290. Сирот, И. М. Русские пословицы библейского происхождения / И. М. Сирот. – Брюссель, 1985. – 112 с.
291. Скорнякова, Р. М. Концепт «труд» в немецкой языковой картине мира: учебное пособие / Р. М. Скорнякова. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. – 188 с.
292. Скорнякова, Р. М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Р. М. Скорнякова ; Моск. город. пед. ун-т. – М., 2010. – 49 с.
293. Скорнякова, Р. М. Некоторые особенности концепта «труд» в немецкой паремиологии / Р. М. Скорнякова // Язык. Культура. Человек. Этнос ; отв. ред. М. В. Пименова. – Landau : Verlag Empirische Pedagogik, 2002. – Reihe : Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. Band 8. – С. 128–131.
294. Скорнякова, Р. М. Отношение к труду в немецком языковом сознании сквозь призму интернет-форума / Р. М. Скорнякова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Лингвистика. – М. : МГЛУ, 2007. – Вып. 541. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – С. 245–250.
295. Слепцова, Е. В. Концепт ДОМ в русской языковой картине мира и в тетралогии «Братья и сестры» Ф. А. Абрамова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Слепцова ; Дальневосточн. гос. ун-т. – Владивосток, 2009. – 259 с.
296. Словарь русских пословиц : ок. 1 000 единиц / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов [и др.] ; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель: АСТ, 2007. – 381 с.
297. Словарь философских терминов : науч. ред. В. Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 731 с.
298. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г. Г. Слышкин; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/1295143>. – Дата доступа : 16.01.2013.
299. Снегирев, И. М. Словарь русских пословиц и поговорок : Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.
300. Снитко, Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.20 / Т. Н. Снитко. – Пятигорск, 1999. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/>

content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoi-lingvokulturakh. – Дата доступа : 9.04.2012.

301. Снитко, Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах / Т. Н. Снитко. – Пятигорск : ПГЛУ, 1999. – 157 с.

302. Соловьев, В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / В. С. Соловьев. – М., 1990. – 574 с.

303. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; пер. с франц. яз. ; под ред. А. А. Холодовича ; ред. М. А. Оборина ; предисл. проф. Н. С. Чемоданова. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.

304. Степанов, С. С. Популярная психологическая энциклопедия / С. С. Степанов ; 2-е изд., испр. и доп. – М. : Эксмо, 2005. – 672 с.

305. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

306. Стешина, Е. Г. Концепты богатство и бедность в молодежном языковом сознании русских и англичан : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Г. Стешина. – Саратов, 2008. – 24 с.

307. Сурина, А. И. Ценностные ориентации / А. И. Сурина // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 4. – С. 162–164.

308. Суслович, С. В. Когнитивно-дискурсивные характеристики концепта ТРУД / РАБОТА как дискурсивно-коммуникативной единицы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Суслович ; Северный (Арктический) федеральный ун-т. – Архангельск, 2011. – 291 с.

309. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.

310. Телия, В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // Логика, методология, философия науки : X международная конференция. – Москва–Обнинск : ИФРАН, ИЛКРЛ, 1995. – С. 102–106.

311. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

312. Терентьева, О. Н. Ценностные ориентации личности : на материале устного народного творчества чувашей [Электронный ресурс] : автореф. дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / О. Н. Терентьева ; Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2007. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/tsennostnye-orientatsii-lichnosti>. – Дата доступа : 28.06.2012.

313. Тихомирова, Е. Е. Культурные универсалии и концепт «дом-семья» / Е. Е. Тихомирова, Чжао Цзиннань // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2 (6). – С. 73–79.

314. Токарев, Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г. В. Токарев ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2003. – 472 с.
315. Толковый словарь русского языка ; под ред. Д. Н. Ушакова : в IV т. – М., 1939. – Т III. П–Ряшка. – 1424 с.
316. Толстой, Н. И. Русское юродство как форма святости / Н. И. Толстой. Очерки славянского язычества. – М. : «Индрик», 2003. – С. 489–493.
317. Толчина, Н. Ю. Гендерный аспект концептосферы «дружба» : на материале русского, английского и испанского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. Ю. Толчина ; Пятигорск. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2010. – 21 с.
318. Тразанова, Н. Ю. Параметризация паремиологии как аксиологического кода лингвокультуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Ю. Тразанова ; Иркутск. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2012. – 23 с.
319. Трущинская, А. С. Лексико-фразеологическая объективация концепта семья в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. С. Трущинская ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – 208 с.
320. Тугаринов, В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 344 с.
321. Туленинова, Л. В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. В. Туленинова ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 248 с.
322. Федосова, И. В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе / И. В. Федосова // Ценности и смыслы. – 2009. – № 2. – С. 75–92.
323. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. 1988. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.
324. Философия: Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] : под редакцией А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – Режим доступа : <http://ariom.ru/wiki/>. – Дата доступа : 6.03.2013.
325. Философский энциклопедический словарь ; гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
326. Философский энциклопедический словарь ; ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 576 с.
327. Флоренский, П. А. Антиномии языка / П. А. Флоренский // Вопросы языкознания. – № 6. – 1988. – С. 88–125.
328. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во «Икар», 2007. – 400 с.
329. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра ; ред. и коммент. Н. В. Брагинской / О. М. Фрейденберг. — М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.

330. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М.: Академия, 2003. – 320 с.

331. Хабибова, Н. Е. Философский анализ понятия «ценностные ориентации»: онтологический и гносеологический аспекты : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Н. Е. Хабибова. – Уфа, 2004. – 149 с.

332. Хакимова, Г. Ш. Концепт «женщина» в английских и русских паремиях в свете гендера: сопоставительный аспект / Г. Ш. Хакимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, – 2013. № 11 (29) : в 2-х ч. – Ч. I. – С. 192–195.

333. Хизова, М. А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. А. Хизова ;. Ин-т экономики, права и естеств. специальностей. – Краснодар, 2005. – 198 с.

334. Холявко, Е. И. «Дураку – счастье!» / Е. И. Холявко // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : материалы III Международной научной конференции, 7–8 октября 2003 г. – Гомель, 2003. – С. 142–147.

335. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский ; пер. с англ. А. Е. Кибрика, В. В. Раскина, В. И. Шовкуна ; под ред. В. А. Звегинцева. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.

336. Чекулай, И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И. В. Чекулай ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2006. – 474 с.

337. Черкасский, М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: (Пословицы и афоризмы) / М. А. Черкасский // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г. Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1978. – С. 35–52.

338. Чернова, О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Е. Чернова ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 20 с.

339. Чибышева, О. А. Концепт «Женщина» в русской и английской фразеологии : на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. А. Чибышева ; Омск. гос. пед. ун-т. – Омск, 2005. – 250 с.

340. Шайхуллин, Т. А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.20 / Т. А. Шайхуллин ; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. – Казань, 2012. – 48 с.

341. Шапарь, В. Б. Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь, В. Е. Рассоха, О. В. Шапарь ; под. общ. ред. В. Б. Шапаря. – 4-е изд. – Ростов н/Д. : Феникс, 2009. – 806 с.

342. Шерковин, Ю. А. Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы / Ю. А. Шерковин // Психологический журнал. – 1982. – Т. 3. – № 5. – С. 135–145.

343. Шишигина, О. Ю. Объективация концепта «женщина» в английской фразеологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Ю. Шишигина ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2003. – 190 с.

344. Шпрангер, Э. Два вида психологии / Э. Шпрангер // История психологии: 10-е–30-е гг. Период открытого кризиса. – 2-е изд.; под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – С. 347–361.

345. Шувалова, С. А. «Свое» и «чужое» в русских пословицах и поговорках / С. А. Шувалова // Русская речь. – 1998. – № 5. – С. 103–111.

346. Шумерские пословицы и поговорки [Электронный ресурс] // WordSayins.ru. – Режим доступа : <http://sayings.ru/world/shumer/shumer.html>. – Дата доступа : 20.08.2012.

347. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М., 1995. – 759 с.

348. Юров, Д. И. Формирование ценностных ориентаций гражданско-патриотической направленности у студентов-спортсменов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Д. И. Юров. – Астрахань, 2011. – 28 с.

349. Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. – М. : Наука, 1975. – С. 89–105.

350. Якобсон, Р. Несколько слов о Пирсе, первопроходце науки о языке / Р. Якобсон // Язык и бессознательное / Р. Якобсон. – М. : Гнозис, 1996. – С. 162–169.

351. Ямпольская, Д. О. Что такое мотивация. Процесс мотивации [Электронный ресурс] / Д. О. Ямпольская, М. М. Зонис. – Режим доступа : <http://www.inventech.ru/lib/management/management-0027/>. – Дата доступа : 09.11.2013.

352. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система [Электронный ресурс] / М. С. Яницкий. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2000. – Режим доступа : <http://hpsy.ru/public/x2753.htm>. – Дата доступа : 18.04.2012.

353. Ярошевский, М. Г. Апперцепция / М. Г. Ярошевский // Философская энциклопедия : в 5 т. ; под ред. В. Ф. Константинова – М. : Советская энциклопедия, 1960. – Т. 1. А – Дидро. – С. 84.

354. Ясюкевич, Е. Н. Модальность ирреальности и ее виды : на материале английских паремий / Е. Н. Ясюкевич, О. Г. Баламут // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII международных научных чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Учреждение образования «Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы»; редкол.: М. И. Конюшкевич, А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 385–390.

355. Ясюкевич, Е. Н. Паремия как феномен языка: образно-смысловой и модально-синтаксический уровни организации : на материале рус. и англ. пословиц и поговорок : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Ясюкевич ; Белорусск. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 20 с.

356. Arthaber, A. Prefazione / A. Arthaber // Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue / A. Arthaber. – Milano : Ulrico Hoepli, Editore, 1995. – 892 s.

357. Boggione, V. Lògos, dialogo, letteratura / V. Boggione // Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio. – Torino : UTET, 2007. – P. XXIII–XLVIII.

358. Briggs, Ch. L. The pragmatics of proverb performances in New Mexican Spanish / Ch. L. Briggs // Wise words. Essays on the Proverb ; ed. by W. Mieder. – New York: Garland Publishing, 1994. – P. 317–349.

359. Čelakovský, F. L. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel / uspořad. a vyd. F.L. Čelakovský. – Praha : nakl. Vyšehrad, 1949. – 922 s.

360. Cordry, H. V. The multicultural dictionary of proverbs : over 20000 adages from more than 120 languages, nationalities and ethnic groups / H. V. Cordry. – Jefferson ; London : McFarland & Company, Inc., Publishes. – 406 p.

361. Cram, D. The linguistic status of the proverb / D. Cram // Wise words. Essays on the proverb ; ed. by W. Mieder. – New York, 1994. – P. 73–97.

362. Dizionario Garzanti della lingua italiana. – Italia : Aldo Garzanti Editore, P. 1965–1990.

363. Flajšhans, V. Česká přísloví. Sbírkapřísloví, připovídek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přísloví staročeská. Díl (A–N), díl II (O–Ru). 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stepanova. – Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stepanova. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. – 1481+896+LVIII.

364. Fontaine, C. R. Proverb performance in the Hebrew Bible / C. R. Fontaine // Wise words. Essays on the proverb ; ed. by W. Mieder. – New York, 1994. – P. 393–413.

365. Franceschi, T. La formula proverbiale / T. Franceschi // Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio. – Torino : UTET, 2007. – P. IX–XXII.

366. Grzybek, P. Foundations of Semiotik Proverb Study / P. Grzybek // Wise words. Essays on the proverb ; ed. by W. Mieder. N.Y., 1994. – P. 31–71.
367. Hasan-Rokem, G. The pragmatics of proverbs : How the proverb gets its meaning / G. Hasan-Rokem // Exceptional Language and Linguistics ; ed. Loraine K. Obler and Lise Menn. – New York: Academic press, 1982 – P. 169–173.
368. Mieder, W. Proverb are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age / W. Mieder. – New York : Oxford, 1993. – 304 p.
369. Miller, G. A. Psycholinguistics / G. A. Miller, D. McNeill // The Handbook of Social Psychology ; eds. : G. Lindzey, E. Aronson. – New York, 1969. – Vol. 3. – P. 666 – 794.
370. Morris, Ch. Signs, language and behavior / Ch. Morris. – New York, 1950. – 365 p.
371. Norrik, N. R. Proverbial perlocutions : How to do things with proverbs / N. R. Norrik // Wise words. Essays on the Proverb ; ed. by W. Mieder. – New York: Garland Publishing, 1994. – P. 143–157.
372. Obelkevich, J. Proverbs and sozialhistori / J. Obelkevich // Wise words. Essays on the proverb ; ed. by W. Mieder. – New York, 1994. – P. 211–252.
373. Paczolay, G. European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. – Hobard, Tasmania : De Proverbio.com, 2002. – 527 p.
374. Proverbia et dicta: Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў; пад рэд. Н. А. Ганчаровай. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 255 с.
375. Rogers, T. B. Psychological approaches to proverbs. A treatise on the import of context / T. B. Rogers // Wise words. Essays on the proverb ; ed. by W. Mieder. – New York, 1994. – P. 159–181.
376. Rokeach, M. The nature of human values / M. Rokeach. – New York : Free Press, 1973.
377. Seiler, F. Deutsche Sprichwörterkunde / F. Seiler. – München, 1922. – 457 s.
378. Stace, W. T. The Concept of Morals / W. T. Stace. – New York : The MacMillan Company; and also reprinted by Peter Smith Publisher Inc, January 1990. – 330 p.
379. Straniero, M. L. Premessa / M. L. Straniero, R. Schwamenthal // Dizionario dei proverbi italiani / R. Schwamenthal, M. L. Straniero. – Milano : PCS Libri S.p.A., 1999. – XIII, 564 p.
380. Sullivan, M. A. Brugel's proverb painting. Renaissance art for a humanist audience / M. A. Sullivan // Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. – New York, 1994. – P.253–295.
381. Taylor, A. Selected writings on proverbs / A. Taylor. – Helsinki, 1975. – 203 p.

382. Wander, K. Deutsches Sprichwörter-Lexikon [Электронный ресурс] / К. Wander. – Режим доступа : <http://www.zeno.org/Wander-1867>. – Дата доступа : 20.11.2013.

Список источников языкового материала

383. Аксамітаў, А. С. Прыказкі і прымаўкі : Тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з архіваў, кафедраў збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / А. С. Аксамітаў. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 320 с.

384. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі ; склаў Яўген Рапановіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.

385. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.

386. Граф, А. Е. Словарь немецких и русских пословиц : Более 6 000 единиц / А. Е. Граф. – СПб. : Лань, 1997. – 288 с.

387. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.

388. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.

389. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В. И. Зимин, А. С. Спиринов. – 2-е изд., стереотип. – Ростов н /Д : Феникс, М. : Цитадель-трейд, 2005. – 544 с.

390. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 248 с.

391. Касько, У. А. Палескі дзівасіл: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скрабніцы А. К. Сержпутоўкага / У. А. Касько. – Мінск : Выш. шк., 2005. – 383 с.

392. Ковалева, С. 7 000 золотых пословиц и поговорок / С. Ковалева. – М. : АСТ, 2003. – 479 с.

393. Кожемяко, В. С. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги / В. С. Кожемяко, Л. И. Подгорная. – СПб. : КАРО, 2000. – 78 с.

394. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.

395. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : Терра, 1994.

396. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

397. Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки ; сост. А. А. Разумов. – М. : Гос. Изд-во детской лит-ры Министерства просв. РСФСР, 1957. – 239 с.
398. Народные пословицы и поговорки ; сост. А. И. Соболев. – М. : Московский рабочий, 1956. – 155 с.
399. Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976.
400. Рабкевич, В. Паслухай, што людзі кажуць / В. Рабкевич. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1985. – 270 с.
401. Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А. М. Жигулев. – М. : Московский рабочий, 1965. – 360 с.
402. Русские пословицы и поговорки ; сост. Е. Ю. Нецименко. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 304 с.
403. Русские пословицы и поговорки ; сост. К. Г. Берсеньева. – М. : Центр-полиграф, 2004. – 383 с.
404. Русские пословицы и поговорки ; сост. Ф. М. Селиванов, Б. П. Кирдан, В. П. Аникин ; под ред. В. П. Аникина. – М. : Художественная литература, 1988. – 431 с.
405. Сборник белорусских пословиц / составленный И. И. Носовичем [Электронный ресурс] // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН. т. XII. № 2. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1874. [1] – Режим доступа : <http://zapadrus.su/bibli/etnolib/140-q-q-1874.html>. – Дата доступа : 8.02.2013.
406. Цвиллинг, М. Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок / М. Я. Цвиллинг. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2002. – 216 с.
407. Arthaber, A. Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue / A. Arthaber. – Milano : Ulrico Hoepli, Editore. – 1995. – 892 с.
408. Beyer, H. Sprichwörterlexikon / H. Beyer, A. Beyer. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut. – М. : Высшая школа, 1989. – 392 с.
409. Boggione, V. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio – Torino : UTET, 2007. – 654 p.
410. Espa, E. Proverbi e detti sardi dei parlanti la lingua sarda-logudorese / E. Espa. – Sassari : Edizioni Gallizzi, 1981. – 346 p.
411. Giusti, G. Proverbi toscani ampliati da Gino Carponi [Электронный ресурс]. – Firenze, Acavaviva, 2007. – Режим доступа : http://books.google.by/books?id=5hUVAAAAMAAJ&pg=PA421&hl=ru&source=gs_selected_pages&cad=3#v=onepage&q&f=false. – Дата доступа : 12.07.2012.
412. Loi, S. Proverbi Sardi / S. Loi. – Firenze Giunti Gruppo Editoriale, 1996. – 99 p.
413. Marzia Carrieri Casali. Il libro dei proverbi Da tutto il mondo / Marzia Carrieri Casali. – Milano, Edizione Mondolibri S.p.A, 1996. – 318 p.

414. Rother, K. Die schlesischen Sprichwörter und Redensarten / K. Rother. – Darmstadt, 1927. – 476 s.
415. Schwamenthal, R. Dizionario dei proverbi italiani / R. Schwamenthal, M. L. Straniero. – Milano : PCS Libri S.p.A., 1999. – 564 c.
416. Simrock, K. Die deutschen Sprichwörter / K. Simrok ; Einleitung von W. Mieder. – Düsseldorf, 1881. – 631 s.
417. Spano, G. Proverbi sardi trasportati in lingua italiana e confrontati con quelli degli antichi popoli a cura di Giulio Angioni / G. Spano. – Nuoro : ILISSO, 1997. – 365 p.
418. Walter, H. Sprichwörter. Russisch-Deutsches Wörterbuch mit europäischen Parallelen : Experimentalausgabe / H. Walter, V. Mokienko ; mit Karikaturen von R. Walter. – Greifswald, 2006. – 176 s.
419. Walter, H. Russisch-Deutsch-Polnischces Wörterbuch Aktiver Sprichwörter mit fremdsprachigen Äquivalenten und historisch-kulturellen Kommentaren : / H. Walter, V. Mokienko, E. Komorovska, K. Kusal. – Greifswald ; Szczecin, 2014. – 433 s.
420. Wander, K. F. Deutsches Sprichwörterlexikon [Электронный ресурс] / K. F. Wander ; Vol. 1–5. – Leipzig, F. A. Brockhaus. 1867–1880. – Режим доступа : <http://woerterbuchnetz.de/Wander/?sigle=Wander&mode=Vernetzung&hitlist=&patternlist=&lemid=WA00001>. – Дата доступа : 03.11.2012.

Список публикаций соискателя ученой степени

Монографии

- 1–А Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

Статьи в рецензируемых периодических изданиях

- 2–А Ничипорчик, Е. В. Модель “определение”: механизмы порождения смыслов / Е. В. Ничипорчик // Мова і культура. Сер. Філологія. – Київ, 2002. – Вип. 4. – Т. 1/2. – С. 32–39.
- 3–А Ничипорчик, Е. В. Антитеза: дизъюнкция или конъюнкция противоположностей? (на материале русских и белорусских поговорок) / Е. В. Ничипорчик // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2004. – №1 (22). – С. 89–97.

4–А Ничипорчик, Е. В. Жизнь – копейка, судьба – индейка: механизмы экспликации оценочных смыслов в русских поговорках / Е. В. Ничипорчик // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2007. – №3 (42). – С. 89–97.

5–А Ничипорчик, Е. В. Русские и белорусские поговорки о беде в аспекте отражения ментальных стереотипов / Е. В. Ничипорчик // Мова і культура : науковий журнал / Київ. нац. ун-т. ім. Т. Шавченка. – Київ, 2008. – Вип. 10. – Т. V. (105). – С. 161–170.

6–А Ничипорчик, Е. В. Какие ожидания “обмануты”, или о природе противоречий и видах несоответствия в поговорках с союзом *a* / Е. В. Ничипорчик // Русский язык и литература : научно-методический журнал. – 2009. – №5 (116). – С. 51–57.

7–А Ничипорчик, Е. В. Аксиологический портрет женщины в итальянских и русских поговорках (в поисках субъекта оценки) / Е. В. Ничипорчик // Проблемы истории, филологии, культуры : Journal of Historical, Philological and Cultural Studies / РАН. – Москва ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. 4 (26). – С. 201–215.

8–А Ничипорчик, Е. В. Сообщение о тщетности усилий человека как тип ценностно ориентирующего дискурса (на материале русских, белорусских, итальянских и немецких поговорок) / Е. В. Ничипорчик // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – №2 (59). – С. 173–180.

9–А Ничипорчик, Е. В. Вопросительная форма выражения оценки в поговорках / Е. В. Ничипорчик // Мова і культура : науковий журнал / Київ. нац. ун-т. ім. Т. Шавченка. – Київ, 2011. – Вип. 14. – Т. IV (150). – С. 29–36.

10–А Ничипорчик, Е. В. Речемыслительные стереотипы в формировании нормативно-ценностного пространства культуры (на материале паремиологических единиц) / Е. В. Ничипорчик // Известия Смоленского государственного университета. – 2012. – №1 (17). – С. 90–100.

11–А Ничипорчик, Е. В. Здоровье как ценность в паремиологической картине мира (на материале русских и итальянских поговорок) / Е. В. Ничипорчик // Проблемы истории, филологии, культуры : Journal of Historical, Philological and Cultural Studies / РАН. – Москва ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2012. – №3 (27). – С. 218–231.

12–А Ничипорчик, Е. В. Ценностные ориентации в поговорочном пространстве (на материале русских и итальянских поговорок о грехе и наказании) / Е. В. Ничипорчик // Мова і культура : науковий журнал / Київ. нац. ун-т. ім. Т. Шавченка. – Київ, 2012. – Вип. 15. – Т. IV (158). – С. 58–64.

13–А Ничипорчик, Е. В. Значение и назначение поговорочных суждений о хорошем (на материале русских и белорусских поговорок) / Е. В. Ничипорчик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 84–91.

14–А Ничипорчик, Е. В. Истоки пословичной назидательности / Е. В. Ничипорчик // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2013. – №1 (76). – С. 142–147.

15–А Ничипорчик, Е. В. Оправдание в аспекте отражения ценностных ориентаций (на материале русских паремий) / Е. В. Ничипорчик // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2014. – №1 (82). – С. 108–114.

16–А Ничипорчик, Е. В. «Лучше умереть, чем...». О парадоксах предпочтения в паремиологических картинах мира / Е. В. Ничипорчик // Studi Slavistici / A.I.S. – Firenze : Firenze University Press, 2014. – С. 123–141. – (Studi Slavistici ; XI).

17–А Ничипорчик, Е. В. Функциональная связь оценки с элементами структуры ценностных ориентаций (на материале паремий) / Е. В. Ничипорчик // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – №1 (94). – С.59–64.

Статьи в сборниках научных работ

18–А Ничипорчик, Е. В. Деинтенсификация негативной оценки в паремическом тексте (на материале русских и белорусских паремий) / Е. В. Ничипорчик // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час : зб. навук. арт. / рэд. кал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукац. РБ, Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 331–336.

19–А Ничипорчик, Е. В. От пословицы к антипословице: обесценились ли ценности? / Е. В. Ничипорчик // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. / отв. ред.: С. Б. Кураш, В. Ф. Русецкий. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2007. – Ч.1. – С. 87–90.

20–А Ничипорчик, Е. В. Паремии как тексты-сообщения о человеческих достоинствах / Е. В. Ничипорчик // Сучасні проблеми лінгвістичних досліджень і методика викладання іноземних мов професійного спілкування у вищій школі : збірник наукових праць / за ред. В. Т. Сулима, С. Н. Денисенко. – Львів : Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2007. – Ч.1. Лінгвостилістика. Лексична семантика. Фразеологія. – С. 117–119.

21–А Ничипорчик, Е. В. Опыт ценностного восприятия мира через призму отсутствия (на материале русских и итальянских паремий) / Е. В. Ничипорчик // Фразеология = Phraseology = Phraséologie : сб. науч. ст. вып. 1 / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2008. – С. 167–191.

22–А Ничипорчик, Е. В. Оценочный фактор в формировании прагматического потенциала паремий (на материале русских паремий со значением невозможности) / Е. В. Ничипорчик // Parémie národů slovanských IV:

Sbornik příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 20–21 ноября 2008. – Ostrava, 2008. – С. 145–151.

23–А Ничипорчик, Е. В. Русские паремии с неодобрительной коннотацией / Е. В. Ничипорчик // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. науч. ст., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя ; редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – Вып. 1. – С. 226 – 230.

24–А Ничипорчик, Е. В. Сообщение о невозможности как довод (на материале русских и белорусских паремий) / Е. В. Ничипорчик // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. / редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2009. – Ч. 2. – С. 137–139.

25–А Ничипорчик, Е. В. К вопросу об “авторстве” паремий (гендерный аспект) / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. – Минск : Змицер Колас, 2010. – С. 197–202.

26–А Ничипорчик, Е. В. Дискурс → текст → дискурс → текст ... (паремический текст как фиксированный результат дискурсивного процесса) / Е. В. Ничипорчик // “Słowo. Tekst. Czas X”: Jednostka frazeologiczna w tradycyjných i nowych paradigmatách naukowych / pod redakcją Michaiła Aleksiejenki i Harrego Waltera. – Szczecin ; Greifswald, 2010. – С. 413–421.

27–А Ничипорчик, Е. В. Типовые модели организации смысла паремий о хорошем и плохом / Е. В. Ничипорчик // Фразеология и познание : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф., Белгород, 7–9 сентября 2010 г. : в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т.1. Фразеология и познание. – С. 349–354.

28–А Ничипорчик, Е. В. Снижение порога речевой агрессивности / Е. В. Ничипорчик // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. науч. тр. ; М-во образования РБ, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Т. Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – Вып. 3. – С. 225–229.

29–А Ничипорчик, Е. В. Тематический принцип составления паремиологических словарей как отражение структуры провербиального пространства / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей ; М-во образования РБ, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – Вып.1.– С. 270–274.

30–А Ничипорчик, Е. В. Прогнозирование как способ выражения ценностного отношения / Е. В. Ничипорчик // Die Phraseologie in Raum und Zeit. Фразеология во времени и пространстве / науч. ред.: Х. Вальтера, В. М. Мокиенко, А. В. Савченко. – Greifswald, 2012. – С. 160–163.

31–А Ничипорчик, Е. В. Оценочная категоризация внешнего и внутреннего мира человека в паремике / Е. В. Ничипорчик // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф., Белгород, 19–21 марта 2013 г. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 439–443.

32–А Ничипорчик, Е. В. Типичное и специфическое в пословичных структурах представления знания (на материале паремий о высокомерии и скромности) / Е. В. Ничипорчик // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : XV Международный съезд славистов 20–27 августа 2013г., Минск / ред. Н. Walter, V. M. Mokienko. – Greifswald , 2013. – С. 129–133.

33–А Ничипорчик, Е. В. Интенциональные значения русских императивных паремий / Е. В. Ничипорчик / Славянские народы и их культуры: традиция и современность: сб. науч. ст. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 191–194.

34–А Ничипорчик, Е. В. Человек в его отношении к добру и худу / Е. В. Ничипорчик // Язык и социальная динамика: спец. вып. Ценности социума: сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Михайлов, Т. В. Михайлова, Сибирский гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2013. – С. 98–101.

35–А Ничипорчик, Е. В. О методах декодирования культуруносных смыслов паремиологических единиц / Е. В. Ничипорчик // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов – М. : МАКС Пресс, 2014. – Вып. 50. – С. 245–252.

36–А Ничипорчик, Е. В. Открытые вопросы в исследованиях семантики паремий с позиций лингвоконцептологии / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. ст. ; Гомел. гос. у-т им. Ф. Скорины ; гл. ред. В. И. Коваль. – Гомель, 2014. – Вып. 2. – С. 205–209.

37–А Ничипорчик, Е. В. К вопросу о закономерностях объективации духовных ценностей в паремиях / Е. В. Ничипорчик // Славянская мифология и этнолингвистика : сб. науч. ст. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – с. 204–207.

Материалы конференций

38–А Ничипорчик, Е. В. Признаки антропоцентричности предложений-паремий со значением тождества / Е. В. Ничипорчик // Язык, слово, действительность : материалы II Междунар. науч. конф., Минск 25–27 октября 2000 года : в 2 ч. / Бел. гос. пед. ун.-т. – Минск, 2000. – Ч. II. – С. 37–40.

39–А Ничипорчик, Е. В. Способы репрезентации человека как объекта характеристики в русских и итальянских паремиях / Е. В. Ничипорчик // Русский язык: Система и функционирование : материалы Междунар. науч. конф., Минск 17–18 апреля 2002г. : в 2 ч / отв. ред. И. С. Ровдо. – Минск : БГУ, 2002. – Ч 2. – С. 130–134.

40–А Ничипорчик, Е. В. Русские, немецкие и итальянские пословицы со структурой тождества: универсальное и специфичное / Е. В. Ничипорчик // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX международных Карских чтений ; под ред. М. И. Конюшкевич: в 2 ч. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1.– С. 68–80.

41–А Ничипорчик, Е. В. Интерпретация устойчивых выражений с повторяющимся компонентом *ни* / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : материалы III Междунар. науч. конф., Гомель 7–8 октября 2003 г. ; Гомел. гос. у-т им. Ф. Скорины ; отв. ред. В. И. Коваль. – Гомель, 2003. – С. 186–189.

42–А Ничипорчик, Е. В. Русские паремии с мелиоративными общеоценочными квалификаторами: смысловые и функциональные характеристики / Е. В. Ничипорчик // Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин: материалы III Международной научной конференции, Мозырь 12–13 мая 2005 г. : в 2 ч. ; отв. ред. С. Б. Кураш, О. И. Ревуцкий, В. Ф. Русецкий. – Мозырь : УО МГПУ, 2005. – Ч.1. – С. 70–71.

43–А Ничипорчик, Е. В. Русские и белорусские пословицы о хорошем и плохом / Е. В. Ничипорчик // VII Навуковыя чытанні, прысвечаныя Сцяпану Некрашэвічу : Міжнар. навук. канф. “VII Навуковыя чытанні, прысвечаныя Сцяпану Некрашэвічу”, Гомель 27 мая 2005 г. ; редкал.: А. А. Станкевіч [і інш.]; М-ва адукац. РБ, Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2005. – С.164–167.

44–А Ничипорчик, Е. В. Русские и белорусские паремии с “нисходящим” компаративом общей оценки / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: материалы IV Междунар. науч. конф., Гомель 5–6 октября 2005 г. ; отв. ред. В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2005. – С. 52–57.

45–А Ничипорчик, Е. В. Способы характеристики художого и худого в русских и итальянских паремиях / Е. В. Ничипорчик // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Междунар. науч.-практ. конф., Москва 17–18 марта 2006 г. – М. : Изд-во ЭЛПИС, 2006. – С. 473–478.

46–А Ничипорчик, Е. В. Идентификация худого и таксономия негативных объектов в русских и итальянских паремиях / Е. В. Ничипорчик // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвомето-

дический аспект) : Междунар. науч.-практ. конф., Москва 17–18 марта 2006 г. – М. : Изд-во ЭЛПИС, 2006. – С. 478–482.

47–А Ничипорчик, Е. В. Русские паремии о псевдо- и девальвированном хорошем / Е. В. Ничипорчик // Русский язык: система и функционирование (К 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., Минск 6–7 апреля 2006 г. : в 2 ч. ; редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2006. – Ч.1.– С. 312–315.

48–А Ничипорчик, Е. В. Библейские мотивы в русских паремиях / Е. В. Ничипорчик // Десять веков христианства на Руси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь 13 сентября 2005г. [посвящ. тысяч. Тур. еп.] / редкол. : В. И. Коваль (отв. ред.), Л. Ф. Каховская, Е. И. Холявко. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 142–149.

49–А Ничипорчик, Е. В. Алогичное как средство оценки в паремическом тексте (на материале белорусских пословиц) / Е. В. Ничипорчик // Сучасны стан і дынаміка норм беларускай літаратурнай мовы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 24–25 кастр. 2006 г. ; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Минск, 2006. – С. 96–100.

50–А Ничипорчик, Е. В. Обращение к противоречию как прием выражения негативной оценки / Е. В. Ничипорчик // Язык и социум : материалы VII Междунар. науч. конф., Минск, 1–2 дек. 2006 г. : в 2 ч. / под общ. ред. Л. Н. Чумак. – Минск : РИВШ, 2007. – Ч. 1.– С. 119–122.

51–А Ничипорчик, Е. В. Способы вербализации образа беды в русских паремиях / Е. В. Ничипорчик // Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках: материалы международ. науч. конф., Брест, 19–20 апр. 2007 г. : в 2 ч. ; Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, Akademia Podlaska w Siedlach, Instytut Neofilologii Rosyjskiej ; под общ. ред. д-ра филол. наук В. И. Сенкевича; [редкол.: В. И. Сенкевич, Г. М. Концевая, Хана Вандас-Возьны и др.]. – Брест : Изд-во БрГУ, 2007. – Ч.1. – С. 293–298.

52–А Ничипорчик, Е. В. Нумеративы в паремиях о предпочитаемости / Е. В. Ничипорчик // Фразеология в тексте и словаре : материалы XXXVI Междунар. филол. конф., 12–17 марта 2007 г. ; под ред. проф. В. М. Мокиенко. – СПб., 2007. – Вып. 19. – С. 96–102.

53–А Ничипорчик, Е. В. Паремические тексты с детерминированным *хорошим* / Е. В. Ничипорчик // Фразеология в тексте и словаре : материалы XXXVI Междунар. филол. конф., Санкт-Петербург 12–17 марта 2007 г. ; под ред. проф. В. М. Мокиенко. – СПб., 2007. – Вып. 19. – С. 102–109.

54–А Ничипорчик, Е. В. Специфика выражения оценочных смыслов в паремиях с предлогом *без* / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : материалы V Междунар. науч. конф.,

Гомель 22–23 октября 2007 г. ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – С. 212–218.

55–А Ничипорчик, Е. В. Русские и белорусские паремии о “неправильном” выборе способов достижения цели / Е. В. Ничипорчик // Восточные славяне: историческая и духовная общность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Общества Кирилла Туровского, Гомель, 15–16 апреля 2008 г. ; редкол.: В. И. Коваль [и др.]. – Гомель, 2008. – С. 183–186.

56–А Ничипорчик, Е. В. Логико-семиотические основы межъязыковой корреляции паремий со значением невозможности (на материале русских, белорусских, итальянских и немецких пословиц и поговорок) / Е. В. Ничипорчик // Фразеология в прошлом и настоящем : материалы XXXVII Междунар. филол. конф., Санкт-Петербург 11–15 марта 2008 г. ; под ред. Х. Вальтера, В. М. Мокиенко, А. В. Савченко. – Санкт-Петербург ; Грайфсвальд, 2009. – С. 119–128.

57–А Ничипорчик, Е. В. О факторах, детерминирующих интенциональные значения паремий / Е. В. Ничипорчик // Phraseologie und Text: Materialien der XXXVIII. internationalen wissenschaftlich-methodischen Konferenz Fakultät für Philologien und Kunst der Staatlichen Universität Sankt Peterburg ; A. Savchenko, V. Mokienko, H. Walter (Hrsg.). – Sankt Peterburg ; Greifswald, 2010. – С. 144–153.

58–А Ничипорчик, Е. В. Мотивы ценностных сопоставлений (на материале паремических текстов) / Е. В. Ничипорчик // Фразеология и языковая динамика : материалы XXXIX Междунар. филол. конф., Санкт-Петербург 15–19 марта 2010 г. ; науч. ред.: В. М. Мокиенко, А. В. Савченко. – Greifswald ; Санкт-Петербург, 2011. – С. 259–263.

Тезисы докладов

59–А Ничипорчик, Е. В. Афоризмы назидательного содержания: аргументативные категории и организация смысла / Е. В. Ничипорчик // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм : тэзісы дакладаў VIII міжнарод. Карскіх чытанняў 14–17 снежня 2000 г. / Гродзенскі дз. ун.-т ; пад рэд. праф. М. І. Канюшкевіч. – Гродна, 2000. – С. 89–93.

60–А Ничипорчик, Е. В. Логические основы отражения ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик // Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen. Wort – Text – Zeit XII. Zum 200. Geburtstag von Taras Grigor'evič Ševčenko, Szczecin – Greifswald 14–17.11.2013 ; Hrsg.: Harry Walter und Mirosława Hordy, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Institut für Slawistik, Lehrstuhl für Slawische Sprachwissenschaft. – Greifswald. 2013. – S. 72–74.

Переводы итальянских и немецких паремий

Таблица 1А. – Постраничный перевод итальянских паремий

Номер страницы	Паремия и ее перевод
1	2
59	<p><i>Cucina senza sale, credenza senza pane, cantina senza vino fanno un brutto mattino</i> (Кухня без соли, буфет без хлеба, погреб без вина делают утро безрадостным).</p> <p><i>Il pane è il meglio nutrimento</i> (Хлеб – лучшая пища).</p> <p><i>Gli abiti fanno la gente e i cenci fanno i pidocchi</i> (Одежда делает человека, а лохмотья – вшей).</p> <p><i>Onestà e gentilezza sopravanza ogni bellezza</i> (Честность и приветливость дороже всякой красоты).</p> <p><i>La giustizia è bella, la carità sua sorella</i> (Справедливость превосходна, милосердие ее сестра).</p>
60	<i>La salute non ha prezzo</i> (Здоровье бесценно).
61	<p><i>Chi ha pazienza, ha gloria</i> (Кто имеет терпение, имеет славу).</p> <p><i>Una vita senza speranza è una vita di sofferenza</i> (Жизнь без надежды – мучительная жизнь).</p> <p><i>Le buone maniere ti fanno sposare</i> (Хорошие манеры приведут к женитьбе).</p>
61	<p><i>Chi più vuota ha la testa, più degli altri alza la cresta</i> (У кого пустая голова, тот выше других поднимает гребень).</p> <p><i>L'asino che si vanta, auguragli una caduta</i> (Бахвалящийся осёл предвосхищает своё падение).</p> <p><i>Chi va troppo in alto, casca in fosso</i> (Кто слишком возносится, валится в яму).</p>
62	<p><i>Chi piglia moglie senza quattrini, comincia a piangere dalla prima mattina</i> (Кто берёт жену без денег, начинает плакать в первое же утро).</p> <p><i>I lavori fatti senza passione non ti danno soddisfazione</i> (Дела, совершенные без воодушевления, не принесут тебе удовлетворения).</p>
63	<p><i>Chi vive contando, vive cantando</i> (Кто живет считаючи, тот живет припеваючи).</p> <p><i>Con silenzio e pazienza, vincerai la maldicenza</i> (Молчанием и терпением победишь любое злословие).</p> <p><i>La gentilezza non costa niente e apre tutte le porte</i> (Вежливость ничего не стоит, а открывает все двери).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
63	<i>Non dire all'amico ciò che sai, perché un giorno nemico averlo potrai</i> (Не доверяй другу то, что знаешь, потому что однажды он может стать недругом).
67	<i>Come scopi, ti confessi</i> (дословно – Как подметаешь, так о тебе и судят = Чистота дома говорит об умении хозяйки). <i>Chi sempre bello vuole apparire, bisogna si cambi il vestire</i> (Кто хочет всегда хорошо выглядеть, должен менять одежду). <i>Chi ha la camicia sporca, si lava la lingua addosso agli altri</i> (У кого грязная рубашка, тому достаточно перемывают косточки другие люди). <i>È meglio grassone che sporcaccione o straccione</i> (Лучше толстяк, чем грязнуля и оборванец). <i>Coll'acqua sporca ingrassa il porco</i> (Свинья толстеет от грязной воды).
133	<i>La salute non ha prezzo</i> (Здоровью нет цены).
134	<i>La maggior ricchezza che sia è la sanità</i> (Лучшее богатство – здоровье). <i>La salute è una conca d'oro</i> (Здоровье – золотая чаша). <i>Chi ha da star bene ha un tesoro</i> (Кто обладает хорошим самочувствием, тот обладает сокровищем). <i>Chi è sano, è ricco</i> (Кто здоров, богат). <i>Chi ha salute ha soldi</i> (Кто имеет здоровье имеет деньги). <i>Quando c'è la salute c'è tutto</i> (Когда есть здоровье, есть всё).
144	<i>I danari sono il secondo sangue</i> (Деньги – вторая кровь). <i>I soldi son la chiave del paradiso</i> (Деньги – ключи в рай). <i>Sanità senza quattrini è mezza malattia</i> (Здоровье без денег – половина болезни). <i>Senza danari non si canta messa</i> (Без денег и мессы не будет). <i>Il denaro apre tutte le porte</i> (Деньги открывают все двери). <i>Amor fa molto, il denaro tutto</i> (Любовь делает многое, деньги все). <i>Col denaro si ottiene tutto</i> (С деньгами добиваются всего).
145	<i>La legge è uguale per tutti, ma chi ha denari se ne fotte</i> (Законы одинаковы для всех, но не для тех, у кого есть деньги). <i>Chi ha denari e prati, non son mai impiccati</i> (Кто с деньгами и лугами, никогда не будет повешен). <i>Se il culo avesse i soldi si chiamerebbe «Signor Culo»</i> (Если бы зад имел деньги, к нему обращались бы «Синьор Зад»).
145	<i>Val più avere amici in piazza, che danari nel la cassa</i> (Лучше друзья на площади, чем деньги в наличности).

Продолжение таблицы 1А

1	2
146	<p><i>È meglio avere una donna bella che i soldi nel sacco</i> (Лучше иметь красивую женщину, чем деньги в мешке).</p> <p><i>Buoni zoccoli e buon cappello, di molti denari e poco cervello</i> (Красивые сабо и красивая шляпа, много денег и мало мозгов).</p>
146	<p><i>Denaro fa l'uomo avaro</i> (Деньги делают человека жадным).</p> <p><i>Troppi soldi, si rovina la gente</i> (Большие деньги разрушают человека).</p> <p><i>Chi cerca soldi, cerca la morte</i> (Кто ищет денег, ищет смерти).</p> <p><i>Chi spera nei soldi degli altri, muore cacando</i> (Кто надеется на чужие деньги, умирает в дерьме).</p> <p><i>Danaro e cappa lunga nasconde ogni vergogna</i> (Деньги и длинная мантия скрывают любой стыд).</p>
146	<p><i>I signori non possono avere due cose insieme, giudizio e quattrini</i> (Синьоры не могут быть обладателями сразу двух вещей: благоразумия и денег).</p> <p><i>Chi ha quattrini, non ha cuore</i> (У кого есть деньги, у того нет сердца).</p> <p><i>Soldi non fanno la felicità</i> (Деньги не приносят счастья).</p>
147	<p><i>Per avere un soldo bisogna sudarlo</i> (Денежка потом зарабатывается).</p> <p><i>È meglio un soldo di buon acquisto, che mille d'imbrogli</i> (Лучше один грош, добытый честным путем, чем тысяча – обманом).</p> <p><i>Ogni colpo di zappa è un soldo che non scappa</i> (Каждый удар мотыгой – это монета, которая не сбежит).</p> <p><i>Spendi sempre un soldo di meno di quello che guadagni</i> (Трать всегда на одну монету меньше, чем зарабатываешь).</p>
150	<p><i>Il ricco è come il porco: buono dopo morto</i> (Богатый как свинья: хорош после смерти).</p> <p><i>La forca è fatta per i poveri</i> (Виселица готова для бедных).</p> <p><i>Morì il povero, nessuno lo sentì; morì il ricco, il corno sonava</i> (Умрет бедный, никто не слышит; умрет богатый, трубит рог).</p> <p><i>Povero il povero: se ha la vacca, non ha il fieno; se ha il fieno, non ha la vacca</i> (Бедный бедняк: если есть корова, нет сена, если есть сено, нет коровы).</p> <p><i>Il pane del povero è sempre duro</i> (Хлеб бедняка всегда черствый).</p>
151	<p><i>Povero è il Diavolo</i> (Бедняк – это дьявол).</p> <p><i>È meglio puzzare di morto che di povero</i> (Лучше вонять мертвым, чем бедным).</p>
151	<p><i>Chi è ricco, ha ciò che vuole</i> (Кто богат, имеет всё, что пожелает).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
151	<p><i>Meglio ricco e sano che non povero e malato</i> (Лучше богатый и здоровый, чем бедный и больной).</p> <p><i>Senza ricchezza, niente bellezza</i> (Без богатства нет и красоты).</p>
151	<p><i>La ricchezza non s'acquista senza fatica, non si possiede senza timore, non si gode senza peccato, non si lascia senza dolore</i> (Богатство не добывается без труда, не сохраняется без страха, не оставляет без сожаления).</p> <p><i>Ricchezza poco vale a quel che l'usa male</i> (Богатство не стоит много, но кто его имеет, тот страдает).</p> <p><i>Abito lungo impraccia il corpo, ma la ricchezza impraccia l'anima</i> (Длинная одежда стесняет тело, а богатство – душу).</p> <p><i>Chi compra ricchezze, compra tristezze</i> (Кто покупает богатство, покупает печаль).</p>
151	<p><i>Prima ricco, e poi borioso</i> (Сначала богатый, потом спесивый).</p> <p><i>Ricchezza genera superbia</i> (Богатство порождает высокомерие).</p> <p><i>La ricchezza: o rubasti, o incornasti, o ereditasti</i> (Богатство: или красть, или наставлять рога, или получать наследство).</p>
152	<p><i>Povertà, madre di sanità</i> (Бедность – мать здоровья).</p> <p><i>Povertà non è vizio</i> (Бедность не порок).</p> <p><i>Povertà non è peccato</i> (Бедность не грех).</p> <p><i>Non è disonestà confessar la povertà</i> (Это не бесчестие – испытывать нужду).</p> <p><i>Povertà non guasta gentilezza</i> (Бедность не испортит благородства).</p> <p><i>Povertà insegna tutte le arti</i> (Бедность научит всем искусствам).</p>
152	<p><i>Alleva i tuoi figli poveretti, se tu li vuoi ricchi e benedetti</i> (Вскорми своих детей в бедности, если ты хочешь увидеть их богатыми и счастливыми).</p>
153	<p><i>Uomo sollecito non è mai povero</i> (Человек быстрый никогда не будет бедным).</p>
153	<p><i>È meglio aver buon nome, che molte ricchezze</i> (Лучше иметь хорошее имя, чем много богатства).</p> <p><i>Meglio un amico, che cento parenti, pure ricchi e potenti</i> (Лучше друг, чем сто родственников, пусть даже богатых и могущественных).</p> <p><i>La salute val più della ricchezza</i> (Здоровье дороже богатства).</p>
154	<p><i>Meglio esser ricchi di sangue [figli] che di quattrini</i> (Лучше быть богатым детьми, чем деньгами).</p> <p><i>I figli sono la ricchezza dei poveri</i> (Дети – богатство бедных).</p> <p><i>Le vere ricchezze non possono esser rubate da ladri</i> (Истинное богатство не могут украсть воры).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
154	<p><i>La speranza è la ricchezza dei poveri</i> (Надежда – богатство бедных).</p> <p><i>La salute è la ricchezza dei poveri</i> (Здоровье – богатство бедных).</p> <p><i>Chi ha la sanità, è ricco e non lo sa</i> (Кто здоров, тот богат и не догадывается об этом).</p>
156	<p><i>Tre D rovinan l'uomo, diavolo, denaro e donna</i> (Три Д разрушают человека: дьявол, деньги и донна).</p> <p><i>Le donne, fuggite</i> (Женщины, бегите от них).</p>
156	<p><i>La donna porta il diavolo in corpo</i> (Женщина – дьявол во плоти).</p> <p><i>Tutti i peccati mortali son femmine</i> (Все смертельные разочарования – женщины).</p> <p><i>Donne e cavalli, nulla di migliore, nulla di peggiore</i> (Женщины и лошади: нет ничего лучше и ничего хуже).</p>
156	<p><i>Donna buona vale una corona</i> (Хорошая женщина дороже короны).</p> <p><i>Non v'è miglior mobile in casa quanto una buona moglie</i> (Нет ничего лучшего в доме, чем хорошая жена).</p> <p><i>Moglie di giudizio, casa fortunata; moglie senza giudizio, casa disgraziata</i> (Разумная жена – дом полон счастья; жена без ума – несчастный дом).</p>
165	<p><i>La fortuna ha la coda: chi l'acchiappa è sua</i> (У удачи есть хвост, кто за него ухватит, того и счастье).</p> <p><i>La fortuna ha i piedi di vetro</i> (У счастья стеклянные ноги).</p> <p><i>La fortuna è inutile cercarla</i> (Счастье бесполезно искать).</p> <p><i>Corre più la fortuna che il cavallo</i> (Счастье бежит быстрее, чем конь).</p> <p><i>Nessuno può dirsi felice a questo mondo</i> (Никто не может считать себя счастливым в этом мире).</p>
165	<p><i>È meglio nascer senza naso che senza fortuna</i> (Лучше родиться без носа, чем без счастливой доли).</p> <p><i>La fortuna ti accompagna a calci in culo</i> (Счастье сопровождает тебя, пиная в зад).</p> <p><i>Fortuna i forti aiuta, e i timidi rifiuta</i> (Счастье благоволит сильным, слабым отказывает).</p> <p><i>La fortuna da biscotti a chi non ha denti</i> (Счастье дает печенье тем, у кого нет зубов).</p> <p><i>Fortuna istupidisce colui ch'ella troppo favorisce</i> (Счастье делает глупцами тех, кто чересчур обласкан им).</p> <p><i>L'invidia è annessa alla felicità</i> (Зависть сопровождает счастье).</p>
166	<p><i>Con la pazienza, si vince ogni fortuna avversa</i> (С терпением можно преодолеть все превратности судьбы).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
	<p><i>La fortuna seconda i valorosi</i> (Удача благоприятствует мужественным).</p> <p><i>Chi all'altrui spese sa imparare, felice si può chiamare</i> (Кто способен учиться на чужих ошибках, может называть себя счастливым).</p> <p><i>Non vale fortuna a chi non si affatica</i> (Ничего не стоит счастье, если оно не добыто с трудом).</p> <p><i>Chi lavora, è felice</i> (Кто работает, тот счастлив).</p> <p><i>Chi strapazza il mestiere, non fa fortuna</i> (Кто пренебрегает ремеслом, не приобретет счастья).</p> <p><i>Chi incontra buona moglie ha gran fortuna</i> (Кто нашел себе хорошую жену, приобрел большое счастье).</p>
166	<p><i>Fino a che siamo felici, quanti amici, quanti amici!</i> (Пока мы счастливы, сколько друзей, сколько друзей!).</p> <p><i>Felici voi, galline, che non andate a scuola</i> (Счастливы вы, куры, что не ходите в школу).</p> <p><i>Virtù e fortuna non istanno di casa assieme</i> (Добродетель и счастье не живут в одном доме).</p> <p><i>Gli sfacciati son sempre fortunati</i> (Наглым всегда счастье).</p> <p><i>La fortuna è una vacca, a chi mostra il davanti, a chi il dietro</i> (Счастье как корова: к кому передом, а к кому задом).</p>
166	<p><i>La fortuna aiuta i matti e i fanciulli</i> (Фортуна помогает полоумным и простакам).</p> <p><i>La fortuna dei pazzi ha cura</i> (Фортуна печется о сумасшедших).</p> <p><i>La fortuna è dei fessi</i> (Счастье – придуркам).</p>
167	<p><i>Nella felicità ragione, nell'infelicità pazienza</i> (В счастье будь благоразумен, в несчастье терпелив).</p>
168	<p><i>I figli da piccini sono fiori e da grandi son dolori</i> (Маленькие дети – цветы, большие – огорчения).</p> <p><i>Prima del matrimonio rose e fiori, e dopo spine e dolori</i> (До свадьбы розы и цветы, а после – страдания и шипы).</p> <p><i>Ogni gioia col dolor si compra</i> (Любая радость с огорчением).</p> <p><i>Chi vive, caca dolore</i> (Кто живет, тот терпит страдания).</p> <p><i>Meglio dolor di borsa che dolor di pancia</i> (Лучше боль в кошельке, чем боль в животе).</p> <p><i>Il primo dolore che patisce la donna son gli orecchini</i> (Первая женская боль – сережки).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
168	<i>A cinquanta finiti vengon solo dolori</i> (В конце пятого десятка приходят только боли).
173	<i>Non è sempre savio chi non sa esser qualche volta pazzo</i> (Нет такого разумного, который не был бы иногда безумцем). <i>Vi sono dei matti savi e dei savi matti</i> (Есть сумасшедшие мудрецы и мудрые сумасшедшие). <i>Non tutti quelli che hanno lettere, son savi</i> (Не все, кто владеет грамотой, умные).
173	<i>Chi è matto, è bravo</i> (Кто полоумный, тот славный). <i>Un matto sa più domandare che sette savi rispondere</i> (Один дурак может больше спросить, чем семь мудрецов сказать).
177	<i>Il più bel patrimonio è la sapienza</i> (Лучшее наследство – мудрость). <i>Senno e sapere vale sopra ogni avere</i> (Разум и знание дороже всех вещей). <i>Il buon senso è meglio di una cassa d'oro</i> (Светлый ум лучше золотой кассы). <i>Dov'è sapere, non manca ricchezza</i> (Где есть знание, есть и богатство). <i>A chi sa, non manca nulla</i> (У того, кто умен, нет ни в чем недостатка). <i>A chi ha testa, non manca cappello</i> (У кого есть голова, тот найдет себе и шляпу). <i>L'uomo saggio sa trovare riparo a tutto</i> (Разумный человек все может исправить). <i>Col giudizio si fugge ogni precipizio</i> (С умом можно избежать любые неприятности). <i>Chi sa, è padrone degli altri</i> (Кто умен, тот для других господин). <i>Al savio poche parole bastano</i> (Разумному человеку мало слов достаточно). <i>Chi aggiunge sapere, aggiunge dolore</i> (Кто добывает знания, добывает и страдания). <i>Il troppo giudizio fa andare in precipizio</i> (Слишком много ума – видимая беда). <i>Chi troppo studia, matto diventa, – chi niente studia, mangia polenta</i> (Кто много учит, становится полоумным, – кто ничего не учит, ест кашу). <i>Bisogna che il savio porti il pazzo in ispalla</i> (Тот, кто умен, должен тянуть на своих плечах дураков). <i>Niuno è savio d'ogni tempo</i> (Каждый день никто не мудр).

Продолжение таблицы 1А

1	2
177	<p><i>Vale più un grano di pepe che una testa d'asino</i> (Одно зернышко перца дороже головы осла).</p> <p><i>Per gli scemi non c'è paradiso</i> (Для глупцов нет рая).</p> <p><i>L'ignoranza è madre della miseria</i> (Невежество – мать нищеты).</p> <p><i>Se non ti cammina il cervello, ti patisce lo stomaco</i> (У кого не варит голова, страдает желудок).</p> <p><i>La parte del minchione è la prima mangiata</i> (Кусок для дурака съедается первым).</p> <p><i>Alle barbe dei pazzi il barbiere impara a radere</i> (Парикмахер практикуется на бородах дураков).</p> <p><i>A non sapere si mangian mosche</i> (Дурня и мухи заедают).</p> <p><i>A chi non comprende, male andrà quanto si trova</i> (Кто себе на ум не берет, того беда везде найдет).</p>
177	<p><i>Chi nasce matto non guarisce mai</i> (Кто родился дураком, никогда не излечится).</p> <p><i>Un pazzo getta una pietra nel pozzo, che poi ci voglion cento savi a cavarla fuori</i> (Один дурак бросит камень в колодец, и сто мудрецов не вытащат).</p> <p><i>Quanti pazzi nutre la farina e quanti savi muoiono di fame</i> (Сколько дураков ест муку, сколько мудрецов умирает от голода).</p> <p><i>Metti il matto da per sé, diventerà savio</i> (Оставь дурака самого с собой, он станет умным).</p> <p><i>Non tutti i matti stanno al manicomio</i> (Не всем дуракам место в дурдоме).</p> <p><i>Il manicomio è una vetrina e i matti sono fuori</i> (Дурдом – витрина, и слабоумные – ее цветы).</p> <p><i>La fortuna dei pazzi ha cura</i> (Счастье с дураками).</p> <p><i>Asini e bambini, Dio li aiuta</i> (Дураки и дети, Бог им помогает).</p>
184	<p><i>Sopra il sal non è sapore, sopra Dio non è signore</i> (Нет вкуса выше соли, нет господина выше Бога).</p> <p><i>Non muove foglia, che Dio non voglia</i> (Не шевелится и лист, если Бог не пожелает).</p> <p><i>Dove Dio non mette, l'uomo non può</i> (Где Бог не положит, человек не сможет).</p> <p><i>Bisogna volere quel che Dio vuole</i> (Нужно желать то, что богу угодно).</p> <p><i>Chi sta con Dio, Dio sta con lui</i> (Кто с Богом, с тем Бог).</p>
184	<p><i>A chi ben crede, Dio provvede</i> (Кто свято верит, о том Бог заботится).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
184	<p><i>L'uomo propone e Dio dispone</i> (Человек предполагает, а Бог располагает).</p> <p><i>Dio vede e Dio provvede</i> (Бог видит и Бог дает помощь).</p> <p><i>Chi contro Dio gitta pietra, in capo gli torna</i> (Кто против Бога бросит камень, попадет себе в голову).</p> <p><i>Ognuno ha il paradiso che si merita</i> (У каждого рай, какого он заслуживает).</p> <p><i>È meglio quel che Dio manda, che quel che l'uom dimanda</i> (Лучше то, что Бог пошлет, чем то, о чем человек просит).</p>
184	<p><i>Ognun pensi per sé e Dio per tutti</i> (Каждый думай о себе, а Бог обо всех).</p> <p><i>Dio acconsente ma non sempre</i> (Бог дает согласие, но не всегда).</p> <p><i>Chi chiama Dio, non è contento; e chi chiama il diavolo, è disperato</i> (Кто взывает к Богу, недоволен; кто взывает к дьяволу, безутешен).</p> <p><i>Dove si manuca, Dio mi conduca; dove si lavora, Dio mi tenga fuori</i> (Где едят, Бог меня отводит; там, где работают, Бог меня держит).</p>
184	<p><i>Dio a chi da il sacco e a chi da la farina</i> (Бог дает кому мешок, а кому муку).</p> <p><i>Dio manda i biscotti a quelli che non hanno denti</i> (Бог посылает печенье тем, у кого нет зубов).</p>
185	<p><i>Chi s'aiuta, Iddio l'aiuta</i> (Кто сам себе поможет, тому Господь поможет).</p>
185	<p><i>Chi ha ragione, Iddio l'aiuta</i> (Кто прав, тому Бог помогает).</p> <p><i>Chi fugge il peccato, cerca Dio</i> (Кто избегает греха, ищет Бога).</p> <p><i>Chi sprezza l'onore, sprezza Dio</i> (Кто пренебрегает честью, пренебрегает Богом).</p> <p><i>Chi mal pensa, Dio gli dia male</i> (Кто худо замышляет, тому Бог худо посылает).</p> <p><i>Dove non è ordine, Dio non abita</i> (Где нет порядка, Бог не живет).</p> <p><i>Chi lavora, Dio gli dona</i> (Кто работает, того Бог вознаграждает).</p> <p><i>Chi vuoi la grazia da Cristo non abbia fretta</i> (Кто хочет получить расположение Бога, не спешит).</p> <p><i>Gente allegra Iddio l'aiuta</i> (Веселым людям Бог помогает).</p> <p><i>Di' la verità che Dio t'aiuta</i> (Говори правду – и Бог поможет).</p> <p><i>Lingua mendace con Dio non ha pace</i> (Сквернословный язык Богу не угоден).</p> <p><i>A cattiva vacca Dio dà corte corna</i> (Злой корове Бог дает короткие рога).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
189	<p><i>Parola dolce moltiplica gli amici e umilia i nemici</i> (Сладкое слово умножает друзей и усмиряет врагов).</p> <p><i>A parole lorde orecchie sorde</i> (На грязные слова глухие уши).</p> <p><i>Le parole disoneste, vanno attorno come la peste</i> (Непристойные слова, они бродят вокруг как чума).</p>
189	<p><i>Il silenzio è d'oro, la parola d'argento</i> (Молчание – золото, слово – серебро).</p> <p><i>Le buone parole non rompono i denti</i> (Хорошие слова не ломают зубы).</p> <p><i>Prima di parlare, mastica bene la parola in bocca</i> (Прежде чем слово сказать, пережевывай его хорошо во рту).</p>
204	<p><i>I signori hanno il bene in questo mondo e anche in quell'altro</i> (Синьорам хорошо и на этом, и на том свете).</p>
204	<p><i>Usa col buono, e sta lungi dal cattivo</i> (Доброго держись, а от худого удались).</p>
205	<p><i>Il buon pastore tosa, non scortica</i> (Хороший пастух стрижет и не ранит).</p> <p><i>Una buona greppia fa fare il latte alla vacca</i> (Хорошая кормушка даст корове молока).</p> <p><i>La buona mercanzia trova presto recapito</i> (Хороший товар быстро находит покупателя).</p> <p><i>Il buon nome è un altro patrimonio</i> (Хорошее имя – второе наследство).</p> <p><i>Il buon cavallo non ha bisogno di sproni</i> (Хорошему коню не нужны шпоры).</p> <p><i>Chi è buono di natura, ha da aver la vita dura</i> (Кто добр по природе, долго живет).</p> <p><i>La buona vita fa la faccia pulita</i> (Хорошая жизнь делает чистым лицо).</p>
205	<p><i>Buone parole e semplici fatti convincono saggi e matti</i> (Хорошие слова и поступки убедят и мудрых и глупых).</p> <p><i>Buona compagnia, mezza la via</i> (Хорошая компания – половина пути).</p>
206	<p><i>Una buona parola smorza più che una caldaia d'acqua</i> (Хорошее слово усмиряет лучше, чем бак воды).</p> <p><i>La buona compagnia porta sempre allegria</i> (Хорошая компания всегда несет радость).</p>
208	<p><i>Buon vino fa buon sangue</i> (Хорошее вино делает хорошей кровь).</p> <p><i>Buon marito fa la buona moglie</i> (У хорошего мужа хорошая и жена).</p> <p><i>La buona moglie fa il buon marito</i> (У хорошей жены хороший и муж).</p> <p><i>Buon maestro fa buoni scolari</i> (У хорошего учителя хорошие ученики).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
208	<p><i>La buona madre fa la buona figliola</i> (У хорошей мамы хорошая дочка).</p> <p><i>Chi aggiusta bene il letto, dorme bene</i> (Кто хорошо стелет, тот хорошо и спит).</p> <p><i>Chi sta bene con sé, sta bene con tutti</i> (Кому хорошо с самими собой, хорошо и с другими).</p> <p><i>Buon principio fa buon fine</i> (Хорошее начало делает хорошим конец).</p> <p><i>Le buone sorelle fanno i buoni fratelli</i> (Хорошие сестры делают хорошими братьев).</p> <p><i>Buon grano fa buon pane</i> (Из хорошего зерна хороший хлеб).</p> <p><i>Chi ben cena, ben dorme</i> (Кто хорошо ужинает, тот хорошо и спит).</p> <p><i>Chi ben fa, ben trova</i> (Кто совершает добро, добро и находит).</p> <p><i>Chi sta bene con sé sta bene con tutti</i> (Кто в ладу с самим собой, тому хорошо и со всеми).</p> <p><i>Chi ben ripone, ben trova (ritrova)</i> (Кто хорошо кладет, тот хорошо находит).</p> <p><i>Chi bene annoda, ben scioglie</i> (Кто хорошо завязывает, хорошо и развязывает).</p>
209	<p><i>È bene sapere un po' di tutto</i> (Хорошо знать понемногу обо всем).</p> <p><i>Bello è contemplare il mare dal porto</i> (Хорошо созерцать море с берега).</p> <p><i>È bene avere il Francese per amico, ma non per vicino</i> (Хорошо иметь друга француза, но не соседа француза).</p> <p><i>Quando si ha fame è buono tutto</i> (Когда голоден, хорошо все).</p>
210	<p><i>Soldato che scappa è buono per un'altra volta</i> (Солдат, который бежит, хорош для следующего раза).</p> <p><i>La pulizia sta bene dappertutto, anche nella stalla</i> (Чистота хороша везде, даже в хлеву).</p> <p><i>L'agnello è buono anche dopo Pasqua</i> (Ягненок хорош и после Пасхи).</p> <p><i>Di notte tutte le donne sono buone</i> (Ночью все женщины хороши).</p> <p><i>Quando hai sete, tutto è buono da bere</i> (Когда хочешь пить, все хорошо для питья).</p> <p><i>Amici, oro e vino vecchio sono buoni per tutto</i> (Друзья, золото и старое вино хороши для всего).</p> <p><i>Il cafone sta bene soltanto da solo</i> (Мужику хорошо только одному).</p> <p><i>Ogni principio è buono</i> (Каждый принцип хорош).</p> <p><i>Ognuno è buono a qualcosa</i> (Каждый в чем-то хорош).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
210	<i>Tutti siamo buoni fino a che non ci toccano</i> (Все мы хороши, пока не трогают нас).
210	<i>La salute è buona tredici mesi all'anno</i> (Здоровье хорошо тринадцать месяцев в году). <i>Il bene è bene per tutti</i> (Добро есть добро для всех). <i>Ogni aiuto è buono</i> (Всякая помощь хороша).
211	<i>Chi lavora sta bene</i> (Кто работает, тому хорошо). <i>Tutto è bello finché non s'è visto, tutto è buono fin che non s'è provato</i> (Все хорошо, пока ты это не увидел, все вкусно, пока не попробовал). <i>La superbia sta bene solo ai cavalli</i> (Высокомерие красит только лошадей).
211	<i>Con pochino ci si fa ben volere, con niente ci si fa coglionare</i> (У кого хоть немного есть за душой, того принимают хорошо, у кого ни гроша, над тем издеваются). <i>Chi ha danari, signore è chiamato</i> (У кого деньги, того называют синьором). <i>Ognuno è amico di chi ha un buon fico</i> (Каждый друг тому, у кого хороший инжир).
212	<i>Tutti bravi a casa propria</i> (Все хороши в своем доме).
212	<i>Chi loda sé stesso non vale un gesso</i> (Кто сам себя хвалит, не стоит и гипса).
212	<i>Chi l'indovina è bravo</i> (Кто способен понять другого, тот молодец).
212	<i>Donne e sardine son buone piccoline</i> (Женщины и сардины хороши маленькие).
213	<i>Ogni cuffia per la notte è buona</i> (Каждый чепец для ночи хорош). <i>Il violino sta bene nelle mani del sonatore</i> (Скрипке хорошо в руках музыканта).
213	<i>Quando il pane è scarso, son buone anche le briciole</i> (Когда хлеба не хватает, хороши даже крошки). <i>Fior di limone, quando non c'è altro, ogni cosa è buona</i> (Цветок лимона: когда нет ничего другого, любая вещь хороша). <i>Le frutta son buone due volte l'anno, quando le vengono e quando si partono</i> (Фрукты хороши два раза в году, когда начинаются и когда заканчиваются).
213	<i>È buon fare (comodo) imparare sulle spalle degli altri</i> (Хорошо поучать, сидя на чужих плечах). <i>Si balla bene sulle sale degli altri</i> (Хорошо танцевать на остроумии других).

Продолжение таблицы 1А

1	2
213	<i>A non far niente si sta bene</i> (Хорошо ничего не делать).
214	<i>Tutti son bravi quando il nemico fugge</i> (Все хороши, когда враг бежит).
214	<i>Ognun sa navigare quando è buono il vento</i> (Каждый умеет идти под парусами, когда хороший ветер).
215	<i>È buon fare criticare</i> (Хорошо критиковать). <i>Tutti son buoni a sistemar la moglie a chiacchiere</i> (Все хороши командовать женой и болтать). <i>La paura è buona per cacare</i> (Страх хорош для того, чтобы оправляться).
215	<i>È bene sapere un po' di tutto</i> (Хорошо знать понемногу обо всем). <i>Ogni scusa è buona purché vaglia</i> (Любое извинение хорошо вовремя). <i>La lingua sta bene dentro i denti</i> (Языку хорошо за зубами). <i>Si fa bene a dire dopo che le cose son già fatte</i> («Сделано хорошо» нужно говорить тогда, когда дело сделано). <i>Seduti si sta bene solo a mangiare</i> (Сидя хорошо только кушать).
215	<i>In ogni paese è buona stanza dove si leva il sole</i> (В каждом краю хорошо то место, где встает солнце). <i>Campa bene chi lavora</i> (Живет хорошо тот, кто работает). <i>Quando camminan le scarpe, la casa sta bene</i> (Пока ноги ходят, дома хорошо). <i>Gli uccelli stanno bene solo liberi</i> (Птицам хорошо только на свободе). <i>È bene aver degli amici per tutto</i> (Хорошо иметь друзей для всего).
216	<i>I coglioni stan bene dove sono</i> (Дуракам везде хорошо). <i>Chi ha ad aver bene, dormendo gli viene</i> (Кому хорошо, добро и во сне приходит). <i>Dove c'è buono stare, c'è buon campare</i> (Хорошо жить там, где хорошо).
216	<i>Quando stai bene, allora la morte viene</i> (Когда станет хорошо, тогда придет смерть).
217	<i>Tutto è bene quel che finisce bene</i> (Все хорошо, что хорошо кончается).
217	<i>È buona la spesa che conserva la fama</i> (Хороша растрата, если она сохраняет голод). <i>Lunga è buona solo la salsiccia</i> (Длинная хороша только колбаса). <i>La prudenza sta bene anche sulla porta del diavolo</i> (Благоразумие хорошо даже у двери дьявола). <i>Chi sta bene, non si muove</i> (Кому хорошо, тот не шевелится).
217	<i>L'avarò è come il porco: è buono quando è morto</i> (Жадный как свинья: хорош, когда мертв).

Продолжение таблицы 1А

1	2
217	<p><i>La lingua è buona, ma quella dei maiali</i> (Язык хорош, но тот, что у свиньи).</p> <p><i>L'uomo alto è buono solo a spegnere le candele in chiesa</i> (Высокий мужчина хорош только для того, чтобы в церкви гасить свечи).</p> <p><i>Donna buona? Nemmeno quella nell'icona</i> (Женщина хороша? Ну разве что на иконе).</p>
218	<p><i>Le madonne stanno bene attaccate al muro</i> (Мадонны хороши только прикрепленные к стене).</p>
219	<p><i>Suocera e nuora si voglion bene come gli occhi e il fumo</i> (Свекровь и невестка так друг друга любят, как глаза дым).</p>
221	<p><i>Della roba di mal acquisto non ne gode il terzo erede</i> (Нечестно нажитое добро не годится и третьему наследнику).</p> <p><i>Scarpa cucita male, dura poco</i> (Плохо сшитая туфля служит мало).</p>
222	<p><i>Al cattivo zappatore ogni zappa dà dolore</i> (Плохому крестьянину любая мотыга нехороша).</p> <p><i>A un cattivo marinaio tutti i venti gli danno noia</i> (Плохому моряку все ветры приносят неприятности).</p> <p><i>Cattivo lavoratore, ad ogni ferro pon cagione</i> (Плохой работник в каждом инструменте видит причину неудач).</p> <p><i>Una cattiva lavandaia non trova mai una pietra buona</i> (Плохая прачка никогда не находит хорошего камня).</p>
222	<p><i>Chi fa male, odia il lume</i> (Кому плохо, ненавидит свет).</p> <p><i>A cattivo parlatore discreto ascoltatore</i> (Плохой оратор утомляет слушателя).</p> <p><i>Moglie bella e cattiva è inferno doppio</i> (Жена красивая и плохая – двойной ад).</p> <p><i>Il mal detto non si cancella, il mal fatto si</i> (Плохо сказанное не исправишь, плохо сделанное – да).</p>
222	<p><i>Cattive lingue tagliano piu che le spade</i> (Худые языки секут хуже сабли).</p> <p><i>La cattiva lingua è come il cattivo vicino: brutto la sera e brutto il mattino</i> (Плохой язык как плохой сосед: скверный вечером и скверный утром).</p>
223	<p><i>L'erba cattiva cresce in fretta</i> (Плохая трава растет быстро).</p> <p><i>L'erba cattiva soffoca dove arriva</i> (Плохая трава, куда прибывает, душит).</p> <p><i>Mal guadagno, danno sicuro</i> (Плохой заработок – верный убыток).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
224	<p><i>Chi mal semina, mal raccoglie</i> (Кто плохо сеет, плохо и пожинает).</p> <p><i>A chi mal fa, mal va</i> (Тому, кто худо поступает, плохо живется).</p> <p><i>Chi mal fa, male aspetta</i> (Кто делает худо, худа и ждет).</p> <p><i>Cattivo amico, pessimo marito</i> (Плохой друг – худший муж).</p> <p><i>Il cattivo riscuotitore fa il cattivo pagatore</i> (Плох сборщик налогов – плох и плательщик).</p> <p><i>Chi ha il mal vicino, ha il mal mattutino</i> (У кого плохой сосед, плоха и утренняя молитва).</p>
225	<p><i>È un cattivo sordo quello che non vuole intendere</i> (Плох тот глухой, который не хочет понимать).</p> <p><i>Cattivo quell'uccello che sporca il suo nido</i> (Плоха та птица, которая свое гнездо марают).</p> <p><i>Guai a chi gode tutto il suo</i> (Худо тому, кто считает все своим).</p> <p><i>Cattivo è quel sacco che non si può rappezzare</i> (Плох тот мешок, который нельзя залатать).</p>
225	<p><i>Cattivo quel guadagno che cagiona maggior danno</i> (Плох тот заработок, который является поводом для проклятий).</p> <p><i>Tra gente sospetosa conversare è mala cosa</i> (Распространять сплетни – плохое дело).</p>
225	<p><i>È male amico chi a sé è nemico</i> (Плох тот друг, который сам себе недруг).</p> <p><i>È un cattivo sordo quello che non vuole intendere</i> (Плох тот глухой, который не хочет понимать).</p>
226	<p><i>Cattivo è il mestiero che non nutrisce l'artefice</i> (Плохо то ремесло, которое не кормит мастера).</p> <p><i>È un cattivo boccone quello che affoga</i> (Плох тот кусок, который душит).</p>
226	<p><i>Cattiva è quella lana che non si può tingere</i> (Плоха та шерсть, которую нельзя покрасить).</p> <p><i>Male altrui consiglia, che per sé non lo piglia</i> (Плох тот чужой совет, которому сам советчик не следует).</p> <p><i>Cattiva scusa dello svogliato</i> (Плоха отговорка лентяя).</p>
226	<p><i>Guai a chi gode tutto il suo</i> (Худо тому, кто считает все своим).</p> <p><i>Guai al pescatore che teme l'acqua fredda</i> (Худо рыбаку, который боится холодной воды).</p> <p><i>Guai a quella casa dove la famiglia s'accorda</i> (Худо тому дому, где нет согласия в семье).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
226	<p><i>Male stano i genitori che vivono a spese dei figli</i> (Плохо родителям, которые живут для расходов на детей).</p> <p><i>Quando il cieco porta la bandiera, guai a chi vien dietro!</i> (Когда слепой несет знамя, худо тому, кто идет позади!)</p>
226	<p><i>Cattivo litigare dove la forza è giustizia</i> (Плохо вести тяжбу, если сила является правосудием).</p> <p><i>É un cattivo andare contro il vento</i> (Плохо идти против ветра).</p> <p><i>Mal si caccia coi cani svogliati</i> (Плохо охотиться с ленивыми собаками).</p>
227	<p><i>Tra gente sospetosa conversare è mala cosa</i> (Распускать сплетни – дурное дело).</p> <p><i>La fame è cattiva consigliera</i> (Голод – плохой советчик).</p> <p><i>Quando i ragazzi stanno fermi, cattivo segno</i> (Когда юноши останавливаются – дурной знак).</p> <p><i>Quando il re parte, la citta sta male</i> (Когда король уезжает, городу худо).</p>
229	<p><i>Bene viene da bene, male viene da male</i> (Добро приходит к добру, худое к худу).</p> <p><i>Le buone vanno, le cattive stanno</i> (Хорошие уходят, плохие остаются).</p> <p><i>Lavoratore buono, d'un podere ne fa due; cattivo, ne fa un mezzo</i> (Хороший работник один сделает работу за двоих, плохой – сделает лишь половину).</p> <p><i>Le buone parole ungono, e le cattive pungono</i> (Хорошие слова льстят, плохие – ранят).</p> <p><i>Chi fa male, guadagna un carro di sale; e chi fa bene, guadagna un carro di fieno</i> (Кто работает плохо, зарабатывает повозку соли, а кто хорошо – повозку сена).</p>
230	<p><i>Col bene vinci tutto e col male perdi tutto</i> (С добром победишь все, с худом все потеряешь).</p> <p><i>Il bello va e viene, il brutto si mantiene</i> (Хорошее приходит и уходит, а плохое держится).</p> <p><i>Il bene bisogna cercarlo, e il male aspettarlo</i> (Добро нужно искать, худо ждать).</p> <p><i>Il bello non va nella scodella e il brutto va dappertutto</i> (Хорошее не валится в миску, а плохое есть везде).</p> <p><i>Bene viene da bene, male viene da male</i> (Добро приходит к добру, худое к худу).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
231	<p><i>Moglie buona, fa la casa; cattiva, la disfa</i> (Хорошая жена создает домашний очаг, плохая – его разрушает).</p> <p><i>Se vuoi veder la moglie del buon marito, guardale il viso; se vuoi vedere il marito della cattiva moglie, guardagli i panni</i> (Если хочешь увидеть жену хорошего мужа, узнаешь ее по лицу, если хочешь увидеть мужа плохой жены, узнаешь его по одежде).</p> <p><i>Bastardo buono, ventura; bastardo cattivo, sua natura</i> (Хороший незаконный сын – удача, плохой – беда самого сына).</p>
231	<p><i>Ben per male è carità, mal per bene è crudeltà</i> (Добро к злу милосердно, зло к добру жестоко).</p> <p><i>Chi mi vuoi bene mi fa arrossire, e chi mi vuoi male mi fa imbianchire</i> (Кто мне желает хорошего, заставит меня краснеть, а кто мне желает зла, заставит меня бледнеть).</p>
232	<p><i>Le brutte nuove arrivano più in fretta delle buone</i> (Плохие вести приходят раньше, чем хорошие).</p> <p><i>Le cattive nuove volano</i> (Плохие вести летят).</p> <p><i>Le cattive novelle corron presto</i> (Плохие вести бегут быстро).</p>
234	<p><i>È bello venir vecchi ma è brutto esserlo</i> (Хорошо достичь старости, но плохо быть старым).</p>
235	<p><i>Cristo castiga i buoni e ai cattivi dà i canestri prosperità</i> (Христос наказывает хороших, а плохим дает благосостояние).</p> <p><i>Non far mai bene, non avrai mai male</i> (Не делай никогда хорошего, не получишь никогда худого).</p> <p><i>A far bene non sta bene, a far male non c'è male</i> (Делать добро – не будет добра, делать худо – не будет худа).</p> <p><i>Facciam ben, facciam mal, in cent'anni saremo egual</i> (Делаем ли мы добро, делаем ли мы худо, в сто лет все будем одинаковы).</p>
235	<p><i>La buona cura scaccia la mala ventura</i> (Хорошая забота отгоняет плохую судьбу).</p>
235	<p><i>A legna sana non entra verme</i> (Здоровое дерево не поражают черви).</p> <p><i>Chi va diritto non fallisce [sbaglia] strada</i> (Кто идет прямо, не ошибается дорогой).</p> <p><i>L'oro non prende macchia</i> (На золоте пятен не бывает).</p> <p><i>Il bene non fu mai male, e il male non fu mai bene</i> (Хорошее никогда не бывает плохим, а плохое хорошим).</p> <p><i>Il bene e il male non vanno d'accordo</i> (Хорошее и плохое не могут быть в согласии).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
236	<p><i>Buon mercato vuota la borsa</i> (Хороший рынок опустошает кошелек).</p> <p><i>Buon tempo fa scavezzare il collo</i> (Хорошая погода ломает шею).</p> <p><i>Chi fa bene, patisce pene</i> (Кто делает добро, терпит мучения).</p> <p><i>Il buon marinaio si conosce al cattivo tempo</i> (И хорошему моряку знакома плохая погода).</p> <p><i>Comincia a diventar cattivo chi si tien buono</i> (Начинает становиться плохим тот, кто считает себя хорошим).</p>
236	<p><i>Spesso i beni del corpo sono mali dell'anima</i> (Часто красивые телом плохи душой).</p> <p><i>Bella in vista, dentro è trista</i> (Красивая с виду, а внутри скверная).</p> <p><i>Occhio bello, animo fello</i> (Взгляд приятен, душа скверная).</p> <p><i>Quello che è buono per il fegato, può essere cattivo per la milza</i> (То, что хорошо для печени, может быть плохим для селезенки).</p>
236	<p><i>Capelli ricci, cervello pazzo</i> (Волосы роскошные, мозги жидкие).</p> <p><i>Scarpe grosse e cervello fino</i> (Башмаки большие, а ум маленький).</p> <p><i>Corpo grosso e cervello fino</i> (Тело тучное, а мозг тощий).</p> <p><i>La donna è come la castagna: bella di fuori e dentro è la magagna</i> (Женщина как плод каштана, который красив снаружи и с порчей внутри).</p> <p><i>Avanti ti liscia e dietro ti piscia</i> (В глаза тебя хвалит, за глаза поливает грязью).</p> <p><i>La lingua unge e il dente punge</i> (Язык льстит, а зуб кусает).</p> <p><i>Lingua lunga, corta mano</i> (Язык длинный, рука помощи короткая).</p> <p><i>Troppe foglie, poche susine</i> (Много листьев, мало слив).</p>
237	<p><i>Dal bene al male il passo è corto</i> (От добра до худа короткий шаг).</p> <p><i>Tra il bene e il male c'è di mezzo il mare</i> (Между плохим и хорошим середина моря).</p> <p><i>Accosto al pepe si mette il sale, accosto al bene c'è sempre il male</i> (Рядом с перцем кладут соль, рядом с добром всегда худо).</p>
237	<p><i>Da una rosa nasce una spina e da una spina nasce una rosa</i> (От розы рождается шип, от шипа – роза).</p> <p><i>Niun bene senza male, niun male senza bene</i> (Нет добра без худа, нет худа без добра).</p> <p><i>Non c'è mortorio senza scherzi, né matrimonio senza pianti</i> (Нет похорон без шутки, а свадьбы без слез).</p> <p><i>Né bello senza difetto, né brutto senza grasso</i> (Ни красоты без дефекта, ни уродства без достоинства).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
237	<p><i>Non pianse mai uno che non ridesse un altro</i> (Не плачется над одним, чтобы не смеяться над другим).</p> <p><i>Ogni medaglia ha il suo rovescio</i> (Каждая медаль имеет свою обратную сторону).</p> <p><i>Non vi è libro così cattivo che non abbia qualcosa di buono</i> (Нет такой плохой книги, в которой не нашлось бы что-то хорошее).</p> <p><i>Chi non è capace di fare il male, non è capace neanche di fare il bene</i> (Кто не способен делать худого, не способен делать и доброе).</p>
237	<p><i>Chi non ha gustato l'amaro non sa che si sia dolce</i> (Кто не пробовал горького, не знает, что есть сладкое).</p> <p><i>Per conoscere il bello, bisogna conoscere il brutto</i> (Чтобы познать доброе, нужно познать дурное).</p>
237	<p><i>Non si gode, se non si patisce</i> (Не почувствуешь удовольствия, не настрадавшись).</p> <p><i>Chi ha provato il male, gusta meglio il bene</i> (Кто испытал худое, вкушает лучше хорошее).</p> <p><i>Non c'è gusto, se non c'è disgusto</i> (Нет сладости, если нет огорчений).</p>
238	<p><i>Le rose cascano e le spine restano</i> (Розы опадают, а шипы остаются).</p> <p><i>Le grandi calme non nascono che dopo le grandi tempeste</i> (Большие штили не рождаются без последующих больших штормов).</p> <p><i>Buon tempo e mal tempo non dura tutto il tempo</i> (Хорошая и плохая погода не длятся вечно).</p> <p><i>Il bene non dura, il male non regna</i> (Хорошее не постоянно, плохое не царствует).</p> <p><i>Il male va dietro al bene e il bene al male</i> (Плохое идет за хорошим, а хорошее за плохим).</p> <p><i>Oggi male, domani bene, prendi il mondo come viene</i> (Сегодня плохо, завтра хорошо – принимай мир таким, какой он есть).</p> <p><i>Soffri il male e aspetta il bene</i> (Переживай худо, а жди добра).</p>
238	<p><i>Alle volte, dei cattivi nocchi si fanno di buone schegge</i> (Иногда плохие орехи дают хорошие осколки).</p> <p><i>Terra magra fa buon frutto</i> (Худая земля дает хороший плод).</p> <p><i>Anche le mucche nere danno il latte bianco</i> (И черные коровы дают белое молоко).</p> <p><i>Dal mali costumi nascono le buoni leggi</i> (От плохих нравов рождаются хорошие законы).</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
238	<i>La morte delle pecore è la fortuna dei cani</i> (Смерть овец – собачье счастье).
238	<p><i>Chi semina del male, non raccoglie del bene</i> (Кто сеет худо, не собирает хорошее).</p> <p><i>Da cattiva pianta non nasce mai buon frutto</i> (Плохое растение никогда не даст хорошего плода).</p> <p><i>Un cattivo boccone non fa buon prò</i> (Плохой кусок не идет впрок).</p> <p><i>Roba cattiva non è mai a buon mercato</i> (Плохая вещь никогда не попадет на хороший рынок).</p>
239	<p><i>Chi lupo nasce, non muore agnello</i> (Кто родился волком, тому не умереть ягненком).</p> <p><i>Un porco ben lavato puzza sempre</i> (И хорошо помытая свинья воняет всегда).</p> <p><i>Non si può far di un pruno un melarancio</i> (Не сделаешь из терновника апельсинового дерева).</p> <p><i>Di un castagno non puoi fare un ciliegio</i> (Из каштана черешни не сделаешь).</p> <p><i>Le querce non fanno limoni</i> (Дубы не дадут лимонов).</p> <p><i>Il leccio non fa olive</i> (От дуба не жди оливок).</p> <p><i>Da un castagno non può venire una rosa</i> (На каштане не вырасти розе).</p> <p><i>Dai salici non si tira vino</i> (От ив не получишь вина).</p> <p><i>Di coda d'asino non si può fare staccio di seta</i> (Из ослиного хвоста не сделаешь шелкового сита).</p>
239	<p><i>Dalla vite nera non si può tirar fuori l'uva bianca</i> (От черной (дикой) виноградной лозы не получишь цветов белого винограда).</p> <p><i>I ramolacci non posson fare cavolucci</i> (Черной редьке не стать белой капустой).</p>
239	<p><i>Vesti una fascina, sembrerà una regina</i> (Принаряди сноп, покажется королевой).</p> <p><i>Vesti un legno, che pare un regno</i> (Наряди полено – и станет царем).</p> <p><i>Assai migliora chi non peggiora</i> (Достаточно хорош тот, кто не худший).</p>
240	<p><i>Cattive compagnie guastano i buoni costumi</i> (Плохие компании портят хорошие нравы).</p> <p><i>Un cattivo cane rode una buona corda</i> (Плохая собака грызет хорошую цепь).</p> <p><i>Un piccol nuvolo guasta un bel sereno</i> (Одна маленькая тучка портит</p>

Продолжение таблицы 1А

1	2
	прекрасную безмятежность). <i>Un'oncia di aloè fa amaro dieci libbre di miele</i> (Одна капля алоэ делает горькими десять ложек меда).
241	<i>Né bello senza difetto, né brutto senza grasso</i> (Нет ни красоты без дефекта, ни уродства без достоинства).
241	<i>Di un castagno non puoi fare un ciliegio</i> (Из каштана черешни не сделаешь).
243	<i>Per tutto bene, ma in famiglia meglio</i> (Везде хорошо, но дома лучше). <i>E meglio aver buon nome che molte ricchezze</i> (Лучше иметь доброе имя, чем много богатства). <i>E meglio avere una donna bella che i soldi nel sacco</i> (Лучше иметь красивую женщину, чем мешок с деньгами). <i>Meglio un buon desinare che una bella giubba</i> (Лучше хороший обед, чем красивая куртка). <i>E meglio comprare il latte che la vacca</i> (Лучше купить молоко, чем корову).
244	<i>Meglio un'oncia di libertà che dieci libbre d'oro</i> (Лучше одна унция свободы, чем десять фунтов золота). <i>Meglio una festa che cento festicciole</i> (Лучше один праздник, чем сто вечеринок).
244	<i>È meglio nascere fortunati che ricchi</i> (Лучше родиться счастливым, чем богатым). <i>Meglio un amico, che cento parenti, pure ricchi e potenti</i> (Лучше один друг, чем сто родственников, даже богатых и могущественных).
245	<i>E meglio abitare con le fiere nelle spelonche, che avere in casa una femmina litigiosa</i> (Лучше жить с дикими зверями в пещере, чем иметь в доме склочную женщину). <i>E meglio morire, che ridire</i> (Лучше умереть, чем кляузничать).
245	<i>E meglio essere vivi con una gamba sola che morti con due</i> (Лучше быть живым с одной ногой, чем мертвым с двумя). <i>E meglio andare in paradiso stracciato che all'inferno in abito ricamato</i> (Лучше отправиться в рай в лохмотьях, чем в богатой одежде – в ад).
246	<i>È meglio errar con molti ch'esser savio solo</i> (Лучше ошибаться со многими, чем быть мудрым одному).
246	<i>Meglio avere un nemico intelligente che un amico sciocco</i> (Лучше иметь умного врага, чем глупого друга).

Продолжение таблицы 1А

1	2
247	<i>Meglio calcio di cavallo che non calcio d'asino</i> (Лучше пинок от коня, чем от осла).
247	<p><i>Meglio è assai morte onorata, che una vita svergognata</i> (Лучше почетная смерть, чем позорная жизнь).</p> <p><i>È meglio morire con onore che vivere con vergogna</i> (Лучше умереть с честью, чем жить в позоре).</p> <p><i>È meglio morire in piedi che vivere inchinato</i> (Лучше умереть на ногах, чем на коленях).</p> <p><i>Meglio una sassata nella testa che una ferita nell'onore</i> (Лучше удар по голове, чем рана чести).</p>
248	<p><i>Chi è vergognoso, vada straccioso</i> (Кто со стыдом, тот ходит в лохмотьях).</p> <p><i>La gallina vergognosa va a dormire col gozzo vuoto</i> (Стыдливая курица идет спать с пустым зобом).</p> <p><i>Il frate vergognoso porta le bisacce vuote</i> (Стыдливый священнослужитель остается без пожертвований).</p>
248	<p><i>Chi non ha coscienza, non ha vergognan é scienza</i> (У кого нет совести, у того нет стыда и ума).</p> <p><i>È meglio onore che boccone</i> (Лучше честь, чем лакомый кусок).</p> <p><i>Non pesa l'oro e nemmeno il piombo: pesa più l'onore che tutto il mondo</i> (Ни золото, ни свинец не ценятся так, как ценится честь во всём мире).</p> <p><i>Dove non è vergogna, manca virtù e onore</i> (Где нет стыда, нет добродетели и чести).</p>
249	<i>Meglio far la puttana e non il ladro</i> (Лучше быть путаной, чем воровать).
249	<p><i>È meglio una sessola da soli che una barca in comune</i> (Лучше свой черпак, чем общая лодка).</p> <p><i>Meglio il suo abbaruffato che quel d'altri assettato</i> (Лучше свои лохмотья, чем чужое убранство).</p>
249	<p><i>È meglio pane e aglio in casa nostra che lessa e arrosto in casa d'altri</i> (Лучше хлеб и чеснок в своем доме, чем мясо и жаркое в чужом).</p> <p><i>È meglio pane e cipolla a casa propria che pizza dolce a casa d'altri</i> (Лучше хлеб и лук в своем доме, чем вкусная пицца в чужом).</p>
251	<p><i>È peggio lo scandalo che il peccato</i> (Скандал хуже греха).</p> <p><i>La gelosia è peggio d'una malattia</i> (Ревность хуже болезни).</p> <p><i>Peggio la paura che il male</i> (Хуже страх, чем беда).</p> <p><i>La spia è peggio del ladro</i> (Шпион хуже вора).</p> <p><i>È peggio la vergogna che il danno</i> (Позор хуже вреда).</p>

Окончание таблицы 1А

1	2
252	<p><i>Non c'è nessun male peggio d'una cattiva moglie</i> (Нет беды хуже, что злая жена).</p> <p><i>Due donne in casa son peggio che il diavolo</i> (Две женщины в доме хуже дьявола).</p> <p><i>Un amico nemico è peggio di un nemico</i> (Враждебно настроенный друг хуже недруга).</p> <p><i>La parola riportata è peggio di una coltellata</i> (Отклоненное слово хуже, чем удар ножом).</p>

Таблица 2А. – Постраничный перевод немецких паремий

Номер страницы	Паремия и ее перевод
59	<p><i>Kein Mahl taugt ohne Brot</i> (Еда без хлеба не еда).</p> <p><i>Das Kleid macht den Mann</i> (Одежда делает человека).</p> <p><i>Ohne Glauben kein Glück</i> (Без веры нет счастья).</p> <p><i>Eine Ehre ist der andern wert</i> (Честь дороже всего).</p>
60	<p><i>Reinlichkeit gilt weit und breit</i> (Опрятность ценится повсюду).</p>
61	<p><i>Arbeit gewinnt Feuer aus Steinen</i> (Труд добывает огонь из камней).</p> <p><i>Ein fromm Weib kann man mit Gold nicht überwägen</i> (Благочестивую женщину золото не перевесит).</p> <p><i>Ehre verloren, alles verloren</i> (Потерять честь – все потерять).</p>
61	<p><i>Wie gern säh' man jeden stolzieren, könnt' er das Pfauenrad vollführen</i> (Возгордился, как павлин, раскрывший хвост).</p> <p><i>Dünkel geht auf Stelzen</i> (Спесь ходит на ходулях).</p> <p><i>Wer hoch steigt, fällt tief</i> (Кто высоко поднимается, низко опускается).</p>
63	<p><i>Wer ohne Zucht aufwächst, stirbt ohne Ehre</i> (Кто растет без послушания, умирает без чести).</p> <p><i>Wer ohne Freund ist, lebt nur halb</i> (Кто без друга, живет только наполовину).</p>
63	<p><i>Mit Geduld und Zeit wird Maulbeerblatt zum Atlaskleid</i> (С терпением и временем лист шелковицы станет атласным платьем).</p> <p><i>Wo Geld vorangeht, da stehn alle Wege offen</i> (Где деньги главенствуют, там все двери открыты).</p>
64	<p><i>Hilf dir selbst, so hilft dir Gott</i> (Помоги себе сам, поможет и Бог).</p>
67	<p><i>Wenn jedes vor seiner Türe fegt, so wird es überall sauber</i> (Если бы каждый чистил у своей двери, везде было бы чисто).</p> <p><i>Reinlichkeit ist keine Hofart</i> (Опрятность не высокомерие).</p> <p><i>An der Reinlichkeit erkennt man die Hausfrau fein, Schmutzedelei verrät ein Schwein</i> (По чистоте узнают хорошую хозяйку, неопрятность выдает свинью).</p> <p><i>Rein im Hause, rein am Leibe ist ein goldener Schmuck am Weibe</i> (Чистота в доме, чистота в любви – лучшее украшение жены).</p> <p><i>Rein ist besser als fein</i> (Чистый лучше, чем знатный).</p> <p><i>Unsauber macht fett</i> (Неопрятный нагуливает жир).</p> <p><i>Reinlichkeit ist die Hauptsache, sagte Hans Klepper, und bestrich sich die Löcher in den Stiefeln mit Kuhmist</i> («Опрятность превыше всего», – сказал Ганс кляче и замазал дырки в сапогах конским навозом).</p> <p><i>Es stirbt keine Sau ob einem unsaubern Troge</i> (Не умереть свинье у своего грязного корыта).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
134	<p><i>Gesundheit kann man nicht beim Krämer kaufen</i> (Здоровья нельзя купить у лавочника).</p> <p><i>Gesundheit ist der größte Reichtum</i> (Здоровье – самое большое богатство).</p> <p><i>Die Gesundheit ist doch das Beste</i> (Здоровье лучше всего).</p> <p><i>Gesundheit geht vor Silber und Gold</i> (Здоровье дороже серебра и золота).</p> <p><i>Gesundheit ist besser als Reichtum</i> (Здоровье лучше, чем богатство).</p> <p><i>Gesundheit ist über Geld und Gut</i> (Здоровье дороже денег и состояния).</p> <p><i>Gesundheit schätzt man erst, wenn man krank wird</i> (Здоровье ценят только тогда, когда становятся больными).</p> <p><i>Wer Gesundheit entbehrt, für den haben andere Schätze keinen Wert</i> (Кто лишен здоровья, для того все другие сокровища не имеют цены).</p>
144	<p><i>Gelt ist der Leut Leben</i> (Деньги – это жизнь людей).</p> <p><i>Das Geld heilt alle Wunden</i> (Деньги лечат все раны).</p> <p><i>Geld macht schöne Leute</i> (Деньги делают людей красивыми).</p> <p><i>Wer Geld genug hat, der kauft, was er will</i> (У кого достаточно денег, может купить все, что хочет).</p> <p><i>Geld, Weisheit und Gesundheit sind gut zur Winters und Sommerszeit</i> (Деньги, мудрость и здоровье хороши и зимой и летом).</p> <p><i>Geld regiert die Welt</i> (Деньги правят миром).</p> <p><i>Dem Gelde öffnet sich auch ein eisern Tor</i> (Деньги открывают даже железные ворота).</p>
145	<p><i>Wo Geld gezählt wird, sehen auch Blinde</i> (Где считают деньги, видят даже слепые).</p> <p><i>Für Geld kann man den Teufel tanzen sehen</i> (За деньги и черта можно увидеть танцующим).</p> <p><i>Gelt erhebt die Narren und Toren und werden durch Gelt den weisen und klugen vorgezogen</i> (Деньги возвышают дураков и тупиц над мудрыми и умными).</p> <p><i>Eine Hand voll Geld ist schwerer als ein Sack voll Recht und Wahrheit</i> (Одна рука с деньгами тяжелее, чем мешок права и правды).</p> <p><i>Das Geld macht stumm und Gerades krumm</i> (Деньги делают немым, а прямое – кривым).</p> <p><i>Geld macht den Schuft zum Tugendheld</i> (Деньги делают негодяев образцом добродетели).</p>
145	<p><i>Ein guter Name ist besser als Bargeld</i> (Лучше доброе имя, чем наличные деньги).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
	<p><i>Treu und Glauben ist besser als bares Geld</i> (Верность и вера лучше наличных денег).</p> <p><i>Der ist recht edel in der Welt, Der Tugend liebt und nicht das Geld</i> (В мире истинно благороден тот, кто любит добродетель, а не деньги).</p> <p><i>Es ist besser ein Sack voll Gunst als ein Sack voll Geld</i> (Лучше мешок доброжелательности, чем мешок денег).</p> <p><i>Geld verloren, nichts verloren, Mut verloren, viel verloren, Ehre verloren, alles verloren</i> (Деньги потерял – ничего не потерял, потерял мужество – многое потерял, потерял честь – все потерял).</p> <p><i>Ein gutes Weib ist köstlicher als Geld</i> (Хорошая жена дороже денег).</p> <p><i>Besser mit einem armen Weibe trocken Brot essen, als es bei einer reichen mit Zankbutter streichen</i> (Лучше с бедной женой есть сухой хлеб, чем с богатой намазывать хлеб маслом брани).</p> <p><i>Besser in der Tasche kein Geld als ohne Freund in dieser Welt</i> (В этом мире лучше быть без денег в кошельке, чем без друга).</p>
146	<i>Viel Geld, wenig Verstand</i> (Много денег, мало разума).
146	<p><i>Der Geiz wächst mit dem Gelde</i> (Жадность растет вместе с деньгами).</p> <p><i>Geld ist dem Armen eine Lust und dem Geizhals eine Last</i> (Деньги беднякам радость, а скрягам – бремя).</p> <p><i>Geld ist blind und macht blind</i> (Деньги слепы и делают слепым).</p> <p><i>Geld bringt in die Hölle, aber nicht wieder heraus</i> (Деньги несут в ад, откуда уже не вернуться).</p> <p><i>Geld macht nicht glücklich</i> (Деньги не делают человека счастливым).</p>
146	<i>Wenig Geld, wenig Sorge</i> (Меньше денег, меньше заботы).
147	<p><i>Schmutzige Arbeit, blankes Geld</i> (Грязная работа – чистые деньги).</p> <p><i>Geld will einen guten Vormund haben</i> (Деньгам нужен хороший опекун).</p>
147	<i>Das ist das Leiden in der Welt, der eine hat den Beutel, der andere das Geld</i> (Есть горечь в мире от того, что у одного – нищенская сума, а у другого – деньги).
150	<p><i>Der Reichen Schätzung ist: die Armen müssen die Haut hergeben</i> (Вердикт богатых – бедные должны отдать кожу).</p> <p><i>Die Armen helfen die Füchse fangen, die Reichen in den Pelzen prangen</i> (Бедные помогают лис ловить, а богатые красуются в шубах).</p> <p><i>In der Not schmeckt jedes Brot</i> (В нужде всякий хлеб вкусен).</p> <p><i>Den Armen friert überall</i> (Бедняк везде мерзнет).</p> <p><i>Bekommt der Arme ein Stück Brot, so reißt es ihm der Hund aus der Hand</i> (Получит бедняк кусок хлеба – и тот собака из рук вырвет).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
151	<p><i>Besser als Bettler sterben, denn leben als Bettler</i> (Лучше как нищий умереть, чем жить как нищий).</p> <p><i>Armut ist keine Schande, aber ein leerer Sack steht nicht gut aufrecht</i> (Бедность не порок, однако пустой мешок не стоит прямо).</p>
151	<p><i>Reiche Leute haben fette Katzen</i> (У богатых людей толстые кошки).</p> <p><i>Das Leben ist den Reichen lang, den Armen kurz</i> (Жизнь богатых длинная, бедных – короткая).</p> <p><i>Reiche essen, wann sie wollen, Arme, wann sie was haben</i> (Богатые едят, когда хотят, бедные – когда есть что поесть).</p> <p><i>Lieber reich und gesund als arm und krank</i> (Лучше богатый и здоровый, чем бедный и больной).</p>
151	<p><i>Reichtum stiftet Torheit</i> (Богатство порождает глупость).</p> <p><i>Wer reich ist, der hat viel Neider, Sorg und Fahr</i> (Кто богат, имеет много завистников, забот и опасностей).</p> <p><i>Die da reich werden wollen, fallen in des Teufels Stricke</i> (Желающие стать богатыми попадают в петлю к черту).</p> <p><i>Heute reich, Morgen eine Leich</i> (Сегодня богат, завтра покойник).</p> <p><i>Erst reich werden, dann Gott dienen</i> (Сначала становятся богатыми, потом служат Богу).</p> <p><i>Reichtum allein macht nicht glücklich</i> (Одно богатство не делает счастливым).</p>
152	<p><i>Armut erfährt viel</i> (Бедность познает все).</p> <p><i>Armut findet alle Weg und Stege</i> (Бедность отыщет все пути и тропинки).</p> <p><i>Armut schändet nicht, aber Laster schänden</i> (Бедность не позор, позор – пороки).</p> <p><i>Not lehrt den Affen geigen</i> (Нужда и обезьяну научит играть на скрипке).</p> <p><i>Not lehrt auch den Lahmen tanzen</i> (Нужда и хромого научит танцевать).</p>
152	<p><i>Zwischen Armut und Reichtum ist das beste Leben</i> (Между бедностью и богатством лучшая жизнь).</p>
152	<p><i>Zufriedenheit ist der größte Reichtum</i> (Удовлетворенность – самое большое богатство).</p>
153	<p><i>Fleiß bringt Brot, Faulheit Not; Fleißige Hand macht reich</i> (Усердие приносит хлеб, лень – нужду; трудолюбивые руки делают богатым).</p>
153	<p><i>Besser arm in Ehren als reich mit Schanden</i> (Лучше бедным в чести, чем богатым в позоре).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
153	<p><i>Ein guter Name ist besser als Reichtum</i> (Хорошее имя – лучшее богатство).</p> <p><i>Kenntnis geht über Reichtum</i> (Знание превышает богатства).</p> <p><i>Freiheit geht über allen Reichtum</i> (Радость превышает всех богатств).</p>
154	<p><i>Der Weise allein ist reich</i> (Один мудрец богат).</p> <p><i>Wer Armut ertragen kann, ist reich genug</i> (Кто бедность может выносить, достаточно богат).</p> <p><i>Gesundheit ist der größte Reichtum</i> (Здоровье – самое большое богатство).</p> <p><i>Liebe ist der größte Reichtum</i> (Любовь – величайшее богатство).</p> <p><i>Nutzen ist der größte Reichtum</i> (Благо – величайшее богатство).</p> <p><i>Verachtung des Reichtums ist der höchste Reichtum</i> (Презрение богатства есть высшее богатство).</p> <p><i>Das ist kein Reichtum, den die Diebe stehlen können</i> (То не богатство, что воры могут украсть).</p>
156	<p><i>Die Frau, das Feuer und das Meer sind drei Übel schwer</i> (Женщины, огонь и море – три самых больших зла).</p> <p><i>Böse Weib ist ärger als der Teufel selbst</i> (Злая жена страшнее самого черта).</p> <p><i>Das Weib ist des Mannes größtes Glück oder Unglück</i> (Жена – большое счастье и несчастье мужчины).</p> <p><i>Die Frau ist des Mannes Leben</i> (Женщина – жизнь мужчины).</p> <p><i>Ein gutes Weib ist für den Mann ein Schatz ein böses schlimmer als Aus-satz</i> (Хорошая жена – богатство мужа, злая хуже коросты).</p> <p><i>Ein fromm Weib ist der höchste Schatz</i> (Кроткая жена – лучшее сокровище).</p> <p><i>Ein fleißig Weib ist ihres Mans Krone</i> (Трудолюбивая жена – корона супруга).</p>
165	<p><i>Ein gute Frau ist besser als ein Freund</i> (Хорошая жена лучше друга).</p> <p><i>Ein frommes Weib ist besser als viel Freunde</i> (Кроткая жена лучше многих друзей).</p>
165	<p><i>Das Glück ist keinem treu</i> (Счастье никому не предано).</p> <p><i>Glück und Glas, wie leicht bricht das</i> (Счастье и стекло, как хрупко оно).</p> <p><i>Das Glück hat gläserne Füße</i> (У счастья стеклянные ноги).</p> <p><i>Das Glück hat Flügel</i> (Счастье на крыльях ('быстро проходит')).</p> <p><i>Glück ist schwer zu tragen</i> (Счастье трудно удержать).</p>
165	<p><i>Wirb, Das Glück ist mürb</i> (Дерзай, счастье податливо).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
165	<p><i>Das Glück findet in der kleinsten Hütte Raum</i> (Счастье и в маленькой лачуге найдет себе место).</p> <p><i>Am Glück ist alles gelegen</i> (Со счастьем все ладится).</p> <p><i>Im Glück ist Tugend leicht</i> (В счастье добродетель легка).</p> <p><i>Das Glück ist eigensinnig</i> (Счастье упрямо).</p> <p><i>Glück ist dem Frommen feind</i> (Счастье не любит благочестивых).</p> <p><i>Das Glück gibt heute Heil und morgen Keil</i> (Счастье сегодня дает благо, завтра – клин).</p> <p><i>Wem das Glück die Hand bietet, dem schlägt's gern ein Bein unter</i> (Кому счастье протягивает руку, тому охотно подставляет подножку).</p> <p><i>Groß Glück, große Gefahr</i> (Большое счастье – большая опасность).</p> <p><i>Glück bringt Neider</i> (Счастье приносит завистников).</p>
166	<p><i>Tugend ist auch ohne Glück Tugend</i> (Добродетель и без счастья добродетель).</p> <p><i>Glücklich ist, wer zufrieden ist</i> (Счастливы тот, кто доволен).</p> <p><i>Fleiß ist des Glückes Vater</i> (Прилежание – отец счастья).</p> <p><i>Glück hat auf die Dauer nur der Tüchtige</i> (Счастье долгое только у умельцев).</p> <p><i>Wo einer weise ist, sind zwei glücklich</i> (Где один мудр, там оба счастливы).</p> <p><i>Der Weise trägt sein Glück bei sich</i> (Счастье мудреца всегда с ним).</p> <p><i>Das Glück bietet seine Hand dem Kühnen</i> (Счастье подает руку смелому).</p>
166	<p><i>Ungeschick hat selten Glück</i> (Неловкий редко счастлив).</p> <p><i>Zag hat kein Glück</i> (Робкому нет счастья).</p> <p><i>Je dummer der Mensch, desto größer das Glück</i> (Чем глупее человек, тем больше счастья).</p> <p><i>Ein Freund im Glück bleibt in der Not zurück</i> (В счастье друг есть, в несчастье нет).</p> <p><i>Wo Glück aufgeht, da geht Demut unter</i> (Где счастье прибывает, смирение убывает).</p> <p><i>Wenn Hochmut aufgeht, geht Glück unter</i> (Спесь растет – счастье на убыль).</p> <p><i>Das Glück ist eine Kuh, dem kehrt sie die Hörner, dem das Euter zu</i> (Счастье как корова: одному рога, другому вымя).</p>
166	<p><i>Das Glück ist der Narren Vormund</i> (Счастье – опекун дураков).</p> <p><i>Glück ist der Dummen Vormund</i> (Счастье – опекун глупцов).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
166	<p><i>Glück und Weiber haben die Narren lieb</i> (Счастье и женщины любят дураков).</p> <p><i>Der Narren Glück ihr Unglück</i> (Счастье дураков – их несчастье).</p>
173	<p><i>Verstand macht einen klugen, aber keinen frommen Mann</i> (Ум делает человека умным, но не благочестивым).</p> <p><i>Gelehrte Leute sind auch oft große Narren</i> (Ученые люди тоже часто бывают большими дураками).</p>
173	<p><i>Wenn's die Klugen nicht wissen, so frage die Narren</i> (Если умные чего-то не знают, спроси у дурака).</p> <p><i>Ein Narr kann mehr fragen als sieben Weise sagen</i> (Один дурак может больше спросить, чем семь мудрецов сказать).</p> <p><i>Narren sagen, was die Klugen denken</i> (Дураки скажут то, что умные думают).</p> <p><i>Auch ein Narr kann einmal ein kluges Wort reden</i> (Даже дурак один раз мудрое слово сказать может).</p>
177	<p><i>Besser Verstand und fröhlicher Mut als fürstliche Schätze und königlich Gut</i> (Лучше ум и бодрый дух, чем княжеские сокровища и королевское добро).</p> <p><i>Verstand gibt Weisheit</i> (Разум рождает мудрость).</p> <p><i>Die Klugheit ist das Auge der Tugend</i> (Ум – око добродетели).</p> <p><i>Verstand hat überall sein Vaterland</i> (Уму везде родина).</p> <p><i>Ein feiner Verstand ist besser als eine grobe Faust</i> (Острый ум лучше грубого кулака).</p> <p><i>Die Vernunft ist der weisen Meister</i> (Ум – лучший мастер).</p> <p><i>Die Weisheit ist aller Dinge Anfang</i> (Мудрость всему начало).</p> <p><i>Mit Vernunft kompt man vielem Unglück vor</i> (С разумом можно избежать многие несчастья).</p> <p><i>Wer klug ist, merkt den Braten</i> (Кто умен, тот примечает жаркое).</p> <p><i>Wer zu gescheit ist, ist halb ein Narr</i> (Кто слишком разумный, наполовину дурак).</p> <p><i>Zuviel Weisheit ist Narrheit</i> (Чрезмерная мудрость – глупость).</p> <p><i>Unnütze Klugheit ist doppelte Torheit</i> (Бесполезный ум – двойное безумие).</p> <p><i>Die Klugen müssen die Narren tragen</i> (Умные должны тащить дураков).</p> <p><i>Verstand ohne Geld gilt wenig in der Welt</i> (Ум без денег в мире дешев).</p> <p><i>Je weniger Verstand, desto mehr Glück</i> (Чем меньше ум, тем больше счастья).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
177	<i>Viel Verstand hat wenig Glück</i> (У большого ума мало счастья).
177	<p><i>Dummheit straft sich selbst</i> (Глупость сама себя наказывает).</p> <p><i>Auf Narren tropft es überall</i> (На дураков везде капает).</p> <p><i>Zuweilen ein Narr sein ist auch eine Kunst</i> (Иногда дураком быть – это тоже искусство).</p> <p><i>Narren wissen alles</i> (Дураки всё знают).</p> <p><i>Während die Klugen klügeln gar fein, nehmen die Dummen die Festung ein</i> (Пока умные утонченно мудрят, дураки берут крепость).</p> <p><i>Ein Narr kann einen Stein in den Brunnen werfen, den zehn Weise nicht herausziehen</i> (Один дурак бросит камень в колодец – и десять мудрецов не вытащат).</p> <p><i>Kein Narr ist so dumm, er findet einen, der ihn für klug hält</i> (Нет дурака такого глупого, который бы не нашел того, кто бы посчитал его умным).</p>
177	<p><i>Der Narr hat Vorteile in allen Landen</i> (Дураку во всех краях выгода).</p> <p><i>Narren sitzen gern oben</i> (Дуракам хорошо сидеть наверху).</p> <p><i>Die Narren haben das beste Leben</i> (У дураков лучшая жизнь).</p> <p><i>Dem Narren fehlt nichts als der Verstand</i> (Дураку ни в чем нет недостатка, кроме ума).</p> <p><i>Narren haben das beste (meiste) Glück</i> (У дураков лучшее счастье).</p> <p><i>Gott ist der Dummen Vormund</i> (Бог – опекун глупых).</p>
184	<p><i>An Gottes Segen ist alles gelegen</i> (На все воля божья).</p> <p><i>Es steht alles in Gottes Hand</i> (Всё в Божьих руках).</p> <p><i>Bei Gott ist kein Ding unmöglich</i> (С Богом нет ничего невозможного).</p> <p><i>Sei fromm, Gott sieht's</i> (Будь благочестивым, Бог увидит это).</p> <p><i>Was recht ist, das hat Gott lieb</i> (Что правое, то Бог и любит).</p> <p><i>Gottes Mühle mahlt langsam, aber klein</i> (Божья мельница мелет медленно, но мелко).</p> <p><i>Großer Reichtum hilft nicht, wenn nicht Gott den Segen spricht</i> (Большое богатство не поможет, если Бог не даст благословения).</p> <p><i>Alle guten Geister loben Gott</i> (Все добрые души хвалят Бога).</p> <p><i>Der Mensch denkt, Gott lenkt</i> (Человек предполагает, Бог располагает).</p> <p><i>Besser in Gottes Halle gedarbt, als in des Teufels Küche geschwelgt</i> (Лучше под покровительством Бога терпеть нужду, чем предаваться наслаждениям на кухне черта).</p>
185	<p><i>Ein Mensch ist des andern Gott</i> (Человек – бог всего иного).</p> <p><i>Das Gewissen ist des Menschen Gott</i> (Совесьть – бог человека).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
185	<p><i>Gut Gewissen und armer Herd ist Gott und aller Ehren wert</i> (Чистая совесть и бедная плита дороже Бога и всех почестей).</p> <p><i>Auf Gott vertrau, Arbeit nicht lau, Leb genau</i> (На Бога уповай, работы не гнушайся, жизни тоже).</p> <p><i>Gott ist nah, das Hemd noch näher</i> (Бог близко, а своя рубашка ближе).</p> <p><i>Gott hilft den Reichen, die Armen können Betteln gehen</i> (Бог помогает богатым, бедные могут ходить с сумой).</p>
185	<p><i>Bist du Gottes Sohn, so hilf dir selbst</i> (Если ты сын Бога, помогай себе сам).</p> <p><i>Hilf dir selbst, so hilft dir Gott</i> (Помоги себе сам, поможет и Бог).</p>
185	<p><i>Was recht ist, hat Gott lieb</i> (Кто прав, того Бог любит).</p> <p><i>Gott hilft gerne dem stärksten</i> (Бог помогает сильнейшим).</p> <p><i>Gott hilft dem Kühnen</i> (Бог помогает смелым).</p>
185	<p><i>Wer früh aufsteht, viel verzehrt, wer spät aufsteht, den Gott ernährt</i> (Кто рано встает, много и потребляет, кто поздно встает, тому Бог дает).</p> <p><i>Die Lacher hat Gott lieb</i> (Бог любит неунывающих).</p> <p><i>Gott hilft dir nicht, wenn du nicht laufst; Gott hilft dem Fleißigen</i> (Бог помогает усердным).</p> <p><i>Gott hilft dem Arbeitsamen</i> (Бог помогает трудолюбивым).</p> <p><i>Gott hilft keinem Faulen</i> (Бог не помогает ленивым).</p> <p><i>Der Geiz hat seinen Gott im Kasten</i> (У скупого свой бог в сундуке).</p> <p><i>Der muss Gottes Ehre verletzen, der das Gold sich macht zum Götzen</i> (Тот должен лишиться божьего почитания, кто золото делает своим идолом).</p> <p><i>Gott weiß wohl, warum er der Geiß den Schwanz abgehauen hat</i> (Бог хорошо знает, почему козе отрубил хвост).</p>
189	<p><i>Ein freundlich Wort schmeckt wie Kuchen</i> (Ласковое слово вкуснее пирога).</p> <p><i>Höfliche Worte vermögen viel und kosten wenig</i> (Вежливые слова могут многое и стоят мало).</p> <p><i>Auf närrische Worte gehören taube Ohren</i> (На глупые слова глухие уши).</p>
189	<p><i>Besser ein gut Wort, denn ein verlornen Freund</i> (Лучше хорошее слово, чем потерянный друг).</p> <p><i>Ein gut Wort findet guten Ort</i> (Хорошее слово всегда к месту).</p> <p><i>Tausend schöne Worte sind nicht so viel wie eine gute That</i> (Тысяча красивых слов не так много значат, как одно хорошее дело).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
204	<i>Gute Antwort bricht den Zorn</i> (Хороший ответ смирят гнев).
204	<i>Sprich gut von deinen Freunden und schweig von deinen Feinden</i> (Говори хорошо о своих друзьях и храни молчание о своих врагах).
205	<p><i>Ein guter Kopf hat hundert Hände</i> (У хорошей головы сто рук).</p> <p><i>Ein gutes Wort führt die Kuh in den Stall</i> (Хорошее слово ведет корову в стойло).</p> <p><i>Ein gutes Pferd braucht keine Sporen</i> (Хорошему коню не нужны шпоры).</p> <p><i>Guter Anfang ist halbe Arbeit</i> (Хорошее начало – половина дела).</p> <p><i>Guter Lohn macht hurtige Hände</i> (Хорошая зарплата делает руки проворными).</p> <p><i>Gut Gewissen macht ein fröhlich Gesicht</i> (У чистой совести радостный вид).</p> <p><i>Guter Gruß ist vieler Krankheit Büß</i> (Хорошее приветствие отгоняет многие болезни).</p> <p><i>Gut Exempel, halbe Predigt</i> (Хороший пример – половина проповеди).</p> <p><i>Gute Aufsicht ist halbe Erziehung</i> (Хороший присмотр – половина образования),</p> <p><i>Ein guter Freund ist der beste Arzt</i> (Хороший друг – лучший врач).</p> <p><i>Guter Freund kommt ungeladen</i> (Хороший друг приходит без зова).</p> <p><i>Guter Wille braucht keine Brille</i> (Хорошей воле не нужны очки).</p> <p><i>Gute Taten leuchten auch im Dunkeln</i> (Добрые дела светятся и в темноте).</p> <p><i>Guter Wille hat geschwinde Füße</i> (У хорошего желания быстрые ноги).</p> <p><i>Guter Wille vermag viel</i> (Хорошее желание поможет достичь всего).</p> <p><i>Gutes Wort hilft fort</i> (Хорошее слово окрыляет).</p>
206	<p><i>Ein guter Wirt ist zuerst auf und geht zuletzt zu Bett</i> (Хороший хозяин поднимается первым и ложится последним).</p> <p><i>Gutes Gewissen ist täglich Wohleben</i> (Чистая совесть – ежедневное благополучие).</p>
207	<i>Gutes Gespräch kürzt den Weg</i> (Хороший разговор сокращает путь).
207	<i>Einen guten Geber segnet Gott</i> (Хорошего подателя благословляет бог).
208	<p><i>Ein guter Kopf ist eine gute Rente</i> (Хорошая голова – хороший доход).</p> <p><i>Guter Anfang, gutes Ende</i> (Хорошее начало – хороший конец).</p> <p><i>Ein guter Anlauf ist der halbe Sprung</i> (Хороший старт – половина прыжка).</p> <p><i>Wer gut sattelt, reitet gut</i> (Кто хорошо оседлал, хорошо едет).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
208	<p><i>Gute Saat, gute Ernte</i> (Хороший посев – хороший и урожай).</p> <p><i>Gutes Mehl, gutes Brot</i> (Хорошая мука – хороший хлеб).</p> <p><i>Ein guter Mann macht eine gute Frau</i> (Хороший мужчина делает хорошей женщину).</p> <p><i>Guter Gruß, gute Antwort</i> (Хороший привет – хороший ответ).</p> <p><i>Guter Lehrling, guter Meister</i> (Хороший ученик – хороший мастер).</p> <p><i>Guter Mut macht gutes Blut</i> (Хорошее настроение делает хорошей кровь).</p> <p><i>Mit guten Leuten ist gut umgehen</i> (С хорошими людьми хорошо в пути).</p> <p><i>Guter Wille, gute Tat</i> (Доброе желание – добрый и поступок).</p>
209	<p><i>Gut ist, der vor Gott gut ist</i> (Хорошо то, что Богу угодно).</p> <p><i>Gut ist, was gut endet</i> (Хорошо то, что хорошо кончается).</p> <p><i>Es ist gut, mit Kindern spielen</i> (Хорошо играть с детьми).</p> <p><i>Es ist gut, was der tut, den man liebt</i> (Хорошо делать то, что нравится).</p> <p><i>Der Spaß ist gut, wenn jeder lacht</i> (Шутка хороша, если смеется каждый).</p> <p><i>Es ist gut, dass der Schöffen sieben sind</i> (Хорошо, что присяжных семеро).</p> <p><i>Es ist gut, sich auf zwei Anker stützen</i> (Хорошо на двух якорях стоять).</p> <p><i>Es ist gut, überall einen Freund zu haben</i> (Хорошо иметь друга везде).</p>
209	<p><i>Es ist gut, eine Eckmühle zu haben</i> (Хорошо иметь мельницу).</p> <p><i>Es ist gut, dass die Leute das Wetter nicht machen können</i> (Хорошо, что люди не могут делать погоду).</p>
209	<p><i>Es ist gut, nach dem Preise zu fragen, wenn man auch nicht kaufen will</i> (Хорошо спрашивать о ценах, если не хочешь купить).</p>
209	<p><i>Nach getaner Arbeit ist gut ruhen</i> (После выполненной работы хорошо отдыхать).</p> <p><i>Bei altem Geld und schönen Frauen kann man gut die Welt beschauen</i> (Со старыми деньгами и красивыми женщинами хорошо на мир смотреть).</p> <p><i>Wo kein Feind ist, da ist gut fechten</i> (Где нет врага, хорошо фехтовать).</p> <p><i>Auf vielen Achseln ist gut tragen</i> (На многих плечах хорошо нести).</p> <p><i>Was man umsonst gibt, ist gut genug</i> (То, что даром досталось, достаточно хорошо).</p> <p><i>Was man teuer kauft, ist gut</i> (То, что дорого стоит, хорошо).</p> <p><i>Verständigen Leuten ist gut predigen</i> (Разумных людей хорошо поучать).</p>
210	<p><i>Demut ist zu allen Dingen gut</i> (Смирение в любом деле хорошо).</p> <p><i>Hoffnung und Mut sind allzeit gut</i> (Надежда и мужество всегда хороши).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
211	<i>Armut ist der Taschen gut</i> (Бедность хороша для карманов). <i>Aus der Weite ist gut lügen</i> (Вдали хорошо врать).
211	<i>Gut ist nicht, was gut ist; gut ist, was mir Gefallen tut</i> (Не то хорошо, что хорошо, а то, что мне в угоду).
211	<i>Wer Geld im Säckel hat, den jeder freundlich pfähl, ist's Geld aus dem Beutel heraus, so lässt ihn niemand ins Haus</i> (У кого есть деньги, того любезно принимают; деньги из кошелька вон – никто держать в доме не станет). <i>Wer Geld hat, der hat auch Freunde</i> (У кого есть деньги, у того есть и друзья).
212	<i>Eigen was, wie gut ist das</i> (Что свое, то и хорошо).
212	<i>Lass andere dich loben!</i> (Пусть другие тебя похвалят!)
212	<i>Sparsam sein ist eine gute Rente</i> (Быть бережливым – это хорошая пенсия).
213	<i>Ofen, Bett und Kanne sind gut dem alten Manne</i> (Печь, кровать и кружка хороши для старых вассалов). <i>Dem hungrigen Bauch schmeckt alles gut</i> (Голодному брюху все вкусно). <i>Es ist ein guter Gulden, der hundert erspart</i> (Тот гульден хорош, из которого можно сто сделать).
213	<i>Mit fremden Händen ist gut Kohlen schüren</i> (Чужими руками хорошо угли мешать).
213	<i>Es ist gut, in ander Leut Küchen kochen</i> (Хорошо на кухне других людей готовить). <i>Aus fremden Beuteln ist gut blechen</i> (Из чужих мешков хорошо платить). <i>Es ist gut, den Schnitt an fremden Tuch lernen</i> (Хорошо учиться кроить на чужом сукне). <i>Aus fremdem Felle kann man gut Sohlen schneiden</i> (Хорошо из чужой кожи подошвы кроить).
213	<i>Arbeit ist bei Armut gut</i> (Работа хороша для бедноты).
214	<i>Es ist gut geduldig sein, wann es einem wohl geht</i> (Хорошо быть терпеливым, когда дела идут хорошо). <i>Der hat gut Rat geben, dem's wohl geht</i> (Хорошо давать совет тому, у кого все благополучно). <i>Auf gepflügtem Felde ist gut säen</i> (На вспаханном поле хорошо сеять). <i>Der Sieger kann gut Frieden schließen</i> (Победителю хорошо мир заключать). <i>Mit vollem Bauch ist gut Fastenpredigt halten</i> (С полным животом хорошо призывать к посту).

Продолжение таблицы 2А

1	2
214	<i>Bei gutem Wetter kann jeder Steuermann sein</i> (В хорошую погоду каждый может быть кормчим).
215	<i>Im Dunkeln ist gut munkeln</i> (В темноте хорошо строить козни). <i>Es ist gut, wenn böse Kühe kurze Hörner haben</i> (Хорошо, если у злой коровы короткие рога). <i>Schnell ist gut, sagte die Eidechse, langsam ist aber auch gut</i> («Быстро хорошо, – сказала ящерица, – но медленно тоже хорошо»).
215	<i>Der Spaß ist gut, wenn jeder lacht</i> (Шутка хороша, если каждый смеется).
215	<i>Es ist gut wohnen, wo fromme Leute sind</i> (Хорошо жить там, где набожные люди). <i>Es ist gut, überall einen Freund zu haben</i> (Хорошо иметь друга везде). <i>Gut ist's immer, wenn ein Ofen im Zimmer</i> (Хорошо, если есть печь в комнате). <i>Es ist gut eine Eckmühle zu haben</i> (Хорошо иметь мельницу). <i>Nach getaner Arbeit ist gut ruhen</i> (После выполненной работы хорошо отдыхать).
216	<i>Bei vollem Magen ist gut fasten</i> (Сытым хорошо поститься). <i>Der hat gut leben, dessen Großmutter hexen kann</i> (Хорошо тому жить, у кого бабушка колдовать умеет). <i>Bei vollen Krippen ist gut satt werden</i> (У полной кормушки хорошо стать сытым).
216	<i>Wem das Glück pfeift, der tanzet wohl</i> (Кому счастье насвистывает, тот хорошо танцует).
216	<i>Da ist's gut, wo wir nicht sind</i> (Там хорошо, где нас нет).
216	<i>Gut ist, was gut endet</i> (Хорошо то, что хорошо кончается). <i>Was Gott tut, ist alles gut</i> (Что от бога, все хорошо).
217	<i>Da ist's gut, wo wir nicht sind</i> (Там хорошо, где нас нет). <i>Aus der Weite ist gut lügen</i> (Вдали хорошо врать). <i>Es ist gut alt werden, wenn man das Alter in Ehren hält</i> (Хорошо становиться старым, если старость в почете).
218	<i>Es ist gut Aderlassen, wenn's dem Bader an Geld fehlt</i> (Хорошо кровопускание, если банщику не хватает денег). <i>Es ist ein guter Mann, aber man kann schwer zu seinem Beutel kommen</i> (Хороший мужчина, но очень тяжело к его кошельку прийти). <i>Es ist ein guter Mann, er frißt keine Schuhwichse und scheidet in keine Kirche</i> (Хороший мужчина, он не жрет сапожной ваксы и не оправляется в церкви).

Продолжение таблицы 2А

1	2
218	<p><i>Es war gut Bier, aber der Zapfen ist ab</i> (Хорошее было пиво, только затычка сломалась).</p> <p><i>Die Stadt ist gut, sagte der Bauer, aber die Leute taugen nichts</i> («Город хорош, – сказал крестьянин, – только люди никуда не годятся»).</p>
219	<p><i>Er ist gut angekommen</i> (У него хорошо получилось – в смысле ‘очень плохо’).</p>
221	<p><i>Wer schlecht geht, stolpert über einen Strohhalm</i> (Кто плохо идет, споткнется и о соломинку).</p> <p><i>Für böse Zungen hilft kein Harnisch</i> (От злых языков не спасет и броня).</p> <p><i>Schlechte Wacht macht viele Diebe</i> (Плохая охрана делает много воров).</p> <p><i>Ein bös Auge verderbt das andere</i> (Один дурной глаз портит другой).</p> <p><i>Böser Gewinn ist Schaden</i> (Дурной выигрыш во вред).</p> <p><i>Böser Nachbar, ewiger Krieg</i> (Злой сосед – вечная война).</p>
222	<p><i>Bösem Weibe kann niemand steuern</i> (Злую жену никому не удастся наставлять).</p> <p><i>Böser Nachbar, täglich Unglück</i> (Плохой сосед – ежедневное несчастье).</p> <p><i>Böser Nachbar ist Judenfluch</i> (Скверный сосед – иудейское проклятье).</p>
223	<p><i>Böse Zungen schneiden schärfer als Schwerter</i> (Злые языки режут острее, чем мечи).</p> <p><i>Für böse Zungen hilft kein Harnisch</i> (От злых языков не спасет и броня).</p> <p><i>Ein bös Auge verderbt das andere</i> (Один дурной глаз портит другой).</p> <p><i>Mit bösen Pferden bricht man das Eis</i> (Под злыми лошадьми лед проламывается).</p>
223	<p><i>Bösem Weibe kann niemand steuern</i> (Злую жену никому не удастся наставлять).</p> <p><i>Ein bös Auge verderbt das andere</i> (Один дурной глаз портит другой).</p>
223	<p><i>Schlechtes Schild lockt keine Gäste</i> (Плохая вывеска не привлекает гостей).</p> <p><i>Schlechte Ware braucht viel Worte</i> (Плохой товар требует многих слов).</p>
223	<p><i>Mit bösen Pferden bricht man das Eis</i> (Под злыми лошадьми лед проламывается).</p>
224	<p><i>Böser Vogel, böses Ei</i> (Худая птица – худое яйцо).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
224	<p><i>Böser Vogel, böser Gesang</i> (Худая птица – худая песня).</p> <p><i>Aus böser Wurzel üble Frucht</i> (От дурного корня скверный плод).</p> <p><i>Schlechte Gewohnheit lohnt übel</i> (Плохая привычка дурно вознаграждается).</p> <p><i>Schlechte Diener, schlechte Herren</i> (Плохие слуги – плохие хозяева).</p> <p><i>Schlechter Lohn macht schlechtes Tuch</i> (Плохое жалованье – плохой и платок).</p>
224	<p><i>Mit leerer Tasche ist schlecht zu Markte gehen</i> (С пустым кошельком плохо на рынок идти).</p> <p><i>Mit Toren ist schlecht scherzen</i> (С воротами плохо шутить).</p> <p><i>Es ist eine böse Sau, die ihre eigenen Ferkel frißt</i> (Плоха та свинья, которая жрет своих поросят).</p> <p><i>Es ist eine böser Vogel, der in sein eigen Nest hofiert</i> (Плоха та птица, которая свое гнездо мараает).</p> <p><i>Es ist ein schlimm Zeichen, wenn die Henne kräht und die Frau das Meisterlied singt</i> (Плохой знак, если курица каркает, а жена поет песню мастера).</p>
225	<p><i>Ein schlechter Schmied, der die Funken fürchtet</i> (Плох тот кузнец, который искры боится).</p> <p><i>Es ist ein schlechter Bettler, der nicht eine Türe meiden kann</i> (Плох нищий, который не может двери сторониться).</p>
225	<p><i>Ein schlechter Korporal, der nicht denkt General zu werden</i> (Плох тот капрал, который не хочет стать генералом).</p> <p><i>Schlechter Spielmann, der nur eine Weise kann</i> (Плох тот музыкант, который только одну песню знает).</p> <p><i>Schlimme Weiber, aus denen man nicht kommen kann</i> (Плохи те жены, от которых можно уйти).</p> <p><i>Übler Pförtner, der alles einläßt</i> (Плох тот швейцар, который всех пускает).</p> <p><i>Übler Schütze, der zu früh losdrückt</i> (Плох тот стрелок, который слишком рано спускает курок).</p>
226	<p><i>Es ist ein übler Bissen, daran man erstickt</i> (Плох тот кусок, который душит).</p> <p><i>Es ist ein schlechter Tanz, wo man die Rippen bricht</i> (Плоха пляска, где ломают ребра).</p> <p><i>Es ist ein schlechter Brunnen, in den man Wasser tragen muß</i> (Плох тот колодец, в который нужно носить воду).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
226	<i>Es ist ein schlechter Handel, wo niemand gewinnt</i> (Плоха торговля, если никому нет прибыли).
226	<i>Mit vollem Munde ist schlecht blasen</i> (С полным ртом плохо дуть). <i>Mit Stärkeren ist schlecht streiten</i> (С сильными плохо вести борьбу). <i>Wenn's Hemd brennt, ist schlecht stillsitzen</i> (Если рубашка горит, плохо спокойно сидеть). <i>Es ist schlecht streiten mit harthörigen Leuten</i> (Плохо спорить с тугими на ухо людьми). <i>Gegen den Strom ist schlecht schwimmen</i> (Против течения плохо плыть).
227	<i>Der Bauch ist ein schlechter Ratgeber</i> (Живот – плохой советчик). <i>Auf hohen Stühlen sitzt man schlecht</i> (На высоких стульях сидеть плохо).
229	<i>Das Gute kommt von Gott, das Böse vom Teufel</i> (Добро приходит от Бога, а зло от дьявола). <i>Das Gute ist schwach, das Böse ist stark</i> (Добро слабое, зло сильное). <i>Des Guten gedenkt man eine Stunde zwar, des Bösen aber viele Jahr</i> (Хорошее помнят один час, а плохое много лет).
230	<i>Das Böse schreibt man in Stein, das Gute in Staub</i> (Зло пишется на камне, добро на пыли). <i>Des Guten vergisst man bald, des Bösen denkt man lange</i> (Хорошее забывается быстро, зло помнится долго). <i>Das Gute kommt für alle, das Böse für den, der's sucht</i> (Добро для всех, зло для тех, кто его ищет). <i>Das Gute kommt von Gott, das Böse vom Teuffel</i> (Добро приходит от Бога, а зло от дьявола). <i>Man muss das Gute suchen und das Böse erwarten</i> (Хорошее нужно искать, а злое ждать).
231	<i>Ein gutes Weib ist eine gute Haut, ein böses ist ein bitter Kraut</i> (Хорошая жена – бальзам для тела, злая – горькое зелье). <i>Eine gute Hausfrau mehrt das Haus, die schlechte trägt's zur Türe 'raus</i> (Добрая хозяйка преумножит добро, плохая все за дверь вынесет). <i>Eine gute Frau macht aus dem Achtziger einen Vierziger, eine böse aus dem Vierziger einen Achtziger</i> (Хорошая женщина сделает из восьмидесятилетнего сорокалетнего, а плохая из сорокалетнего восьмидесятилетнего). <i>Gute Frauen stehen zwischen dem Mann und dem Engel, böse zwischen dem Mann und dem Teufel</i> (Хорошие женщины стоят между мужчиной и ангелом, а плохие между мужчиной и дьяволом).

Продолжение таблицы 2А

1	2
232	<p><i>Mit dem Guten wird man gut und böse mit dem, der übel tut</i> (С хорошими хорошо, а тот, с кем зло, творит худо).</p> <p><i>Der ist des Guten nicht wert, der sich gegen das Böse nicht gewehrt</i> (Кто добра не ценит, не препятствует злу).</p>
232	<p><i>Das gute Wort liegt auf einem Platz, das schlechte läuft durch die Weh</i> (Хорошее слово лежит на месте, а плохое катится с болью).</p> <p><i>Gute wird verschwiegen, das Böse sieht man von Mund zu Munde fliegen</i> (Добро молчаливо, зло летит из уст в уста).</p> <p><i>Vom Guten spricht man viel, vom Bösen aber mehr</i> (О хорошем говорят много, а о скверном больше).</p>
232	<p><i>Die schlechten Nachrichten haben Flügel</i> (У плохих новостей крылья).</p> <p><i>Schlimme Nachrichten kommen immer zu früh</i> (Плохие новости всегда приходят слишком быстро).</p>
234	<p><i>Es ist gut Narren fressen, aber böse verdauen</i> (Хорошо объедать дураков, но плохо переваривать).</p>
235	<p><i>Was gut ist, holt der Teufel zuerst</i> (Что есть хорошее, получает сначала черт).</p>
235	<p><i>Guter Umgang verbessert schlechte Sitten</i> (Хорошее окружение исправляет дурные нравы).</p> <p><i>Eine gute Mahlzeit läßt die schlechten vergessen</i> (Хорошая трапеза заставляет забыть плохие).</p> <p><i>Ein guter Tag vertreibt zehn schlechte</i> (Один хороший день прогоняет десять плохих).</p>
236	<p><i>Wer Gutes säet, schneidet nichts Böses</i> (Кто сеет добро, не пожинает зла).</p>
236	<p><i>Auch das beste Pferd stolpert einmal</i> (И на хорошего коня спотычка бывает).</p> <p><i>Wer das Gute genossen hat, muß mit dem Schlechten auch vorliebnehmen</i> (Кто наслаждался хорошим, должен довольствоваться также и худым).</p> <p><i>Guter Wein macht böse Köpfe</i> (Хорошее вино делает дурной голову).</p> <p><i>Wer sich für gut hält, fängt an schlecht zu werden</i> (Кто думает, что он хорош, начинает становиться плохим).</p> <p><i>Wer nichts Gutes tut, findet nichts Böses</i> (Кто не делает ничего хорошего, не найдет ничего дурного).</p>
236	<p><i>Gute Schreier sind schlechte Sänger</i> (Хорошие крикуны – плохие певцы).</p> <p><i>Oft gut im Rat und schlecht in der Tat</i> (Часто хорош в совете, а в деле плох).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
236	<p><i>Wenn Feinde gute Worte geben, haben sie Böses im Sinne</i> (Хорошие слова врага таят в себе злые помыслы).</p> <p><i>Eine gute Brille hat oft eine schlechte Fassung</i> (У кого хорошие очки, часто плохая оправа).</p>
237	<p><i>Lange Kleider, kurzer Sinn</i> (Длинное платье, короткий ум).</p> <p><i>Honig im Munde, Galle im Herzen</i> (Мед на языке, желчь на душе).</p> <p><i>Im Munde den Honig, im Herzen den Stachel</i> (На языке мед, а на сердце жало).</p> <p><i>Groß mit Worten, wenig in der Tat</i> (Велик на словах, да мал в делах).</p> <p><i>Was nützen fette Worte, wenn die Küche mager ist</i> (Что стоят масляные слова, если кухня постная).</p>
237	<p><i>Keine Rose ohne Dornen</i> (Нет розы без шипов).</p> <p><i>Nichts ist so schlecht, es ist zu etwas gut</i> (Нет такого плохого, в чем бы не было чего-нибудь хорошего).</p> <p><i>Es ist nichts so schlimm, es hat seinen Nutzen, und nichts so gut, es kann schaden</i> (Нет такого худа, которое не принесло бы пользы, и нет такого добра, которое не может навредить).</p> <p><i>Kein Buch so schlecht, es steckt was Gutes drin</i> (Нет такой плохой книги, в которой не нашлось бы что-то хорошее).</p> <p><i>Es gibt keinen schlechten Weg, wenn er zu Ende ist</i> (Нет такого плохого пути, который не имел бы конца).</p>
237	<p><i>Nach Bitterem schmeckt das Süße noch einmal so gut</i> (После горького вкушаешь сладкое с большим удовольствием).</p> <p><i>Wer gute Tage haben will, muss böse Nächte durchwachen</i> (Кто хочет иметь хороший день, должен провести ночь без сна).</p>
238	<p><i>Die Rosen verblühen, aber die Dornen bleiben</i> (Розы отцветают, шипы остаются).</p> <p><i>Die guten Jahre müssen die schlechten tragen</i> (Хорошие годы несут плохие).</p> <p><i>Auf einen guten Montag folgt stets ein böser Samstag</i> (За хорошим понедельником всегда идет плохая суббота).</p> <p><i>Auf einen guten Jahrmarkt folgt ein schlechter Wochenmarkt</i> (За хорошей ярмаркой следует обычный базар).</p>
238	<p><i>Schlechte Sitten machen gut Gesetz</i> (Плохие нравы делают хорошим закон).</p> <p><i>Ein schlechter Vater hat auch wohl ein gutes Kind</i> (И у плохого отца бывает хороший ребенок).</p> <p><i>Ein schlechter Hering gibt einen guten Bücking</i> (Из плохой сельди выходят хорошие копчености).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
238	<i>In einem schlechten Topfe ist eine gute Brühe</i> (И в плохом горшке бывает хорошая похлебка).
238	<i>Des einen Tod ist des andern Brot</i> (Одному смерть, другому хлеб).
238	<p><i>Ein schlechter Baum kann nicht gute Früchte bringen</i> (Плохое дерево не даст хороших плодов).</p> <p><i>Schlecht Fleisch gibt keine gute Brühe</i> (Плохая рыба не даст хорошего бульона).</p> <p><i>Niemand kann aus bösem Leder gute Schuh machen</i> (Никому не сделать из плохой кожи хорошую обувь).</p> <p><i>Aus schlechten Haaren wird kein guter Pelz</i> (Из плохого меха не получится хорошей шубы).</p> <p><i>Böse Augen sehen nie nichts Gutes</i> (Злые глаза никогда не видят ничего хорошего).</p>
239	<p><i>Pflaumen kann man nicht zu Äpfeln machen</i> (Сливы не сделать яблоками).</p> <p><i>Von Dornen kann man keine Traubenlesen</i> (С колючек не соберешь винограда).</p> <p><i>Aus einem Birnbaum kann man nicht Milch melken</i> (От груши молока не надоишь).</p> <p><i>Aus zwilchenen Säcken kann man keine seidenen Beutel machen</i> (Из тиковых мешков не сделаешь шелковых сумок).</p> <p><i>Mit einem Heller kann man kein gut Mus kochen</i> (Из гроша не сварить хорошего мусса).</p> <p><i>Aus des Esels Wadel wird kein Sieb</i> (Из ослиного хвоста не сделаешь сита).</p>
239	<p><i>Einen Mohren kann man nicht weiß waschen</i> (Мавра не отмыть добела).</p> <p><i>Narrenhände kann man nicht weiß waschen</i> (Руки глупца не отмыть добела).</p> <p><i>Den Raben kann man nicht weiß waschen</i> (Ворона не отмоешь добела).</p>
240	<i>Das Kleid macht den Mann; wer es hat, der zieh es an</i> (Платье делает мужчину: у кого оно есть, тот его и носит).
240	<p><i>Schlechte Beispiele verderben gute Sitten</i> (Плохие примеры губят хорошие нравы).</p> <p><i>Ein schlechter Schreiber verdirbt viel gutes Papier</i> (Плохой писатель портит много хорошей бумаги).</p> <p><i>Wer die Schlechten schont, schadet den Guten</i> (Кто держится худого, вредит хорошему).</p>

Продолжение таблицы 2А

1	2
241	<i>Kein Buch so schlecht, es steckt was Gutes drin</i> (Нет такой плохой книги, в которой не нашлось бы что-то хорошее).
241	<i>Narrenhände kann man nicht weiß waschen</i> (Руки глупца не отмыть добела).
243	<i>Ein guter Namen ist besser als Reichtum</i> (Хорошее имя лучше, чем богатство). <i>Besser gewisser Frieden als ungewisser Sieg</i> (Лучше определенный мир, чем неопределенная победа). <i>Ein kleiner Gewinn und oft ist besser als ein großer und selten</i> (Лучше маленькая прибыль часто, чем большая – редко).
244	<i>Ein Erfahrener ist besser als zehn Gelehrte</i> (Один опытный лучше десяти ученых). <i>Ein Nimhlin ist besser denn zehn Helfgott</i> (Одно «возьми» лучше десяти «помоги, господи»).
244	<i>Gnade ist besser denn Recht</i> (Милость лучше, чем правда). <i>Die Gunst ist besser als die Gabe</i> (Расположение лучше, чем дар).
244	<i>Ein Quentlein Glück ist besser als ein Pfund Weisheit</i> (Крупница счастья лучше, чем фунт мудрости).
245	<i>Besser einen leeren Beutel, als einen leeren Kopf</i> (Лучше иметь пустую сумку, чем пустую голову). <i>Besser ein Löwe als tausend Mücken</i> (Лучше лев, чем тысяча комаров).
245	<i>Besser frei in der Fremde als Knecht daheim</i> (Лучше быть свободным на чужбине, чем слугой дома). <i>Besser ein sauersehender Freund als ein süßlächelnder Feind</i> (Лучше кисло смотрящий друг, чем сладко улыбающийся враг).
246	<i>Besser ein leerer Beutel, als geborgtes Geld</i> (Лучше пустая сумка, чем взятые займы деньги).
246	<i>Besser ein vernünftiger Feind als ein dummer Freund</i> (Лучше благоразумный враг, чем глупый друг). <i>Es ist besser mit einem Gescheiten zu verlieren, als mit einem Dummen zu finden</i> (Лучше с умным потерять, чем с дураком найти). <i>Besser mit den Weisen weinen als mit Narren lachen</i> (Лучше с умным плакать, чем с дураком смеяться). <i>Besser der Weisen Schelten hören, als der Narren Gesang</i> (Лучше нагоняи умных слушать, чем пение глупцов).
246	<i>Besser ehrlich gestorben als schändlich verdorben</i> (Лучше честно умереть, чем позорно опуститься).

Окончание таблицы 2А

1	2
247	<p><i>Besser ehrlich gestorben, als schändlich gelebt</i> (Лучше честно умерший, чем позорно проживший).</p> <p><i>Besser Ehre ohne Leben, als Leben ohne Ehre</i> (Лучше честь без жизни, чем жизнь без чести).</p>
248	<p><i>Besser Schand in Gesicht als Schmerz in Bauch</i> (Лучше стыд на лице, чем боль в животе).</p> <p><i>Bei Ehre ohne Brot leidet der Magen Not</i> (С честью без хлеба страдает живот).</p>
249	<p><i>Wo keine Ehre ist, da ist auch keine Schande</i> (Где нет чести, нет и стыда).</p> <p><i>Ehr' verlohren, alles verlohren</i> (Честь потерять – все потерять).</p> <p><i>Die Ehre wird nicht begraben; Ehr ist der Menschen höchste Zier</i> (Чести не похоронить: честь – лучшее украшение человека).</p>
249	<p><i>Besser die Hand in einem Kuhfladen, als in fremdem Gelde</i> (Лучше рука в коровьем навозе, чем в чужих деньгах).</p>
249	<p><i>Besser eigen Brot als fremder Braten</i> (Лучше свой хлеб, чем чужое жаркое).</p> <p><i>Besser trocknes Brot daheim als draussen Semmel mit Honigseim</i> (Лучше сухой хлеб дома, чем булочка с медом на стороне).</p>
251	<p><i>Verachtung ist schlimmer als Haß</i> (Презрение хуже ненависти).</p> <p><i>Der Hehler ist schlimmer als der Stehler</i> (Укрыватель хуже вора).</p>
252	<p><i>Ein falscher Freund ist schlimmer als ein offener Feind</i> (Фальшивый друг хуже, чем открытый враг).</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ Б**Программное обеспечение количественного анализа**

Скриншоты экрана компьютера (далее Рисунки) отражают использование специальных программ по поиску материала в оцифрованных словарях и составлению базы количественных данных.

На Рисунках 1Б, 2Б, 3Б, 4Б, 5Б, 6Б, 7Б (см. последующие страницы) отражаются фрагменты автоматических выборок паремий с заданным компонентом.

На Рисунках 8Б, 9Б, 10Б, 11Б, 12Б (см. последующие страницы) отражаются фрагменты результатов автоматических подсчетов паремиологических единиц в тематически организованных словарях.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I
56	150	25210	1	Было б счастье, а (да) дни впереди.					
57	151	25448	1	Счастье - не лошадь: не везет по прямой дорожке.					
58	151	25449	1	Где пригрело (счастье), там и село.					
59	151	25471	1	Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк.					
60	151	25473	1	Иному счастье (или: служба) мать, иному мачеха.					
61	151	25492	1	Без счастья и в лес по грибы не ходи!					
62	151	25493	1	С твоим счастьем только в бор по грибы.					
63	151	25525	1	Мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам.					
64	151	25529	1	Где нет доли, тут и счастье невелико.					
65	151	25531	1	Счастье на крылах, несчастье на костылях.					
66	151	25532	1	Беды кульем валяются, а счастье золотниками.					
67	151	25586	1	Счастье на коне, несчастье под конем.					
68	151	25657	1	Было бы и счастье, да одолело ненастье.					
69	151	25660	1	Счастье с несчастьем двор обо двор живут (или: об межу).					
70	151	25661	1	Счастье с несчастьем на одних санях ездят.					
71	151	25662	1	Счастье с несчастьем - ведро с ненастьем.					
72	151	25667	1	Счастье - вешнее ведро (т. е. ненадежно).					
73	151	25669	1	Счастье отпало, ничего в доме не стало.					

Рисунок 1Б. – Фрагмент выборки паремий с компонентом *счастье* из словаря русских паремий (сост. В. И. Даль)

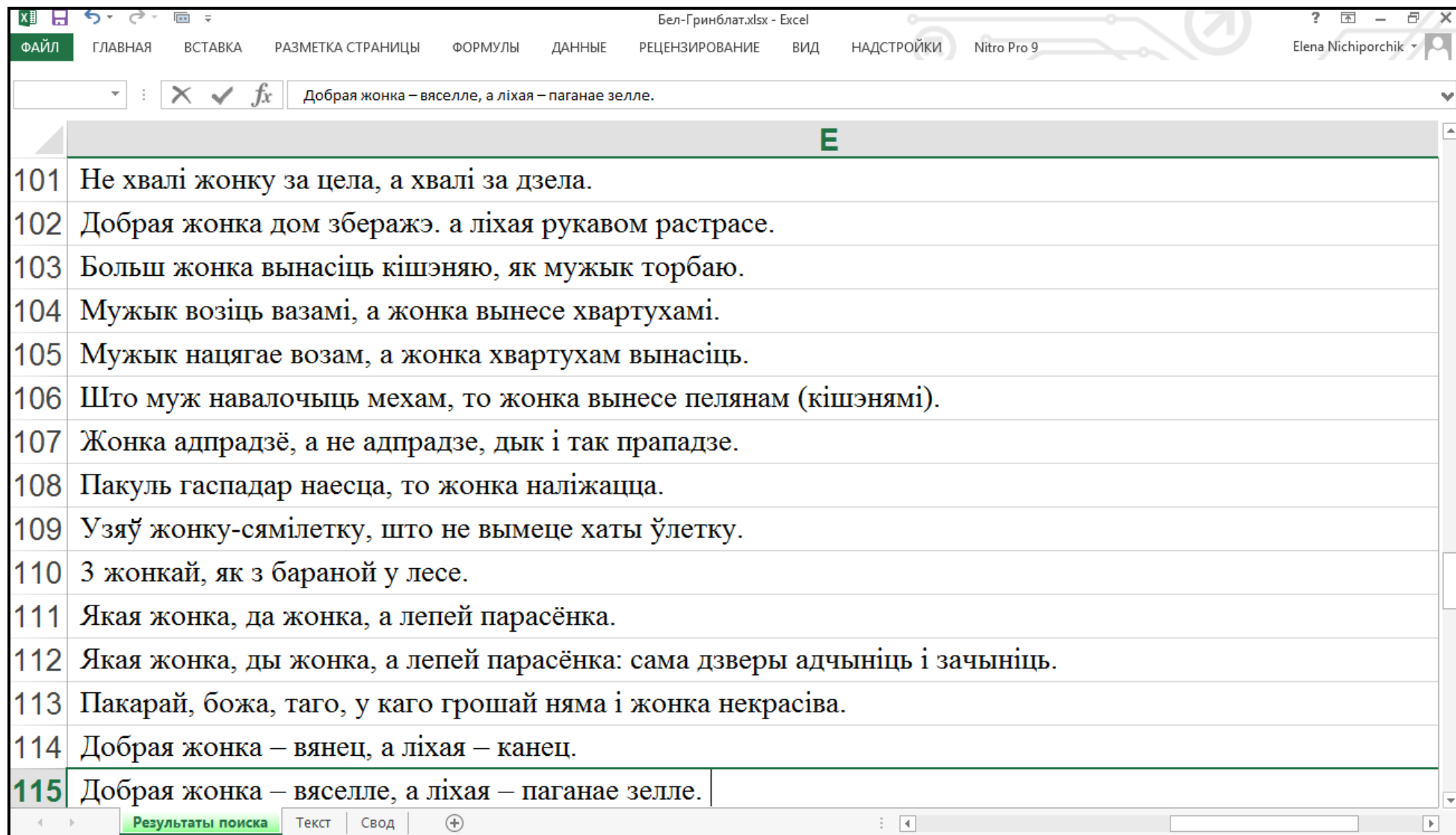

Рисунок 2Б. – Фрагмент выборки паремий с компонентом *жонка* из словаря белорусских паремий (сост. М. Я. Гринблат)

	A	B	C	D
39	III.4.7.1.64.a	Se v'è in paese una buona moglie, ciascuno crede che sia la sua.	6826	
40	III.4.7.1.71.	Se vuoi essere cornuto, picchia la moglie e fagli muso.	6838	
41	III.4.10.5.a.	Chi guarda alla moglie del compagno, cozza con le corna degli altri.	6918	
42	III.4.14.2.14	Con una moglie sciatta non ci può neanche la mazza.	7055	
43	III.4.14.2.38	Moglie e fuoco, stuzzicali ogni poco.	7086	
44	III.4.14.2.47	Marito e moglie di notte fanno gli imbrogli.	7095	
45	III.5.1.1.1.a.	A tavola e a moglie accostati subito.	7128	
46	III.5.1.1.1.c.	Moglie e guai, presto o mai.	7130	
47	III.5.1.1.8.	Moglie grande [non molto giovane], onore di marito.	7156	
48	III.5.1.1.9.	Pane fresco, vino vecchio e moglie giovane.	7157	
49	III.5.2.17.	La pappa ai bambini e la moglie agli uomini.	7196	
50	III.5.2.19.	La vera parentela: il marito e la moglie.	7198	
51	III.5.2.21.	Marito e moglie la morte li scoppia [separa].	7201	
52	III.5.2.22.b.	Chi piglia moglie, piglia i guai; chi non la piglia, non ha bene mai.	7204	

Рисунок 3Б. – Фрагмент выборки паремий с компонентом *moglie* (жена) из словаря итальянских паремий (сост. В. Боджоне и Л. Массорбио)

	A	B	C	D	E	F
1						
2	Gute Tage kosten Geld.	31				
3	Geld paßt in alle Taschen.	70				
4	Alles für Geld, umsonst ist nur der Tod.	207				
5	Falsche Treue, falsches Geld.	443				
6	Blankes Geld macht viel Unheil in der Welt.	731				
7	Zeit vertan, Geld vertan.	906				
8	Wer vier hat und fünf ausgibt, braucht keinen Geldbeutel.	960				
9	Wer Geld hat, läßt blasen.	1464				
10	Wo Geld gezählt wird, sehen auch Bünde.	1484				
11	Bummeln kostet Geld.	1654				
12	Drei Heller sind auch Geld.	1773				
13	Ist das Geld die Braut, so wird die Ehe selten gut.	1842				
14	Wo Geld fehlt, da ist das Brot teuer.	2361				
15	Der Weizen auf dem Feld ist noch kein Geld.	2417				
16	Beim Gelde (In Geldsachen) hört die Freundschaft auf.	2807				
17	Wer Geld hat, ist fromm genug.	2865				
18	Ohne Geld, ohne Furcht.	2939				

Рисунок 4Б. – Фрагмент выборки паремий с компонентом *Geld* (деньги) из словаря немецких паремий (сост. К. Зимрок).

woerterbuchnetz.de/Wander/call_wbgui_py_from_form?textpattern=Ehre&lemmapattern=&sigle=Wander&lemid=WE00095&mode=Volltextsuche

Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander

Wörterbuch

Ehre bis Ehrenkranz (Bd. , Sp.)

Ehre

- Allweg die Ehren unsere Sitten verkehren. – *Eiselein, 134.*
Engl.: Honours change manners. (*Bohn II.*)
Frz.: Honneurs changent moeurs. (*Eiselein, 134.*)
Lat.: Honores mutant mores: Hures mures. (*Eiselein, 134.*)
- An Ehren ab, an Schanden auf, das ist der Welt Lauf.
- Auff Ehr leihet niemand ein Kreutzer. – *Lehmann, 155, 54.*
- Bei Ehre ohne Brot leidet der Magen Noth.
Der Russe sagt: Was hilft uns unsere Ehre, wo nichts da ist. (*Reinsberg IV, 79.*)
- Besser Ehre erwerben, als Ehre verderben.
Holl.: Beter zich in eer te zetten, dan de eer te smetten. (*Harrebomée, I, 172.*)
- Besser Ehre ohne Leben, als Leben ohne Ehre.
- Besser Ehre verdienen und nicht erhalten, als Ehre geniessen und nicht verdienen.
Port.: Mais val, mercer honra, e naõ a ter, que tendo-a, naõ a merecer. (*Bohn I, 282.*)
- Besser mit Ehren geflohen, als mit Schanden todt geblieben.
- Besser mit ehren sterben, dann mit schanden gelebt. – *Henisch, 813.*
Dän.: Bedre ærligen at døe end med vanære at leve, bedre liv-løs end ære-løs. (*Prov. dan., 15.*)
Span.: Por temor, no pierdas honor. (*Bohn I, 242.*)

Wörterbuchtext: Ehre
Stichwort:

Suchen Eingabe löschen Hilfe

Artikel 1 bis 10 von 342

- Abkanzeln**
... nicht bestellt. Von den Angriffen auf die Ehre anderer, ohne dass diese Veranlassung dazu gegeben haben.
- Abquälen**
... dazu zu veranlassen. Die er aufforderte, sollten sich mit der Ehre seines Besuchs begnügen, was sie nicht thaten. Und so war
- Adam**
... Mann wie ein anderer Mann, nur dass mir Gott die Ehre gan. *Lat.*: Qui genus jactat suum, aliena
- Adel**
... 12. Adels Mutter ist die Ehre, Adels Tochter ist die Wehre.
- Adler**
... 43. Dem Adler trägt es wenig Ehre ein, Besieger einer Taube sein. *It.*:
- Alt**

Рисунок 5Б.– Фрагмент выборки паремий с компонентом *Ehre* (честь) из словаря немецких паремий (сост. К. Вандер)

woerterbuchnetz.de/Wander/?sigle=Wander&mode=Vernetzung&lemid=WG01192#XWG01192

Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander

Wörterbuch

Gott bis Gottesackerbelle (Bd. , Sp.)

Vernetzung Suche

A	Gott	1740. Was Gott will erquicken, lässt er nicht ersticken. – <i>Blum, 34; Bücking, 88; Pistor., III, 89; Mathesy, 286^a u. 371^b; Mayer, I, 202; Einfälle, 281; Ramann, II, Pred., II, 377; Simrock, 3852; Braun, I, 918; Reinsberg II, 4.</i>
B	Gottberath	
C	Gottbescheren	
D	Gottbewahr	
E	Gottbezahls	1741. Was Gott will erretten, kann niemand vertreten.
F	Gotte	1742. Was Gott will han, muss bald dastahn. <i>Frz.: En peu d'heure Dieu labeure. (Leroux, I, 14.)</i> <i>Span.: Eso se hace que á Dios place. (Cahier, 3370.)</i>
G	Götter	
H	Gotterbarm	
I	Götterspeise	
J	Gottesacker	1743. Was Gott will, kan Sanct-Peter nicht wehren. – <i>Moscherosch, 342.</i>
K	Gottesackerbelle	
L	Gottesdienst	1744. Was Gott will segnen, kann der Teufel nicht beregnen.
M	Gottesfriede	
N	Gottesfurcht	1745. Was Gott will, wie Gott will, wann Gott will, das ist mein Ziel.
O	Gottesfürchtig	
P	Gottesfürchtiger	1746. Was Gott will ziehn, das muss erblühn. – <i>Lohrengel, I, 713.</i>
Q	Gottesgaul	
R	Gottesgewalt	1747. Was Gott zerreisst, da hilft kein Flicken. <i>Aehnlich russisch Altmann VI, 407.</i>
S	Gotteshaus	
T	Gotteshausgut	1748. Was Gott zudeckt, soll der Mensch nicht aufdecken. <i>Dän.: Naar Gud skiuler mangleme, skal ingen sabenbare dem. (Prov. dan., 257.)</i>
U	Gotteshausmann	
V	Gottesheim	
W	Gottesjunker	1749. Was Gott zum Haupt machen will, das macht die Welt nie zur Ferse.
X	Gotteskammer	
Y	Gotteskasten	
Z	Gotteskorn	1750. Was Gott zum Kriechen bestimmt hat, dem wachsen in Ewigkeit keine Flügel.
	Gotteslohn	

Рисунок 6Б. – Фрагмент выборки паремий с компонентом *Gott* (Бог) из словаря немецких паремий (сост. К. Вандер)

Digitale Bibliothek Band 62: Wander: Deutsches Sprichwörter-Lexikon

Inhalt Suche Stellen Notizen Drucken Diverses

Wander-DSL Bd. 5 Ehre 1214 Wander-DSL Bd. 5 Ehre 1214

Band Gehe zu Farbfiler Themen Bibliothek

Suchbegriff oder -ausdruck
Haus

Gefunden. Suchen Weiter
Abbrechen Makros ...

Filter und Optionen

Textbereich DB Band 62: Wander: Deutsches Sprichwör

Ab aktueller Seite

Schreibweisentolerant Max. Fundstellen 5000

Groß-/Kleinschreibung Max. Wortabstand 20

Eingeschränkt auf

mit in

Wortliste

Aufbauen haus 2030 Gehe zu

Fundstellenliste

Aufbauen

Alle Einträge vorher löschen

Einträge gewählter Farbe vorher löschen

Suchassistent

([ ] und oder [ ])

und oder Übernehmen

([ ] und oder [ ])

381. **Wer mit der eignen Ehre schlecht verfahren, der wird auch anderer Ehre nicht bewahren.** – *Sadi's Rosengarten, übersetzt von Graf, S. 156.*

382. **Wer nach Ehr' vnd Tugend tracht't schon in der Jugend, wird bei den Alten lieb vnd werth gehalten.** – *Keil, 73.*

383. **Wer sich seiner Ehr' nicht nimmt an, der ist ein recht heilloser Mann.** – *Zingerle, IV, 331.*

384. **Wier andren de İren ufschnekt, äs nit wiert, dat me än usäkt.** – *Schuster, 607, 932.*

385. **Wier İr äm Leif huot, let sich net schtissen.** (*Stebenbürg.-sächs.*) – *Schuster, 657.*

386. **Wo Ehre wohnt, steht das Haus der Sorge daneben.**
Mit Bezug auf Ehrenämter. »Nicht denk' es könn' ein Amt ohn' alle Sorgen geben; wo Ehre wohnt, steht der Sorgen Haus daneben.« (*Tscherning.*)

387. **Zur Ehre steigt man schwer hinauf, doch schwerer sitzt man fest darauf.**

*388. **Bei meiner Ehre!**
Betheuerungsformel. »Ik segghe di dat bi myner ere.« (*Freybe, Redentiner Spiel, 1599.*)

*389. **Das ist schon aller Ehren werth.** (*Nürtingen.*)

*390. **Die Ehre geht bei ihm auf gläsernen Stelzen.** – *Fac. fac., 484.*

*391. **Dos is Ehre genui.** (*Steiermark.*) – *Firmenich, II, 767, 85.*
Das ist Ehre genug, d.h. das Angebot ist gross genug.

*392. **Einem die letzte Ehre erweisen.**

*393. **Er will kein ehr haben vnd wenn man ihm a schon dregk in hals schnisse, so spyg er ihn doch wieder rauss.** – *Latendorf, Jahresbericht, 266.*

*394. **He steit up sîn Ehr un sîn Stück Speck.** – *Kern, 1001.*
Er hält viel auf Ehre. »Stück Speck« ironisch für Respect.

*395. **İr äs mî mâ bâflisch.** – *Schuster, 637.*

*396. **İr wa İr uch det baffis äs gat.** – *Schuster, 978.*

Рисунок 7Б. – Фрагмент выборки паремий с компонентом *Haus* (дом) из всего свода паремиологических единиц в словаре (сост. К. Вандер)

№	РАЗДЕЛ	Н.Т	Кол-во	Текст	РАЗДЕЛ	Наз	Кол-во	Текст
2	#БАБА - ЖЕНЩИНА	1	90		#ТОЛК - БЕСТОЛОЧЬ	157	1020	
3	#БЕРЕЖЬ - МОТОВСТВО	2	170		#МЕСЯЦЕСЛОВ	66	1001	
4	#БОГ - ВЕРА	3	304		#СЧАСТЬЕ - УДАЧА	151	846	
5	#БОГАТСТВО - ДОСТАТОК	4	113		#ДОСТАТОК - УБОЖЕСТВО	34	760	
6	#БОГАТСТВО - УБОЖЕСТВО	5	161		#ВОЛЯ - НЕВОЛЯ	16	731	
7	#БОЖБА - КЛЯТВА - ПОРУКА	6	134		#СВОЕ - ЧУЖОЕ	128	719	
8	#БОЛТУН - ЛАЗУТЧИК	7	22		#ЧЕЛОВЕК	172	699	
9	#БРАНЬ - ПРИВЕТ	8	235		#УМ - ГЛУПОСТЬ	163	671	
10	#БЫЛОЕ - БУДУЩЕЕ	9	409		#ПИЩА	90	656	
11	#ВЕРА - ГРЕХ	10	72		#ЗЕМЛЕДЕЛИЕ	50	597	
12	#ВЕРА - ИСПОВЕДАНИЕ	11	19		#ПОМОЩЬ - КСТАТИ	95	596	
13	#ВЕРНОЕ - ВЕСТИМОЕ	13	308		#РАБОТА - ПРАЗДНОСТЬ	116	545	
14	#ВЕРНОЕ - НАДЕЖНОЕ	14	77		#РУСЬ - РОДИНА	125	520	
15	#ВИНА - ЗАСЛУГА	15	166		#ЖИЗНЬ - СМЕРТЬ	40	482	
16	#ВОЛЯ - НЕВОЛЯ	16	731		#ЯЗЫК - РЕЧЬ	177	482	
17	#ВОРОВСТВО - ГРАБЕЖ	17	112		#ЗВАНИЯ - СОСЛОВИЯ	48	465	
18	#ВСЕЛЕННАЯ	18	28		#ОПЛОШНОСТЬ - РАСТОРОПНО	86	458	
19	#ГДЕ	19	9		#ПРАВДА - КРИВДА	99	454	
20	#ГОРЕ - БЕДА	20	287		#СУЕВЕРИЯ - ПРИМЕТА	149	452	
21	#ГОРЕ - ОБИДА	21	223		#ГОСТЬ - ХЛЕБОСОЛЬСТВО	23	441	
22	#ГОРЕ - УТЕШЕНИЕ	22	210		#МНОГО - МАЛО	68	412	
23	#ГОСТЬ - ХЛЕБОСОЛЬСТВО	23	441		#ПЬЯНСТВО	115	412	
24	#ГРАМОТА	24	101		#БЫЛОЕ - БУДУЩЕЕ	9	409	
25	#ГРОЗА - КАРА	25	230		#СУЩНОСТЬ - НАРУЖНОСТЬ	150	409	
26	#ГУЛЬБА - ПЬЯНСТВО	26	171		#ЛЮБОВЬ - НЕЛЮБОВЬ	65	407	
27	#ДАЛЕКО - БЛИЗКО	27	36		#ТОРГОВЛЯ	158	390	

Рисунок 8Б. – Фрагмент содержания словаря русских паремий (сост. В. И. Даль)

	В	С	Д	Е	Ф	Г	Н	І	Ј
2	АПТЫМІЗМ, ВЫТРЫМКА, АДВАГА	53	1	1	53	0	ПРЫКАЗКІ І ПРЫМАЎКІ НА ІНШЫЯ ТЭМ	1188	17
3	БЫЛАЯ САЛДАТЧЫНА, ВАЙНА. ВОДГУКІ ПІСТАРЫЧ	41	2	2	41	0	ПРАЦА, ПРАЦАВІТАСЦЬ, УМЕЛЬСТВА,	459	16
4	БЕСХАРАКТАРНАСЦЬ І БЕСПРЫНЦЫПОВАСЦЬ, НЕ	103	3	3	103	0	СЯМ'Я І РАДНЯ. ВЫХАВАННЕ Ё СЯМ'І.	399	26
5	БЫЛЫЯ ЗАКОНЫ І СУД. УЗАЕМААДНОСІНЫ ПАМІЖ	56	4	4	56	0	САЦЫЯЛЬНАЯ НЯРОЎНАСЦЬ І НЕСПРА	292	22
6	ВІДАВОЧНАЯ ІСЦІНА	119	5	5	119	0	САМАХВАЛЬСТВА, БАЛВАТУНСТВА, П	266	21
7	ВІНА І ПАКАРАННЕ	52	6	6	52	0	НЯЗДАТНАСЦЬ, НЯЎМЕННЕ, НЕАХАЙН	264	14
8	ВОНКАВЫ ВЫГЛЯД І СУТНАСЦЬ	95	7	7	95	0	ПАДХАЛІМСТВА, МАХЛЯРСТВА, КРЫВ	232	15
9	ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА	54	8	8	54	0	СУПРАЦЬ РОЗНЫХ ЗАГАНІХБАЎ ЛЮД	220	24
10	ГРАМАДА, КАЛЕКТЫЎ І КАЛЕКТЫВІЗМ	43	9	9	43	0	ЗДАРОЎЕ, СІЛА, ХВАРОБА, СМЕРЦЬ	213	10
11	ЗДАРОЎЕ, СІЛА, ХВАРОБА, СМЕРЦЬ	213	10	10	213	0	СВАРЛІВАСЦЬ І ЁДЛІВАСЦЬ, УПАРТА	209	23
12	ЗДРАДА, НАХАБСТВА, ЗЛАДЗЕЙСТВА	100	11	11	100	0	СЯБРОЎСТВА, ВЕРНАСЦЬ, ПАМЯРКОЎ	154	25
13	МАЛАДОСЦЬ І СТАРАСЦЬ	42	12	12	42	0	ВІДАВОЧНАЯ ІСЦІНА	119	5
14	МОВА, СЛОВА, ПРЫКАЗКА, ПЕСНЯ. ПРАЎДА	114	13	13	114	0	МОВА, СЛОВА, ПРЫКАЗКА, ПЕСНЯ. ПР	114	13
15	НЯЗДАТНАСЦЬ, НЯЎМЕННЕ, НЕАХАЙНАСЦЬ, ВЕСТ	264	14	14	264	0	БЕСХАРАКТАРНАСЦЬ І БЕСПРЫНЦЫП	103	3
16	ПАДХАЛІМСТВА, МАХЛЯРСТВА, КРЫВАДУШША, НЯ	232	15	15	232	0	ЗДРАДА, НАХАБСТВА, ЗЛАДЗЕЙСТВА	100	11
17	ПРАЦА, ПРАЦАВІТАСЦЬ, УМЕЛЬСТВА, СПРАКТЫКА	459	16	16	459	0	ВОНКАВЫ ВЫГЛЯД І СУТНАСЦЬ	95	7
18	ПРЫКАЗКІ І ПРЫМАЎКІ НА ІНШЫЯ ТЭМЫ. РОЗНЫЯ	1188	17	17	1188	0	РОЗУМ, НАВУКА, ВУЧЭННЕ	90	20

Рисунок 9Б. – Фрагмент содержания словаря белорусских пословиц (сост. Ф. Янковский)

Итал-Боджоне.xlsx - Excel										
ФАЙЛ ГЛАВНАЯ ВСТАВКА РАЗМЕТКА СТРАНИЦЫ ФОРМУЛЫ ДАННЫЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ВИД Nitro Pro 9										
P11 : X ✓ fx MESI E LE FESTE RELIGIOSE										
	H	I	M	N	O	P	Q	R	S	T
1					Код	Раздел	1	2	Итого	
2					IX.	LE VIRTÙ E I VIZI, LE QUALITÀ E I DIFETTI	IX.	Итого	8787	
3	№	Наименование	Итого		V.	LA VITA QUOTIDIANA	V.	Итого	4476	
4	I.1.1.	Influenza del clima sulla natura	14		I.	LA NATURA, IL CLIMA, LE STAGIONI	I.	Итого	3677	
5	I.1.2.	Caratteristiche dell'annata, previsioni su	82		III.	LE ETÀ DELLA VITA	III.	Итого	3374	
6	I.1.3.	Anno bisestile, altri anni particolari	17		VI.	LA VITA DI RELAZIONE	VI.	Итого	3348	
7	I.1.	L'ANNO	113		VIII.	LA SOCIETÀ, LO STATO, LA RELIGIONE	VIII.	Итого	3256	
8	I.2.1.	Proverbi sulle stagioni in generale	48		X.	LE GIOIE E LE MISERIE DELLA VITA, IL DESTINO	X.	Итого	3147	
9	I.2.2.	Primavera	33		IV.	L'ASPETTO FISICO E L'INDOLE	IV.	Итого	2336	
10	I.2.3.	Estate	39		II.	L'AGRICOLTURA E L'ALLEVAMENTO	II.	Итого	2317	
11	I.2.4.	Autunno	12		I.3.	MESI E LE FESTE RELIGIOSE	I.	3.	2202	
12	I.2.5.	Inverno	53		V.1.	L'ALIMENTAZIONE	V.	1.	1382	
13	I.2.	LE STAGIONI	185		V.4.	LA CASA	V.	4.	990	
14	I.3.1.	Proverbi sui mesi in generale, sequenze	30		I.6.	FENOMENI METEOROLOGICI	I.	6.	987	
15	I.3.10.	Settembre	113		VII.	LA PROPRIETÀ E L'ECONOMIA	VII.	Итого	899	
16	I.3.11.	Ottobre	77		X.4.	CATTIVA SORTE, SVENTURA; MALI, DOLORI, PERICOLI, DIFFI	X.	4.	870	
17	I.3.12.	Novembre	164		V.5.	IL LAVORO	V.	5.	862	
18	I.3.13.	Dicembre	191		V.3.	LA SALUTE, LE MALATTIE, LA MEDICINA POPOLARE	V.	3.	805	
19	I.3.14.	Le feste mobili	230		IX.11.	INTRAPRENDENZA, PRONTEZZA NELL'AGIRE, SOLLECITUDINI	IX.	11.	789	
20	I.3.2.	Gennaio	235		VI.5.	DISCORSI, CONVERSAZIONE	VI.	5.	765	
21	I.3.3.	Febbraio	213		VIII.2.	RICCHEZZA/POVERTÀ	VIII.	2.	763	
22	I.3.4.	Marzo	231		VI.7.	COLPE, ERRORI; PUNIZIONI; PERDONO, VENDETTA	VI.	7.	749	
23	I.3.5.	Aprile	195		IV.1.	L'ASPETTO FISICO	IV.	1.	735	
24	I.3.6.	Maggio	166		VIII.8.	LA RELIGIONE	VIII.	8.	721	
25	I.3.7.	Giugno	132		III.4.	L'AMORE E IL SESSO	III.	4.	701	
26	I.3.8.	Luglio	75		III.5.	IL MATRIMONIO	III.	5.	684	
27	I.3.9.	Agosto	150		X.7.	GIUDIZI, FALSE APPARENZE	X.	7.	655	
28	I.3.	MESI E LE FESTE RELIGIOSE	2202		VI.9.	REGOLE DI COMPORTAMENTO, BUONE E CATTIVE MANIERE	VI.	9.	640	
29	I.4.1.	Sequenze di giorni	22		X.2.	BUONA SORTE, PROSPERITÀ, FORTUNA, BENI	X.	2.	623	
30	I.4.2.	Lunedì	2		IX.1.	VIRTÙ E VIZI IN GENERE: BONTÀ/MALVAGITÀ	IX.	1.	620	

Рисунок 10Б. – Фрагмент содержания словаря итальянских паремий (сост. В. Боджоне и Л. Массорбио)

Итал-Джусты-2.xlsx - Excel

ФАЙЛ ГЛАВНАЯ ВСТАВКА РАЗМЕТКА СТРАНИЦЫ ФОРМУЛЫ ДАННЫЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ВИД Nitro Pro 9 Elena Nichiporchik

N5 : X ✓ fx =ВПР(М5;А:В;2;0)

	A	B	C	D	E	M	N	O	P	Q	R
1	£	Раздел	Итого	£		Раздел					
2	1	Abitudini, Usanze	31	1		Названия строк		Количество по полю Текст			
3	2	Adulazioni, Lodi, Lusinghe	25	2		58 Meteorologia, Stagioni, Tempi dell'anno		402			
4	3	Affetti, Passioni, Gusti, Voglie	77	3		32 Donna, Matrimonio		245			
5	4	Agricoltura, Economia rurale	214	4		99 Voci di paragone		232			
6	5	Allegria, Darsi bel tempo	38	5		4 Agricoltura, Economia rurale		213			
7	6	Ambizione, Signoria, Corti	41	6		38 Famiglia		208			
8	7	Amicizia	68	7		63 Nazioni, Città, Paesi		181			
9	8	Amore	115	8		57 Mestieri, Professioni diverse		180			
10	9	Animali	75	9		79 Regole varie per la Condotta pratica della vita		164			
11	10	Appendice	15	10		74 Povertà, Ricchezza		157			
12	11	Astuzia, Inganno	69	11		83 Sanità, Malattie, Medici		151			
13	12	Avarizia	31	12		92 Tavola, Cucina		144			
14	13	Bellezza e suo contrario, Fattezze del corpo	93	13		33 Economia domestica		141			
15	14	Beneficenza, Soccorrere	66	14		66 Ozio, Industria, Lavoro		135			
16	15	Benignità, Perdono	34	15		26 Coscienza, Castigo dei falli		133			
17	16	Bisogno, Necessità	34	16		43 Frasi e modi proverbiali		132			
18	17	Buona e mala fama	35	17		82 Risolutezza; Sollecitudine, Cogliere le occasioni		132			
19	18	Buoni e Malvagi	32	18		59 Miserie della vita, Condizioni della Umanità		123			
20	19	Casa	47	19		8 Amore		115			
21	20	Compagnia, buona e cattiva	83	20		47 Gioventù, Vecchiezza		110			
22	21	Condizioni e Sorti disuguali	107	21		21 Condizioni e Sorti disuguali		107			
23	22	Conforti ne' mali	40	22		78 Regole del Trattare e del Conversare		99			

Текст Исх Свод

Рисунок 11Б. – Фрагмент содержания словаря итальянских паремий (сост. Дж. Джусты)

Rother-примерный.xlsx - Excel

ФАЙЛ ГЛАВНАЯ ВСТАВКА РАЗМЕТКА СТРАНИЦЫ ФОРМУЛЫ ДАННЫЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ВИД Nitro Pro 9 Elena Nichiporchik

К45

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K
21	2Ba1	Denken	149	19		19	2Bc	Drohungen	294		
22	2Ba1	Wissen	186	20		20	2Bb1	Scherz	290		
23	2Ba1	Besonnenheit	117	21		21	2Bb2b2	Spott	279		
24	2Ba1	Erfahrung	343	22		22	3B	Geld. Viel Geld	271		
25	2Ba1	Klugheit	183	23		23	2Bc	Lob	269		
26	2Ba1	Dummheit, Narrheit	408	24		24	2Bb2b2	Trost	247		
27	2Ba2	Ausrufe	456	25		25	2Bc	Schläge	241		
28	2Ba2	Umschreibungen.	178	26		26	2Bb1	Glück. Unglück	232		
29	2Ba2	Vergleiche	764	27		27	2Bb1	Frohsinn	228		
30	2Ba2	Gegensätze	26	28		28	2Bb2b1	Hochmut. Dünkel	227		
31	2Ba2	Reden und Schweigen	978	29		29	2A	Krankheit	220		
32	2Ba2	Stehende Antworten	200	30		30	3B	Ortsneckerei	211		
33	2Ba2	Wortspiele	108	31		31	2Bc	Faulheit	208		
34	2Ba2	Fremdworte im Sprichworte	135	32		32	2Bb1	Mißmut	207		
35	2Bb1	Frohsinn	228	33		33	2Bb2b4	Teufel	207		
36	2Bb1	Scherz	290	34		34	2Bb2a	Lüge. Schein. Heuchelei	202		
37	2Bb1	Glück. Unglück	232	35		35	2Ba2	Stehende Antworten	200		
38	2Bb1	Zufriedenheit	54	36		36	2Bb1	Klage	199		
39	2Bb1	Hoffnung	26	37		37	3Д	Landwirtschaft	193		
40	2Bb1	Staunen	34	38		38	3B	Armut. Not. Betteln	188		
41	2Bb1	Angst	57	39		39	2Ba1	Wissen	186		
42	2Bb1	Furcht	69	40		40	2Ba1	Klugheit	183		
43	2Bb1	Schreck	96	41		41	2Ba2	Umschreibungen	178		
44	2Bb1	Mißmut	207	42		42	2Bb2b3	Tücke	168		
45	2Bb1	St... 222	160	43		43	2Bb1	St... 222	167		

Лист1 Лист2

Рисунок 12Б. – Фрагмент содержания словаря немецких паремий (сост. К. Ротер)

**Объемы и ранги тематических объединений паремий
в тематически организованных паремиологических словарях**

**ТАБЛИЦА 1В. – Объем и ранги тематических объединений паремий
в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля¹**

Название ТО	Порядковый номер ТО в словаре	Количество паремий	%
Толк – Бестолочь	86	1020	3,04
Месяцеслов	162	1001	2,98
Счастье – Удача	8	846	2,52
Достаток – Убожество	11	760	2,26
Воля – Неволя	156	731	2,18
Свое – Чужое	119	719	2,14
Человек	68	699	2,08
Ум – Глупость	84	671	2,00
Пища	153	656	1,95
Земледелие	163	597	1,78
Помощь – Кстати	123	596	1,77
Работа – Праздность	93	545	1,62
Русь – Родина	71	520	1,55
Жизнь – Смерть	64	482	1,43
Язык – Речь	81	482	1,43
Звания – Сословия	137	465	1,38
Оплошность – Расторопность	88	458	1,36
Правда – Кривда	34	454	1,35
Суеверия – Приметы	166	452	1,34
Гость – Хлебосольево	151	441	1,31
Много – Мало	103	412	1,23
Пьянство	152	412	1,23
Былое – Будущее	67	409	1,22
Сущность – Наружность	134	409	1,22
Любовь – Нелюбовь	142	407	1,21
Торговля	99	390	1,16
Муж – Жена	76	379	1,13
Ученье – Наука	83	361	1,07
Прямота – Лукавство	127	339	1,01

¹ Из перечня ТО исключены те словарные объединения, которые представляют не тематические, а жанровые совокупности единиц («Клич Носячих», «Загадки», «Припевы», «Скороговорки» и пр.).

Продолжение таблицы 1В

1	2	3	4
Розное – Одно	159	339	1,01
Пора – Мера – Успех	109	337	1,00
Дети – Родины	77	313	0,93
Верное – Вестимое	157	308	0,92
Просьба – Согласие – Отказ	48	308	0,92
Причуда	160	307	0,91
Добро – Милость – Зло	16	306	0,91
Бог – Вера	1	304	0,90
Горе – Беда	19	287	0,85
Терпение – Надежда	14	286	0,85
Приличие – Вежество – Обычай	132	280	0,83
Здоровье – Хворь	79	277	0,82
Молодость – Старость	74	275	0,82
Одиночество – Женитьба	75	272	0,81
Неправда – Ложь	36	271	0,81
Семья – Родня	78	269	0,80
Похвала – Похвальба	141	258	0,77
Смелость – Отвага – Трусость	60	257	0,76
Животное – Тварь	168	253	0,75
Род – Племя	138	253	0,75
Осторожность	129	245	0,73
Двор – Дом – Хозяйство	118	241	0,72
Друг – Недруг	148	239	0,71
Брань – Привет	143	235	0,70
Гроза – Кара	46	230	0,68
Горе – Обида	21	223	0,66
Молва – Слава	133	221	0,66
Условие – Обман	125	220	0,65
Начало – Конец	92	218	0,65
Зависть – Жадность	130	217	0,65
Горе – Утешение	20	210	0,62
Забота – Опыт	89	197	0,59
Смирение – Гордость	140	179	0,53
Признательность	17	177	0,53
Судьба – Терпение – Надежда	7	175	0,52
Займы	100	174	0,52
Гульба – Пьянство	56	171	0,51
Бережь – Мотовство	13	170	0,51
Игры – Забавы – Ловля	155	167	0,50
Вина – Заслуга	47	166	0,49
Смех – Шутка – веселье	161	166	0,49
Хорошо – Худо	15	163	0,49

Продолжение таблицы 1В

1	2	3	4
Богатство – Убожество	9	161	0,48
Жених – Невеста	144	157	0,47
Начальство – Приказ – Послушание	52	153	0,46
Надзор – Хозяин	115	148	0,44
Родина – Чужбина	70	148	0,44
Свадьба	146	147	0,44
Тороватость – Скупость	12	147	0,44
Поиск – Находка	113	146	0,43
Щегольство	117	145	0,43
Мир – Ссора – Спор	59	139	0,41
Божба – Клятва – Порука	126	134	0,40
Кара – Признание – Покорность	42	126	0,37
Неправда – Обман	22	125	0,37
Ссора – Брань – Драка	58	122	0,36
Радость – Горе	18	120	0,36
Путь – Дорога	62	119	0,35
Ремесло – Мастерской	98	119	0,35
Чудо – Диво – Мудреное	111	117	0,35
Суд – Лихоимство	27	114	0,34
Богатство – Достаток	10	113	0,34
Воровство – Грабеж	24	112	0,33
Соблазн – Пример	29	110	0,33
Своеобычие	121	109	0,32
Кара – Милость	40	105	0,31
Царь	50	103	0,31
Грамота	82	101	0,30
Народ – Язык	72	101	0,30
Ремесло – Снаряд	97	101	0,30
Сватовство	145	100	0,30
Сон	96	93	0,28
Честь – Почет	139	93	0,28
Баба – Женщина	73	90	0,27
Народ – Мир	80	90	0,27
Соблазн – Искушение	28	90	0,27
Кара – Гроза	158	88	0,26
Суд – Правда	26	88	0,26
Упорство	38	86	0,26
Услуга – Отказ	124	86	0,26
Причина – Отговорка	32	85	0,25
Угода – Услуга	122	84	0,25
Драка – Война	57	83	0,25

Продолжение таблицы 1В

1	2	3	4
Изуверство – Раскол	3	83	0,25
Тишина – Шум – Крики	95	81	0,24
Мошенничество – Воровство	23	80	0,24
Изуверство – Ханжество	4	79	0,24
Умеренность – Жадность	131	79	0,24
Верное – Надежное	135	77	0,23
Докука	120	77	0,23
Раздумье – Решимость	91	77	0,23
Название – Имя – Кличка	136	74	0,22
Запас	90	73	0,22
Вера – Грех	2	72	0,21
Причина – Следствие	31	71	0,21
Начальство – Служба	53	68	0,20
Кара – Угроза	45	64	0,19
Память – Помни	85	64	0,19
Счет	107	63	0,19
Правда – Неправда – Ложь	35	62	0,18
Нечаянность – Расплох	110	60	0,18
Одиночество	149	60	0,18
Клевета – Напраслина	33	56	0,17
Тлен – Суета	66	56	0,17
Кара – Ослушание	43	53	0,16
Опрятность	116	53	0,16
Праздник	154	53	0,16
Кара – Потачка	41	52	0,15
Проступок – Грех	39	51	0,15
Тайна – Любопытство	112	51	0,15
Стихии – Явления	164	50	0,15
Человек – Приметы	69	50	0,15
Строгость – Кротость	54	49	0,15
Покой – Движение	94	45	0,13
Суд – Приказный	25	45	0,13
Наследство – Подарок	114	43	0,13
Сознание – Улика	37	40	0,12
Задор – Гульба – Беспутство	55	39	0,12
Пословица – Поговорка	174	39	0,12
Кабы – Если б	49	38	0,11
Трусость – Бегство	61	37	0,11
Далеко – Близко	104	36	0,11
Казна	44	35	0,10
Простор – Теснота	105	35	0,10
Цвет – Масть	87	35	0,10

Окончание таблицы 1В

1	2	3	4
Сосед – Рубеж	150	32	0,10
Вселенная	65	28	0,08
Убийство – Смерть	63	27	0,08
Дни	165	25	0,07
Закон	51	24	0,07
Болтун – Лазутчик	128	22	0,07
Сказка – Песня	175	22	0,07
Вера – Исповедание	5	19	0,06
Повод – Причина	30	18	0,05
Где	106	9	0,03
Итого		33606	100

ТАБЛИЦА 2В. – Объем и ранги тематических объединений паремий в словаре «Прыказкі і прымаўкі» М. Я. Гринблата

Название ТО	Раздел	Количество паремий	%
1	2	3	4
Сям'я і ўнутрысямейныя адносіны	4.3	1135	7,36
Харчаванне	2.3	754	4,89
Гандаль. Грошы. Пазыкі. Даўгі. Карчма	3.11	708	4,59
Поры году. Час. Народны каляндар	1.2	683	4,43
Беднасць. Жабрацтва. Багацтва. Сацыяльна-маёмасная няроўнасць	3.9	515	3,34
Сельская гаспадарка	1.3	505	3,28
Кароль, цар. Паны, падпанкі, шляхта. Прыгон, мужыкі	3.2	481	3,12
Бог. Вера. Атэізм	5.1	465	3,02
Лянота, гультайства. Паразітызм. Няўмельства	6.6	430	2,79
Дзеці і іх выхаванне	4.5	421	2,73
Сяброўства. Варожасць. Суседства. Гасціннасць	3.8	415	2,69
Розум. Кемлівасць. Дурасць	6.4	401	2,60
Жыццёвыя назіранні	8.3	401	2,60
Гаспадарлівасць. Сялянская сядзіба	2.1	400	2,59
Каханне. Дашлюбныя адносіны моладзі	4.1	385	2,50
Бяда, гора, ліха, напасць, злыдні. Безвыходнасць. Спадзяванні	3.10	369	2,39
Прырода, яе стыхіі і з'явы. Жывёльны і раслінны свет	1.1	341	2,21
Балбатня. Пляткарства. Сварка	6.16	331	2,15
Праца	1.5	318	2,06
Промыслы і рамёствы	1.4	298	1,93
Асвета, веды, пісьменнасць, кніга, слова	5.2	269	1,74
Зладзейства. Махлярства	6.15	249	1,62
Пра жыццё, век чалавека і смерць	7.1	239	1,55
Грамада. Калектывізм. Індывідуалізм	3.7	227	1,47
Здароўе. Хваравітасць	6.2	223	1,45
Дабрата. Злосць. Зайздрасць. Няўдзячнасць	6.5	218	1,41
П'янства. Буянства. Гульба. Карты. Курэнне	6.14	212	1,38

Окончание таблицы 2В

1	2	3	4
Маральныя павучанні	8.2	204	1,32
Смеласць. Баязлівасць. Асцярожнасць. Цярпенне. Упартасць	6.7	203	1,32
Хітрасць. Крывадушнасць. Падлізлівасць	6.10	198	1,28
Поп, ксёндз. Царкоўныя службы	3.3	194	1,26
Годнасць. Сціпласць. Самахваляства. За- знайства. Фанабэрыстасць. Нахабства. Са- рамлівасць. Бессаромнасць	6.12	194	1,26
Адзенне, абутак, упрыгожанні	2.4	187	1,21
Чыноўніцтва. Начальства. Казна. Падаткі. Хабарніцтва	3.4	175	1,14
Рэкрутчына, салдатчына. Войны. Водгукі на гістарычныя падзеі	3.12	174	1,13
Транспартныя сродкі і шляхі зносін. У да- розе	2.5	172	1,12
Павучанні гаспадарча-бытавога характару	8.1	171	1,11
Служба. Наймы	3.6	156	1,01
Суд. Законы. Турма	3.5	153	0,99
Песня. Музыка. Танцы	5.3	150	0,97
Фізічнае аблічча: прыгажосць, заганы	6.1	147	0,95
Хата. Хатняе абсталяванне і начынне	2.2	135	0,88
Пра чужое і ўласнае	7.5	134	0,87
Радзіма. Чужына	3.1	132	0,86
Пра лёс, долю, шчасце, шанцаванне	7.2	129	0,84
Сквапнасць. Скупасць. Марнатраўства. Ашчаднасць	6.11	115	0,75
Чэснасць. Праўдзівасць. Хлуслівасць	6.9	113	0,73
Маладосць. Старасць	6.3	95	0,62
Руплівасць, спрыт. Абыякавасць. Разявац- тва	6.8	89	0,58
Радня, сваяцтва	4.6	88	0,57
Шлюб і вяселле	4.2	87	0,56
Пра дабро і зло	7.3	79	0,51
Празванні жыхароў розных мясцовасцей	3.13	78	0,51
Радзіны, хрэсьбіны	4.4	72	0,47
Высмейванне, кпіны, жартаванне	6.17	64	0,42
Пра праўду і няпраўду	7.4	64	0,42
Хаўтуры	4.7	40	0,26
Ахайнасць. Неахайнасць	6.13	32	0,21
Итог		15417	100

ТАБЛИЦА 3В. – Объем и ранги тематических объединений паремий в словаре «Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi» В. Боджоне и Л. Массорбио¹

Название ТО	Раздел	Количество паремий	%
Mesi e Le feste religiose (Месяцы и Религиозные праздники)	I.3.	2202	6,18
L'alimentazione (Питание)	V.1.	1382	3,88
La casa (Дом)	V.4.	990	2,78
Fenomeni meteorologici (Метеорологические явления)	I.6.	987	2,77
Cattiva sorte, Sventura; Mali, Dolori, Pericoli, Difficoltà (Несчастье, Бедствие; Беды, Горе, Опасности, Трудности)	X.4.	870	2,44
Il lavoro (Работа)	V.5.	862	2,42
La salute, Le malattie, La medicina popolare (Здоровье, Болезни, Народная медицина)	V.3.	805	2,26
Intraprendenza, Prontezza nell'agire, Sollecitudine, Risolutezza (Предприимчивость, Готовность действовать, Усердие, Решительность)	IX.11.	789	2,22
Discorsi, Conversazione (Речи, Беседы)	VI.5.	765	2,15
Ricchezza/Povertà (Богатство/Бедность)	VIII.2.	763	2,14
Colpe, Errori; Punizioni; Perdono, Vendetta (Грехи, Ошибки; Наказания; Прощение, Мсть)	VI.7.	749	2,10
L'aspetto fisico (Внешний вид)	IV.1.	735	2,06
La religione (Религия)	VIII.8.	721	2,02
L'amore e Il sesso (Любовь и Секс)	III.4.	701	1,97
Il matrimonio (Брак)	III.5.	684	1,92
Giudizi, False apparenze (Оценки, Ложная внешность)	X.7.	655	1,84

¹ В Таблице 3В отражено количество паремий с учетом их повторений в подтемах.

Продолжение таблицы 3В

1	2	3	4
Regole di comportamento, Buone e cattive maniere (Правила поведения, Хорошие и плохие манеры)	VI.9.	640	1,80
Buona sorte, Prosperità, Fortuna, Beni (Счастливая судьба, Процветание, Удача, Блага)	X.2.	623	1,75
Virtù e Vizi in genere; Bontà/Malvagità (Достоинства и Недостатки вообще; Добра/Злонравие)	IX.1.	620	1,74
Gli animali domestici, L'allevamento (Домашние животные, Животноводство)	II.9.	567	1,59
Onestà/Disonestà (Честность/Нечестность)	IX.15.	563	1,58
Nature, Inclinzioni, Doti, Difetti (Натура, Склонности, Таланты, Недостатки)	IV.2.	551	1,55
Sapere, Intelligenza; Esperienza/Ignoranza, Stupidità, Inettitudine (Знание, Интеллект; Опыт, Невежество, Глупость, Неумелость)	IX.24.	547	1,54
Giudizi sugli uomini e sulle donne (Отзывы о мужчинах и о женщинах)	IV.5.	543	1,52
Avidità, Cupidigia; Egoismo, Grettezza, Opportunismo (Жадность, Алчность; Эгоизм, Убогость, Оппортунизм)	IX.6.	527	1,48
Operosità / Pigrizia, Ozio (Трудолюбие / Лень, Безделье)	IX.16.	507	1,42
Solitudine e Compagnia; Frequentazioni (Одиночество и Общение, Визиты)	VI.1.	496	1,39
La morte (Смерть)	III.10.	492	1,38
Sincerità, Schiettezza/ Falsità, Ipocrisia, Simulazione, Tradimento (Искренность, Прямолинейность / Ложь, Лицемерие, Симуляция, Предательство)	IX.25.	475	1,33
I figli (Дети)	III.6.	455	1,28
Luoghi, Genti e Paesi (Места, Народы и Страны)	VIII.7.	436	1,22
Moderazione, senso delle opportunità, Accettazione del limite / Intemperanza, Eccessi (Сдержанность, в смысле возможностей,	IX.14.	434	1,22

Продолжение таблицы 3В

1	2	3	4
Знание меры / Несдержанность, Излишество)			
Invidia, Malignità, Maldicenza (Зависть, Злобность, Злословие)	IX.12.	431	1,21
Pazienza, Rassegnazione; Fortezza; Costanza, Perseveranza / Incostanza; Ostinazione (Терпение, Смирение; Сила; Постоянство, Настойчивость / Непостоянство; Упрямство)	IX.18.	424	1,19
Lavori agricoli e Tecniche colturali di base (Сельскохозяйственные работы и Технические культуры на основе)	II.1.	405	1,14
Il potere e La libertà (Власть и Свобода)	VIII.3.	403	1,13
Saggezza / Stoltezza, Follia (Разумность / Глупость, Безумие)	IX.23.	402	1,13
Contrattazioni, Commerci (Соглашения, Торговля)	VII.7.	384	1,08
Il destino (Судьба)	X.1.	374	1,05
Ponderatezza, Calma / Precipitazione, Impulsività (Уравновешенность, Спокойствие / Стремительность, Импульсивность)	IX.19.	366	1,03
I gusti, Le preferenze, I desideri, Gli interessi, Le passioni (Вкусы, Предпочтения, Желания, Интересы, Страсти)	IV.3.	364	1,02
Coraggio, Eroismo, Magnanimità / Paura, Viltà, Remissività (Мужество, Героизм, Великодушие / Страх, Трусость, Покорность)	IX.8.	337	0,95
Prudenza, Accortezza / Imprudenza, Temerarietà (Осторожность, Предусмотрительность / Неосторожность, Опрометчивость)	IX.21.	314	0,88
Carità, Generosità; Pietà (Благотворительность, Щедрость; Сострадание)	IX.7.	302	0,85
La vecchiaia (Старость)	III.9.	295	0,83
La famiglia e I parenti (Семья и Родственники)	III.7.	285	0,80

Продолжение таблицы 3В

1	2	3	4
Le leggi e L'amministrazione della giustizia (Законы и Правосудие)	VIII.5.	280	0,79
Astuzia, Inganni (Хитрость, Обман)	IX.4.	279	0,78
Lo stato (Государство)	VIII.4.	266	0,75
Superbia, Presunzione / Umiltà; Pusillanimità (Гордость, Самомнение / Покорность; Мало- лодушие)	IX.26.	249	0,70
Prestiti, Debiti, Crediti (Предоставление в долг, Долги, Кредиты)	VII.6.	242	0,68
Norme e Osservazioni per la vita quotidiana (Правила и Наблюдения повседневной жизни)	V.6.	237	0,67
Il campo (Поле)	II.2.	235	0,66
Allegria, Felicità, Piaceri, Divertimenti / Tristezza, Malinconia (Радость, Счастье, Удовольствие, Развлече- ния / Печаль, Меланхолия)	X.3.	226	0,63
Relazioni di ostilità (Отношения вражды)	VI.4.	225	0,63
La vigna (Виноградник)	II.4.	224	0,63
Consigli, Rimproveri (Советы, Упреки)	VI.6.	217	0,61
Gli animali selvatici (Дикие животные)	II.11.	215	0,60
Parsimonia / Prodigalità (Бережливость / Расточительство)	IX.17.	211	0,59
Guerre, Sedizioni, Tumulti (Войны, Мятежи, Беспорядки)	VIII.6.	208	0,58
L'abbigliamento e La cura del corpo (Одежда и Уход за телом)	V.2.	200	0,56
Le stagioni (Времена года)	I.2.	185	0,52
Sorti e Condizioni degli uomini (Судьбы и Положения людей)	VIII.1.	180	0,51
Previdenza / Imprevidenza (Предусмотрительность / Непредусмотрительность)	IX.20.	170	0,48
Fiducia / Diffidenza (Доверие / Недоверие)	IX.9.	169	0,47

Продолжение таблицы 3В

1	2	3	4
Il tempo (Время)	X.8.	165	0,46
L'orto e Il giardino (Огород и Сад)	II.3.	160	0,45
Reputazione, Onore, Fama, Gloria (Репутация, Честь, Известность, Слава)	IX.22.	154	0,43
L'infanzia, La fanciullezza e La crescita (Младенчество, Детство и Рост)	III.2.	150	0,42
Il frutteto (Фруктовый сад)	II.6.	149	0,42
La gioventù (Молодость)	III.3.	148	0,41
Ira, Collera; Minacce (Гнев, ярость; угрозы)	IX.13.	147	0,41
Le abitudini; Gli usi, Le consuetudini (Привычки; Обычаи, Традиции (Нравы))	IV.4.	143	0,40
Il gioco (Игра)	VI.8.	138	0,39
La nascita, Il parto (Рождение, Роды)	III.1.	134	0,38
La luna e Il sole (Луна и Солнце)	I.5.	129	0,36
Amministrazione e custodia dei beni, Spese (Администрирование и хранение имущества, Расходы)	VII.3.	119	0,33
Avarizia (Жадность)	IX.5.	118	0,33
L'amicizia (Дружба)	VI.2.	118	0,33
Necessità, Bisogni (Потребности, Желания)	X.5.	118	0,33
Gratitudine / Ingratitudine (Благодарность / Неблагодарность)	IX.10.	116	0,33
Speranze, Sogni (Надежды, Мечты)	X.6.	115	0,32
L'anno (Год)	I.1.	113	0,32
Il bosco (Лес)	II.7.	108	0,30
La caccia e La pesca (Охота и Рыбалка)	II.12.	78	0,22

Окончание таблицы 3В

1	2	3	4
Proprietà (Собственность)	VII.2.	76	0,21
Il prato, Il fieno (Луг, Сено)	II.8.	62	0,17
Passaggi di proprietà; Perdita della proprietà; Tasse (Приобретение собственности; Потеря собственности; Налоги)	VII.9.	61	0,17
Giorni della settimana (Дни недели)	I.4.	60	0,17
Adulazione (Лесть)	IX.2.	59	0,17
L'oliveto (Оливковая роща)	II.5.	58	0,16
La gestione della proprietà agricola, i rapporti di lavoro in campagna (Ведение сельского хозяйства, трудовые отношения в деревне)	II.10.	53	0,15
Ambizione (Честолюбие)	IX.3.	41	0,12
Altri vizi e virtù (Другие пороки и добродетели)	IX.27.	36	0,10
La vedovanza (Вдовство)	III.8.	31	0,09
Acquisto del patrimonio (Покупка имущества)	VII.1.	17	0,05
Altri proverbi sulla natura (Другие пословицы о природе)	II.13.	3	0,01
Итог		35617	100

ТАБЛИЦА 4В. – Объем и ранги тематических объединений паремий в словаре «Die schlesischen Sprichwörter und Redensarten» К. Ротера

Название ТО	Раздел	Количество паремий	%
Die Körperteile und ihre Verrichtungen (Части тела и их функции)	2А	1475	6,34
Reden und Schweigen (Речь и молчание)	2Ва2	978	4,20
Tiere (Животные)	1	810	3,48
Vergleiche (Сравнения)	2Ва2	764	3,28
Essen (Питание)	2А	723	3,11
Tadel und Ermahnung (Порицание и наставление)	2Вс	627	2,70
Trinken (Питьё)	2А	590	2,54
Die Zeit (Время)	1	557	2,39
Ausrufe (Восклицания)	2Ва2	456	1,96
Dummheit, Narrheit (Глупость, слабоумие)	2Ва1	408	1,75
Abweisungen (Отказы)	3В	371	1,60
Arbeit, Selbst schaffen (Работа)	2Вс	363	1,56
Erfahrung (Опыт)	2Ва1	343	1,47
Wettersprüche (Изречения о погоде)	1	337	1,45
Kalendersprüche (Изречения о календаре)	1	336	1,44
Die Kleidung (Одежда)	2А	325	1,40
Tod und Begräbnis (Смерть и погребение)	2А	319	1,37
Spielerworte (Слова игрока)	3В	296	1,27
Drohungen (Угрозы)	2Вс	294	1,26

Продолжение таблицы 4В

1	2	3	4
Scherz (Балагурство)	2Вв1	290	1,25
Spott (Насмешка)	2Вв2в2	279	1,20
Geld (Деньги)	3В	271	1,17
Lob (Хвала)	2Вс	269	1,16
Trost (Утешение)	2Вв2в2	247	1,06
Schläge (Удары)	2Вс	241	1,04
Glück, Unglück (Счастье Несчастье)	2Вв1	232	1,00
Frohsinn (Жизнерадостность)	2Вв1	228	0,98
Hochmut, Dünkel (Высокомерие. Самомнение)	2Вв2в1	227	0,98
Krankheit (Болезнь)	2А	214	0,92
Ortsneckerei (Местные дразнилки)	3В	211	0,91
Faulheit (Лень)	2Вс	208	0,89
Mißmut (Досада)	2Вв1	207	0,89
Teufel (Дьявол)	2Вв2в4	207	0,89
Lüge, Schein. Heuchelei (Ложь. Притворство. Лицемерие)	2Вв2а	202	0,87
Stehende Antworten (Типичные ответы)	2Ва2	200	0,86
Klage(Сетование)	2Вв1	199	0,86
Landwirtschaft (Сельское хозяйство)	3Д	193	0,83
Armut. Not. Betteln (Бедность. Нужда. Попрошайничество)	3В	188	0,81
Wissen (Знание)	2Ва1	186	0,80
Klugheit (Мудрость)	2Ва1	183	0,79

Продолжение таблицы 4В

1	2	3	4
Umschreibungen (Перифразы)	2Ba2	178	0,77
Tücke (Коварство)	2Bв2в3	168	0,72
Geiz (Скупость)	3В	167	0,72
Jugend und Alter (Молодость и Старость)	2А	164	0,71
Zorn, Fluchen (Гнев. Ругань)	2Bв2в2	164	0,71
Sorge (Беспокойство)	2Bв1	160	0,69
Geduld, Ungeduld, Laster (Терпение)	2Bв2в4	159	0,68
Sparsamkeit (Бережливость)	3В	153	0,66
Denken (Мышление)	2Ba1	149	0,64
Handel (Торговля)	3Д	142	0,61
Gestalt (Внешность)	2А	141	0,61
Fremdworte im Sprichworte (Иностранные слова в пословицах)	2Ba2	135	0,58
Erziehung (Воспитание)	2Bc	131	0,56
Besuch (Посещение)	3В	127	0,55
Gleichheit, Gruß (Равенство)	3В	124	0,53
Der Nächste, Der Andere (Ближкий. Чужой)	3В	123	0,53
Vorsicht, Taten statt Worten (Осторожность)	2Bc	120	0,52
Besonnenheit (Благоразумие)	2Ba1	117	0,50
Liebe (Любовь)	3А	114	0,49
Veranlagung (Задатки)	2Bc	110	0,47
Wortspiele (Игра слов)	2Ba2	108	0,46
Heimat	3В	107	0,46

Продолжение таблицы 4В

1	2	3	4
(Родина)			
Diebstahl (Воровство)	2Вв2В3	106	0,46
Verschwendung (Расточительство)	3В	104	0,45
Vorteil (Прибыль)	3В	103	0,44
Eg (Он)	3А	101	0,43
Freigebigkeit (Щедрость)	2Вв2В2	100	0,43
Schreck (Страх)	2Вв1	96	0,41
Ungewißheit (Неуверенность)	2Вв2а	96	0,41
Gott (Бог)	2Вв2В4	96	0,41
Recht und Gerechtigkeit (Право и справедливость)	2Вв2В3	95	0,41
Das Weib (Жена)	3А	94	0,40
Mut (Мужество)	2Вв2В1	93	0,40
Reichtum, Überfluß (Богатство. Изобилие)	3В	90	0,39
Eigensinn. Trotz (Упрямство. Упорство)	2Вс	87	0,37
Das Kind (Ребенок)	3А	85	0,37
Ordnung, Unordnung (Порядок. Беспорядок)	3В	85	0,37
Heirat (Бракосочетание)	3А	84	0,36
Frömmigkeit (Благочестие)	2Вв2В4	82	0,35
Umgang (Знакомство)	3В	81	0,35
Wollen (Желания)	2Вс	80	0,34
Kränzel verloren (Потеря девственности)	3А	78	0,34
Freundschaft (Дружба)	3В	76	0,33

Продолжение таблицы 4В

1	2	3	4
Grobheit (Грубость)	2ВВ2В2	74	0,32
Beteuerung (Заверение)	2ВВ2а	72	0,31
Pflanzen (Растения)	1	71	0,31
Schönheit (Красота)	3А	71	0,31
Schulden (Долги)	3В	70	0,30
Furcht (Боязнь)	2ВВ1	69	0,30
Sie (Она)	3А	68	0,29
Herr (Господин)	3Д	68	0,29
Gunst (Милость)	2ВВ2В2	65	0,28
Rat (Совет)	2ВВ2В2	63	0,27
Anrufung (Вызов)	2ВВ2В4	63	0,27
Betrug (Мошенничество)	2ВВ2В3	61	0,26
Angst (Страх)	2ВВ1	57	0,25
Schmeichelei (Лесть)	2ВВ2В2	57	0,25
Leben (Жизнь)	2А	56	0,24
Prahlerei (Хвастовство)	2ВВ2В1	56	0,24
Zufriedenheit (Удовлетворение)	2ВВ1	54	0,23
Wert (Ценность)	2ВВ2а	52	0,22
Unglückliche (Несчастные)	3А	52	0,22
Bauer (Крестьянин)	3Д	52	0,22
Schadenfreude, Neid (Злорадство. Зависть)	2ВВ2В2	51	0,22

Продолжение таблицы 4В

1	2	3	4
Zank (Брань)	2ВВ2В2	49	0,21
Langsam (Медлительность)	2Вс	49	0,21
Ehre, Guter Name (Честь)	2ВВ2В1	48	0,21
Dank (und Undank) (Благодарность)	3В	48	0,21
Glaube; glauben. Aberglaube (Вера, верить. Суеверие)	2ВВ2В4	46	0,20
Der Kuss (Поцелуй)	3А	46	0,20
Bestechung (Взяточничество)	2ВВ2В3	45	0,19
Gesundheit (Здоровье)	2А	44	0,19
Mitgefühl (Сострадание)	2ВВ2В2	44	0,19
Schwangerschaft (Беременность)	3А	44	0,19
Feindschaft (Вражда)	3В	44	0,19
Die Welt (Мир)	1	43	0,18
Haben (Кредиты)	3В	43	0,18
Verlangen (Потребность)	2Вс	42	0,18
Untreue (Неверность)	3А	42	0,18
Bescheidenheit (Скромность)	2ВВ2В1	39	0,17
Versprechen (Обещание)	2ВВ2В3	39	0,17
Verlangen (Вожделение)	3А	38	0,16
Zweifel (Сомнение)	3А	38	0,16
Wahrheit (Правда)	2ВВ2а	36	0,15
Himmel (Небеса)	2ВВ2В4	36	0,15

Продолжение таблицы 4В

1	2	3	4
Mundartneckerei (Диалектные дразнилки)	3В	36	0,15
Mitgift (Приданое)	3А	35	0,15
Staunen (Удивление)	2Вв1	34	0,15
Selbstbewusstsein (Чувство собственного достоинства)	2Вв2в1	32	0,14
Entschuldigung (Nachgiebigkeit) (Извинение (Уступчивость))	2Вв2в2	32	0,14
Der Mann (Муж)	3А	32	0,14
Bitte (Просьба)	3В	32	0,14
Zu wenig (Недостаток)	2Вс	30	0,13
Verspätet (Задержка)	3А	30	0,13
Jagd und Fischerei (Охотник и рыбак)	3Д	30	0,13
Mißtrauen (Недоверие)	2Вв2а	29	0,12
Gewohnheit (Привычка)	2Вс	29	0,12
Zustimmung (Одобрение)	2Вс	29	0,12
Diener (Слуга)	3Д	29	0,12
Glückliche (Счастливые)	3А	27	0,12
Schiffart. Fluß. Meer (Корабельщик. Река. Море)	3Д	27	0,12
Gegensätze (Противопоставления)	2Ва2	26	0,11
Hoffnung (Надежда)	2Вв1	26	0,11
Müssen (Долг)	2Вс	26	0,11
Ehe (Супружество)	3А	26	0,11
Die Gestirne (Звезды)	1	25	0,11

Продолжение таблицы 4В

1	2	3	4
Verwandtschaft (Родство)	3В	25	0,11
Weibersterben (Смерть жены)	3А	24	0,10
Schneider. Schuhmacher (Портной. Сапожник)	3Д	24	0,10
Gewissen (Совесть)	2Вв2в4	23	0,10
Können (Умения)	2Вс	21	0,09
Ruhe (Отдых)	2Вс	21	0,09
Tugend (Добродетель)	2Вв2в4	19	0,08
Heilige (Святой)	2Вв2в4	18	0,08
Die Erde (Земля)	1	17	0,07
Gelegenheit (Возможность)	2Вс	16	0,07
Taufe (Крещение)	3А	16	0,07
Nachbar (Сосед)	3В	14	0,06
Eigennutz (Корыстолюбие)	3В	14	0,06
Arzt. Apotheker (Врач. Фармацевт)	3Д	14	0,06
Maurer. Zimmermann (Каменщик. Плотник)	3Д	14	0,06
Hölle (Ад)	2Вв2в4	13	0,06
Wunderliches Paar (Чудная пара)	3А	12	0,05
Amt (Служба)	3Д	12	0,05
Müller. Böttcher (Мельник. Бондарь)	3Д	12	0,05
Schäfer. Schornsteinfeger (Пастух. Трубочист)	3Д	11	0,05

Werbung (Сваатовство)	3А	10	0,04
Vorbedeutung (Предвестие)	3А	9	0,04
Pfarrer (Священник)	3Д	9	0,04
Richter. Advokat (Судья. Адвокат)	3Д	7	0,03
Handwerk (Ремесло)	3Д	7	0,03
Schmied (Кузнец)	3Д	6	0,03
Barbier. Steinmetz (Парикмахерская. Каменотёс)	3Д	6	0,03
Schinder. Töpfer (Живодер. Гончар)	3Д	5	0,02
Gelehrte (Ученый)	3Д	3	0,01
Weber. Bergmann (Ткач. Горняк)	3Д	2	0,01
Schlosser (Слесарь)	3Д	1	0,00
Итог		23259	100